ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫ
Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ

Бес томдық шығармалар жинағы

5 том

ҚАЗАҚ СОВЕТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯСЫНЫҢ
БАС РЕДАКЦИЯСЫ
Алматы 1985

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

11 85-2
91-1

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Собрание сочинений в пяти томах

том 5

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
Алма-Ата 1985

63.3.(2К)
В15

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ж. М. АБДИЛЬДИН
З. А. АХМЕТОВ
М. К. КОЗЫБАЕВ
Б. Е. КУМЕКОВ
А. Х. МАРГУЛАН (ответ. редактор)
Г. М. МУСРЕПОВ
Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ
Б. А. ТУЛЕПБАЕВ

СОСТАВИТЕЛИ

Э. И. Герасимова
И. В. Ерофеева
Х. А. Кауанова
В. Н. Настич

Валиханов Ч. Ч.

В15 Собрание сочинений в пяти томах.— Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии:
Том 5. 1985—528 с., 21,5 см., 45 илл.

Настоящее издание является завершающим томом 5-томного Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова. В него вошли документы из биографии семьи Чокана, материалы о его служебной и научной деятельности, переписка, а также статьи и заметки о нем современников, коллег и друзей. В пятый том включен ряд материалов, не публиковавшихся ранее или не вошедших в прежнее издание ССВ. Том снабжен научно-справочным аппаратом, комментариями, иллюстрациями. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

63.3(2К)+63,5

$\text{В}\frac{0505040000-006}{406(07)-85}$ 014.85

2-е изд. Дополненное и переработанное

© Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В пятый том нового Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова входят документы и материалы о жизни и деятельности ученого, характеризующие его семейное и общественное окружение, служебный и научный рост, участие в социальной и юридической жизни России и Казахстана третьей четверти XIX в. Основная часть материалов публикуется по тексту ССВ, т. 4, 1968, подготовленному академиком А. Х. Маргуланом.

Том открывают архивные документы, относящиеся к биографии семьи Валиханова — его деда Вали, бабушки Айганым и отца Чингиса. Раздел значительно сокращен по сравнению с прежним изданием: вновь публикуются лишь основные материалы, касающиеся различных сторон жизни и деятельности родственников Чокана.

Разделы, включающие материалы служебной и научной биографии Ч. Ч. Валиханова, воспроизводятся полностью, но располагаются в более строгом, чем прежде, хронологическом и тематическом порядке. Под рубрикой «В Русском географическом обществе» помещены некоторые материалы, не вошедшие в прежнее издание ССВ.

Заметно дополнен раздел «Переписка», в который, кроме ранее опубликованных, вошли письмо А. Н. Майкова Валиханову, два письма Чокана Г. А. Колпаковскому, а также серия писем и отчетов Мусабая, возглавлявшего караван, с которым Ч. Валиханов шел в Кашгар (1859 г.).

Основную часть тома как по объему, так и по содержанию составляют статьи и заметки о Ч. Ч. Валиханове его современников, коллег и друзей, в большинстве своем опубликованные в дореволюционной печати.

Завершает том небольшая подборка документов о сооружении памятника Чокану на его родине, также дополненная новыми материалами.

Как и предыдущие тома, пятый том снабжен подробными ссылками на места хранения архивных оригиналов и прежние публикации издаваемых материалов, необходимыми биографическими и предметно-историческими комментариями, именным, географичес-

ким и этническим указателями. В тексте тома помещено более 40 фотоиллюстраций.

Дополнительную работу по обработке и комментированию материалов тома провели В. Н. Настич, И. В. Ерофеева и Л. И. Копылова. Последние письма Чокана к Г. А. Колпаковскому, не вошедшие в прежнее издание ССВ, подготовлены по архивным оригиналам М. С. Турсуновой, письма Мусабая и Исмаила Габдулмажитова — Дж. Х. Кармышевой. Указатели составлены И. В. Ерофеевой, Л. И. Копыловой и М. М. Ярмухамедовым. Иллюстративный материал подготовили С. К. Утениязов и К. А. Власов.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СЕМЬИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ДЕД ЧОКАНА ВАЛИ

Повелительная грамота от 25 февраля 1782 года Средней киргиз-кайсацкой орды к салтанам, старшинам и всему народу

Об утверждении Валия-салтана ханом сей орды и о построении мечетей для богослужения сего народа на границах, прилегающих к кочевью Средней киргиз-кайсацкой орды. Нашего императорского величества подданным Средней киргиз-кайсацкой орды совета нам, старшинам и всему народу, наша императорская милость.

К нашему высочайшему императорскому престолу представлено было всеподданнейшее прошение начальствующего в Средней киргиз-кайсацкой орде Валия-салтана, поданное через нарочно присланного брата его Ишим-салтана со старшинами, причем он, Вали-салтан, донесши по долгу своего подданства о воспоследовавшем избрании и наречении его, Валия-салтана, ханом по древнему киргиз-кайсацкому обыкновению, просил на то монаршего нашего подтверждения.

А как о должной к нам, великой государыне, верности его. Валия-салтана, и всегдашнем рачении к содержанию в порядке и спокойствии подвластных киргиз-кайсаков неоднократные засвидетельствования были от наших пограничных начальников, о чем и нам, великой государыне, нашему императорскому величеству, по всеподданнейшим докладам нашего министерства довольно известно, и такое его доброе поведение по всемилостивейшему нашему императорскому благоволению нас касается, то, мы, великая государыня, снисходя на прошение его, Валия-салтана, в воздаяние должной его верности и в оказание императорского нашего к нему удовольствия, за благо и справедливость почтя, удостоили его императорской нашей грамоты в приобретенном им вновь ханском достоинстве и вследствие того, по установленному обыкновению, повелели дать ему и приличные на ханство знаки, как-то: жалованную грамоту за императорскою нашею печатью, саблю с надписью, шубу соболью и шапку черной лисицы.

Равно милосердуя, мы, великая государыня, наше императорское величество, и о всем нашем подданном киргиз-кайсацком народе, всемилостивейше повелели построить киргиз-кайсацкому народу для отправления свойственного их обыкновению богослужения, на границах, прилеглых к кочевью Средней киргиз-кайсацкой орды, мечети, выбрать к тому удобные места, по усмотре-

нию и назначению отправляющего должность нашего уфимского и симбирского генерал-губернатора, генерал-поручика и кавалера Якобия.

А между тем сим дается знать о нашем монаршем высочайшем соизволении всем салтанам, старшинам и народу Средней киргиз-кайсацкой орды с присовокуплением точным нашим повелением ему, Валию, как признанному и подтвержденному от нашего императорского престола ханом в помянутой Средней орде, отдавать надлежащее почтение во всем том, что будет следовать и касаться к пользе народа киргиз-кайсацкого, благоустройства и нашей императорской службы.

Впрочем, мы, великая государыня, наше императорское величество ко всем салтанам, старшинам и ко всем вообще в Средней орде принадлежащим племенам и народу и впредь по мере доброго их и спокойного обращения нашей императорской милостию благосклонны пребудем.

Обряд торжества по случаю утверждения Вали ханом Среднего жуза и приведения его к присяге

1 ноября [*1782 г.*]

1. Накануне того же дня правящий должностию уфимского и симбирского генерал-губернатора генерал-поручик и кавалер Якобий о начинаемом на утре торжестве уведомляет Валия-султана, дав притом знать и командующему Сибирскою линиею господину генерал-поручику Николаю Гавриловичу Агареву то, чтоб он от себя возвестил о том в городе.

2. День торжества сего поутру в 8 часов должен быть ознаменован тремя пушечными выстрелами, по которому адъютант имеет быть отправлен к Валию-султану с уведомлением начинаемого торжества, чтоб он изволил со всеми султанами, старшинами их, с прочим народом к прибытию посылаемого за ним экипажа приготовиться, для чего и перевод с обряда с тем адъютантом препровождается к нему.

3. Для принятия Валия-султана из лагеря и для препровождения в крепость (св. Петра) посылается к нему штаб-офицер с экипажем в 6 лошадей и с ним для параду конвой при одном обер-офицере, конных 20 человек драгун и то же число казаков, а по прибытии и при засвидетельствовании обыкновенного комплемента штаб-офицер докладывает султану, правящему должность генерал-губернатору для учинения по своей обязанности всеподданнической присяги в утверждаемом ханском достоинстве и для получения всемилостивейше жалуемых ему знаков, для чего и переводчик в ассистенции с ним быть должен.

4. Драгунские эскадроны, состоящие в здешней крепости, исключая нужных и необходимых караулов, по повелению ко-

мандующего здесь господина генерал-поручика Николая Гавриловича Агарева должны быть созваны пешими со знаменами в крепость под распоряжение наряжаемого с ними штаб- или обер-офицера и поставлены фронтом, начиная от канцелярских покоев и примыкая левым флангом к крепости, как местоположение способнее позволит устроиться. Знамена же во время султанского в крепость прибытия должны быть при генеральном фронте.

5. При въезде Валия-султана в форштадт и за рогатку, как от местного двора въедет, для чести его выпалено быть имеет из приготовленных орудиев 5 выстрелов, а когда изволит он въехать в крепость, то военные команды и все караулы делают ему на караул с барабанным боем при звуке труб и литавр с таким распоряжением, что как скоро экипаж его остановится на месте, то всякой тот звук умолкнет. Караулы и все команды делают на плечо, однако ж по учинении сей чести во время султанского следования где карета остановится, то командующий эскадронами тотчас должен подъехать к экипажу и, сделав салютацию, препроводить до места, а при выходе его уже из кареты должен возвратиться к команде и сказать на плечо.

6. При выходе [Валия] из кареты другой штаб-офицер его принимает, отступя несколько от кибитки, встречает его господин бригадир и кавалер Федцов, а за ним вслед оба господина генерал-поручики с прочими штаб- и обер-офицерами и имеющимся у них штабом выходят к нему для встречи при обыкновенном на сей раз приветствии, вводят его в ставку, где просят садиться следующим порядком: султан в кресле, по правую сторону и подле него братья и прочие султаны. С другой стороны — правящий должность генерал-губернатора, подле него — командующий здесь господин генерал-поручик, подле оного — господин бригадир и кавалер Федцов, за ними — штаб-офицеры, кои должностями не заняты, а старшины, если места не достанет, садятся по их обыкновению на полу, на постланных коврах.

7. По окончании разговоров, если какие случатся, правящий должность генерал-губернатора предлагает учинить исполнение по силе высочайшего ея императорского величества повеления, а между тем от ставки в нескольких саженях приготовлено быть имеет место, вокруг которого устраиваются киргизские султаны, старшины и прочий народ, сколько быть их может, полуциркулем для выслушивания всемилостивейше жалуемого на ханское достоинство патента, читаемой им, султанам, всеподданнейшей присяги и присланной к ним, султанам и старшинам, [для] утверждения его в сем звании по их прошению высочайшей грамоты.

8. Потом правящий должность генерал-губернатора с султаном и со всем собранием выходит на приготовленное место и через переводчика всем султанам и старшинам в коротких словах объявляет, что его императорское величество всемилостивейшая государыня из высочайшего милосердия по их избранию и всеподданнейшему прошению Валия-султана киргиз-кайсацким Средней

орды ханом всемилостивейше конфирмовать изволила и на то ханское достоинство пожаловала ему патент и особливые знаки высочайшей своей милости и что они тот ханский патент все внятно слушали тако: читается он сперва на русском, а потом через ахуна или переводчика на татарском языке.

9. После того предлагается ему о учинении присяги с коленопреклонением, для того с кураном приготовленной, вслух всему народу читает оную по присланной из правительствующего сената форме, по окончании целует он куран и прикладывает к оной свою печать.

10. Затем через асессора и двух чиновников надевается на него присланная шуба и сабля, а шапку правящий должность генерал-губернатора также и патент вручает ему сам, из которых первые должен он по своему обыкновению тотчас же и надеть, а последнюю поцеловать и поднять над головой.

11. Наконец, султанам, биям и старшинам и всему народу читана быть имеет высочайшая грамота, присланная к ним, на русском и татарском языках, по прочтении которой следует от всего собрания поздравление и [затем она] возвращается в ставку.

12. Сей торжественный акт должен быть записан в журнале следующими словами: 1782 года ноября 1 дня во исполнение высочайшей ее императорского величества конфирмации, последовавшей на всеподданнейшее прошение киргиз-кайсацкой Средней орды султанов, старшин и всего народа в 14 день февраля сего года, избранный ими на место умершего Аблай-султана в ханы его сын Валий-султан генерал-поручиком, правящим должность уфимского и симбирского генерал-губернатора и кавалером Якобием, чрез ахуна и депутата Мурзу Яаушева сего ноября 1 числа на Сибирской линии в крепости Святого Петра приведен на ханское достоинство, ко всеподданнейшей присяге и торжественно утвержден в сем звании при присутствии командующего на Сибирской линии господина генерал-поручика Агарева, господина бригадира и кавалера Федцова, в присутствии состоящих в сей крепости штаб- и обер-офицеров и при личном зрении и свидетельстве всех киргиз-кайсацкой Средней орды лучших султанов, биев, старшин и черного народа.

Каковой акт в копии и нужно приобщить для незабвенной памяти к делам здешней заграничной экспедиции, а для неувядаемой славы благодеящей монархини и во изъявления благодарности за матернее ея императорского величества попечение о благоденствии должен сей акт ознаменован быть выстрелами из ста орудий и ружей троекратно беглым огнем, продолжая последние выстрелы. (30 пушечных выстрелов) при звуке труб и литавр с барабанным боем. В сие время знамена должны перенесены быть в эскадроны и преклонены.

13. Между тем в доме правящего должность генерал-губернатора приготовлен быть имеет стол, за которым хан с султанами

и лучшими старшинами, с генерал-поручиком и бригадиром также и штаб-офицерами кушать изволят, а прочие старшины с офицерами в других за утеснением покоев ставках. Для черного же киргизского народа, которого в крепость с ханом соберется особенно, дается трактамент, так как и тем, которые останутся в лагере, отослана будет порция.

При столе произведены будут пушечные выстрелы при питии здоровья: ея императорского величества, верноподданных ея императорского величества, новоутвержденного Валия-хана со всем вверенным ему народом.

Во время продолжения стола продолжится камерная музыка. Услуга в комнатах учреждена быть имеет по обыкновению.

После стола отдается на рассуждение хана, сколько пробыть тут изволит.

БАБУШКА ЧОКАНА АЙГАНЫМ

Представление Главного управления Западной Сибири в Сибирский комитет

12 августа 1823 г., № 459, г. Тюмень[*1]

Владелица киргиз-кайсацкой Средней орды покойного хана Валия Аблайханова жена вдова Айханым в ноябре месяце прошлого 1822 года, изъявляя желание сблизиться с границами нашими своим местожительством[1], просила об отводе ей для постоянного кочевья места вверх по реке Ишиму, где бы она могла поместиться с подведомственными ей кайсаками Худайберды-Атыгаевской[2] и Увак-Кереевской[3] волостей.

В уважение настояния сего предписал я петропавловскому коменданту удостовериться от нее подробно: какие именно места она себе предназначает и в каком от линии расстоянии, между тем предварив ее, что по получении нужного по сему сведения, я буду ходатайствовать у высшего начальства об отводе ей места и дозволении выстроить ей мечеть и дом.

Петропавловский комендант по сделанному ему поручению, получив от вдовы Аблайхановой Айханым письмо, донес мне, что для означенной постройки избрала она место на урочище Аютасе, где имеют зимовья свои волости: рысай и баимбет[4] атыгеевские кайсаки, лежащие противу крепости Пресновской[5] при реке Ишиме (которое, однако же, избрали для поселения Новгородской и Курской губерний крестьяне).

Желая достоверно узнать места, избираемые Айханым, и чтобы доставить новозаселенцам из Новгородской и Курской губерний места, на основании высочайшего позволения, в учреждении об управлении сибирских губерний изъясненного, прибывшим к приисканию мест, выгодных для хлебопашества и домообзаводства, я в первых числах прошедшего июня командировал члена войсковой канцелярии Сибирского линейного казачьего войска войскового старшину Леденева и с ним вместе одного офицера, предписав ему, чтоб он сделал в присутствии означенной ханши местам описание и, сняв оные на план со всеми их угодьями, представил мне. Г. Леденев 16 числа прошедшего июля донес мне, что ханша Айханым, собрав подведомственных ей кайсаков Атыгаевской и Ногай-Караульской волостей[6] при султане Тортае Чингисове, единогласно утвердили иметь зимовку в средоточии

[*1] На полях помета: *П[олучено] 1 сентября 1823 г.*

сих волостей не в урочище Аютас, а у камня и озера урочища Сырымбет; первая из волостей занимать будет зимовки от самого Сырымбета по реке Ишиму на Сибирской линии до редута Ново-Никольского, а последняя — по реке Бурлуку и за камень Сырымбет по лесам. Доводя о желании упоминаемой вдовы хана Валия Айханым до сведения Сибирского комитета и считая со своей стороны не бесполезным удовлетворить намерение ее, покорнейше прошу об исходатайствовании разрешения на постройку для постоянного пребывания вдовы хана Валия Айханым и семейства ее небольшого дома и при оном мечети для богослужения в пять тысяч рублей из остатков сумм (шестидесяти двух тысяч рублей), ассигнованных на два внешние округа Омской области; при настоящем устройстве сих округов предприятие сие послужить может наилучшим поощрением к оседлой жизни и прочим значительным султанам и их подчиненным, тем более что я предполагаю при открытии Омской области учредить первый округ в Кайсацкой степи при старшем сыне хана Валия султане Габайдулле, которого кочевья от оных мест не в дальнем расстоянии.

Генерал-губернатор Западной Сибири
генерал-лейтенант *Капцевич*

Управляющий пограничными делами
коллежский асессор (подпись)

Решение Сибирского комитета о постройке дома Айганым Валиевой*[2]

19 декабря 1823 г.

Генерал-губернатор Западной Сибири представляет, что вдова бывшего владельца кайсацкой Средней орды хана Вали, изъявляя желание сблизиться с линиями нашими своим жительством, просит об отводе ей для постоянного кочевья места вверх по реке Ишиму, где могла бы она поместиться с подведомственными ей кайсаками Худайберды-Атыгаевской и Увак-Кереевской волостей.

По собранным чрез линейное начальство надлежащим образом сведениям, по обозрении мест, на той же реке Ишиме избираемых переселяющимися туда из некоторых внутренних губерний крестьянами, и по желанию вдовы хана Вали и подвластных ей инородцев, избраны для водворения их места у камня и урочища Сырымбета по реке Ишиму до редута Ново-Никольского, на Сибирской линии состоящего, и по реке Бурлуку за камень Сырымбет, в лесах.

---

*[2] На полях помета: *Сибирский комитет. Рассмотрение о водворении вдовы киргизского хана Вали. Присутствие 19 декабря 1823 г., № 70. На подлинном рукой графа Аракчеева написано: «Высочайше утверждено в С.-Петербурге 28 января 1824 г.»*

Генерал-губернатор, признавая удобным и полезным удовлетворить означенную просьбу отводом сих земель во владение тех волостей, полагает для вящего утверждения их там построить вдове хана Вали и семейству ее небольшой дом и мечеть ценою в пять тысяч рублей из остатков суммы, ассигнованной в числе 62 тыс. рублей в 1823 г. на введение порядка в Кайсацкой степи. Сие тем более находит он выгодным, что при настоящем устройстве внешних округов Омской области водворение знатнейшего в степи семейства послужит наилучшим примером и поощрением к оседлой жизни для прочих значительных султанов и подчиненного им народа, также при открытии Омской области предполагает он учредить первый округ в Киргизской степи при старшем сыне хана Вали султане Габайдулле, кочующем от означенных мест не в дальнем расстоянии.

Сибирский комитет, рассмотрев сие предположение, признал оное заслуживающим полного уважения по важной пользе, произойти от него могущей, и полагает утвердить его во всей силе, испросив на сие высочайшее соизволение.

Подлинный за подписанием членов Сибирского комитета.
Верно: коллежский секретарь (подпись)

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из правительствующего сената

30 апреля 1824 г.[*3]

Господину тобольскому и томскому генерал-губернатору, генералу от инфантерии и кавалеру Петру Михайловичу Капцевичу.

По указу его императорского величества правительствующий сенат, слушав рапорт господина министра финансов, коим изъясняется, что господин генерал от артиллерии граф Аракчеев сообщил ему статьи, с высочайше утвержденных в 28 день января сего года положений Сибирского комитета:

1. Об отводе земли командам в Сибири.
2. О водворении вдовы кайсацкого хана Вали.

Генерал-губернатор Западной Сибири представляет, что вдова бывшего владельца кайсацкой Средней орды хана Вали, изъявляя желание сблизиться с линиями нашими своим жительством, просит об отводе ей для постоянного кочевья места вверх по реке Ишиму, где могла бы она поместиться с подведомственными ей кайсаками Худайберды-Атыгаевской и Увак-Кереевской волостей. По собранным через линейное начальство надлежащим образом сведениям, по обозрении мест на той же реке Ишиме, избираемых

[*3] Указ подписан 28 января 1824 г. Александром I.

переселяющимися туда из некоторых внутренних губерний крестьянами, и по желанию вдовы хана Вали и подвластных ей инородцев, избраны для водворения их места у камня и урочища Сырымбет по реке Ишиму до редута Ново-Никольского, на Сибирской линии состоящего, и по реке Бурлуку за камень Сырымбет, в лесах. Генерал-губернатор, признав удобным и полезным удовлетворить означенную просьбу отводом сих земель во владение тех волостей, полагает для вящего утверждения их там построить вдове хана Вали и семейству ее небольшой дом и мечеть ценой в пять тысяч рублей из остатков суммы, ассигнованной в числе шестидесяти двух тысяч рублей в 1823 г. на наведение порядка в Кайсацкой степи. Сие тем более находит он выгодным, что при настоящем устройстве внешних округов водворение знатнейшего в степи семейства послужит наилучшим примером и поощрением к оседлой жизни для прочих значительных султанов и подчиненного им народа, также при открытии Омской области предполагает он учредить первый округ в Кайсацкой степи при старшем сыне хана Вали султане Габайдулле, живущем от означенных мест не в далеком расстоянии. Сибирский комитет, рассмотрев сие предположение, признал оное заслуживающим полного уважения по важной пользе, произойти от него могущей, и полагает утвердить его во всей силе, испросив на сие высочайшее соизволение.

Приказали о точном и непременном исполнении высочайше утвержденных положений Сибирского комитета, предписав Вам и генерал-губернатору иркутскому и енисейскому принять к сведению и дать (едино) знать господину министру финансов.

Подлинный подписал обер-секретарь *Николай Колоков*
Секретарь *Пасель*
Титулярный советник *Иван Беленкин*

Обращение ханши Айганым Валиевой к Кокчетавскому окружному приказу

16 марта 1830 г., № 2, урочище Сырымбет

Верноподданный правительству России сын мой, султан Чингис Валиев, желает заняться по-российски читать, писать и политике. По просьбе моей г. областным начальником [дано согласие] для принятия его в Омское училище, на что словесно и разрешено ему прибыть в Омск. И всепокорнейше прошу по одному приказу сделать представление г. областному начальнику о разрешении ему для проезда подвод до Омска, в чем остаюсь в ожидании уведомления*[4].

Ханша *Айганым Валиева*

*[4] На полях помета: *№ 540, 21 марта 1830 г.*

Представление омского областного начальника генерал-губернатору Западной Сибири

22 апреля 1830 г., № 608

Ханша Айганым Валиева вошла с прошением о принятии в Омское училище сына ее Чингиса Валиева, имеющего к образованию себя желание.

Хотя высочайшим указом о сибирских киргизах (§ 246) положено принимать детей султанов и старшин в военно-сиротские отделения, на линии устроенные, но, принимая в соображение, что образование таковых детей в сих заведениях по незнанию ими российского языка крайне затруднительно, представление сына Валиевой в каковое отделение представляет неудобным.

По причине представления похвального мнения ханши Валиевой о сыне ее я полагал бы поместить его в Азиатскую школу, состоящую при Линейном казачьем училище, где откроются ему все способности изучить российскую грамоту для дальнейшего образования способностей.

Содержание по упомянутому § 246 «Устава о киргизах» вообще полагается им в военно-сиротских отделениях казенное. На основании сего следовало бы его принять и в войсковое училище, но, как помянутый султан, вероятно, не согласится довольствоваться пищею и жить вместе с христианскими воспитанниками, содержание определить ему особое из суммы, на Азиатское училище отпускаемое, или испросить на сей предмет пособие у Министерства иностранных дел.

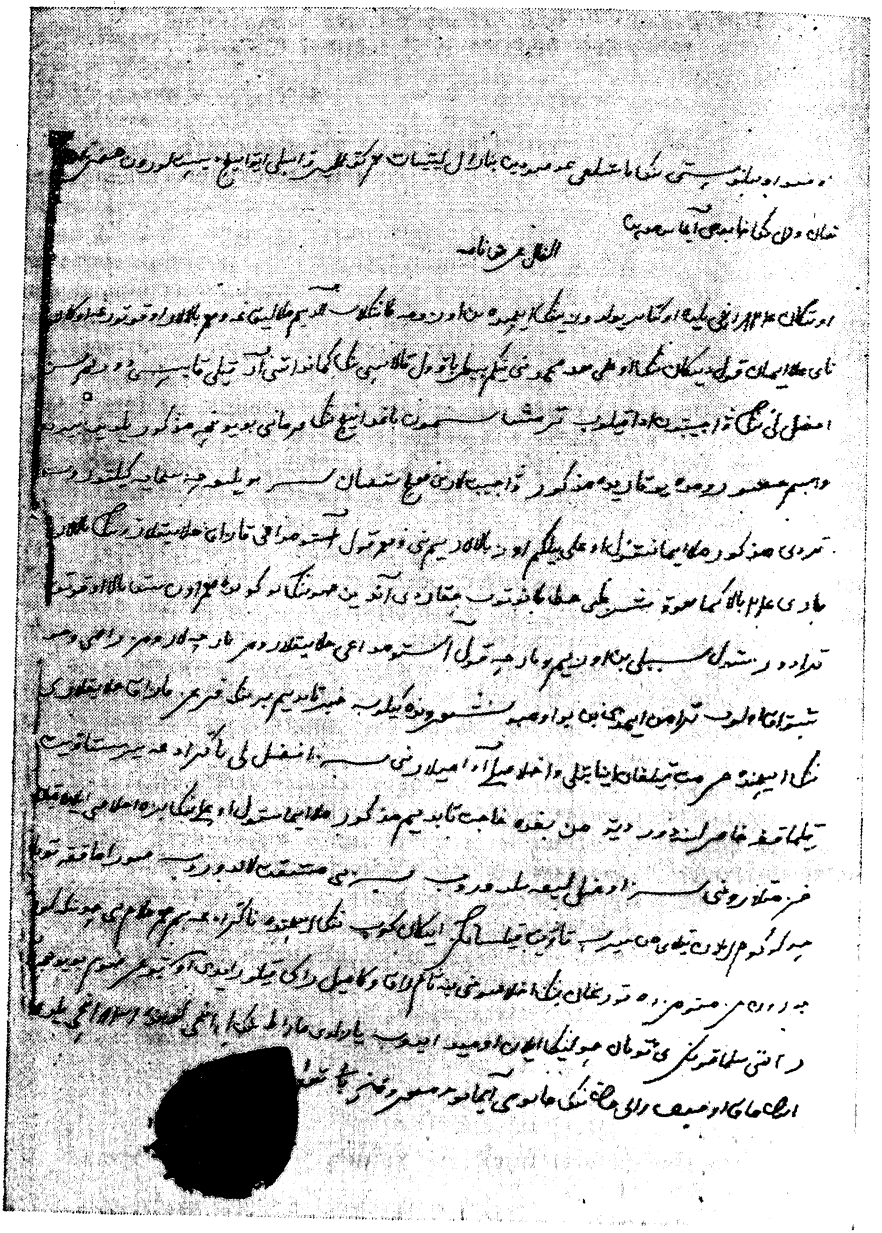
Представляя о сем вашему высокопревосходительству, я покорнейше прошу вашего соизволения о помещении сына ханши в училище на изъясненном мной положении. К ходатайству сему тем более побуждаюсь, что от успеха в образовании Валиева как члена знатнейшей в Средней орде фамилии можно ожидать полезных последствий как в отношении способствования намерениям правительства по устройству в степи, так и примера для родовичей его к поступлению в наше училище.

Подписал генерал-лейтенант *де Сент-Лоран*
Верно: столоначальник *Лузгин*

Письмо высокопочтеннейшей ханше Айганым Валиевой

23 мая 1830 г., № 743

Изъявленное Вами, высокопочтеннейшая ханша, желание отдать сына своего султана Чингиса для [получения] образования в русское училище, я доводил до сведения г. генерал-губернатора Западной Сибири. Вследствие чего его высокопревосходительство уведомил меня, что продовольствие одного сына вашего по кир-

Казахский текст письма Айганым к генералу В. И. де Сент-Лорану.

гизскому обычаю во время нахождения в училище не может быть таким, как в обществе*[5], поручил мне узнать от вас, не согласны ли вы отдать его для обучения в Азиатскую школу (или) содержать пищею у кого-либо из живущих в городе Омске азиатцев. Уведомляя о сем Вас, высокопочтеннейшая ханша, я прошу доставить ваш ответ, согласно которому имеет быть приступлено к дальнейшему распоряжению о принятии вашего сына в училище.

С желанием Вам всяких благ пребываю.

Подписал областной начальник *де Сент-Лоран*
Верно: коллежский секретарь *Скорняков*

Письмо высокопочтеннейшей ханше Айганым Валиевой

19 сентября 1830 г., № 1394

Не получив от Вас, высокопочтеннейшая ханша, ответа на письмо мое от 23 мая сего года за № 743 относительно того, не будете ли вы согласны сына своего, предназначаемого Вами к обучению в Азиатской школе, поместить для квартирования у кого-либо из живущих в Омске азиатцев, я вторично прошу Вас прислать ко мне в непродолжительное время ответ через Кокчетавский окружной приказ. Причем за нужное почитаю уведомить Вас, что от Вас зависит только назначить того человека, у которого бы Вы желали поместить сына своего, а плата за содержание его будет производиться от правительства по условию с ним.

Письмо ханши Валиевой начальнику Омской области г. генерал-лейтенанту и кавалеру Василию Ивановичу де Сент-Лорану*[6]

19 декабря 1830 г.

Желаю на многие лета здравствования и свидетельствую мое истинное высокопочтение.

Письмо вашего превосходительства, посланное ко мне от 19 прошлого сентября за № 1394, я имела честь получить, на которое почтительнейше уведомляю. Так как прошлой осенью при личном моем в Петропавловске с Вами свидании и переговоре [я просила] насчет отправления сына моего в Омск для научения грамоте, почему имею намерение сама быть в Омске для свидетельствования моего почтения семейству Вашему, поэтому ожидаю возможность удостоить меня на следование в Омск присылкою прогонных денег; по прибытии моему привезу с собою и сына моего султана Чингиса, помещу его на хоромы в татарскую квартиру; при сем неизлишне почитаю уведомить Вас, что дети мои

*[5] Имеются в виду воспитанники войскового училища, пользующиеся общей столовой.

*[6] Дан перевод письма.

все обучены татарской грамоте определенным ко мне бывшим господином генерал-губернатором Капцевичем в муллы Кут-Мухаметом Иманкуловым.

В уверение чего печать свою приложила *Айганым Валиева*

Перевел титулярный советник *Дабшинский*

Письмо ханши Айганым Валиевой омскому областному начальнику*7

15 марта 1831 г.

Его превосходительству омскому областному начальнику, господину генерал-лейтенанту Василию Ивановичу.

Надеясь на милостивейшее покровительство вашего превосходительства, я осмеливаюсь утруждать Вас следующей покорнейшей просьбой.

1. Для обучения российской грамоте и [получения] образования, [знаний по] полезным наукам не оставить честь дать в здешнее училище сыновей моих Чипгиса и Тореджана*8. Из них о первом я докладывала вашему превосходительству прежде сего лично; сверх того, определить в Омское азиатское училище с числа сего в звание учеников сына муллы, тобольского татарина Валитши Уразметова — Мухаметгалия — для сотоварищества детям (моим), у коих в случае надобности он может быть для услуг.

2. Исходатайствовать для обеспечения моего содержания пенсию*9, разделив оставшееся от хана Валия имение семерым моим детям, я осталась теперь одна, удержав при себе малолетного сына [Чингиса], всех предполагаю посвятить службе государю императору.

3. Велеть снабдить для посевов хлеба разными семенами и земледельческими орудиями, определив к нам для обучения киргиз-кайсаков хлебопашеству трех служилых татар, не зависящих от податного состояния, построить одну мукомольную мельницу*10.

4. Поелику уже имею честь быть здесь у вашего превосходительства и исполнилось желание видеться с Вами, то намереваюсь за одним по пути иметь свидание и с генерал-губернатором, посему покорнейше прошу приказать кому следует выдать мне для поездки в город Тобольск с моей свитой на прогон деньги*11.

5. Произвести в старшины находящихся здесь при мне двух

---

*7 Письмо переведено с казахского языка.

*8 На полях помета: *О чем представить генерал-губернатору.*

*9 На полях резолюция рукой де Сент-Лорана: *Тоже представить на благоусмотрение генерал-губернатора.*

*10 На полях помета: *Тоже.*

*11 На полях помета: *Об этом донесено.*

биев — Джандоса Салыкова и Бекея Чопанова, снабдив их на таковое звание листами и печатями*[12].

6. Приказать выдать командированному приказом, согласно моему мнению, для сопровождения меня в пути переводчику Сейфуллину от Кокчетава через мое местопребывание Сырымбет до Омска, на 600 верст, причитающееся количество прогонных денег, ибо таковые из приказа ему выданы не были*[13].

В уверение чего с приложением печати *Айганым Валиева*

Прошение ханши Айганым Валиевой на имя омского областного начальника де Сент-Лорана

15 марта 1831 г.

Начальнику Омской области генерал-лейтенанту и кавалеру Василию Ивановичу де Сент-Лорану.

Прошедшего 1824 г. в октябре месяце избрала я к себе в муллы для обучения грамоте малолетних своих детей указного муллу Кут-Мухамета Иманкулова, который и определен ко мне для исправления сих должностей через петропавловского коменданта бывшим предместником вашего превосходительства Семеном Богдановичем Броневским[1]. Мулла сей, с того времени находясь при мне, исправляет обязанности свои с отличным усердием и деятельностью; он успел обучить весьма хорошо грамоте как моих детей, а равно таковых же подведомственных мне киргиз, всего 24 мальчика, сверх коих и ныне учит 15 человек малолетних детей; каковой его, Иманкулова, деятельностью и усердием как я, так же и подведомственные мне народы остались довольны.

Ныне же по прибытии сюда в Омск известилась, что ваше превосходительство удостаиваете представительством вашим у высшего правительства отличивших себя заслугами разных наших киргиз-кайсацких старейшин к награде. А потому за нужное почла довести до сведения вашего превосходительства ревностное и усердное служение муллы Иманкулова, осмеливаясь покорнейше просить в вознаграждение оного за те услуги и к будущему поощрению не оставить в числе прочих представить к награде. Сию мою нижайшую просьбу я имею честь повергнуть милостивому вниманию вашего превосходительства*[14].

Вследствие чего печать свою приложила ханша *Айганым Валиева*

Перевел титулярный советник *Дабшинский*

---

*[12] На полях помета: *Произвести в старшины, дать листы и печати и отослать в Кокчетавский приказ для выдачи через ханшу.*

*[13] На полях помета: *По уважению просьбы ханши выдать из экстраординарной суммы.*

*[14] На полях помета: *По приказанию областного начальника объявлено ханше, дабы она по случаю ее отъезда в Тобольск просила о сем г. генерал-губернатора.*

Предписание де Сент-Лорана петропавловскому окружному начальнику

21 марта [1831 г.], № 556

Ханша Валиева с прочими старшинами и биями вошла ко мне с просьбою, изъясняя, что на принадлежащих им с давнего времени местах, лежащих вверх против течения реки Ишим, начиная от урочища Калмак-Уткель, казаки второго полка без всякого их согласия производят рубку леса, сенокошение и, занимая обширные пастбищные места, стесняют совершенно киргиз-кайсаков.

Препровождая список с просьбы сей, я предлагаю вашему высокоблагородию подтвердить кордонным начальникам на линии и земской полиции о наблюдении, дабы никто из жителей оного места без дозволения самих киргиз-кайсаков сенокошения и порубки леса не производил там, где имеют кайсаки кочевку.

Подписал областной начальник *де Сент-Лоран*

Верно: столоначальник *Лузгин*

Представление омского областного начальника де Сент-Лорана генерал-губернатору Западной Сибири

24 марта 1831 г., № 563

Ханша Айганым Валиева в бытность свою в Омске между прочим просила.

1. Кроме сына ее Чингиса, о помещении коего в учебное заведение она пред сим ходатайствовала, принять с ним вместе в здешнее Азиатское училище пасынка ее Тореджана, имеющего от роду около 15 лет, и, сверх того, для товарищества им сына находящегося при ней муллы, тобольского татарина Валитши Уразметова-Мухамед-Галия (коих она и оставила в Омске).

2. Чтобы обеспечить свое содержание, исходатайствовать ей пенсион, так как она, разделив оставшееся от хана Валия имение семерым детям, находится ныне при одном малолетнем сыне; всех она предполагает посвятить службе государю императору.

3. Снабдить для посева хлеба разными семенами и земледельческими инструментами, определить для обучения киргизов хлебопашеству служилых татар, не зависящих от податного состояния, и построить одну мукомольную мельницу.

Просьбы сии, передав на благоуважение вашего высокопревосходительства, имею честь вследствие предписания вашего от 3 мая 1830 г. № 429 относительно помещения сына ханши Чингиса донести:

а) что, по уведомлению господина директора казачьего войскового училища, на содержание каждого воспитанника в Азиатской школе назначено по табелю в год 100 рублей 65¼ копеек, т. е.

19 означенным ученикам 1912 рублей 42,5 копейки, из коей суммы остался от расходов 1829 г. 21 рубль 46 копеек;

б) что по Кокчетавскому округу, как видно из составленного казенной экспедицией отчета, назначенные по штату деньги на заведение школ и училищные пособия остаются ежегодно без употребления, равно и по Каркаралинскому округу имеется к 1830 г. в остатке 427 рублей 39 копеек;

в) что вдова бывшего переводчика Сейфуллина, имеющая здесь в городе собственный дом, приличный для пользования помянутых детей, согласилась всех троих содержать у себя квартирою и пищею, пристойной их званию, с платой за все по 40 рублей с лица, на каковое помещение ханша Валиева изъявила согласие, оставив их в оном доме.

Подписал областной начальник *де Сент-Лоран*

Верно: столоначальник *Лузгин*

Отношение Главного управления Западной Сибири к омскому областному начальнику

9 апреля 1831 г., № 328, Тобольск

Бывшая в Тобольске ханша Айганым Валиева поданною ко мне докладною запискою между прочим просила.

Во-первых, воспретить линейным казакам занимать места, принадлежащие пяти волостям Кокчетавского округа, лежащие по течению реки Ишима, начиная от редута Ново-Никольского до урочища Аюташа, на коих казаки, построив избушки и заимки, производят рубку леса и сенокошение и тем стесняют кайсаков до того, что они не имеют средств к продовольствию собственного своего скота.

Во-вторых, так как служащие в Кокчетавском приказе старший султан и заседатели от кайсаков переслужили уже положенное по уставу время, то для пресечения домогательств, что самое уже было дознано на опыте, даже члены приказа и сам старший султан отнюдь не вмешивались бы в выбор, а чтобы при сем случае действовал один только голос народа.

В-третьих, так как она имеет непременное желание развести в степи хлебопашество, то снабдить ее для посева хлеба разными семенами и земледельческими инструментами и для указания искусства земледелия командировать одного татарина, не зависящего от податного состояния, и построить при доме ее ветряную мукомольную мельницу.

Рассмотрев таковую записку ханши Валиевой и находя оную в полной мере заслуживающей уважения, я предлагаю вашему превосходительству в удовлетворение оной сделать следующее: 1) по жалобе на занятие казаками луговых мест, принадлежащих кайсакам, удостовериться, не лишние ли луга казаки занимают и

не слишком ли великое скотоводство в кайсацкой степи заводят, а паче не торгуют ли они там сеном, сверх продовольствия своего скота; и если сие окажется справедливым, то воспретить казакам торговать кайсацкой собственностью, подтвердя также и то, что они, пользуясь луговыми местами и рубкою леса собственно для себя в определенном количестве десятин земли, не делали никакого притеснения кайсакам в их кочевьях.

2) [Так] как порядок выборов в старшие султаны, заседатели приказа и волостные старшины определен высочайшим уставом о киргиз-кайсаках (глава первая, отделение второе с § 25 по 50 включительно), то о точном исполнении сего порядка и чтоб в сих народных выборах не было допускаемо ни с чьей стороны никакое домогательство, а чтоб все происходило по непринужденному согласию народа, иметь неослабное за сим наблюдение в то время, когда начнутся выборы.

3) Находя разведение хлебопашества между кайсацким народом весьма полезным и даже необходимым, я прошу ваше превосходительство предписать кому следует ныне же купить потребное количество земледельческих инструментов и семян для посева, а для указания хлебопашества командировать одного из свободных татар, а буде нет, то из казаков. Между же тем приступить и к устройству ветряной мукомольной мельницы, и как издержки на все сие не более могут простираться ста пятидесяти рублей, то я по таковой малозначительности прошу вас употребить оные из экстраординарного ведения вашей суммы. Что же вами по сему учинено будет, о том мне доносите.

Генерал-губернатор Западной Сибири
генерал от инфантерии *Вельяминов*
Управляющий отделением *Звездкин*

Письмо Тореджана и Чингиса Валихановых начальнику Омского областного управления

4 августа 1831 г.

Ваше высокородие, милостивейший государь и отец.

Воззрите на бедное наше состояние, как мы, у вдовы Сейфуллиной стоявши на квартире девять месяцев, по худому ее содержанию не могли более жить у нее голодом (на одном ржаном хлебе она нас заморила, к чему мы были непривычны), притом белье не стирается, а платье, которое у нас было, служанка и слуга ее износили, но важнее всего в училище ходить и учиться были не в состоянии, она всегда не бывает дома. О чем мы многократно жаловались переводчику Дабшинскому, чтобы он кому следует о переводе нас на другую квартиру донес, но никакого удовлетворения не получили.

По сим обстоятельствам вышед из терпения, ныне пашли мы

способную для нас квартиру у коллежского асессора Бикмаева, где живет и учитель наш; мы в полной надежде, что к сему и ханша будет согласна, [о чем] в областное отделение начальнику господину Кованкову донесли; теперь хотя нас, по просьбе Сейфуллиной, принуждают пока перейти к ней, но мы лучше лишимся учения, нежели у ней жить на квартире, и убедительнейше просим ваше высокородие оставить нас на избранной нами квартире.

Подчиненные богомольцы ваши تركستان ولايتى نينك كزيتى

Сообщение о кончине Айганым

19 ноября 1853 г. в четверг, или в мухамеданский день бисембе, во время намаза (намаздигер) скончалась вдова покойного хана Средней киргиз-кайсацкой (орды) Валия Айганым, урожденная Саргалдакова, на 70 году от рождения. Предана земле в пятницу, или джуму, 20 числа. Имела девять сыновей, из которых двое умерли в детстве, а двое в 20 летах.

ОТЕЦ ЧОКАНА ЧИНГИС ВАЛИХАНОВ

Уведомление министра финансов генерал-губернатору Западной Сибири

10 декабря 1831 г., № 28057

Г. вице-канцлер от 28 минувшего ноября сообщил мне, что государь император высочайше повелеть соизволил одного из сыновей ханши Айганым Валиевой вместе с ее пасынком и сыном находящегося при ханше муллы Иманкулова поместить в Омское азиатское училище и на содержание их в оном отпускать, по распоряжению вашего высокопревосходительства, по 500 рублей ассигнаций в год.

Во исполнение сего и согласно с отношением графа Нессельроде, предписав Омской казенной экспедиции следующие на содержание означенных трех азиатцев деньги (по пятисот рублей ассигнациями) по вашим, милостивый государь, требованиям, я начал выдачу со дня поступления их в Омское азиатское училище; покорнейше прошу ваше высокопревосходительство уведомить меня в свое время о выбытии из училища вышеупомянутых азиатцев для прекращения отпуска на них денег.

Верно: управляющий отделением *Звездкин*

Письмо воспитанника Сибирского войскового казачьего училища султана Чингиса Валиханова*[15]

19 апреля 1832 г.

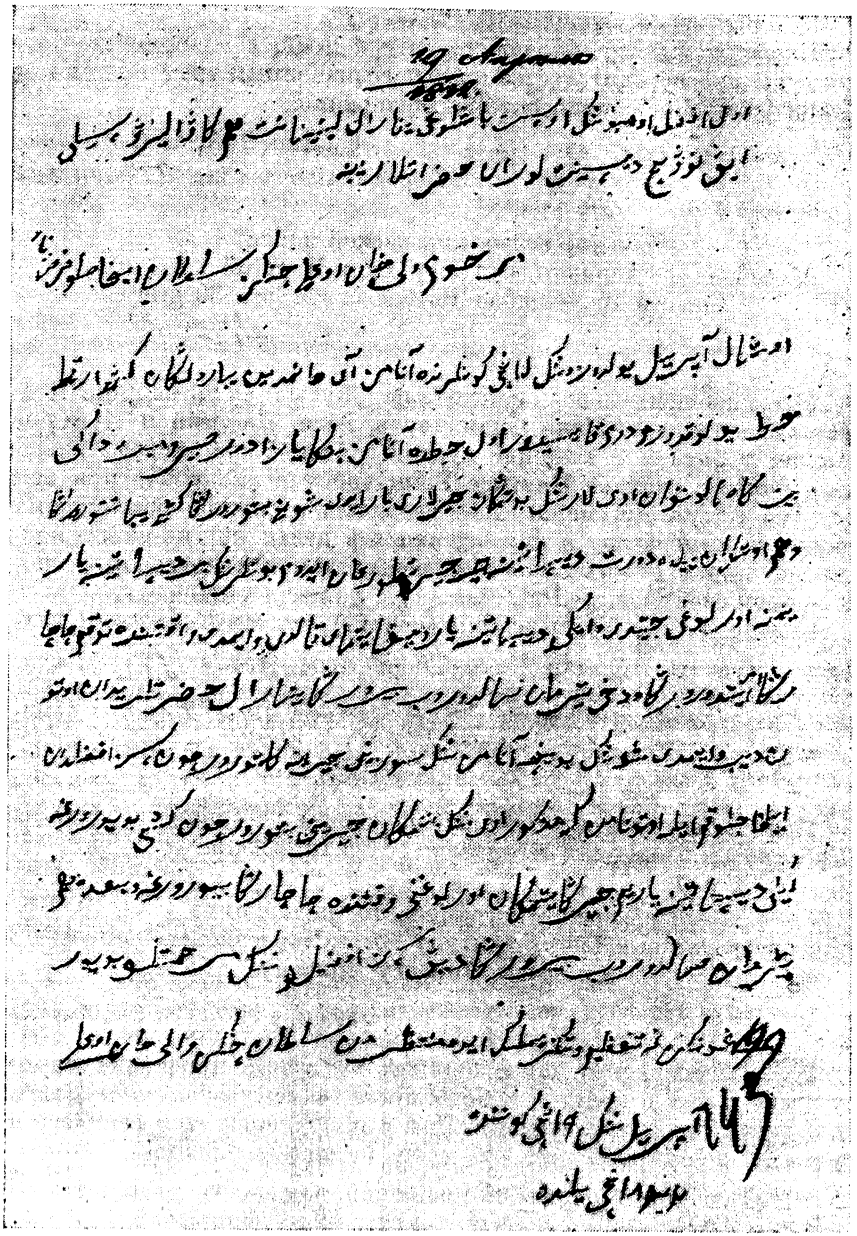
Его превосходительству начальнику Омской области господину генерал-лейтенанту и кавалеру Василию Ивановичу де Сент-Лорану.

Сего апреля 15 дня мать моя Айганым присланным ко мне письмом поручила мне покорнейше просить ваше превосходительство:

1) для окончания некоторых при доме нашем недостроенных потребностей прислать рабочих людей;

2) в прошлом году было распахано земли 4 десятины, но только на посев полутора десятин достало семян, а на две с половиною было недостаточно, поэтому прислать семян на посев сего недостающего числа земли;

*[15] На полях помета: *Перевод с письма султана Чингиса Валиева. Апреля 22 дня 1832 г.*

Письмо воспитанника войскового училища Чингиса Валиханова генералу де Сент-Лорану.

3) о постройке мельницы.

Исполняя таковое поручение матери моей, я покорнейше прошу ваше превосходительство по вышеозначенным трем предметам учинить ваше начальническое распоряжение.

Султан *Чингис Валиханов*

Перевел переводчик *Дабшинский*

Решение сейма киргизской знати об избрании старшего султана Аман-Карагайского округа Чингиса Валиханова 1834 года августа 30 дня

1834 года августа 30 дня

Мы, нижепоименованные султаны: Джума Худаймендин, Кенжалы Смандияров, Мали Смандияров, Акан Джумин и Кунтюре Малин, избираем в старшие султаны Аман-Карагайского внешнего приказа султана Чингиса Валиханова и кандидата при нем султана Акана Джумина, как усердных в службе российскому государю императору и справедливых в делах киргиз-кайсацкого народа. В чем единогласно свидетельствуем сей приговор с приложением своих печатей и тамг.

Султан *Джума Худаймендин* (печать), султан *Кенжалы Смандияров* (печать), султан *Мали Смандияров* (тамга), султан *Кунтюре Малин* (тамга), султан *Акан Джумин* (тамга).

При выборе присутствовали: полковник *Шубин*, заседатель *Шубенков*, в должности заседателя есаул *Швабский*.

Требование пограничного начальника к достопочтеннейшему султану Аман-Карагайского округа г. майору Чингису Валиеву

30 июля 1839 г., № 905, Акмолы

Из-за беспорядков, происходящих в степи, признавая присутствие Ваше в приказе необходимым, к чему обязывает Вас и должность Ваша, я предлагаю Вам с получением сего прибыть в приказ и не оставлять его без моего на то разрешения.

Подлинное подписал правящий должность пограничного начальника полковник *Ладыженский*

Предписание пограничного начальника Аман-Карагайскому приказу

31 июля 1839 г., №913, Акмолы

Вследствие настоящих беспорядков в степи я предписываю окружному приказу тотчас же вызвать в приказ старшего султана этого округа (Валиханова), где иметь за ним тайный бдительный надзор, не оскорбляя, впрочем, его явною недоверчивостью, где он должен находиться до этого времени, пока я не разрешу выезд ему в аулы, на что приказ обязан испросить в свое время разрешения. Вместе с тем наблюдать чрез опытных толмачей за волостными управителями, если что-либо будет замечено неблаговидное с их стороны, мне донести, равно по исполнении с дел изложенного предписания моего старшему султану доставить немедля.

Подлинное подписал правящий должность пограничного начальника полковник *Ладыженский*

Предписание генерал-губернатора Западной Сибири старшему султану Аман-Карагайского округа

7 августа 1839 г., № 384

Получив от полковника Горского донесение, что Вы, милостивый государь, вопреки неоднократным приглашениям его и распоряжениям исправляющего должность начальника сибирских кайсаков, во все почти лето уклонялись от соседства с войсками нашими, от требуемой от Вас высылки проводников и назначения от Вас людей для нахождения при джаргаинагачском отряде, вынуждаюсь объявить Вам, что поведением Вашим подаете Вы повод сомневаться в Вашей верности и усердии к службе его императорского величества и что терпеть такого сомнительного поведения я не намерен. Почему и предписываю Вам безоговорочно выслать 50 человек в Джаргаин, совершенно благонадежных, поведение коих должно оставаться на личной Вашей ответственности, присовокупляю, что время излишнего снисхождения уже прошло и в противном случае останется мне только назначить на Ваше место человека более благонадежного.

Подлинное подписал командир Отдельного сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири генерал-лейтенант князь *Горчаков*

Верно: в должности старшего адъютанта Генерального штаба *Прибытков*

Предписание исправляющего должность пограничного начальника Аман-Карагайскому приказу

28 августа 1839 г., № 1247, Кокчетав

С полученного мною письма корпусного командира от 7 августа за № 384 старшему султану Аман-Карагайского округа я препровождаю у сего для сведения точный список и предписываю приказу настоять перед султаном в точном и немедленном исполнении изъясненной в нем [письме] воли его сиятельства относительно высылки 50 человек на Джаргаин-Агач и иметь бдительное секретное за ним [султаном] наблюдение, и коль скоро будет что замечено неблаговидное с его стороны, то мне донести; в случае же измены какой бы то ни было волости, выслать отряд не менее 150 казаков с одним конным орудием для преследования или отражения показавшейся где-либо значительной шайки, для какой цели по распоряжению его сиятельства и усилен Аман-Карагайский отряд до 75 человек казаков первого и второго полков, для охранения же приказа оставить расположенную в нем пехоту и самую малую только часть казаков, о последующем мне основательно донести.

Подлинное подписал правящий должность пограничного начальника полковник *Ладыженский*

Письмо М. В. Ладыженского Чингису Валиханову*[16]

Февраль 1840 г.

Достопочтеннейшему старшему султану Аман-Карагайского округа г. майору Чингису Валиеву.

Препоручаю Вам сделать для меня собрание песен, сказок, преданий и пословиц киргизского народа, столь богатого этими произведениями.

При собрании прошу Вас наблюдать следующее.

Собираемые стихотворения в киргизском народе разделить по смыслу их на тетради, из которых в первую поместить песни, какого бы содержания они ни были, замечательные по замыслу и стихосложению, по древности языка или, наконец, по славе их в степи, означая, впрочем, в заглавии песен, к какому роду они принадлежат, т. е. свадебные, похоронные, любовные, колыбельные или исторические. Сюда относятся джиры и похоронные песни, часто заключающие в себе имена прославившихся в степи богатырей в древние и новые времена.

В другую тетрадь собирать пословицы и поговорки, общеупотребительные в народе.

---

*[16] На полях помета рукой Чингиса Валиханова: *№ 30. Получено 22 февраля 1840 г.*

В третью, если есть вблизи Вас какие-нибудь развалины, целебные источники, камни с надписями, то узнать, как они называются, и нет ли о них какого-нибудь предания, оное записать, наблюдая тоже в отношении некоторых урочищ, имеющих свою устную историю.

Наконец, собирать в четвертую тетрадь сказки, рассказываемые обыкновенно детям, и другие под названием богатырских, любовных и шуточных.

В заключение я надеюсь, что вы, милостивый государь, со своей стороны употребите все зависящие от Вас средства, чтобы дело это было окончено сколь возможно в непродолжительном времени с надлежащей полностью.

Правящий должность пограничного начальника
полковник *Ладыженский*

Ладыженскийдің Шыңғысқа жазған хатының қазақша тексті

Февраль 1840 ж.

Зияда Ғиззатлу уа хұрматлу Аман-Қарағай дуанының аға сұлтаны майыр Шыңғыс Уәли ұғылына.

Сізге тапсырып айтатыным сол ки, маңа қазақ халқының өлеңін, жырын, ертегісін, бұрынғыдан қалған қария сөздерін, қиссаларын, хикаяттарын, мақалдарын жиып жазып жібергейсіз. Мұның бәрісі де қазақ халқының арасында көп шығар*[17].

Біріктіріп жияр шақта бұлайша қылғайсыз:

Қазақ жұртынан жиятұғын жырларды, өлеңдерді, хикаяттарды мәнісіне қарай әрбір дәптерге бөліңіз. Әуелгі дәптерде жазыңыз: ой, фаиһім мен шығарылып айтылғанына, бәйт сөздердің ұйқастығына және келістігіне қарай, ең бұрынғы халықтың тілімен айтылғанына [қарай], және қыр ішінде тамам жұртқа даңқты, мәлім болғанына қарай, білуге лайық не түрлі жыр-өлеңдер болса да жазғайсыз, бірақ әрқайсысының басында айтып қойыңыз: не түрлі бәйт жыр екенін, не тақырыпты айтылғанын яғни той-жиынға шығарылып айтылған ба, яки бір кісі өлгеніне шығарылған жыр ма, яки ғашықтық өлеңдер ме, яки қисса ма?

Тағыда қадими [бұрынғы] замандарда һам соңғы замандарда қыр ішінде даңқты машһүр болып қалған батырлардың ерлігіне, не өлгендеріне шығарылған жырау, жоқтау, хикаяттар — бәрі де сол әуелгі дәптерде жазылсын.

Екінші дәптерге халық арасында айтылатұғын мақалдар, қызық сөздер жиылып жазылсын*[18].

---

*[17] В русском тексте: *столь богато этими произведениями* — сондайлық бай халық шығармаларын.

*[18] В русском тексте: *пословицы и поговорки, общеупотребительные в народе* —'халық арасында қолданатын мақал-мәтелдер'.

Әгарки өзіңізге жақын жерлерде ойран болған ескі жұрт бар болса, саулыққа пайдалы шишма [арасан] сулар болса, не жазуы бар тастар болса, солардың бәрінің есімдерін біліп, солар тақырыпты айтылып қалған қисса сөздерін жиып үшінші дәптерге жазыңыз. Және тағы, бағзы бір мекен орындардың хикаят сөздерін, уа қиссаларын да сол дәптер ішіне кіргізіп жазыңыз.

Уа филь-ахир*[19], төртінші дәптерге жазыңыз:

Әншейін балаларға айтатын ертегіні, әрбір батырлар, алыптар тақырыпты, уа ғашық болғандық, уа қыз бен жігіт ертегілерін, уа һам күлдіргіш, ойын ертегілерін жазыңыз.

Ма бағда*[20] мархаматлу сұлтаным! Сіз өз тарапыңыздан әр нешік жаһад ете көріңіз, бұ тапсырылған жұмысты мүмкін қадарынша ұзақтамай, тезірек, дұрыс анықтығымен жиып, жазып, бітірерсіз.

Даю инанып, үмітдарлықта болып жазушы:

Сәрхуд [шекара] бастығының ләзіміп [міндетін] билеп тұрушы полковник *Ладыженский*

Донесение старшего султана Аман-Карагайского округа майора Валиева пограничному начальнику

1 июня 1842 г., № 45, Аман-Карагай

Его высокоблагородию состоящему в должности пограничного начальника сибирских кайсаков, господину полковнику и кавалеру Николаю Францевичу Вишневскому.

В настоящем году желаю устроить собственным коштом в аулах своих школы для обучения, как своих, так равно и изъявивших желание к сему похвальному поступку кайсацких детей по татарской грамоте, но не имею средств достать для обучения их хорошего из татар учителя.

Об этом донеся особе вашего высокоблагородия имею честь покорнейше просить начальнического вашего распоряжения о назначении знающего хорошо науки татарские учителя из татар, которого содержание и жалованье за обучение детей будет производиться из собственного кошта кайсаков, отдающих в школу детей своих.

Старший султан *Валиев*

Старшему султану Аман-Карагайского округа г. майору Чингису Валиеву

11 июня 1842 г., № 1668

На рапорт вашего высокоблагородия от 1 июня № 45 уведомляю Вас, почтеннейший султан, что предположение Ваше о заведении школы, для обучения грамоте кайсацких детей мне весь-

[19] Уа филь-ахир (арабша)— 'ең соңында'.
[20] Ма бағда (арабша)—'сонан кейін'.

ма приятно, и если она устроена будет при приказе, в таком случае я постараюсь сделать распоряжение о приискании в нее учителя.

Подписал полковник *Вишневский*

Уведомление начальника Пограничного управления сибирскими киргизами о награждении старшего султана Валиева золотой медалью

11 декабря 1843 г., № 3534, Омск

Господин командир Отдельного сибирского корпуса от 10 декабря за № 6247 в связи с представлением состоящего при его сиятельстве для особых поручений подполковника Кривоногова препроводил мне грамоту на золотую медаль с надписью за усердие на александровской ленте, выданную лично его сиятельством на старшего султана Аман-Карагайского округа Чингиса Валиева, возложенную в награду особенной преданности нашему правительству и за усердие, оказанное им при содействии отрядам нашим, действовавшим летом сего года против мятежного султана Кенесары Касымова, каковую грамоту они выдали майору Валиеву.

О чем его высокоблагородие, уведомляя Пограничное управление, предлагает сделать надлежащее распоряжение.

Состоящий в должности пограничного начальника
полковник *Вишневский*
Секретарь *Яценко*

Уведомление Департамента военных поселений командиру Отдельного сибирского корпуса о награждении Чингиса Валиханова

10 января 1844 г., № 92

Государь император по всеподданнейшему докладу и представлению вашего сиятельства (№ 6247) всемилостивейше утвердить соизволил распоряжение Ваше: о награде старшего султана Аман-Карагайского округа, майора Чингиса Валиева золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на александровской ленте, за благоразумное управление означенным округом и постоянную преданность правительству.

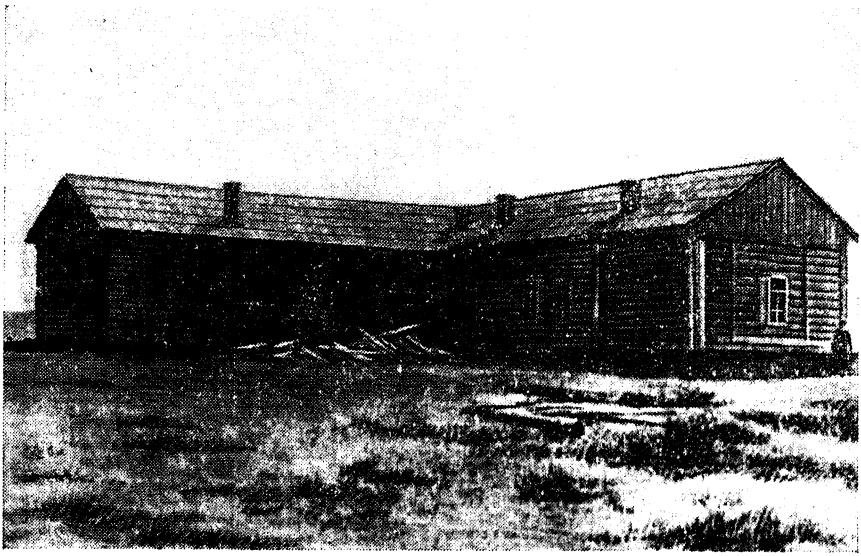
О таковом моем соизволении имею честь уведомить Вас, милостивый государь.

Подписали: военный министр князь *Чернышев*
Директор барон *Корф*

Рапорт Кушмурунского внешнего окружного приказа в Пограничное управление сибирскими киргизами

21 февраля 1847 г., № 725

Старший султан сего приказа г. майор Валиев отношением от 17 сего февраля за № 8 уведомил приказ сей, что он, имея намерение выстроить постоянный деревянный дом с мечетью и училищный дом в урочищах по реке Ишиму Азнабайсай и Кызыл-

Школа, построенная Чингисом Валихановым в урочище Чон-Карагай.

Чубар, которые принадлежат здешнему округу и никем еще не заняты, и с самого поступления его в состав сего округа и служения старшим султаном не имея для себя постоянной зимовки, где бы можно выстроить деревянный дом и заняться хлебопашеством, просит испросить, у кого будет следовать, разрешения на постройку ему означенных выше зданий и производство хлебопашества, что будет служить немалым примером для здешних кайсаков к постоянной оседлости, с испрашиванием также ходатайства о прикомандировании к нему из квартирующей здесь роты благонадежных плотников 5 человек, которым плакат и содержание будут выдаваться из собственности его, г. Валиева.

О всем вышеописанном окружной приказ имеет честь передать на благоусмотрение Пограничного управления.

Старший султан майор *Валиев*
В должности заседателя *Дабишинский*
В должности заседателя *Павлов*
Исправляющий должность секретаря *Ковригин*

В Пограничное управление сибирскими киргизами рапорт Кушмурунского внешнего окружного приказа

12 декабря 1848 г., № 3912

Старший султан этого округа майор Валиев обратился с просьбой, поданной в приказ на высочайшее имя, об исходатайствовании ему диплома на достоинство дворянина Российской империи, которую при сем Кушмурунский окружной приказ с формулярным о службе Валиева списком имеет честь представить на благоусмотрение Пограничного управления.

В должности заседателя *Дабшинский*

Господину исправляющему должность пограничного начальника Области сибирских киргизов из канцелярии Пограничного управления

13 мая 1850 г., № 2555, Омск

Пограничное управление имеет честь представить вашему высокоблагородию на предмет доставления Русскому географическому обществу кайсацкий мужской костюм, значащийся в прилагаемой описи, доставленный старшим султаном Кушмурунского приказа Валиевым, и покорнейше просит о получении оного уведомить управление.

За председателя советник *Климовский*

Регистр вещей кайсацкого мужского костюма

1. Лисья шапка, крытая синей канфой.
2. Бархатный тюбетей, обложенный выдрою и позументом.
3. Красного сукна вышитые разными шелками чамбары.
4. Желтый яргак из козлиных шкур, вышитый разными шелками, обложенный кругом бархатом и выдрою, на ситцевой подкладке.
5. Одна калта в серебряной оправе.
6. Сапоги.
7. Ножичек с ножнами с серебряной оправой.
8. Огниво, обложенное зеленым бархатом, оправленное серебром.
9. Пороховница из желтой кожи с серебряною оправою.

За отсутствием и. д. пограничного начальника полковник *Спиридонов*

За председателя *Федоровский*

Господину исправляющему должность пограничного начальника Области сибирских киргизов от совета Русского географического общества

29 августа 1850 г., № 1229, С.-Петербург

Совет императорского Русского географического общества покорнейше просит Вас изъявить искреннюю признательность общества старшему султану Кушмурунского округа г. майору Валиеву за доставление мужского киргиз-кайсацкого костюма, присланного при отношении вашем от 22 июня сего года за № 1605.

За вице-председателя член совета *Н. Шульгин*

Представление Пограничного управления г. исправляющему должность пограничного начальника сибирских киргизов о причислении султана Ч. Валиева к Кокчетавскому округу

31 октября 1853 г., № 7675, Омск

Пограничное управление, получив при предложении вашего превосходительства от 3 апреля сего года за № 842 докладную записку султана Кушмурунского округа Чингиса Валиева о перечислении его с тюленгутами в Кокчетавский округ и видя из оной, что Валиев по перечислении его туда желает занять места прежних кочевок матери его Айганым, а именно: урочища Карачилик, Каркаралы и Сары-Озек, занятые кочевкою трех аулов кайсаков Ондагуль-Ораз-Баимбетовской волости, от 15 того же апреля предписало Кушмурунскому и Кокчетавскому окружным приказам донести: первому, не встретится ли законных препятствий к перечислению Валиева с тюленгутами в Кокчетавский округ и взять от Валиева отзыв, в состав какой волости Кокчетавского округа он желает причислиться; последнему же, можно ли удовлетворить просьбу Валиева об отводе ему под кочевки просимых урочищ, так как он писал, что на них кочуют кайсаки Ондагуль-Ораз-Баимбетовской волости, и если действительно кочуют, то представится ли возможность удалить их с этих мест и отвести им другие земли и где именно.

Во исполнение чего Кушмурунский приказ от 23 мая, представив истребованный от Валиева отзыв, донес, что на перечисление его с тюленгутами в Кокчетавский округ препятствий никаких нет. В отзыве Валиев написал, что он с тюленгутами в числе 20 (а не 25) юрт желает причислиться в состав Кокчетавского округа Ондагуль-Ораз-Баимбетовской волости. Кокчетавский приказ от 28 сентября за № 8127 представил произведенное заседателем Голицынским удостоверение о местах, просимых под кочевку султаном Валиевым, урочищах: Карачилик, Каркаралы и Сары-Озек, и его подписку, из коих видно: первого, что бии и

кайсаки Кочкулинского и Оразовского отделений, кочующие в этих урочищах, с общего согласия уступили Валиеву урочище Каркаралы, а остальные на две равные части разделяют между собою; последнего же, т. е. подписки, что Валиев отдачею ему киргизами помянутых родов под кочевку урочища Каркаралов остается доволен.

Пограничное управление, донося о том и представляя на усмотрение вашего превосходительства удостоверение о местах, отзыв и подписку султана Валиева, имеет честь покорнейше просить о перечислении его, Валиева с тюленгутами в 20 кибитках из Кушмурунского в Кокчетавский округ Ондагуль-Ораз-Баимбетовскую волость вашего разрешения.

Председатель полковник *Спиридонов*
Советник *Яценко*
Секретарь *Зирский*

Предписание Пограничного управления Кокчетавскому окружному приказу

14 августа 1854 г., № 1287

Исполнительное отделение подтверждает Кокчетавскому приказу об исполнении указа Пограничного управления от 13 июля за № 4916 по предмету явки подполковника Валиева к отправлению обязанности советника Пограничного управления со стороны кайсаков и о последующем обязывает приказ доносить Пограничному управлению.

Верно: за столоначальника (подпись)

Доклад Областного совета сибирских киргизов

16 декабря 1854 г.

Кокчетавский окружной приказ при рапорте от 11 октября за № 8177, представляя в дополнение своего рапорта от 28 сентября 1853 г. за № 8127 произведенное заседателем удостоверение об урочище Сырымбет, на котором султан подполковник Чингис Валиев намерен рубить лес для постройки дома, донес, что бор Сырымбетский находится на расстоянии от места водворения приказа в 90, а от ближайшего к нему крестьянского селения Аиртау в 35 верстах; урочище Каркаралы отстоит от приказа на 100, а от Аиртау на 55 верст.

В удостоверении волостной управитель Ондай-Рысаевской волости Джандос Салпыков и 10 биев этой волости, Ондагуль-Ораз-Баимбетовской волости 6 человек биев и Есенбаевской волости султан Токалаев и 5 человек биев 15 августа сего объяснили: что урочище Сырымбет, принадлежавшее прежде ханше Валиевой,

по смерти ее перешло во владение детей ее, султанов: Аблая, Чегена, Чингиса, Тореджана, Ханхожи и Альжана Валихановых; султаны Ханхожа, Тореджан, Аблай, Чеген и Альжан Валихановы данною 24 августа подпискою дозволяют султану Чингису Валиеву вырубить из урочища Сырымбет потребное количество леса для постройки дома.

По справке в областном правлении оказалось: упомянутый Кокчетавским приказом рапорт его от 28 сентября 1853 г. за № 8127 заключал в себе только сведения о уступке султану Чингису Валиеву под кочевья мест при перечислении его из Кушмурунского в Кокчетавский округ, но о том, чтобы Валиев просил разрешения на стройку дома, приказ тем донесением не ходатайствовал. А потому правление 15 ноября за № 7806 предписало Кокчетавскому приказу донести правлению, просил ли султан Валиев разрешить ему постройку дома, если просил, то объяснить, в каком именно урочище, в каком размере и сколько для этой надобности потребно леса и не встретится ли к сему законных препятствий.

На это приказ от 24 ноября за № 10069 донес, что султан майор Чингис Валиев (ныне советник от киргизов областного правления) прошением, поданным в приказ 8 сентября 1853 г., просил дозволить ему построить деревянный дом в урочище Каркаралы, принадлежавшем матери его, ханше Айганым Валиевой; на постройку дома потребно лесу 2000 бревен, каковой он намерен вырубить в Сырымбетском бору. Причем докладывает, что препятствий на постройку Валиевым дома со стороны приказа не встречается.

Приказали: Донести о сем г. исполняющему должность военного губернатора Области сибирских кайсаков и просить его разрешения на дозволение султану подполковнику Валиеву построить дом в урочище Каркаралы с вырубкою леса для этой надобности 2000 бревен в Сырымбетском бору*[21].

Подлинный журнал за подписью присутствующих и скрепою секретаря.

Верно: исправляющий должность столоначальника *Белоусов*

*[21] На полях помета: *Исполнено 30 декабря 1854 г.*

Ходатайство кн. А. Чернышева перед царем об устройстве сына Чингиса Валиханова Макы в Петербургское училище глухонемых

6 апреля 1855 г.

Старший из членов прибывшей в С.-Петербург депутации от киргиз-кайсаков Средней орды советник областного правления сибирских киргизов подполковник султан Чингис Валиханов привез сюда сына своего Абул-Макаджана, 10 лет от рождения, и просит определить его в училище глухонемых для воспитания на счет казны.

Всеподданнейше докладывая вашему императорскому величеству о таковой просьбе подполковника Валиханова, я имею счастье испрашивать всемилостивейшее разрешение, не благоугодно ли будет повелеть сообщить о сем статс-секретарю Гофману, с тем, чтобы представил вашему величеству сведения: может ли малолетний Валиханов быть помещен в училище глухонемых в комплект, определенный штатом сего заведения; если же все штатные вакансии там заняты, то испросил бы соизволения вашего императорского величества на принятие означенного мальчика в училище для воспитания на счет казны до открытия штатной вакансии. Вместе с тем, имея в виду, что у султана Валиханова нет в С.-Петербурге ни родственников, ни знакомых, я имею счастье испрашивать высочайшее разрешение: попечение о его сыне, когда он поступит в училище глухонемых, возложить на управляющего делами Сибирского комитета, подобно тому, как поручены ему кавказские и закавказские уроженцы, воспитывающиеся в высших и специальных заведениях империи.

Председатель Сибирского комитета князь А. *Чернышев*

Формулярный список № 1 о службе старшего султана Кушмурунского окружного приказа майора Чингиса Валиханова

12 декабря 1858 г.

1. Чин, имя, фамилия, должность, им отправляемая, сколько от роду лет и какого вероисповедания?

— Майор Чингис Валиев, старший султан Кушмурунского окружного приказа, 37 лет, магометанского вероисповедания.

2. Из какого звания происходит?

— Из султанских детей.

3. Оклад годового содержания?

— 343 руб. 10 коп.

4. Есть ли за ним, за родителями его, или [стало], когда женился, т. е. за женой, недвижимое имение?

— Не имеет.

5. Когда в службу вступил и в оной какими чинами, в каких должностях и где происходил? Также не было ли каких отличных по службе деяний? И не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время?

— По желанию кайсацких султанов избран старшим султаном Аман-Карагайского (ныне Кушмурунский) окружного приказа 30 августа 1834 г.

Г. бывшим омским областным начальником утвержден в настоящей должности 15 сентября.

По таковому же выбору оставлен обществом на другое трехлетье и утвержден в сей должности г. управляющим бывшею Омскою областью 30 августа 1838 г.

По высочайшему повелению, объявленному через г. генерал-губернатора Западной Сибири в 8 день июня 1838 г., награжден чином майора.

По желанию кайсацких родоначальников избран на третье трехлетье старшим султаном окружного приказа 31 августа 1840 г.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден в настоящей должности 30 июня 1841 г.

По таковому же выбору кайсацких родоначальников избран старшим султаном приказа на четвертое трехлетье 6 августа 1843 г.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден в настоящей должности 18 сентября.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири за усердную службу награжден золотою медалью на александровской ленте 10 декабря 1843 г.

По выбору кайсацких родоначальников избран старшим султаном Кушмурунского окружного приказа на пятое трехлетье 18 августа 1846 г.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден в настоящей должности 21 сентября.

6. В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно?

— Не был.

7. Не был ли в штрафах и под судом?

— Не был.

8. К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет?

— Передается благоусмотрению высшего начальства.

9. Не был ли в отпусках, если был, то когда именно? На сколько времени, являлся ли в срок к должности?

— Был с 23 марта по 20 апреля 1841 г. и в срок явился.

10. Не был ли в отставке с награждением чина или без оного и когда?

— Не был.

11. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет, где они находятся и какого вероисповедания?

— Женат. Имеет детей, сыновей: Мухаммет-Ханафию 14 лет, Якупа 12 лет, Абдул-Макажана 4 лет; дочерей: Бадгул-Жамал 9 лет, Рахию 8 лет. Первый находится в Сибирском кадетском корпусе, а последний при нем. [Все] магометанского вероисповедания.

Рапорт старшего султана Кокчетавского округа полковника Валиханова исправляющему должность военного губернатора Области сибирских киргизов

4 мая 1862 г., № 56

Вашему превосходительству небезызвестно, что у всех вообще киргиз Кокчетавского округа по случаю оледенения пастбищных мест происходит сильный упадок в скоте. Киргизы же, желая сколько-нибудь поддержать свое состояние, [сохранить] последний оставшийся у них скот от гибели, некоторые решились перегнать скот в Атбасарский округ на места тамошних киргиз, а некоторые, заняв деньги у русских, покупали сено для своего скота, но все-таки не могли этим спасти от гибели скот свой, так что [сейчас] мало киргиз, имеющих несколько лошадей и рогатого скота, а теперь задолжались и нечем уплатить долги свои и не имеют средств пропитать себя с семейством. Потому для спасения себя от смерти начали приниматься за воровство друг у друга до такой степени, что если один киргиз имеет лошадь или корову, то другой уведет секретно в свой аул и заколет, и если вызвать его для удовлетворения просителя, то он хотя сознается в краже и считает себя виновным, но нечем ему уплатить за это и далее чуть не умирает с голоду, потому и нельзя наказывать. Муки, отпущенной из Кокчетава, взяли те киргизы, которые имеют лошадей для прибытия в Кокчетав, а которые не имеют лошадей, то те остались без всего. А впредь до прибытия их пешими в Кокчетав мука была роздана прибывшим до них.

Доводя о сем до сведения вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить почтить меня предписанием, какие принять заблаговременно меры к прекращению воров и сделать приказ к прочим, которые чтобы тоже не принялись за это самое.

Старший султан *Валиханов*

Формулярный список № 2 о службе старшего султана Кокчетавского округа полковника Чингиса Валиханова

1862 г.

Полковник Чингис Валиханов — старший султан Кокчетавского округа, пятидесяти одного года, магометанской веры, имеет золотую медаль на александровской ленте, орден св. Станислава

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

второй степени, для мусульман установленный, имеет медаль в память войны 1853—1856 гг. на владимирской ленте, жалованье 250 руб., столовые 100 руб., итого 350 руб.

Сын последнего хана Средней орды Валия Аблаева. Имения не имеет. Имеет в степи деревянное строение — дом.

Воспитание получил в училище Сибирского линейного казачьего войска (ныне кадетский корпус).

По желанию киргиз-кайсацких султанов Аман-Карагайского (ныне Кушмурунский) приказа избран старшим султаном на трехлетье и в сем звании бывшим Омским областным начальником утвержден в 1834 г. августа 30 дня.

По таковому же выбору оставлен обществом на другое трехлетье и утвержден в сей должности управляющим Омской областью 30 августа 1838 г.

По высочайшему повелению, объявленному через г. генерал-губернатора Западной Сибири в восьмой день июня 1838 г., награжден чином майора.

По желанию киргиз-кайсацких родоначальников избран на третье трехлетье старшим султаном (Кушмурунского) окружного приказа.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден в настоящей должности 31 августа 1840 г.

По таковому же выбору киргиз-кайсацких родоначальников избран старшим султаном (того же) окружного приказа на четвертое трехлетье 6 августа 1843 г.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден в настоящей должности 18 сентября.

Личным участием в экспедициях против мятежного султана Кенесары Касымова особенно содействовал успеху наших военных отрядов, за что всемилостивейше награжден золотою медалью на александровской ленте 10 декабря 1843 г.

По выбору киргиз-кайсацких родоначальников избран старшим султаном Кушмурунского приказа на пятое трехлетье 18 августа 1846 г.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден в настоящей должности 21 сентября 1846 г.

По желанию киргиз-кайсацких родоначальников избран старшим султаном Кушмурунского приказа на шестое трехлетье и г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден в настоящей должности 22 октября 1849 г.

За прослужением трехлетья и по избранию на место его другого уволен с этой должности 18 января 1853 г.

По высочайшему повелению, объявленному в приказе г. военного министра, за усердие и преданность правительству произведен в подполковники (14 августа 1852 г.).

Г. генерал-губернатором Западной Сибири определен советником от кайсаков в Областное правление сибирских киргизов 26 июля 1854 г.

В 1855 г. был в [составе] депутации от кайсаков Средней орды, следовавшей в С.-Петербург для изъявления его императорскому величеству чувства верноподданической преданности за особое попечение о благе киргиз-кайсацкого народа, где в числе прочих удостоился счастья представляться государю императору. В ознаменование особого благоволения его императорского величества высочайшим приказом, отданным по Военному ведомству 8 декабря 1855 г. за № 53, произведен в полковники и награжден орденом Св. Станислава второй степени, для мусульман установленным, 8 декабря 1855 г.

Г. генерал-губернатором Западной Сибири утвержден старшим султаном Кокчетавского округа 31 августа 1857 г.

По прослужении трехлетнего срока в должности старшего султана вновь согласно выбора народа утвержден г. генерал-губернатором Западной Сибири старшим султаном Кокчетавского округа в 1860 г. октября 29 дня.

В штрафах не был. Представляется на благоусмотрение начальства. Был в отпусках с 23 марта по 20 апреля 1841 г. и с 5 ноября 1854 г. по 8 января 1856 г. В отставке не был.

Женат на Зейнепе Чормановой. У них дети, сыновья: Чокан 26 лет, Якуп 24 года, Абдул-Макыжан 18 лет, Махмуд 14 лет, Мухаммеддия 11 лет, Сахип-Кирей 9 лет, Нурмухамед 4 года, и дочери: Бадгул-Жамал 23 года, Рахия 21 год, Нурида 13 лет, Шарбану 10 лет. Первый из них находится на службе, а последний при отце, жена и дети веры магометанской.

Уведомление от военного губернатора г. старшему султану Кокчетавского округа

18 декабря 1863 г., № 2663

Отметив успешное окончание Вами, почтительнейший султан, дел по Кокчетавскому округу, я представил это г. генерал-губернатору Западной Сибири и просил его высокопревосходительство об утверждении Вас на новое трехлетье старшим султаном. Ходатайство мое его высокопревосходительством уважено.

Сообщая об этом вашему высокоблагородию, я надеюсь, что и на будущее время Вы будете с успехом оканчивать возложенные на Вас поручения и останетесь столь же деятельным к службе*[22].

Подлинное за надлежащим подписал (подпись)

*[22] На полях помета: *От генерал-лейтенанта фон Фридрихса.*

Обращение председателя Степной комиссии к Ч. В. Валиханову

10 августа 1865 г., № 29

Милостивый государь, Чингис Валиханович!

Для уяснения способа пользования киргизов зимними стойбищами и летними кочевками имею честь покорнейше просить Вас, достойнейший султан, собрать из волостей вверенного Вам округа возможно верные сведения по всем вопросам, означенным в прилагаемой записке, и представить оные в Главное управление Западной Сибири к 1 ноября текущего года для передачи комиссии по возвращении ее из степи.

Позволяя себе надеяться, что при личном участии Вашем сведения эти будут составлены с полным вниманием и основательностью.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Подписал председатель комиссии *Гирс*

Верно: делопроизводитель *Галдинский*

Предписание генерал-губернатора Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов

25 августа 1867 г.

Возвращая вашему превосходительству докладную записку султана полковника Чингиса Валиханова, в которой он выразил преступные мысли против правительства, покорнейше прошу вытребовать его в Омск для личных объяснений.

Верно: столоначальник *Мельников*

Прошение полковника султана Чингиса Валиханова генерал-губернатору Западной Сибири

23 марта 1873 г.

Положением совета Главного управления Западной Сибири, состоявшегося 9 ноября 1872 г. за № 48, и вследствие ходатайства моего, хотя предоставлено мне как наследнику право с детьми пользоваться землею, отведенною матери моей, ханше Валиевой, уже умершей, но без разъяснения в оном, могу ли я пользоваться на этой земле как дровяным, так и поделочным лесом без платежа попенных и посаженных денег. Поэтому я и обращался с просьбою к господину военному губернатору Акмолинской области о разъяснении мне прав на пользование землею и лесом.

Его превосходительство, господин военный губернатор, предписанием от 10 марта минувшего 1871 г. за № 4354 дал знать г-ну

кокчетавскому уездному начальнику для объявления мне, что по точному смыслу § 2 временных правил, приложенных к 411 статье Устава лесного, я могу пользоваться лесом, произрастающим на отведенной матери моей, ханше Валиевой, земле, как дровяным, так и поделочным, без платежа попенных и посаженных денег наравне с прочими кайсаками не иначе как по билету, выдаваемому из уездного управления согласно вышеприведенным узаконениям.

По встретившейся необходимой надобности я в конце минувшего 1872 г. просил распоряжения г. кокчетавского начальника о бесплатном отпуске мне для поправки дома, а равно перестройки таковых же сыновьями моими, живущими каждый отдельно, именно поручиком Махмутом, Якупом, Макажаном и Сахип-Киреем Валихановыми, и пристройки для прислуг сырорастущего соснового леса в количестве 310 деревьев разного размера и 50 кубических сажен березовых дров для отопления из урочища Тюкты. Но уездный начальник, не выдав мне на порубку леса просимого билета, предварительно вошел об этом с представлением в Акмолинское областное правление, которое ходатайство мое признало не заслуживающим уважения на том основании, что из указанного мною урочища Тюкты отпуск сырорастущего леса в таком количестве произведен быть не может без полного оскуднения усти, истощенной предыдущими порубками, и что, разрешив мне такую порубку леса, пришлось бы отказать другим более бедным кайсакам, живущим близ того же урочища Тюкты и нуждающимся в лесных материалах, необходимых для исправления зимовок и мелких поделок. А потому определило: отказать мне в отпуске просимого сырорастущего леса.

Тем указом от 7 сего марта за № 2546 дали знать Кокчетавскому уездному начальнику для объявления мне отказа в отпуске леса для поправки дома моего и перестройки домов с пристройками для прислуг сыновьями моими. Мы остановились впредь до испрашивания и получения на это разрешения от вашего высокопревосходительства.

Все вышеописанное обстоятельство представляя на усмотрение вашего высокопревосходительства, я покорнейше прошу распоряжения вашего о разрешении мне с сыновьями моими, живущими каждый отдельно, в числе пяти семейств, на основании положения совета Главного управления Западной Сибири, состоявшегося 9 ноября 1872 г. за № 48, § 2 временных правил, приложенных к 411 статье Устава лесного, объясненных в предписании его превосходительства, господина военного губернатора Акмолинской области, от 10 марта 1871 г. за № 4354, бесплатного отпуска нам просимого сырорастущего соснового леса, нужного для сказанной надобности, и 50 кубических сажен березовых дров, если не из урочища Тюкты, как в этом отказано мне областным правлением, то из леса под названием Чок-Карагай, находящегося на земле, предоставленной в пользование мое и пере-

шедшей после смерти матери моей, ханши Валиевой, ко мне во владение, и, какое последует по сему распоряжение вашего высокоблагородия, не оставить мне объявить через г-на кокчетавского уездного начальника.

Полковник *Чингис Валиханов*

Обращение оргкомитета конгресса ориенталистов к киргизам Кокчетавского, Сары-Суйского и Акмолинского уездов

9 февраля 1876 г., № 1840—1842, С.-Петербург

По заявлениям лиц, знакомых со степью, в Кокчетавском уезде можно достать, в особенности следующие (вещи): седла металлические лучшего качества .., каменные старинные вещи, оставшиеся от Аблай-хана и находящиеся в самом Кокчетаве, в городе, о чем можно получить более подробные сведения от Чингиса Валиханова; затем от кайсацкого [певца] Урунбая можно усмотреть и записать много весьма интересных былин; наконец, между станциею Зерендинской и Айдабульским выселком, саженях в 200 от оз. Кумдукуль, находится статуя, которую решительно было бы видеть доставленной сначала в Омск, а потом на выставку. Сверх этого, предположено отправить на выставку сына Чингиса Валиханова Якуба и волостного управителя Джумата Хосрау Казыхожина, посему желательно, чтобы предположения были приняты.

В Сары-Суйском уезде, по заявлениям некоторых лиц, можно в особенности достать: седла и другие костюмы (в Баганалинских волостях преимущественно у Бименды Ерденева) лучшего достоинства, разные вещи от Чокаманова, кайсака Актавской волости,— образцы водки, выделываемой под кумыс, и снарядов для ее приготовления; ...родословную (шеджре) у кайсака Атасуйской волости Джарылкап Борды.

В Акмолинском уезде, по заявлению некоторых лиц, можно достать разные вещи: станок для обтачивания и шлифовки драгоценных камней (от Аблая и Ибрая Конуркульджиных), юрту от Коченова, Мухамеда Джаикпаева, Ибрая Конуркульджина, Мухамедьяра Джаикпаева... затем много интересных пословиц можно собрать от кайсака Бекхожи Тиесова; что весьма важные фотографические снимки получились бы с зимовок Коченова (на Козытытрахе), Сагная Зесова (на Карабулаке), с развалин Ботагая, Алача-хана (на Кара-Кенгире), Умсабая (по Улутавскому тракту). В чем мог бы желать.

К. А. Лазарев

Список вещей, представленных волостными управителями Кокчетавского уезда для отсылки в С.-Петербург на выставку

Шуба бархатная красного цвета, шитая мишурой, стоимостью	36 р.	Принадлежит управителю Казыхожину
Халат бархатный красный, обложен галуном и выдрою	80 р.	Управителя Сасыкова
Камзол зеленый шелковый, обложен кругом желтым позументом	15 р.	Кайсака Джаниша Чонгарина
Халат плисовый, вышитый разными шелками	30 р.	Бия Тленбая Тлепова
Ярлак желтый из козлиных шкур, вышитый кругом разными шелками	25 р.	Бия Мукача Айнаутева
Суконные чамбары, вышитые шелками	100 р.	Жакупа Валиханова
Вышитый аракчин (такия)	50 р.	Полковника Валиханова
Лисья шапка (малахай)	30 р.	
Два белых колпака	3 р.	Управителя Сасыкова и Казыхожина
Кольчуга стальная, витая в кольца	20 р.	Аманбая Мынжасарова
Дулыга (стальная шапка) на голову, принадлежащая к кольчуге	5 р.	Кученбая Толекова
Шашка с золоченою насечкою, подаренная хану Аблаю императрицей Екатериной II	—	Адиля Аблаева
Золотая опояска		»
Головной женский убор: (джавлук) из белой канфы с золотыми кистями	—	
Кожаная калта с серебряным убором	25 р.	Управителя Чубекова
Седло старинных времен со стременами	—	Управителя Сасыкова
Седло под медною оправою	5 р.	Управителя Кожагулова
Падфея и таралгы под серебром	3 р.	»
Трок — узда под серебром	3 р.	Карлыкова
Тебенги и стремена под серебром киргизского изделия	12 р.	Кожабергена Ермекова
Серебряные стремена с таковыми же бляхами	12 р.	Бакира Аккошкарова
Серебряная узда	30 р.	Управителя Сасыкова
Старинный серебряный перстень	25 р.	Жакупа Валиханова
Топорик (айбалта) под серебром киргизской работы	20 р.	Управителя Сасыкова
Сабля с портупеей	10 р.	»
	125 р.	Полковника Валиханова (продаже не подлежит)
Ружье малого размера	25 р.	»
Колчан со стрелами и луком	75 р.	»
Плеть с черным оправленным железом		»
Натруска роговая	3 р.	»
Деревянный футляр для часов	5 р.	Макажана Валиханова
Деревянный ковшик	3 р.	»
Ножницы для стрижки овец		Управителя Казыхожина
Сливочник деревянный	2 р.	Макажана Валиханова

Чашка деревянная	5 р.	»
Саптаяк деревянный	4 р.	»
Корыто деревянное	10 р.	Макажана Валиханова
Ковшик костяной, конек и турсук кожаный	8 р.	Управителя Сасыкова (конек продаже не подлежит)
Плеть с деревянным чернем старого киргизского образца		Адиля Аблаева (не подлежит продаже)
Канжар	12 р.	Управителя Кожагулова
Ножик	5 р.	Полковника Валиханова
Кушак золотой парчи на зеленом подкладе		

За кокчетавского уездного начальника
старший помощник (подпись)

Вещи принял (кроме № 12, 23, 39) надворный советник
Ив. Словцов

Письмоводитель *Фролов*

Письмо Чингиса Валиханова художнику М. С. Знаменскому[1]

14 апреля 1876 г.

Милостивый государь, Михаил Николаевич![*23]

Получив предложение вашего высокородия от 9 февраля за № 1829 и рассмотрев приложенный при оном список предметов, которые желательно было бы видеть доставленными от Акмолинской области на имеющую быть в С.-Петербурге в конце августа 1876 г. выставку при конгрессе ориенталистов, я, к несчастию моему, в настоящее время не имею таких вещей, которые бы могли обратить взгляд публики, чтобы познакомить с современным и древним бытом людей, населяющих область кайсаков, ибо замечательные и любопытные костюмы древних кайсаков, в особенности бывшего хана, покойного отца моего Валихана, кольчуга, шлем и прочие, были переданы мною приезжавшему сюда в степь с комиссией в 1865 г. генерал-майору Гейнсу; другие же не менее любопытные и ценные вещи доставлены были также мною на Московскую выставку, бывшую в 1867 г. Затем сохранившиеся еще доселе у меня некоторые предметы я при особом списке с сим же вместе для отсылки г-ну военному губернатору передал кокчетавскому уездному начальнику, копию с того списка при сем прилагаю. При этом долгом считаю присовокупить, что из-за вышеизложенного мною у меня не осталось современных и древних кайсацких костюмов... вообще, кайсаки Кокчетавского уезда совершенно оставляют свой прежний быт, они стали носить свои костюмы на манер татар и более из русского произведения, и что, разыскивая через расспросы древние и ценные

[*23] Ошибка: имя и отчество Знаменского — Михаил Степанович.

вещи, я при всем моем старании о месте и лице, где и у кого бы можно было таковые найти, сведения получить не мог.

И потому со времени получения сказанного предложения Вашего сведения эти оставались мною не доставленными. Сыну моему, Якубу, отправиться на выставку при конгрессе и взять на себя роль представителя кайсаков я со своей стороны препятствий

Фляга Чингиса Валиханова с костяной инкрустацией.
(Омский краеведческий музей).

не делаю, и он, Якуб, на это сам изъявляет полное желание. За сим покорнейше прошу ваше высокородие принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Чингис Валиханов

Рапорт кокчетавского уездного начальника господину военному губернатору Акмолинской области

2 июня 1876 г., № 4199, Кокчетав

На предписание господина исправляющего должность губернатора Акмолинской области от 30 апреля сего года за № 5731 и в дополнение рапорта моего от 21 апреля за № 2957 имею честь донести, что для поездки в С.-Петербург на выставку младшего помощника моего султана Валиханова и волостного управителя Казыхожина общество кайсаков добровольно изъявило желание жертвовать 800 руб.; на какой счет должна вестись отсылка вещей из-за неполучения разрешения по вышеупомянутому рапорту за № 2957, неизвестно.

При этом почтительнейше докладываю вашему превосходительству, что младший помощник мой, Валиханов, от поездки в С.-Петербург по изменившимся домашним его обстоятельствам и слабому здоровью отказался, как донес о сем рапортом от 26 мая за № 11.

Уездный начальник (подпись)

Старший помощник уездного начальника *Коновалов*

Список вещей, имеющих быть доставленными через Кокчетавского уездного начальника г-ну военному губернатору Акмолинской области полковником Чингисом Валихановым на имеющую быть в С.-Петербурге выставку ориенталистов в конце августа 1876 г.

№ п/п	Наименование предметов	Цена предметов
1	Аракчин, вышитый на бархате золотом и обложенный в ладонь выдрой	50 р.
2	Шапка (малахай) на лисьем меху, крытая сукном и обложенная кругом выдрой	30 р.
3	Кожаный колчан под серебряною и частью золотою оправою с каменными вставками, маржаном, с 5-ю стрелами и кожаным поясом под серебряною оправою	75 р.
4	Ножик с костяным черенком в кожаных ножнах с подсеребренными гвоздями	5 р.
5	Патруска с двумя отверстными косточками	3 р.
6	Ружье короткое старинное с фитилем и насечкой	25 р.
7	Тюскиик (войлочный ковер), вышитый красным сукном на голубой материи, на ситцевой подкладке	40 р.
8	Суконные чамбары (шаровары), вышитые шелком на ситцевой подкладке (султана Якуба, продаже не подлежат)	100 р.
9	Кожаная узда под серебряной оправой (принадложит Ч. Валиханову)	25 р.

№ п/п	Наименование предметов	Цена предметов
10	Конек (подойник) кожаный для доения кобыл	8 р.
11	Клыч (сабля) под серебряною оправой и кожаный пояс, тоже под серебряною оправою (продаже не подлежит)	125 р.
12	Деревянная чашка	5 р.
13	Деревянный ковш (ожау для разливания кумыса)	3 р.
14	Деревянная чашка с ручкой (саптаяк)	4 р.
15	Деревянный молочник	2 р.
16	Деревянный футляр для карманных часов	5 р.
17	Деревянное корытце, в которое выкладывается мясо из казана	10 р.

Примечание. Указанные (№ 12—17) предметы представляют собой собственные изделия (творения) коллежского регистратора султана Макажана Чингисовича Валиханова, обучавшегося в С.-Петербурге в заведении глухонемых.

МАТЕРИАЛЫ СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

СЛУЖБА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Уведомление Департамента военных поселений Инспекторскому департаменту Военного министерства

23 октября 1853 г., № 13351

По отношению Департамента военных поселений о производстве в офицеры воспитанника Сибирского кадетского корпуса Чокана Валиханова.

По ходатайству его императорского высочества, государя-наследника, цесаревича, главного начальника военно-учебных заведений, высочайше повелено: воспитанника эскадрона Сибирского кадетского корпуса Чокана Валиханова, сына киргиз-кайсакского султана майора Валиханова, окончившего ныне курс наук в 5 общем классе и по экзамену удостоенного, согласно существующим правилам, к выпуску на действительную службу офицером, произвести в корнеты с зачислением по кавалерии и с назначением на службу в Сибирское линейное казачье войско*[1].

Департамент военных поселений по поручению господина военного министра имеет честь сообщить об этом Инспекторскому департаменту для внесения в высочайший приказ.

За отсутствием директора генерал-майор (подпись)

Уведомление штаба Отдельного сибирского корпуса исправляющему должность пограничного начальника сибирских киргизов генерал-майору Клейсту

30 ноября 1853 г., № 7738 корпусная штаб квартира в г. Омске

Г. военный министр, генерал-адъютант князь Долгоруков отношением от 27 минувшего октября за № 13 545 довел до сведения его императорского высочества, государя-наследника, цесаревича, что по всеподданнейшему докладу ходатайства его высочества о производстве в корнеты с зачислением по кавалерии и с назначением на службу в Сибирское линейное казачье войско воспитанника эскадрона Сибирского кадетского корпуса Чокана Валиханова, сына киргизского султана майора Валиханова, окончившего курс наук в 5 общем классе и по экзамену удостоенного,

*[1] На полях помета: *Объявлено в высочайшем приказе 8 ноября 1853 г., № 4322.*

согласно существующим правилам, к выпуску на действительную службу офицером,— его императорское величество высочайше, повелеть соизволил: [все] исполнить согласно ходатайству его высочества.

О такой высочайшей воле, сообщенной г. корпусному командиру начальником штаба его императорского высочества, наслед-

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Дежурный Генералъ Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Генералъ-Адъютантъ

Диплом Чокана об окончании Сибирского кадетского корпуса.

ника, цесаревича, главного начальника военно-учебных заведений, г. генерал-адъютантом Ростовцевым от 4 ноября № 111 194 за отсутствием его высокопревосходительства Густава Христиановича, сообщая вашему превосходительству для объявления отцу воспитанника Валиханова, майору Валиханову, имею честь присовокупить, что о производстве означенного Валиханова будет объявлено в высочайшем приказе*2.

Начальник штаба генерал-лейтенант *Яковлев*
Дежурный штаб-офицер (подпись)

*2 На полях помета: *Получено 3 декабря 1853 г.*

Приказ по Сибирскому линейному казачьему войску

19 декабря 1853 г., № 245, г.Омск

Государь император по ходатайству его императорского высочества, государя-наследника, цесаревича, главного начальника военно-учебных заведений, высочайше повелеть соизволил воспитанника эскадрона Сибирского кадетского корпуса Чокана Валиханова, сына киргизского султана, майора Валиханова, окончившего ныне курс наук в 5 общем классе и по экзамену удостоенного, согласно существующим правилам, к выпуску на действительную службу офицером, произвесть в корнеты с зачислением по кавалерии и с назначением на службу во вверенное мне войско.

О таковом монаршем соизволении, сообщенном мне в отзыве г. начальника корпусного штаба от 12 сего декабря за № 7988, объявляя по Сибирскому линейному казачьему войску, предлагаю корнета Валиханова считать прикомандированным к войсковому штабу.

Подписал генерал-майор *Воробьев*

Божиею милостию мы, Николай первый, император и самодержец всероссийский, и прочая и прочая, и прочая

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Сибирского кадетского корпуса воспитанника Чокана Валиханова в наши корнеты тысяча восемьсот пятьдесят третьего года ноября восьмого дня всемилостивейше пожаловали и учредили; яко же мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим подданным, оного Чокана Валиханова за нашего корнета надлежащим образом признавать и почитать; и мы надеемся, что он в сем ему от нас всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит. Во свидетельство чего мы сие Инспекторскому департаменту Военного министерства подписать и государственною нашею печатью укрепить повелели.

Дан в Санкт-Петербурге, лета 1854 февраль 13 день.

Дежурный генерал Главного штаба его императорского величества, генерал-адъютант (подпись)

Исправляющий должность вице-директора, флигель-адъютант (подпись)

Выписка из приказа по Сибирскому линейному казачьему войску

Февраля 6 дня, 1854 г., № 26, в Омске

§ 1

Прибывший в войсковой штаб назначенный во вверенное мне войско корнет Чокан Валиханов прикомандировывается на службу в 6-й казачий полк.

Подписал генерал-майор *Воробьев*

Ходатайство командира Отдельного сибирского корпуса перед военным министром о награждении корнета Чокана Валиханова

17 декабря 1855 г., № 144, Омск

При произведенном мною в сем году осмотре войск высочайше вверенного мне корпуса я удостоверился, что все вообще войска сего корпуса находятся в удовлетворительном, а многие в весьма хорошем состоянии.

Особенное усердие и неутомимые труды штаб- и обер-офицеров Сибирского корпуса, коих служба в здешнем крае сопряжена с разными лишениями и ограничена чрезвычайно бедным и несоразмеримым их служебным трудом и расходами на содержание, вменяют мне в обязанность покорнейше просить ваше сиятельство благоволить исходатайствовать всемилостивейшего его императорского величества воззрения и соизволения на награждение отличнейших из них, в прилагаемых здесь списках поименованных.

Из списков этих ваше сиятельство изволите удостовериться, что число представляемых к наградам весьма умеренно, а самые награды предполагаются в установленной последовательности. Представляются к оным по каждому управлению и части только несколько офицеров, таких, которые по особым трудам, усердию, пользам, принесенным службе, и лишениям в здешнем отдаленном крае истинно заслуживают поощрения.

В числе представляемых заключается между прочим и состоящий при мне по несостоянию комплектного числа адъютантов корнет султан Валиханов, который хотя и состоит на службе не более 2 лет, но при совершенном знании оной и киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в киргизскую степь, принес большую пользу. При том он, султан Валиханов, есть потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из детей киргизских султанов Сибирского ведомства, который получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил

на военную службу, а потому и в видах поощрения такового полезного начала и развития в киргизах желания к отдаче детей своих в нашу службу и чрез-то большего сближения их с нами я нахожу необходимым поощрения Валиханова всемилостивейшею наградою, тем более что по происхождению своему он пользуется особым между киргизами уважением.

Верно: исправляющий должность начальника
отделения (подпись)
Сверял: секретарь (подпись)

Отношение Департамента военных поселений в Инспекторский департамент Военного министерства

20 января 1856 г., № 330

Командир Отдельного сибирского корпуса ходатайствует о производстве в поручики числящегося при Сибирском линейном казачьем войске и состоящего по кавалерии корнета Чокана Валиханова за отлично усердную и ревностную его службу.

Департамент военных поселений имеет честь покорнейше просить Инспекторский департамент уведомить, которым упомянутый офицер состоит по общему списку корнетов, числящихся по кавалерии.

Подписали: вице-директор, генерал-майор *Бахтин*
Начальник отделения подполковник *Маханев*
Верно: управляющий столом (подпись)

Ответ Инспекторского департамента в Департамент военных поселений

28 января 1856 г., № 929

Вследствие отношения № 330 Инспекторский департамент имеет честь уведомить Департамент военных поселений, что состоящий по армейской кавалерии, числящийся при Сибирском линейном казачьем войске корнет Чокан Валиханов состоит по общему списку корнетов армейской кавалерии 226-м*[3].

Исправляющий должность вице-директора полковник
граф *Сиверс*
Управляющий отделением старший адъютант (подпись)
Гвардии штабс-капитан (подпись)

---

*[3] На полях помета: *О старшинстве корнета Чокана Валиханова. К докладу от 30 января. Департамент военных поселений, инспек. отд. иррег. войск. № 723/487. Получено 30 января 1856 г.*

Ходатайство военного министра кн. Долгорукова о награждении Чокана Валиханова

27 февраля 1856 г., № 128

Командир Отдельного сибирского корпуса представил два списка штаб-и обер-офицеров Сибирского линейного казачьего войска, представленных к награде за отлично усердную и ревностную службу.

При этом генерал от инфантерии Гасфорт присовокупляет, что в числе представляемых заключается состоящий при нем по неимению комплектного числа адъютантов корнет султан Валиханов, который хотя и состоит на службе не более двух лет, но при совершенном знании оной и киргизского языка, а также местных киргизских обычаев принес большую пользу при сопровождении его, генерала Гасфорта, в киргизскую степь. Притом же султан Валиханов есть потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из детей киргизских султанов Сибирского ведомства получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе, поступил на военную службу, а потому в видах поощрения такового полезного начала и развития в киргизах желания к отдаче детей на службу и через то большего сближения их с нами находит поощрение Валиханова необходимым, ибо он по происхождению своему пользуется особым между киргизами уважением.

Принимая во внимание засвидетельствование генерала от инфантерии Гасфорта: первое, что он представляет к наградам по каждому управлению и части только несколько таких офицеров, которые по особым трудам, усердию, пользам, принесенным службе, и лишениям в тамошнем отдаленном крае истинно заслуживают поощрения, и второе, что большею частью испрашиваются единовременные денежные выдачи из войсковых сумм по причинам чрезвычайно бедного и несоразмерного их служебным трудам и расходам на содержание, я полагал бы предоставить им испрашиваемые единовременные выдачи как по причинам вышеизложенным, так и по незначительности получаемых ими окладов.

Состоящий по армейской кавалерии корнет Чокан Валиханов, коему испрашивается следующий чин поручика, прослужил в чине с небольшим два года и состоит по общему списку корнетов армейской кавалерии 226-м, но я полагал бы произвесть его в поручики во внимание к его происхождению и особому ходатайству о нем генерала от инфантерии Гасфорта.

Мнение это имею счастье представить на высочайшее вашего императорского величества воззрение[*4].

[*4] На полях помета: *Высочайше повелено награды назначить согласно представлению, в докладе доложенному. Военный министр князь Долгоруков. 24 февраля 1856 г. Уведомлено 26 февраля. Департамент военных поселений, инспекторское отд. иррегулярных войск. Получено 26 февраля 1856 г.*

Уведомление Департаментом военных поселений управляющего Сибирского комитета В. П. Буткова

2 марта 1856 г., № 1102

Сего числа господин военный министр уведомил командира Отдельного сибирского корпуса о всемилостивейшем пожаловании состоящему при нем по неимению комплектного числа адъютантов, числящемуся при Сибирском линейном казачьем войске и состоящему по кавалерии корнету из киргизов Чокану Валиханову следующего чина поручика, чина за отлично усердную и ревностную его службу.

Имею честь уведомить об этом ваше превосходительство для надлежащей известности*[5].

Подписал: директор генерал-лейтенант барон *Пален фон Пилькау*

Верно: управляющий столом подпоручик (подпись)

Сверил: поручик (подпись)

Наградной лист*[6]

Декабрь 1856 г.

Должность, чин, имя, отчество и фамилия; с какого времени в офицерском звании и в настоящем чине и должности; какие имеет ордена и знак отличия беспорочной службы; сколько получает в год жалованья и прочего содержания; был ли под судом и в штрафах, когда, за что и чем дело кончено.

Состоящий при командире Отдельного сибирского корпуса по несостоянию комплектного числа адъютантов, числящийся при Сибирском линейном казачьем войске, состоящий по кавалерии корнет Чокан Валиханов.

В офицерском звании и настоящем чине с 8 ноября 1853 г.

В настоящей должности*[7] с 12 октября 1854 г.

Орденов и знака отличия беспорочной службы не имеет.

Получает в год жалованья 215 руб.

Под судом и в штрафах не был.

Вероисповедания магометанского.

Какую и когда получил последнюю награду?

Наград не получал.

За что к награде представляется?

---

*[5] На полях помета: *Его превосходительству В. П. Буткову.*

*[6] На полях помета: *Из наградного списка, представленного генералом от инфантерии Гасфортом.*

*[7] Имеется в виду должность адъютанта при генерал-губернаторе Западной Сибири.

За отличную усердную службу, похвальное и отчетливое исполнение возложенных на него поручений при совершенном знании службы и киргизского языка и уважении, которым он пользуется как потомок последнего владетельного хана, вступившего в подданство России.

Испрашиваемая награда: следующий чин — [чин] поручика.

Генерал-лейтенант барон (подпись)

Начальник отделения подполковник *Михайлов*

СЛУЖБА В УЧЕНОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Представление Ч. Ч. Валиханова к награде после успешного завершения Кашгарской экспедиции

24 января 1860 г., № 706

Наградной список

Прикомандированному к 6 полку Сибирского линейного казачьего войска, состоящему по армейской кавалерии поручику Чокану Чингисовичу Валиханову.

В офицерском звании с 8 марта 1853 г.*[1]

В настоящем чине [поручика] с 25 марта 1856 г.

В настоящей должности с 8 марта 1853 г.*[2]

Имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 годов на владимирской ленте.

Получает в год жалованья 312 руб.

Под судом и в штрафах не был.

25 марта 1856 г. за отличие по службе произведен в поручики.

За отличное исполнение возложенного по высочайшему повелению на него поручения в Восточном Туркестане и полное удовлетворительное представление сведений о том крае полагаю наградить: следующим чином, орденом св. Анны 3 степени и единовременно пятьюстами рублей серебром.

Генерал от инфантерии *Гасфорт*

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства министру финансов

21 марта 1860 г., № 34, С.-Петербург

Командир Отдельного сибирского корпуса, донося о возвращении в укрепление Верное известного вашему высокопревосходительству каравана, посланного в 1858 г. в Кашгар для сбора сведений о том крае, сообщил, что по снаряжению и отправлению каравана им израсходовано из состоящих в его распоряжении сумм 2111 р. 64 к.

По всеподданнейшему о том докладу государю императору благоугодно было 16 сего марта высочайше повелеть: все издерж-

*[1] Точнее, с 8 ноября 1853 г.

*[2] Описка, с 6 марта 1854 г.

ки по отправлению в Кашгар каравана отнести на счет Государственного казначейства.

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство, имею честь покорнейше просить сделать распоряжение об отпуске командиру Отдельного сибирского корпуса 2111 р. 64 к. серебром в возврат сумм, издержанных им по отправлению каравана*[3].

Подписал военный министр генерал-адъютант *Сухозанет*
Скрепил генерал-квартирмейстер барон *Ливен*

Записка А. М. Горчакова

5 апреля [1860 г.]

Прошу ваше превосходительство прислать мне к утру подлежащую статью о Валиханове и приказ по иррегулярным войскам о купце Букаше, если его не следует помещать в высочайший приказ.

Доклад по Управлению иррегулярных войск

6 апреля 1860 г., № 112

Во исполнение приказания вашего высокопревосходительства Управление иррегулярных войск имеет честь представить при сем статью для внесения в высочайший приказ о производстве поручика султана Чокана Валиханова в штабс-ротмистры*[4].

Начальник Управления генерал-лейтенант *Веригин*
Исправляющий должность начальника отделения майор *Линденер*

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства господину министру финансов

6 апреля 1860 г., № 2737, С.-Петербург

Вследствие ходатайства командира Отдельного сибирского корпуса государь император в 16 день минувшего марта соизволил всемилостивейше пожаловать:

1. Состоящему по армейской кавалерии штабс-ротмистру султану Чокану Валиханову 500 рублей серебром в единовременное пособие.

2. Товарищу военного губернатора Области сибирских киргизов, состоящему по армейской кавалерии полковнику Гутковскому годовой оклад жалованья 687 руб. серебром.

---

*[3] На полях помета: *По отправлению каравана в Кашгар.*

*[4] На полях помета: *С препровождением статьи для внесения в высочайший приказ.*

О таковых монарших милостях уведомляя ваше высокопревосходительство, имею честь покорнейше просить сделать распоряжение: 1-е, чтобы всемилостивейше пожалованные султану Валиханову наградные деньги с удержанием 16% в пользу инвалидов и емеритальной кассы были даны под его расписку из государственного казначейства и, 2-е, чтобы следующие полковнику Гутковскому деньги за надлежащими вычетами были ассигнованы к отпуску командиру Отдельного сибирского корпуса из Тобольской казенной палаты*[5].

Подписал военный министр, генерал-адъютант *Сухозанет*
Скрепил генерал-квартирмейстер барон *Ливен*
Верно: чиновник *Замаховский*

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства канцлеру российских императорских и царских орденов

6 апреля 1860 г., № 2738, С.-Петербург

Государь император по всеподданнейшему докладу моему ходатайства командира Отдельного сибирского корпуса всемилостивейше пожаловать соизволил: семипалатинскому купцу Букашу за добровольное снаряжение на свой счет каравана в Среднюю Азию — золотую медаль с надписью: «За усердие» для ношения на шее на владимирской ленте и караванбаше Мусабаю, оказавшему содействие командированному в Кашгар поручику Валиханову в собрании торговых сведений,— золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на станиславской ленте.

О таковой монаршей воле сообщая вашему сиятельству имею честь покорнейше просить сделать надлежащее распоряжение о доставлении означенных медалей в Департамент Генерального штаба для отсылки по принадлежности*[6].

Подписал военный министр генерал-адъютант *Сухозанет*
Скрепил генерал-квртирмейстер барон *Ливен*
Верно: чиновник *Замаховский*

*[5] На полях помета: *О всемилостивейше пожалованных наградах.*
*[6] На полях помета: *О всемилостивейше пожалованных наградах. Указ Капитулу российских орденов. Копия 259.*

Божиею милостию, мы, Александр второй, император и самодержец Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая и прочая нашему поручику, состоящему по армейской кавалерии, султану Чокану Валиханову

В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы вашей, оказанной при исполнении возложенного на вас осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями, всемилостивейше пожаловали мы вас указом в 6-й день апреля 1860 года. Капитулу данным, кавалером императорского ордена нашего святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени.

Грамоту сию во свидетельство подписать орденскою печатью, укрепить и знаки орденские препроводить к вам повелели мы Капитулу российских императорских и царских орденов.

Дана в Санкт-Петербурге в 8-й день апреля 1860 года.

Вице-президент гр. (подпись)

Член, генерал-лейтенант (подпись)

Присутствующий обер-церемониймейстер (подпись)

Статья для внесения в высочайший приказ

7 апреля 1860 г.

По кавалерии

Состоящий по армейской кавалерии поручик султан Чокан Валиханов в штабс-ротмистры с оставлением по армейской кавалерии*[7].

Военный министр генерал-адъютант *Сухозанет*

Приказ царя

7 апреля 1860 г.

Его императорское величество в присутствии своем в Санкт-Петербурге соизволил отдать следующий приказ:

Производится по кавалерии за отличие по службе состоящий по армейской кавалерии поручик султан Чокан Валиханов в штабс-ротмистры с оставлением по армейской кавалерии.

*[7] На полях помета: *Производятся за отличие по службе. Копия 261.*

Указ Капитулу российских императорских и царских орденов

Апреля 1860 г., С.-Петербург

В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы состоящего по армейской кавалерии поручика султана Чокана Валиханова, оказанной им при исполнении возложенного на него осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями, всемилостивейше пожаловали мы его кавалером императорского ордена нашего святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени*[8]. Вследствие чего повелеваем Капитулу выдать сему кавалеру орденские установленные для нехристиан знаки и грамоту на оные.

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: *Александр*

Контрассигновал генерал-адъютант *Сухозанет*

Верно: исправляющий должность вице-директора полковник *Мордвинов*

С подлинным сверял начальник регистратуры *Григоровский*

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства в Управление иррегулярных войск

8 апреля 1860 г., № 2739

Государь император вследствие ходатайства командира Отдельного сибирского корпуса в 6 день минувшего марта*[9] соизволил всемилостивейше пожаловать:

1) Состоящему по армейской кавалерии поручику султану Чокану Валиханову во внимание к усиленным трудам, лишениям и опасностям, которым он подвергался при исполнении возложенного на него осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, следующий чин штабс-ротмистра, орден св. Владимира 4 степени и 500 руб. серебром в единовременное пособие.

2) Семипалатинскому купцу Букашу, добровольно вызвавшемуся отправить караван на свой счет в среднеазиатские владения, чин хорунжего и золотую медаль для ношения на шее на владимирской ленте.

3) Караванбаши Мусабаю, оказавшему весьма большое пособие поручику Валиханову по собиранию торговых сведений и с

*[8] На полях помета: *Писано в канцелярию Капитула орденов. 21 августа за № 3102.*

*[9] Неточно, указ принят 6 апреля 1860 г.

успехом руководившему караваном, золотую медаль для ношения на шее на станиславской ленте и

4) Товарищу военного губернатора Области сибирских киргизов, состоящему по армейской пехоте, полковнику Гутковскому за содействие при отправлении каравана и наблюдение при составлении поручиком Валихановым описания осмотренного им края, оклад жалованья 687 руб. серебром.

О таковых всемилостивейших наградах Департамент Генерального штаба имеет честь сообщить сведения Управлению иррегулярных войск, присовокупляя, что все распоряжения для приведения в исполнение последовавшей высочайшей воли уже сделаны по Департаменту Генерального штаба*[10].

Подписал генерал-квартирмейстер генерал-адъютант
барон *Ливен*
Полковник *Романовский*

Свидетельство

Сим удостоверяется, что предъявитель сего есть действительно состоящий по армейской кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов, которому всемилостивейше пожаловано в награду пятьсот рублей серебром из суммы Государственного казначейства. С.-Петербург, 11 апреля 1860 г.*[11]

Подписано: вице-директор *Г. М. Скалон*
Скрепили: правитель канцелярии подполковник *Анучин*
Верно: чиновник *Замаховский*

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства состоящему по армейской кавалерии господину штабс-ротмистру Чокану Валиханову

21 апреля 1860 г., № 3143, С.-Петербург

Имею честь препроводить при сем к вашему благородию всемилостивейше пожалованные Вам орденские знаки Св. Владимира четвертой степени, для нехристиан установленные, вместе с грамотою в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы Вашей, оказанной при исполнении возложенного на Вас осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями, покорнейше прося представить в Департамент Генерального штаба

*[10] На полях помета: *Объявлено в высочайшем приказе 7 апреля 1860 г. К сведению (об отчислении). 10 апреля 1860 г. По журналу высочайших повелений. В Инсп. отд. № 243/375. Получено 10 апреля 1860 г.*

*[11] На полях помета: *Копия № 2824.*

для доставления в Капитул орденов единовременных денег пятнадцать рублей серебром (за орденские знаки) *[12].

Подписал генерал-квартирмейстер генерал-адъютант барон *Ливен*

Скрепил полковник *Романовский*

Верно: чиновник *Замаховский*

Письмо департамента Генерального штаба Военного Министерства генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту

21 апреля 1860 г., № 3100, С.-Петербург

Милостивый государь Густав Христианович, по приказанию г. военного министра ныне с содействием прибывшего в С.-Петербург штабс-ротмистра Валиханова составляется карта Малой Бухарии и долины озера Иссык-Куля.

Так как для этого дела были бы весьма важны все новейшие сведения, собранные лицами, командированными от нашего правительства, то позвольте просить ваше высокопревосходительство, если возможно, не отказать в высылке в Департамент Генерального штаба из штаба Отдельного сибирского корпуса следующих карт:

1. Расспросную карту путей, ведущих в Кашгар, составленную топографом, ныне штабс-капитаном Нифантьевым.

2. Карту Кокандского ханства, составленную топографом Шестаковым.

3. Карты, взятые из Военно-топографического депо Генерального штаба капитаном Венюковым.

Первые две карты будут возвращены в самое непродолжительное время, но если бы и временная высылка этих карт была бы неудобна, то позвольте просить о высылке копий.

Примите, милостивый государь, уверение и проч.

Подписал генерал-квартирмейстер генерал-адъютант барон *Ливен*

Верно: чиновник *Замаховский*

Письмо Г. Х. Гасфорта В. К. Ливену

18 мая 1860 г., № 807

Милостивый государь, барон Вильгельм Карлович!

Исполняя желание вашего высокопревосходительства, выраженное в письме ко мне от 21 прошлого апреля (№ 3100), я

*[12] На полях помета: *Орденские знаки Владимира 4 ст. вместе с грамотою получил штабс-ротмистр Валиханов (автограф).*

спешу переслать вам: Расспросную карту путей, ведущих в Кашгар, составленную топографом, ныне поручиком Нифантьевым, в 1851 г., Расспросную карту Кокандского ханства, составленную топографом Шестаковым в 1859 г.

Из книг и карт, взятых в Военно-топографическом депо капитаном Венюковым: Reise Route von Sirinager durch das Land der Bolor*[13] и французский ее перевод: Voyage de Sirinager par le pays Bolors, истребуем от капитана Венюкова, который в настоящее время находится на Иссык-Куле. Об остальных картах сделано надлежащее распоряжение.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности*[14].

Г. Гасфорт

Выписка из шнуровой книги о выданных картах (материалах) из архива Военно-исторического и Топографического депо Главного штаба

Для штабс-ротмистра Валиханова (под расписку подпоручика Люсилина) в 1860 г. [выданы]:

1. Карты частей Средней Азии (9 листов, № 10723).
2. Журнал, веденный при обозрении Киргизской степи в 1831 г. (одна книга, № 35215).
3. Карта путей от Оренбургской линии в Хивинское и Бухарское ханства (1 лист, № 41348).

Штабс-капитану Валиханову в 1860 году [выдано]:

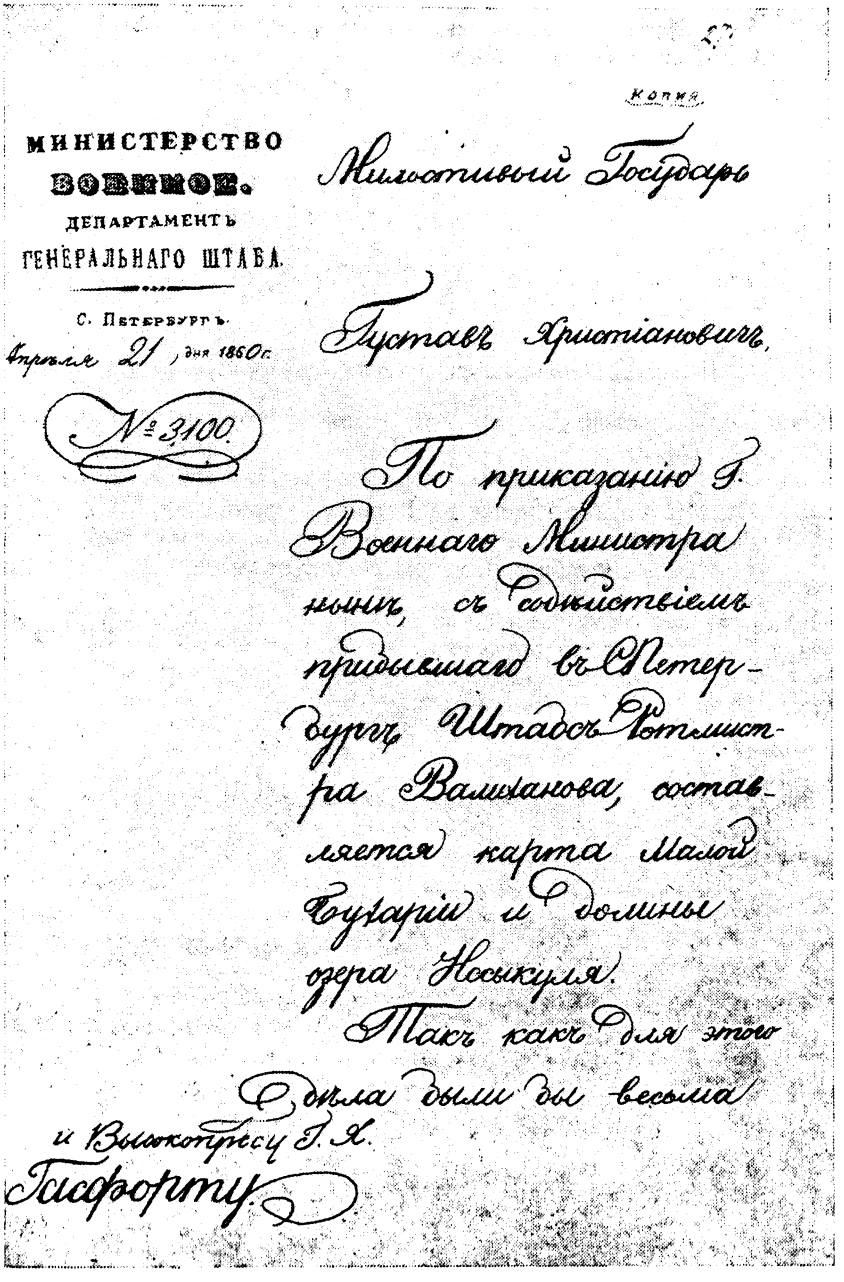
1. Carte du Tibet du Pays du Khos-Noor. Par Jules Klaproth, 1818 г. (4 листа, № 10800).
2. Secunde partie Conteunout les principaules Koulche Asion ete par Klaproth, 1814 (4 листа, № 10796).
3. Boutes des Karavanes Bouchara et Chinois (4 листа № 11646).
4. Carte de l'Asie Centrale. Par Klaproth (4 листа, № 41068).
5. Карта Тянь-Шанского хребта (1 лист, № 52180).
6. Карта среднеазиатских владений, соседних с киргизской степью с юга, и описание путешествий по Верхней Азии (Венюкова, № 52906)*[15].

---

*[13] «Маршрут путешествия Сиринагера по стране Болор».

*[14] На полях помета: *Указанные в списке карты и две книги немецкие получил штабс-ротмистр Валиханов* (автограф).

*[15] На полях помета: *Не возвращены.*

Копия.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ.
ДЕПАРТАМЕНТЪ
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

С. Петербургъ.
Апреля 21 дня 1860 г.

№ 3100.

Милостивый Государь
Густавъ Христіановичъ,

По приказанію Г. Военнаго Министра имѣю, съ содѣйствіемъ прибывшаго въ Петербургъ Штабсъ Ротмистра Валиханова, составляется карта Малой Бухаріи и долины озера Иссыкуля.

Такъ какъ для этого нужна была бы весьма

и Выжкопрессу Г. К.

Гасфорту.

Документ об участии Чокана в работе над составлением карт Малой Бухарии и озера Иссык-Куль.

Ведомость картам, планам, описаниям и прочим, вновь поступившим в архив Военно-топографического депо (с 1 марта по 1 апреля 1860 г.)

1. План города Кульджи (на одном листе, в одном экземпляре, № 52852).
2. Карта пространства между озером Балхаш и хребтом Алатау (на одном листе, один экземпляр, № 52853).
3. Карта низовьев реки Или (1 лист, № 52854).
4. Военная рекогносцировка западной части Заилийского края (1 лист, № 52855).

О картах, числящихся по Азиатскому отделению

1. Карта к отчету о результатах экспедиции к озеру Иссык-Куль (№ 52827).

О картах, взятых из Военно-исторического и Топографического депо Главного штаба и составленных штабс-капитаном Валихановым

Карты для окончания переданы в Военно-топографический отдел Главного штаба при отзыве от 27 мая 1861 г. за № 244.

СЛУЖБА В АЗИАТСКОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Уведомление Генерального штаба Военного министерства товарищу министра иностранных дел о своем согласии на перевод Ч. Валиханова

7 мая 1860 г., № 3777

На отзыв вашего высокопревосходительства от 3 мая (№ 3615) имею честь уведомить, что для причисления штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту на основаниях, изложенных в отзыве, со стороны Военного министерства препятствий не имеется*[1].

Военный министр генерал-адьютант *Сухозанет*
Генерал-квартирмейстер генарал-адъютант *Ливен*

Отзыв кн. А. М. Горчакова о штабс-ротмистре Валиханове

15 мая 1860 г.

Штабс-ротмистр Валиханов, совершивший в минувшем году поездку в Кашгар, изучивший на месте восточную часть Средней Азии и знающий совершенно несколько наречий тюркского языка, может быть полезен Азиатскому департаменту своими специальными сведениями. А потому по предварительному соглашению с военным министром я полагал бы причислить Валиханова к сему департаменту с назначением ему жалованья из суммы, на драгоманов и переводчиков положенной, сверх получаемого им содержания по Военному ведомству.

Беру смелость испрашивать на сие высочайшего вашего императорского величества повеления*[2].

Подлинное подписал министр иностранных дел
князь *Горчаков*

Верно: и. д. правителя канцелярии капитан *Россет*

---

*[1] На полях помета: *О причислении штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту, № 2023, 10 мая 1860 г.*

*[2] На полях помета: *На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: «Исполнить». Подписал директор генерал-майор Ковалевский. С.-Петербург, 18 мая 1860 г.*

Уведомление начальника Управления иррегулярных войск о переводе Ч. Ч. Валиханова в Азиатский департамент*[3]

28 мая 1860 г., № 4461, С.-Петербург

Вследствие всеподданнейшего доклада министра иностранных дел, сделанного по предварительному соглашению с г. военным министром, государь император в 18 день сего мая высочайше повелеть соизволил: прикомандированного к Сибирскому линейному казачьему войску, состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова причислить к Азиатскому департаменту с назначением ему жалованья из сумм Министерства иностранных дел сверх содержания, получаемого им по Военному ведомству.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше превосходительство для зависящих распоряжений по Управлению иррегулярных войск и препровождая копию со всеподданнейшего доклада по Министерству иностранных дел от 18 мая по приказанию г. военного министра, имею честь покорнейше просить выслать в Азиатский департамент вместе с приказом о причислении Валиханова и формулярный о службе его список, а также уведомить о воспоследовавшем высочайшем повелении командира Отдельного сибирского корпуса.

Подписал генерал-квартирмейстер генерал-адъютант барон *Ливен*

Скрепил полковник *Романовский*

Верно: чиновник *Замаховский*

Приказ Александра II о назначении Ч. Ч. Валиханова состоять в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел

15 июня 1860 г.

Его императорское величество в присутствии своем в Царском селе июня 15 дня 1860 года соизволил отдать следующий приказ: назначается по кавалерии состоящий по армейской кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов состоять при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с оставлением по армейской кавалерии.

Подписал военный министр генерал-адъютант *Сухозанет*

---

*[3] На полях пометы: *Писано командиру Отдельн[ого] сибирского корпуса в июне. В списках отмечено: для внесения в проект высочайшего приказа 1 июня. В Инспекторское управление иррег. войск. Отд. инспект. № 352/658.*

В списке ЦГВИА на полях помета: *Нужное. О причислении штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому д-ту высочайший приказ 15 июня.*

Уведомление Главного управления Инспекторского департамента Военного министерства о зачислении Ч. Ч. Валиханова в Азиатский департамент

28 июня 1860 г., № 2369

В отношении от 26 минувшего мая № 1969 г. товарищ министра иностранных дел сообщил г. военному министру высочайшую волю о причислении штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту.

Если высочайший приказ по Военному ведомству касательно сего причисления уже состоялся, то Азиатский департамент покорнейше просит Инспекторский департамент Военного министерства доставить оному экземпляр помянутого приказа.

Управляющий делами (подпись)
Нач. отдела (подпись)

Предписание военного министра командиру Отдельного сибирского корпуса

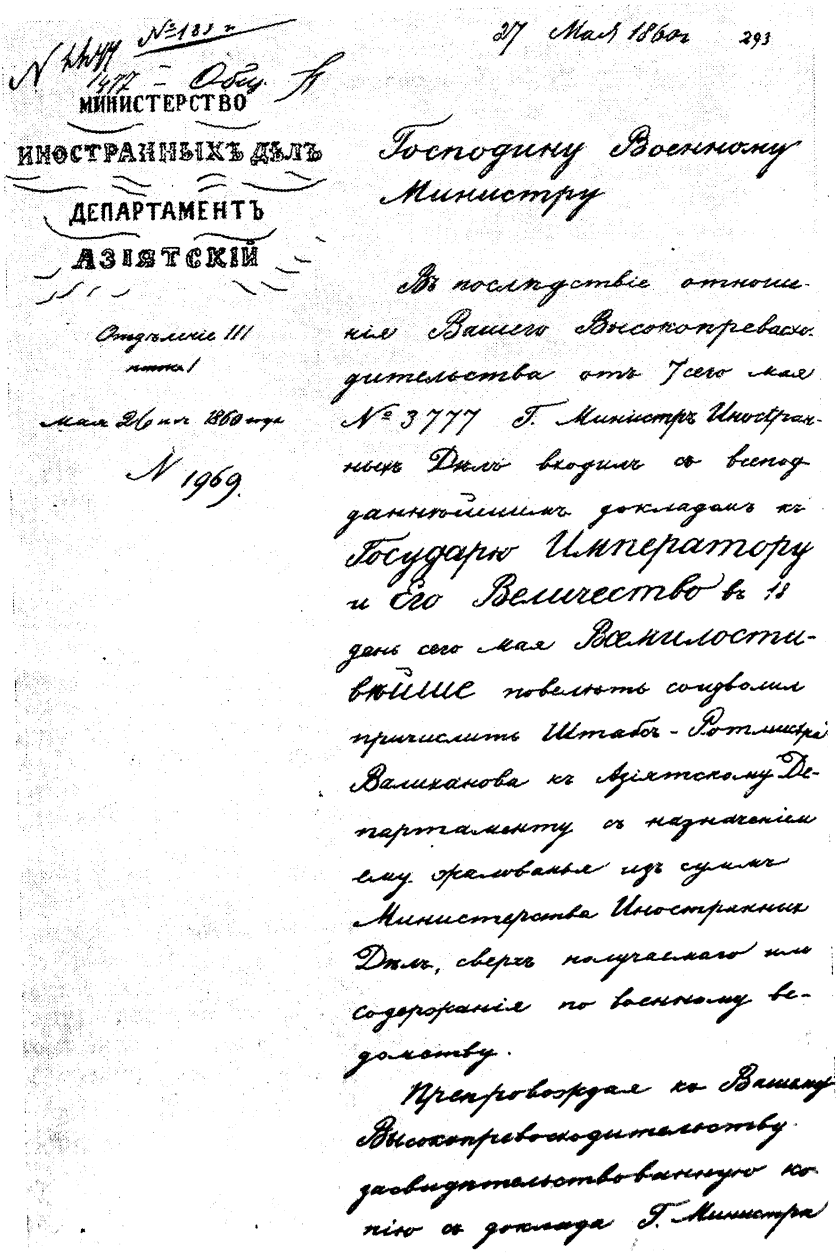
6 июля 1860 г., № 1843, С.-Петербург

Государь император по всеподданейшему докладу министра иностранных дел высочайше повелеть соизволил: прикомандированного к Сибирскому линейному казачьему войску, состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова причислить к Азиатскому д-ту с назначением ему жалованья из суммы Министерства иностранных дел сверх содержания, получаемого им по Военному ведомству.

О таковом монаршем соизволении уведомляя ваше высокопревосходительство для зависящего распоряжения, имею честь покорнейше просить доставить формулярный список о службе штабс-ротмистра Валиханова для отсылки в Азиатский д-т с присовокуплением сведения, в каком размере и из каких источников получает он ныне по Военному ведомству жалованье, присовокупляя, что о прикомандировании офицера этого к помянутому д-ту вслед за сим объявлено будет в высочайшем приказе*[4].

В[оенный] м[инистр] генерал-адъютант *Сухозанет*
Верно: начальник стола [подпись]

*[4] На полях помета: *О прикомандировании штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова к Азиатскому д-ту.*

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ
ДЕПАРТАМЕНТЪ
АЗІЯТСКІЙ

Отдѣленіе III
стол 1

Мая 26 дня 1860 года

№ 1969

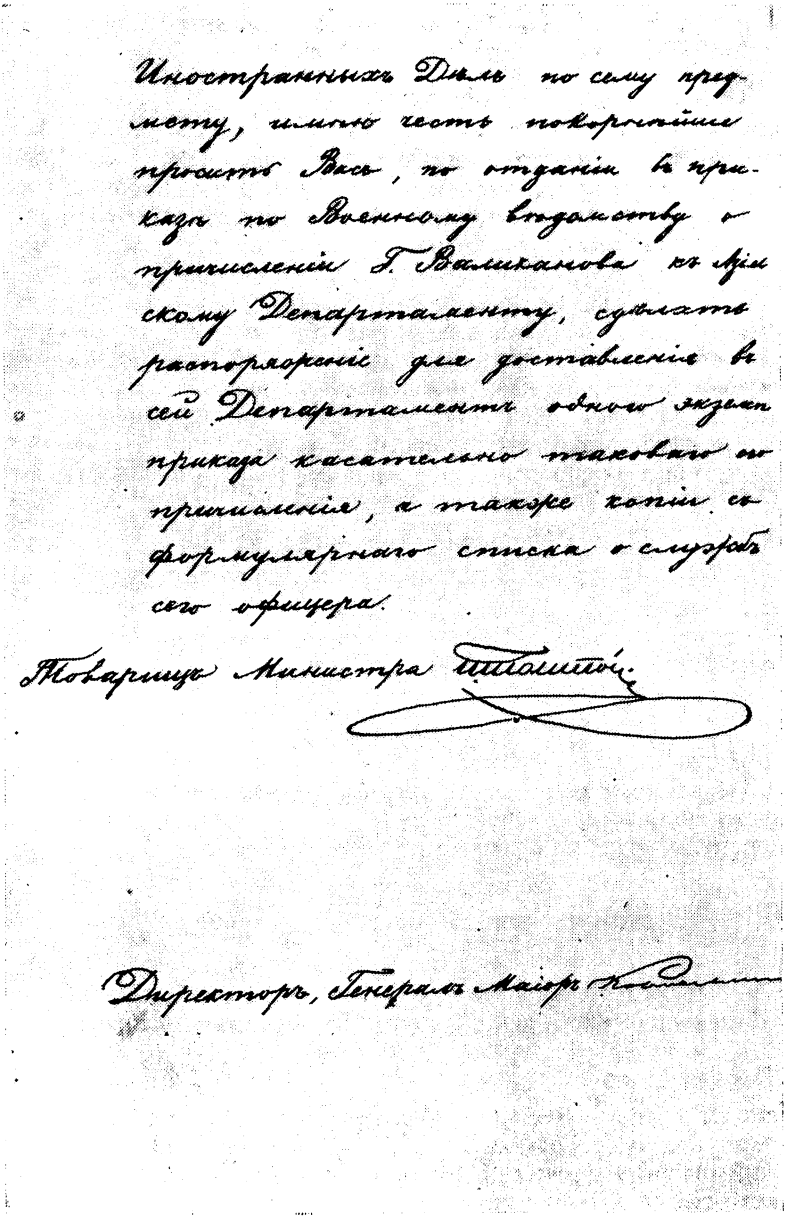
27 Мая 1860г. 293

Господину Военному
Министру

Въ послѣдствіе отношенія Вашего Высокопревосходительства отъ 7-го мая № 3777 Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ входилъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору и Его Величество въ 19 день сего мая Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ причислить Штабъ-Ротмистра Валиханова къ Азіятскому Департаменту съ назначеніемъ ему жалованья изъ суммъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сверхъ получаемаго имъ содержанія по военному вѣдомству.

Препровождая къ Вашему Высокопревосходительству засвидѣтельствованную копію съ доклада Г. Министра

Документ о причислении Чокана к Азиатскому департаменту Министерства

Иностранных Дѣлъ по сему предмету, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, по отдачѣ въ приказъ по Военному вѣдомству о причисленіи Г. Вальяльянова къ Вашему Департаменту, сдѣлать распоряженіе для доставленія въ сей Департаментъ одной экземпляра приказа касательно таковаго о причисленіи, а также копіи съ формулярнаго списка о службѣ сего офицера.

Товарищъ Министра

Директоръ, Генералъ Маіоръ

иностранных дел.

Рапорт начальника штаба Отдельного сибирского корпуса в Управление иррегулярных войск

18 августа 1860 г., № 6115, Омск

Вследствие отзыва от 6 минувшего июля за № 1843, по поручению господина корпусного командира, препровождая в Управление формулярный список о службе состоящего по армейской кавалерии причисленного ныне к Азиатскому департаменту штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова вместе с аттестатами за № 3621 и 3620 об удовлетворении его жалованьем и казенного его денщика провиантом по 1 сентября сего года, имею честь присовокупить, что по состоянию сего офицера на службе в Сибирском линейном казачьем войске он довольствовался жалованьем из Тобольской комиссариатской комиссии из оклада трехсот тридцати девяти рублей серебром в год.

О получении препровождаемых документов имею честь покорнейше просить почтить меня уведомлением*[5].

Начальник штаба генерал-майор *Кроериус*
Дежурный штаб-офицер подполковник (подпись)

Отношение штаба Отдельного сибирского корпуса в Азиатский департамент Министерства иностранных дел

30 сентября 1860 г., № 7209, Омск

Вследствие отзыва департамента от 19 минувшего августа (№ 2951), по поручению г. корпусного командира, имею честь препроводить формулярный список о службе причисленного к сему департаменту штабс-ротмистра Валиханова*[6].

Начальник штаба генерал-майор *Гинтовт*
Дежурный штабс-офицер подполковник *Кручинский*

Отношение начальника иррегулярных войск в Комиссариатский департамент Военного министерства

12 октября 1860 г., № 3378, С.-Петербург

Воспоследствие отношения Комиссариатского департамента от 11 минувшего августа за № 9801 Управление иррегулярных войск, препровождая при сем копию с отзыва товарища министра иностранных дел к господину военному министру от 26 мая сего года за № 1969 о причислении штабс-ротмистра султана Чокана

*[5] На полях помета: *Управление иррег. войск, отд. инспект., № 4864. Получено 10 сентября 1860 г. С препровождением документов на штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова. 10 сент. к довер. посл. в инсп.*

*[6] На полях помета: *№ 34493, 18 октября 1860 г.*

Валиханова к Азиатскому департаменту с назначением ему жалованья из сумм Министерства иностранных дел, сверх получаемого им содержания по Военному ведомству, а также копию с отношения к командиру Отдельного сибирского корпуса от 6 июня за № 1843, имеет честь уведомить: 1) штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов, как видно из сведений, доставленных начальником штаба Отдельного сибирского корпуса, произведен был из воспитанников Сибирского кадетского корпуса в корнеты 8 ноября 1853 года с зачислением по кавалерии и назначением на службу в Сибирское линейное казачье войско, где и состоял до назначения его высочайшим приказом 15 минувшего июня состоять при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел; 2) жалованье получал по настоящему чину по 339 руб. серебром в год из Тобольской комиссариатской комиссии и 3) аттестат об окончательном удовлетворении его означенным жалованием с сим вместе отослан в Азиатский департамент*[7].

Подписали начальник Управления генерал-лейтенант *Веригин*

и исправляющий должность начальника отделения майор *Линденер*

Верно: начальник стола (подпись)

Отношение Управления иррегулярных войск в Азиатский департамент Министерства иностранных дел

12 октября, 1860 г., № 3379

Воспоследствие отношения товарища министра иностранных дел к г. военному министру от 26 минувшего мая за № 1969. Управление иррегулярных войск, препровождая при сем формулярный список на прикомандированного к шестому полку Сибирского линейного казачьего войска состоящего по кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова, назначенного высочайшим приказом 15 минувшего июня состоять при Азиатском департаменте, а также два аттестата за № 3621 и 3620 об окончательном удовлетворении офицера этого и состоящего при нем казенного денщика жалованьем и провиантом, имеют честь покорнейше просить аттестаты эти препроводить прямо от себя, первый — в Комиссариатский департамент при требовании жалованья, а последний — в Провиантский департамент*[8].

Начальник Управления генерал-лейтенант *Веригин*

Исправляющий должность начальника отделения *Линденер*

---

*[7] На полях помета: *Ответ на № 9801 о штабс-ротмистре Валиханове № 4864/1068.*

*[8] На полях помета: *С формулярным списком штабс-ротмистра Валиханова и двумя аттестами. 15 октября 1860 г., № 4457.*

Отношение Комиссариатского департамента Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел

28 октября 1860 г., № 12469

На отношение Азиатского департамента от 4 августа сего года за № 2811 Комиссариатский департамент имеет честь уведомить, что производство штабс-ротмистру султану Чокану Валиханову жалованья по чину из сумм Комиссариата предписано вместе с сим С.-Петербургской комиссией*[9].

Вице-директор (подпись)
Начальник отделения *Пасхальный*

Уведомление Азиатского департамента Министерства иностранных дел в Управление иррегулярных войск

31 октября 1860 г., № 3764

Препровожденные Управлением иррегулярных войск в Азиатский департамент при отношении от 12 сего октября (№ 3379) формулярный список о службе состоящего по кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова, причисленного по высочайшему повелению к сему департаменту, а также два аттестата за номерами 3621 и 3620 об окончательном удовлетворении этого офицера и состоящего при нем казенного денщика жалованьем и провиантом по 1 число минувшего сентября в департаменте получены, о чем оный департамент считает долгом уведомить Управление иррегулярных войск в ответ на отношение № 3379*[10].

Директор генерал-майор (подпись)
Начальник отдела (подпись)

Расписка Ч. Ч. Валиханова в получении жалованья

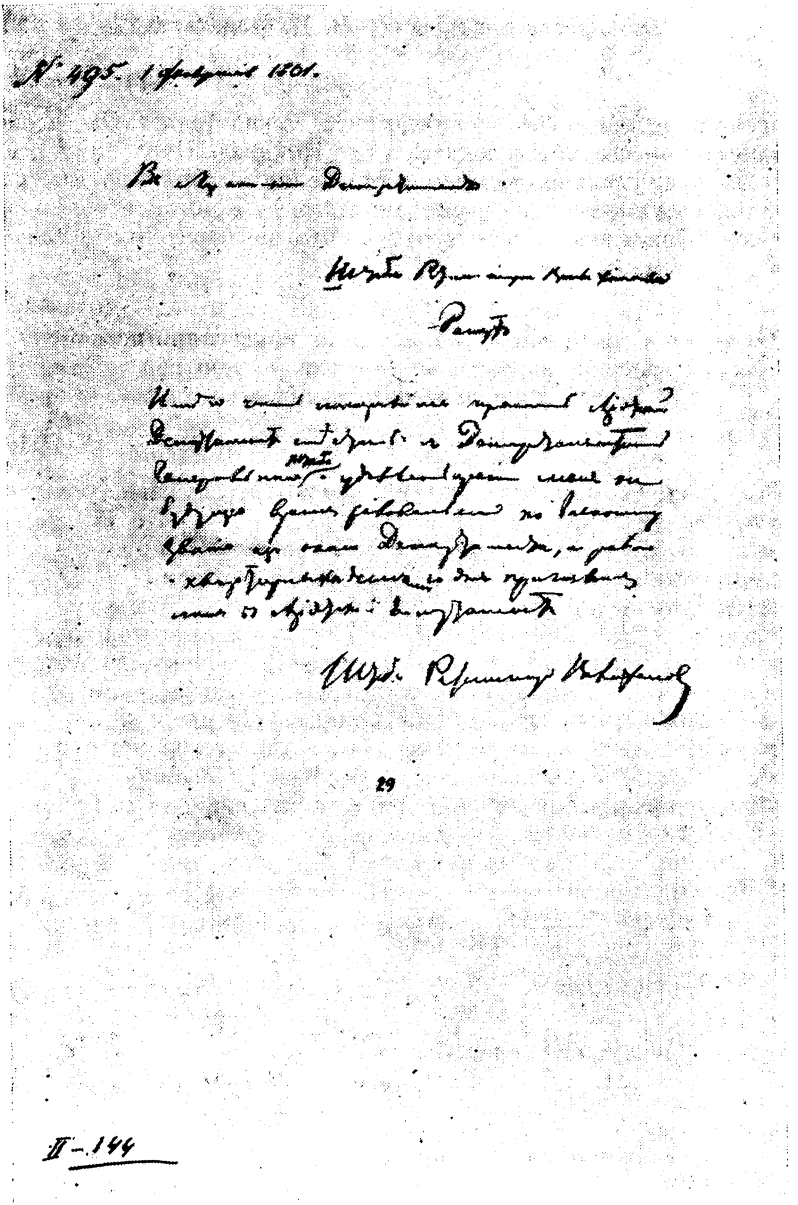
1860 года ноября 17 дня я, нижеподписавшийся, получил из Азиатского департамента семьдесят девять рублей шестьдесят четыре копейки, присланные от командира 6-го полка Сибирского линейного казачьего войска в Азиатский департамент при рапорте от 31 августа (№ 4067) и следующие мне в жалованье за майскую треть и добавочные со дня производства из поручиков т. е. с 7 апреля по 1 мая сего года.

Семьдесят девять рублей шестьдесят четыре копейки
получил штабс-ротмистр *Валиханов*

---

*[9] На полях помета: *Уведомление на № 2811. 28 октября 1860 г., № 34631.*

*[10] На полях помета: *По № 4457.*

Заявление штабс-ротмистра Ч. Валиханова об установлении ему жалования по Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел.

Его превосходительству Н. П. Игнатьеву

7 января 1861 г., № 63

Директор Азиатского департамента, свидетельствуя особое свое почтение его превосходительству Николаю Павловичу, имеет честь препроводить при сем составленную штабс-ротмистром Валихановым записку об экспедиции его в Кашгар с покорнейшею просьбою приказать возвратить оную по прочтении в Азиатский департамент.

Отношение начальника Управления иррегулярных войск генерал-квартирмейстеру Главного штаба его императорского величества

25 января 1861 г., № 345, С.-Петербург

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 13 сего января за № 286 имею честь уведомить, что по отзыву Комиссариатского д-та, сообщенному Управлением иррегулярных войск Департаменту Генерального штаба 3 сентября 1860 г. за № 2919, истребованы были от начальника штаба Отдельного сибирского корпуса формулярный список прикомандированного к 6-му полку Сибирского линейного казачьего войска, состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова, назначенного высочайшим приказом 15 июня того 1860 г. состоять при Азиатском департаменте, а также два аттестата за № 3621 и 3620 об окончательном довольствии офицера этого и состоящего при нем казенного денщика жалованьем и провиантом; каковые документы Управления при отношении 12 октября за № 3379 препровождены в Азиатский департамент с просьбою аттестаты эти препроводить от себя: первый — в Комиссариатский департамент при требовании жалованья, а последний — в Провиантский департамент*[11].

Подписали начальник Управления генерал-лейтенант *Веригин*

и испр. долж. начальника отделения майор *Линденер*

Верно: начальник стола (подпись)

Рапорт штабс-ротмистра Валиханова в Азиатский департамент Министерства иностранных дел

1 февраля 1861 г., № 495

Имею честь покорнейше просить Азиатский департамент снестись с Департаментом Генерального штаба об удовлетворении

*[11] На полях помета: *Ответ на № 286.*

меня на будущее время жалованьем по военному званию из оного департамента, а равно и квартирными деньгами со дня причисления меня в Азиатский департамент*[12].

Штабс-ротмистр *Валиханов*

Записка Н. П. Игнатьева директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому

5 февраля 1861 г.

Генерал-адъютант Игнатьев, свидетельствуя совершенное свое почтение его превосходительству Егору Петровичу, имеет честь возвратить при сем обратно записку, составленную штабс-ротмистром Валихановым об экспедиции его в Кашгар.

Отношение Азиатского департамента в Департамент Генерального штаба

6 февраля 1861 г., № 469

Причисленный к Азиатскому департаменту, состоящий по кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов, которому жалованье по военному званию за майскую минувшего года треть выслано было в Азиатский департамент при рапорте командира 6-го полка Сибирского линейного казачьего войска, а за сентябрьскую того же года треть доставлено было в Азиатский департамент из Санкт-Петербургской комиссариатской комиссии, обратились ныне в Азиатский департамент с ходатайством об удовлетворении его на будущее время из Департамента Генерального штаба жалованьем, также и квартирными деньгами, которых он со дня причисления его к Азиатскому департаменту еще не получал.

Имея честь о таковом ходатайстве штабс-ротмистра султана Валиханова сообщить на усмотрение Департамента Генерального штаба, Азиатский департамент считает [нужным] присовокупить, что С.-Петербургской комиссариатской комиссией [выдано] помянутому штабс-офицеру жалованье за сентябрьскую треть минувшего года 113 р. и состоящему при нем казенному денщику Махомеджану Сейфулмулюкову за эту же треть 70 копеек*[13].

Директор (подпись)
Нач. отдела (подпись)

*[12] На полях помета: *1 февраля 1861 г., № 495. Старый шифр.*
*[13] На полях помета: *По № 4957 (1861 г.).*

Перечень некоторых документов о переводе Ч. Ч. Валиханова из Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел

1) Рапорт штабс-ротмистра Валиханова от 10 января, № 7.

2) Копия с отношения начальнику Управления иррегулярных войск от 13 января, № 286.

3) Отношение его же от 26 января, № 345

4) Копия с отзыва товарища министра иностранных дел от 26 мая 1860 г., № 1969.

5) Копия с доклада Министерства иностранных дел. утвержденного 18 мая 1860 г., в канцелярию Департамента Генерального штаба 18 февраля 1861 г.

Получил (подпись неразборчива).

Письмо Н. П. Игнатьева генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю

22 мая 1861 г.

М. г. Александр Осипович.

Причисленный по высочайшему повелению к Азиатскому департаменту, состоящий по кавалерии штабс-ротмистр султан Валиханов командируется [по делам службы] в Область сибирских киргизов. [Справка] сия дана департаментом г. Валиханову собственно для того, чтобы предоставить ему возможность лечения кумысом, поправить на родине его расстроенное здоровье. Вследствие сего, рекомендуя вашему превосходительству сего молодого офицера, в котором я принимаю живое участие по его способностям и пользе, какую от его сведений можно ожидать для службы, я убедительно прошу вас, в личное мое одолжение, оказать ему ваше благосклонное внимание и в случае надобности покровительство ваше.

Н. Игнатьев

Отношение Управления иррегулярных войск в Азиатский департамент о патенте Ч. Ч. Валиханова

3 октября 1862 г., № 3221

Управление иррегулярных войск, препровождая при сем в Азиатский департамент доставленный Инспекторским департаментом Военного министерства патент состоящему при оном де-

партаменте штабс-ротмистру султану Чокану Валиханову на настоящий его чин, просит выдать таковой по принадлежности*[14].

Помощник начальника Управления генерал-майор *Чеботарев*
Исправляющий должность начальника отделения полковник *Линденер*

Запрос Комиссариатского департамента Военного Министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел о Ч. Ч. Валиханове

29 мая 1863 г., № 5881

Комиссариатский департамент просит уведомить, состоит ли ныне на службе причисленный к Азиатскому департаменту, состоявший по кавалерии при Сибирском линейном казачьем войске штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов, и если выбыл, то куда именно*[15].

Вице-директор (подпись)
Начальник отделения *Пасхальный*

Уведомление Азиатского департамента Министерства иностранных дел в Комиссариатский департамент Военного министерства

12 июня 1863 г., № 1849

Азиатский департамент имеет честь уведомить Комиссариатский департамент в ответ на отношение от 29 минувшего мая № 5581, что состоящий по кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов доныне значится причисленным к Азиатскому департаменту и находится от сего департамента в командировке в Области сибирских киргизов. [Между прочим с целью], чтобы дать ему возможность [заниматься] лечением на родине, [поправить расстроенное от служебных трудов здоровье]*[16].

Директор [Азиатского департамента]
генерал-адъютант *Игнатьев*
Начальник отделения (подпись)

---

*[14] На полях помета: *6 сентября 1862 г., № 54364. С препровождением патента.*

*[15] На полях помета: *31 мая 1863 г., № 2101.*

*[16] В квадратных скобках зачеркнуто.

Письмо Н. П. Игнатьева генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю о командировании Ч. Ч. Валиханова в Петербург

6 июля 1863 г., № 2122

Милостивый государь, Александр Иосифович.

Состоящий в ведомстве Азиатского департамента штабс-ротмистр Валиханов уволен в 1861 г. в Западную Сибирь для лечения от болезни. Признавая необходимым вызвать ныне Валиханова [обратно] в С.-Петербург, имею честь обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою потребовать означенного офицера в г. Омск и командировать его курьером в Министерство иностранных дел, снабдив его прогонными деньгами.

Вместе с тем имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не оставить уведомить меня, в случае, если болезненное состояние Валиханова не дозволит ему еще возвратиться в С.-Петербург.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть слугою вашего высокопревосходительства*[17].

Игнатьев

Письмо А. И. Веригина Н. П. Игнатьеву

5 октября 1863 г., № 2463, Санкт-Петербург

Милостивый государь Николай Павлович!

Состоящие в распоряжении вверенного вашему превосходительству департамента корпуса топографов подпоручик Быков, находящийся в особой командировке (в Черногории), и числящийся по армейской кавалерии штабс-ротмистр Валиханов, получающие комиссариатское довольствие по требованиям Департамента Генерального штаба, со введением нового штата Главного штаба должны быть от него отчислены и довольствие [им] от департамента [должно быть] прекращено.

Сообщая об этом вашему превосходительству, покорнейше прошу меня уведомить, могут ли означенные офицеры быть зачислены в Азиатский департамент, и в таком случае аттестаты на жалованье этим офицерам будут мною немедленно высланы во вверенный вашему превосходительству департамент.

В ожидании отзыва вашего по этому предмету прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности*[18].

А. Веригин

*[17] На полях помета: *Высокопревосходительству А. О. Дюгамелю. Отпуск. СПб. В тексте карандашные добавления, внесенные рукой Н. П. Игнатьева.*

*[18] На полях помета: *7 октября 1863 г., № 3969. Ответ 31 октября.*

Письмо Азиатского департамента Министерства иностранных дел генералу А. И. Веригину

31 октября 1863 г., № 3567

Милостивый государь, Александр Иванович.

В отношении от 5 сего октября № 2463 ваше превосходительство объяснили, что находящийся в командировке в Черногории корпуса топографов подпоручик Быков и состоящий в распоряжении Азиатского департамента и числящийся по армейской кавалерии штабс-ротмистр Валиханов, получающие комиссариатское довольствие по требованиям Департамента Генерального штаба, со введением нового штата Главного управления Генерального штаба должны быть от него отчислены и довольствие их от помянутого департамента должно быть им прекращено, почему вы обратились ко мне с вопросом, могут ли означенные офицеры быть зачислены в Азиатский департамент*[19].

В ответ на сие имею уведомить ваше превосходительство, что подпоручика Быкова по его специальности как офицера корпуса топографов на службу по Азиатскому департаменту зачислить не представляется возможным... что касается числящегося по армейской кавалерии штабс-ротмистра Валиханова, то офицер сей уже состоит при Азиатском департаменте на основании высочайше утвержденной 18 мая 1860 г. докладной записки господина вице-канцлера с жалованьем из суммы Министерства иностранных дел по 400 рублей в год*[20].

Отношение департамента Генерального штаба Военного министерства директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел

20 ноября 1863 г., № 10620, С.-Петербург

Ваше превосходительство отзывом от 31 минувшего октября за № 3567 уведомили меня, что состоящий по армейской кавалерии штабс-ротмистр Валиханов зачислен в тот департамент на основании высочайше утвержденной 18 мая 1860 г. докладной записки вице-канцлера с жалованьем из суммы Министерства иностранных дел по 400 рублей серебром в год.

По высочайшему же повелению 18 мая 1860 г. в копии, при сем прилагаемой, штабс-ротмистру Валиханову назначено производить содержание от Министерства иностранных дел, сверх получаемого от Военного ведомства, а потому для Валиханова отпускается из комиссариата жалованье по чину 339 рублей в год.

---

*[19] На полях помета: *№ 3969. Генералу Веригину, на почтовой бумаге.*

*[20] После *в год* зачеркнуто: *сверх жалования получаемого от Военного министерства.*

Так как со введением нового штата Главного управления Генерального штаба требуемое для Валиханова жалованье согласно приказанию г. военного министра, сообщенному в отзыве канцелярии Военного министерства от 1 ноября № 11 166, должно быть исключено из сметы комиссариата, то о сделанном распоряжении к прекращению производства с 1 января 1864 г. Валиханову означенного жалованья долгом считаю сообщить вашему превосходительству*[21].

Генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант *Веригин*
Исполняющий должность правителя канцелярии капитан *Дометов*

Отношение Главного управления Генерального штаба Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел

5 апреля 1864 г., № 2443, С.-Петербург

Препровождая при сем следующее в выдачу причисленному к Азиатскому департаменту, состоящему по кавалерии штабс-ротмистру Валиханову жалованье с 1 сентября 1862 г. по 1 января 1864 г. 452 рубля и квартирные деньги с 1 мая 1862 г. по 1 января 1864 г. 285 руб. 70 коп., всего семьсот тридцать семь рублей семьдесят копеек, а также аттестат за № 2476 об удовлетворении его жалованьем по 1 января сего года, покорнейше прошу о получении денег и аттестата уведомить Главное управление Генерального штаба*[22].

Генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант *Веригин*
Правитель канцелярии капитан *Дометов*

Уведомление штаба Отдельного сибирского корпуса директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. П. Игнатьева

6 апреля 1864 г., № 661, Омск

Штабс-ротмистр Валиханов, прибыв в город Омск, по болезни не мог следовать далее в С.-Петербург и остался для излечения болезни в городе Омске.

В настоящее время штабс-ротмистр Валиханов согласно ходатайству полковника Черняева назначен состоять на время экспедиции при полковнике Черняеве в должности переводчика, о чем

---

*[21] На полях помета: *С приложением копии о содержании штабс-ротмистра Валиханова. 22 ноября 1863 г., № 4646.*

*[22] На полях помета: *С препровождением 737 руб. 70 коп. и аттестата за № 2476. 8 апреля 1860 г., № 1253.*

по поручению генерала от инфантерии Дюгамеля имею честь уведомить ваше превосходительство*[23].

Начальник штаба генерал-майор *Кроериус*
Обер-квартирмейстер полковник *Бабков*

Предписание товарища министра иностранных дел Азиатскому департаменту о прекращении выдачи жалованья Ч. Ч. Валиханову по Министерству иностранных дел

1 мая 1864 г.

Г. вице-канцлер приказал по случаю командировки начальством Западной Сибири находившегося временно в г. Омске ведомства Азиатского департамента штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова с особым поручением в степи киргизов производство сему офицеру содержания из драгоманских сумм департамента по 400 руб. в год прекратить.

Предлагаю Азиатскому департаменту касательно вышеизложенного сделать надлежащее исполнение*[24].

Товарищ министра иностранных дел *Муханов*

Отношение Азиатского департамента в штаб Отдельного сибирского корпуса

21 мая 1864 г., № 1714

Азиатский департамент в ответ на отношение штаба Отдельного сибирского корпуса от 6 минувшего апреля № 661 имеет честь оный уведомить, что по случаю назначения в экспедицию с полковником Черняевым состоящего в ведомстве департамента штабс-ротмистра Валиханова... Так как Валиханов не мог по болезни следовать из Омска в Санкт-Петербург к месту прямого служения своего, г. вице-канцлер приказал прекратить производство г. Валиханову жалованья из суммы Министерства иностранных дел*[25].

Вице-директор (подпись)
Начальник отд. (подпись)

---

*[23] На полях помета: *29 апреля 1864 г., № 1485.*
*[24] На полях помета: *№ 1509, 1 мая 1864 г.*
*[25] На полях помета: *Пер. 16 мая 1864 г.*

Уведомление Инспекторского департамента Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел

30 декабря 1864 г., № 10778

Инспекторский департамент имеет честь уведомить, что так как назначение штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова состоять при Азиатском департаменте последовало по Управлению иррегулярных войск, то и отношение за № 4475 об отчислении означенного офицера от Министерства иностранных дел препровождено вместе с сим в означенное управление*[26].

За вице-директора полковник (подпись)
Управляющий отделением (подпись)

Докладная записка Управления иррегулярных войск

9 января 1865 г., № 11, С.-Петербург

Ваше императорское величество по всеподданнейшему докладу министра иностранных дел о том, что прикомандированный к Сибирскому казачьему войску, состоящий по армейской кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов, совершивший в 1859 г. поездку в Кашгар, изучивший на месте восточную часть Средней Азии и знающий совершенно несколько наречий тюркского языка, может быть полезен Азиатскому департаменту, в 18 день мая 1860 г. высочайше повелеть соизволили: причислить Валиханова к Азиатскому департаменту с назначением ему жалованья из сумм Министерства иностранных дел сверх содержания, получаемого им по Военному ведомству с оставлением по армейской кавалерии.

Ныне управляющий Министерством иностраных дел, принимая во внимание, что в настоящее время Министерство иностранных дел надобности в помянутом офицере больше не встречает, просит сделать распоряжение об отчислении штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова из сего министерства.

Главное управление Генерального штаба, препровождая всю предшествовавшую переписку о штабс-ротмистре Валиханове, присовокупило, что оно полагало бы обер-офицера этого назначить состоять в распоряжении командующего войсками Западной Сибири с оставлением по армейской кавалерии.

Справка. Из имеющихся сведений в Управлении иррегулярных войск о службе штабс-ротмистра Валиханова видно, что он произведен из воспитанников Сибирского кадетского корпуса в корнеты 8 ноября 1853 г. с зачислением по армейской кавалерии и назначением на службу в Сибирское казачье войско, где и сос-

*[26] На полях помета: *Ответ на № 4475, 2 января 1865 г., № 19.*

тоял до назначения его высочайшим приказом 15 июня 1860 г. состоять при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с сохранением получаемого содержания по Военному ведомству по 339 рублей в год, которое производилось ему по распоряжению бывшего Департамента Генерального штаба.

З а к л ю ч е н и е. Так как состоящий по армейской кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов (из сибирских киргизов) до прикомандирования его к Азиатскому департаменту состоял на службе в Сибирском казачьем войске, то Управление иррегулярных войск согласно заключению Главного управления Генерального штаба со своей стороны полагало бы: при отчислении его из Министерства иностранных дел назначить состоять в распоряжении командующего войсками Западной Сибири с оставлением по армейской кавалерии.

И с п р а ш и в а е т с я р а з р е ш е н и е. Благоугодно ли будет высочайше повелеть состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова при отчислении его из Азиатского департамента Министерства иностранных дел назначить в распоряжение командующего войсками Западной Сибири с оставлением по армейской кавалерии*[27].

Генерал-лейтенант (подпись)

Приказ военного министра о переводе Ч. Ч. Валиханова из Азиатского департамента в распоряжение командующего войсками Западной Сибири

17 января 1865 г., № 117

Государь император высочайше повелеть соизволил: штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова отчислить из Азиатского департамента Министерства иностранных дел в распоряжение командующего войсками Западной Сибири с оставлением по армейской кавалерии.

О таковом монаршем соизволении, сообщенном генералу от инфантерии Дюгамелю, имею честь уведомить ваше сиятельство для зависящего в чем будет следовать распоряжения, присовокупляя, что об отчислении Валиханова из Азиатского департамента вслед за сим объявлено будет в высочайшем приказе*[28].

Военный министр генерал-адъютант *Милютин*

Начальник Управления генерал-лейтенант *Кармоф*

---

*[27] На полях помета: *Об отчислении штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова из Азиатского департамента с назначением состоять в распоряжении командующего войсками Западной Сибири. Высочайшее повеление исполнить.*

Ген.-ад. *Милютин. 11 января.*

Дата записки в 3 столе 13 января. Управление иррег. войск, отд. инспекторское, № 18. Получено 12 января 1865 г.

*[28] На полях помета: *21 января 1865 г., № 263. Ответ на № 3523.*

Об увольнении Ч. Валиханова из Азиатского департамента

18 февраля 1865 г., № 643

Находившийся в ведомстве Азиатского департамента, состоящий по армейской кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов высочайшим приказом по Военному ведомству от 26 минувшего января отчислен из Азиатского департамента в распоряжение командующего войсками Западной Сибири с оставлением по армейской кавалерии, о чем департамент сей имеет честь уведомить Главное интендантское управление в ответ на отношение оного от 5 сего февраля, № 903*[29].

Вице-директор (подпись)
Начальник отд. (подпись)

Письмо оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову

12 апреля 1865 г.

Милостивый государь, Петр Николаевич!

Покорнейше прошу ваше превосходительство одолжить мне на непродолжительное время для прочтения представленный в Азиатский департамент ротмистром султаном Валихановым отчет о поездке его в Кашгар и недавно составленную действительным статским советником Захаровым записку о дунганах.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и преданности*[30].

Николай Крыжановский

Записка оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову

12 мая 1865 г., № 105

Оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского края, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Петру Николаевичу, имеет честь возвратить при сем отчет поручика султана Валиханова о поездке в Кашгар*[31].

---

*[29] На полях помета: *Пер. 18 февраля.*
*[30] На полях помета: *№ 1385, 12 апреля 1865 г.*
*[31] На полях помета: *№ 1815, 14 мая 1865 г.*

Высочайшие приказы по Военному ведомству

24 мая 1865 г.

Умершие исключаются из списков: по кавалерии состоящий по армейской кавалерии и находящийся в распоряжении командующего войсками Западной Сибири штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов.

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ Ч. ВАЛИХАНОВА

Формулярный список № 1 о службе и достоинстве прикомандированного к 6-му полку Сибирского линейного казачьего войска, состоящего по кавалерии штабс-ротмистра Чокана Валиханова

25 июля 1860[*1]

В сем формулярном списке пронумерованных, прошнурованных, скрепленных и припечатанных казенною печатью шесть листов.

Командир шестого казачьего полка полковник *Ребров*
Полковой адъютант хорунжий *Андреевский*

Штабс-ротмистр Чокан Чингисович сын Валиханов состоит по кавалерии.

Двадцати четырех лет.

Из султанов Средней киргиз-кайсацкой орды, кавалер ордена Св. Владимира 4 степени, для мусульман установленного, и имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 гг. на владимирской ленте. По окончании в Сибирском кадетском корпусе положенного курса наук произведен в офицеры. В службу вступил из воспитанников Сибирского кадетского корпуса корнетом тысяча восемьсот пятьдесят третьего года ноября восьмого дня, имея тогда от роду восемнадцать лет (1853 г. ноября 8), с зачислением по кавалерии и назначением на службу в Сибирское линейное казачье войско, куда отправлен 1853 г. декабря 8. Приказом, отданным по войску за № 245, прикомандирован к полку 6 и прибыл в оный 1853 г. декабря 19. По распоряжению командира Отдельного сибирского корпуса назначен к исправлению должности адъютанта при начальнике штаба Отдельного сибирского корпуса генерал-лейтенанте Яковлеве 1854 г. марта 6. Отправлен к сей должности и прибыл 1854 г. марта 19. По таковому же распоряжению назначен состоять для исправления таковой же должности при командире Отдельного сибирского корпуса генерале от инфантерии Гасфорте 1854 г. октября 12.

В 1856 г. марта 25 дня за отличие по службе произведен в поручики.

В 1856 г. удостоен ношением бронзовой медали в память войны 1853—1856 гг. на владимирской ленте. За отличие по службе произведен в штабс-ротмистры 7 апреля 1860 г.

[*1] На полях помета: *На № 4457 (1860 г.).*

В 1860 г. апреля 7 дня за составленное описание Кашгара всемилостивейше пожалован в штабс-ротмистры, награжден орденом Св. Владимира четвертой степени и получил в единовременное пособие 500 руб. серебром.

По выборам дворянства не служил.

В походах и в делах против неприятеля не был. Сверх настоящей обязанности особых поручений по высочайшим повелениям не имел, а от своего начальства имел секретные предписания.

Под судом не находился. В штрафах по суду и без суда не был, а также под следствием не находился.

В отпусках не был.

Состоял сверх комплекта, по распоряжению высшего начальства переведен в Азиатский департамент.

К повышению чином достоин, хотя не выслужил срока, но случаям, препятствующим к награждению знаком отличия, за время служения в сем полку не подвергался.

Холост.

Имения не имеет.

Командир шестого полка подполковник *Ребров*
Полковой адъютант хорунжий *Андреевский*

Формулярный список № 2 о службе и достоинстве состоящего по армейской кавалерии и при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел штабс-ротмистра Чокана Валиханова*[2]

Сентябрь дня[*3], *1860 г.*

Штабс-ротмистр султан Чокан Чингизов сын Валиханов состоит по армии кавалерии. Двадцати пяти лет. Из султанов Средней киргиз-кайсацкой орды. Магометанского исповедания, кавалер ордена Св. Владимира 4 ст., имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 гг. на владимирской ленте.

По окончании положенного курса наук произведен в офицеры. В службу вступил из воспитанников Сибирского кадетского корпуса корнетом тысяча восемьсот пятьдесят третьего года ноября восьмого дня, имея от роду восемнадцать лет (1853 г. ноября 8), с зачислением по кавалерии и назначением на службу в Сибирское линейное казачье войско, куда отправлен в 1853 г. декабря 8 дня.

Приказом, отданным по войску за № 245, прикомандирован к полку 6 и прибыл в оный в 1853 г. декабря 19 дня.

По распоряжению командира Отдельного сибирского корпуса назначен к исправлению должности адъютанта при начальнике

---

[2]* На полях помета: *На № 4493 (1860 г.) за полкового.*

[*3] В подлиннике число не указано.

штаба Отдельного сибирского корпуса генерал-лейтенанте Яковлеве в 1854 г. марта 6 дня.

Отправлен к сей должности и прибыл в 1854 г. марта 19 дня.

По таковому же распоряжению назначен состоять для исправления таковой же должности при командире Отдельного сибирского корпуса генерале от инфантерии Гасфорте с 1854 г. октября 12 дня.

За отличие по службе произведен в поручики в 1856 г. марта 25 при той же должности.

В штабс-ротмистры произведен в 1860 г. апреля 7 дня. Высочайшим приказом назначен состоять при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с оставлением по армейской кавалерии 1860 г. июня 15 дня.

До причисления к Азиатскому департаменту состоял [в штате] сверх комплекта и находился по предписанию командира Отдельного сибирского корпуса, с 12 октября 1854 г. находился для исправления должности адъютанта при его высокопревосходительстве. К повышению чином достоин, к награждению знаком отличия беспорочной службы достоин, хотя не выслужил срока, случаям, препятствующим к награждению знаком отличия, не подвергался.

В отпусках не был.

В штрафах по суду и без суда не был, а также под следствием не находился.

В походах и в делах против неприятеля не был. Сверх настоящей обязанности особых поручений по высочайшим повелениям и от своего начальства не имел.

В 1856 г. марта 25 дня за отличие по службе произведен в поручики.

В 1856 г. удостоен ношения бронзовой медали в память войны 1853—1856 гг. на владимирской ленте.

В 1860 г. апреля 7 за отличие по службе произведен в штабс-ротмистры и всемилостивейше награжден орденом Св. Владимира 4 степени и единовременно 500 руб. серебром.

Высочайших благоволений, всемилостивейших рескриптов и похвальных листов от своего начальства не имел. Под судом не был.

Командир 6 полка подполковник *Ребров*
Наказной атаман генерал-майор *Гулькевич*

Формулярный список № 3 о службе состоящего по армейской кавалерии и при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел сверх штата штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова

Составлен 15 октября 1860 г.[*4]

Высочайшим приказом по Военному ведомству 26 января 1865 г. отчислен из Азиатского департамента Министерства иностранных дел в распоряжение командующего войсками Западной Сибири с оставлением по армейской кавалерии.

Директор Азиатского департамента (подпись)
Старший советник (подпись)

Штабс-ротмистр султан Чокан Чингизов сын Валиханов состоит по армейской кавалерии и при Азиатском департаменте, 24 лет[*5], магометанского исповедания, кавалер ордена Св. Владимира 4 ст., для мусульман установленного, имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 гг. на владимирской ленте. Получает жалованье, сверх получаемого по военному чину, 400 рублей серебром в год из суммы[*6], для переводчиков и драгоманов предназначенной. Из султанов Средней киргиз-кайсацкой орды. Имения нет. По окончании курса наук в Сибирском кадетском корпусе вступил в службу корнетом с зачислением по кавалерии и с назначением в Сибирское линейное казачье войско, имея от роду 18 лет (тысяча восемьсот пятьдесят третьего года, ноября восьмого дня). Отправлен по назначению в 1853 г. декабря 8 дня.

Приказом по Сибирскому линейному казачьему войску за № 245 прикомандирован к полку № 6 и прибыл в оный в 1853 г. декабря 19 дня.

По распоряжению командира Отдельного сибирского корпуса назначен к исправлению должности адъютанта при начальнике штаба Отдельного сибирского корпуса генерал-лейтенанте Яковлеве в 1854 г. марта 6 дня.

Отправлен к сей должности и прибыл в 1854 г. марта 19 дня.

По таковому же распоряжению назначен состоять для исправления таковой же должности при командире Отдельного Сибирского корпуса генерале от инфантерии Гасфорте 1854 г. октября 12 дня.

За отличие по службе произведен в поручики в 1856 г. марта 25 дня.

[*4] Повторная дата 25 января 1864 г. зачеркнута.

[*5] Было 25, исправлено карандашом на 24. На полях помета: *В 1853 г. в ноябре было 18 лет.*

[*6] Речь идет только о жалованье, получаемом Валихановым по Министерству иностранных дел.

На основании всемилостивейшего манифеста 26 августа 1856 г. получил бронзовую медаль на владимирской ленте в память войны 1853—1856 гг.

За составленное им описание Кашгара: 1) произведен в штабс-ротмистры, 2) всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4 степени, для мусульман установленного, и получил в единовременное пособие 500 рублей серебром в 1860 г. апреля 7 дня.

Высочайшим приказом по Военному ведомству 15 июня 1860 г. назначен состоять при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с оставлением по армейской кавалерии (1860 г. июня 15 дня)*7.

Отчислен от Азиатского департамента в распоряжение командующего войсками Западной Сибири с оставлением по армейской кавалерии —1865 г. января 26 дня.

Семейное положение — холост.

В штрафах, под следствием и судом не был.

В отпусках не был.

ЧОКАН В АУЛЕ

Приказ генерал-губернатора Западной Сибири

По Области сибирских киргизов утверждаются в должности: по избранию киргизов Атбасарского округа хорунжий Ерден Сандыбаев — старшим султаном того же округа вместо штабс-ротмистра Чокана Валиханова, избранного на эту должность большинством голосов, но отказавшегося от принятия оной за болезнью, и султан Кочен Джадаев — кандидатом старшего султана; оба на трехлетие в 1862 г.

Рапорт Кокчетавского окружного приказа военному губернатору Области сибирских киргизов

22 марта 1863 г., № 848

Имею честь препроводить при сем вашему превосходительству на зависящее распряжение письмо с приложением [заявления] старшего султана Валиханова с объявлением против жалобы киргиза Малтабарова по делу о насильственном отобрании жены этого киргиза сыном Валиханова.

---

*7 Зачеркнуто повторное: *Высочайший приказ по Министерству иностранных дел от 22 июня 1860 г., № 10.*

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

РАБОТА В ОМСКОМ АРХИВЕ

Предписание секретарю Андрееву из Пограничного управления сибирскими киргизами

30 июня 1854 г., № 4488

Архивариусу сего управления Андрееву.

В Пограничном управлении по слушании отношения начальника штаба Отдельного сибирского корпуса от 7 сего июня за № 241, коим уведомил Пограничное управление, что он, поручив состоящему при Сибирском линейном казачьем войске корнету Валиханову заняться собиранием материалов для истории кайсаков Сибирского ведомства, просит допустить Валиханова к выбору полезных в сем отношении дел из архива сего управления и предложить архивариусу выдавать таковые дела под расписку корнета Валиханова для составления из них выписок в корпусном штабе.

Приказали: По содержанию настоящего отношения начальника штаба Отдельного сибирского корпуса предписать Вам выдавать из вверенного Вам архива под расписку корнета Валиханова для вышепоясненной надобности дела.

Советник (подпись)
Секретарь (подпись)
Столоначальник (подпись)

Предписание секретарю Андрееву из Пограничного управления сибирскими киргизами

27 июня 1854 г., № 5255

Г. архивариусу Андрееву.

В Пограничном управлении по слушании отношения г. начальника штаба Отдельного сибирского корпуса от 8 июня № 302, в коем имеется проект по миновании надобности в собирании сведений из архива Пограничного управления, [приказали] отпуск таковых сведений прекратить, так как корнету Валиханову поручены другие занятия.

Справка. Согласно настоящему отзыву г. генерал-лейтенанта Яковлева предписать указом вашему благородию отпуск дел из архива г. корнету Валиханову прекратить.

Советник (подпись)
За секретаря (подпись)
За столоначальника (подпись)

Распоряжение Областного правления сибирских киргизов архивариусу Андрееву

19 марта 1855 г.

В Областном правлении по слушании рапорта вашего благородия от 14 января сего 1855 г. за № 4 по предмету не оказавшихся в заведоваемом вами архиве дел после смерти архивариуса Доценки и справка по коим оказалась. В исполнительном отделении имеется переписка о поручении состоящему при Сибирском линейном казачьем войске корнету Валиханову заняться собиранием материалов для истории киргизов Сибирского ведомства, из которой видно, что бывшее Пограничное управление вследствие отношения начальника штаба Отдельного сибирского корпуса от 4 июня 1854 г. за № 211[*1] указом от 30 того же июня за № 4488 предписало Вам выдавать для вышеизъясненной надобности г. Валиханову нужные ему дела под его расписку.

По журнальным же постановлениям сего правления, состоявшимся 19 июня того же года по отношению г. начальника штаба от 8 июля за № 302, было постановлено предписать вам отпуск из архива дел корнету Валиханову прекратить, что и исполнено указом от 27 того же июля за № 5255. Но какие именно дела были выдаваемы Валиханову, а равно возвращены ли таковые им в архив, из переписки не видно. Сверх того, в 1848 г. была в исполнительном отделении переписка о доставлении чиновнику Главного управления Западной Сибири Лещеву дел сего правления для составления им истории Киргизской степи, каковая переписка уже завершена в 1851 г. и издана в архиве приказами с прописанием справки предписать вашему благородию из имеющихся у Вас по вышеозначенному предмету переписок извлечь сведения, не были ли передаваемы не оказавшиеся ныне в архиве дела корнету Валиханову и чиновнику Лещеву, а если таковые были им передаваемы, то не находятся ли они у них в настоящее время. О последующем же донести сему правлению.

Советник (подпись)
Секретарь (подпись)
Столоначальник (подпись)

[*1] К сожалению, этот и некоторые другие важные документы, характеризующие первые шаги научной деятельности Ч. Ч. Валиханова, еще не найдены.

Рапорт архивариуса Андреева в Областное правление сибирских киргизов

15 января 1859 г., № 3

Из дел, хранящихся в архиве Областного правления сибирских киргизов, [дело], возникшее по отношению директора Азиатского департамента от 1857 г. 27 сентября под № 97 о доставлении сведений по предмету торговли с киргизами на 76 листах, в 1857 г. взято под расписку адъютантом г. командира Отдельного сибирского корпуса поручиком Валихановым для извлечения справки, но им по сие время в архив не обращено, а потому имею честь покорнейше просить Областное правление сделать распоряжение об истребовании от г. Валиханова вышеозначенного дела.

Верно: архивариус коллежский секретарь *Андреев*

Распоряжение Областного правления сибирских киргизов архивариусу Андрееву

17 марта 1859 г., № 2089

В Областном правлении по слушании отношения начальника штаба Отдельного сибирского корпуса от 26 февраля сего года за № 192, коим уведомляет, что взятое поручиком Валихановым из архива сего правления дело для доставления сведений Азиатскому департаменту по предмету торговли с киргизами будет истребовано и доставлено в правление по возвращении его, Валиханова, из командировки*2.

Приказали: о содержании настоящего отношения начальника штаба Отдельного сибирского корпуса дать знать архивариусу Андрееву.

Советник *Лещев*
Секретарь (подпись)
Столоначальник (подпись)

*2 То есть из Кашгара.

В РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рекомендация Чокану Валиханову в действительные члены Русского географического общества*[1]

Имеем честь предложить в действительные члены императорского Русского географического общества:

1. Поручика корпуса горных инженеров Ивана Ивановича Ковригина, известного своим отчетом о путешествии в Киргизской степи, напечатанным в «Горном журнале», и совершившего интересную поездку вдоль рек Катуни и Чуя во внутренность Алтая.

2. Поручика Чокана Валиханова, состоящего в должности адъютанта при командире Сибирского отдельного корпуса и совершившего путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о киргизской степи. Г-н Валиханов готов сообщить обществу собранные им сведения.

Действительные члены *П. Семенов, Е. Ламанский*

Диплом об избрании Ч. Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества*[2]

Императорское Русское географическое общество в собрании 21 февраля 1857 года избрало поручика Чокана Валиханова своим действительным членом.

Председатель (подпись)
Вице-председатель (подпись)
Секретарь *Е. Ламанский*

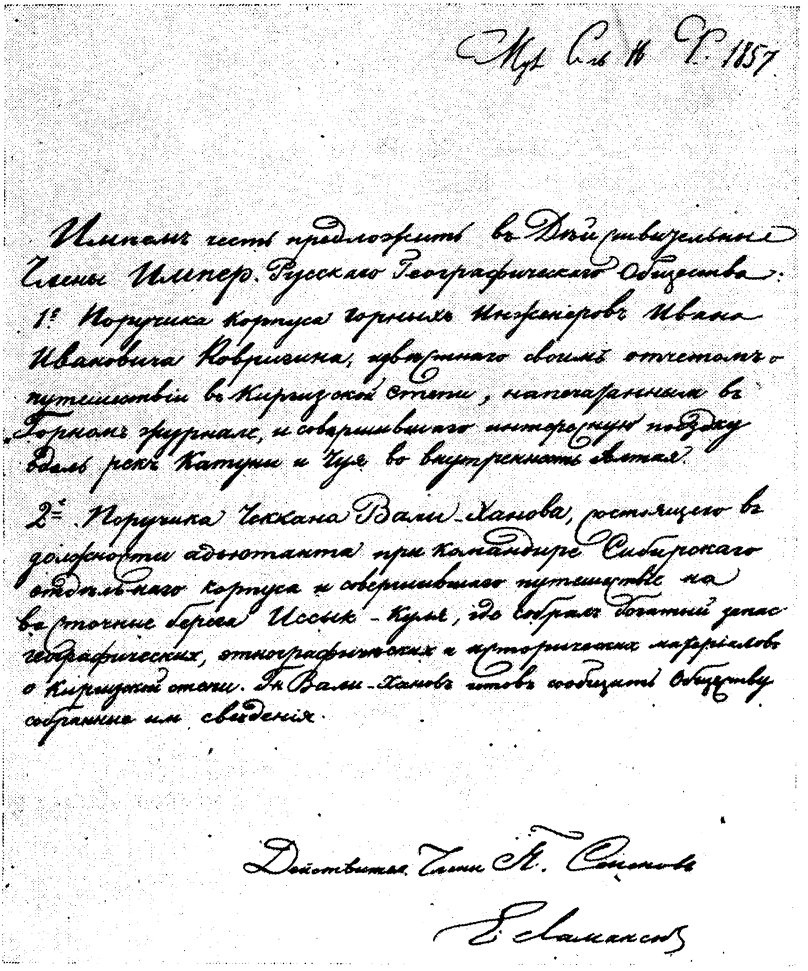
[Историко-филологическое отделение.

Заседание 13(25) апреля 1860 г.]

Г. Вельяминов-Зернов[1] представил от имени г. Валиханова, офицера российской армии, 18 восточных монет и персидскую рукопись дивана Хакани[2], пожертвованные Академии для ее Азиатского музея[3]. Г. Вельяминов-Зернов отметил, что труды

*[1] На полях помета: *Журнал Совета, 16 января 1857 г.*

*[2] На полях помета: *№ 572, Ницца, 20 марта; 1 апрель 1857 г. С.-Петербург.*

Мур Сиб К Р. 1857

Имею честь предложить в Действительные Члены Имп. Русского Географического Общества:

1. Поручика Корпуса горных Инженеров Ивана Ивановича Ковригина, удостоенного своими отчетами о путешествии в Киргизской степи, напечатанными в Горном журнале, и совершившего интересную поездку вдоль рек Катуни и Чуи во внутреннюю Азию.

2. Поручика Чокана Вали-Ханова, состоящего в должности адъютанта при Каланчине Сибирского отдельного корпуса и совершившего путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о Киргизской степи. Вали-Ханов готов сообщить Обществу собранные им сведения.

Действит. Член П. Семенов

Е. Ламанский

Черновик рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского и Е. И. Ламанского на избрание Чокана в действительные члены Русского географического общества

Императорское
Русское Географическое
Общество

в собрании 27 февраля 1857 года
избрало
Поручика
Чекана Вели-Ханова
своим действительным членом
Председатель

Вице Председатель

№ 572
Ницца
20 марта
1 апреля 1857
С.-Петербург

Секретарь

Диплом об избрании Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества.

Хакани весьма редки и отсутствуют в нашем музее. О ценности, которую они представляют для освещения истории Ширваншахов[4], можно судить по письму г. Ханыкова к г. Дорну[5], опубликованному в «Bulleten Hist.— Phil.», том XIV, с. 353[6]. Рукопись г. Валиханова выполнена красивым почерком, но, к сожалению, кажется, она неполная. Среди его монет имеется один неизданный чагатаидский экземпляр, тем более интересный, что он чеканен в честь правителя, имя которого до сих под не было известно. Г. Вельяминов-Зернов присовокупил к этому сообщению подробное описание тех монет г. Валиханова, которые представляют наибольший интерес, отметив, что один из описанных экземпляров — золотую монету Малла-бека[7], хана Коканда, г. Валиханов оставил у себя.— Постановлено опубликовать заметку г. Вельяминова-Зернова в Бюллетене, а г. Валиханова благодарить от имени Академии за его дары, сделанные Азиатскому музею.

ОПИСАНИЕ НЕСКОЛЬКИХ МОНЕТ УЛУСА ЧАГАТАЯ, ХИВЫ И КОКАНДА

(Прочитано 13 апреля 1860 г.)

Петербург

Г. Валиханов, офицер русской армии, любезно передал мне свою небольшую коллекцию восточных монет*[1]. Я выбрал из них те, которые показались мне интересными, чтобы сделать их краткое описание.

I. Монеты Улуса Чагатая

№ 1

Маленькая монетка, весящая 28 долей[1] [1,24 г].

I[2]. ملكه ... || ... خلد خان شيرين || العادل ترما || السلطان.

. Султан правосудный Тармаширин-хан, да прод[лит Аллах] его правление.

II. ٧٣٢ || ... ضرب سكة رسول الله || محمد الا الله || [3]لا اله.

. Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха. Чекан монетного двора... 732 (1331—32) г.

*[1] Эта коллекция пожертвована г. Валихановым в дар Азиатскому музею.

Крупная монета, весящая 1 золотник 7 долей [4,58 г].

I. دولة *2... خان || ضرب ... ترماسـ خان بن (؟) سنجر
خلد الله ملكه || العادل علا الدنيا والدين || السلطان.

Санджар*3-хан сын Тармаш[ирин]-хана. Чеканено [во время] правления султана правосудного 'Ала ад-дунйа вад-дина ('Величие мира и веры'), да продлит Аллах его правление.

II. الله || لا اله الا الله || محمد رسول ... صلى الله عليه
وسلم || ضرب سكه سمر || قند فى ⊥ سنه ٧٣[٢ или ٣].

Аллах; нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад посланник [Аллаха], да благословит его Аллах и да приветствует. Чекан монетного двора Самарканда в году 732 (или 733).

Этот экземпляр, до сих пор неизданный, является одной из самых замечательных чагатаидских монет. Ни один из восточных авторов, насколько я могу судить, не упоминал о сыне Тармаширина с именем Санджар[4] или хотя бы напоминающим таковое, который никогда не правил и не жил в Мавераннахре.

В Азиатском музее Академии имеются три монеты, совершенно подобные описанной мною здесь, но та сторона, на которой выбито имя собственное, на них настолько стерта, что можно разобрать лишь буквы جر (джар), составляющие конец слова سنجر (Санджар) и слово بن (сын); именно поэтому г. Френ[5] не смог расшифровать ни один из этих трех экземпляров полностью. Они упомянуты в Nova Supplementa[6], p. 120, 4.*b*. Все три датированы 731/1330—31 г.

Итак, перед нами положительный и в то же время, как мне кажется, совершенно новый факт: в улусе Чагатая был некий Санджар, сын Тармаширина, который чеканил монеты,— иначе говоря, правил либо претендовал на трон в 731/1330—31 и 732/1331—32 или 733/1332—33 годах.

Прежде чем вдаваться в подробности по поводу столь любопытного факта, я попытаюсь привлечь на помощь имеющиеся данные о продолжительности правления Тармаширина.

Абд ар-Раззак[7] писал в «Матла'ас-са'дайн», что Тармаширин умер в 727/1326—27 г. в Нахшебе[8], вскоре после поражения в Хорасане от эмира Хусейна, сына эмира Чубана*4. Хондемир[11]

---

*2 Здесь нужно читать فى ايام.

*3 Мне кажется, что имя хана можно читать именно так; ср. рисунок монеты.

*4 Вот сам текст «Матла'ас-са'дайн», который я привожу по рукописи императорской библиотеки (фонд Долгорукова, часть 1-я, события 730 года [1329—30]): زكر احوال الوس جغتاى درين چند سال
چون پادشاه ترمشيرين اواخر سنه ست وعشرين وسبعمايه از
امير حسـين بن امير چوبان منهزم شده بما وراء النهر رفت

говорит, что Тармаширин погиб в 728/1327—28 г., по возвращении из своей экспедиции в Индию*[5] *(Defrémery,* Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane, extraite du Habib-essiier de Khondémir, traduite du persan et accompagnée de notes. Journal Asiatique 4 me série, t. XIX, 1852, p. 273). Мирхонд в «Раузат ас-сафа»[10] тоже отмечает год 728 как дату конца правления Тармаширина (см. текст «Раузат ас-сафа», цитированный ниже, прим.*[11]). Фасих Хафи[12] в своем «Муджмал-и Фасихи»*[6] (рук. Аз. муз.) утверждает, что хан окончил свои дни в 729/1328—29 г. Есть также свидетельство Ибн Баттуты[13]. Этот шейх во время своего путешествия по Средней Азии встречался с Тармаширином (Voyages d'Ibn Batoutah, t. III, p. 33). Ибн Баттута рассказывает также, как через два года после своего приезда в Индию он узнал, что приближенные этого правителя, недовольные тем, что он нарушил законы Чингиза, сместили его и провозгласили царем одного из его двоюродных братьев по имени Бузун Оглы. Тармаширин, покинутый своими сторонниками, был взят в плен, приведен к Бузуну и казнен в Несефе*[7]. Тот же

چنانچه مذکور شد در ممالك جغتای بهر کوشهٔ متعدی سر برآورده بود واورا اختیاری نمانده ناکاه در نخشب سنه سبع وعشرین وسبعمایه وفات یافت وبرادرزاده اش جنکشی پادشاه شد ... بعد از دو سال بر سریر سلطنت اورا کشته یافتند وقاتل معلوم نکشت ودر نخشب مدفون شد بعد از آن بوران بن دوا پادشاه شد.

«Упоминание событий, происшедших в это время в улусе Джагатая. Как мы уже говорили, с тех пор как падшах Тармаширин, потерпевший поражение от амира Хусейна, сына амира Чубана, возвратился в конце 726 (1326) года в Мавераннахр (ср.: *Мирхонд*[9], Раузат ас-сафа, т. V и *d'Ohsson,* Histoire des mongols[10], t. IV, p. 670), то поднялись со всех концов владений Джагатая люди, разжигавшие вражду, и не осталось у него [Тармаширина] никакой власти. Вдруг в 727 году он умер в Нахшебе, и падшахом стал его племянник Дженкши ...По прошествии двух лет этого правителя нашли убитым на троне, а убийца остался неизвестен. Он [Дженкши] был похоронен в Нахшебе. После него падшахом стал Буран сын Дувы».

*[5] Эта экспедиция состоялась в 727 [1326—27] году. (History of the muhammedan power in India, translated from the original persian of Mohamed Kasim Ferishta by *J. Briggs,* London, 1829; t. I, p. 413; ср. *d'Ohsson,* Histoire des Mongols, t. IV, p. 562, и Voyage d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par *C. Defrémery* et de Dr. *B. R. Sanguinetti,* t. III, Paris, MDCCCLV [1855]. Avertissement, p. XX).

*[6] Об этом труде и о его авторе см.: *B. Dorn.* Über die Mudschmel Faszihy (مجمل فصیحی) betitelte chronologische Übersicht der Geschichte von Faszih (Bull. de Classe hist.-phil. de l'Académie Imp. des sciences de St.-Petersbourg, t. II, № 1).

*[7] О падении Тармаширина почти то же самое рассказывает Хондемир в «Хабиб ас-сийар» *(Defrémery,* Histoire des khans mongols, p. 237 et 273). У него Бузун назван Пураном (پوران) сыном Дува-Тимура сына Дувахана (отца Тармаширина). Абулгази[14] (Hisforia Mongolorum et Tatarorum,

путешественник добавляет, что после этого некто прибыл в Индию и выдавал себя за Тармаширина. В качестве такового его признали многие, в том числе и собственный сын Тармаширина, Бешай Огул, который после воцарения Бузуна бежал ко дворцу индийского царя. Этот некто позднее был изгнан и жил в Ширазе. Когда Ибн Баттута проезжал через этот город на пути из Индии, ему говорили, что тот человек еще находился здесь. Повествование Ибн Баттуты, совпадающее по времени с событиями, о которых он рассказывает, имеет особенно важное значение для истории улуса Чагатая, но, к сожалению, время встречи шейха с Тармаширином и его прибытия в Индию не поддается точной датировке. Ибн Баттута говорит (т. II, с. 412), что он выехал из лагеря султана Узбека и направился в Константинополь 10 шавваля 734 года (14 июня 1334 г.); далее он рассказывает о своем пребывании в этом городе, о прибытии в Сарай, о путешествии по Татарии и Трансоксиане, о своей встрече с Тармаширином, о поездках в Хорасане и Афганистане, и заканчивает утверждением (т. III, с. 92) о том, что он прибыл к реке Синд 1 мухаррама 734 года (12 сентября 1333 г.). Очевидно, он ошибся в датах. Если воспринимать повествование Ибн Баттуты буквально, то можно говорить лишь о том, что он видел Тармаширина около 734 года, после чего этот правитель был свергнут в промежутке времени между 734 и 736 годами. Разумеется, эти хронологические данные могут быть весьма далеки от истины. Ибн Баттута вообще ненадежный авторитет во всем, что касается дат. У него есть большой недостаток: время от времени он путает маршруты и смешивает эпохи (т. I, Предисловие, с. XXVII).

В результате наших изысканий с целью определения конца правления Тармаширина мы имеем сведения восточных авторов о четырех датах, причем все эти четыре даты различаются между собой. Монеты Тармаширина 732 и 733 гг.*[8] (см. монету Тарма-

---

Casani, MDCCCXXV [1825] p. ٧٥ говорит также, что именно этот правитель убил Тармаширина и сменил его на престоле; Абулгази называет его Бураном сыном Дува-ходжена[15], из чего следует, что он был братом Тармаширина (ср.: *Deguignes,* Historie générale des Huns, t. I, p. 286 et t. III, p. 311, который пишет Butan-khan). Д'Оссон (Historie des Mongols, t. IV, Tableau généalogique de la branche de Tschagataï) отцом Бузана называет Джагама сына Дувы. По Ибн Баттуте (т. III, с. 48—51), Бузун был убит Халилом сыном Йасаура, который захватил власть, а позже попал в руки малика Хусейна, правителя Герата. Хондемир в «Хабиб ас-сийар» и Абулгази одинаково говорят, что после Бузуна трон занял Дженкши[16]. Абд ар-Раззак в «Матла' ас-са'дайн» и Хондемир в «Хуласат ал-ахбар» *(Григорьев.* История Монголов, перевод с персидского, Санктпетербург, 1834, с. 113) называют Дженкши непосредственным преемником Тармаширина. Автор «Матла'ас-са'дайн» добавляет, что какой-то Буран сын Дувы правил после Дженкши (см. текст, приведенный выше, прим.*[4]). Этот Буран, очевидно, тождествен Бурану у Абулгази и Бузуну у Ибн Баттуты.

*[8] Только в Бухаре последнего времени ханам пришло в голову чеканить монеты с именами своих покойных предшественников, к тому же на

ширина 732 г., которую я описал выше под № 1, и монету того же хана, датированную 733 г. и упомянутую в Nova Suppl., p. 121, 4,*e*), свидетельствуют в пользу данных Ибн Баттуты, если только не считать, что их могли чеканить и в честь Тармаширина ширазского, о котором африканский путешественник сообщает столько подробностей. Такое возможно еще и потому, что у этого Тармаширина было много сторонников (Ибн Баттута, т. III, с. 46)*[9].

Теперь перейдем к эпохе восшествия Тармаширина на престол. По Хондемиру (*Defrèmery*, Hist. des Khans mongols, p. 272; *Григорьев*[18], История Монголов, с. 113), предшественниками Тармаширина были три его брата: Кепек, Ильчигидай и Дува-Тимур[19]. Ибн Баттута (т. III, с. 31) упоминает только Кепека и Ильчигидая. Мирхонд в «Раузат ас-сафа» и Абд ар-Раззак в «Матла'ас-са'дайн» включают в число непосредственных предшественников Тармаширина только двух его братьев — Кепека и Дува-Тимура (которого они называют Дура-Тимуром). Хондемир в «Хабиб ас-сийар» (*Defrèmery*, Hist. des khans mongols, p. 272) говорит, что Кепек умер в 721/1321 г. Абд ар-Раззак идет дальше и указывает эту же дату как год прихода к власти Тармаширина. Вот что он говорит по этому поводу («Матла'ас-са'дайн», рук. Аз. муз. № 574 а, часть 1-я, события 721 года):
ودرین سال پادشاه ماوراء النهر کبك بمرض طبیعی وفات یافت ومرقد اودر شهر قرشی در جوار مسجد جامع است وبعد ازو برادرش دوره تیمور پادشاه الوس جغتای شد اما مدت حکومت بیکسال نرسید پس ازو برادر دیکر ترمشیرین پادشاه شد وتا سنه ۷۲۷ پادشاهی کرد. «В этом самом году (721) падшах Мавераннахра Кебек умер естественной смертью*[10]; он похоронен в городе Карши, рядом с соборной мечетью. После него падшахом улуса Джагатая стал его брат Дура-Тимур, но он правил ме-

---

этих монетах помещаются почти все слова — رحمت باد بر, مرحوم и عاقبت محمود[17], прилагаемые к имени покойного правителя и ясно указывающие на то, что монета чеканена именно в его честь (см. мою статью Монеты бухарские и хивинские» в IV томе «Трудов Восточного отделения [Русского] археологического общества», с. 414—427). Монеты Тармаширина 832 и 733 гг., бесспорно, чеканены при его жизни, поскольку на них его имя сопровождается фразой خلد الله ملکه (да продлит Аллах его правление).

*[9] Действительно, ширазский Тармаширин, по Ибн Баттуте, все время находился в Индии или в Ширазе. Ничто не могло помешать в то время его сторонникам в Индии выбить в его честь монеты и поместить на них названия городов Мавераннахра (ср. с тем, что говорит г. Григорьев в «Известиях Археологического общества», т. II, с. 164, по поводу монеты кунгратского правителя Мухаммада Фана с названием Хорезма (Хивы) — города, которым этот правитель никогда не владел).

*[10] Ибн Баттута (т. III, с. 42) рассказывает, что Кепек был убит Тармаширином.

нее года. Его другой брат Тармаширин наследовал ему и правил до 727 года». Мирхонд говорит в точности то же самое, только он утверждает, что Тармаширин правил до 728 года*[11]. На основании этих данных, мне кажется, можно считать, что Тармаширин взошел на престол около 722/1322 г. и что промежуток времени между этим событием и смертью Кепека, независимо от того, включал ли он царствование двух правителей или только одного, не был долгим.

Тармаширин же управлял Мавераннахром от 5 до 14 лет — с 722 по 727—729 или по 734—736 годы.

В первом случае (т. е. если Тармаширин правил до 727—729 гг.) монеты Санджара, датированные 731 и 732 или 733 гг. объяснялись бы просто. Сын, если и не наследовал отцу, то претендовал на престол во время смут, вызванных Бузуном или Дженкши.

Во втором случае (т. е. если правление Тармаширина продолжалось до 734—736 гг.), напрашивался бы естественный вывод о том, что монеты Санджара чеканились как раз во время правления Тармаширина.

Этот факт можно объяснять двумя различными способами.

1°. Можно было бы предположить, что Тармаширин отдал сыну в управление часть своего государства или же разделил с ним престол с правом помещать его имя на монетах. Поскольку в подобном случае безусловно требовалось, чтобы имя сюзерена, которым был Тармаширин, было присоединено к имени Санджара — его вассала или соправителя, мы склонны считать, что слова السلطان العادل علا الدنيا والدين, выбитые на монетах Санджара, следует переводить: «Чеканено во время правления султана правосудного Тармаширина». Известно, что титул ʻАла ад-дунйа ва-д-дин носил Тармаширин (см. монеты этого правителя; ср. *Ибн Баттута,* т. III, с. 31).

2°. Можно было бы предположить, что Санджар был мятежником в 731 и 732 годах и в качестве претендента на престол чеканил монеты от своего имени, титулуя себя по примеру своего отца علا الدنيا و الدين..

Тармаширин, по единодушному свидетельству восточных авторов (*Defrémery,* Hist. des khans mongols, p. 272; *Григорьев,* История Монголов, с. 113; *Ибн Баттута,* т. III, с 31; Notices et extraits des manuscrits, t. XIII, p. 235, 238), был правителем

*[11] «Раузат ас-сафа», рук. Аз. муз. № 569 аа[20]: ودريـن سـال شاهزاده كبك در ماوراء النهر بمرض طبيعى در كذشت واورا در مسجد جامع سمرقند دفن كردند وبعد از وى دوره تيمور برادرش پادشاه شد وكم از سالى سلطنت كرده وفات يافت وبرادر ديكرش ترمشيرين خان متصدى حكومت او تا هفتصد وبيست وهشت هجرى امتداد يافت.

справедливым, добрым и могущественным, но в глазах своих подданных он имел большой недостаток: он не слишком почитал древние монгольские обычаи и заветы Чингиза. Я приведу для подтверждения слова Ибн Баттуты (т. III, с. 40), который прямо говорит, что именно по этой причине он был лишен трона своими приближенными*[12].

Вполне возможно, что к 731 г. в Мавераннахре сложилась партия недовольных и провозгласила монархом Санджара, сына Тармаширина. Эта смута была, так сказать, предвестником мятежа, нанесшего последний удар власти хана.

Не берусь решать окончательно, какое из всех этих высказанных мною предположений заслуживает наибольшего внимания. Может быть, когда-нибудь удастся найти в каком-то восточном сочинении фактические сведения о Санджаре. Тогда вопрос решится сам собой. Моим намерением было, как я полагаю, только привлечь внимание к тем сложностям, которые представляют монеты Санджара.

II. Монеты Хивы

Мухаммад Амин[21]

I. محمد امين بهادر خان ١٢٦٢. Мухаммад Амин бахадур-хан. 1262 (1845—46 г.)*[13].

II. ضرب دار الاسلام خوارزم. Чекан обители веры — Хорезма.

№№ 4 и 5

Те же надписи, что и на предыдущей. Что касается года, то на обеих монетах видны только первые три цифры. ١٢٦ (126), изображенные сверху в свободном пространстве, ограниченном буквой ن от слова خان таким образом: ١٢٦ خان. Четвертая цифра отсутствует, если только точку от буквы ن не считать одновременно и обозначением нуля. Тогда полная дата была бы 1260 (1844 г.). Однако такое допущение неприемлемо: Мухаммад Амин взошел на престол только в 1845 г., что соответствует 1261 году хиджры (см. мою статью «Монеты бухарские и хивинские», с. 453—454). Тогда как объяснить отсутствие четвертой цифры? Хивинцы, как и все народы Средней Азии, насколько известно,

*[12] Не проистекало ли недовольство народа Тармаширином от рвения, которое этот государь проявлял к исламизму? Именно он решительно обратил в мусульманскую веру большую часть улуса Чагатая *(Defrémery,* Hist. des khans mongols, p. 272; *Абулгази*, казанское изд., с. ٧٥). Усилия, которые он прилагал для достижения этой цели, легко могли настроить против него приверженцев старого культа.

*[13] Обозначение года помещено сверху, над словом 'хан'.

используют для чеканки своих монет молотки. С таким несовершенным приспособлением почти невозможно добиться, чтобы надписи всегда выходили полностью. Среди хивинских, бухарских и кокандских монет часто встречаются экземпляры, на которых едва видны половинки слов, которые должны составлять надпись; это происходит оттого, что чеканщик неверно рассчитал удар. Мне кажется, что на монетах № 4 и 5 верхняя часть вышла неполностью из-под молотка. Нет ни малейшего следа ободка над словом خان, а это единственное место, где его недостает. Эта часть ободка, а вместе с ней и четвертая цифра, должно быть, примыкавшая вплотную к ободку, исчезли, вероятно, по вине рабочего, плохо наложившего свой инструмент.

Должен сделать еще одно замечание по поводу монет № 3, 4 и 5: имея почти одинаковый вес*[14] и одни и те же надписи, они, однако, различаются как по форме букв, так и по манере расположения точек и черточек, образующих ободок. Это замечание можно отнести ко всем новым монетам Средней Азии в целом. Встречаются даже экземпляры, датированные одним и тем же годом и принадлежащие одному хану, которые отличаются друг от друга деталями типа. Как представляется, молотки, которыми чеканят монеты в Средней Азии, быстро срабатываются, а граверы не заботятся о точном воспроизведении надписей, служащих им образцом.

№ 6

I. ابو الغازى محمد امين بهادر خان ١٢٦٤. Борец за истинную веру, Мухаммад Амин бахадур-хан. 1264 (1847—48).

II. ضرب دار الاسلام خوارزم. Чекан обители веры — Хорезма. Вес: 70 долей [3,11 г].

Цифры, образующие дату этой монеты, расположены следующим образом:

خان
بهادر
٦محمد ٢امين١
ابو الغازى

№ 7

Одинаковая с предыдущей. Год 1266 (1849—50). Вес 72 доли [3,20 г].

Цифры года расположены почти так же, как и на № 6: ٦ (6) читается над словом 'хан'; ١ и ٢ (1 и 2) помещены одна возле

*[14] Монеты № 3 и 4 весят 72 доли [3,20 г], № 5 — 70 долей [3,11 г].

другой с краю, в одной строке со словами محمد امين . Цифра ٦ (6), которая должна быть где-то изображена для завершения числа 1266, отсутствует, вероятно, она не вышла из-под молотка. Я принимаю цифру 6, изображенную над خان, за конечную цифру года, а не за 6, которой должны обозначаться десятки. Основание для этого мне дает пример с предыдущей монетой, где конечная цифра видна над словом 'хан'.

Абдуллах[22]

№ 8

Во всем одинаковая с описанной г. Григорьевым в «Изв. Русского археол. общества», т. II, с. 161. Меньше размером, чем монеты Мухаммада Амина №№ 3—6, весит 69 долей [3,07 г].

Мухаммад[23]
(Нынешний хан)

№ 9

Отличается только датой от той, которую я описал в моей статье «Мон. бух. и хив.», с. 455, № 113. Несколько больше размером, чем монеты Мухаммада Амина №№ 3—6, и весит 72 доли [3,20 г].

№ 10

Шай[24], маленькая монетка, весящая 18 долей [0,80 г]. Экземпляр, подобный № 117 моих «Мон. бух. и хивинских», с. 456.

III. Монеты Коканда

Худайар[25]

№ 11

I. خدايار / محمد / سيد ١٢ / ٧٤ خان — Сейид Мухаммад Худайар-хан. 1274 (1857—58).

II. لطيف ١٢ / خوقند*15 / ٧٤ ضرب — Чекан приятного Коканда. 1274 (1857—58).

Вес: 69 долей [3,07 г].

Эта монета очень похожа на описанную г. Савельевым[26] в его заметке, озаглавленной «Список монет Кокандского ханства», и

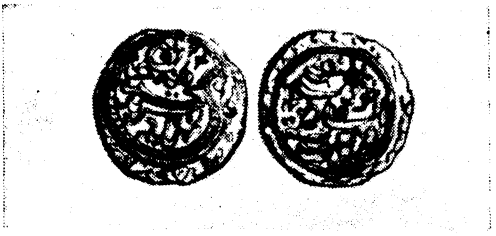
*15 На всех кокандских монетах название города пишется خوقند или خواقند

опубликованную в «Трудах Восточного отделения Русского археологического общества», т. II, с. 126, № 15, от которой она отличается только датой и манерой расположения слов на аверсе (ср. рисунок, приложенный г. Савельевым к его описанию).

Худайар смещен с престола около двух лет назад своим братом Малла-беком[27].

Малла
(Нынешний хан)

Тилла[28]

Вес: 1 зол. 7 дол. [4,58 г].

I. سيد محمد ملله بهادر خان ١٢٧٥. Сейид Мухаммад Малла бахадур-хан. 1275 (1858—59).

II. ضرب دار السلطنه خوقند لطيف ١٢٧٥. Чекан столичного города — приятного Коканда. 1275 (1858—59).

Ни одной монеты этого хана до сих пор не было опубликовано. Малла-бек, как можно видеть, является верховным правителем Коканда, который по примеру ханов Хивы принял титул 'бахадур'. Что же касается титула 'сейид', то владетели Коканда носят его начиная с Омар-хана, брата Алим-бека и сына Нарбута-бека[29], основателя династии Минг, правящей ныне в Коканде.

Извещение Русского географического общества о докладах Ч. Валиханова и К. М. Бэра

4 мая 1860 г.

Г. члены императорского Русского географического общества приглашаются в обыкновенное собрание общества, имеющее быть сегодня, в среду 4 мая, в $7^1/_2$ часа пополудни, в квартире Общества, близ Певческого моста, в доме Утина, бывшем Пущиных.

В этом собрании действ. чл. Валиханов сообщит свои заметки о путешествии в Малую Бухарию.

Кроме того, почетный член Общества К. М. Бэр, председательствующий в отделении этнографии, сообщит некоторые сведения по поводу вопроса о древнейших обитателях Европы.

Письмо председателя общества помощи нуждающимся литераторам и ученым Ч. Ч. Валиханову

2 ноября 1860 г., № 589, Санкт-Петербург

В собрании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, бывшем 30 числа октября, по предложению комитета Общества, избраны Вы, милостивый государь, членом оного. Имея честь Вас о том уведомить, покорнейше прошу определить количество жертвуемых денег, а также по взносу оных получить от казначея Общества надлежащую квитанцию.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Е. Ковалевский

Уведомление Русским географическим обществом Ч. Ч. Валиханова об уплате членских взносов

25 февраля 1861 г., № 231

Имея в виду § 37 Устава, на основании коего действительные члены императорского Русского географического общества, не внесшие в течение двух лет следующих с них платежей в кассу общества, признаются сложившими с себя звание действительных членов, Совет императорского Русского географического общества положил делать во исполнение означенного правила Устава пересмотр списка действительных членов раз в год. Вследствие сего Совет сделал распоряжение об уведомлении всех гг. членов о количестве состоящих на них недоимок с тем, чтобы, если им угодно оставаться в звании членов, они уведомили о том Совет.

За Чоканом Валихановым числятся недоимки за 1857, 1858, 1859, 1860 и 1861 годы, всего пятьдесят рублей.

Выступление Ч. Ч. Валиханова на заседании Отделения этнографии Русского географического общества

16 марта 1861 г.

Действительный член Ч. Ч. Валиханов обратил внимание отделения на необходимость изучения народной словесности кочевых татарских народов, обитающих в России, по тесной связи с русскими и вообще индоевропейскими памятниками этого рода, по его замечанию, обнаруживается решительное влияние русской народности. В преданиях киргизов, прибавил Ч. Валиханов, сохранились имена Ивана Калиты (Калталы Иван — Иван Калита), Михаила Тверского (Карт Михайл — Старый Михаил) и тому подобные намеки и указания.

Определено: благодарить г. Валиханова за его предложение сообщить об этом предмете особую записку для сборника.

Квитанция

Апрель 4 дня 1861 г., Санкт-Петербург

Принято от г. Валиханова в кассу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым десять рублей.

Казначей (подпись)

Постановление совета Русского географического общества

Председательствующий в отделении географии физической П. П. Семенов сделал следующее заявление: скончавшийся в недавнем времени генерал-майор К. К. Гутковский обратился к нему с просьбой о содействии изданию рукописей, оставшихся после смерти действительного члена общества Ч. Ч. Валиханова, с тем, чтобы ближайшие родные покойного пользовались некоторою частью выручки от продажи сего издания или же получили бы в свое распоряжение известное число экземпляров издания книги. По мнению П. П. Семенова, было бы всего удобнее напечатать труды Валиханова в «Записках» общества, а именно: в третьем томе «Записок по общей географии», причем он изъявил готовность принять на себя редакцию сего издания.

Совет принял предложение П. П. Семенова с искреннейшей признательностью и определил: по печатании трудов Валиханова предоставить до 400 экземпляров в собственность ближайших родственников покойного.

ДОКУМЕНТЫ ОБ УЧАСТИИ Ч. ВАЛИХАНОВА В ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛОВ ПО СУДЕБНЫМ ОБЫЧАЯМ КАЗАХОВ

Отношение Главного управления Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов

13 мая 1863 г., № 771, г. Омск[*1]

В 29 день сентября минувшего 1862 г. удостоены высочайшего одобрения его императорского величества рассмотренные Государственным советом основные положения преобразования судебной части.

Мнением Государственного совета в тот же 29 день сентября 1862 г., утвержденным его величеством, указан порядок составления и рассмотрения разных проектов законоположения в развитие сих основных начал.

Г. государственный секретарь Бутков, препроводив ко мне от 2 апреля печатный экземпляр высочайше утвержденного мнения Государственного совета и основных положений преобразования судебной части в России, просил его величество сообщить ему требуемые статьей 8 означенного мнения соображения о том: какие изменения и дополнения в общих для империи основных положениях преобразования судебной части необходимо сделать при применении оных к судебным учреждениям Западной Сибири и находящимся там казачьим войскам и инородцам.

Признав нужным предварительное рассмотрение настоящего предмета в Главном управлении, [к этому времени] иметь соображения всех местных губернских начальств Западной Сибири, я покорнейше прошу ваше превосходительство: распубликованные в дополнение к № 78 «С.-Петербургских сенатских ведомостей» 30 сентября 1862 г. основные положения преобразования судебной части в России подвергнуть рассмотрению чрез особых известных Вам сведущих чиновников под непосредственным Вашим наблюдением, и затем соображения и замечания Ваши о тех изменениях и дополнениях, которые в этих основных положениях необходимо сделать при применении их к судебным учреждениям во вверенной Вам области и находящимся в ней инородцам, представить ко мне не позже 1 августа настоящего года.

Кроме сего, признавая, что более значительные изменения в основных положениях о судебной части должны в особенности последовать при применении их в отношении сибирских киргизов и других инородцев, я полагал бы более полезным: сведения

[*1] На полях помета: *Получено 14 мая 1863 г. Весьма нужное.*

и соображения о могущих последовать изменениях по судебной части для киргизов и других инородцев собрать при предстоящей ревизии Вами области от почетных биев и султанов; для сего покорнейше прошу Вас предложить советнику Областного правления сибирских киргизов надворному советнику Яценко отправиться ныне же в округа Киргизской степи и, пользуясь сбором народа для ревизии, собрать от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнения относительно тех изменений и дополнений, которые необходимо сделать в общих основных положениях о судебной части при применении их к Киргизской степи; причем было бы полезно пригласить для совместных с г. Яценко занятий находящегося ныне в степи сына старшего султана, штабс-ротмистра Валихапова, если только сей последний изъявит на это свое согласие*[2].

Генерал-губернатор *А. Дюгамель*
Член совета, управляющий отделением *Ал. Маторин*

Кокчетавскому окружному приказу*[3]

15 мая 1863 г., № 983

Г. государственный секретарь Бутков, от 2 апреля препроводив печатный экземпляр высочайше утвержденного 29 сентября 1862 г. мнения Государственного совета по основным положениям преобразования судебной части в России, просил его высокопревосходительство сообщить ему требуемые ст. 8 означенного мнения соображения о том, какие изменения и дополнения в общих для империи основных положениях преобразования судебной части необходимо сделать при применении оных к судебным учреждениям в Западной Сибири и находящимся там казачьим войскам и инородцам.

Сообщая об этом, его высокопревосходительство предложением от 13 мая за № 771 просит меня подвергнуть основные положения рассмотрению через особых известных мне сведущих чиновников под непосредственным моим наблюдением и затем соображения и замечания мои о тех изменениях и дополнениях, которые необходимо сделать в основных положениях при принятии их к судебным управлениям в Области сибирских киргизов и находящимся в ней инородцам, ему представить.

Кроме сего, признавая, что более значительные изменения в основных положениях о судебной части должны в особенности последовать при применении их в отношении сибирских киргизов и других инородцев, господин генерал-губернатор полагал бы

*[2] На полях помета: *На место Яценко во время его командировки будет командирован мною в Областное правление чиновник особых поручений Шамардин для составления полного присутствия.*

*[3] На полях помета: *От генерал-майора фон Фридрихса.*

более полезным: сведения и соображения о могущих последовать изменениях по судебной части для киргизов и других инородцев собрать при предстоящей ревизии мною области от почетных биев и султанов и для сего просил меня предложить советнику Областного правления сибирских киргизов надворному советнику Яценко отправиться ныне же в округа Киргизской степи и, пользуясь сбором народа для ревизии, отобрать от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнение относительно тех изменений и дополнений, которые необходимо сделать в общих основных положениях о судебной части при применении их к Киргизской степи; причем присовокупляет, что было бы полезно пригласить для совместных с г. Яценко занятий находящегося ныне в степи сына старшего султана, штабс-ротмистра Валиханова, если только сей последний изъявит на это свое согласие.

Сообщая об этом вашему высокородию, я не отказываю себе в праве думать, что Вы с готовностью выполните желание его высокопревосходительства, и поэтому делаю вместе с сим распоряжение окружному приказу о выдаче Вам подорожной и прогонов.

Кокчетавскому окружному приказу

18 мая 1863 г., № 984

Господин генерал-губернатор Западной Сибири от 13 мая за № 771 просит меня предложить советнику Областного правления сибирских киргизов надворному советнику Яценко отправиться ныне же в округа вверенной мне области, [чтобы], пользуясь сбором народа для ревизии, отобрать от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнения относительно тех изменений и дополнений, которые необходимо сделать в общих основных положениях о судебной части при применении их к Киргизской степи, причем присовокупляет, что было бы полезно пригласить для совместных с г. Яценко занятий находящегося ныне в степи сына старшего султана, штабс-ротмистра Валиханова, если только сей последний изъявит на это свое согласие.

Давая о сем знать окружному приказу, я предписываю: сообщить об этом штабс-ротмистру Валиханову, и если он изъявит свое согласие, то выдать ему подорожную и прогоны, а затем [справку] об ассигновании из Тобольской казенной палаты выданных господину Валиханову в прогоны денег обратить с представлением в Областное правление сибирских киргизов.

Верно: помощник правителя канцелярии *Попов*

Отношение Областного правления сибирских киргизов военному губернатору

10 июля 1863 г., № 3979, г. Омск

Кокчетавский окружной приказ рапортом от 8 сего июня за № 3278 донес Областному правлению, что ваше превосходительство на основании предложения к Вам г. генерал-губернатора Западной Сибири предписанием от 15 мая за № 983, давая знать Кокчетавскому приказу о предложении советнику Областного правления сибирских киргизов надворному советнику Яценко отправиться с штабс-ротмистром Валихановым в округа Области сибирских киргизов и, пользуясь сбором народа для ревизии, отобрать от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнения относительно тех изменений и дополнений, которые необходимо сделать в общих основных положениях о судебной части при применении их к Киргизской степи, предписали сообщить Валиханову, не изъявит ли он свое согласие для совместных с г. Яценко занятий, и в случае согласия выдать ему подорожную бланку и прогоны; а об ассигновании денег из Тобольской казенной палаты на пополнение сумм приказа войти с представлением в Областное правление. По сообщению приказа, штабс-ротмистр Валиханов изъявил свое согласие для прописанной надобности быть с г. Яценко во всех округах Области сибирских киргизов, а потому приказ выдал ему подорожную бланку на взимание двух почтовых лошадей и в прогоны от Кокчетава до Баян-Аула и обратно в Кокчетав по числу 1826 верст пятьдесят четыре рубля семьдесят восемь копеек серебром и просит распоряжения об ассигновании из казны помянутых 54 рубля 78 копеек.

Областное правление сибирских киргизов, доводя до сведения вашего превосходительства, имеет честь покорнейше просить распоряжения вашего об ассигновании из казны вышесказанных денег для пополнения сумм Кокчетавского окружного приказа*[4].

Председатель полковник *Майдель*

Советник *Ив. Кремлев*

И. д. столоначальника *Портнягин*

Рапорт советника Областного правления Яценко военному губернатору Области сибирских киргизов

11 июля 1863 г., № 2, г. Омск

Согласно предложению вашего превосходительства от 15 мая сего года за № 983 Областному правлению сибирских киргизов,

*[4] На полях помета: *Донесение об ассигновании из казны денег (54 р. 78 к.), взамен выданных на прогоны Кокчетавским приказом Валиханову. Получено 12 июля 1863 г.*

отобрав при посредстве господина штабс-ротмистра Валиханова от султанов, биев и почетных киргиз Кокчетавского, Атбасарского, Акмолинского, Каркаралинского и Баян-Аульского округов мнения относительно тех изменений и дополнений, которые необходимо сделать в общих основных положениях о судебной части при применении их к Киргизской степи, я имею честь представить при сем оные на благоусмотрение вашего превосходительства вместе с проектом по сему предмету областного стряпчего Г. Кондратовича.

Надворный советник *Яценко*

Предписание гг. старшим султанам округов: Кокчетавского, Баян-Аульского, Акмолинского, Каркаралинского, Атбасарского

12 июля 1863 г., № 1267

В настоящее время составляется под моим представительством комитет для применения правил нового судопроизводства в Киргизской степи.

Сообщая об этом вашему высокоблагородию, я разрешаю Вам, если только Вы желаете присутствовать в помянутом комитете, прибыть на свой счет в Омск в непродолжительное время и пригласить с собою на тех же условиях известных и почетных биев*[5].

Верно: помощник правителя канцелярии *Попов*

Отношение военного губернатора Области сибирских киргизов генерал-губернатору Западной Сибири

13 июля 1863 г., № 1308

Рассмотрев мнения и отзывы, отобранные надворным советником Яценко при посредстве штабс-ротмистра Валиханова и биев всех округов Области сибирских киргизов касательно тех изменений и дополнений, кои необходимо будет сделать в общих основных положениях о судебной части при применении их в Киргизской степи, и заметив, что мнения эти в некоторых случаях противоречат друг другу[1], я пришел к убеждению, что комитет, долженствующий составиться с указанной целью с предложением вашего высочества, неминуемо столкнется с затруднениями при разрешении разных вопросов, если в состав комитета не войдет киргизский элемент.

Это обстоятельство побудило меня пригласить султанов и биев, которые пожелают прибыть на свой счет в г. Омск, принять участие в трудах помянутого комитета и с сей целью дать им разрешение на выезд из округов.

---

*5 На полях помета: *от генерал-майора фон Фридрихса.*

Докладывая об этом вашему высочеству, а также о том, что некоторые почетные султаны и бии непосредственно выразили свое желание участвовать в дальнейших разборах по применению к степи положения о судебной части, я имею честь испрашивать разрешения вашего высочества на отсрочку занятий по комитету впредь до прибытия в Омск хотя бы некоторых из приглашенных мною султанов и биев.

Верно: помощник правителя канцелярии *Попов*

Отношение Главного управления Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов

23 июля 1863 г., № 1167, г. Омск

Ваше превосходительство, от 13 июля сего года за № 1308 донеся об отобрании господином советником Яценко и штабс-ротмистром Валихановым от биев и султанов мнений их о тех изменениях, которые должны быть произведены в основных положениях о преобразовании судебной части при применении их к быту киргиз, и о необходимости участия в работах по сему предмету биев и султанов всей области, уведомляете о приглашении их в Омск. Вы сделали уже распоряжение и затем испрашиваете моего разрешения на отсрочку до прибытия их занятий того комитета, который должен быть составлен для исполнения отмеченных работ.

Имея в виду, что до прибытия биев и султанов могут быть произведены все предварительные и подготовительные работы по означенному предмету, что ускорит окончательное соображение дела при присутствии султанов и биев, я покорнейше прошу ваше превосходительство безотлагательно [до приезда] султанов согласно предложению моему от 13 мая сего года за № 772 создать комиссию для означенных работ и предложить ей немедленно начать свои занятия*[6].

Генерал-губернатор *А. Дюгамель*
Член совета, управляющий отделением *А. Маторин*

Мнение султанов и биев Кокчетавского округа

31 мая 1863 г., г. Кокчетав

Мы, султаны, бии и почетные киргизы Кокчетавского округа, бывшие в комитете для рассмотрения проекта вновь устраиваемого судопроизводства по обстоятельному обсуждению прочитанных там статей постановили нижеследующее.

Так как суд биев, существующий у нас издавна, по духу своему совершенно согласен с учреждениями о мировых судьях и

*[6] На полях помета: *Получено 29 июля 1863 г.*

разница заключается в некоторых частностях, не изменяющих, впрочем, в сущности дела, то мы желали бы сохранить суд биев в том самом виде, в каком он был у нас до сих пор, допустив некоторые изменения относительно прав и обязанностей биев, т. е. судей, и отчасти в их судопроизводстве, применяясь во всем к новым мировым учреждениям.

Изменения эти следующие:

1. Число биев должно быть в округе определено положительной цифрой, полагая в каждой волости от 6 до 10 и более биев, смотря по пространству и по числу народонаселения.

2. Бии эти должны быть избраны народом волости и на известный срок: на два года.

3. Биями могут быть избираемы киргизы доброй нравственности, не моложе 25 лет, известные в народе честностью и познаниями народных законов и обычаев и не состоящие под судом и следствием. Бии могут быть избраны и из султанов, удовлетворяющих этим требованиям.

4. Бии решают дела на основании народных законов и обычаев, для чего желательно было бы иметь степные законы в печати на родном нашем языке.

5. За уклонение от народных обычаев при решениях своих бии подвергаются штрафу, а за недобросовестность — суду.

6. Решения биев вписываются на киргизском языке в книгу, которая должна быть у каждого бия на руках.

7. Бии не получают никакого содержания ни от народа, ни от правительства.

8. Избранные по приговору общества бии утверждаются в этом звании г. военным губернатором.

9. Съезд биев, существующий у киргиз и теперь, решает дела общим совещанием и решения свои вносит в установленную для сего книгу.

10. Съезд биев происходит в год три раза.

11. Все преступления, учиненные киргизами и не влекущие за собой лишения или ограничения прав состояния и особенных преимуществ, решаются судом биев и на съездах биев.

12. Судом биев могут быть разбираемы дела киргиз с русскими и другими иноплеменниками, если последние, будучи истцами, того пожелают.

13. Дела о наследствах, ввод во владение и опеках оставить по-прежнему в ведомстве полицейской власти без участия биев.

14. Свидетельство письменных обязательств, явочных актов в случае составления их в степи возложить на управителей волостей под наблюдением окружного суда.

15. Бии могут приступать к разбору подведомственных им дел только: а) по жалобам лиц, понесших от преступления или проступка вред, убыток или обиду; б) по сообщению полицейских и других властей. Сами же бии по личному усмотрению ни в ка-

ком случае не могут приступить к разбору преступлений и проступков, ими замеченных.

16. Решения биев приводит в исполнение полицейская власть, как это ведется у нас издавна, а не сам бий.

17. Окончательно бии могут решать дела по искам: скота до трех лошадей и денег до пятидесяти рублей. По всем прочим они выносят решения в качестве первой инстанции.

18. Дела по отзывам на неокончательный приговор биев рассматриваются съездом биев.

19. Приговоры биев, которыми определяются внушения, замечания, выговоры и взыскания не свыше одной лошади с халатом и арест до 5 дней*[7], считаются окончательными и не могут быть обжалованы.

Что же касается до судебных мест, предположенных к открытию, то для нашей области мы полагали бы достаточным иметь одну степень суда, именно: окружной суд в Акмолах. Город Акмола, как центр области, представляет все удобства для основания в нем судебного места для решения уголовных и гражданских дел наших, подведомственных общим судам. Во всяком случае, мы желали бы, чтобы суд наш был особый, без участия казачьего и другого инородного элемента, ибо мы, будучи менее развиты и не зная русских законов, не в состоянии будем с ними балансировать.

Майли-Балтинской волости волостной управитель
Тиес Тоголаков

Бии: султан *Булат Габайдуллин, Альдеке Джайнаков*[*8]

Мнение султанов и биев Акмолинского округа

21 июня 1863 г., Акмолинск

Выслушав внимательно основные положения при образовании судебной части в России, мы, султаны, бии и почетные киргизы Акмолинского округа на общем совещании, бывшем в Акмолинске, положили просить о нижеследующем.

Желая сохранить целость обычаев своих предков, вполне удовлетворяющих наш родовой быт, мы просим правительство оставить суд биев и их съезды, существующие у нас с незапамятных времен, во всей их силе; соображаясь с духом нового положения о судоустройстве и судопроизводстве, мы полагаем полезным сделать некоторые дополнения и изменения, которые суть:

1. Бии учреждаются в аулах и волостях по одному в каждом ауле и волости, именуя волостного почетным.

---

*[7] Арест необходимо будет ввести в степное законодательство после отмены телесного наказания. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[8] Документ скреплен подписями, печатями и тамгами и других биев и султанов.

2. Аульные бии избираются народом аула для решения дел своих одноаульцев, а волостной — народом целой волости для решения тех дел в волости, которые не будут почему-либо окончательно решены аульными биями.

3. Бии аульные и волостные избираются на три года и утверждаются в этом звании военным губернатором.

4. Биями могут быть избраны киргизы доброй нравственности, имеющие не менее 25 и не более 70 лет, непорочные по суду или общественному приговору, не состоящие под следствием или под судом и известные в народе своею честностью и своим умом.

5. Недостаточное состояние и неграмотность не могут быть препятствием к избранию бием.

6. Султаны, имеющие вышеозначенные качества, также могут быть избраны в бии.

7. Бии аульные и волостные пользуются одинаковыми правами и преимуществами.

8. Бии аульные и волостные не получают особого содержания ни от казны, ни от народа, а пользуются штрафом с виновных по проступкам, за которые, по киргизским обычаям, определяется штраф в пользу биев [бидің билігі].

9. Все бии округа собираются на съезд раз в год в Акмолинске к 10 июня, ибо из-за раздробленности кочевок и обширности округа более частые съезды были бы обременительны для народа.

10. Бии приступают к разбору дел по преступлениям и проступкам: а) по жалобам лиц, понесших от преступления или проступка вред, убыток или обиды; б) по сообщениям полицейских властей об обнаруженных ими или о дошедших до их сведения преступлениях и проступках, подлежащих преследованию независимо от жалоб частных лиц. Сами же бии по личному усмотрению ни в каком случае не могут принимать к своему разбору преступления и проступки, ими замеченные.

11. Решения биев приводят в исполнение родоначальники, в руках коих находится полицейская власть в степи.

12. Бии разбирают все дела словесно на основании народных обычаев и приговоры свои вносят в установленную для сего книгу, каковая должна быть у каждого бия.

13. Аульный бий решает дела между киргизами своего аула один. Дела между киргизами разных аулов решаются двумя биями, избранными тяжущимися, в случае их согласия — одним бием.

14. Волостные бии разбирают и решают дела по жалобам на пристрастное или несправедливое решение аульных биев, и для разбора таковых жалоб собирается съезд аульных биев всей волости.

15. Приговоры аульных и волостных биев могут быть всегда обжалованы.

16. Дела по отзывам на неокончательные приговоры аульных и волостных биев рассматриваются съездом биев всего округа.

17. Бии аульные и волостные на пристрастное и несправедли-

вое решение дел приговариваются в первый раз к выговору, во второй раз — к штрафу и в третий раз устраняются от должности. Киргизов же, принесших на биев жалобы, по дознанию оказавшиеся несправедливыми, подвергают штрафу по усмотрению съезда биев: частного, волостного и общего окружного.

18. Бии, устраненные от должностей за недобросовестность, не могут быть избраны в другой раз в бии.

19. Суду биев подлежат все дела киргиз, исключая те преступления, за которые виновные присуждаются к лишению всех прав состояния (1169 ст., XV т. Св. зак. уголовных).

20. Дела о браках и разводах решаются судом биев, в случае обжалования разбираются на съездах биев при участии указных мулл.

21. Судом биев аульных и волостных решаются дела на неопределенную сумму, как это делается и до сих пор по степным законам.

22. Съезд биев разбирает дела после нарушений, [допущенных] аульными и волостными биями*[9].

23. Свидетельство письменных обязательств и явочных актов в случаях составления их в степи возложить на волостных управителей под наблюдением окружного суда.

24. Окружной суд просим учредить в Акмолинске, в коем во время заседания суда по делам киргиз присяжные заседатели должны быть только от киргиз.

25. Для внесения в список присяжных заседателей мы признаем необходимыми те самые условия и качества, которые требуются для избрания в бии.

Со всеми другими статьями положения судоустройства и судопроизводства мы совершенно согласны.

Записка скреплена подписями и печатями биев Таминской волости *Бапака Казангапова, Нурчи Клычева* и других.

Мнения султанов и биев Атбасарского округа

1863 г., Атбасар

Выслушав внимательно основные положения, [берущиеся за основу] при образовании судебной части в России, мы, султаны, бии и почетные киргизы Атбасарского округа на общем совещании, бывшем в Атбасаре, положили просить о нижеследующем.

Желая сохранить всецело юридические обычаи своих предков, вполне удовлетворяющие условиям нашего родового быта, мы просим правительство оставить суд биев и съезды их, существующие у нас с незапамятных времен, в древней, дорогой для нас, народной форме, но тем не менее, соображаясь с духом нового положения о судопроизводстве, мы полагали бы полезным сделать некоторые добавления и изменения, которые суть:

*[9] Этот параграф кем-то зачеркнут.

а) относительно биев и их съездов:

1. В каждом роде, составляющем ведомство одного аульного старшины, должен быть один бий.

2. Бий избирается на два года народом того рода, которому он принадлежит, и утверждается в этом звании военным губернатором.

3. В бии могут быть избираемы киргизы безукоризненного поведения, имеющие не менее двадцати пяти и не более шестидесяти пяти лет от роду, непорочные по суду и общественному приговору, не состоящие под следствием или судом и хорошо знакомые с народными законами и преданиями. Недостаточное состояние не может быть препятствием на избрание в бии.

4. Султаны могут также быть избираемы в бии, если имеют законные качества, которыми определяется способность быть бием.

5. Все бии пользуются одинаковыми правами и преимуществами.

6. Бии не получают особого содержания ни от народа, ни от казны, но получают только, что предоставлено им киргизскими обычаями [бидің билігі].

7. Съезд биев собирается несколько раз в год, смотря по желанию народа и по мере надобности, как это велось у нас до сих пор.

б) относительно судопроизводства биев:

8. Дабы соизмерить основной элемент суда биев, необходимо, чтобы бии приступали к разбору подведомственных им дел о преступлениях и проступках только по сообщениям полицейских властей, по которым обращаются с жалобами лица, понесшие от преступления или проступка вред, убытки или обиды, сами же бии, по древнему обычаю нашему, не могут принимать жалоб непосредственно от просителей.

9. Решения биев приводятся в исполнение через полицейскую власть.

10. Бии разбирают все дела словесно в присутствии родовичей, которым принадлежат тяжущиеся, и вносят приговоры свои в установленную для сего книгу, которая должна быть у каждого бия на руках.

11. Все дела между киргизами решаются, как было принято доныне, двумя биями, избранными двумя тяжущимися сторонами, но в случае добровольного согласия обеих сторон допускается один бий. Если дело решается двумя биями, то приговор их заносится в книгу того бия, к ведомству которого будет принадлежать проситель.

12. Бии разбирают дела и определяют наказание виновным на основании народных обычаев и законов.

13. Приговоры биев, которыми определяются: внушения, замечания и выговоры, взыскания не более одной лошади с халатом (полагая на деньги: лошадь пятнадцать рублей, а халат 3 рубля серебром) и арест до трех дней, считаются окончательными и не

могут быть обжалованы, на все прочие приговоры допускаются отзывы.

14. Дела по отзывам на неокопчательные приговоры биев рассматриваются съездом их.

15. Суду биев подлежат все маловажные уголовные проступки киргиз, исключая убийства, баранту (грабеж) с насилием и тому подобные преступления, означенные в 1169 ст. XV т. Св. зак. уголовных.

16. Так как брак не составляет у нас таинства, а есть простой договор, то спорные дела о браках и разводах, разбираемые ныне указными муллами, мы просим предоставить разбирательству биев по своим степным законам и обычаям.

17. Судом биев могут быть разбираемы дела киргизов с русскими и другими иноплеменниками, если последние, будучи истцами, того пожелают.

18. Окончательно бии решают дела по искам скота не свыше десяти лошадей и денег до ста рублей серебром, по всем же прочим делам они выносят свои решения в качестве первой инстанции.

19. В тех случаях, когда бии решают дела в качестве первой инстанции, и если это решение будет обжаловано, то жалобы эти решаются второю аппеляционною инстанциею окончательно, т. е. съездом биев.

20. Свидетельство письменных обязательств и явочных актов в случае составления их в степи возложить на волостных управителей под наблюдением окружного суда.

21. Окружной суд полагает удобным открыть в городе Акмолах, но с тем, чтобы он был открыт для одних киргиз; если же этого сделать нельзя, то во время заседания суда по делам киргиз присяжные заседатели должны быть только от киргиз.

22. Для внесения в список присяжных заседателей мы полагаем такие условия и качества, которые должны быть для избрания в бии.

Со всеми другими статьями положения мы совершенно согласны.

Кокан-Джырык-Бейназаровской волости волостной управитель, бий *Байгулы Сандыбаев*

Бии: *Байқадам Кожанаев, Кулыбек Кыдралинов, Отарбай Лабаков, Тюйте Саутбаев, Чалкибай Тюйтебаев.*

Мнения султанов и биев Баян-Аульского округа

4 июля 1863 г., Баян-Аул

Мы, султаны, бии и почетные киргизы Баян-Аульского округа на общем совещании, бывшем в Баян-Ауле, положили нижеследующее.

Так как суд биев и съезд их, существующие у нас издавна, заключают в себе все элементы мирового судоустройства и судопроизводства и по форме своей вполне удовлетворяют условиям родового нашего быта, то мы просим правительство оставить суд биев и съезды их в древней, народной форме, допустив некоторые изменения и дополнения, сообразно времени и обстоятельствам.

Изменения и дополнения эти суть:

1. Бии учреждаются по два в волости и по два в каждом нынешнем участке, именуя первых волостными, а последних участковыми.

2. Волостные бии избираются народом своей волости, а участковые народом всего округа и утверждаются в этом звании генерал-губернатором Западной Сибири.

3. Выбор биев производится через каждые три года.

4. В бии могут быть избраны киргизы доброй нравственности, имеющие не моложе двадцати пяти лет от роду, непорочные по суду или общественному приговору и не состоящие под следствием или судом, известные в народе по познаниям народных обычаев и законов.

5. Недостаточное состояние, неграмотность и происхождение не могут быть препятствием быть избранными в бии.

6. Султаны также могут быть избраны в бии, если имеют законные качества, которыми определяется способность быть бием.

7. Бии волостные и участковые пользуются одинаковыми правами и преимуществами.

8. Бии волостные не получают особого содержания ни от казны, ни от народа, а пользуются штрафом, называемым «бидің білігі», с виновных по проступкам, за которые, по киргизским обычаям, определяется аип, а участковые бии, сверх того, получают на разъезды и на другие расходы по должности по 100 баранов из народного зякета.

9. Все бии округа, как волостные, так и участковые, собираются на съезд два раза в год: летом и зимой. Кроме того, бии могут собираться на всех народных сборищах, поминках, байгах и прочее.

10. Бии приступают к разбору подведомственных им дел: а) по жалобам лиц, понесших от преступления или проступка вред, убытки или обиду, и б) по сообщению родоначальников об обнаруженных ими или о дошедших до их сведения преступлениях и проступках. Сами же бии непосредственно по своему усмотрению ни в каком случае не могут приступить к разбору преступлений или проступков, лично ими замеченных.

11. Решения биев приводятся в исполнение родоначальниками, в руках которых находится полицейская власть в степи, т. е. старшинами, волостными управителями и султанами.

12. Бии разбирают дела словесно, на основании народных обычаев, и приговоры свои вносят на киргизском языке в установленную для сего книгу с засвидетельствованием бывших при решении почетных киргиз.

13. Дабы сохранить народные элементы суда биев, необходимо, чтобы каждое дело разбиралось не менее как двумя биями, причем тяжущимся предоставляется право свободного выбора биев, но только из биев своего округа. В случае же согласия обеих спорящих сторон дозволяется и одному бию производить разбирательство и [выносить] решения.

14. Приговоры биев всегда могут быть обжалованы.

15. Дела по отзывам на недоказательные приговоры волостных биев и жалобы на несправедливое и пристрастное решение их разбираются сначала участковыми биями, а затем оставшиеся дела поступают на рассмотрение съезда биев.

16. Жалобы на участковых биев и дела, почему-либо не решенные ими, разбираются на съездах биев.

17. Бии за преступное и несправедливое решение дел, подведомственных им, подвергаются в первый раз замечанию, во второй раз — выговору, а в третий раз виновные устраняются от должности и не могут быть вторично избраны в это звание.

18. Киргизы, принесшие несправедливые жалобы на биев, приговариваются к усиленному штрафу по усмотрению съезда биев.

19. Бии, выказавшие в продолжение трехлетней службы особое усердие к интересам народа и благонамеренность, поощряются наградами от правительства.

20. Суду биев подлежат все гражданские и исковые дела киргиз и уголовные меньшей важности, включая в это число и баранту*[10], если она не сопровождена убийством.

21. Спорные дела о браках и разводах, бывшие до сего времени в руках мулл, передаются опять суду биев.

22. Судом биев решаются дела на неопределенную сумму, как велось в степи до сих пор.

23. Обязанности по охранению наследств и ввод во владение предоставляются родоначальникам.

24. Свидетельство письменных обязательств, явочных актов в случае составления их в степи возложить на волостных управителей.

25. Окружной суд просит открыть в Акмолах и открыть его для одних киргиз. Во всяком случае, во время заседания суда по

---

*[10] Баранта, по киргизским понятием, не есть грабеж, и по киргизским законам за баранту не получают даже аипа[1].

делам киргиз присяжные заседатели должны быть только от киргиз.

26. Для внесения в список присяжных заседателей мы считаем необходимым те условия и качества, которые требуются для избрания в бии.

Со всеми другими статьями положения мы вполне согласны.

В заключение сего мы считаем долгом благодарить наше правительство за благие его намерения в отношении киргизского народа и осмеливаемся просить начальство допустить народное участие и при дальнейшем рассмотрении этого проекта, вызвав для того депутатов из почетных биев и султанов нашей области.

ПЕРЕПИСКА

ПИСЬМА ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Письмо юного Чокана к родителям*[1]

Письмо — половина свидания

Мир вам и тем, кто присутствует у Вас!

Обладателю уважения и счастья и возвышающемуся великодушием и милосердием любезному батюшке и дражайшей и непорочной матушке, чтимою нами наравне с высокоуважаемой Каабой, посылаем многие и премногие салемы наши; затем, если будет милость ваша осведомиться о положении бюджета ваших сыновей, хвала Аллаху и благодушие! мы здоровы и невредимы по благодати ваших святых молитв, а что последует за этим, то дело божье. Далее, получив посланное на прошедшей почте благословенное письмо ваше и поняв его содержание, мы сделались веселы и радостны; во-вторых, возымев смелость, нижайше просим у вашей чести, наших старших, чтобы, бросив взор милосердия своего на положение, обстоятельства сокрушенного сердцем и расстроенного духом сына вашего, вы послали нам сколько-нибудь денег,— это было бы величайшею милостью, потому что у студентов, как мы, бывают большие расходы, например, на покупку бумаги, чернил, на переписку книг, для посылки писем в почтамт, при получении их; на подобные вещи очень нужны бывают деньги; по той причине надеюсь, что, когда с письмом о своем здоровьи пошлете какую-нибудь малость на расходы с верным попутчиком, вы обрадуете нас, вашего сына. Остаюсь с нетерпением ожидая вашего святого благословения, известный вам сын ваш *Якуб.*

Ф. М. Достоевскому

5 декабря 1856 г., Омск

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для

*[1] Написано от имени брата Якуба. Перевод с казахского Н. Ф. Костылецкого.

[меня] ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело.

Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это не к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю.

Здесь по приезде в Омск мне предстояла неприятность — проститься с лучшим другом Александром Николаевичем Цуриковым[1], который теперь едет к Вам в Семипалатинск. Рекомендую Вам, добрейший Федор Михайлович, этого доброго человека, Вы его должны полюбить и чем больше будете видеть, тем более. Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как Вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше. Д[уров][2] что-то нездоров. Здесь ему, кажется, не так хорошо с чиновническими крючками — все это, впрочем, Вам может подробно рапортовать Цуриков.

Как провели время в Барнауле с глубокомудреным, в рассуждении... мистификации*[2] человеком? Поклонитесь от меня свету моему, тайному секретарю Василию Петровичу[3]. Ковригин[4] на него сердится, что он ничего не пишет. Впрочем, долго ли обидеть сироту. Кстати, о сиротах. В последний вечер я занят был любовью по вашему совету с С. Расспросите ее, кажется, мы провели вечер приятно.

Прощайте пока, Федор Михайлович. Скоро я буду писать более подробно и многогласно. Жду я Вашего ответа. Анне Андреевне[5] я отдал Ваше письмо: она, кажется, очень довольна.

Ваш покорный слуга *Чокан Валиханов*

Шоқанның әкесі Шыңғысқа жазған хаттары

Бірінші хат

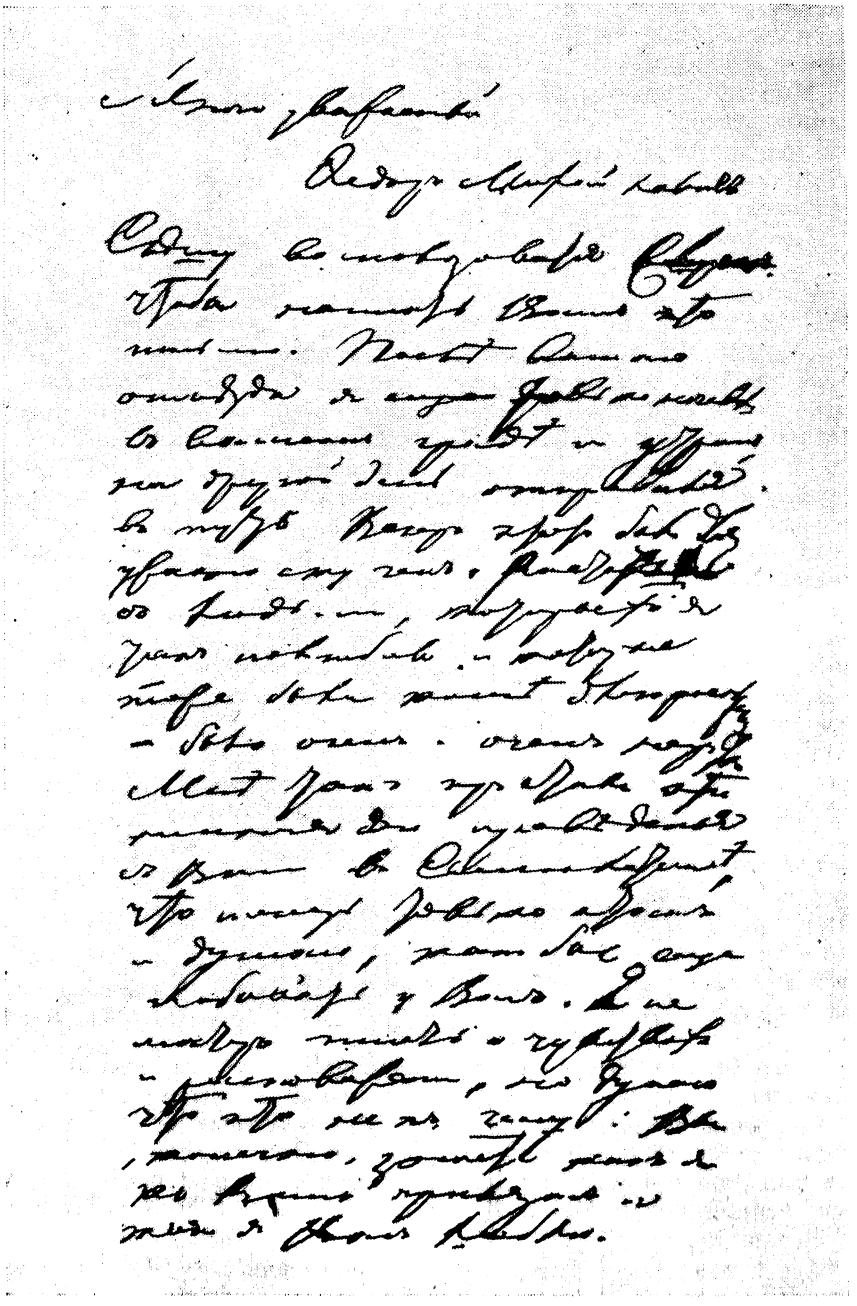
21 август 1857 ж. Омбы

Сізге белянд һурматлу ұлұғ мансаблу атамызға, меһірбанлу анамызға, уа барша іні қарындастарымызға көптен көп сәлем.

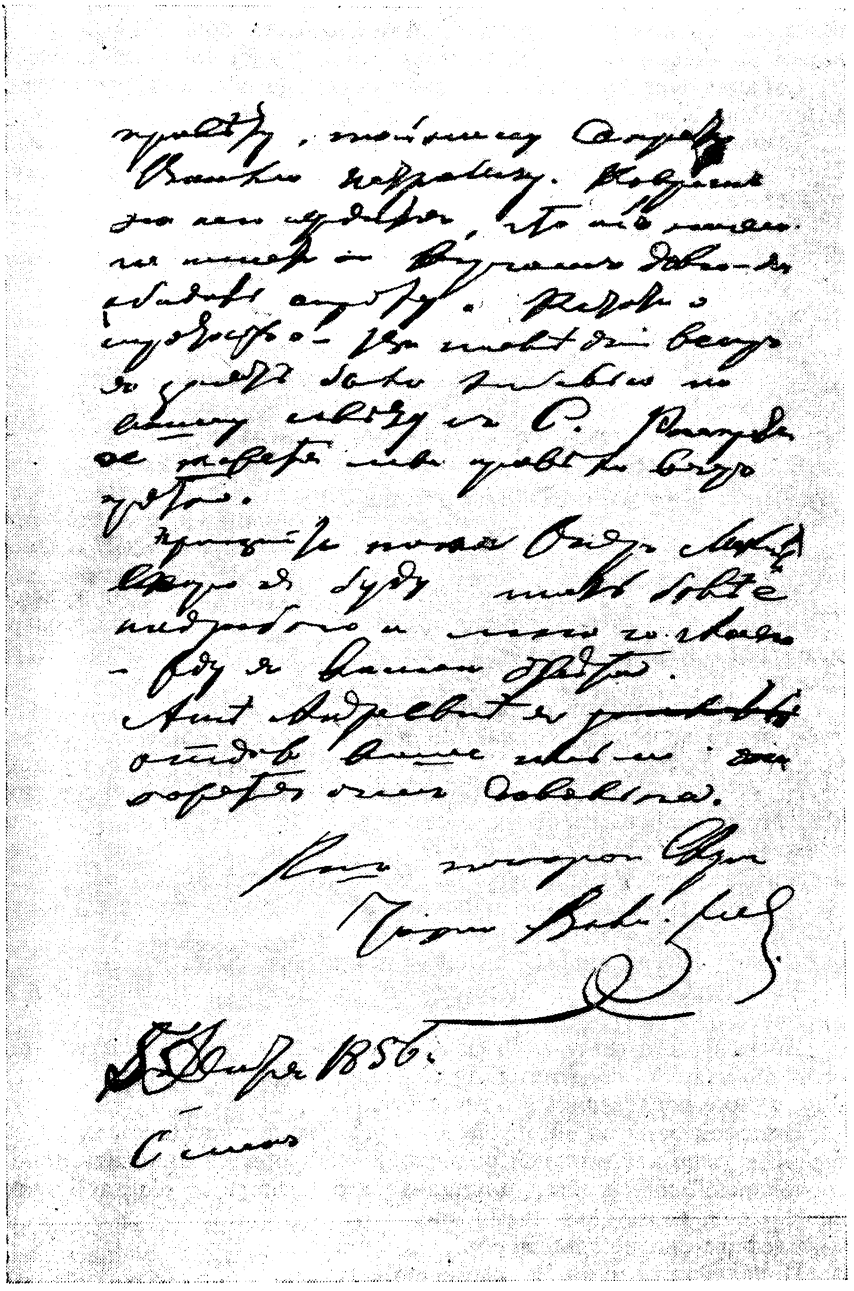
Сәлемнің бағдыда біздерден есендік сұрасаңыз алхамдлилла ифтиля деб білесіз. 13 числада августың Омбу шаһаріне келдік. Генерал-губернатор бір күн бұрын келген екен. Ешбір жат хабар жоқ, есенішіліктен басқа. Гутковский мұнда, Сіздерге көп-көп сәлем көндіреді.

Аға сұлтандық хақында кеше Гасфорт нешік үшбу күнгеше «представление» қылған жоқ деп Фридрихсқа сөгіс қылды. Хұда

*2 Чтение предположительное.

Автограф письма Чокана

к Ф. М. Достоевскому от 5 декабря 1856 г.

бұйырса бір жұмада аларсыз. Хатта советник орны бұрынғыдай вакансия болып жәй тұрады, ешбір лайық кісі таба алмадық.

Сабалақ бен Ханқожа балларын корпуске принимать қылдық. Ыштабдан Гутковский хат алды, оларды корпусқа алдық деб.

Омбыға келерде Қощығұлдың советниктен дәмесі болса алып бірге келіңіз. Гутковский жаһат етермін деп уағда берді — жанаралға таныстыру керек.

Біздің Шұрықтың үйі судан жаман болып, сасып кетіпті, ешбір тұруға ләзім емес. Бір кісі жіберіңіз деп едім — жібере көріңіз. Һам өзіңіз келерде біздің жәйді ұмытпаңыз. Гасфорт ыхласты жіберуге.

Мұхаммедия мен Қозыкені менен сүйіңіз.

Ұғұлыңыз *Мұхаммед-Ханафия Уәлиханов*

Отцу Чингису Валиханову*[3]

Первое письмо

21 августа 1857 г., Омск

Вам, дорогому и любимому отцу и милой моей матери и всем братьям и сестрам пламенный привет. За сим, если желаете осведомиться о нашем здоровье, то, слава Аллаху, мы в полном благополучии.

13 августа прибыл в город Омск. Оказывается, что генерал-губернатор вернулся только за день раньше до моего приезда. Никаких новостей нет, кроме благоденствия. Гутковский[1] здесь, шлет Вам нижайшее почтение. Что касается утверждения Вас на должность старшего султана, то Гасфорт[2] вчера объявил выговор Фридрихсу[3] за то, что он до сих пор задержал представление. Бог даст, через неделю получите утверждение.

Должность советника[4] по-прежнему остается вакантной, покуда подходящего человека не находим.

Сыновья Сабалака и Хангожи[5] приняты в кадетский корпус.

Гутковский получил утверждение из штаба о принятии их в корпус.

Когда будете ехать в Омск, то привезите с собой Кошугула[6], если он метит в советники. Гутковский обещает протежировать ему, нужно представить его генералу.

В нашем доме на «Мокрой» отсырело, воняет затхлостью, жить в нем дальше нет никакой возможности. Я просил прислать одного человека, пожалуйста, пришлите его поскорее. Когда будете ехать сюда, не забудьте и обо мне.

Гасфорт охотно одобряет мою поездку.

Поцелуйте за меня Мухаммедию и Козыке[7].

Ваш сын *Мухаммед-Ханафия Валиханов*

---

*[3] Здесь и далее перевод с казахского Л. Х. Маргулана.

Екінші хат

9 август 1860 г., Петербург

Сіздің мүбәрак намаңызды, июльдің 6-да жазған, жолығып көб шад болдым. Көбтен хабар алмағанға хафа болып тұрып едім, инша-алла, сіздер сәлеметтіктеріңізді жіберіп тұрсаңыз көб жақсы болар еді. Бізден хал ахуал сұрасаңыз, алхамдлилла, сау сәлемат деп білесіз.

Мақыжан һам сәләмат. Ол бұ күнде дачада тұрады. «Пойус» дегені — кәмар белбеу. Ләкін аңа еш ләзімі жоқ бекер жазған.

Петербурға келгеннен бері өзімнің халімні бұрынғыдан жақсырақ көремін. Һауасы маған жақсы, жағымды болды. Оны мұнда ашна болған ұлықтар, һам военный министр хұт біледі. Барон Ливен деген жанарал, граф Толстой, сенатыр Любимов, уа ғайри ұлықтар. Бұларға асқа барып жүремін. Ләкін бұ күнге шейін Бутковқа уа Гулькевичке барғаным жоқ. Ондайлардың һаммасы мен ашналығым бар, бәлки ғайрилары мен достығым бар. Өзім һам бірнеше кітап тасанниф қылып жатырмын. Газетлерде менім хақымда көп жазған еді, есіткенсіздүр.

Өздеріңіз жүрерде маған бұйырған едіңіз — ақшаның қанша шыққанын жазып тұр деп. Һар нешік. Сіздерге жалған айтып болмас, әуелгі жыл білмеген шаһар көбірек шықты: киім қылдырдым, форма сатып алдым, көйлек, дамбал, падшаға «представит» еткенде, ұлықтарға асқа барғанда кәретемен жүрмек керек, һар нешік бұ күнде һам шықты. Жалование формуляр список келгенше берілмейді, қашан келерін хұда білсін.

Бірнеше күн ақшасыз отырып көп хажелет көрдім. Өзіңіз білесіз, бұ шаһарда ақшасыз адам аштан өледі, әзер-әзір екі жүз теңге займға алдым. Енді бұ хатты алған[нан] кейін азырақ ақша жеберсеңіз жақсы болар еді. Мен Сіздерден сұрауға ұялмын, сұрамай, болмайды. Борыш қылсам мұнанда жаман. Әгар һар айда жіберіп тұрсаңыз жақсы болар еді, һам аз шығар еді. Көп ақша қолда [болса], көбірек шығады. Мұндағы мұсылмандардың біріне сөздесіп, Сіз айында оған жіберсеңіз, айында маған беріп тұр,— деп [айтсаңыз] жақсы болар еді.

Мұса әкем ақша жібере ме, жібермей ме хұда білсін, Ол өзі ғажаб адам, мен өзім одан сұрамаймын. Һар нешік. Бұл хатты алғаннан кейін біраз ақша жіберсеңіз жақсы болар еді. Арамыз алыс, мұнда аз кешіксе, хал хараб.

Орынбордан шыққан сұлтандар бір жұма болды мұнда келгеніне. Мұқан сұлтан бәріне председатель.

Бір письмоводитель бар, атын ұмыттым, һаммасы сегіз-тоғыз кісі. Падшаға бүгін көрісетұғын күн. Пристав болып келген Плотников деген — председателінің товарышы. Переводчигі қазақ төресі офицер Альмұхаммед Сейдалин. Жақып оны біледі, Ахметтікінде көрген. Башкен ханум сәлем айтыпты.

Апама, балаларға, барша ағайындарға сәлем айтарсыз. Жақыпқа сәлем. Әгар Жақып Омбыға барса, сурет қылып жіберсін.

Сіздің «дворянский» княздық хақында өзіңіз арқылы хлопотать етсеңіз [дұрыс] болар, ия Областное правление арқылы, Карл Казимирович білән ақылдасыңыз (на основании Указов 1746—1776 г. марта 14 и 1784 г. февраля 22). Сонда қазақ хандарының әуләдіні князь қылмаққа қосқан. Ләкін происхождениясын анық көрсете алмаған үшін 1804-нші жылдан бері ноғайларға князьдық берілмеген. Әгар Сіздің свидетельствода дворяндық дұрыс көрсетілсе — княздық сұрасаңыз һам болады, законге тура келеді.

Орынборға губернаторлыққа Безақ деген жанарал баратын болды. Орынбор қазақтарының облыстық губернаторы Григорьевбен мен қыс күні ол Петерборға келгенде көп дос болдық. Ол маған келіп жүрді.

Адресті мұндай қылып жазсаңыз, инша-алла, тисе керек. Мой адрес: В кавалерийское Отделение Департамента Генерального штаба.

Второе письмо родителям

9 августа 1860 г., Петербург

Я очень обрадовался, получив Ваше любезное письмо от 6 июля, потому что соскучился по Вас. Было бы хорошо, если бы Вы чаще писали о своем благополучии. Коли хотите справиться о нашем житье-бытье, то, по милости Аллаха, мы живы и здоровы. Здоров и Макыжан[1]. Он в настоящее время живет на даче. Под словом «пойус» он имел в виду кавказский пояс. Напрасно он писал Вам об этом, он ему вовсе не нужен.

За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего. Видимо, его климат мне не так уж вреден. Об этом знают хорошо все мои приятели, знакомые и большие начальники, с коими я познакомился здесь, в частности военный министр Милютин[2], барон Ливен[3], граф Толстой[4], сенатор Любимов[5] и многие другие. Бываю я у них в гостях. Однако до сих пор еще не был у Буткова и Гулькевича[6]. Со всеми этими людьми я близко знаком, с некоторыми завел даже тесную дружбу.

Сейчас готовлю к печати несколько своих трудов. Много пишут обо мне в газетах. Наверное, уже читали сами или слышали.

Перед моим отъездом в Петербург Вы наказывали, чтобы я отчитывался перед Вами в произведенных мною расходах. Ни в коем случае я не позволю себе обманывать Вас. В первый год после приезда в незнакомый город издержки были значительные: заказывал у портных форму и всякое обмундирование, покупал белье. Чтобы представиться императору, ездить на обед к высокопоставленным лицам, нужно было нанимать карету. В такие дни бывали и другие издержки. Жалованья не будут выдавать до получения формулярного списка [из Омска], а когда он придет, известно только одному Аллаху.

Несколько дней жил совсем без денег. Вы сами знаете, человек без денег в этом городе может умереть с голоду. С большим трудом достал взаймы двести рублей. Хорошо, если Вы по получении этого письма переведете мне немного денег. Мне и самому совестно просить у Вас, но приходится. Быть в долгу еще хуже. Было бы разумно и удобно, если бы Вы переводили понемногу, ежемесячно, тогда и расходов было бы меньше. А когда под руками большие деньги, от расходов нельзя удержаться. Было бы еще надежнее, если бы перевели мне деньги на кого-нибудь из мусульман, проживающих здесь, с поручением выдавать понемногу ежемесячно.

Аллах знает, пришлет или нет мне деньги дядя Муса[7]. Ведь он на редкость чудесный человек, но просить у него деньги я не стану. Самое лучшее — всякий раз по получении моего письма переводить понемногу. Учтите, что нас разделяет огромное расстояние, малейшее опоздание с переводом может создать катастрофическое положение.

С неделю как прибыла депутация султанов из Оренбурга, возглавляемая Мукан-султаном[8], есть у него письмоводитель (позабыл его имя), их всего 8—9 человек. Сегодня они должны быть представлены императору. При них — еще пристав Плотников[9]— заместитель главы депутации и переводчиком приехал казахский султан офицер Альмухаммед Сейдалин[10]. Жакуп его хорошо знает, видел его в доме Ахмета[11]. Башкен-ханум[12] прислала мне привет.

Передай мой сердечный привет маме, ребятишкам и всем родственникам. Привет Жакупу. Пусть Жакуп, когда он поедет в Омск, снимется у фотографов и пришлет мне свою карточку.

О присвоении дворянского достоинства или титула князей следует хлопотать лучше Вам самим через областное управление; по этому вопросу следует посоветоваться с Карлом Казимировичем (на основании Указов 1746—1776 гг. от 14 марта и 1784 г. от 22 февраля). Согласно этим указам потомкам казахских ханов разрешено предоставлять титул князей. Однако с 1804 г. потомкам ногайских ханов было отказано в предоставлении титула князей, поскольку они не могли предъявить достоверных документов о своем происхождении. Если в Вашем свидетельстве будет указано правильно Ваше ханское происхождение, то можете хлопотать, все будет вполне по закону.

Генерал-губернатором Оренбургской области назначен генерал, барон А. П. Безак. Завел тесную дружбу с губернатором Области оренбургских казахов Григорьевым, когда он был зимой в Петербурге. Он часто бывал у меня. Если будете писать мне по нижеуказанному адресу, то Ваши письма и переводы скорее дойдут до меня.

Мой точный адрес: Кавалерийское отделение Департамента Генерального штаба.

Үшінші хат

4 ноябрь 1860 ж.

Бижанаб. Сізге ұлұғ хұрметты уа сүюклу атамызға сәлем, уа меһірбан анамыз, уа іні аға қарындастарымызға зияда ғұмыр уа ықбаллар.

Бағда бізден хабар сұрасаңыз алхамдлилла, сау уа сәлематбіз. Бір айдан берлі жүрегімнің дерті тұтып, аурып тұрамын. Петербордың һауасы дешт-сахаралыққа жақсы емес екен. Дәрігерлер қысқа загранпцаға баруға бұйырдылар. Хұда разы болсын, хауф қылмаңыз.., Ғайри ол жерлерде һеш неме жоқ.

Хұда қаласа Батюшков губернатор болса, Сібірге қайтамын. Мұнда сөз бар Батенков (?) губернаторлыққа менің ашна дос кісімді қояды деген. Оның атын ілгері жазбаймын, әгар болмаса ұят болмасын.

Хұда бұйырса бір айдан кейін Петербордан Парижге шығамын. Ақшаны өтілге аламын — мұндағы бір кісіден. Аның үшін, Сіздің жіберген ақша мені Петербургта таппас. Һар нешік емді бұ хатты алғандан кейін ақша һаммасын жібергейсіз, мың теңгедей. Жат жерлерде борышты кісі не қандай машһур болсада, жанарал болсын,— қараулға жіберер.

Сіздердің халіңізді біліп мың теңгеден артық сұрамаймын. Мұсафіршілікпен тұрсам, кім біледі, ас-суға жетер. Енді Мұса һам көмек берсе болар еді. Оның баласына, кім біледі пайда болар. Адресті түзік жазыңыз. Үш жүз теңге жіберген хатыңыз мені әзер тапты. Аның үшін кім, Сіз екі адрес жазыпсыз — бұрынғы адресті және соңғы адресті. Керек соңғыны жазбақ. В Кавалерийское Отделение Департамента Генерального штаба.

Басқа сөз керек емес. Хұда қаласа, жаз көрішмекні алла нәсіп еткей. Дәю, жазғушы ұғлұңыз Мұхаммед-Ханафия. P. S. Мақыжан ұғлұңыз жалқау, һеш неме қылмайды, ұстаздары айтады, және «ұры». Менің алты паршалық кітаптарымды ұрлап алғанын учитель Васильев табып беріп мені бәледен құтқарды.

Мен әуел келгенде келгенімді білдіріп қызметкерден хабар жібердім. Бір жақтан үйге келсек, Мақыжанды көрдім, ол мені таныды:

— Жүзіңді ұмыттым,— деді. Оның есендігі жақсы, дерті жоқ, ақша көп сұрайды.

«Ұрлық» қылған соң мен ақша бермедім, наказание болсын! Жақып жанға сәлем, келінге [сәлем], балаларын сүйіңіз. Рахия, Бадығұлға жазсаңыз — сәлем жазарсыз.

Третье письмо родителям

4 ноября 1860 г.

Шлю мой привет Вам, дорогому и любимому отцу, милой моей матери и всем братьям и сестрам. Желаю Вам всем счастья и долголетия. Коли хотите справиться о нашем житье-бытье, по божьей милости, живы и здоровы. Но болею уже более месяца, возобновилась старая болезнь в груди. Оказывается, петербургский климат не подходящ для жителей вольных степей с сухим климатом. Доктора предписывают к зиме поехать за границу. Ради бога не унывайте, не выдумывайте никаких ужасов. Ведь в тех странах, куда я собираюсь ехать, нет ничего страшного.

Если губернатором станет Батюшков, то приеду в Сибирь. Здесь ходят слухи, что назначат туда моего близкого друга. Назвать заранее его имя воздержусь[1], ибо неудобно будет, если этот слух не оправдается. Бог даст, через месяц выеду из Петербурга в Париж, для чего занял деньги у одного человека, боюсь, что Ваш перевод не застанет меня в Петербурге. Теперь по получении настоящего письма переведите мне тысячу рублей, предназначенную Вами мне на годовое содержание. Говорят, за границей несостоятельного должника, будь он хотя бы архизнаменитостью, даже генералиссимусом, сажают в долговую тюрьму. Считаясь с Вашим положением, прошу лишь одну тысячу рублей сверх положенной. Если буду жить как нищий, то этих денег хватит на пропитание. В такое время было невредно получить помощь и от Мусы. Может быть, это пошло бы на пользу и его сыновьям.

Пишите адрес правильно. Ваш перевод на 300 рублей с трудом дошел до меня, так как Вы написали два адреса: и старый, и новый. Нужно писать по новому, т. е. Кавалерийское отделение Департамента Генерального штаба. Больше ничего не нужно писать.

Пусть ниспошлет Аллах нам приятную встречу весной будущего года.

Ваш сын *Мухаммед-Ханафия*

P. S. Ваш сын Макы большой лодырь. Ровным счетом ничего не хочет делать. Кроме того, как говорят его воспитатели, он оказался еще и «вором». Он украл у меня шесть томов книг. Спасибо его учителю Васильеву, который обнаружил у него их, вернул мне, тем самым он выручил меня из большой беды. По приезде в Петербург я сразу дал знать ему через работника. Когда я вернулся домой, то Макыжан уже сидел у меня на квартире; он с первого взгляда узнал меня. Говорит: «Обличье твое позабыл». Он вполне здоров, ничем не болеет. Часто просит у меня деньги. В наказание за «воровство» я ему денег больше не даю. Привет милому Жакупу и снохе, поцелуйте за меня их ребятишек. Когда будете писать Рахие, Бадгулу, то не забудьте передать им от меня привет.

Мухаммед-Ханафия

Ініміз Жақып Уәлихановке

10 декабрь 1857 ж.

Бейсенді жібергенге бір айдан артық болды. Себебі не? Мен мұнда бекер жатып, бекер шығын қыламын. Ұлықтар жүріңіз деп өкпелеп жатыр. Бір жауап беріңіз. Бұ іс жақсы емес. Әгар Бейсен бері шықпаса, үшбу поштавай мен Сейфуллинді жіберіңіз. Ақшаны аямаңыз, алла разы болсын, 700 сом жібер, екінші рет сұраймын. Поштавайды барған күні қайтарыңыз.

P. S. Әлбетте олай-бұлай деп кешікпеңіз, бір жауап беріңіз тез!

Атамның заданиесі бір-екі күнде шығады, үшбу күнде Главное Управлениеде басып жатыр.

Утверждение отца вышло, а теперь печатается приказ об утверждении.

Брату Жакупу Валиханову

10 декабря 1857 г.

Брату нашему, Жакупу-султану. Прошло уже более месяца, как ты писал, что отправил ко мне Бейсена[1]. Где он? Я живу здесь без дела, вхожу в лишние расходы. Начальство выражает большое недовольство, что я все еще задерживаюсь тут. Все это никуда не годится. Пришли исчерпывающий ответ. В случае, если Бейсен еще не выехал, то с этим же посыльным пошли Сейфуллина[2]. Денег не жалей. Ради бога, пришли мне 700 рублей, второй раз просить не буду. Ни одного дня не задерживай посыльного.

P. S. Разумеется, с нетерпением жду всеисчерпывающего ответа, не затягивай дело под разными предлогами. Утверждение отца на должность старшего султана уже подписано. На днях выйдет приказ, он уже печатается в Главном управлении.

К. К. Гутковскому

4 июня 1858 г., Аксу

Милостивый государь, Карл Казимирович!

Казалось, что все было устроено хорошо, но вышло напротив. Дело мое принимает прескверный оборот. Я совершенно потерялся и не знаю, что делать. Гирей устроил все прекрасно: я купил двух лошадей, сшил платье, белье и нашел товарища из к[иргиз] К[аркаралинского] округа, но остановка стала за караваном, что менее всего я ожидал, судя по вашим словам. Возможность, что караван может опоздать, занимала меня более всего, но Вы совершенно отрицали этот пункт. Вот уже восемь дней, как я живу у Гирея. Аулы все ушли в горы, только его юрта торчит на бере-

гу Аксу, о караване же нет ни слуху ни духу. Я все еще надеялся: думал, вот подъедет завтра или послезавтра, но надежды на будущее совершенно рушатся. Гирей был сейчас на пикете, видел татарина, едущего из Семипалатинска в Верное и узнал, что до 23 числа не выходил никакой караван. Оставаться мне более у Гирея нельзя: кругом ходят воры и уже по моей милости успели потерять трех лошадей; через несколько дней будет и Гасфорт, нужно избегнуть с ним встречи. Ехать вперед по пикетам нельзя: вы увезли все регалии и подорожную. Остается одно — сделать превращение и ехать по степи на Семипалатинск. Предприятие это довольно опасно: могут схватить казаки и представить в приказ как бродягу или же киреевцы могут ограбить и отправить в виде Адама, изгнанного из рая. Но я решился на это. Да будет воля аллаха! Да, Карл Казимирович, настали тяжкие дни скорби и испытаний. Я должен буду день скрываться где-нибудь в камнях, подобно филину, а ночью рыскать, как барантач. Это все еще ничего, но что я буду есть? Со мною нет ничего: ни огнива, ни кремня, ни хлеба. Вот вы нападали на dandysme*[4], а я на все это решаюсь; между тем как вы, поборник натуральной школы, не перенесли бы и половину подобных мучений. Я не имею ничего для удобства пути. Вы лишили меня всего. Если бы Вы оставили плащ и подорожную, я спокойно проехал бы Ит-Кечу, а там скрылся бы в волостях.

Теперь же надо того и ждать, что какой-нибудь байджигитовский батыр оберет догола и (чего доброго) уведет на Черный Иртыш. Скажите, ради бога, где ваш караван? Поймите мое положение: что мне делать? Как же это Вы не обратили внимания на самый главный пункт — на слона: где ваш караван, вышедший по достоверным сведениям, 15 числа из Семипалатинска. Все было бы отлично, дела мы вели хорошо. Все было замаскировано. Ни один мудрец киргизский не постигнул хитрости и вдруг... срываюсь, срываюсь жестоко. На чем же? На приходе каравана. Прощайте. Сегодня я исчезаю. Что будет, ведает один лишь бог.

Ч. В.

Ф. М. Достоевскому

18 июня 1859 г. [*?*]

Любезный друг, Федор Михайлович!

Я обещал тебе писать из Казани, но вследствие разных причин, главнейшим образом вследствие лени, пишу из Сибири, из Петропавловска, куда приехал вчера вечером и где буду ожидать генерал-губернатора. Потом думаю ехать прямо к себе в Орду. Здоровье мое не хуже и не лучше, покашливаю, как и прежде,

*[4] Dandysme — дендизм.

хотя пью кумыз,— впрочем, что скажет степь, вольный воздух, повозки.

Я теперь расстроен нравственно и телесно и много писать не могу, а расстроен оттого, что взял себе в Казани попутчика, и этот господин надоел мне смертельно, а отвязаться от него никак не могу: куда я и он туда же. Одно его присутствие меня терзает и приводит в бешенство[1]... Вот, любезный друг, сам себе сотворил муку и поделом — не бери впредь попутчиков с собой. Писать более не хочется, прощай, голубчик, кланяйся от меня Марии Дмитриевне[2], Мих[аилу] Михайловичу[3] и дому его, Майкову[4], Полонскому[5] и всем нашим знакомым. Извини за краткость, в другой раз постараюсь быть пространнее.

Валиханов

Пиши, пожалуйста, адресуй в Кокчетав, через Петропавловск, в Тобольскую губернию.

[Отрывок из письма Чокана к неизвестному]

Письмо Ваше от 29 ноября я получил только сегодня. Удивляюсь, где оно до сих пор могло странствовать. Не мудрено, например, что письма Мусабая до меня не доходят, если он [будет продолжать писать] адрес таким образом.

Поклонитесь, пожалуйста, баронессе[1] и скажите, что я поздравляю ее с сюрпризом, который будет иметь. Я [очень] радуюсь за б[арона] Сильвергельма[2], твердо убежден [и думаю], что история о Катерине Монс, которая (К. М., а не история) из больших блюд и [которая, т. е. история] оставалась до сих пор не конченной, наконец, может быть досказана и досказана еще кому? Шведскому подданному — дворянину Адольфу Кнорингу. Я не знаю, знаком ли с ним барон*[5], но знаю, наверное, что... на знаменитой Еженхе, когда барон Ашенов и Гряфузов рубили саблями сахар, он был*[6].

К. К. Гутковскому

[Листок без начала] ...и дикокаменных киргизов. Уже неудовольствия между зачуйскими и нашими киргизами начались. И теперь сношения разорваны, всякий, перешедший за Чу теряет свободу на том основании, что Суранчи[1] и Супатай[2] выдали посланцев русским. Во всяком случае лучше было бы для нас, какие бы мы не имели виды на кокандские владения, не возбуждать против себя дикокаменных киргизов, которые после обременительных налогов и зякета, положенного в три раза более против прежних годов, ждут русских как избавителей. Это верно. Третье, если

*[5] Вариант: *Может быть барон его знает, чем черт не шутит.*
*[6] На этом письмо обрывается.

отпустить Алишира[3] и его спутников, не обращая на них особенного внимания,— это будет иметь больше нравственного значения, чем речи, которые он выслушает в Омске. Кокандцы все убеждены, что он будет отправлен скоро в Пишпек на том основании, что под Ак-Мечетью все их пленные выпускались очень скоро. Русским, кажется [им], нечего держать Алишира или другого какого-нибудь среднеазиатца. Для кокандцев личность Алишира не имеет никакого значения, и если б он совершенно погиб, то и тогда не будут считать это большой потерей. Между тем как нравственно — великодушие и сознание своего превосходства — подействуют гораздо благодетельнее на кокандцев и киргизов, чем страх потерять Алишир-датху.

Кокандцы в Пишпеке ждут русских, якобы идущих для взятия их кургана в числе 5 тыс. чел. Народная молва представляет всех воинов наших в сажень ростом и одела их в непроницаемые для пуль латы. Здесь всякое обыкновенное происшествие в устах киргизов принимает фантастический характер: качественно преобладает сверхъестественный элемент, количественно — увеличивает в прогрессе, равносильном действию сильнейшего микроскопа.

Войско это едет под начальством старого вождя с одним глазом на лбу: кто это мог быть?

Валиханов

P. S. Перемышльский[4] кланяется Вам и Катерине Яковлевне[5]. Относительно Алишира он соединяет мольбу с моей. Дай бог, чтобы это не было гласом вопиющего в пустыне.

В.

Отрывок из письма Чокана некоему Аркадию Константиновичу

Добрейший друг Аркадий Константинович.

Письмо твое от 12 июня я получил в своем ауле и до приезда в Кокчетав не имел возможности ответить, хотя имел на то сильное желание. Волость наша была в дальних кочевьях и почтовых сообщений с Кокчетавом совершенно не было: ни отца, ни старшего султана до [сих пор] не видел, через которых можно было бы*[7].

А. Н. Бекетову

2 генваря 1862 г., Орда при Сырымбете

Многоуважаемому профессору свидетельствует свое почтение киргиз-кайсак Валиханов из Средней орды и просит прощения за неаккуратность в переписке, причем он, Валиханов, возлагает

*[7] Текст на этом обрывается.

свое упование на аллаха и надеется, что неаккуратность, как его национальное качество, приносит ему более чести, чем осуждения. С этим согласна вся Средняя орда и некоторые старейшины Большой и Малой орд, и все они готовы в удостоверение сего приложить свои родовые тамги, если обстоятельства того воспотребуют. За сим слово его заключается в нижеследующем.

Первое, так как богатство киргиза и других номадов заключается в скоте и при столкновении с народами цивилизированными является у сих кочевников потребность в деньгах, то и Ваш покорный слуга, находясь в обстоятельствах, требующих удовлетворения деньгами, и сам не имея ни раба, ни вола, ни даже осла, желал бы продать некоторое свое произведение о Кашгаре, не имеющее никакого применения в бродячем быту, в Императорское Русское географическое общество и потому просит г-на профессора как редактора известить его, на каких условиях может общество приобрести его «Кашгар». Шутки в сторону. Я в самом деле желал бы, если это только будет возможно, продать в Общество целиком свои заметки о Кашгаре[1]. Цена будет самая умеренная —50 рублей за печатный лист, исключая те главы, за которые Вы при отъезде моем из Петербурга дали деньги.

Ради бога, Андрей Николаевич, похлопочите в Обществе, чтобы выслали мне в степь барометр, психрометр и несколько термометров,— та часть степи, в которой я живу, очень слабо исследована, а в климатическом отношении известно кое-что только о Верном[2]. Занятия мои в степи идут успешно. Я собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен и занимаюсь теперь изучением киргизских законов, которые имеют связь с уложением Чингисхана[3].

Я начал одну статью для Общества «О картах географических Средней Азии»[4], но по неимению некоторых справочных книг [она] остается неоконченной.

Позвольте теперь поговорить о себе. Здоровье мое все еще плохо, и доктора не позволяют теперь выехать в дорогу, поэтому я остаюсь в степи до лета, до августа. Поэтому прекрасно бы Вы сделали, Андрей Николаевич, если бы выслали заметки ко мне в степь. Адрес мой вот: Кокчетав, через Петропавловск в Западной Сибири.

Извините, я хочу просить Вас еще кое о чем. Во-первых, нельзя ли будет узнать, где живет г-н Потанин, а у него — где г-н Усов[5], казачий офицер, и г-н Ядринцев, купец из Тюмени. Тому и другому я остаюсь должным. Если заметки мои будут Вами куплены, то нельзя ли будет Вам удовлетворить того и другого. Ядринцеву я должен 300 рублей серебром, а Усову —50 р., следовательно, 350 р., а заметки, я думаю, будут по числу листов превосходить эту сумму, а в противном случае скажите г-ну Потанину, чтобы он отослал этих господ к Петру Иваповичу Лерху[6] (спросить в Академии наук), которому я поручил их удовлетворить.

Дмитрию Ивановичу[7] передайте мой поклон, когда увидите. Достоевскому тоже, я сам скоро буду [ему] писать. [Жду] Вашу карточку.

Мое нижайшее [почтение] Вашей супруге и целую Ваших детей.

Ч. Валиханов, из Средней орды.

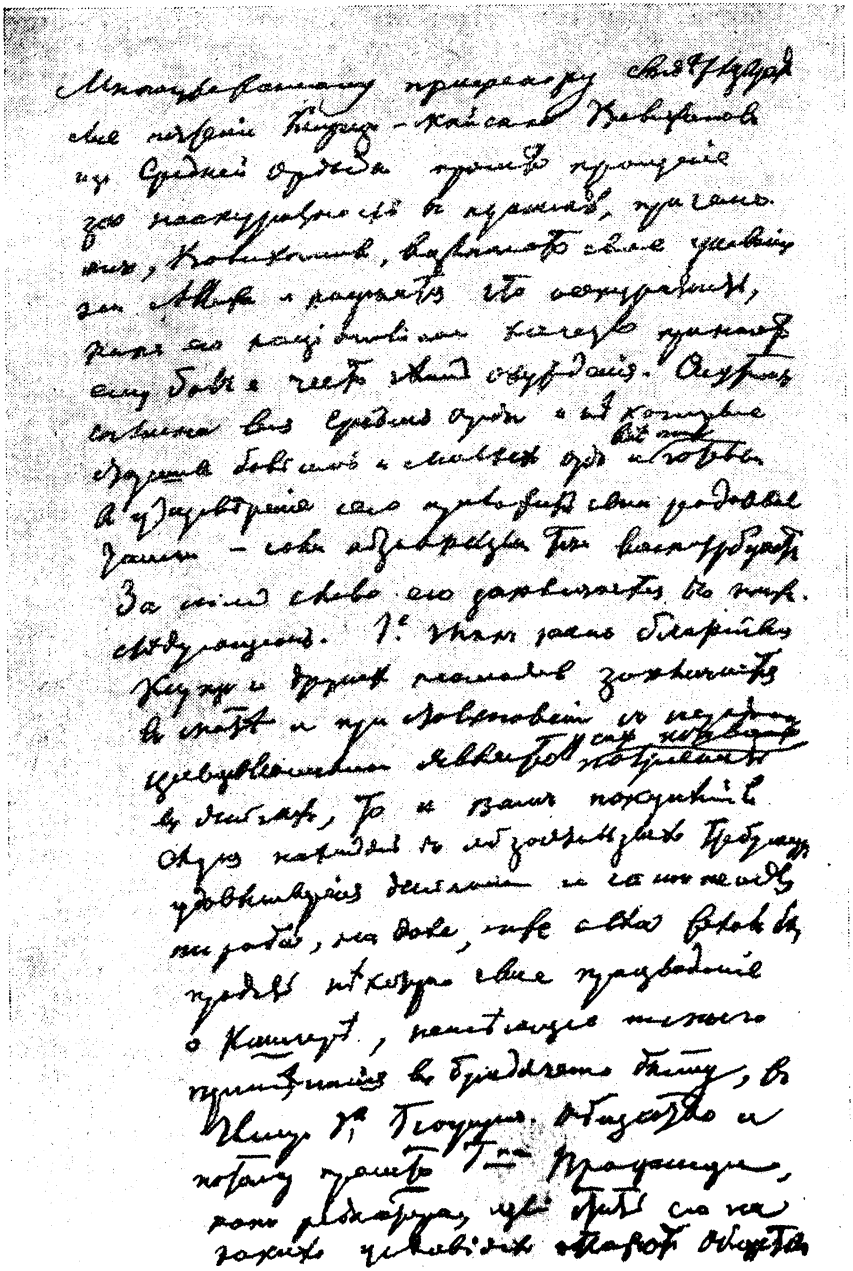
Ф. Достоевскому

Генваря 14. 1862 г., Киргизская степь

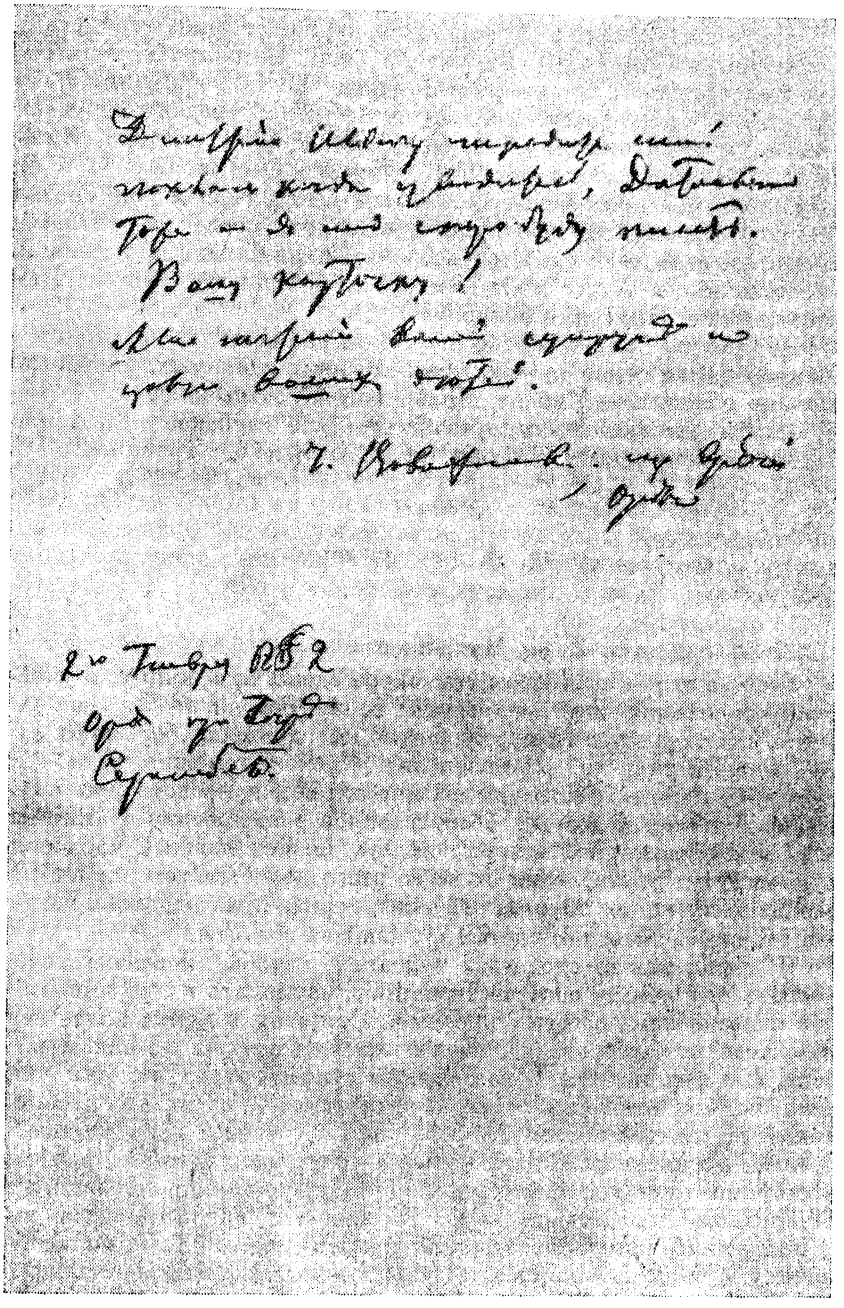
Любезный друг, Федор Михайлович.

Ты, верно, полагаешь, что я давно умер, а между тем я жив, и доказательством тому может послужить это письмо. Я до сих пор не писал тебе по разным уважительным причинам, которые будут теперь изложены. Во-первых, я сам думал в октябре быть в Петербурге, потом заболел и оставил это намерение до декабря. Так как здоровье мое и в декабре оказалось очень слабым, то я склонился на совет сибирских докторов зиму провести в степи, а теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам. В Кашгаре я бы стал получать хорошее содержание, климат хороший, может быть, здоровье мое поправилось бы. Если это не удастся, и в степи будет недурно. Буду заниматься хозяйством, торговлей, а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик, Федя? Все это хорошо и вещь очень возможная, если бы здоровье мое несколько поправилось. Правда, и теперь я чувствую себя относительно лучше, но все-таки не так, как бы следовало.

Итак, я остаюсь на зиму в Орде, лето проведу также в Орде, чтобы взять полный курс лечения кумызом, и к осени, если останусь жив, явлюсь в Петербург и обниму тебя так здорово, что, наверное, закричишь. В степи, брат, только скучновато, зато ленюсь как хочу, и никто не мешает. Следуя совету одного доктора сибирского, но человека достойного уважения (ты его не знаешь), я зарок дал ничего не делать, ничего не пишу, ничего не читаю, одним словом, не изнуряю умственных способностей — в этом заключается мое лечение и от этого происходит моя скука. Здесь можно бы найти развлечения другого рода: охота с орлом, собакой, ружьем, и проч., но проклятое мое здоровье это никоим образом не дозволяет. Лежи, да и только.

Автограф письма Чокана к А. Н. Бекотову

из Сырымбета от 2 января 1862 г.

Что делает Михайло Михайлович, как идет юное его детище и наш добрый приятель «Время»[1]? Я газет не получаю и потому решительно ничего не знаю. Кланяйся Михайле Михайловичу, Николаю и всем вашим. Майкову и его жене передай мой усердный поклон. Полонскому, Страхову[2] тоже. Если увидишь Николая Курочкина[3], скажи ему, что собираюсь ему писать.

Теперь моя просьба к тебе. Читать нечего, как я уже сказал. Поэтому высылайте, пожалуйста, «Время», после рассчитаемся за это, да если твои средства позволят, подпишись для меня на «Современник». Адрес мой: Кокчетавская станица, через г. Петропавловск в Западной Сибири.

Не забудь. Вышли мне свою фотографическую карточку и собирай то же самое со всех моих хороших знакомых, [которые] все мне обещали — Майков, Полонский, Крестовский[4].

Марии Дмитриевне свидетельствую мое глубокое уважение, надеюсь, что [будете] здоровы, не забывайте нас грешных.

Валиханов

Ф. М. Достоевскому

15 октября 1862 г., Кокчетав

Любезный друг, Федор Михайлович.

Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил и с того времени все собираюсь писать и, как видишь, наконец-таки пишу. Вероятно, ты думаешь бог знает что обо мне. Не умер ли? Не болен ли? Я между тем жив, хотя чувствую себя очень плохо как физически, так и нравственно. Во-первых, скука, во-вторых, беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей, которые видеть должен каждый час, каждую минуту. Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, что не видишь надежды, вернее луча надежды когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты.

Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя [работе на] пользу соотечественников, защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный — не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук. Господа эти, как областные, так и приказные, поголовно восстали против этого. Ты понимаешь почему. Областные лишились [бы] нескольких тысяч, которые они стягивали со старшего султана, а приказным, действительно если бы я был султаном, пришлось бы идти по миру. Видишь, что тут для чиновников своего рода «быть или не быть». Надо заме-

тить, впрочем, что на моей стороне из всех властей русских был один только г. Гутковский, который в это время исправлял должность губернатора и производил выборы. Чиновничество начинает подстрекать самолюбие богатых и честолюбивых ордынцев и пугать их, что если Валиханов будет султаном, то всем будет худо, он, мол, держится понятий о равенстве и отличать вас по роду, богатству как свой брат натуральный киргиз не будет; пустили в ход и то, что я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде. Понятно, что подобные вещи, [действуя] на народ полудикий и преданный своим обычаям, не могли не остаться без последствий, особенно когда исходили от русских майоров (так киргизы называют всех русских чиновников). Мои земляки, как ты сам знаешь, всегда держатся русских указаний, может быть, вследствие восточной вежливости.

Таким образом, составляются две партии: одна, состоящая из четырех волостей баганалинцев, поколения дикого и кочующего около кокандских границ. Эта дикая толпа не хочет иметь султаном человека, который имеет голову, не гладко выбритую, и притом не совершающего омовения пять раз в день; при этом баганалинцы выражают опасение, что если меня сделают султаном, то я всех киргизов отдам в солдаты, а детей их в школу. Так им внушено.

Другая партия, преданная мне, состоит из трех волостей староподданнических и из всех султанов этого округа. Начинаются выборы, перед тем ночью противная партия посещает секретаря губернаторского, баварского немца, который оставил родной Мюнхен с сестрицей, оканчивающейся на chen, чтобы обирать киргизов в независимой Татарии и на их деньги шить жене «померанцевые платья на цитроновых лентах». На выборах я торжествую. Меня выбирают большинством голосов. У меня 25, а у моего противника баганалинца 14. По закону старшего султана избирают: во-первых, султаны и киргизы, имеющие чины или служившие в должностях по округу 9 лет; во-вторых, султан утверждается по большинству голосов, и, в-третьих, старший султан избирается по преимуществу из султанов. Противник мой — простой киргиз, это бы решительно ничего, но он человек неграмотный и бывший не раз под судом[1]. Дело, конечно, решенное: я имею все законные основания и притом, как человек образованный, должен быть бы предпочтен дикому ордынцу, если бы даже был бы избран меньшинством голосов. Губернатор[2] говорит, что «надейтесь господин Валиханов», я же думаю; еще бы не надеяться, когда закон на моей стороне. Но противник мой не унывает, он по опыту знает, что деньгами можно сделать все, в прошедшую зиму он возил в Омск 3 тысячи рублей и освободил двух арестантов. В этом ему помогал секретарь[3], а секретарь говорит ему и теперь: собирай деньги и посылай людей в Омск — будешь ханом. Деньги идут в Омск. Я хотя много читал обличительных статей, но на этот раз думал — постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-ни-

будь. Гордость обуяла. Вдруг получаю известие от Гутковского, что поездка баганалинцев осталась не без успеха и что генерал-губернатор не хочет тебя ни за что утверждать. Оно и правда, что законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов, известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргизов[4], потому что в них, знаете, больше этой восточной подобострастности. «Гирей сидел, потупя взор, в устах его...» и проч. Но при всем том, признаться, я такого пассажа вовсе не ожидал. Каково, мой друг? Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, воспитавшихся в России). Земляки нас считают отступниками и неверными, потому что, согласись сам, трудно без убеждения из-за одной только политики пять раз в день хвалить бога, а генералы не любят потому, что [у меня] мало этой восточной подобострастности. Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся.

Пожалуйста, посоветуй, что делать. Просить удовлетворения, по-моему, то же самое, что просить конституции: посадят да потом к Макару на пастбище пошлют. Я уже написал к некоторым властям в Петербург, а ты дай этому побольше гласности, расскажи всем нашим друзьям, пусть разойдется по городу.

Михайло Михайловичу и всему его семейству передай мой искренний поклон, засвидетельствуй мое почтение Марии Дмитриевне, Николаю поклонись. Мой поклон вообще, кто спросит.

Валиханов

Адрес мой, вероятно, ты помнишь, названия сибирские для тебя не так не уловимы, как истому петербуржцу. На всякий случай: Кокчетавская станица, через г. Петропавловск Западной Сибири.

А. Н. Майкову

Декабрь 6 [1862 г.], Кокчетав в Киргизской степи

Давно собираюсь писать к Вам, многоуважаемый Аполлон Николаевич, чтобы поблагодарить Вас и все Ваше доброе семейство за то участие и благорасположение, которое Вы оказали мне во время нашего знакомства. Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, когда я живу в степи, хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но разъединенный с ними чем-то неодолимым. Как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров, мы начинаем расходиться. Мои родные — люди добрые, честные и очень неглупые, но все-таки — киргизы, и притом киргизы аристократы (дикие аристократы, надо заметить, несколько сноснее образованных, потому что проще их) и потому имеют множество как на-

циональных, так и сословных предрассудков и качеств. Особенно выделяется непомерное упорство и тщеславие (последнее качество можно назвать национальным). Понятно после этого, что они имеют слишком высокое мнение о себе, о своем уме и проч. И понятно и то, что всякие советы или споры только раздражают их тщеславие и укрепляют упорство. Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем, и особенно у киргизов, которые до сих пор держатся шаманства, примешивая к нему гомеопатическую дозу ислама. Основание этой религии, как известно, составляет боготворение умерших предков, через это все обычаи и предрассудки предков делаются для киргизов священными. К тому же у киргизов много песен (я разумею это слово в том смысле, в каком разумели его в средние века, например, песня о Роланде), бездна поговорок и афоризмов, сочиненных когда-то их умными отцами. На все свои убеждения и обычаи они находят готовый аргумент старины и думают, что правы. Я теперь сам начинаю избегать споров с ними,— это, как я заметил не раз, ставит меня же в смешное положение и возбуждает в них жалость, какую мы чувствуем при разговоре с слабоумными простаками. «Сказки собирает,— говорят киргизские старейшины про меня,— и слабодушествует» (это говорится про гуманность); я ведь дворянин самой белой кости и потомок хана Аблая. Чтобы видеть всю незавидность моего положения в Орде, я приведу вам некоторые стычки, бывшие у меня с отцом и матушкой. А [из]-за чего? Отец был дружен с одним султаном из оренбургской степи и дал ему слово породниться. Приехал я, грешный. Отец с матушкой решили меня женить: будет ему таскаться. Надо сказать, что предназначенная мне невеста была влюблена в брата моего и писала к нему в это самое время часто нежные послания. Я, разумеется, отказался от женитьбы, особенно при таких обстоятельствах, и выразил мой взгляд на супружество. Это совершенно озадачило моих родителей и привело в ужас. Сын против отцовской воли. «Вот на что я воспитал его,— роптал отец,— не уважил меня и мать на старости». Мать заговорила о своем молоке, даром потраченном. Действительно, с киргизской точки зрения это была ужасная неблагодарность и дурно ставила меня в глазах народа. А как бы я поступил иначе? Отец был так огорчен этим обстоятельством, что где-то торжественно объявил, что не намерен более воспитывать детей своих по-европейски. «Они портятся»,— так говорил он в заключение. С местными султанами и богачами из черной кости[1] я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами[2], которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с людьми, в противном случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся[3].

Об отношениях моих к Сибирскому правительству? Вы, вероятно, слышали от Федора Михайловича, которому я писал об одном случае, где со мной поступили как с инородцем. А с инородцами в Сибири делают что хотят, только разве собаками не травят. Вот мои обстоятельства, любезный Аполлон Николаевич. Скверны они, но я несу крест мой, как Иисус, но только с ропотом. Протестовать следует, хоть и толку от того никакого не выйдет. Вероятно, письмо мое навеяло на Вас грусть: Вы были всегда так симпатичны ко мне.

Будем говорить теперь о Вас, о Петербурге, о друзьях моих петербургских. Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем я, впрочем, сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется, хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность[4], то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удается им это примирение? По-моему что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо исповедовать. Китайская середина не идет теперь к делу. Ведь национальных качеств, как говорит Бокль[5], нет, а образование должно быть общечеловеческое. И оттенок народности оно получит само собой, под влиянием местности, влиянием языка и нравов наших. Истории, как известно, у нас нет.

Интересно было бы узнать от Вас о некоторых крупных литературных скандалах и ученых критиках. Что с «Современником» и что будем делать мы, его подписчики? Я говорю о деньгах за эти 8 месяцев вавилонского пленения[6].

Я уже исписал лист вопросами, надо теперь закидать Вас просьбами.

1. Прошу отвечать мне, чем доставите большое удовольствие вашему инородцу слуге.

2. Я бы хотел быть корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей» о делах среднеазиатских и киргизских степей[7]. Нельзя ли поговорить с редактором? Впрочем, Вы можете избрать другую газету, более близкую Вам. Нельзя ли также узнать у «Отечественных записок», можно ли у них будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у киргизов и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях, бросающие новый взгляд на историю этой Орды и объясняющие причины падения Орды. Вот все мои комиссии, прошу извинить меня за докучливость. Я обращаюсь к Вам бесцеремонно, зная вашу доброту и снисходительность.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение всем вашим родным и целую ваших детей, особенно мою маленькую приятельницу.

Валиханов

Адрес мой: Кокчетавская станица, через г. Петропавловск в Западной Сибири.

К. К. Гутковскому

6 февраля [1862 г.]

...Кури[1] объявляет нам решительную войну. Нет почты, чтобы отец не получил выговора или предписания в резких формах. Нестеров[2] в наших волостях буйствовал, как разбойник, и возбуждал есенбаевцев против моего отца. О выходках Ердена я уже писал[3]. Скажите, пожалуйста, что это значит? Я не помню даже при Гасфорте ничего подобного. Кури и Нестеров жили тогда очень тихо. Откуда взялась у них свирепость теперь, и неужели все это мы должны терпеть. Все волостные управители, которые не дали [взятки] Кури в нынешнюю ревизию, уже сменены или же ждут смены. От Кусене уже получено громовое послание. Отец получил на днях письмо от Фридрихса, который, препроводя копию с просьбой киргиза Малтабарова[4] «О насильственном отобрании» его жены мною, без дальних околичностей приказывает отцу немедленно возвратить этому киргизу жену и удовлетворить его за все убытки, а в заключение делает моему отцу упрек, что он употребляет власть старшего султана для потворства неблаговидным поступкам сына. Я уже писал Вам об этом как-то. Кури же, вероятно, хорошо знает, что я жену у этого киргиза не отбирал, поэтому мог бы сначала спросить отца, в какой степени все это справедливо; ему также хорошо было известно, что отец мой не принимал в этом деле никакого участия и даже был со мною в ссоре, следовательно, упрек сделан намеренно. Я знаю, что Малтабаров находится при Ердене, и он его научил подать просьбу. Очень может быть, что Ерден действовал по наущению Кури. Я Вас покорнейше прошу, дорогой Карл Казимирович, прочитать эту просьбу. Там написан вздор. Во-первых, мой отец выгнал этого киргиза с женой и дал ему еще лошадь. Назад его вытребовал не отец, а я через Гафара Мандаева[5] и вытребовал потому, что он сам, Малтабаров, уведомил меня, что желает развестись с женой. Я в это время был в Кокчетаве, а не в своем ауле, как пишет проситель. Разводную дал он при указном мулле, который внес в метрическую книгу, и при многих свидетелях из почетнейших биев Кокчетавского округа. При них же он получил от меня 200 рублей и одну лошадь. Этого в просьбе нет. Развестись с женой заставило его то, что жена была не вполне законна. Она была вдова старшего его брата, и, по мусульманскому шариату, она была свободна в выборе мужа до тех пор, пока не будет обвенчана указным муллой и брак внесен в метрическую книгу. Ничего этого у Малтабарова не было. Все остальное в просьбе — не более, не менее как выдумка. Я во всяком случае не хотел бы потерять 200 рублей и лошадь напрасно и притом заплатить за какие-то небывалые расходы и похищения. Во-вторых, было бы несправедливо отдать обратно этому негодяю женщину, которая уже свободна юридически через данную ей разводную. В-третьих, история

эта при волнении умов в нашем округе будет иметь весьма неблагоприятное последствие для отца. Я прошу справедливости и больше ничего. Надеюсь, что Вы, Карл Казимирович, примете в этом деле участие и защитите меня от преследований Кури и Ердена.

Через неделю я буду в Омске вместе с отцом и сам объяснюсь с Фридрихсом, а Вас прошу предупредить его и объяснить ему это дело, как есть. Мне больно, что отец получил незаслуженный выговор и грубое письмо, будучи ни в чем не виноват.

Отец думает подать в отставку, и я совершенно разделяю его мнение: что за приятность зависеть от какого-нибудь Кури. Платить этому негодяю не стоит за мировые блага, а избавиться от него нельзя. Скажите, можно разве служить, когда само областное начальство возбуждает киргизов и интригует в Орде. До свидания.

Валиханов

P. S. Через неделю едем в Омск непременно. Муса Чормановович, конечно, будет так любезен, что подождет нас. Что нового из Питера? Нет ли движения планет?

6 февраля, Аул наш.

К. К. Гутковскому

1 января 1863 г.

Достойнейший Карл Казимирович.

От Вас в последнее время, что называется, ни слуху ни духу. Как Вы поживаете? Здесь слышно, что Вы будто едете в Петербург. Я, признаюсь, этому не очень верю, во-первых, потому, что Вы уже лет 10 как думаете посетить Питер и до сих пор живете в Омске, не выезжая далее Новой деревни, и, во-вторых, потому что Дюгамель, вероятно, будет не очень этим доволен и едва ли даст Вам возможность по службе ехать в столицу. Разрешите мое недоуменье. Хорошо было бы, если бы Вы поехали. Я имею из Петербурга много писем[1]. Все мои знакомые узнали случай атбасарского выбора и утешают меня. Некоторые сильные мира сего[2] принимают во мне, как пишет Романовский[3], живейшее участие. От генерала Игнатьева[4] получил письмо. Он пишет мне, что он не раз писал обо мне Дюгамелю и еще прежде получения моего письма был сам удивлен, узнав, что меня [не] выбрали, и спрашивал Врангеля, адъютанта дюгамелевского, что это значит. Тот сказал, что начальство через султанство мое боялось дать большое влияние моим родичам. Не понимаю, что это значит. Далее генерал пишет, чтоб я потерпел немного, «а терпеть вам нужно недолго»[5], Романовский сделался редактором «Русского инвалида»[6] и в первых номерах этой газеты напечатает мое приключение. Курочкину тоже сообщено мной. Я имею основание думать, что у Вас будут скоро перемены в начальствующих лицах, начато будет

с начальника штаба, затем повыше... Скажите, ради бога, что у Вас делается в Областном управлении. Старший султан рекомендовал начальству Сапака, как скверного правителя, Вы были того же мнения, а теперь он производится в хорунжие. Я видел этого господина в Кокчетаве, он постоянно пьян и мне говорил, что он дал всем в Омске деньги и никого теперь не боится. Когда уберут от нас Кури? Научите, как нам от него избавиться? Подать просьбу на высочайшее имя что ли? Не можете ли Вы это как-нибудь устроить. Мы Вам соорудим за это памятник и напишем: «благодарные киргизы Карлу Гутковскому, избавителю своему» и проч. Что теперь делает высшее начальство? Не думает ли мстить отцу моему? Все это легко может случиться. Кланяюсь Семочке[7], целую Ваших детей.

Валиханов

P. S. Забыл, что сегодня 1-е число. С Новым годом, с новым счастьем! Дай бог, чтобы старый год пожрал, как Сатурн своих чад, Дюгамеля и проч. и дал нам новых, не спящих, а трезвых администраторов.

К. К. Гутковскому

16 генваря 1863 г.

Достойнейший Карл Казимирович.

У нас в степях есть слух, что будто Колпаковский[1] назначается киргизским губернатором, а Фридрихсу дают другую должность. В какой степени все это справедливо, Вы должны знать лучше. Я сам нисколько не удивляюсь всем этим слухам и даже готов радоваться, если бы Колпаковского сделали ханом нашим, в той надежде, что он, вероятно, не захочет иметь при себе Кури. Скажите, ради бога, неужели этот господин, т. е. Кури, будет терзать степь вместе с Колпаковским? Представьте, что он теперь делает с отцом. Вчера уехал отсюда Ерден, он жил несколько дней здесь, собирал киргизов и давал им какие-то советы, чтобы сменить моего отца, и говорил им, что это поручил ему Кури. В какой степени все это нагло и низко, Вы увидите и без моих пояснений. Я не знаю, что и думать о сибирском начальстве. Дело это кончится скверно для Кури, потому что я намерен совершить преступление и объявить, что до этого преступления я был доведен несправедливостью сиб[ирского] правительства и особенно интригами г-на Кури. Вы можете после этих слов подумать, что я не совсем здоров, я же Вас уверяю, что никогда я не чувствовал себя так хорошо, как теперь. Во всяком случае я уверен, что Вы будете до последней степени защищать моего отца, но, вероятно, Вам самим бывает иногда не лучше от разных интриг, чем нам. Здесь киргизы толкуют, что будто Вы не в милости у Дюгамеля и в ссоре с Фридрихсом. Откуда они все это узнают, не могу понять. Про меня что они сочинили — это потеха! Видите ли, ког-

да меня посылали в Кашгар, я там не был, а жил в горах, где-то около Верного, и, приехавши в Омск, написал разную чепуху Царь, как-то читая мой отчет, видит, что все это неладно, на сказку что-то смахивает. Думает: дай-ка поиспытаю, и послал другого, более благонадежного человека в Кашгар[2]. Тот, конечно, был в Кашгаре и, приехавши, донес, что у Валиханова все вздор написано: таких рек там нет и городов таких нет, как у Валиханова. Царь рассердился и говорит: «Послать Валиханова в Кашгар в другой раз», а он сказался больным, тем это дело и кончилось. Вдруг Валиханов захотел быть султаном. Царь и говорит: «Нет, брат, ведь ты болен был, когда я посылал в Кашгар, будь и теперь больным». Как это Вам нравится? Эту дикость рассказывал один султан, мой родственник.

Отец мой скоро поедет в Омск, дней через 10. Ибрагимова[3] нельзя ли сделать секретарем в нашем приказе?

Валиханов

К. К. Гутковскому

11 мая [1863 г.], Сырымбет

Я, как все, был глубоко поражен, многоуважаемый Карл Казимирович, известием о вашей отставке, хотя удивляться несправедливостям можно бы нам, сибирякам, перестать. Известие это дошло до нас через киргизские слухи, ибо письмо Ваше было в приказе затеряно, чего при прежних обстоятельствах, вероятно, не случилось бы. Но еще более был я изумлен, прочитавши письмо Семена, в котором он вину вашей отставки кладет на какой-то мой донос, где я жаловался на дурные дела в области, не упоминая имен виноватых лиц и вследствие этой неясности виновником сочтены были Вы. Но этого положительно не могло быть, кто бы Вам ни говорил. Я действительно писал статью о несправедливостях, сделанных мне при выборе меня в султаны, в «Русский инвалид» и писал по приглашению самого редактора, друга моего, Романовского, следовательно, статья моя была более жалоба и ни в каком случае не донос, разве с египетской точки зрения жалобы на несправедливость называются доносами. Далее, я упоминал поименно всех господ, которые интриговали против меня и брали взятки с баганалинцев, именно: г. Кури, г. Ивашкевича[1] (пожалованного за эти гадости землей), заседателя Безверхова[2] и, конечно, при этом не похвалил состояние нашей области, ибо это была бы неправда вопиющая. О вас же я выразился, как и было в самом деле, как о единственном моем защитнике, и даже привел какое-то место из Вашего письма (кажется, в таком роде: некоторые господа успели склонить наше светило на сторону неправды и проч.). Из этого Вы можете видеть, что все говоренное Вам — сущий вздор, чтобы оправдать свою личную ненависть, которая, вероятно, побудила избрать Вас жертвой. Но чтобы не

было никаких недоразумений, чтобы дело было на чистую, я просил теперь же Романовского напечатать мой донос (пусть так будет), а если этого нельзя, то сообщить копию с моего письма за своим скрепом. А это письмо, если хотите, можете показать тому, кто говорил Вам о безымянных доносах. Мне очень жаль Вас, Карл Казимирович, когда подумаю о Ваших денежных обстоятельствах: куда Вы денетесь? Пожалейте Вы и нас, оставленных в жертву г. Кури, Нестерову, которые будут возить по степи Ягернаутского идола.

Валиханов

P. S. Если только мое письмо было причиной Вашего увольнения, то я сделаю все, что только возможно к исправлению дела! Я уже написал Романовскому и просил его доложить военному министру. Как только позволит здоровье, поеду в Питер и буду просить всех — и Милютина, и Горчакова[3] и непременно доведу до сведения государя императора. Теперь пишу к Семенову[4] и прошу его ходатайствовать через Елену Павловну[5]. Отец мой свидетельствует Вам и Катерине Яковлевне свое глубокое почтение и просит считать его преданным навсегда. Если будете затрудняться, куда ехать, приезжайте на лето к нам, пока устроитесь.

Ради бога не унывайте, может, будет лучше.

В.

К. К. Гутковскому

(С припиской Ф. М. Достоевскому)

20 мая [1863 г.], Кокчетав, в Киргизской степи

Посылаю письмо на имя Романовского, чтобы Вы могли передать, как будете в Петербурге. Ради бога побывайте у Семенова. Этот господин может Вам много сделать. Не забудьте и Слуцкого (?)[1], он у военного министра, говорят, в милости. Не знаю, как Вас примет Егор Петрович[2], но у него тоже нужно побывать. Как служивший некогда в ведении Министерства иностранных дел, Вы можете рассчитывать на помощь со стороны Игнатьева. Для этого Вам нужно будет познакомиться с Сакеном[3], а это можете устроить через Татаринова[4]. Но как Вы поедете? С Катериной Яковлевной или один? Во всяком случае, чтобы Вы могли иметь семейный дом, чтобы проводить вечера, я посылаю на другой стороне сего письма записку к Федору Достоевскому.

Валиханов

[Сбоку]. Пишите, если что будет нужно, без церемоний.

20 мая [1863 г.]

[Записка на втором листе].

Давно не имею от тебя никаких известий, любезный Федор Михайлович. Жив ли ты? Впрочем, если бы ты умер, то написали бы о том в газетах. Поэтому надо полагать, что ты жив, но забыл нас, живущих и вопиющих в пустыне киргизской. Что со мной и как я живу, узнаешь подробно от Карла Казимировича Гутковского, моего друга, который едет в Петербург по делу, касающемуся отчасти и меня. Надеюсь, что и ты и Мария Дмитриевна примете его хорошо и познакомитесь с его семейством. У них в Петербурге нет никакого знакомства. Гутковские люди очень добрые и без всяких провинциальных предрассудков, которые так шокируют Вас, петербуржцев. Я буду в Петербурге с первой зимней дорогой. Кланяюсь Михайле Михайловичу с его семейством, Исаковым[5], Майковым и всем, которые меня помнят.

Валиханов

К. К. Гутковскому

4 марта [1864 г.], Омск

Добрейший друг, Карл Казимирович.

Премного виноват перед Вами и Екатериной Яковлевной, что до сих пор не писал Вам. Сначала думал ехать в Петербург и там видеть Вас лично, потом обстоятельства изменились, и поездку оставил до мая. Теперь живу в Омске и думаю, впрочем, скоро отправиться в степь к себе домой. Муса Чорманович тоже здесь, и мы живем вместе в вашем доме. Здоровье мое зимой было не совсем хорошо, теперь опять поправился. Вел себя, признаться, не совсем хорошо: играл в карты, таскался по клубам и шампанское стал пить. В четыре месяца проиграл около трех тысяч и теперь бросил, потому что нет денег, а просить у отца совестно. Если б Вы были здесь, конечно, ничего этого не было бы. У меня, Вы сами знаете, в Омске не было ни одного хорошего знакомого, кроме Вас. С Тыртовым[1] я в ссоре, т. е. собственно с Лизаветой Михайловной. Мы поссорились [из]-за чепчика с перьями, который нынче стала носить Лизочка в подражание мадам Шаховской[2]. Я не одобрил этот наряд — и вышла история. Уже более трех месяцев, как я не бываю у Тыртовых, и Лизавета Михайловна со мной не кланяется и продолжает носить перья. С Дюгамелем мы так себе — я имею честь быть приглашенным на бал, но визита мадам Д. все-таки не сделал. Только с Лещевым[3] я похожусь в более коротких отношениях. Фридрихс дурит по-прежнему, Майдель[4] двуличничает и, вероятно, скоро потеряет всякое значение. Кури выходит в отставку, хотя за него сильно хлопотал Фридрихс. Затем все остается по-прежнему.

Вы, вероятно, помните, что я был приглашен Дюгамелем содействовать г-ну Яценко[5]. Нечего говорить, что с Яценкой я не сошелся. Областное правление написало проект с целью изменить прежний суд биев[6]. Я подал записку, чтобы оставить суд биев без всякого изменения[7]. Проект мой будет принят, и суд биев останется по-прежнему. Теперь мы хлопочем о том, чтобы Баян-Аул перевести в Бель-Агач[8]. Не знаю, выйдет ли что.

Майдель, Ивашкевич, Николай Лещев едут в комиссию для разбора претензий между оренбургскими и сибирскими киргизами. Толку, конечно, не будет, и вся тяжесть падет на киргизов. Вот наши новости. Как Вы сами поживаете, как здоровье добрейшей Катерины Яковлевны, что поделывает моя милая Катерина Карловна? Коля здоров ли? Пишите, пожалуйста, обо всем подробно. Вы знаете, как нам интересно все, что касается Вас. Муса Чорманович на Вас немного претендует. Вы послали всем своим знакомым свои карточки, а нас забыли. Но тем не менее, он собирается с следующей почтой послать Вам свою карточку. Спешу к почте и потому нацарапал Вам так, что едва ли разберете. Прощайте.

Ч. Валиханов

P. S. Если в мае поеду в Петербург, может, заверну в Оренбург. Шишка на носу уничтожилась давно. Я очень рад этому.

К. К. Гутковскому

24 марта [1864 г.] Омск

Любезнейший Карл Казимирович.

Завтра мы выезжаем: я в Аулие-Ата, чтобы пожинать победоносные лавры, а Муса к себе в Баян-Аул, чтобы подвизаться в доблестях гражданина. Думал в Питер, а попал в страну диких и каменных киргизов. Еду я, признаться, для того, чтобы получить чин. Черняев[1], кажется, человек хороший и чина, может, не пожалеет. Еду и для того, чтобы оттуда через Ак-Мечеть проехать на Оренбург. Если б это удалось, было бы хорошо.

Здесь, в богоспасаемом Омске, все по-старому, так что становится даже досадно, что только Крупеников[2] идет все в гору. Нынче он выиграл в Ирбите 70 тыс. и на радостях купил жене диадему (стремление очевидное к верховной власти), Воинову[3] — шпильку на галстук, Врангелю[4] — красный халат, Струве[5] — бухарскую епанчу и в заключение всего приобрел дом Лещева за 2 тыс. руб. Ал. Н., кажется, рад этому.

С Фридрихсом, генералом, случился казус. Он попал в число опальных и скоро, кажется, уедет в Ревель. Кури выходит в отставку. Я, видимо, примиряюсь с мосье Дюгамелем: подал ему записку о суде биев, и он ее одобрил, но с *madame* Дюгамель все еще не знаком. Кто будет нашим ханом — еще неизвестно; одни гово-

рят о Колпаковском, другие — о Майделе[6]. Оба хорошие ребята. Областное правление и канцелярия ведут междоусобную войну. Бойцом от канцелярии выступил Крохалев[7] и киргизские деньги прибрал себе, в правление никто не ходит. Ивашкевич в бешенстве и подстрекает Майделя, который, однако ж, прямо действовать не решается, но в клубе ругается.

Все ждут новых порядков и пользуются междуцарствием. Берут страшно и явно, сегодня пишут, чтоб подали в отставку, завтра, взяв деньги, отменяют и проч. Отец мой совсем перестал ездить в Омск. Муса бьется как рыба об лед, и туда и сюда, но пристроиться все-таки не может. Вообще все идет скверно. Посылаем при этом письме фотографические карточки. Я расстегнут, но это лучшая карточка. Надеюсь, Катерина Яковлевна извинит меня. Как Вы поживаете? Напишите ради бога. Мне адресуйте в укрепление Верное. Прощайте.

Чокан

Г. А. Колпаковскому

20 ноября 1864 г., Тугерек

Ваше превосходительство, милостивый государь Герасим Алексеевич.

Вчера вечером Со-Колдай, панож с семью товарищами опять приехали в аул султана Тезека[1]. Они привезли лист от нового цзян-цзюна, бывшего тарбагатайского хебе-амбаня (старый цзян-цзюнь, по словам Со-Колдая, смещен со своего места за самопроизвольное столкновение с русскими в прошлом году и будет судиться в Или), вашему превосходительству и султану Тезеку листы эти я посылаю с этим письмом. Со-Колдай приехал на встречу с русскими вспомогательными войсками, которые должны, по их ожиданию, прийти через 15 дней. В Тургене ими заготовлены провизия и разные вещи, нужные для наших войск.

Я предлагаю Колдаю ехать обратно в Кульджу и там ждать известий от Вас, так как Вы уехали в Омск и, вероятно, не скоро будете в Верном, но он обнаружил решительное желание видеть Вас здесь и объявил, что это воля цзян-цзюня.

Положение Кульджи крайне плачевное. Последнее столкновение с инсургентами было 8 дней тому назад. Маньчжуры сначала, по словам киргиза-очевидца, успели обратить тунгепей в бегство и взяли три пушки и несколько сот верблюдов, но потом были решительно разбиты хой-хоями и лишились всей пехоты. Из 1500 человек чампаней и китайцев вернулись только 300 человек, сибо и солоны спаслись бегством без больших потерь. Дунганей в этом деле убито до 300 человек и это, кажется, преувеличено.

Кульджа находится в осадном положении. Баяндай[2] еще не взят. Из Кашгара, говорят, пришел какой-то ходжа, но это, надо думать, киргизские сказки. Всего более маньчжуры страдают от

своих киргизов, которые воруют лошадей, хлеб и почти все [находятся в сношениях] с инсургентами. Только башча*[8] остался попрежнему покорнейшим слугой богдыханского величества. Колдай посылает вашему превосходительству большой поклон и просит по секрету передать Вам, что дела их очень плохи.

От Бектаира известий еще нет. Донося о сем вашему превосходительству, прошу Вас, если можно, облечь мое агентство в официальную форму, чтобы после мне быть полезным Вашим сотрудником.

Молдыбай, Мурат-Али[3] и прочие послали сюда к Тезеку письма и спрашивают, можно ли им вернуться и надеяться на милость вашего превосходительства. Им хочется иметь своего манапа, и потому я ничего им не сказал, заметил, впрочем, что они могут просить Вас обо всех своих нуждах и что они, если просьба их имеет основания, вероятно, будут удовлетворены.

Нужно заметить, что все маньчжуры и сибо, бывшие в Верном, получили высшей степени шарики, точно сделали великий подвиг.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугой.

Ч. Валиханов

P. S. В числе наград, вышедших киргизам Тезековского ведения, есть золотая медаль и 25 рублей серебром какому-то Усербаю Алибаеву, бывшему в Куртке с г. Проценко[4], но такого имени между киргизами-адбанами, бывшими в Куртке, нет; вообще с Проценкой Усербая Алибаева не было. Вследствие этого недоразумения двое адбанов претендуют на эту награду. Один чалаказак Тордубек Абдрахманов, другой Тохтарбай Кемебаев. Первый из них был начальником лаучей*[9] и служил г-ну Проценко в лагере, как служитель, другой ездил с почтой к Адилю[5], ходил на караул к реке Онарча и вообще был на трудных разъездах. Нельзя ли будет разузнать от г-на Проценко, которого он разумел под именем Усербая?

Так как лист цзян-цзюна был, по словам маньчжуров, написан таранчой, не совсем хорошо знающим их язык, и так как в Верном перевод прежнего листа был сделан при их помощи, они просили меня перевести вместе с ними лист цзян-цзюна. Я осмелился поэтому распечатать и сделать перевод. Надеюсь, что ваше превосходительство не будете в претензии на это самоволие.

Перевод письма цзян-цзюня

Великого Дай-Цинского государства управляющего илийскими провинциями цзян-цзюня Минь-сю лист.

---

*[8] *Басчи* — глава, вождь.

*[9] *Лаучи (каз.)*— ямщик, проводник.

Великого Российского государства управляющему провинцией и заведующему делами киргизов и бурутов генералу.

Письмо Ваше я получил и посылаю ответный лист. В письме, посланном от Вас, видно, что Вы, узнав о бунте илийских хойхоев от Со-Колдая, посланного нами к Вам с просьбой собрать русские войска, привести их для освобождения города от воров, тотчас собрали начальствующих в крае лиц и, посоветовавшись с ними, донесли о нашей просьбе белому царю. Затем Вы пишете, что, когда придет разрешение от Вашего государя, Вы с войсками губернатора (?)*[10] придете тотчас же, освободите куру (т. е. город). Со-Колдай, благополучно возвратясь, донес мне о всем, и я хорошо понял Ваши добрые намерения. Высоко ценя дружбу двух великих государств, я послал к Вам навстречу Со-Колдая, чтобы он принял русские войска.

Если Вы придете и скоро освободите город от хой-хойских воров, Вы сделаете дело, которое мы тысячу и тысячу лет будем помнить. Наш народ умеет ценить добро.

Узнав, что построенную Вами на Или факторию воры-тунгены начали портить, я послал наши войска и спас Ваши здания от разрушения. Однако у хранителя фактории взяты некоторые вещи.

Сообщите секретарю, заведующему делами торговцев верхних мест (?)*[11], чтобы он по-прежнему занял факторию и открыл бы там торговлю на прежних основаниях. По вышеизложенным причинам лист написан царствования Тун-джи 3 года, 11 месяца, 28 дня.

Г. А. Колпаковскому

1 декабря [*1864 г.*]

Ваше превосходительство, Герасим Алексеевич!

По делу Тавасара я принял самое горячее участие, и несмотря на мои старания, он не мог представить ясных доказательств. Тезек в это дело совершенно не вмешивался. Дело разбирал я вместе с бием Исмаилом[1], который, как я имел время заметить — человек честный и правдивый.

При допросах Уваш показал, что он девку высватал сам, заплатив за нее 13 голов скота (в том числе 3 лошади), и что это известно всем его товарищам. Девка подтвердила слова султана Уваша и объявила прямо, что она Тавасара вовсе не знает, что Тавасар был раб, и она женщина свободного сословия и за раба не могла быть высватана.

Дело это можно было бы решить двояко: или мусульманским шариатом или судом биев. По мусульманскому духовному суду Тавасар бы ничего не получил, ибо ислам предоставляет совер-

*:10 Знак вопроса Ч. Валиханова.
*:11 Знак вопроса Ч. Валиханова.

шенную свободу даже высватанной невесте, если только не совершен обряд венчания. Суд биев при неимении ясных доказательств прибегает к присяге. Чтобы Тавасар не имел сомнения, я предложил ему ехать в Верное, и там попробовать счастия, в противном же случае взять присягу с двух туленгутов, бывших с Уважем в походе, и даже сам указал ему одного из них, человека несколько порядочного.

Между тем Исмаил со своей стороны убедил султана Уваша выкупиться от присяги, заплатив Тавасару 6 лошадей. Наконец, дело кончилось тем, что Тавасар согласился на последнюю сделку, принимая в расчет то, что туленгуты при настояниях своих султанов примут присягу и в деле совершенно не правом. Суд биев, как известно вашему превосходительству, принимает во внимание только слепые показания и вовсе не руководствуется умом или совестью.

По частным расспросам я узнал следующее.

1-е, девка была высватана за сына киргиза, у которого Тавасар был рабом. Хозяин, чтобы не пропал калым и чтобы приобресть лишнюю рабочую руку, думал ее взять за Тавасара, но родители девки на это не были согласны, считая бесчестием отдать дочь за раба. В это самое время русские взяли Куртку и Тавасар выбежал в наш лагерь.

Вы хорошо знаете, какие пакости делают обыкновенно киргизы, находящиеся при русских отрядах и даже при русских чиновниках. Султан Уваш воспользовался Тавасаром, чтобы приобресть себе киргизскую девку. И, пугая ее родителей русским именем, взял девку, заплатив за нее одну корову и 13 коз. Родители, отдавая девку султану, действительно просили его не отдавать ее за Тавасара. Затем девка постоянно чувствовала отвращение к Тавасару и искала для себя более красивого жениха. Это сущность дела и здесь нет неправды. Хотя из этого и ясно, что султан низким обманом взял от родителей 13-летнюю девочку и бессовестно лжет, что за нее заплатил 13 голов крупного скота, но тем не менее не видно из этого и того, что девка никогда не была женою Тавасара.

Принимая во внимание все эти данные и полагая не совсем приличным насильно навязать женщине немилого человека, я посоветовал Тавасару взять шесть лошадей и отказаться от иска, и он согласился.

Я докладываю еще раз вашему превосходительству, что я сделал все, что мог, и сам Тавасар может это подтвердить. Меня пугает только одно, чтобы султан Уваш не обратил девку эту в рабыню. Впрочем, он обещает ее выдать за хорошего жениха. Киргизочка недурна собою и женихи найдутся.

Известий верных из Кульджи еще нет. Какой-то ташкенец, проезжая из Кульджи, сообщил султану Тезеку, что будто бы дунгани взяли Баяндай[2] и заняли Талкинский проход, чтобы поперечь дорогу чахаром[3] и торгоутам, если б они вздумали дать помощь манджурам.

Цзян-цзюн, по словам этого сарта, посылал к дунганам грамоту, но тунгени отказались от мира и предложили самому цзян-цзуну очистить Кульджу. В какой степени все это достоверно, ведает один аллах.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превос-ва покорнейшим слугою *Ч. Валиханов.*

P. S. Когда письмо это было написано, Тавасар обратился ко мне с просьбой представить его дело на благоусмотрение Вашего превосходительства. Я остановил решение биев и прошу ваших приказаний. *Ч. В.*

2 декабря [*1864 г.*]

Тавасар снова одумался. Тезек к 6-ти лошадям, определенным Измаилом, прибавил еще две сверх существующих бийских кесымов.*[12] Теперь Тавасар получит 8 лошадей. Он остался очень доволен и дал подписку, что больше просить не будет. Значит, дело это окончено.

У меня побаливает грудь. Не будете ли тем добры, выслать мне мазь из рвотного камня[4] или что-нибудь другое (только не мушку[5]), чтобы вызвать нарывы на груди и еще что-нибудь способствующее отделению мокроты. Этим крайне обяжете преданного Вам.

Ч. Валиханов

Г. А. Колпаковскому*[13]

2 декабря 1864 г., Тугерек

Ваше превосходительство, милостивый государь Герасим Алексеевич!

Я узнал, что Вы намерены отдать на поруки манапа Али[1], за которого положен Вами выкуп. Братья его Сеилхан и Бакан, мать его, старшая жена покойного манапа Урмана несколько раз обращались ко мне с просьбой взять Али на поруки и сами прикочевали к Сеилхану на кунгей озера Иссык-Куля, но я тогда не решился Вас беспокоить, тем более что здесь слышно было, что об освобождении Али хлопочет старый манап колена буге Заренбек.

Если, ваше превосходительство, не найдете надежного поручителя в Верном, я бы с готовностью взял это дело на себя, тем более что брат Али Сеилхан мой сват и исполнит все, что я ему посоветую.

Если вашему превосходительству благоугодно будет дать мне на поруки манапа Али, я покорнейше прошу Вас прислать ко мне и тех киргиз, которым следует получить выкуп. Выкуп будет немедленно мной взыскан с сарыбагышей.

---

*[12] *Кесім* — решение суда биев.

*[13] Написано Ч. Валихановым от имени Тезека.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою — султан *Тезек*. Печать приложил.

Г. А. Колпаковскому

14 декабря [*1864 г.*]

Сегодня приехал Итбала, который все время находился при маньчжурском войске. Спешу сообщить Вам некоторые подробности последних схваток маньчжуров с дунганами. Это будет дополнением к показаниям бокачевского приказчика. Бегство дунганей из Кульджи случилось 9 числа прошлого месяца. Утром этого числа все кульджинские и из соседних местечек хой-хои выступили к Сарыбулаку, их подкрепляли таранчи в числе 400 человек под начальством какого-то сарта, которого они называли ходжой. (Впрочем, этот ходжа не из тех, которые претендуют на Кашгар, и, надо думать, что он уроженец Или). Китайцы стояли у городских стен и стреляли из пушек и фальконетов. Таранчи, однако ж, занимались более маневрами, чем делом. В рукопашных схватках в этот день было убито немало дунганей, но потерю чампаней и хамбыней (китайский солдат) считают до 800 человек. В то время как маньчжуры были отвлечены бесполезной для них стрельбой, жены и дети дунганей со всеми своими вещами беспрепятственно выходили из своего предместья. К вечеру, когда последние верблюды дунганей выступили из города, дунгане стали отступать, оставив для прикрытия отступления до 50 чел. конницы. Но дело этим не кончилось. Чампани, узнав о бегстве дунганей, бросились в их предместья, думая найти там что-нибудь, но здесь их встретила засада, и чампани после кровавого боя бежали, потеряв убитыми до 300 человек.

Дунгане, отступив из Кульджи, стали у каменноугольных копей, в 20 верстах от Кульджи. Таранчи увеличились до 600 [чел.].

11 числа маньчжуры, ободренные бегством врага, выступили из Кульджи для окончательного уничтожения инсургентов. Маньчжуров было 400, хамбыней —300, солонов и сибо левого берега —300, правого берега —800, чампаней —500. К несчастью китайцев в самом начале сражения дунгане овладели их артиллерией (4 пешками) и захватили все фальконеты (60) и до 200 ружей. Порох китайцы сами уничтожили. Чампани, засевшие в каком-то кургане, были сожжены, хамбыни частью перешли к инсургентам, частью были убиты, всего их вернулось человек 10. Поражение было совершенное; начальник китайского войска Чи-Джен, солонский ухурдай и еще два амбаня были убиты. Дунгане преследовали бегущих до самой Кульджи.

В настоящее время дунгане занимаются осадой Баяндая, жены и дети их в большой мусульманской Кульдже. В Кульдже китайской войска считается до 800, между тем как к дунганам

пристали все таранчи с новым своим акимбеком*[14] Магзум Зитом. Наш Сотрук тоже соединился с дунганами и, как говорят, вместе с таранчами думает взять Куджугур; под именем Куджугура известна группа нескольких селений с сибоским населением. Жители его частью перебежали в Кульджу, частью укрепились в одном из этих селений. Начальник сибосцев правого берега, называемый киргизами Ак-Колдай, взят под арест будто бы за сношения с инсургентами и, вероятно, будет казнен. Каракиргизы и наши кызыл-боруки[1] совершенно уничтожили калмыков, кочующих на Текесе. Можно положительно сказать, что калмыки лишились решительно всего — жен, детей и всего скота. Киргизы, говорят, не знают, куда девать скот и пленниц. Калмычки попали и на Чилик к Чокан-бию. Это, по-моему, не совсем красиво.

В Кульдже чувствуется большой недостаток съестных припасов, ибо дунгане сожгли все хлебные запасы и угнали весь скот городской, даже маньчжурам не оставили и свиней. Цзянь-цзюнь на все солонские городки наложил по 100 капов пшеницы.

Сегодня приехал (несколько часов тому назад, я сейчас только узнал) в аул к Тезеку один таранча, прежде живший в ауле. Он привез верные известия о дунганах, ибо он послан от таранчинских беков к султану Тезеку, чтобы узнать, можно ли им послать посольство к русским властям. Он рассказывает, что ходжа их называется Сеидахмет-хан, он уроженец Маргелана и лет пять как приехал в Или. По его словам, все хамбыни пристали к мусульманской инсуррекции — и это верно. Из Кашгара и Аксу они ждут помощи. Цзянь-цзюнь им предлагал мир, но они не приняли. Баяндай, как он полагает, теперь должен быть взят. В самом деле, что прикажете делать, если инсургенты пришлют посольство? Если они будут, например, просить нашего подданства? Уведомьте поскорее. Войсками командуют у инсургентов: китайцами — Джун-Тань[2], тунгенами — Па-ту-за[3] и таранчами — Садыр[4].

Так как в настоящее время производятся беспрерывные реформы и преобразования, то нет основания думать, чтобы киргизская степь осталась забытой. Вероятно, ваше превосходительство, позаботитесь о Вашей Орде, которая, надо признаться, находится в самом незавидном положении. Во время пребывания в Орде мне удалось узнать кое-что неизвестное Вам и могущее быть Вам очень полезным при Ваших соображениях. Я буду говорить откровенно, так как это останется между нами.

Со времени вступления Вашего в управление Ордой Вы были постоянно заняты походами против киргизов и защитой границ, внутреннее родовое управление Ордой оставалось по-прежнему и в этом отношении было сделано очень мало. А родовое народное управление Орды представляет ужасный хаос и крайнее безобразие.

---

*[14] То же, что *хакимбек*.

Первое. Адбаны*[15]. Племя это беднее других и держится более старых порядков. Султан здесь управляет только своими туленгутами, которых, правда, очень много, и управляет ими, как плантатор неграми. На адбанов, кочующих за Или, он почти не имеет влияния и адашевцы, чаирбеки зависят от него, как вассалы от барона: по временам приезжают на поклон, принимают хорошо его есаулов и только. Словом, султан считает себя владельцем, а не чиновником русского правительства, каким он есть в действительности.

Второе. Джалаиры. Управление у джалаиров представляет диаметральную противоположность управлению у адбанов. Джалаирские султаны, волостные и прочие, похожи на наезжих сибирских чиновников, которые приезжают только затем, чтобы постоять и потом уехать. Между джалаирскими родоправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ. Я знаю наверно, что эти господа научают татар и прочих подать просьбу в Алматы и потом, получив бумагу из Верного, пугают своих киргизов и берут тогузами*[16], одну — Султангази, другую — Тынги, третью — Камбару[5] и проч. Подводы в этом роде назад не возвращаются — продаются, и деньги разделяются между вышеупомянутыми лицами. Плата за подводы подвергается той же участи. Вообще поборам нет счета.

Третье. У дулатов несколько лучше, хотя султан их считается слабым. Там много богатых и влиятельных киргизов, которые могут в случае надобности дать султану отпор.

Прежде было основание церемониться с киргизской властью, теперь же, когда границы наши закреплены, можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 вернее, полезнее, чем 10. По моему мнению, этого можно достигнуть, только подчинив формальным выборам должность султанов и управителей; ослабить аристократический элемент и поднять и дать значение суду биев. В Большой орде суд биев не существует, дела решаются по капризу властей.

В Дикокаменной орде аристократического элемента не существовало исторически, точно так же, как и централизации родового управления. Там каждый род управлялся своим бием. Случалось, правда, что некоторые манапы, сильные родовичами, успевали приобретать главенство, как Урман и Бурамбай, хотя это было насилие, но люди эти имели несомненные достоинства, один храбрость, а другой — замечательный ум. Мы же, назначив ничтожного и известного лживостью Сарымбека в звание ага-манапа[6], случайное явление возвели в постоянное достоинство. Это уже само по себе ошибка. Пользы от ага-манапа мы положи-

*[15] Точнее, *албаны*.

*[16] *Тогузы* —'девятки', традиционные подарки или подношения, состоявшие из 9 предметов.

тельно не имеем, и, поддерживая его значение, мы вредим самим себе, отталкиваем от себя народ и вооружаем против себя других манапов; Мурад-Али, Чон-Карач и прочие ушли не от нас, а от Сарымбека. Кроме того, Сарымбек постоянной ложью от имени русского правительства возбуждает недоверие в народе к нам. Этот господин продавал чирикам русские чины, т. е. русские бумаги — это факт. Сверх того, ни один абсолютный восточный монарх не делает таких насилий, как он. У него содержится одна женщина под именем подводной бабы, если так можно выразиться; он ею угощает приезжих казаков и других лиц, и она взята так же, как берут в подводы верблюдов и лошадей. Эти немногие факты говорят сами за себя.

Я полагаю, что в Дикокаменной орде надо поддерживать древний порядок управления, чтобы каждый род управлялся своим бием. Тогда будет между ними соревнование, чтобы отличиться одному перед другим.

Прошу у вашего превосходительства снисхождения, что я решился написать о том, о чем вы меня вовсе не просили. Как киргиз, я не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно моих страждущих земляков. С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов

P. S. Бектаир завтра выезжает отсюда. Что касается до писем, посланных с Измаилом, я должен сказать, что они все были мной запечатаны моей печатью с литерами М. В.[7] точно так же, как и настоящее письмо.

Г. А. Колпаковскому

27 декабря [1864 г.]

Милостивый государь, Герасим Алексеевич!

Сегодня приехал в аул Тезека казак Павел Богдашин, остававшийся до сих пор в Кульдже. Так как все торговцы, поселенные китайским начальством в нашей фактории, бежали, то и Богдашин последовал их примеру.

Торговцы принуждены были к бегству постоянными требованиями китайских властей то лошадей, то верблюдов. В последний раз маньчжуры потребовали 300 лошадей и, когда торговцы отказались от дачи такого большого числа лошадей, цзянь-цзюнь объявил, что он возьмет у них силой. Тогда ночью все обитатели фактории бежали, оставив все свое имущество и товары. Едва торговцы вышли из фактории, как конурборуковский[1] башчи и тарапчи с 100 человеками напали на факторию и ограбили все дочиста. Впрочем, и прежде, в начале восстания, тарапчи немного пограбили в консульском доме, но взято было немного. На дру-

гой день башча нагнал караван и требовал выдачи Богдашина, но [приехавший из Семипалатинска] ташкенец Осман не дал. Этот же Осман дал казаку лошадь и во все время нахождения Богдашина в Кульдже оказывал ему покровительство и помощь. Китайское начальство взяло от Богдашина под расписку все железо, бывшее в фактории.

Киргизы... сделались теперь заклятыми врагами своих патронов и грабят маньчжуров и солонов, где только можно. Кезенкара[2] напал даже на один солонский городок, угнал до ста лошадей, но сам потерпел потерю с лихвой: до 5 человек его киргизов пали от солонских стрел.

Колдай все еще живет у Тезека и не едет, что хотите [делайте].

Сейчас получено еще известие.

Цзян-цзюнь послал погоню, за караулом, и особенно за Богдашиным, чтобы вернуть его, но посланные солоны не догнали каравана и вернулись...

Если китайцам будет дана помощь, то с известием об этом в Кульджу, надеюсь, ваше превосходительство, пошлете меня.

Пожелав Вам всего хорошего и успеха в ваших начинаниях, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов

Г. А. Колпаковскому

14 января [1865 г.]

Милостивый государь, Герасим Алексеевич.

Я имел честь послать к Вам в Омск три письма .., но ответа до сих пор еще нет. Со-Колдай все еще здесь, ждет Вас, как еврей мессию. Вообще все илийские маньчжуры уповают на нас и от нас только чают избавления. Впрочем, по полученному сейчас известию из Кульджи, инсургенты, очевидно, утомились. Маньчжурам удалось их разбить наголову в окрестностях самой Кульджи (20 числа дня 12 месяца по китайскому стилю, сегодня 28*[17]). В этом деле убито до 400 человек хой-хоев и таранчей и взято много оружия: ружей, копий и сабель. Эта неудача нанесла хой-хоям такой нравственный удар, от которого они едва ли оправятся. Дело в том, что хой-хои не в ладу с таранчами, которые составляли большинство инсургентов, последние начинают тайно сноситься с цзян-цзюнем, который обещал им совершенное прощение. Говорят также, что у оставшихся нет ни зерна пороху, а провизии у них давно не было. Тунгени думают снять осаду Баяндая и перейти на правый берег Или и взять городок Куджугур. По крайней мере так писали они киргизам в своих проклама-циях.

*[17] Декабря.

Снятие осады Баяндая и, наконец, то, что тунгени стали просить помощи у наших киргизов.., доказывает, что инсуррекция приходит к концу. Если инсургенты будут вытеснены с Или, они, говорят, думают уйти в другой пункт — Аксу или Кашгар. В последнее время тунгени успели [с помощью] своих эмиссар и прокламаций взволновать большую часть приилийских родов албанов и всех бугинцев. Башчи [глава] Джузен-Саурук[1], словом, все (чаджи, джарты и конурборуки[2]) явно пристали к тунгенам и дают им лошадей и джигитов. Джетен, Дур-султан, Казенкара еще колеблются; преданными нам остаются только Кожамбет, бугинцы тоже портятся, не говоря о тех головорезах, которые на Текесе. Бектаир остался ими недоволен, так как ага-манап совершенно отказался собирать киргизский барантованный скот. Киргизы все заговорили о настающих годах мусульманского величия, от тунгеней они чего-то ждут, на бухарцев тоже полагают большие надежды.

...При сем посылаю два листа, присланные от цзян-цзюня, одно на ваше имя, а другое на имя «ваших сибирских генералов».

Лист цзян-цзюня я перевел при помощи Со-Колдая, соображаясь, с маньчжурским текстом, так как пакет я сам [должен] был подпороть. Надеюсь, ваше превосходительство, не будете за это на меня сердиться (в Омске нужно было бы обращаться к переводчику).

Перевод листа цзян-цзюня: «Великого Дай-[цинского] государства илийских провинций цзян-цзюня лист.

[Лист] Великого Российского государства генералу, находящемуся в Алматах, послан для скорейшего прихода русских войск. Прежде всего вследствие войны тунгеней и сартов (хойхе), т. е. таранчей, мы несколько раз посылали письма, прося у Великой державы (России) войска для истребления и избиения воров вместе с нашими войсками, и, кроме того, послали трех наших чиновников на пограничные караулы для встречи Вас, но известий о приходе регулярных войск высокой державы до сих пор нет, и мы находимся в чрезвычайном нетерпении.

Между тем наши войска имели дело с ворами, и воры, придя в слабость, бежали и укрылись в город Кульджу (мусульманский город в 40 верстах от Кульджи) и оттуда, выходя в разные стороны, делали грабежи и посылали своих людей в окрестные земли для возмущения и к Тезеку с серебром и чаем, чтобы расстроить согласие двух наших государств, но Тезек, находясь в повиновении у Вашей высокой державы, не внял злым наветам их. 12 месяца 19 и 20 числа воры тунгени наступили на лагерь наших войск, наши воины, победив их, убили стрелами до 400 с лишним человек, но истребить и уничтожить их логовище в Кульдже мы находили трудным, чтобы в случае неудачи не было еще больших бедствий.

Вашему великому государству не чужды законы и обычаи, и Вы должны нам сочувствовать. Эти восставшие воры в один час

забыли милости и попечения Срединной империи, делаемые им в продолжение 100 лет, и причинили нам много зла. Мы думаем, что и Ваше высокопревосходительство, узнав о сих злодениях воров, должно прийти в немалый гнев. Много лет, как наши две высокие державы находятся в неразрывном согласии. Будучи близки, как язык к зубам, нашим государствам нельзя быть равнодушными к бедствиям друг друга.

Отсюда мы послали эчже-ку-хафина (чин) Сабитуна (маньчжурское имя Со-Колдая) к Тезеку, чтобы ожидать там прихода войск высокой державы, а куцзяйда (чин) Чжа-Чжури (имя) послали в Тургень также к Вам навстречу.

По сим причинам, посылая спешно этот лист к высокому генералу, прошу по получении этого письма как можно быстрее привести русские войска в Или и потом, соединившись с нашими войсками, разбить воров, и, успокоив страну, покрыть себя доброй славой. Еще. Один русский, сарты, иностранные и кашгарские купцы, находившиеся в Вашей торговой фактории, в одну ночь по известной причине бежали из фактории и неизвестно, где теперь находятся. В ту же ночь на рассвете (в час пятого джина) киргизы вместе с тунгенями вошли в факторию и разграбили находившиеся там вещи и товары и скрылись неизвестно куда. Остался один старик сарт с женой. На другой день мы собрали оставшиеся вещи и, взяв их в город, поручили надзору старика-сарта, чтобы он после был обличителем. Для хранения фактории мы назначили особый караул из наших войск. Было бы очень хорошо, если бы секретарь по-прежнему занял факторию и открыл бы торговлю.

По сим причинам послал лист. Тунчжи 5 год царствования 12 месяца 24 дня».

Слышно от китайцев, что в Урумчи пришли халхасцы под начальством цзюн-вана, рожденного от китайской принцессы, но от больших снегов они не могут до весны прийти в Или. В какой степени все это справедливо, ведает Голубое небо.

С истинным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов

P. S. Ваше превосходительство оказали бы большую милость, если бы привезли мне несколько ящиков сигар гаванских от Терехова и один так называемый пробный ящик.

В.

Г. А. Колпаковскому

30 января 1865 г.

Милостивый государь, Герасим Алексеевич!

Сегодня получил письмо от Бектаира, которое при сем посылаю. Садыкбек[1], о котором он пишет, есть родоначальник кара-

киргизского племени турайгыр-кипчак и был прежде правителем города Ташмалыка[2]...

Другое лицо, упоминаемое им, именно: Бузрукхан-ходжа, или тюре, есть единственный сын Джангир-ходжи, который в 1825 году произвел большое восстание в Малой Бухарии и был потом пойманный казнен в Пекине. Ходжа этот пользовался, как я мог заметить в бытность мою в Кашгаре, большим уважением народа...

Что касается до тунгенского восстания, то ничего важного в последнее время не совершилось. Тунгени три раза подходили к Кульдже и всякий раз были выгоняемы с уроном. Но тем не менее китайцы ждут от нас помощи, и Со-Колдай все еще живет у Тезека.

Искренно поздравляю ваше превосходительство с новым назначением[3] и желаю Вам на новом месте заслужить еще больше славы и чести.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов

Г. А. Колпаковскому

19 февраля 1865 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Герасим Алексеевич!

Сегодня я получил два ваших письма и, не поверите, как им обрадовался. Я полагал, что не рассердил ли Вас чем-нибудь. Сообщить теперь Вам те сведения, которые вы пишете, я не мог, во-первых, потому что здесь нет ни одной лошади, чтобы послать в ташкентский караван, который находится в Добуне[1] и откуда только и можно получить сведения более или менее близкие к истине. Там есть один мой приятель. Тезека здесь нет, он с табуном своим на Чилике. Кроме того, я сам сильно болен — когда вы уезжали, я был простудившись: болела грудь и горло. На горло я мало обращал внимания и лечился от груди, между тем, теперь грудь поправилась, но горло разболелось так, что едва могу глотать пищу, голос совершенно спал. Попасть в Верное оказалось невозможным по трудности пути и по неимению экипажа, и я отдал себя в руки киргизского врача — невежды, который поит бог знает чем. Все-таки это лучше, чем умирать сложа руки.

Как только будет лучше, я пришлю вашему превосходительству особую подробную записку о причинах восстания[2] и ходе его, как я сам понимаю, принимая во внимание историч[еские] факты и постараюсь разузнать все, что вами писано.

Я могу и теперь сказать, что известие о 12 т. кашгарцах, прошедших через Музарт — есть киргизская утка. Слух этот был распущен месяц и более тому назад бурутами[3], которые ждали

этой хуны[4], чтобы вместе с ходжами взять Верное. Что англичане пришли в Хотан — это, может быть, и правда. Народ этот при подобных обстоятельствах никогда не остается зрителем. В Каратеген англичане попасть не могут — страна эта недоступна со стороны Индии, и зачем англичанам лезть с горы, когда очень удобно можно пройти через Кашгар.

Вообще рассказы об англичанах составляли слабость ага-ханапа Сарыбека — не из той ли стороны пришел и этот слух.

Во время восстаний в Кашгаре в 1825 и 30 и 45 годах всегда было слышно здесь, что есть англичане, и всякий раз это оказалось ложным.

Я не понимаю хорошо,— какой доверенности хочет Кроерус от меня. Я уже раз послал доверенность Романовскому[5], но если этого недостаточно, то научите как поступить. Я бы желал, чтобы деньги были прямо высланы в Верное.

Что касается до вопроса о биях, то у меня есть записка[6], которую я подавал корпусному командиру и была им*[18]... одобрена. Я пришлю ее с кем-нибудь при случае в Верное.

Предложение Ваше состоять при Вашем распоряжении я принимаю с полным удовольствием[7], но вместе с тем прошу у Вас в счет жалованья прислать мне рублей 100 серебряной мелкой монетой.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Ч. Валиханов

*[18] Одно слово не разобрано.

ПИСЬМА К ЧОКАНУ

Письмо родителей к Чокану — воспитаннику Сибирского кадетского корпуса*[1]

[*около 1849 г.*]

Он, аллах, наше прибежище.

Вам — корочке нашего сердца, зрачку наших глаз, любезному, милому сыну нашему, лучшие наши благословения, затем, если спросите о нас, хвала аллаху, мы невредимы. Ради Вас, уголки нашей печенки, на суде у нас отпечатают, внутренность наша превратилась в жаркое (т. е. ты, мой сын, составляешь предмет моих сердечных ран, по тебе болит и кипит у меня сердце); может быть, мы, утро и вечер, вслед за пятикратным урочным намазом непрестанно призываем благословение божие умилостивить, чтобы бог, который не перестает (существовать) и не почивает, увеличивая с каждым днем Ваше счастье, дал достигнуть (заветных) желаний, ибо он увеличивал милосердие к рабам (своим). Затем, да не останется скрытым, что просимое вами мы послали с этой почтой в надежде, однако же, что не потратите денег, употребив их неуместно, и, привязавшись сердцем к избранному Вами (роду) занятий, не сделаете тщетными и наши хлопоты; если богу угодно, сами вы не без ума рабского, должны сами понимать свои обязанности.

Письмо Ф. М. Достоевского

14 декабря 1856 г., Семипалатинск

Письмо ваше, добрый друг мой, передал мне Александр Николаевич. Вы пишите мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать 10 книг — ничего не напишешь: чувство и влечение — дело необъяснимое. Когда мы простились с вами из возка, нам всем было грустно (на душе) целый день. Мы всю дорогу вспоминали о вас и взапуски хвалили. Чудо как

*[1] Перевод с казахского Н. Ф. Костылецкого. Казахский текст не сохранился.

хорошо было, если бы вам можно было с нами поехать! Вы бы произвели большой эффект в Барнауле.

В Кузнецке (где я был один) (Nota bene*[2]. Это секрет) я много говорил о вас одной даме, женщине умной, милой, с душой и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил о вас так много, что она полюбила вас никогда и не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил вас самыми яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе ее друзей, чего вам желаю. Поэтому и пишу вам об этом...

Я почти не был в Барнауле. Впрочем был на бале и успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Кузнецке (5 дней), потом в Змиеве и в Локте. Демчинский был в своем обыкновенном юморе все время. Семенов — превосходный человек. Я его разглядел еще ближе. Много бы можно вам рассказать, чего в письме не напишешь, но когда-нибудь кое-что узнаете, и вот теперь, когда в душе моей вдруг неожиданно (и ждал и не ждал) накопилось столько горя, забот и страху за то, что мне дороже всего на свете, теперь, когда я совершенно один, (а действовать надо) теперь я раскаиваюсь, что не открыл вам главнейших забот моих и целей моих и всего того, что уже слишком два года томит мое сердце до смерти!.. Я был бы счастливым.

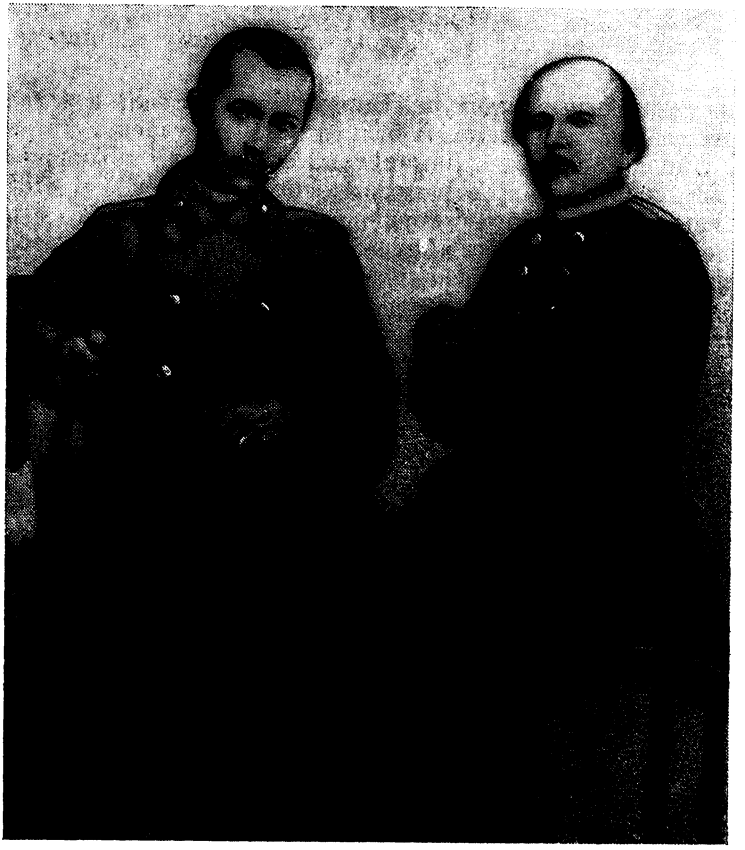
Дорогой мой друг, милый Чокан, я пишу вам загадки. Не старайтесь их разгадывать, но пожелайте мне успеха. Может быть, скоро услышите обо всем от меня же... Приезжайте сюда возможно скорее к нам, а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось вас увидеть, да вы верно не соскучитесь. Вы пишите, что вам в Омске скучно; еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить вам с вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов: напишите статью о степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если бы вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, о вашей жизни там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните).

На вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, вы бы заинтересовали Географическое общество. Одним словом, и в Омске на вас смотрели бы иначе. Тогда вы бы могли заинтересовать даже родных ваших возможностью новой дороги для вас. Если хотите будущее лето пробыть в степи, то ждать еще можно долго. Но с 1 сентября будущего года вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию. Год пробыв там, вы бы знали, что делать.

---

*[2] Заметьте, обратите внимание *(лат.)*.

На год у вас достало бы средств. Поверьте, что их нужно не так много. Главное с некием расчетом жить и живой взгляд иметь на это дело. Все относительно и условно. В этот год вы бы могли решиться на дальнейший шаг в вашей жизни. Вы бы сами выяснили себе результат, т. е. решили бы, что делать далее. Воротясь в Сибирь, вы бы могли представить такие выводы или такие со-

Ф. М. Достоевский и Ч. Валиханов. *Фотография.* Семипалатинск. 1859 г.

ображения (мало ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы вас и за границу, т. е. года на два в путешествие по Европе. Лет через 8 вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей Родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за

нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать, настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно, будьте уверены.

Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан!

Я так вас люблю, что мечтаю о вас и судьбе вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что вы первый из вашего племени, достигший образования европейского. Уже один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на вас и обязанности. Трудно решить: как сделать вам первый шаг, но вот еще один совет (вообще), менее забывайтесь и мечтайте, а больше делайте.

Хотя с чего-нибудь да начните, хотя что-нибудь да сделайте для разрешения натуры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего.

Дай вам бог счастья.

Прощайте, дорогой мой, и позвольте вас обнять и поцеловать 10 раз.

Помните меня и пишите чаще. Цуриков мне нравится, он прям, но я еще мало знаю его.

Съедетесь ли Вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске (Приписка на полях)? Тогда нас будет большая компания. Тогда, может быть, много переменится в моей судьбе!

Дал бы бог!..

Вам кланяется Демчинский. Пишу Вам у него на квартире за тем столом, на котором мы обыкновенно завтракаем или вечером пьем чай в ожидании обещанных строк. Напротив меня сидит Цуриков и тоже вам пишет.

Демчинский же спит и храпит. Теперь 10 часов вечера. Я не понимаю отчего очень устал. Хотелось бы вам кое-что написать о Семипалатинске; есть вещи очень смешные. Да не упишешь и десятой доли, если писать как следует.

Прощайте же, добрый мой друг. Пишите мне чаще. А я всегда буду вам отвечать. Может быть, рискну в другой раз написать и о своих целях.

Поклонитесь от меня Д-ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему.

С. вам кланяется, рассказывала, как вы и она живали в Омске. Она вас помнит и очень вами интересуется.

Письмо командира Отдельного сибирского корпуса Г. Х. Гасфорта поручику султану Валиханову

9 января 1858 г., № 5, г. Омск

Прошу, ваше благородие, по прибытии каравана в укрепление Верное и по совещании с начальником оного уведомить меня, когда можно будет ожидать возвращения каравана? Весьма вероятно, что это не может последовать ранее весны будущего года, потому что зимой через горы караванy трудно следовать и по той же причине отряд наш в горах на зиму оставаться не может, а должен осенью возвратиться. Для встречи же с караваном отряд может быть выслан вновь в следующем году ко времени прибытия каравана. Относительно пребывания в горах и возвращения отряда придерживайтесь в точности распоряжений, которые сделаны будут подполковником Перемышльским, с коим и можете вы переговорить о намерении вашем посетить Кашгарию.

Генерал от инфантерии *Гасфорт*
Начальник штаба генерал-майор *Гинтовт*

Письмо К. К. Гутковского

18 февраля 1858 г., Омск

Любезнейший Чокан Чингисович!

Представляемые в письме Вашем от 23 генваря затруднения к исполнению возложенного на Вас поручения признаны его высокопревосходительством заслуживающими уважения.

Естественно, что снаряжение и отправление каравана нельзя сохранить в тайне, следственно кульджинское начальство может быть упреждено о нем или семипалатинскими ташкенцами, или же приятелями нашими дикокаменными киргизами, а необходимость препровождения каравана за Заукинский проход порождает еще более опасений на счет подозрений китайцев, так что нельзя наверняка сказать: будет ли пропущен караван или нет. Посему на путешествие с караваном Вам нельзя положительно рассчитывать и едва ли не лучше, пользуясь гласностью каравана и отвлечением на оный внимания китайцев, искать Вам другого случая пробраться в Кашгар, тем более что караван выступит из Семипалатиска не раньше 1 мая, следственно разве к осени доберется до места. Впрочем, все таки надобно опровергать в народе молву о цели этого каравана и утверждать смело, если б о нем была речь, что он идет в Кульджу, как и все другие караваны из Ташкента или Киргизской степи.

Густав Христианович представляет в Ваше распоряжение Якуба Джанкулова; он действительно человек ловкий и смышленый, но для посылок надлежит употреблять его с большею осмотрительностью, потому что он не затруднится доставить Вам

сведения чисто вымышленные, и полезнее было бы Вам самим отправиться с ним по назначению, если только это возможно.

Ежели бы известность Вашей личности у дикокаменных киргизов затрудняла предпринятое путешествие через их кочевья, то, конечно, могло бы быть удобнее пройти Вам с Якубом через Кокандские владения. Но и к этому могут представиться не менее важные препятствия и не менее опасности, если только узнают о происхождении и служебных отношениях Ваших; почему и в этом случае необходимо, чтобы в укреплении Верном никто не знал о Вашем предприятии, ибо тогда в Коканде будет все известно прежде Вашего туда прибытия. Помянутый путь неоспоримо представляет некоторые выгоды: в Коканде существует партия, поддерживающая ходжей; от нее, не подавая вида, можно было бы проведать кое-что о положении дел в Кашгарии и узнать, кто в Кашгаре сочувствует ходжам,— обстоятельства довольно важные, чтобы знать, с кем иметь там сношения, но требуется много благоразумия и осторожности, чтобы не попасться впросак.

Впрочем, какой бы путь Вы не избрали, нужно Вам сказать, что обстоятельства противо прежнего несколько изменились. По сведениям, которые можно считать довольно верными, попытка ходжей не удалась; один из них находится в Каратегине, а другой — у дикокаменных киргизов или бог весть где, но только не на престоле своих предков и в настоящее время без средств. Поэтому нет уже надобности входить в сношения с самими ходжами, а нужно только собрать положительные сведения: о мере сочувствия кашгарского населения к восстановлению прежней мусульманской династии, о политическом состоянии этого края в настоящее время, о военных оного средствах вообще, и в особенности о тех, которыми могли бы пользоваться ходжи, но ни под каким предлогом не должно показывать никакого сочувствия нашего правительства. Нужно, однако, заметить тех влиятельных лиц, как из кашгарских сартов, так из дикокаменных киргизских начальников, которые более всех принимают участие и могут быть полезны ходжам.

Повторяю, принять Вам в соображение, что поручение Ваше должно быть столько же сокрыто от кокандцев, как и от китайцев. Вам небезызвестно, что кокандский хан получал от китайского правительства ежегодную сумму денег за обязательство удерживать ходжей безотлучно в Коканде. Поэтому в настоящее время, в особенности при неудаче покушения ходжей, кокандское правительство чистосердечно или лживо, но громогласно уверяет, что ходжи затеяли возмущение самовольно и что хан весьма на них прогневался. Очевидно, что малейшая с Вашей стороны неосторожность обратит на Вас внимание кокандцев и нужно основательно обдумать, как приступить к делу и как вести себя в Коканде, чтобы избегнуть неприятных последствий.

По мнению его высокопревосходительства, если уже нельзя будет пойти каравану через ущелье земель дикокаменных кирги-

зов, которых корыстолюбие и наклонность к грабительству не менее опасны, как и подозрительная бдительность китайцев, то было бы удобнее проникнуть Вам в Кашгарию через земли дикокаменных киргизов вдвоем с Якубом, что навлекло бы менее всего подозрений, а в крайнем случае пришлось бы действовать так, чтобы, оставаясь Вам самим в пределах Дикокаменной орды, послать одного Якуба и через него собрать вышеупомянутые сведения о положении Кашгарского края и народа, запретив ему, однако же, входить в какие-либо сношения и сближения с ходжами, почему и о видах наших ему не должно сообщать; под явным предлогом своей поездки он должен выказывать дела торговые, чтобы узнать там истинные цены на разные предметы торговли, или путешествие по святым местам в Аравии, или же другой предлог по родству и проч.

Можете съездить в Копал и переговорить с Якубом, не высказывая ему существа дела, чтобы он не подозревал политической цели и был убежден, что нужно только собрать сведения по торговой части и узнать как о ценах на тамошние товары, так и о том, какие товары наши могут иметь лучший сбыт в Кашгарии; прогоны Вам воротятся особо для сей поездки. При сем можете заверить Якуба, что он будет награжден по заслугам и получит сверх того денежное пособие для предполагаемого путешествия.

В настоящем письме сообщаю Вам по указанию его высокопревосходительства только основные мысли, а дальнейшие подробные соображения следует Вам сделать на месте, ибо у нас остается еще время, а время приносит совет; а о том, что представится, уведомьте. При сем случае его высокопревосходительству угодно было приказать сообщить Вам, что относительно представляемых Вами соображений по поводу слухов о кончине манапа Бурамбая Бекмуратова он будет ожидать официального донесения и представления от пристава киргизов Большой орды.

Последнее письмо Ваше на имя его высокопревосходительства получено распечатанным, почему необходимо, чтобы Вы на будущее время к письмам Вашим прикладывали три печати и завертывали их каждый раз в особый лист бумаги.

Пожелав Вам затем полного успеха в предприятиях Ваших, остаюсь искренне преданный Вам *Карл Гутковский.*

P. S. Письмо это [перед] выездом из Верного к дикокаменным киргизам возвратить назад, отправив в особом конверте на имя г. начальника корпусного штаба через посредство полковника Перемышльского.

Письмо Г. Х. Гасфорта

12 марта 1858 г., г. Омск

Милостивый государь, Чокан Чингисович!

На основе полученного одновременно с письмом от Вас донесения полковника Перемышльского я изложил в предписании к нему мысли об образе действий и участии нашем как в деле избрания старшины в роде бугу, так и в распрях их с сарыбагышами, разрешив вместе раздать переданные Вам для подарков вещи манапам, если бы они приехали в Верное или к отряду, который может быть двинут к горам, исключая мелочных подарков, предоставленных в распоряжение Ваше.

Беспокойства, вновь начавшиеся в Кашгаре, и смуты в Коканде, в коем даже дальнейшее владычество настоящего хана сомнительно, требуют удвоенной осторожности в исполнении и лично Вашего предприятия, и движения каравана, которому едва ли не безопаснее будет следовать прямо в Кульджу и уже оттуда стараться пробраться в Кашгар.

Во всяком случае прошу Вас прежде чем на что[-либо] решиться, обсудить внимательно на месте, соображаясь с ходом дел, и уведомите меня об окончательных Ваших предположениях по обоим предметам.

Сотня казаков для сопровождения каравана, назначенная от 10 полка, по распоряжению полковника Перемышльского может быть двинута по его назначению, когда признается нужным.

Г. Гасфорт.

Господину поручику султану Валиханову

27 апреля 1858 г., № 41, г. Омск

В письме полковника Гутковского сообщены Вам различные указания мои по предмету возложенного на Вас поручения и требуется, чтобы Вы, собрав на месте сведения по сим указаниям, представили Ваши соображения, но таковых доныне от Вас не получено. Между тем получено новое повеление о непременном отправлении каравана по известному Вам направлению и назначению, и самое удобное к тому время уже наступило, а потому я предписываю Вам готовиться к поездке согласно первоначального повеления, Вам данного, выждав в Верном прибытия полковника Гутковского, который вместе с сим отсюда отправляется для изустных с подполковником Перемышльским и с Вами по сему делу совещаний.

Ваш доброжелательный и преданный *Г. Гасфорт*

ПИСЬМА МУСАБАЯ

Первое письмо Мусабая*[3]

Июль 1859 г.

|| 29 июля 1859 года доводим до сведения нашего старшего предводителя высокопоставленного, достойнейшего нашего господина тюре. Как Вам известно, с июня 58 года мы были на благословенной службе у Вас. В какие места об этом нужно сообщить, надеюсь, Вы не оставите своей милостью и сообщите. Я никогда не уклонялся от услуг Вам, (наоборот) всегда исполнял все с полным усердием как только мог.

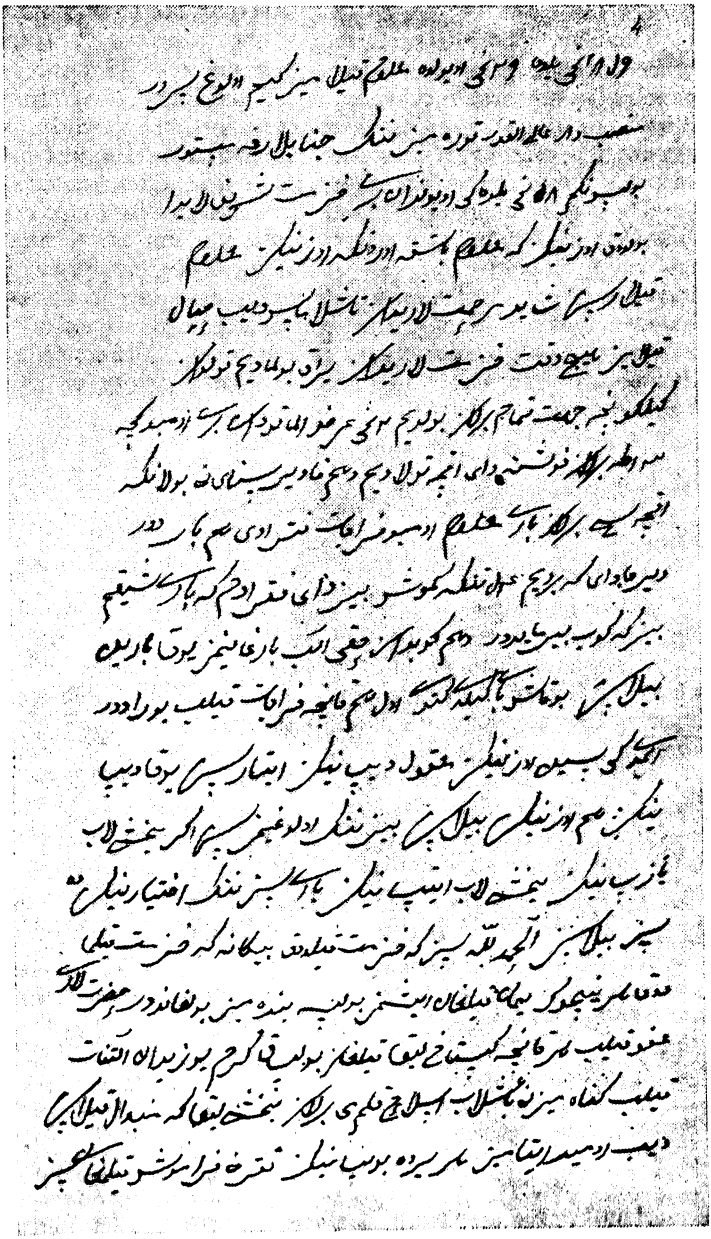
Далее довожу до Вашего сведения, что от Алматы до Омска заплатил стоимость проезда на трех почтовых лошадях да еще уплатил деньги по адресному [?] бланку. Все известно. Имеется и Омская расходная книга. Дирджадаю [?] дал 54 тянга серебром. Мы давно уже жалованья не получаем, а всякие издержки для нас — это ощутимые затраты. Все это вы знаете. Букаш-бай приехал и уехал. И он делает немалые затраты на разъезды. О дальнейшем, если Вы считаете приемлемым, скажите, если не приемлете, опять же сами знаете. Вы наш старший. Если напишете или устно все досконально им объясните, то это в Вашей власти. Слава Богу, мы служили Вам, а не постороннему лицу. Если что-либо сделали плохо, то человек не свободен от промахов, может быть и было такое, надеемся, Ваша светлость, проявив великодушие и милость, обратит благосклонное внимание на нас, простит наши грехи и перстом примирения превратит их в благодеяния. Где бы Вы не были, не забывайте меня бедняка, ибо я в настоящее время пребываю на положении человека без родины: неопределенно ни здешнее мое положение, ни там в городе, [где осталась моя семья]. В город Маргилан я так и не смог ведь поехать. Словно, кроме Семипалатинска, все земли для меня стали недосягаемы. Да присудит Аллах всевышний счастливый конец всему этому. Как бы ни было, не выпускайте нас из своей благославенной памяти. Доведите, пожалуйста, до сведения и главного начальника генерал-губернатора. Обо мне в предыдущем письме указали, что живу я то в Копале, то у казахов [в степи]. [На самом же деле] я с 1852 года постоянно живу в Семипалатинске. До 58 года я как купец платил налог с капитала. Всегда подвергаем товары положенному клеймению. Все это известно в Семипалатинске.

Я изложил все как есть. Сначала уповаю на милость Бога, далее все от Вашей милости.

Написал *Мусабай Тохтабай-оглы Касымов.*

---

*[3] Письма Мусабая даны в переводе Дж. Х. Кармышевой.

Первое письмо Мусабая от 29 июля 1859 г. *(Автограф).*

Второе письмо Мусабая*[4]

Вам, высокочтимому, высокостепенному нашему господину царевичу да не останется сокрытым от Вас наше прошение.

Вы постоянно оказываете милость своему покорному слуге и спутнику. Мы всегда были рады и довольны Вашим отношением к нам и с благодарностью молимся за Вас. Словом, много мы совместно с Вами перенесли трудностей и невзгод в скитаниях. И сегодня нет никакого удовольствия в жизни. Все нужные Вам сведения по торговым вопросам или по любым другим я бы написал из Семипалатинска, так как там бывает много приезжих людей, у которых можно расспросить. Прошу вас оказать милость и добиться для нас казенных подорожных. Ведь все наше путешествие — это дело государственное. Если дадут, то пусть сейчас дадут, а удержат с текущих поступлений.

С просьбой написал *Мусабай Тохтабай-оглы Касымов*

Третье письмо Мусабая

8 августа 1859 г.

|| Изъявление покорности высокочтимому султану Мухаммад-тюре. Благонадежному, доброжелательному брату по вере доводим до сведения, что уволившись с Вашей службы, второго числа прибыли в Семей. Здешняя братия, слава богу, жива-здорова. Да хранит и Вас Всевышний в добром здравии и присудит нам скорейшее с Вами свидание.

Если спросите о нашем житье-бытье, то здесь 2 августа умерла сноха Букаша. Сам Букаш-бай сдает свои вьюки. Что же еще пожелает господь. Из Алматы Мухаммаджан-агай караванбаши написал письмо, в котором пишет, что прежнего аксакала [в Кашгаре] изрубили в куски и хорошо, что мол, вы поторопились с выездом. Не знаем, из-за нас его убили или за свои грехи. С этой

---

*[4] Это, по-видимому, черновой вариант письма. Текст письма занимает нижнюю половину листа. Верхняя половина заполнена отдельными записями, как бы памятками, вдоль и поперек листа и на полях; в верхнем правом углу написано: *Катта Шейх Сунгулла ходжам.* Ниже, после бессвязных отдельных слов, надпись: *Выехав из Семипалатинска в мае через 13 месяцев возвратясь, еще два месяца служили на одном месте — в Омске. Начал записи в 1858 г. и кончил в 1859 году. Прибыл [в Омск] 10 июня и все еще нахожусь в Омске до 22 июля.* На полях с левой стороны листа: *«Из России в город [Коканд] поступает кисея для чалмы. Поступает также индийская чалма из Бухары. В большом количестве идут также медные вещи, самовары, пиалы, чайники, полоскательные чашки, фаянсовые блюда, большие тарелки, медные блюда, большие подсвечники, бусы, лекарственный корень и прочее».* На полях другой стороны листа: *«В Кашгаре можно приобрести самые различные товары. В Коканде есть меняла восподин Мулла Абдулгафур саррафбаши».*

Справа от текста письма пометка той же рукой: *От тюре нужно одно письмо. Нужно еще второе.* Еще надпись: *Дирджадай дал 47 тянга до сегодняшнего дня.*

почтой пошлем в Алматы письмо и, наверно, получим достоверные сведения. Мухаммаджан-ногай больше ничего не сообщает. И Букаш-бай пребывает в недоумении, следуя смыслу изречения: терпение — ключ к радости. Юсуфа в Семей не застал, он уехал домой. Я послал за ним человека; как прибудет—пошлю к Вашим услугам. С этой почтой хотел послать несколько вопросов, но всего написать не успел, пошлю со следующей почтой; бог даст, запрошу обо всем, о чем Вы просите.

|| В Семипалатинске оказался один кашгарец, сам он алванкаш (простолюдин — налогоплательщик). Я у него много расспрашивал. Он, оказывается, давно выехал из Кашгара. Знает жизнь простого народа и все события в Кашгаре. Я все записываю. Я его в эти дни нашел. Все записанное пошлю к Вашим услугам с Юсуфом или по почте.

Корпусной в Аягузе побранил многих казахских тюре и знатных людей за умершего русского. Нескольких из них послал в Семей. Да сохранит бог от напрасной клеветы.

Постоянно желающий Вам здоровья *Миркурбан-бай и Мусабай.*

Написано 8 августа 1859 года.

Четвертое письмо Мусабая

15 августа 1859 г.

Аллах — создатель всего

|| Могущественному нашему господину, брату по вере, дорогому султану Мухаммеду-шахзаде да будет Бог в помощь.

Ас-саляму-алейкум!

Передайте поклон Карлу Кузмичу*[5]. После бесчисленных молитв за Вас и приветов, полных тоски, заявляем; что здесь мы пребываем в добром здравии. Да сохранит и защитит и Вас Аллах Всевышний и да присудит скорое свидание. За сим да не останется сокрытым, что и до этого преданно докладывал Вам о своих делах. Наверно, то письмо дошло до Вас. Юсуф приехал. Целыми днями на базаре ищет попутчиков, но пока не находит. Не знаем, найдется ли подходящий спутник. Как найдется, так его отправим к Вашим услугам. А поездка одного его на подводе слишком дорого обойдется. Если спросите о нашем житье-бытье, то о чем бы Вы ни приказывали в своих письмах, я, бедняк всей душой старательно выполняю. Вьюки Букаше пошли 14 августа; сам он еще находится здесь в ожидании корпусного. От Мирза-Магруфа есть письмо. Пишет, что прибыл караван в восемь кошей*[6]. Пишет еще, что через Алматы в Кызылжар*[7] поехал посланник из Коканда, Бог даст, прибудет. Пишет, что наш хазрет

*[5] Точнее *Карлу Казимировичу* (Гутковскому).

*[6] *Кош* — походная юрта.

*[7] *Кызылжар* — г. Петропавловск.

находится в Ташкенте в добром здравии. А в Семипалатинске пока караванов нет. А туда прибыл караван в 5—6 кошей. В городе, мол, спокойно.

До сих пор нет вестей от моей матери и семьи из Маргелана. Вверяю их Богу Всевышнему. Еще Мухаммеджан в письме пишет, что прежнего аксакала в Коканде казнили.

|| Дела кашгарские. В Кашгар подати собираются двукратно: один раз китайское правительство, другой раз — хакимбек. Китайцам дают: каждое податное лицо ежемесячно выплачивает из расчета шесть мешков (ху), десять мешков, двенадцать мешков зерна. Есть люди, платящие одну тянга, две тянга и три тянга. Чем больше зерна, тем больше подать. Податное лицо (алванкаш), платящее шесть пулов, каждый месяц дает по шесть пулов и еще два мешка пшеницы [в год]. Ху состоит из шести четвертей, каждая четверть — из двенадцати с половиной джинов. Две четверти составляют один пуд. Алванкаш, дающий из расчета десять ху, платит десять пулов [ежемесячно] и четыре ху пшеницы и кунака [в год]. Платящий двенадцать пулов, ежемесячно дает по двенадцати пулов и в год пять ху пшеницы или кунака. Обложенные одной тянга платят каждый месяц по одной тянга и раз в год десять ху пшеницы. Обложенный двумя тянга дает в месяц по два тянга и двадцать ху пшеницы и кунака в год. Платящий три тянга дает три тянга в месяц и от 25 до 30 ху пшеницы и кунака раз в год. Они это вносят каждый год независимо от того, посеяли они зерно или нет. От кашгарского хаким-бека на плательщика 6 пулов в месяц падает еще от одной до двух тянга. На десятипулового алванкаша падает 3—4 тянга, на двенадцатипулового падает 5 тянга. На плательщиков по одной, по две и по три тянга, 12 тянга, 20 тянга, вплоть до 30 тянга — состоятельные. Я досконально спросил у кашгарца [есть ли еще какие подати] и он ответил, что кроме этой подати больше никаких не платят. Ни с одних посевов, ни с садовых плодов [налога не платят]. Не облагаемые налогами составляют, говорят, две тысячи семейств. Один кашгарец говорит: ахуны само собой,..*[8] само собой.

|| Кашгарская крепость построена Зурдунбеком (Зухреддинбеком) в бытность его хакимом (правителем). До Зурдун-бека [хакимом был] Юнус-ван. Муж Сакинэ-хан Зурдунбек, в бытность свою ишкага*[9], ездил в Коканд, оттуда в Кызылжар (Петропавловск), далее в Семипалатинск и Чугучак, оттуда приехал в Кульджу и сам подал письмо цзянцзюню*[10]. За его заявление, что он попал в руки грабителей и сбежал от них, его из Кульджи направили хакимом, выдав соответствующий ярлык.

Еще о кашгарских делах. Хлопок стоит от четырех до шести тянга четверть, а четверть равняется полпуду. В некоторые годы

*[8] Два слова не разобраны.
*[9] Помощник правителя.
*[10] *Цзянцзюн* — наместник, генерал-губернатор.

бывает дороже, в иные — дешевле. Предпочтение отдают хлопку, выращиваемому в самом Кашгаре как более чистому. Когда в городе [Коканде] объявится недостаток в хлопке, то вывозят из Кашгара. [Также], когда ощущается недостаток хлопка в Алтышаре, доставляют из Кашгара же. Но хлеб в зерне потребляется только на месте, в другие районы не вывозится. Верблюжий вьюк городского хлопка стоит восемь тилля, десять тилля вплоть до четырнадцати тилля. Шелк производится в Хотане. В Хотане пуд его стоит от семи до девяти тилля пуд. Из Кашгара шелк поступает в Коканд, где его покупают от двенадцати до четырнадцати тилля за пуд. Особый средний сорт какандского шелка смешивают с хотанским шелком, затем смешивают с шелком из местности Лябиоб Бухары — и эту смесь берут кабульцы и везут в Кабул. В Бухаре ее берут по цене до семнадцати тилля. В Коканде один сорт чистого шелка, годного для дуруи, покупают от восемнадцати до двадцати двух тилля [за пуд].

|| В Хотане такого шелка нет. Самый чистый (крепкий) шелк — это кокандский. [Вообще-то] шелк он везде одинаков и коконы тоже одинаковы. Качество его зависит от мастера. Сколько получилось [нити от коконов] за год нельзя узнать. Паринур и сусингилем (ковер сусин) — это вещь одна и та же, бывает больших и малых размеров; изготовляют его в Хотане. Другие добротные ковры [изготовляют] в Мешхеде (?) в Лябиобе, Бухаре, у туркмен. Они расходятся в разные страны через Бухару. Ковры низкого качества выходят из Андижана и Шарихана.

О разных сортах чая, выходящих из Кашгара и идущих в Коканд, как: сабэт-чай, кара-чай, кок-чай, ак-чай, большой чурачай, малый чура-чай я уже написал Вам. Сейчас добавлю только, что кыркма-чай стоит сорок сар, ак-чай от шестидесяти до семидесяти сар, кок-чай, называемый сайиди, стоит от пятидесяти пяти до шестидесяти сар. Фамильный чай редко выходит [на рынок], он из Коканда идет в Бухару. Кок-чай и кара-чай идут в Ургенч. Из Чугучака и Кульджи идут эти сорта чая. И цена их примерно такая.

Аршин сукна, поступающего в Коканд из областей России, стоит от одной тянга до трех тянга. Ситец разный от 8 до 12 копеек. || Зеленый ситец, красный ситец до 30 копеек серебром. Хаса, миткаль, коленкор, нанка, платки красные, медь, латунь, нашатырь, гвоздика, ртуть, медный купорос, бикасам, измельченная древесина называемая русскими сандал, стальные клещи,..*11 бусы, кораллы, сундуки, чайные чашки фарфоровые, фарфоровые полоскательницы, лечебный корень (тамыр-дары — гречиха земноводная), выделанная кожа, опойка, коленкор,..*12 шали, кушаки, агабану, платки с блестками (с мишурой), узорчатые платки, сатин, камлют, люстрин, бархат, шелковый бархат, мятый плюш

*11 Три слова не разобраны.

*12 Два слова не понятны: كوزول كوزارى — гузал гузари?

[?], хаки Каракулова [?] дадасский бобр, китайская выдра, камшат[?] ...лисица, ичиги с кожаными галошами, душистое мыло, цветочная вода, духи, амбра.

Кашгарская кошма недобротная, стоит 1—2 тянга, хотанская кошма от четырех до семи тилля. Белая и красная краска стоит две тянга. Белая байская*[13] кошма покупается по пять тянга, с синими концами — по четыре тянга. Когда много поступает, бывает дешевле, когда мало, дороже. Дело базарное — все может быть и дороже и дешевле. || Говорят, что из Андижана в Кашгар много прогоняют овец и лошадей. Из города [Коканда] всякие товары идут в Кашгар, как Вам известно. Дуруя, бикасам, шелк, падшаи, аркакшаи, ковры, одеяла [стеганые], ситец на одеяла и всякие другие товары, как известно, идут в Кашгар. Русские товары в настоящее время покупаются более охотно, чем заграничные. Точно также в городе [Коканде] всякие русские товары покупаются одинаково хорошо. Да будет известно еще, что кашгарская мата (грубая бязь) вывозится киргизами и в Андижан. Цена ей, как Вам сообщал, от тридцати пулов до одной тянги и сорока пулов. Ее везут также в Кульджу и Урумчи дабу самсу, называемую чинзабу.

В Яркенде хакимом Юсупбек, в Янысаре — Исмаилбек. В Файзабаде есть хаким, пришедший из города. В Ханарыке есть мингбеги [тысяцкий], в Янгиабаде есть мираб. В Алтып-Артуше есть мингбеги [тысяцкий], в Устун-Артуше есть мираб, в других [селениях] есть юзбеги [сотники]— говорит кашгарец.

|| Пуд анаши в Кашгаре двадцать тянга, в Коканде своя анаша от шестидесяти до двадцати тянга. Янысарскую анашу, говорят, в Коканде берут от тридцати и сорока до пятидесяти тянга за пуд. Опиум из Мешхеда поступает в Бухару и оттуда в Кашгар. Его покупают по пятьдесят-пятьдесят шесть тилля за пуд. А в Кашгаре сбывают за два с четвертью, два с половиной и до трех ямбу за пуд. В разные годы может быть дешевле и дороже.

Да будет Вам известно еще, что три года тому назад в Семипалатинск из Бухары прибыла группа людей в один конц, хорошо говорящих по-персидски. Они хорошо знают Бадахшанскую горную страну. Я пока не нашел человека [знающего персидский язык], чтобы порасспросить их. Бог даст, найду такого человека, запишем с ним все, что разузнаем и пошлем [Вам]. О кокандских событиях, а также об именах и родословных ходжей пошлем следующей почтой. Если у Вас остались еще какие вопросы, можете написать. Обязательно напишите письмецо и уведомьтесь о нас. Намерены завтра Юсуфа послать на почту, чтобы отправить Вам слова [сведения]. До сих пор не можем 14 [?] найти ему попутчика, [чтобы послать его к Вам]. Если бы нашелся попутчик, денег бы я не пожалел. Не знаю, может что Вы уже обижаетесь на меня. Сколько бы издержек ни было, жертва за Вас. Как бы ни

*[13] *Бай* — город в Кашгарии.

было, мы намерены усердно служить Вам. Остальные сообщения надеюсь, получите со следующей почтой. Корпусной*[14] не приезжал. В Аягузе он разгневался на многих людей из тюре. Это, наверно, Вам уже известно.

О себе много говорить не стоит, все Вам известно. Прежде всего всё от бога, затем Вы уж не лишайте нас своей милости. Сотни раз просим Вас. С Букашбаем еще раз направляем Вам свое заявление, надеемся, о дальнейшем продвижении его Вы сами проявите заботу. Утром и вечером молимся Всевышнему Господу Богу о даровании Вам долгих лет жизни в благоденствии и счастье. Да примет Он — Аллах, наши молитвы. Надеемся, что здешних друзей не забудете.

Всегда желающий Вам здоровья Ваш скромный слуга *Мусабай Тохтабай-оглы Касымов,* Доброжелатель *Муркурбан-бай-ака, Мулла Азимджан,* купец *Мухаммад-Разык-ака* — все изъявляют свою преданность Вам.

Написано 15 августа 1859 года

Пятое письмо Мусабая

29 августа 1859 г.

Высокочтимому брату по вере султану Мухаммад Алимбаю мирзе да будет Аллах Вам другом.

Передайте привет полковнику Карлу Кузьмичу*[15] и Юсуфу.

Посылая Вам молитвы и бесчисленные сердечные приветы, сообщаем, что мы здесь, слава богу, живы-здоровы. Да сохранит и Вас Аллах Всевышний в добром здравии и да присудит нам скорое личное свидание. О приезде в Семипалатинск корпусного 28 числа ночью из Усть-Каменогорска я Вам уже сообщал.

Теперь речь о кокандских ходжах.

Потомки ходжа Юсуф-ходжама, потомки Джангир-ходжи. У Джангир-ходжи есть один сын. У Ходжа-Юсуф-ходжама в настоящее время есть три сына: старший Каттахан-тюре. Имена их: Ишанхан-тюре, Валихан-тюре, Кичикхан-тюре. Эти трое от одного отца и одной матери. Эти тюре — потомки ходжи Исхак-Валия, приехали из Дахбида. При мятеже Джангир-ходжи хакимом [в Кашгаре] был Зак-ван. [Теперь] хакимом стал Зухреддин-бек. Городскую крепость он построил в тысяча двести пятьдесят пятом году — в русском летоисчислении это будет 1838 год. Считая с этого года, с момента постройки крепости прошел 21 год. Зухреддин-бек в течении 18 лет стоял хакимом в Кашгаре. На [крепостных] воротах он сделал надпись в стихах:

---

*[14] Очевидно, имеется в виду Г. Х. Гасфорт — командир Отдельного сибирского корпуса, генерал от инфантерии.

*[15] То есть *Карлу Казимировичу* (Гутковскому).

В году тысяча двести пятьдесят пятом пророка [т. е. хиджры] Воздвиг город Зухреддин счастливый.

Это мне показал один человек в своей книге.

Аната в Коканде стоит 4 тилля пуд, кашгарская —5 тилля.

Шелковичные черви [перед вскармливанием] стоят четыре коробки 5 $^1/_2$ тилля —6 тилля. Когда коконы высохнут, то из 4-х пудов остается 45 фунтов. Когда наматывают шелк, искусный мастер получает хорошую шелковую нить, у плохого мастера шелк портится и получается плохого качества.

25 августа из Ташкента прибыло два коша каравана. За 41 день они добрались до Семипалатинска. Они говорят. что в Ташкенте хаким Мухаммад Муса-тюрк. Зекетчи Мухаммад-Шариф-бай, по прозвищу Джинни — бесноватый. Говорят, бухарский падишах дал разрешение Худаяр-хану пойти на Каратегин и Дарваз, собрать там войско и взять Коканд. Будто в Каратегине и Дарвазе у Худаяр-хана живет тесть. С войском он прибыл не то на Маргелан, не то на Шахимардан. В начале июля произошла битва. Пришло войско из Коканда. Шадман-ходжа крепко побил Орака и поранил. Когда прибыл Худаяр-хан, здесь уже 15 дней шли бои. Упомянутые выше два коша принадлежат — один татарину, другой — извозчику сарту. Татарин уже прибыл, а тот еще нет. Говорят, что через несколько дней придет караван. Надеюсь, подробно расспросим у них и пошлем Вам записи. В Ташкенте опасаюсь, как бы не пришло войско из Бухары. Малля-хан будто из старых военачальников двоих убил. Полагаю, один из них Каримкул мехтар, другой — Танди-инак. Говорят, что убили еще трех-четырех более старших, но точно не знают.

На рынке все подорожало, в том числе зерно. Говорят, в Бухару из России прибыла комиссия и закупила хлопок стоимостью 12 тилля по 19 тилля верблюжий вьюк.

...В Коканде налоги небольшие, с поливной пшеницы берут одну десятую, с неполивной — одну двадцатую. За весы, за оформление брака, за раздел наследства — не берут.

Город Хотан будто состоит из пяти городов. Самый большой из них называют Хотан, остальные называются: Икчи, Каракаш, Юлгункаш, Чиря...

В ...копают золото, других занятий нет. Налоги, подати взимаются в определенном порядке. Шелк в Хотане мало употребляют, имеющийся шелк вывозят в Андижан и продают там.

Во время кыпчакских событий в Коканде убили муллу Абдулгафура.

Маргиланские ходжи будто происходят из трех поколений. Одна ветвь от Махдуми-А'зама, другая — из кашгарских ходжей, третья — от чирагчи хазрет Алия.

У кокандского хана Мадали-хана в Бухаре есть два сына: Музаффар-хан и Каландар-хан. Говорят, в Уратюбе есть сын и дочь султана Махмуда. В Уратюбе в 1858 г. хакимом был Рустам-бек, сын младшего брата Аталык-бека. В 1858 г. в битве с пади-

шахом он погиб. С тех пор Уратюбе относится к Бухаре. Сын Аталык-бека Абдулгафур-бек, говорят, живет в Замине... В Коканде живет дядя Мадали-хана по имени Мухаммад-Назар-бек. Во время кыпчака Нармухаммада Кушбеги из киргизов в Коканде хакимом является Алимбек, || Садырбек и Эгамберды—хаким Ходжента. Киргиз говорит, что в городе неспокойно, разброд. Вверяю Аллаху Всевышнему свою мать, жену и детей. Не знаю, в каком они положении. По слухам там поговаривают, что Мусабаю и в городе [Коканде] было бы нехорошо. Мухаммаджан караванбаши ведь писал, что к счастью мы успели вовремя выехать, а аксакала изрубили на куски. Не знаю, правда или ложь, не думаю, что злосчастье постигло его из-за нас.

Провоз [вьюков] в Кашгар и Яркенд 19 тянга за верблюда, в Аксу 18 тянга. В Хотан посылают из Яркенда; сколько ташей составляет расстояние — не знают.

Все, о чем Вы приказали мне расспросить и записать, я исполнил и посылаю Вам. Если еще нужны какие сведения, пишите, мы постараемся раздобыть и сообщить, если будет угодно богу. Приехал Ауган [Оган, Роган?], много чего знает. Если есть нужные вопросы, прикажите, нет — нет. Он привез записи. У меня и бумага уже кончилась.

Обязательно пишите о своем здоровье. Пожалуйста, мы с нетерпением ожидаем от Вас вестей. Нам необходимо о многом Вам поведать; Вы сами знаете это, наш высокочтимый, дражайший тюре. Так, разрешите изложить свою просьбу. Каково нам будет в городе [Коканде], где о нас распространена плохая молва? Живем вдали от семьи. Мы живем, уповая на бога и на Вас. Окажите милость и сами толком доведите до сведения [соответствующих инстанций]. За свою службу я оказался в таком положении. Несколько раз я писал в город. Поскольку не могу поехать туда [домой], то чтобы здесь построить дом, подал прошение корпусному, приложив план [дома]. Что он ответит полиции. Когда корпусной приедет к Вам, пожалуйста, скажите ему о полученных Вами деньгах. Я был у корпусного; он хорошо поговорил со мной, спрашивал о поездке туда и обратно. Я отвечал как прежде. Я сказал, что кишлаки видел сам, а в Яркенд съездил Алимбай. Он сказал, что ознакомится с делом и окажет милость. По-видимому, в Копале Мухаммад-Якуб-ака что-то сказал корпусному о нас. Он сказал: «Вы больше никуда не ездили» [кроме Кашгара]. Я сказал, что тот напраслину говорит, мы ездили и видели. Мухаммад-Якубу-ака мы с Вами ничего плохого не делали. Он каждое слово передавал губернатору. Это Вы и сами знаете. Полковник вначале говорил, что бы ни привезли из Кашгара в Семипалатинск, пошлины не будет, а теперь говорит, что возьмет пошлину. Сами каким-нибудь способом объясните ему, может быть, министру напишите. Раньше размер пошлины был тысяча рублей, теперь две тысячи рублей. Вопрос о пошлине, надеемся, будет по-

ставлен Вами и полковником особо и наши места будут освобождены.

Если Юсуф не нужен, пожалуйста, верните его. Мы намереваемся свое прошение направить Вашему отцу.

С пожеланиями Вам здоровья

Мусабай Токтабай-оглы Касымов, маргеланец,
Миркурбан бай Кутыбай
29 августа 1859 г.

Шестое письмо Мусабая

Сентябрь 1859 г.

Мир от Аллаха Всевышнего Могущественному господину нашему высокостепенному султану Мухаммад-тюре. Полковнику Юсупу.

После наших молитв и приветов, из глубины истосковавшейся души сообщаем, что мы, слава Аллаху, здоровы. Да сохранит и Вас Аллах Всевышний в добром здоровье и да присудит нам очное свидание в скором будущем. Далее, да не останется сокрытым то, что письма Ваши дошли до нас и стало ясно все, что в них написано. Да будет Аллах Вами доволен за то, что вспомнили нас и написали. Все друзья-знакомые очень обрадовались Вашим приветам, помолились за Вас. Они всегда помнят о Вас.

По поводу нескольких ваших вопросов я досконально расспрашивал у знающих людей. В Кашгаре весь контингент гарнизона составляет двадцать тысяч солдат. В Яркенде, говорят, столько же, в Хотане меньше — пять-шесть тысяч, в Аксу — двадцать тысяч. Из Аксу контингент расходится во все стороны Алтышара. В Турфане не более одной, двух тысяч.

В Бадахшане есть река Заравшан. Течет с гор, называемых Алай. В тех горах добывают (копают) золото. И, оказывается, отводя воду [реки] в сторону Бадахшана и бадахшанцы промывают золото из песка и золото это привозят в Яркенд, где обменивают на чай. И еще, говорят, из Бадахшана в Яркенд, привозят ладжуард (ляпис-лазурь) и лал (рубин, яхонт). Кроме этих двух камней (самоцветов) других вещей [в горах Бадахшана] не добывается. В Тибет возят анашу и бирюзу. Из Тибета, говорят, поступают товары: опиум, красная козловая кожа. Сколько ташей составляет расстояние между Кокандом и Кашгаром, не знают. Говорят, ходят то этой, то другой дорогой. С вьюком из Коканда в Кашгар добираются за шестнадцать дней. Быстрым ходом из Оша в Кашгар приходят за шесть дней. По пути из Оша в Кашгар делают ночевки в следующих местах: первое Лянгар, дальше Лянгара ночуют в Гульче, от Гульчи в Кызылкургане, дальше в [местности] Суфи, дальше находится ошский караул (застава) с сотней при одном юзбаши (сотнике). Глинобитных домов там более десятка, но большинство [жителей] живет в казахских юр-

тах. Занимаются земледелием. Говорят, сеют всякие посевы. Дальше ночуют в местности Атжал под перевалом Терек-даван. Шестая ночевка от перевала будет Игизак, седьмая ночевка в местности Лигин, восьмая — в Нагара-чалгане, девятая — в Куюктогае, десятая — в Кургашимкане (свинцовых копях). Там пятьшесть кашгарцев добывают свинец. В одиннадцатый день ночуют на китайской заставе Канджига. На двенадцатый день вступают в Кашгар. От лянгара до караула Канджига дорога идет среди гор. Травы, воды, топлива много. Говорят, тут расположены киргизские джайляу. О хакимах я Вам писал в предыдущем письме, наверное, получили. Здесь сейчас из самого Кашгара людей нет. Нет и Ибрагим-ходжи. Если у Вас будут еще какие вопросы, пишите. Надеюсь, сумею расспросить у знающих людей, которые здесь есть в настоящее время. Корпусной генерал приехал и уехал. Ни о чем особенно не расспрашивал, кроме как о том, кто приезжал, кто уехал. Да, напомните, пожалуйста, полковнику Карлу Кузьмичу, что, когда он сюда приезжал, то обещал: «Что бы ни привозили из Кашгара, пошлины вам не будет». Теперь хоть в исполнение своего слова, хоть из проявления милости, пусть нас освободит от пошлины. Вы, посоветовавшись вдвоем, доложите, пожалуйста ему об этом.

|| Мне стыдно перед семипалатинцами, которые говорят, съездил в Кашгар и не мог добиться отмены пошлины в триста шестьдесят тянга. Деньги эти вообще-то ничего не значат, мы и по дороге давали киргизам около тысячи тянга. Мы всего-навсего купцы, а ваше дело государственное. Для государства это не слишком большой урон. Может быть, напишите и самому министру. Вы, дорогой наш господин, и так много милостей нам оказываете; конечно, воля ваша писать или не писать, но надежда — наша. Корпусной о нас забыл, ни словом не проявляет нам свою милость. Миркурбан-бай крепко надеялся, что он исполнит свое обещание; не вышло. Он докладывает вам, что, рискуя головой, оставив родной город, ездил с товарами в Кашгар в надежде получить достойное признание своей службы. Не получилось. Что нам делать, то ли приехать в Омск к Вам и, посоветовавшись с Вами, еще послужить Вам, то ли остаться, вверив все Вам самим. Мы думаем предпринять дело, посоветовавшись с Вами и подполковником. Впрочем, Бог сам знает лучше. А наше намерение в настоящее время такое: в ближайшие дни поедем к Вам, а если не поедем, то все равно сообщим Вам. Под действием огорчения Миркурбан-бай упросил меня написать эти слова. Со следующей почтой о многом напишем Вам; надеемся, что найдете приемлемым. Ждем Вашего благословенного письма.

Написано пятого дня сентября 1859 года.

Миркурбан-бай Кутыбай и Мусабай

Первая отчетная записка Мусабая

23 января 1859 г. в Кашгаре куплено нами всяких товаров:

|| Два куска красного ситца по три тилля кусок — на шесть тилля.
Один кусок катта — хасы — за 2 тилля
Один кусок алвана — за 2 тилля шесть тянга
Один кусок шелк-ситца — за 1 тилля
Один кусок волосяного ситца — (кили чит) — за полтора тилля
Девять аршин ситца — за полтилля
Агабану белой — за семь тянга
Агабану с одним узором — один тилля с четвертью
Один белый чекмень — шесть тянга
Один красный чекмень —8 тянга
Один большой серый чекмень —6 тянга
Один небольшой серый чекмень —3 тянга с половиной
Три связки маты по четыре отреза [в каждой связке] по одной тянга девять пулов, всего за 3 тянга 27 пулов
Еще три связки маты по пять отрезов [в связке] по два тянга десять пулов всего 6 тянга 30 пулов
Одну связку маты в четыре отреза за 8 пулов
Еще два отреза подкладочного ситца по 1 тянга 5 пулов 2 тянга 10 пулов
Одну аксуйскую кожу по цене 8 тянга
Две подошвенных кожи аксуйских за 2 тянга
Одну скатерть за полторы тянга
Один индийский хром за 5 с половиной тянга
Кусок симсу-маты за 1 тянга четыре пула
Всего куплено в розницу за 57 тянга три четверти и 30 копеек на серебро 17 тянга 36 тилля

Вторая отчетная записка Мусабая

В Кашгаре продали:
|| Сукна высшего сорта фабр. Зелинского шириной два с половиной аршина на 23 тилля —25 аршинов
Корнового сукна шириной два с четвертью аршина на 17 тилля — 22 аршина.
Двухаршинного сукна фабрики Алексеевского — на 14—15 тилля.
Низкосортного сукна мясного цвета — на 10 тилля.
Красного сукна низкого сорта — на 7 тилля,
[Отрез] ситца высшего сорта — на 2 тилля, [отрез] коленкора в 15 аршинов, фасулина — на полтилля.
Фасулина Якуби Ивановских [фабрик] — на полтора тилля.
Нанки Мединцева — на полтора тилля и китайки Ремезова.
Пестрой нанки — на $^3/_4$ тилля.
Тика крупного полосатого кустарного производства — на 4—5 тилля.

Выдры высокосортной по семь тилля, среднего качества по пять с половиной тилля.
Бархата и плюша — по два, два с половиной тилля аршин.
Холстинки — на 1 тилля.
Кожи выделанный — по 10—11 тилля.
Опойки на 1 тилля.
Сундуки и всякую мелочь раскупили хорошо. Восемь пудов железа стоит 5—6 тилля.

Письмо Исмаила Габдулмажитова

20 августа

Именем Аллаха Всевышнего

|| Вам, дорогому и уважаемому, благородному, благожелательному спутнику в трудном пути Чокану-мырзе много приветов и добрых пожеланий посылает Исмаил Габдулмажитов, живущий торговлей в Алмате. Да умножит Бог Всевышний Ваше счастье и могущество и да присудит нам очное свидание. Мы сейчас пребываем в Алмате в добром здоровье и благополучии. Если бог присудит, в пятых числах сентября думаем ехать в Ташкент с чаем. Если у Вас будут поручения для нас, то, пожалуйста, срочно напишите в Алмату, мы там будем прислушиваться к разным вестям и по возвращении оттуда напишем Вам. Теперь Чокан-мырза, Вам самим известно, по пути в Кашгар мы совместно испытали много и хорошего и плохого. Потому обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой вымолвить слово и о нас, Вашем покорном слуге Его превосходительству корпусному командиру. А может, будет стыдно? Тем не менее, было бы большой милостью и добродетелью с Вашей стороны, если бы дали знать ему и о нас. Людям, бывшим на государевой службе, государство оказывает много щедрот и благодеяний. Потому и мы уповаем на Ваше благородство. Если спросите о моем происхождении, то я родом из аула Кичи-Кау Мамдальской волости Казанского округа Исмаил Габдулмажит-оглы.

С пожеланиями Вам счастливой жизни написал Ваш слуга *Исмаил Габдулмажитов.*

20 августа 1859 г. из Алматы.

ШЫҢҒЫСТЫҢ ШОҚАНҒА ЖАЗҒАН ХАТЫ

Бірінші хат

6 июль 1860 ж.

Сүйікті ұғылым Мұхаммед-Ханафия, һам Абіл-Мақыжанға, дұғай сәлемлерімізді ерсал айладық. Бізден хал сұрасаңыз алхамдилла сағ сәлеметмізлар, бұ дәмгеше, мұндан әрі әмір алланікідур.

Сіздің апрельдің 14-інде жазмыш мұбәрак сәлем хатыңызды майдың 27-інде жолығып*[16], бәршаларымыз шад олдық. Алхамдлилла, ахырының хайырын берсін.

Бұл сәлемден бұрын Карл Казимирович екі сәлем біздерге жазып, сіздің хақында, бек қуандырды.

Әуелі Петербордан бір жанарал, бір сенатордан қағаз алып, сенің хақында, Густав Ивановичке беріпті. Бұлар өзіңе сәлем жазған екен. Сен газет(ке) жаз(ыл)мақ хақында айтқан екенсін, Карл Казимирович газетті алатұғын кісілерді әрбір дуаннан даярлауға азаптанып жатыр. Өзі барша жамағатлары білан Баян-Аула, Қарқаралыға кетті. Жақып пен Мұқанға сенің сәлем хатыңды көрсеттім. Алар саған керек нәрселерді жимаққа жаһаттанып жүр.

Қарындасың Рахияны майдың аяғында күйеуіне ұзаттық. Хұдай тағала алды-артын бақытты қылып, хайырын берсін.

Өздеріміз үшбу күнде дуаннан елге қайтпаққа тұрмыз. Военный губернатор келіп, ревиз қылып, һам бізге, Ғафарға, Табай баласы Тастенге сайлау қылдырып, бәрша жұрттар бір иттифақта болып, үшімізді алмастырмайынша өз орындарымызға қойдылар.

Қайтуда бригадный [генерал] Волков сәлем айтты, адъютант Нестрев, Кури сәлем айтты. Және біздің тойға дуанға полковник Майдель келді. Сіздің жақсы болғаныңызға һеш шама жоқ шад. Сізге қарағанда бек ыхласты, көп сәлем айтты. «Қашанда тілектемін, ұзын ғұмыр мен бахыт бермекні» деді.

Өзімнің саған уәде берген жылында бір жібермек ақшаларды даярлап қойдым. Бірақ хұдаға тапсырдым: жақсы жүр, ішкіліктен сақ бол. Әгарда бір үйренсең қайтып құтылмақ қиынды.

Габбас ұлы Шеспені білесің бе? Мақының портретін есендік болса тез жіберіңіз. Жалқаулық қылма, уақтың болса сәлемді біздерге көп жазып тұрғайсын. «Жырақ жерден жақын көңіл» деген.

Адъютант Соколов, Клименко һам Кривоногов көп сәлем айтадұр.

Өткен қыс күні февраль айында Омбыға бардық. Жанарал-губернатор бек хұрмет қылды, сізді көп мактады. «Хұда ғұмыр берсе — көп алысқа барур» деді.

Мұса, Шалғынбай, біздерді благородное собраниеде» жанарал губернатор бек зор қонақ қылды. Бәрша төрелер жиылды. Һам музыканттарды шақырды. Анда адъютант Фридрихс білан таныстым.

Бұ күнде жанарал-губернатор Алматы — Қапалда, үйілдің аяғында қайтпақ.

Және хұда есендік берсе, әгәрда мүмкін болса, ақсүйеклікті, яғни княздықты іздеп қараңыз. Бекер қарап жатпағайсыз. Өздеріңізге жақсылықты іздеңіз. Бұ істі көптеп-көп тапсырамын. Және біздің диплон [диплом] бек ұзады, қолға тимеді. Оны сұлық

*[16] Жолығып, жолықтырып, алып.

білдіруге мүмкін болмас па екен? Және Тарханға, Мүфти-задаға, Хисамеддин Шашабайға, мистр Жәнгір ханның молласына шоқ сәлем айтыңыз, әгәрда бар болса.

Мақының сұраған «пояс» дегені не нәрсе екен, оны бізге жазыңыз. Бұқаш, Мұсабай екісі бізге екі [рет] сәлем жазған. Бұрынғы жазған сәлеміне жолықпадым, соңғысына жолықтым, жиырма сегіз күнде менің қолыма тиді. Әгарда рас болса, падша хазіреті аларға бек көп анғам берген-хорунжі шенін, алтын медаль, әр қайсысына 6 мың теңге ақша. Жанына еріп барған жолдастарына және анғам күтіп тұрамыз депті.

Мұса мырзаға мен айттым: Шоқан айтты «ақшадан болмаса да жылудан болды»— деп. Бек қызарып ұялды. Ол айтты: «Бір қытайдың паруазы бар екен, маған бермеді, сізге алып кетті» деді. Мен айттым: «Маған (да) берместен Петерборға өзі бірлән алып кетті» дедім. Онан соң көңілі хош болды.

— Мен өкпе қылған едім, атасынан бізді кем көреді деп ойлаған едім. Әгарда өзі алып кетсе, бекер кінә қылған екенмін — деп, пышайман болды. Хұда бұйырса биыл сізге көп ақша жібермек уәдасы бар.

Және маған жазыңыз: Петерборда қандай адамдардан өзіңізге дос-жар кісі таптыңыз? Санияр анда барды ма? Осиповке сәлем айтыңыз, сізге жолыққандай болса.

Және Мақы сізді таныды ма сұрамайынша, яки жоқ па! Екі Махмұд бүгінде бізде қонақта. Әгарда Петерборда оқитын бір жер тапсаңыз жақсы болар еді.

Мұнда сіздің хатыңызда жазған газетті бек мақтайды. Полковой Шишкович [сен туралы] маған сәлем айтыпты, қуаныш қылып.

Және Қасым баласы Көшек сұлтан пуданлық сұрап мұнда келген. Мен военный губернаторға жолықтырдым. Алар жанарал-губернаторға мағлұм қылды. Әгарда қабыл қылса хабар бермек. Банабан тез Омбыға өзім бірлән алып барсам керек.

Және Саржан баласы Қошқарбай Қатенин жәрдемі бойынша падша хазіретіне кетті, һам Мұқан сұлтан, би Бірімжан деген баласы бірлән. Аларны анда инша-алла, көрсеңіз керек. Және форт Перовскийдің қасындағы елдерді, һам керуенді қоқандықтар шауып, талап алып кеткен. Анда Кенесары балалары бірге ерміш.

Және өздеріңіздің есендіктеріңізді көбірек жазып, білдіріп, қуандырып біздерді тұрсаңыздар ақшаны да көбірек жіберермін, әгәрда аз жазсаңыз ақшаны да аз жіберемін.

Дәю, әр дайым хұдадан есендіктеріңізді тілеп жазғұшы атаң сұлтан

Шыңғыс Уәлихан ұғлы

Р. S. Тәті, Қанғожа, Жақып, Мұқан, Киікбай, Жүсіп сәлем айтады.

Бір шеркештің күмісті шашкесі керек, иінге арта салатын белеуімен. Ақшасын хұда берсе жіберермін.

Первое письмо Чингиса*[17]

6 июля 1860 г.

Дорогой мой сын Мухаммед-Ханафия и милый Абиль-Макыжан. Шлю Вам наш привет и наилучшие пожелания. За сим, коли хотите справиться о нашем житье-бытье, то, слава богу, до сей минуты живы и здоровы, а будущее во власти аллаха. 27 мая, когда получили твое осчастливливающее письмо от 14 апреля, радовались всей семьей. Пусть и впредь аллах благодетельствует нам. До получения письма мы про вас знали от Карла Казимировича, он писал нам два письма о тебе, тем очень обрадовал нас. Еще о тебе знали из петербургских писем одного генерала и одного сенатора, которые были адресованы Густаву Ивановичу[1]. Ты писал (Гутковскому) относительно подписки на газету. Карл Казимирович старается, как можно больше завербовать подписчиков во всех окружных городах. Ныне он со всей своей семьей поехал в Баян-Аул и Каркаралинск. Твое письмо дал прочитать Жакупу и Мукану[2]. Они стараются как можно скорее собрать нужные тебе материалы.

В конце мая мы проводили твою сестру Рахию в дом ее мужа. Дай бог ей счастливой семейной жизни и радости материнства.

Сам в настоящее время собираюсь домой из Кокчетавского приказа. Приехал к нам военный губернатор, произвел ревизию, устроил перевыборы мне, Гафару, Табееву Тастеню[3]. Народ единогласно избрал нас всех троих на прежние должности без перемещения.

Бригадный генерал Волков[4] перед своим отъездом просил меня передать тебе от него привет, также кланяются тебе адъютант Нестеров и Кури.

На наше торжество приехал в окружной приказ полковник Майдель. Он искренне радуется твоим успехам так, как, пожалуй, не радовался бы успехам родного сына. К тебе он очень расположен, шлет сердечный привет, говорит: «Я всегда желаю ему долгой и счастливой жизни!».

Обещанные мной тебе деньги на годовое содержание я уже приготовил. Но поручаю тебя единому аллаху: веди себя примерно, остерегайся выпивки, привыкнешь к этому пороку, то отвыкнуть потом будет очень трудно.

Знаешь ли Габбасова Шесбе[5]. При первой возможности пришли нам снимок (фотокарточку) Макы. В свободное время не ленись писать нам почаще. Ведь не зря сказано: «Дальнее расстояние — не помеха близкому сердцу».

Адъютант Соколов, Клименко и Кривоногов[6] низко кланяются тебе. Зимой, в феврале месяце, ездил в Омск. Генерал-губернатор оказал нам большое почтение, при этом очень похвально от-

*[17] Здесь и далее перевод с казахского А. Х. Маргулана.

зывался о тебе. Говорил: «Дай бог ему здоровья, он продвинется далеко!».

Генерал-губернатор по случаю нашего приезда, т. е. моего, Мусы и Шалгынбая[7], дал обед в Благородном собрании. Собралось все высшее начальство, играл оркестр. Там я познакомился с адъютантом Фридрихсом.

В данное время генерал-губернатор находится в Алматах и Копале и вернется оттуда в конце июля.

По возможности, если позволит тебе здоровье, постарайся исхлопотать нам титул потомственных дворян, т. е. титул князей. Не упускай благоприятного времени, добивайся этого блага, оно полезно для тебя и твоего потомства.

Создалась большая волокита с получением диплома о нашем ханском происхождении. До сих пор никак не можем получить его в свои руки.

Нельзя ли там вскользь навести об этом справки?

Передай мое почтение Тархану, Муфти-заде, Хисам-эддин Шашбаю[8], также и мулле Жангир-хана, если они все еще там.

Напиши нам, что за вещь «пойус», что просит у нас Макы.

Бокаш и Мусабай[9] писали нам два раза. Первое их письмо до нас не дошло, а второе получили через двадцать восемь дней. Насколько это правдоподобно, они пишут, что их его императорское величество удостоило большой награды — золотой медали с присвоением чина хорунжего и выдало по 6000 рублей каждому[10]. Будто бы и сопровождавшие вас лица также ждут награды.

Передал я Мусе твой привет и твои слова: «Не в порядке сюрприза, а в порядке помощи». Он покраснел от стыда. И тут же высказал мне свою обиду на тебя: «Он не дал мне китайскую вазу, повез ее к Вам». Я же сказал ему: «Он увез ее с собой в Петербург и не оставил мне». Этим он был очень доволен. Сильно огорченный своим неверным предположением, он сказал: «Я было затаил обиду на него, подумав, что он ни во что нас не ставит в сравнении со своим отцом. Поскольку он увез этот сюрприз с собой, то напрасно я обвинял его в неблагородном поступке». Он с огромным желанием готов перевести тебе большую сумму.

Напиши мне подробно: нашел ли себе друзей и из каких людей? Приехал ли туда Саньяр? Передай мой привет Осипову[11], если встретишься с ним.

Как встретил тебя Макы, сразу узнал или нет?

Оба Махмуда[12] сейчас гостят у нас. Было бы очень хорошо, если бы нашел им в Петербурге подходящее учебное заведение для получения высшего образования.

Здесь очень хорошо отзываются о статьях, напечатанных о тебе в газетах.

Полковник Шишкович[13] написал мне об этих статьях и поздравил меня.

Приехал сюда сын Касыма — Кошек-султан с ходатайством о подданстве. Я представил его военному губернатору. Тот доложил

о нем генерал-губернатору. Если последует положительное решение, то об этом будет сообщено Касымову.

Скоро [их] детей, видимо, сам отвезу в Омск.

Сын Саржана Кошкарбай под покровительством Катенина поехал в Петербург добиваться приема у его императорского величества, равно как и Мукан-султан с сыном бия Чегеня Бримжаном[14]. Наверное, ты скоро увидишь их там.

На окрестные аулы форта Перовского кокандцы совершили набег и отобрали их имущество, ограбили также караваны, находившиеся в пути. Есть слухи, что вместе с кокандцами были и сыновья Кенесары.

Пиши чаще, сообщай о своем здоровье.

Чем больше и чаще будешь писать нам о своем благополучии, тем больше и мы будем переводить денег, чем меньше будешь писать, тем меньше мы будем тебе переводить.

Всегда молящий о твоем добром здоровье твой отец султан

Чингис Валиханов

P. S. Шлют тебе привет Тяти, Хангожа, Жакуп, Мукан, Киикбай, Жусуп[15].

Пошли мне черкесскую шашку в серебряной оправе с портупеей — юнкерской. Стоимость ее оплачу отдельно.

Екінші хат

19 сентябрь 1860 ж.

Сүйікті ұғлым Мұхаммед-Ханафия бірлән Мақыжанға көп дұғай сәлем. Бағдында біздерден хабар сұрасаңыз алхамдлилла сағ сәламатпыз, мұнан әрі әмір алланікі дүр.

Сіздің ағустың 9-нда жазмыш сәлем хатыңызды сентябрьдің 8-нде жолығып, оқып, есендіктеріңізді кәміл білгеннен кейін шад хұррам болдық.

Алхамдлилла, әр қашан хұдай тағала осындай есендік блән сәлеміңізді жолықтырсын; сіздерді анда, бізді мұнда сәлемат сақтап, сәлеметтікпен қауыстырмақны хұдай тағала нәсіп еткейді.

Енді есендік берсе бір тәсріф сайын 300 теңгеден ақша жіберіп тұрармыз. Ұшбу жолда 300 теңге жібердім. Яғни ай сайын жібермекке уақыт болмады. Екінші андағы ноғайларға жіберуге мүмкін емес, аның үшін мен ноғайларға сенбеймін. Эгарда сізге ұнаса осылайша қылармыз. Бек тездікблән сәлем жазғайсыз.

Және Мұса мырзаға сізден сәлем хаттап көпе көшіріп жібердім. Мен сізге риза болармын сәлематлігіңні көп жазып білдіріп тұрсаң.

Және Мақыжанды аузынан, тамағынан көп сүй — менің үшін. Және мағлұм болсын, інің Жақыптың Жан-Мұхаммед деген ұғлы ағустың басында дүниеге келді.

Мақының портретін жасатып жібер, бек тезлік ибләп. Және,

сіз елден анда барғанда Мақы сұрамай таныды ма, жоқ па? Маған хабар жаз. Және менің саған нәсихатым: Петерборда көп ақша шығарып, мақтаншылық қылып тұрма. Мұндағы біздің халімізгер [де] бақсаң керек. Жылында мың теңге жіберу мүмкін. Енді төрт айда бір жіберіп тұрамын. Хайр бұ жіберген үш жүз теңгені есеп қылмаймын, аның үшін әр ұлықтарға танысып, араласып жүргенің үшін, награт қылып бергенім де, ақырын хайырлы қылсын.

Әрдайым есендіктеріңізді тілеп жазғушы атаңыз султан

Шыңғыс Уәли ұғлы

Второе письмо Чингиса

19 сентября 1860 г.

Мой дорогой сын Мухаммед-Ханафия и милый Макыжан!

Шлю Вам мой горячий привет. Коли хотите справиться о нашем житье-бытье, то, слава богу, живы и здоровы, а будущее во власти аллаха.

Твое письмо от 9 августа получили 8 сентября и, узнав о вашем благополучии, были безгранично рады. Дай бог и впредь всегда получать нам такие письма о твоем благополучии и здоровье. Пусть ниспошлет аллах здоровья вам там, а нам здесь и дарует радостную встречу при полном благополучии. Теперь, как буду жив и здоров, то на каждый квартал буду высылать по 300 рублей, так как переводить ежемесячно нет возможности. Кроме того, мне не хочется переводить через татар, проживающих там, ибо я им не вполне доверяю. Намерен и дальше поступать так, если ты согласен со мной. Пиши почаще, не откладывай в долгий ящик.

Копию твоего письма переслал дяде Мусе. Буду весьма рад и благодарен, если будешь писать чаще.

Поцелуй за меня Макыжана в губы и в шейку под подбородком. Да будет тебе известно, что у твоего брата Жакупа в начале августа родился сын. Дали ему имя Жан-Мухаммед. Немедленно прислали нам портрет Макы. Сообщи мне, сразу ли узнал тебя Макы, когда ты приехал?

Далее мой тебе совет: не мотай попусту деньги в Петербурге из-за тщеславия, учти и наше положение. При наших средствах могу ссудить тебя на год только тысячью рублями. Теперь буду высылать через каждые четыре месяца. Однако эти триста рублей не ставлю в счет, а шлю тебе в награду за то, что ты заимел много знакомых среди высокопоставленных лиц и вращаешься в их кругу.

Всегда желающий тебе добра, твой отец
Чингис Валиханов

Письмо В. В. Григорьева султану Валиханову

Был у Вас с визитом. Это одно, а второе то, что обер-прокурор святейшего синода граф Александр Петрович Толстой желает с Вами познакомиться и просит Вас к себе обедать завтра в 4 часа. Если Вы свободны и не прочь съездить к графу, так завтра в три с половиной часа я заеду за Вами.

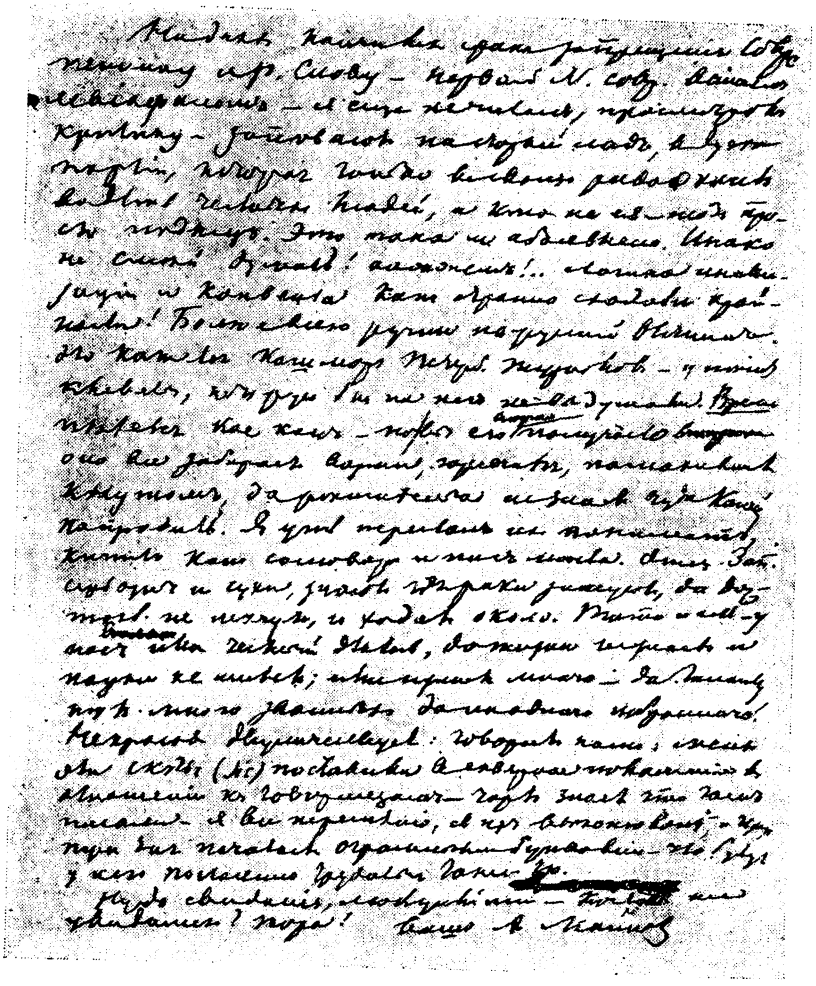
В. Григорьев

Письмо А. Н. Майкова

1863. Февр[аля] 10.

Если б Вы, любезнейший друг, знали, какую радость доставили Вы мне, когда, вынув из конверта иероглифическую рукопись, я узнал, что это от Вас письмо,— Вы бы, верно, писали мне и больше и чаще. Мы немного времени провели вместе, но я так полюбил Вас, как будто всего насквозь знаю, и нахожу только один недостаток у Вас, которым и сам страдаю,— это лень писать. У меня в семействе вспоминают Вас часто, не только жена, но и дети. Изо всего этого Вы видите, конечно, что об Вас у нас только одна фраза: что он там у себя делает? и отчего бы ему не основаться в Петербурге, с частыми, конечно, выездами туда и сюда. Я к этому присоединяю еще вот какое рассуждение: ведь Вы, собственно говоря, ученый; не знаю, что Вы можете сделать у себя, но для себя и для Европы несказанно много! а уж об России и говорить нечего! Чтобы Вам быть полезным для своего народа — извините, у Вас к тому вряд ли есть способности, а именно Вы слишком образованы и учены для своей среды, а кроме того, совсем непрактичны. Последнее — главное. Ведь среда заест, а Вы едва ли будете на кого-нибудь иметь влияние. Лучшее, что можете сделать,— это хлопотать об учреждении гимназии в степи — если хоть дворянство к этому приготовлено и желает, а хлопотать надо в Петербурге. Вообще, по всем моим соображениям, Вы должны быть здесь. Хоть скверное место — да нечего делать — устройте так дела, чтобы получать здесь из дому деньги на прожиток, да и приезжайте сюда. Другое дело, если бы Вы там в Азии состояли на службе, если б с Вашими идеями совпали наши дальнейшие действия в Средней Азии и клонились бы к обоюдной выгоде народов, но ведь Вы, кажется, совсем в стороне и ничем таким не занимаетесь.

Вы спрашиваете, что у нас в литературе, в обществе? Вопрос, на который отвечать трудно: подробности осаждают и заставляют терять взгляд на целое, я же всегда люблю смотреть на события с высоты птичьего полета, знать все карты у всех партнеров и рассматривать каждый факт как историческое явление. Вследствие этого я не мог и не могу встать сам ни в каком лагере. Да поэту, ей-богу, и не следует, ибо поэт есть вместе и философ, а

Письмо А. Н. Майкова к Ч. Валиханову 10 февраля 1863 г.
(Автограф).

уж никак не уличный боец. Но у нас есть и философы — уличные бойцы, философ — и последователь какой-нибудь крайней теории! да совместимо ли это? Философ — это результат всего прожитого человечеством; все явления дня — он должен знать их смысл и смотреть на них как на явления, повторяющиеся всегда и везде в истории в известный период общественной жизни. Ведь Вы отчасти тоже философ — вот почему сомневаюсь, чтоб могли быть полезным деятелем дома: Вы еще не нужны там, то есть там нужны двигатели закала попроще, а Вы уж, как ни вертитесь, принадлежите Европе. Совмещая в себе цвет европейской образованности и науки с ученостью Востока, Вы должны Европу знакомить с Азией, а для Азии ничего не сделаете, разумеется, покамест. А звено между Азией и Европой — Россия. Вы и должны на нее смотреть как на разумное поприще Вашей умственной деятельности. Еще время не пришло для Ваших родных степей, чтобы им нужны были деятели такие, как Вы. Вы очень воздержаны в описании того, что Вы делаете, но я вижу Вашу жизнь, друг мой! вижу и глубоко за Вас страдаю! Не смейтесь надо мною: я горячо полюбил Вас! да и не я один.

Вот — я зову Вас в Петербург, а кроме грустного — гнусного ничего об нем не могу сказать! Впрочем, говоря вообще, хоть и трудно жить в наше время, но все-таки мы с гордостью можем говорить об историческом периоде, который переживаем. Освобождение крестьян повлекло ряд преобразований, которые дадут нам физиономию образованного народа: наши революционеры смысла не имеют и просто противны, ибо стоят на воздухе, декламируют вздор, а главное, невежды и в науке и в жизни. С другой стороны, бесят Вас люди в правительстве, которые им придают значение и смотрят на них как на опасных людей. Да пустите их на все четыре стороны! Боятся, что эти мальчуганы народ взбунтуют: взбунтовать народ против царя, который его освободил и несказанно улучшил в быте! да народ их свяжет и представит, если не изобьет как недобрых людей. Вот эти, с одной стороны, мальчишки, с другой — старцы отравляют вам дни! И, несмотря на это, руководящая временем и общим ходом события мысль идет и не останавливается, и за это воздаст хвалу история виновнику. Вот Вам общий очерк положения, от подробностей увольте.

Перехожу к себе. Я все живу так же, как Вы видели. Написал без Вас много: 1. «Неаполитанский альбом», см. «Отеч[ественные] записки» за декабрь 1862 и 2. «Смерть Люция», вторую часть поэмы «Три смерти». Это — серьезная вещь. Жалею, что не могу прочесть ее лично Вам — не знаю еще, где она будет помещена. Я уведомлю Вас, где она будет напечатана[1], и попрошу, если прочтете, написать, как Вы ее нашли — в ней все мною прожитое и вынесенное из жизни, хотя краски и взяты из древнего мира, но у меня взята переходная эпоха, и мы живем в таковую же; нисколько не натягивая и избегая даже эллюзий, я чувствую, что нашел рамку, в которую вложил весь результат моего опыта. Бра-

ни ожидаю много — именно за свое объективное отношение к лицам. Вы поручаете мне хлопоты о Ваших трудах. 1. Корш[2] просит сказать, что с распростертыми объятиями встретит все, что Вы доставите; 2. О сказках редакторы предлагают вопрос — в каком у Вас они виде? в виде обработанных статей или сказки in crudo*[18]. Во всяком случае присылайте мне все, что у Вас есть, и уж будьте уверены, я буду хлопотать как о своих собственных вещах, даже более, ибо хлопотать о своих вещах не мастер[3].

На днях кончился срок запрещения «Современнику» и «Р[усскому] слову». Первый № «Совр[еменника»] вышел левиафаном[4]— я еще не читал, просмотрел критику — запевают на старый лад, в духе партии, которая только в своих рядах хочет видеть честных людей, а кто не ее — тот просто подлец. Это так и объявлено. Инако не смей думать! сожжем!.. Логика инквизации и Конвента. Как странно сходятся крайности! Более всего ругни на «Русский вестник». Это, кажется, кошмар петерб[ургских] журналов — и нет клеветы, которую бы на него не выдумали.[5] «Время» плетется кое-как,— но Вы его, верно, получаете,— оно все забирает возжи, горячится, помахивает кнутом, да решительно не знает, куда коней направить. Я уж перестал их понимать: кипит, как самовар, и ни с места.[6] «Отеч[ественные] зап[иски]» серьезны и сухи, знают, где раки зимуют, да достать не могут, и ходят около. То-то и есть — у нас или честный деятель, да жизни не знает и науки не имеет; или и знает много, да таланту нет: много званых, да ни одного избранного! Некрасов двуличествует: говорит нам: меня эти скоты (sic) поставили в скверное положение в отношении к товарищам — черт знает что там писали — я все переменю, я их выгоню вон, и через три дня печатает огромными буквами, что будут у него постоянно трудиться такие-то.[7]

Ну до свидания, любезнейший, когда же увидимся? Пора!

Ваш *А. Майков*

Бірінші хат

7 апрель 1863 ж.

Ғиззатлу уә хұрмәтлу Сұлтаным Шоқан төре хәзрәтлері.

Февраль айының алтыншы күнінде іазған хатыңызды алып саламатлік хабарыңыздан көп қуандым, көп илларға есен-сау болуп жұртыцызға файда келтіре тұрған болғай едіңіз деп тілаймін. Өзімнің саулығым бұ қыцда бек іахшы болды, бір де ауырмадым. Аллаһу ағлам қымызның файдасы ма деймін.

Алла іарылғасын, өзіңізга, қымыз ішарға шақыруп іазупсыз, ләкин бу ійлға тағу баруп болмас. Біламін, өзіңізга мағлұм мен фақир кіші, һам жамағатлі кіші, қолымда пұлым іоқ. Сізнің та-

*18 В первоначальном виде *(лат.)*.

рафқа барғанда аз болса іүз, яки іүз еллі тәнга артуқ хәрж керек. Бұ іыл университетден ақша алурға іол болмады. Өткен іыл дорт іүз беруп еділар. Сол сабапдан бу іыл іана Жангир балаларының үйіне барурға деп тұрамын. Майның он бешларінда анда болайым деймін.

Өткен іыл университетден маңа «прошение» бар еді. Қазақ тілінің лұғатына сөзлар жиярға, һам грамматикаға материал жиярға, яғни «грамматически» сөзлар, жұмлалар, милалар, хикаятлар, өләңляр. Мен екі мың қадар сөз жидым, көбі фразы, уа һәм ауыздан ешітуп (иазган) хикаятлар, мысаллар, өлеңләр, уа ғайри.

(Бу) іылы бунларны ретке кетіруп қойдым. Ләкин, мұнный ішні бірдән іахши қылуп болмайды. Өзіңіздай бір дана кіші бірлән кеңешуп етмесе, іахшы болмас. Шоның үшун Сізнің иаққа баруны бек тіләгән едім, ол болмады. Енді бу іазда тағы шол ішларімні такрар қарап, біраз толтуруп, машғұл болурға тілаймін. Таңірім не берур. Келур іылға университетден ақша берурміз деп уағда қылалар. Ол уақыт сізге баруны қатты ниет қылуп тұрамын. Сізнің іардаміңіз болса менің хызметім бәлки бірер ішке іарай қояр. Болмаса көп іаман болур.

Ильминский Қазанда бір кішкәнә қазақ лұғат кітабін бастырған. Көп іахшы емәс. Лұғатлары аз, мың іарымдай болур ми? Тағы би бар; бәғзы сөзларының мағынасы ішкі Ордалық, қазақ тілінең башқа. Мұндан мағлұм боладұр қазақ тілінде һам турлу жұртда фуркалар болмақ керек. Аның үшун Ильминский қазақ тілін бек іахшы біладұр хәта қылған деп ойламақ болмайдұр. Дахы ішкі Ордалық Жангір хан іардімі бірлән ноғай болупту. Бізнің ноғай билән сөйлаганда ноғайша сөйларга тырушылар. Шол сабапдан лұғатқа сөз жиярға ішкі Ордалық іахшы емес.

Тәңірі іарылқасын, мендәгі дәфтәрларні іазуп алурға рұқсат беріпсіз. Хазір іазуп бітірганім іоқ, бітіргандан соң Романовскийге берурмін.

Басылған «Инжил» тәржімасы Петерборда іоқ, һәммасы Қазанға ібарілган. Менім өзімде «Апостол» ғана бар. Тәңірім ұйырса Қазаннан «Инжил» алып, һам «Апостолны» һам «Катехизисні» бірге ибарурмін... Хазір іазғаным, қарағаным іоқ.

Ол сізнің дәфтәрларіңіз арасында «Көкетай хан» ертагісі қазақ ертагісінен біраз башқарақ көрінадур. Аны сіз қайдан алдыңыз? Ол сізнің жұртларда бек мешһурми? Шоның хикаятыны іазсаңыз екен деп өтінамін. Іахшы нәрседай көрінадур, мәрхәмат етіп мұны іазсаңыз іахшы болур еді.

Қазақның бұрынғы замандағы «судопроизводствосыны», һам ханларының, билерінің праволарыны, һам мирас хақындағы заңларыны, қарындашлық хұқұқларыны, той, байрам ғадатларыны, бек ару қазақ тілінде язсаңыз еді, мен мұны хрестоматияға язар едім. Андан екі түрлі фаида болур еді: һам тіл үшін, һам этнография үшін. Бу айтылғанларни сізнің ісіміңізден бастурур едім. Өленләр керек емес, олар көп бар.

«Көкетай хан» хикәятыдай тарих хикаятлары болса әлбәтта іахшыдур.

Өзім бу қышда бек қысқа ғана Қазан татар тілі грамматикасыны «премияләр» білән литография қылдырдым. Ләкин өзім орысша іахшы білмаймін. Бір студентка түзетурга беріп едім, ол да тіл білмай тұрған кіші икан, шол сабапдан іахшы болмады.

Өткен іыл Симбир губерниясында бұлғар ташларындан үш таш таптум: Алардан «снимка» алуп шол хүсусда бір статья іаздым: Шол күнләрдә Археологическое Обществоның журналында басылып шығар. Бу статьяда мен Исбәт етдім түгіл, бұлғар Ташларындағы «Жиат жүр» деген сөз түпта арабша түгіл, анаграмма просто. Татарша «жиа жүз» (йеті йуз» деп шыққан. Сізге ібарурмын.

Вельяминов екі іылдан бері «Касымский тахиры» бірлән машғұлдур. Бу күнләрдә әувал желд шықты, маңа бергені іоқ. Егер екі нұсқа берсе, бірісін сізгә ибарурмин, һәммәсі үш желд болашақ, 100 табақтай бәлки 120 табақ бұлур. Һәм мен бұл іылда Иран падшаһаларының көрші ханлар бірлән болған «сношенияларындан» 25 дана хатны фарсыдан тәржіме қылдым, ол һәм мазкүр журналда басылур. Бу іай күнінде ғұмума түркі уа татар тарихы хүсусда Қазақ тарихыны бек қысқа (около 10 листов) етіп, жиып басатурурға тіләймын. Бұ хүсусда һәм сізнің ярдамыңызні сұрарға керек болур.

Лерхны бұл іақынларда көрғәным іоқ. Ол біздей кішіләр (ні) білмей тұрған, ғылымлік білән машгул кіші. фи л-уақиғ бек коп «сведениясы» бар.

Университетләрнің низамы іаңидан бола деп айталар. Біздің факультетде іаңа кафедр артық болашақ (история Востока); білмамін, мұна кім профессор болур. Мұнда іахшы кіші керек болур. Березин болми? Һам штат арттыр деп айталар. Березиннің шаруқ тілларына уа ғылымларына мүтәғалиқ тәснифләрі шыққаны іоқ, литераторлық роліні ойнайдур. Башқа ориенталислар юқлайлар.

Лама бишара хазыр бек ағру, көкірегі ағрыта дұр. Хәтта төшектен тұрарға халі іоқ. Білмаймін не болур. Казембек «Шариғиат Мұхаммәдия» кітабларыны тәржіма қыладур, аристократлық роліні ойнайдур».

Азада фікір иесі яшлар бұл іыл біраз басылуңқырап тұралар. Бұ уақытқаша бізнің университеттен екі факультет ғана ашық; бізнікі де, математический. Бу іыл ағұста һәммасы ашылур дейлар.

Бу қыш жылы болды. Қыш болмады десе болур. Хазыр Нева бұзы да кетті. Бу күнләрдә һауа бек іахшы.

Біз Вельяминов бірлән қазақ тілі білән машғұл болмақшы едук, ол бұ ішні қалдырып тұрадур. Білмаймін мұна дахы кірішурма екен? Қырым ханларының іазулары басылып бітті. Лекин Вельяминовның уақыты болмай, предисловие язылмағанына күрә типографиядан шыққан іоқ. Керек болса аннан һәм бір нұсқа ібәрәрмүн.

Бу іыл Қазан уа Симбирск губернияларында бір екі ай күр юрурәг тілаймін (ғылым үшін), анда бір нәрсе табылмас ми?

...Бу сізнің һуммәтіңіз түгіл ми? Сізнің анда начальство білән булған уақиғаларыңызны біз һешда білмайміз. Алла разы болсын, йазыңыз. Мирза Ғұбайдулла сәлем дейді. Мұнда дахы бір хабар яқын арада Қазандан Махмудовтан хат алдым. Анда бірнеше кішілер (татарлардан) татарша газет бастыруғаа тырышуп йұриләр еміш. Бу хүсусда прошение беріптелар. Білмаймін начальство рұқсат берур ми? Бұ хүсусда тафсил білмәймін.*[19] Бу сафар Қазанда білішурмын. Мархамет етуп маңа хат язғандай болсаңыз Ханская Ставкаға языңыз, керек Плотников есіміне, керек Ахмед-Керей Булаев есіміне. Алар маңа тапшұрурлар. Плотниковтың есімі Лев Николаевич. Ағуст башларында Қазанда болурмын. Ол уақыт гимназия учителі Александр Михайлович Махмудовқа язулур. Сізнің кеңешләріңізні бек қыммытқа санаймун. Менім ниетлерімде кеңашларіңіз бірлән әмдад*[20] қылмақыңыз умиддур.

Язғушы Меһтар *Хүсаин бин Файзхан*

Первое письмо Хусаина Фаизханова Чокану*[21]

7 апреля 1863 г.

Глубокоуважаемый и дорогой мой султан Шокан!

Получив Ваше письмо от 6 февраля (1863) и узнав о Вашем здоровье, я был чрезвычайно обрадован и хочется пожелать, чтобы Вы всегда были в крепком здравии и долго служили своему народу.

Здоровье мое за прошлую зиму было отличное, ни разу не болел. Аллах лучше знает, но польза кумыса налицо. Да создатель Вас наградит за то, что Вы пригласили меня к себе кумыс пить. Однако и в этом году мне не удастся съездить к Вам. Я хорошо понимаю, и Вы сами знаете, что я бедный человек, да и семейный, не имею никаких средств (для поездки) к Вам. Для того, чтобы поехать к Вам, необходимо иметь минимум сто пятьдесят рублей запасных средств.

В этом году мне не удалось получить субсидии, в прошлом году университет мне давал четыреста рублей серебром. А потому я решил и в этом году поехать (в гости) к детям хана Джангира. Там буду, вероятно, около середины мая.

В прошлом году университет мне поручил собирать материалы для грамматики (казахского языка), т. е. грамматические слова, предложения, басни, рассказы (сказки) и песни. Я собрал около двух тысяч слов, большинство их — фразы, а также рассказы, басни, песни и другие, записанные по устной передаче. Весь этот материал я обработал в этом году. Безусловно, подобную работу сразу отчеканить невозможно. А потому у меня было сильное же-

*[19] *Тафсил (араб.)*— толық.
*[20] Жәрдем, көмек.
*[21] Перевод с татарского А. Х. Маргулана.

лание поехать к Вам и посоветоваться с Вами. К сожалению, мое желание не увенчается успехом. Теперь ныне в летний период я намерен тщательно проверить данную работу, местами ее уточнить и дополнить. Что даст аллах?

На будущий год университет обещает мне деньги. В таком случае имею большую жажду поехать к Вам. Если Вы окажете мне помощь, то моя работа,наверняка, найдет себе применение, в противном случае будет очень плохо.

Ильминский в Казани издал небольшую книжонку по казахскому языку, но со многими недостатками. Словарь очень бедный, всего, пожалуй, не будет около полутора тысяч слов. Еще толкование неверное. Значение многих слов построено на основе говора Внутренней орды и совершенно чуждо казахскому языку. Отсюда и можно понять о наличии диалектальной особенности в казахском языке, как и в языках других народов. Ибо Ильминский хорошо знает казахский язык и не приходится думать, что все это сделано по незнанию.

Ко всему этому книжка дает понять, как казахи Внутренней орды с помощью хана Джангира отатаризованы. Когда они разговаривают с нашими татарами, то они стараются говорить на татарский лад. А потому материалы для казахского словаря во Внутренней орде собрать невозможно.

Глубоко благодарен за то, что вы предоставили мне возможность снять копии Ваших (восточных) тетрадей, находящихся у меня. Я еще не кончил их копировку, как кончу, так передам Романовскому. Перевода Библии в Петербурге нет, весь тираж отправлен в Казань. У меня имеется только «Апостол». Если всевышний окажет мне милость, я куплю Библию в Казани и вместе с «Катехизисом» пришлю Вам... Рукопись еще не смотрел и копии не снимал.

Среди Ваших тетрадей особое внимание заслуживает сказка о «Кокетай-хане»[1], которая несколько отличается от казахских сказаний. Откуда Вы ее достали? Может быть, эта сказка очень известна в Вашем народе? Я очень просил бы об этом сообщить мне. Видно, она не из заурядных вещей. Было бы замечательно (и Вы оказали бы мне большую милость), если бы Вы рассказали мне историю (записи) этой сказки.

Было бы также чудесно, если бы Вы написали красивым казахским языком о древнем судопроизводстве казахов, судебных решениях казахских ханов и биев, имущественном и семейном праве казахов, а также народных обычаях, связанных с общенародным синклитом и разными торжествами. Я бы их включил в (мою) хрестоматию. Из этого была бы двойная польза: и для лингвистики, и для этнографии. Я бы их опубликовал, конечно, от Вашего имени. Песни не нужны, их очень много. Безусловно, было бы лучше иметь побольше исторических сказаний, вроде сказания о «Кокетай-хане».

Что касается меня, в эту зиму я составил краткую грамматику казанского татарского языка и литографировал ее. Но русский язык я хорошо не знаю, а потому просил одного студента выправить мою рукопись. К моему несчастью, этот студент оказался профаном, и работа вышла очень скверная.

В прошлом году в Симбирской губернии мною найдены три надгробных камня древних булгар, с которых мною сделаны эстампы, и написал [я об этом] статью. Статья эта ныне печатается в журнале Русского археологического общества. Однако в этой статье я не задавался целью прокомментировать значение надписей. Выражение «жиат жур», встречаемое в булгарских надписях, в основе не является арабизмом, а просто анаграмма [перестановка слов] и вышло на татарский лад «жиат жуз»— йегі йуз (семьсот). Надеюсь, пришлю ее Вам.

Вельяминов-[Зернов][2] уже в течение двух лет занимается историей касимовских [татар]. В настоящее время вышла из печати первая ее часть в объеме ста, пожалуй, ста двадцати печатных листов. Но он еще не дал мне авторского экземпляра, если получу два экземпляра, один вышлю Вам.

Еще одна новость, в этом году я переводил 25 грамот иранских шахов, отражающих сношения Ирана с соседними ханствами. Перевод мой будет опубликован в вышеупомянутом журнале (т. е. в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества»).

По части общей тюрко-татарской истории в летнее время я намереваюсь подготовить к печати очень краткую историю Казани в объеме около 10 печатных листов. По этому поводу необходимо будет опять-таки просить Вас о помощи.

П. И. Лерха в последнее время не видел. Он не признает людей вроде меня, он человек очень преданный науке, клад знаний, имеет много сведений.

Говорят, будет новый устав университетов. На нашем факультете будет организована новая кафедра (истории Востока). Пока трудно догадаться, какой профессор займет эту кафедру. Разумеется, нужно иметь хорошего, знающего человека. Березин кажется не хочет? Да он требует увеличения штата. К тому же Березин[3] не имеет теоретических исследований, касающихся науки и языков Востока, он больше литератор. Другие ориенталисты спят.

Бедный Лама[4] тяжело болен, у него тяжелая форма туберкулеза. Он даже не может с постели подняться. Не известно, что будет с ним.

Казембек[5] переводит каноны Мухаммеда и изображает из себя аристократа.

Свободолюбивая молодежь ныне подавлена, находится в загоне. В университете пока работают только два факультета: наш (восточный) и математический. Однако говорят, что с августа будут открыты все факультеты.

В Петербурге ныне была очень теплая зима, можно сказать,

что зимы вовсе не было. Сейчас Нева вскрылась ото льда. Небо чистое, чудесный воздух.

Мы с Вельяминовым-Зерновым должны были заняться казахским языком, но он почему-то откладывает это дело. И неизвестно, начнет ли он это занятие. Тарханные грамоты крымских ханов уже отпечатаны[6]. Однако из-за отсутствия времени у Вельяминова-Зернова предисловие [им] еще не написано, вследствие чего издание задерживается в типографии. Если желаете, пришлю один экземпляр и этого издания.

В этом году хочется один-два месяца побродить по Казанской и Симбирской губерниям, конечно, ради науки, может быть, что-нибудь наклюнется?

...Это разве не гуманизм ваш? Мы буквально ничего не знали о Ваших атбасарских приключениях. Ради бога, напишите, как все это было.

Губайдулла-мурза[7] шлет Вам привет. Еще одна новость. Недавно получил из Казани от Махмудова письмо. Там группа людей (из татар) стремится организовать газету на татарском языке. По этому поводу они уже подали заявление. Но неизвестно, разрешит ли начальство? Подробности не знаю. Возможно, в этой поездке в Казань узнаю.

Если вы окажете милость написать мне письмо, то пишите в Ханскую Ставку на имя Плотникова или Ахмед-Керея Булаева[8]. Они мне передадут. Имя и отчество Плотникова — Лев Николаевич. В начале августа буду в Казани. Тогда перешлите через учителя гимназии Александра Михайловича Махмутова.

Я очень дорожу Вашими советами и в мыслях уповаю надежду на Вашу помощь советами.

Писал любящий Вас *Хусаин бин Фаизхан*

Екінші хат

22 мизан 1863 ж., Петербор

...Бұ йыл іай Петерборда салқын болған, біз тұрған іерде һәм салқын еді. Һәр іерде іағмур көп, егін іахшы, фаруанишылық хазыргаша. Петерборда һауа бек іахшы. Көшеде екі-үш күннің бірiндә іағмұр іауадур. Лəкин бек жылы, əсле қырау болғаны іоқ. Ағашлар ям-яшь, су да йылы, көп кішіләр суға кіріп иаталар.

Қазанда татарлардан кампания болып екі-үш кіші газет бастырмақшы болуп йурилəр екəн, хазыр қағазлары Министр внутренніх делнің советінде екеп. Білмаймін, оны берурлар ми? Аларның бірі литография ұстасы, əувал дафғада литография қылурға тілəйлар. Язардай кішіләр табылачақ. Ильминский һам аларға насихатлары білəн ярдам берешак, ошандақ Махмудов, уа ғаіірилар.

Сұлтаным тақғыр өзіңіз Петербор ахуалын ұзақ языңыз деп бір хатыңызда ишарат қылып едіңіз, шоның үшін бу қадар ұзун язып, башыңызны ауыртдруға сабап болдым. Бағышлыңыз, менім

адресім бу илә: На Невском проспекте в доме Бенардаки, № 84, кв. 63.

Көп ыллар саламәтлік уа дәуләтдә болуыңызны тіләп іазғучи мұғалфәңіз.

Хусаин бин Файзхан

Второе письмо Х. Фаизханова

22 октября 1863 г., Петербург

...В этом году в Петербурге лето было прохладное, где мы [его] провели, там тоже было прохладно. Повсеместно много дождей, урожай прекрасный, сельскохозяйственные работы до сих пор в разгаре. В Петербурге стоит чудесная погода. Дожди бывают лишь через два-три дня. Зато очень тепло, заморозков еще не было. Деревья совсем зеленые, вода тоже теплая, многие купаются (на Неве). В Казани татары, составив компанию из двух-трех человек, пытаются издавать газету (на татарском языке), их бумаги (заявление) сейчас находятся на рассмотрении Министерства внутренних дел. Не знаю, разрешат ли им? Один из членов компании специалист по части литографии. На первых порах они хотят организовать литографию. Литературные сотрудники найдутся. Ильминский тоже обещает оказать содействие своими советами, также Махмудов и другие.

Дорогой мой султан, в одном своем письме Вы просили меня подробно писать о жизни Петербурга, а потому так длинно и докучливо я пишу Вам (это письмо), утомляя Вашу голову. Направьте (Ваше письмо) по следующему моему адресу: на Невском проспекте дом Бенардаки, № 84, кв. 63.

Желаю Вам много лет здоровья и благоденствия.

Писал Ваш почитатель и поклонник
Хусаин бин Фаизхан.

ЧОКАН В ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

Отрывок из письма П. П. Семенова к В. П. Безобразову

20 октября 1857 г., Семипалатинск

Время и место не позволяют мне входить в подробности даже в [вопросах о] самых интересных результатах моих исследований, тем более, что многие еще не разработаны мною. Коллекции мои состоят из более 300 образцов горных пород, значительного числа окаменелостей и до 1000 различных видов растений, между которыми в особенности полны горная и альпийская флора Тянь-Шаня и обоих Алатау. Частые пребывания между киргизами дикокаменными и Большой орды дали мне случай ознакомиться с нравами, обычаями и жизнью этих народов, а в особенности полезны были для меня сведения, сообщаемые лучшими здесь знатоками киргизского быта поручиком султаном Чоканом Валихановым и переводчиком Бардашевым.

Отрывок из письма Е. Капустиной к Ф. М. Достоевскому

4 генваря 1862 г., Томск

Милостивый государь, Федор Михайлович!

Давно бы следовало мне написать Вам и очень [по]благодарить Вас за приятный, милый мне подарок Ваш — две первые части изданных ваших сочнений. Но поверите ли? Они только несколько дней назад, как, наконец, в руках моих. Жаль мне, что в вашей подписи не означено было число, тогда я еще вернее знала бы, как долго эти книги не [пере]давались мне в руки. Когда Валиханов был в Омске, он передал книги родным моим, а те насилу собрались послать мне их с ехавшим сюда на службу прокурором Шмановым, которому почему-то отдали книги незапечатанные, и вот этот господин, познакомясь со мной, держал долго и читал эти книги, и, наконец, прислал мне. Добрый Федор Михайлович! Недолго и немного были мы знакомы, мало случилось мне беседовать с вами, но я знала вас по многому гораздо более, чем видела, но и эти несколько часов я никогда не забуду. Мне приятно было, что вы навестили нас, а теперь [иное?] милое было мне утешение — ваш подарок книг, ваша подпись. Это показало вашу память, а я дорожу этим и потому не могу не написать к вам, не поблагодарить от души, искренне. Не знаю, как дойдет до Вас письмецо мое, собственно вашего адресу я не знаю, не хочу адресовать в редакцию журнала вашего брата, прося передать Вам.

А как бы [о] много[м] хотелось мне поговорить с Вами, хотя бы теперь; вместо вашего портрета, который у меня от Валиханова, где вы вместе с ним. И этот портрет в числе других портретов друзей моих. Если б и видела теперь Вас в простой, уютной приемной моей комнате, сколько бы нашлось [о чем можно было бы] говорить и говорить с Вами. Вы много пережили превратностей судьбы, вы испытали много, и горе и лишения знакомы вам, а все это такие спутники и учители наши, которые более всего учат нас истине и делают не хуже, а лучше людей...

Отрывок из письма Ф. М. Достоевского А. И. Гейбовичу

Добрейший и незабвенный друг наш, благороднейший Артемий Иванович, не стану перед вами оправдываться в долгом молчании но если перед вами виноват, то, клянусь, без вины!..

Никогда не забуду нашего последнего дня расставания, когда (говоря мимоходом) я порядочно почокался со всеми. На другой день езды мы все время о вас говорили. Приехали, наконец, в Омск; погода была бесподобная и дорога прекрасная. В Омске я пробыл трое суток. Взяли из корпуса Пашу; был у старых знакомых и начальников, как-то: Де-Граве и проч. Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет. Познакомился через него с хорошим семейством, с Капустиным (не знаете ли?), они теперь в Томске; люди простодушные и благородные, с хорошим сердцем. На случай, если приведется быть в Томске (ну, так когда-нибудь), непременно познакомьтесь и обо мне им напомните. Мы познакомились хорошо, люди без всяких претензий..

Отрывок из письма Ф. М. Достоевского А. Е. Врангелю

31 октября 1859 г., Тверь

В Твери мне решительно скучно, хотя тут и есть два-три человека. Книги ваши некоторые спасены, хотя и поистерлись немного дорогой. А из минеральной коллекции был у меня только список (теперь затерянный) и не более трех или четырех штук минералов. Я их оставил в Семипалатинске. Куда девалась вся коллекция, не знаю. Ягдташ же ваш и маленький кинжал (как лежавший в чемодане), я почел своею собственностью, так как вы мне все подарили, и, уезжая, подарил, в свою очередь, между прочим, кинжалик Валиханову[1]. Уж за это простите. Валиханов премилый и презамечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я вам о нем? Он член Географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь. Прощайте, друг мой. Обнимаю вас. Хотел бы написать больше, но спешу. Авось увидимся. Дай-то бог. Марья Дмитриевна вам кланяется.

Ваш весь *Достоевский*

Письмо Г. Н. Потанина А. Н. Пыпину

16 апреля 1889 г., Иркутск

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Я получил ваше письмо и посылку, из которой часть передал г. Штейнфельду[1]. Карточки фотографической, которую Вы надеялись включить в посылку, я, к крайнему своему огорчению, не нашел в посылке, но вижу в этом хорошую сторону — значит я буду иметь от Вас еще одно письмо. Брошюру Вашу я еще не просмотрел, это я соберусь сделать на досуге. Пока укажу только на один пробел, на мой взгляд,— у Вас не упомянуты ни Чокан Валиханов, киргиз, ни Дорджи Банзаров, бурят. Об этих первых лучах в инородческом темном царстве желательно было бы слышать Ваше слово. Статья Банзарова «О черной вере»[2] и теперь служит материалом при изучении шаманизма, единственным в своем роде, как статья, написанная инородцем. При этом эта статья есть первый опыт изучения шаманизма на научных началах.

Просьбу Вашу г. Ядринцеву я передал, и он Вам будет писать особо.

Напишет и о судьбе этой библиографии, которую составляли под его руководством сибиряки-студенты.

Список статей Валиханова

Очерки Джунгарии. «Записки РГО», кн. 1.

О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Наньлу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг. «Записки РГО», кн. II—III, СПб., 1861.

т. IV.

О поездке Валиханова в Кашгар. «Известия Геогр. общ.», т. IV.

Некролог Чокана. В отчете общества за 1865 г.

Я постараюсь тщательно просмотреть Ваш труд и, накопивши материал, [его] пришлю.

Теперь же я спешу только известить о получении посылки.

Готовый к услугам *Григорий Потанин*

Письмо Г. Н. Потанина А. Н. Пыпину

28 июня 1889 г., Улус Ирхирик

Многоуважаемый Александр Николаевич.

На пароходе во время переезда через Байкал еще раз перечитал Вашу брошюру о сибирской этнографии, но прибавить к тому, что уже написал после первого ее прочтения, ничего не пришло в голову. Нам, сибирякам, только остается благодарить Вас за такой обстоятельный труд. Только позволю себе повторить просьбу,

нельзя ли упомянуть имена двух наших инородцев, киргизского султана Чокана Валиханова и бурята Дорджи Банзарова.

Вот Вам и сведения о них:

Чокан Валиханов, потомок последних киргизских независимых ханов — Аблай-хана и Вали-хана, правнук первого и внук последнего, родился в киргизской степи Сибирского ведомства в урочище Кушмурун, к юго-западу от города Петропавловска (Тоб. губ.); образование получил в Сибирском кадетском корпусе в Омске.

Из корпуса был выпущен офицером в 1853 году и был тотчас же назначен адъютантом к генерал-губернатору Западной Сибири. Вскоре потом ему было дано сибирским начальством опасное поручение — секретно пробраться в закрытые тогда еще пределы империи до города Кашгара и собрать сведения о торговом и политическом состоянии Восточного Туркестана. Чокан превосходно исполнил поручение. Один кашгарский выходец, богатый торговец города Семипалатинска, взялся свезти переодетого русского офицера в Кашгар и выдать его там за юношу Алима, который в детстве был вывезен отцом в Семипалатинск, оттуда вместе с семейством переведен в Саратов и исчез без вести для кашгарских родственников. Ни облик, ни язык не могли выдать Чокана. Он был принят в Кашгаре за действительного Алима. Его приняли как родного, засыпали подарками, затаскали по пирам и написали в Коканд бабушке, жившей за снежным хребтом, что Алим отыскался. Бабушка выслала мнимому Алиму зашитую золотом тюбетейку, или аракчин (шапочку на голову). По обычаю, Чокана женили на временной жене. Вернувшись, Чокан напечатал в «Известиях Геогр. общества» «Очерки Джунгарии» и «Алтышар» (т. е. Шестиградие), или провинция Наньлу. К этим очеркам приложены портреты туземцев степей, нарисованные карандашом самим Чоканом. В 1860 г. приезжал в Петербург, жил год, но слушать лекций по факультету восточных языков ему не удалось. Он заболел чахоткой, признаки которой замечались уже ранее — общая судьба кочевников, прошедших русскую школу в закрытом заведении. Доктора выслали его в степь. Он уехал к отцу в Кокчетавский округ. Поход Черняева вызвал его из степи. Он принял участие в походе на Ташкент, но дорогой разошелся во взглядах с генералом и, оставив отряд, выехал в Большую орду (в нынешнюю Семиреченскую обл.). И здесь, на границе России с Китаем, в ауле султана рода албанов, Тезека, умер не более как 29 лет от роду.

Дорджи Банзаров был сын казака-бурята Селенгинского округа; родина его — бурятский улус в долине р. Джиды. Вместе с другими бурятскими мальчиками в числе 6 человек он был отправлен в Казанскую гимназию; откуда, кончив курс, переведен в университет. По окончании курса он защитил диссертацию «О черной вере у монголов», которая стала краеугольным камнем последующих исследований о шаманстве у сибирских инородцев.

Умер Банзаров, кажется, в 1852 г. в Иркутске, также очень

рано, только возбудив, как и Чокан, одни только большие надежды.

О Чокане Валиханове биографическая заметка была в «Сибирском вестнике» в 60-е годы, который издавался в Иркутске Борисом Милютиным.

Готовый к услугам *Григорий Потанин*

Письмо Г. Н. Потанина А. Н. Пыпину

14 сентября 1891 г., С.-Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Послал Вам пока заметку о Чокане Валиханове[1]. О И. С. Полякове[2] еще не получил ничего от Кузнецова, который намерен писать биографию Полякова и которого я просил письмом дать краткие сведения. О Банзарове не знаю, писать ли, потому что у меня собственно материала почти нет. Если пожелаете, то доставлю такую же заметку о Банзарове, как и о Валиханове.

Вы, кажется, в своем труде не упоминаете о сибирском писателе Мих. Васил. Загоскине[3]. Для сибирских читателей Вашей книги будет не неполезно найти в ней описание трудов Вагина и не встретить ни слова о М. В. Загоскине. Литературный багаж его не велик, но влияние его в рядах сибирской интеллигенции значительнее, чем Вагина. В течение более десяти лет он был редактором газеты «Сибирь»,[4] а ранее был редактором первой частной газеты в Сибири «Амур», издававшейся в Иркутске. Как он сам выражается, он старался сделать газету «Сибирь» защитой для обездоленных и притесненных и строго выдерживал эту программу. Для сибиряков он был примером бескорыстного служения крестьянскому делу, верным которому остался и до сих пор... Поэтому очень бы хотелось в Вашей книге видеть страницу о Загоскине... Если разрешите, то я постараюсь подобрать более подробный материал о Загоскине.

Адрес: Озерный пер., д. 9, кв. 7.

Готовый к услугам *Григорий Потанин*

Отрывок из письма Г. Н. Потанина к Г. Е. Катанаеву

...Одновременно с этим письмом я посылаю Вам рукопись, которую прошу напечатать в ««Записках» Вашего отдела[1]. Рукопись, которую я Вам посылаю, есть копия с рукописи, случайно найденной Леонидом Николаевичем Майковым; с согласия последнего я приготовил ее для «Записок» отдела, а самую рукопись передал вновь г. Майкову.

Хотя рукопись эта никем не подписана, но она, несомненно, принадлежит перу покойного Чокана Валиханова. Статья «О вооружении киргиз» вписана в тетрадь им самим, что узнается по почерку на этих страницах, следующие страницы —«О шаманст-

ве» переписаны какой-то другой рукой. Первая статейка снабжена рисунками. Статья о шаманстве написана после 1860 г., что видно из того, что автор ссылается на статью г. Ильминского, напечатанную в 1860 г.

Статья о шаманстве очень интересна. Леонид Николаевич Майков хотел сначала поместить ее в здешних «Известиях»[2], но потом разрешил ее отослать в отдел ввиду того обстоятельства, что в рукописи встречаются пропуски, которые могут быть в Омске при помощи сведущих переводчиков восстановлены. Эти пропуски, вероятно, произошли под пером переписчика или потому, что тут были киргизские слова, термины, собственные имена, пословицы или поговорки, написанные хотя и в русской транскрипции, но неразборчиво, или, может быть, потому, что тут было употреблено татарское письмо[3].

Хочу обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство. В «Записках Имп. Русского географического общ.», кн. XII, в статье Спасского о сибирских древностях говорится о надписях на р. Бухтарме. Некоторые из них у него скопированы, но все скопированные состоят из звериных фигур или тамгообразных знаков. С настоящим же письмом надписей у него нет. В этой же статье упоминается, что Клапрот видел надписи, писанные отвесными строками, но не мог их разобрать и будто бы соскоблил...

Письмо степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского Г. Н. Потанину

6 мая 1887 г., № 2287, г. Омск

Милостивый государь, Григорий Николаевич!

Вследствие письма Вашего от 19 минувшего апреля имею честь препроводить при сем копию докладной записки штабс-ротмистра Валиханова по вопросу об устройстве судебной части в Акмолинской области, составленной на основании наблюдений и фактов, заимствованных из дел Областного правления и окружных приказов. Записка эта подана в 1864 г., но не лишена интереса и в настоящее время. Кроме того, прилагаю еще: а) пять подлинных сохранившихся у меня частных писем того же Валиханова о восстании хой-хоев в том же году и б) особый список с обозначением числа киргизских молодых людей, обучающихся в высших и средних учебных заведениях.

Если на издание сочинений и биографии Чокана потребуются средства, то я со своей стороны готов принять в этом участие.

Примите уверение в истинном уважении и совершенной преданности, с какими имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорным слугою *Гер. Колпаковский.*

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину

10 июня 1887 г.

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Из моих объяснений с Зиновьевым ничего не вышло. Не выйдет ничего, если и продолжать дело. Но можно довольствоваться немногим: не агента послать в Тибет, а просто попросить грамотного монгола из тех, что отправляется в Лхассу, описать для нас свой путь (подробный маршрут), празднества, церемонии на своем языке, а мы же здесь извлечем из таких записок, что нужно. Это можем мы сделать ни к кому не обращаясь, если вы захотите похлопотать. Но если бы поездка хутухты не состоялась в нынешнем году, тогда за год можно было бы это дело устроить.

За присмотр за печатанием трудов Валиханова мне дадут сколько-нибудь экземпляров?

Может быть, я еще удосужусь написать о хуторе Петру Петровичу Семенову (он около 20 числа приедет в Питер), но навряд ли. Если Вы с ним увидитесь, то поговорите об этом деле.

Искренне преданный Вам *Н. Веселовский*

Письмо Г. А. Колпаковского Г. Н. Потанину

5 декабря 1887 г., г. Омск

Милостивый государь, Григорий Николаевич!

Долгом считаю уведомить Вас [в ответ] на письмо Ваше от 21 октября сего года, что я вполне разделяю предлагаемый Вами план выпуска сочинений Чокана Валиханова и не могу не выразить своего удовлетворения по поводу участия, принятого в этом издании профессором Веселовским, от которого и ожидаю уведомления.

Пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать Вам мое уважение и преданность. Имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою *Гер. Колпаковский.*

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину

6 февраля 1888 г.

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Не отвечал я Вам так долго потому, что не получил сочинений Чокана Валиханова, не получил и до сих пор. Н. М. Ядринцев говорил мне, что он получил от Вас список сочинений Валиханова, хотел передать его мне, но уехал в Иркутск, не исполнив обещания, вероятно, за недосугом своего времени. Вероятно, вы разыщете список и доставите его мне; но затем возникает другой вопрос — о средствах на печатание. Я ничего не знаю: сколько экзем-

пляров печатать, какая сумма ассигнована, куда направить отпечатанные экземпляры и т. д.

Самое главное, конечно, вопрос денежный. Деньги могли бы быть направлены в Географическое общество, чтобы не хранить их у меня, но без этого как же начинать печатание? Затем, что будет зависеть лично от меня как относительно исправности текста, так и вообще опрятности издания, в этом Вы можете быть спокойны. Я желал бы только получить несколько экземпляров в свою пользу. Буду ожидать от Вас подробной инструкции, чтобы приступить к делу без замедления, когда будет все готово.

Преданный Вам *Н. Веселовский*

Забалканский проспект, д. 29, кв. 15

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину

8 мая 1888 г., Петербург

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Рукописи Валиханова получил и Колпаковскому писал. Давайте биографию султана; сам я ничего сделать не могу. В долгий ящик не откладывайте, а то задержите печатание. Кто такой Цуриков в Калуге? Как его зовут?

В отделении этнографии Географического общества образовалась комиссия для составления программы по собиранию сведений. Мы зачислили в нее и Вас. Надеюсь, что Вы не откажетесь послужить обществу, а Ваша большая опытность дает Вам полную возможность сделать ценный вывод и вклад в наше предприятие. На Вас мы рассчитываем по [получении сведений о] группе инородцев России и Азии. Дело это очень важное, и откладывать его в долгий ящик не следует.

Теперь мы составляем программу и для пятого путешествия Пржевальского в Тибет, куда он отправляется в августе сего года.

Несколько лет тому назад я предложил удостоить золотой медали этнографический труд Агапитова и Хангалова[1] о шаманизме, писал рецензию и очень желал бы иметь эту книжку: купить ее здесь невозможно, вот я и обращаюсь к Вам за содействием — не можете ли Вы приобрести для меня эту книжку в Иркутске? Деньги вышлю, сколько потребуется. Я теперь собираю сочинения по шаманизму, и эта книжка мне нужна. Извините, что беспокою Вас, но зато готов служить Вам в Петербурге, чем могу.

Готовый к услугам *Н. Веселовский*

Письмо Г. А. Колпаковского Г. Н. Потанину

8 июня 1888 г., № 147, г. Верный

Милостивый государь, Григорий Николаевич!

Письмом от 8 мая Николай Иванович Веселовский уведомляет меня, что к изданию сочинений султана Чокана Валиханова он мог бы приступить в августе месяце, если ему будут отпущены необходимые на то средства, по приблизительному расчету,— 500 рублей.

Уведомив г. Веселовского, что при разговоре с Вами по поводу названного издания о денежных средствах, насколько могу припомнить, не упоминалось, вследствие чего немедленно*[1]...

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Еще раз обращаюсь к Вам по поводу Валиханова, Вы обещали дать биографию его, и теперь она необходима, так как на днях я приступаю к печатанию сочинений султана Валиханова. Не отказывайтесь от своего намерения и не откладывайте его. Печатать сочинение без биографических сведений об авторе неудобно. Дайте то, что у Вас имеется, хотя бы и недостаточно полно, но лучше хоть что-нибудь, чем ничего.

Во всяком случае, я книгу не выпущу до Вашего ответа.

Примите уверение в совершенном моем уважении
и преданности *Н. Веселовский*

Забалканский проспект, д. 29, кв. 15

Письмо Г. Н. Потанина Н. И. Веселовскому

Многоуважаемый Николай Иванович!

Я оставил материал для издания статей Валиханова у Ник. Мих. Ядринцева, так как опоздал свести его к Леон. Ник. Майкову до отъезда последнего в Ярославль. Николай Михайлович передает Вам и портрет Чокана Валиханова, лучше которого он пока не нашел. Я напишу генерал-губернатору Колпаковскому о том, что рукописи передал Вам. Тут Вы найдете: 1) «Очерки Джунгарии», 2) «Алтышар» (обе напечатаны в «Записках Русского географического общества»), 3) «Аблай» (напечатана в Энциклопедическом словаре), 4) «Остатки шаманства у киргизов» (хотя и написана не рукой Чокана, но что это его статья, надо полагать из того, что первые листы той же тетради заняты заметками о киргизском вооружении, написанными рукой Чокана), 5) «Отрывок из дневника рукописи», 6) «О кочевках киргизов», 7) несколько писем Чокана к г. Колпаковскому.

---

*[1] На этом текст обрывается.

Биографические заметки о Чокане пришлю из Сибири. Может быть, Вам удастся пополнить их рассказами других лиц, знавших Чокана: П. П. Семенова, Семена Яковлевича Капустина, Цурикова (который, где находится, не знаю, [кажется], чуть ли не в Калужской губ.).

Письмо степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского непременному секретарю Академии наук К. С. Веселовскому

15 июня 1889 г., № 332, С.-Петербург

Милостивый государь, Константин Степанович!

Член Императорского Русского географического общества есаул Потанин передавал мне, что ваше высокопревосходительство приняли на себя труд издания оставшихся после смерти полковника*[2] Валиханова записок и что мое содействие этому изданию может выразиться материальной поддержкой в размере трехсот рублей.

Вполне сочувствуя предпринимаемому Вами изданию и желая, чтобы труды этого выдающегося киргиза как можно скорее появились в печати, покорнейше прошу Вас не отказывать уведомить меня, достаточно ли будет названной суммы и куда мне следует препроводить деньги.

С почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою*[3].

Гер. Колпаковский

Письмо Г. Н. Потанина Г. Е. Катанаеву

27 июня 1892 г.

Не поможете ли Вы мне в издании собрания статей Чокана Валиханова. Статьи все собраны и находятся у проректора Петербургского университета Николая Ивановича Веселовского. Остановка за деньгами, нужно 500 руб. Колпаковский обещал, но не дал, оставил пост. Писал я отцу Чокана в Сырымбет, Садвокасу и Мусе Чорманову в Аккелин Баян-Аульского округа; последний обещал, но не прислал. Я думаю так: открыли бы Вы при отделе подписку на сбор денег; книга должна быть издана в Петербурге под редакцией г. Веселовского. Издание продается в пользу Западносибирского отдела, как я это сделал с Доржи Банзаровым.

Григорий Потанин

---

*[2] Описка.

*[3] На полях помета: *Получено 29 июня 1889 г.*

Письмо Г. Н. Потанина Н. И. Веселовскому

3 декабря 1893 г., Иркутск

Многоуважаемый Николай Иванович!

Очень обрадовали Вы меня своим письмом, потому что я понял его так, будто Вы имеете уже деньги на издание Чокана Валиханова. Откуда добыли и достаточно ли? Приложите ли портрет?

Я набросал заметки о Чокане, но, извините, писал не для печати, а для Вас, так что Вам придется только воспользоваться этим материалом, а не печатать в том виде, как вышло из-под моего пера. За это прошу извинить; работы другой случалось много, а тут еще инфлюэнца, от которой должен был десять дней высидеть дома. Года я выставил зря, перезабыл их. Всего, оказывается, с Чоканом я встречался в жизни четыре раза: пять или шесть лет жизни в корпусе в Омске; потом года два в Омске, когда оба мы были офицерами, я — казачьим и служил в Войсковом казачьем управлении, Чокан был адъютантом у Гасфорта; потом в Петербурге не более года; и, наконец, в последний раз в Омске. Не найдете ли в Штабе послужного списка Чокана.

Забыл упомянуть, что Чокан рисовал недурно. В «Записках Географического общества» при его статьях помещены портреты дикокаменных киргизов.

Это его собственный карандаш. Я видел у него также карандашный набросок озера Иссык-Куля и горного прохода Санташ.

Не встретите ли в Петербурге г. Лещева*[4], он очень хорошо знал Чокана в Омске и может Вам сообщить о трудах Чокана для администрации по управлению киргизами. Также, если Вы дадите мои заметки прочесть Семену Яковлевичу Капустину, он, вероятно, что-нибудь добавит и поправит.

Знали его также П. П. Семенов и А. Н. Бекетов. Они могли бы дать оценку Чокану.

Готовый к услугам *Григорий Потанин*

P. S. У меня срисован вид деревянного памятника над могилой Чокана, но, я думаю, он Вам не нужен и потому не посылаю.

P. S. Биографические заметки о Чокане посланы с этой же почтой отдельной посылкой.

Письмо Г. Н. Потанина Н. И. Веселовскому

13 апреля 1901 г., Гусев, 4

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Простите великодушно, что я не сообщил Вам своевременно о своем разговоре с Петром Петровичем. Я был у него на страстной

[4] Узнать его адрес петербургский можно в обществе пособия учащимся сибирякам в Петербурге. (Примечание Потанина).

неделе. П. П. сказал мне, что недавно ему действительно попались под руку рукописи Чокана, завалявшиеся в его бумагах, и он еще подумал, что нужно их передать тому, кто редактирует издания статей Чокана. Может быть, среди них и находилась статья «О шаманстве у киргизов». П. П. хотел снова пересмотреть свои бумаги и найти рукописи Чокана, а я собирался к нему зайти на Фоминой, но заболел, простудил горло, почему не мог вчера пойти на общее собрание. Напишите, пожалуйста, Петру Петровичу сами, напомните ему или устно спросите при встрече в совете. Я надеюсь дня через два выйти, и тогда первым долгом отправлюсь к Петру Петровичу.

Если же статьи о шаманстве у Петра Петровича не окажется, остается только одно — искать ее у вдовы Леонида Николаевича Майкова.

Корректурные листы пошлю в особом пакете.

Готовый к услугам *Григорий Потанин.*

Письмо Н. И. Веселовского А. А. Достоевскому

2 апреля 1903 г., С.-Петербург

Многоуважаемый Александр Андреевич!

Печатание сочинений Валиханова подходит к концу, набраны две последние статьи, но с ними выходит положительный скандал.

Оригиналы их находятся у Петра Петровича Семенова, я их не видел, а П. П. найти их не мог, когда к нему обращался.

Между тем список, переданный мне Г. Н. Потаниным, возмутителен до последней степени. Все слова перевраны: вместо ташей написано пашей, вместо токсаба — токба и т. д. Хорошо, когда я знаю, как надо поправить, но чаще я этого не знаю. Все собственные имена исковерканы (одна статья содержит маршруты). Много исправить положительно не по чему. Еще хуже того, что переписчик не разбирал руку Валиханова и оставлял пробелы по нескольку строчек.

Ввиду всего изложенного и во избежание действительного скандала (я должен буду оправдываться в печатании чепухи), покорнейше прошу Вас попытаться добыть две рукописи Валиханова у Петра Петровича. Может быть, вы будете счастливее меня.

Преданный Вам *Н. Веселовский.*

Забалканский проспект, д. 29, кв. 15

ПИСЬМА РОДНЫХ ЧОКАНА К ПОТАНИНЫМ

Письмо Мусы Чорманова А. В. Потаниной

30 августа 1881 г., урочище Саумал-Куль

Добрейшая Александра Викторовна!

Посылку Вашу — русскую книгу «Первый шаг»[1], татарскую и рисунки из «Естественной истории» для маленького Масхута[2]— я получил и за все это сердечно Вас благодарю, а Масхут целует Вашу ручку и с восторгом рассматривает рисунки, и с детской любознательностью подробно расспрашивает значение и название каждой, жаль только, что подписи на них сделаны не по-русски.

Крайне огорчаюсь тем, что Вы послали посылку, но не написали письма, чем лишили меня удовольствия читать драгоценные Ваши строки и не знать о Вашем здоровье.

Любезнейшая Александра Викторовна, пишите, пожалуйста, чаще и больше обо всем, что Вы найдете интересным, и это для меня будет большое удовольствие и сердечная отрада.

Простите меня великодушно за долгое мое молчание, причиной которого была продолжительная и упорная болезнь — простудная горячка, однако же благодаря бога и хорошего русского доктора здоровье мое восстановилось почти. Семейство мое и родные все здоровы и шлют Вам низкие поклоны. Я же свидетельствую Вам глубочайшее почтение и желаю всех благ от создателя.

Если Григорий Николаевич находится вместе с Вами, то ему передайте все наши добрые чувства с пожеланием ему хороших успехов во всех его предприятиях и начинаниях и [по]благодарите от меня за фотографическую его карточку, если же он находится в поездках, то сообщите ему о нас в своих милых письмах.

Остаюсь с глубочайшим к Вам уважением и преданностью и всегда готовый к услугам Вашим *Муса Чорманов.*

P. S. Сакен Мусович Вам кланяется, а Нурида Чингисовна благодарит Вас за посланный Вами ей глицерин и желает Вам здоровья.

Письмо Мусы Чорманова Г. Н. Потанину

7 декабря 1881 г., урочище Аккелин

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Письмо Ваше из Казани от 27 августа сего года я получил и сердечно благодарю Вас, что Вы не забываете нас, степняков, и душевно радуемся, что Вы здоровы.

Книгу Вашу и карточку мы получили и за все это приносим искреннюю нашу благодарность.

Похвалы Ваши относительно чекменя[1], подаренного брату Вашей жены, мы принимаем с восторгом и, желая сделать этот предмет еще занимательнее, с большим удовольствием посылаем Вам 30 аршин армячины, на что только она может быть для Вас пригодной.

Относительно просимых Вами сказок, то для этого собирается материал, а когда достаточно наберется, тогда составим целое и вышлем Вам немедленно[2].

Вы, как человек, занимающийся археологией, то и письма Ваши пишутся старинным почерком, напоминающим время Дмитрия Донского,— такое писание, быть может, Вас обременяет, то усерднейше просим Вас писать Ваши письма к нам обыкновенным Вашим почерком, которые мы читаем без затруднения.

Просим Вас настолько быть любезным относительно исполнения Вашего намерения о составлении доклада о кочевой гимназии и прислать нам[3]. А то киргизский народ без учения коснеет в грубом невежестве.

Расстроенное мое здоровье плохо поправляется. Ныне осенью я простудился и с октября месяца не выхожу из комнаты. Здоровье жены Садвокаса Нуриды тоже неудовлетворительно. Остальное мое семейство и все родные мои находятся в добром здоровьи.

Прошу принять от меня, многоуважаемый Григорий Николаевич, мое душевное почтение, а также от всего моего семейства и всех родных моих глубокие поклоны. Если будете писать супруге Вашей, то потрудитесь передать от всех нас самые низкие поклоны.

Всегда готовый к услугам *Муса Чорманов*

Первое письмо Садвокаса Чорманова Г. Н. Потанину

10 февраля 1887 г., урочище Аккелин

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Старое знакомство наше дает мне полное право поздравить Вас и любезнейшую супругу Вашу, Александру Викторовну, с благополучным возвращением из дальнего и вместе с тем трудного, но полезного пути.

В Ваше долгое отсутствие [Вы выезжали] из России, мы лиши-

лись любимого нашего отца, Мусы Чорманова[1], который считал Ваше с ним знакомство и всегдашнее доброе расположение за величайшее счастье. Мы, желая сколько-нибудь познакомить русскую публику с жизнью покойного, просили находившегося у них письмоводителя г. Путинцева, бывшего слишком 20 лет в самых близких отношениях с [нашим] отцом, написать небольшой очерк под названием «Воспоминания о покойном [Мусе Чорманове]», который и был, по нашему настоянию, отослан в редакцию «Восточного обозрения»[2] для помещения в газете, в полной надежде на издателя оной Н. М. Ядринцева. Но, к крайнему сожалению, его не напечатали в газете; вероятно, он нашел его плохо написанным и [может быть] вовсе негодным для печати. Мы же были уверены, что Н. М., как хороший знакомый отца, извлечет из него нужное и напечатает, но этого им сделано не было. Вам ведь хорошо известно, что в степи нет образованных людей, и мы довольствуемся тем, что имеем.

Как я уже сказал, раз записка о жизни папаши находится у Н. М., то не будете ли настолько добры, что ее возьмете у него, прочитаете и если найдете в нем [что-либо] достойное напечатания (разумеется, с исправлением слабых мест), отдадите в печать и по напечатании один экземпляр вышлите мне.

Если же еще что нужно Вам знать о наших кайсаках, то у меня имеются списки с [докладных] записок [отца], которые были подаваемы высшему начальству,— напишите мне, я их Вам вышлю.

На могиле отца поставили мраморный памятник, обнесенный железной решеткой. Памятник*[1] выписали из Екатеринбурга, и его привез к нам в Аккелин сам мастер В. А. Свечников. О смерти отца можете все подробно узнать из записок. Мы все, слава богу, здоровы, кроме жены моей, Нуриды, она все по-прежнему болеет и посылает Вам свои нижайшие поклоны.

Жду Вашего ответа и остаюсь искренне Вас уважающим.

Садвокас Чорманов

Екінші хат

Омбы қаласы, 25 февраль, 1887 ж.

Зияда құрметтілеріміз Григорий Николаевич осындай ардақты ханымыз Александраға зор ықыласымызды куәландырғанымыз.

Бағдында январь ішінде Еркебұлановтен Омскіге жазып қалдырып кеткен сәлеміңізді алдым 20 февральда Омске шаһарында. Ескеріп жазғаныңызға көп-көп ырзамын.

Өзіміз Нұриданың науқасын мұндағы докторларға көрсетпек үшін келген едік. Екі-үш күн болды, қарата бастадық. Әзір мағлұмы жоқ.

Сапарыңыздан сәләмет қайтқаныңыз құтты және мүбәрәк бол-

*[1] Точнее, мраморная плита с надписью на казахском и русском языках.

сын. И. А. Козловтан сұраған едім, сізді бек жүдеп қартайып қайтқан екен,— бізде бірнеше күн қонақ болды,— деп сөздеді.

Біздер апрельдің басына шақты Омскіде болсақ керек. Онан соң Баянауылға қайтамыз.

Жақында хат жазсаңыз Омскіге Аблайханов атына жазыңыз, тапсырмақ шартымен, маған тапсырар.

Бұл күнде қазақтар һар медіреседе оқи бастады. Гимназияда 19 бала оқиды, кадетский корпуста 5 бала оқиды, учительский семинарияда 4 бала оқиды, және техническийде екі бала оқиды. Барлығы 30 бала қазірде Омскіде оқиды, бір бала Петербургский университетте оқиды, руы Сырттанов, соған мүмкін болса көрісіп, лайық болған қадари жәрдеміңізден тастай көрмеңіз.

Н. М. Ядринцевке менен поклон айтыңыз. Маған таныс болмаса да менің атама таныстығы турасында.

Қош, сізді, һам жамағатыңызды құрметтеуші.

Садуақас Мұсаұлы Шорманов

Второе письмо Садвокаса*[2]

25 февраля 1887 г., г. Омск

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич, дорогая Александра Викторовна.

Свидетельствуем Вам наше доброе расположение. Ваше январское послание, оставленное в Омске, у Еркебуланова, мы получили здесь же 20 февраля. Большое и большое спасибо за внимание.

Мы приехали сюда на консилиум врачей по болезни Нуриды, уже третий день, как мы лечимся. Относительно диагноза пока ничего не известно.

От всего сердца поздравляю с благополучным возвращением из путешествия. И. А. Козлов[1] мне рассказывал, что Вы были в гостях в омском обществе и выглядите очень худым и состарившимся. До начала апреля мы будем в Омске, а затем поедем к себе в Баян-Аул. Если у Вас появится желание написать в ближайшее время письмо, то пишите в Омск на имя Аблайханова[2] для передачи мне.

В настоящее время казахские дети стали обучаться в разных учебных заведениях. В гимназии их учится 19 человек, в кадетском корпусе —5, в учительской семинарии —4 и в техническом училище 2 воспитанника. Всего обучающихся в учебных заведениях города Омска 30 казахских детей, один учится в Петербургском университете. Это Сырттанов. Хорошо было бы, если найдете возможность, повстречаться с ним и по силе возможности оказать ему поддержку. Прошу также передать от меня привет Н. М. Ядринцеву, хотя он со мной не знаком, но по памяти моего отца, с которым он был знаком.

Уважающий Вас и Вашу супругу
Садвокас Мусаулы Чорманов

*[2] Перевод с казахского здесь и далее А. Х. Маргулана.

Үшінші хат

Март, 1887 ж.

Бек сүйіклі Григорий Николаевич.

Мұндан ілгері бір хат жазған едім, бу күнде алған шығарсыз. Мәзкүр хатымда Омскіге келген себептерінің баршасы айтылған жоқ шығар: Хамиладан бір «докладная записка» бермек едім генерал-губернаторға, [қазір] ол ниетімнен қайттым — господин Чистяковтың уа ғайрылардың басқалардың мәслихатты илян. (Ол записка) «Восточное Обозрение» (газетіне) басуға жіберілді. Лайық көрілсе, енді сізден өтінішіміз бәлки, бағзы бір жерлері бек лайықсыз [болып], ұлықтарға тік (жазылған жерлері болған болса, алып тастап, бізге ұят келместей етіп бастыра көріңіз. Әгәрда басылса бізге хат жазып хабарландырыңыз. Әр уақыт газетке хабар беріп тұрармыз — қазақ халқының зәру болған істерінен, кем жерлері болса толтырып, артық жерін алып тастауыңызды үміт етіп қаламын.

Нұрида екеумізен Александра Викторовнаға поклон айтасыз.

Сізді дайым хұрметте қалаушы
Садуақас Шорманов

Третье письмо Садвокаса

Март, 1887 г.

Любезнейший Григорий Николаевич.

До этого я Вам писал одно письмо, которое, надеюсь, Вы уже получили. В том письме я не успел Вам сообщить подробно, почему я приехал в Омск. Я намеревался через Хамилю подать докладную записку[1] на имя генерал-губернатора, а теперь раздумал и оставил свое намерение, ибо Чистяков[2] и другие не одобряют. Эту же записку направил в редакцию газеты «Восточное обозрение» для публикации . Если можно, я просил бы Вас просмотреть [ее], отредактировать и сгладить резкие места, задевающие самолюбие высших чиновников, и затем печатать так, чтобы потом нас не упрекали. В случае публикации [записки] прошу сообщить мне письмом, я всегда готов сообщать [Вашей] газете о нуждах казахского народа. [Если в моих заметках] окажутся недочеты, прошу их восполнить и надеюсь, что вы уберете все лишнее и ненужное.

Нурида шлет привет Александре Викторовне.

Неизменно уважающий и почитающий Вас
Садвокас Чорманов

Четвертое письмо Садвокаса

26 апреля 1888 г., г. Омск

Высокоуважаемая Александра Викторовна, высокоуважаемый Григорий Николаевич!

Получив ответную телеграмму от Вас, я был крайне удивлен, что до сего времени, оказывается, не получен Вами портрет покойного Чокана Валиханова, посланный в прошлом в 1887 году 3 ноября из города Павлодара в С.-Петербург на имя редакции «Восточное обозрение» с передачей Вам.

Поэтому прошу Вас спросить в редакции «Восточного обозрения», если не окажется там, то сообщите мне в станицу Баян-Аул для разыскания в почтовом ведомстве и вручения Вам.

О Вашем настоящем местопребывании я узнал по приезде моем в Омск от Ивана Александровича Козлова. Я сего числа отправляюсь пароходом в свой аул. Портрет этот был послан мною согласно Вашему письму, посланному через господина султана Аблайханова, который постарался тотчас же отправить [это письмо] ко мне в аул, но отсутствие мое на некоторое время заставило исполнить Вашу просьбу лишь 3 ноября, но, оказывается, не получен Вами до сих пор. Просим принять наше сердечное почтение. Будьте здоровы!

Садвокас Чормалов

СОВРЕМЕННИКИ О Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЕ

А. Е. ВРАНГЕЛЬ

ПРИЯТЕЛЬ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО — ВАЛИХАНОВ

Я представился генерал-губернатору Г. Х. Гасфорту, приятелю многих моих родных. Вот характеристика Гасфорта и военного губернатора генерала Фридрихса из сохранившегося моего письма к отцу от 8 декабря 1854 г.

«Он принял меня свысока, руки не дал, хотя и пригласил обедать. Он так пуст и глуп, что много говорить о нем не буду. C'est une encyclopedie renverlé, un homme qui se croit presque Empereur ici lui — même a bea coùp lu, mais ne connait pas la rue pratique, sa tête est vide comme un tonneau. Он, пожалуй, и желал бы добра краю, да взяться не умеет. Здесь слово его закон и ему оказывают чуть не божеское почитание.

Ваш товарищ когда-то, добрый мой папенька, военный губернатор Киргизской области генерал-майор Фридрихс добрый, отличный человек, но глуп, как пробка. Доклады выслушивает стоя, играя на флейте. Поднесенные ему для подписи бумаги взвешивает на безмене и потом хвастает, сколько пудов ему нужно было подписать за неделю, словом, мой Адамка был бы таким же военным губернатором. Я не выдумываю, папенька, а пишу вам сущую правду...

Пришло известие, что генерал-губернатор Гасфорт выехал из Омска в Копал, затем посетит Верное[1], а через две-три недели надо его поджидать к нам. Все встрепенулось, войска упражнялись, чиновники работали, все приводилось в порядок, чистилось и красилось. Я полагаю, у многих поднимался вопрос: а что, как накроет «ревизор». Особенно интересовались, кто из чиновников Омского главного управления будет сопровождать генерала во время ревизии? Узнав, что приедет советник С., немного успокоились[2]. «Ну с этим-то не так страшно, можно «поторговаться». Только и дорог же он, шельма»,— прибавляли при этом. Ехал к нам и Крамер, мой приятель, избавивший меня в Омске от бильярдного ложа. При имени его чиновничьи физиопомии вытягивались: «Ах! Нес его возьми! Ну его! Ну, к чему ему-то ехать!».

И вот в начале июля прискакал казак-летучка с известием, что гроза приближается, что сам уже в Аягузе, а завтра прибудет к нам.

Двумя днями ранее прибыли ревизоры и два адъютанта с док-

ладами и бумагами для губернатора. В день приезда уже чуть свет все высыпали на берег реки. День был ясный, солнечный. Мы, чиновники, переехали на ту сторону Иртыша, к самой киргизской слободе. По приказу мы явились все в вице-сюртуках, так как после должен был состояться прием у генерал-губернатора. Река была усеяна плотами и лодками. Очень типично было зрелище пестрой толпы. Немного особняком стояли приехавшие аристократы из Омска, свысока оглядывавшие нашу братию.

Генерал Спиридонов[3], начальник округа Ш., пристав киргизов, а также масса почетных киргизов в жалованных халатах и татар из разных ханств: Рахимбай, Букаш и другие уехали далеко навстречу — первые на своих тройках, последние на своих аргамаках. Тысячи киргизов, глазея, напирали на нас; с ними не церемонились, отгоняли нагайками.

Долго ждали мы, испеклись на солнце, проголодались, в горле пересохло. Но вот вдали показались несущиеся во весь карьер три всадника. Толпа заколыхалась. Это были летучки — авангард. Через полчаса, значит, ожидай. Сам пожалует. Так и вышло. Далеко, версты за три, поднялось огромное облако пыли, все ближе и ближе к нам, скоро ясно обрисовались скакавшие впереди с колокольчиками тройки,— это и было наше с таким трепетом ожидаемое начальство. За ними летел тарантас, запряженный восемью лошадьми по четыре в ряд, за тарантасом еще и еще тройки — свита. Сотня киргизов в ярких халатах, составляя почетную свиту, живописно гарцевала по сторонам. Пыль столбом, все путешественники от нее черные, как негры.

Лошади генерал-губернаторского тарантаса так разогнались, что не будь десятка услужливых чиновничьих рук, остановивших за уздцы разгоряченную восьмерку, быть бы генерал-губернатору с супругою в реке Иртыше.

Почему Гасфорт таскал повсюду свою жену, чиновничество недоумевало.

Старик Гасфорт, выйдя из экипажа, едва кивнул нам. Началась переправа; все двинулось на тот берег за ним.

Батюшка робко и скромно заметил, что по смыслу церковного наказа трезвонят приветствие царю или царским особам. Старик Гасфорт расхорохорился, задвигался. «Здесь я царь!, чтобы в следующий приезд, приказываю, трезвонить во все колокола!»— грозно закончил он.

Но, несмотря на все эти выходки, следует все же сказать, что в сущности Гасфорт был добрый старик. Но что поделаешь,— слабость имел напускать на себя важность и грозность.

Имел он и еще слабость — страшный охотник был до составления всевозможных проектов. Так, например, он сочинил «новую религию для киргизов». Киргизы, надо сказать, хотя и были магометане, но совсем не фанатики. Вот Гасфорт и задумал дать им новую религию, вроде православной, и, говорят, что когда этот проект провалился в Петербурге, ужасно разобиделся бедный, но,

кажется, унывал недолго и вскоре припялся за новый. Когда он был кем-нибудь недоволен, он говорил: «Вы, миленький»,— а прочим — «ты»...

Версты за три от города [Семипалатинска] по дороге в Омск лежала заимка Попова, на нагорной стороне Иртыша, среди богатой рощи. Здесь были большая мельница, кожевенный завод и разные хозяйственные постройки.

А. Е. Врангель.

Большого выбора для наших прогулок с Ф. М. не было, и вот особенно часто ходили мы на эту заимку. Как раз там только что были найдены остатки каких-то кирпичных развалин и разные вещи буддийского культа. Надо сказать, что на всем огромном пространстве от Китая до гор Урала обитали некогда монголы, завоевавшие наши киргизские степи при Чингисхане. Потомки этих монголов — калмыки — совсем недавно были вытеснены из наших степей киргизами, [точнее] в 1715 году их ханом Аблаем, родоначальником всех ханских родов. Он их герой, и они, и в мое время, нападая на неприятеля, кричали: «Аблай! Аблай!»

В степи и вдоль Иртыша сохранилось много развалин от монгольской эпохи, везде видны были следы большой культуры: заброшенные арыки, плотины и валы. Такие остатки прошлого монгол содержит и вся местность близ Семипалатинска, сам же город Семипалатинск был основан при Петре Великом. А крепость, как оплот против киргиз-кайсацких орд и как защита развивавшимся серебряным рудникам Алтая, была сооружена в 1718 году.

Из немногих посещавших нас последнее время лиц помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней орды Мухаммед-Ханафия Валиханов (имя Валиханова упоминается в последних письмах Достоевского ко мне).

Он познакомился с Ф. М. в Омске у Ивановых и очень полюбил его.

Ехал он с секретным поручением правительства в Ташкент и Коканд[4], сопровождая торговый караван. Между прочим, он рассказывал нам, дабы удачнее исполнить правительственное поручение и не навлечь на себя внимание туземцев, чтобы скорее разузнать все, что ему требуется, он в обоих городах женился по киргизскому обряду[5]. Рассказал он нам и о ценах, по которым можно было приобретать невест. За самую знатную девушку ханского рода платили тогда калым по 9 голов всякого скота, т. е. 9 штук верблюдов, 9 лошадей, 9 коров и 9 овец. Валиханов имел вид вполне воспитанного, умного и образованного человека. Мне он очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его. Впоследствии я встречал его в Петербурге и Париже[6]. Как я узнал, вскоре он погиб, бедняга, от чахотки — петербургский климат доконал его.

П. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

ВСТРЕЧИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СЕМИРЕЧЕНСКОМ КРАЕ

Возвращаюсь к воспоминанию первого дня моего знакомства с генералом Гасфортом в Омске. Принял он меня очень приветливо; несомненно, что в тех условиях, в которых он тогда находился,

приезд командированного в его край члена пользовавшегося тогда уже большим авторитетом Русского географического общества был как раз в интересах генерал-губернатора, искавшего всякой поддержки в своих начинаниях со стороны независимых, беспристрастных и сколько-нибудь авторитетных свидетелей его действий.

При представлении моем Гасфорту я имел осторожность не произнести ни одного слова по поводу главной цели своего путешествия в Тянь-Шань... Я выразил только глубокое сочувствие Географического общества к деятельности Гасфорта на юго-восточной окраине Киргизской степи, и в особенности к колонизационному движению в Заилийский и Семиреченский края, и сообщил ему, что общество поручило мне изучить как природу мирно завоеванного им края, так и успехи в нем русской колонизации. «Вот почему я и не сомневаюсь,— сказал я,— что просвещенный инициатор нашего поступательного движения в Центральной Азии даст мне возможность не только посетить Верное, но и изучить, по возможности, геологическое строение края, его флору и фауну, а также и население соседней горной страны».

Гасфорт в ответ на это высказал надежду, что его роль как носителя просвещения в Средней Азии может принести более пользы для России, чем скороспелое, по его мнению, занятие водного пути, проходящего по чужому государству, прославленным его соседом по генерал-губернаторству, и что его мирное завоевание богато одаренного природой края будет оценено впоследствии историей, а пока ему приходится радоваться, что уважаемое всей Европой Русское географическое общество обратило свое внимание на только что занятый им край, почему он и приветствует молодого ученого, стремящегося к его изучению. При этом Гасфорт обещал немедленно исполнить мое желание и предписать местным властям оказывать самое широкое содействие моим исследованиям и давать мне достаточный конвой для поездок в горы Заилийского края, а также посылать вслед за мной топографов для съемки, по возможности, всех моих маршрутов.

Гасфорт тут же познакомил меня с находившимся у него в это время начальником всех топографических работ в Западной Сибири генерал-майором бароном Сильвергельмом и поручил ему показать мне не только все сводные картографические работы, но и все съемочные планшеты, исполненные в киргизских областях за время управления Гасфорта...

В Семипалатинске я встретил самый предупредительный прием со стороны губернатора, генерал-майора Главного штаба Панова, который, будучи предупрежден о моем приезде, выслал мне навстречу своего адъютанта, блестящего армейского офицера Демчинского, любезно пригласившего меня остановиться у него, так как в Семипалатинске в то время никаких гостиниц не было. Но всего более обрадовал меня Демчинский деликатно устроенным сюрпризом: он мне представил совершенно неожиданно у себя на квартире одетого в солдатскую шинель дорогого мне петербург-

ского приятеля Федора Михайловича Достоевского, которого я увидел первым из его петербургских знакомых после его выхода из «мертвого дома».

Достоевский наскоро рассказал мне все, что ему пришлось пережить со времени его ссылки. При этом он сообщил мне, что положение свое в Семипалатинске он считает вполне сносным благодаря добрым отношениям к нему не только прямого своего начальника, батальонного командира, но и всей семипалатинской администрации. Впрочем, губернатор считал для себя неудобным принимать разжалованного в рядовые офицера у себя как своего знакомого, но не препятствовал своему адъютанту быть с ним почти в приятельских отношениях. Надо заметить, что в Сибири вообще к находившимся уже на свободе ссыльным или поднадзорным начальство в то время относилось благодушно.

...Федор Михайлович Достоевский дал мне надежду, что условится со мной при моем обратном переезде посетить меня на моих зимних квартирах в Барнауле, списавшись со мной по этому предмету заранее...

Итак, 6 августа, около полудня, я подъехал с Демчинским к переправе через Иртыш, где нас уже ждал мой тарантас, прошедший осмотр таможни, и где нас встретил Ф. М. Достоевский. Переправа была довольно продолжительная, потому что летом вместо одной их бывает две: одна через Семипалатинский рукав Иртыша, а другая через самый Иртыш. Переехав через обе переправы, я простился со старым и новым своими приятелями, получив от них искренние пожелания успеха, и сел в свой тарантас, тронувшийся в путь в сопровождении четырех конвойных.

...После трехдневного беспрерывного переезда по почтовому тракту вернулся в Семипалатинск, где остановился по-прежнему у радушного Демчинского и, на этот раз пробыв у него дней пять, имел отраду проводить целые дни с Ф. М. Достоевским.

Тут только для меня окончательно выяснилось все его нравственное и материальное положение. Несмотря на относительную свободу, которой он уже пользовался, положение было все же безотрадным, если бы не светлый луч, который судьба послала ему в его сердечных отношениях к Марье Дмитриевне Исаевой, в доме и обществе которой он находил себе ежедневное прибежище и самое теплое участие.

Молодая еще женщина (ей не было и 30 лет), Исаева была женой человека достаточно образованного, имевшего хорошее служебное положение в Семипалатинске и скоро по водворении Ф. М. Достоевского, ставшего с ним в приятельских отношениях, и гостеприимно принимавшего его в своем доме. Молодая жена Исаева, на которой он женился во время своей службы в Астрахани, была астраханская уроженка, окончившая свой курс учения с успехом в астраханской женской гимназии, вследствие чего она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества. Но независимо от того, как отзывался о ней Ф. М.

Достоевский, она была хороший человек в самом высоком значении этого слова. Сошлись они очень скоро. В своем браке она была несчастлива. Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости. Поднять его нравственное состояние ей не удалось, и только заботы о своем ребенке, которого она должна была ежедневно охранять от невменяемости отца, поддерживали ее. И вдруг явился на ее горизонте человек с такими высокими качествами души и с такими тонкими чувствами, как Ф. М. Достоевский. Понятно, как скоро они поняли друг друга и сошлись, какое теплое участие она приняла в нем и какую отраду, какую новую жизнь, какой духовный подъем она нашла в ежедневных с ним беседах и каким и она, в свою очередь, служила для него ресурсом во время его безотрадного пребывания в не представлявшем никаких духовных интересов городе Семипалатинске.

Во время моего первого проезда через Семипалатинск в августе 1856 г. Исаевой уже там не было, и я познакомился с ней только из рассказов Достоевского. Она переехала на жительство в Кузнецк (Томской губ.), куда перевели ее мужа за непригодность к исполнению служебных обязанностей в Семипалатинске. Между нею и Ф. М. Достоевским завязалась живая переписка, очень поддерживавшая настроение обоих. Но во время моего проезда через Семипалатинск осенью обстоятельства и отношения обоих сильно изменились. Исаева овдовела и хотя не в состоянии была вернуться в Семипалатинск, но Ф. М. Достоевский задумал о вступлении с ней в брак. Главным препятствием тому была полная материальная необеспеченность их обоих, близкая к нищете.

Ф. М. Достоевский имел, конечно, литературные труды, но еще далеко не вполне уверовал в силу своего могучего таланта, а она по смерти мужа была совершенно подавлена нищетой.

Во всяком случае Ф. М. Достоевский сообщил мне все свои планы. Мы условились, что в самом начале зимы, после моего водворения в Барнауле, он приедет погостить ко мне и тут уже решит свою участь окончательно, а в случае, если переписка с ней будет иметь желаемый результат и средства позволят, то он поедет к ней в Кузнецк, вступит с ней в брак, приедет ко мне уже с ней и ее ребенком в Барнаул и, погостив у меня, вернется на водворение в Семипалатинск, где и пробудет до своей полной амнистии.

Этими предположениями и закончилось мое свидание с Федором Михайловичем и путешествие 1856 г., и я вернулся на зимовку в Барнаул в начале 1856 г.

Во время краткого моего пребывания в Омске я успел познакомиться, хотя еще довольно поверхностно, с лучшими деятелями города, о которых я уже упоминал выше. Но особенное внимание мое обратили на себя двое талантливых молодых офицеров, незадолго перед тем окончивших курс в Омском кадетском корпусе, которые сами искали случая познакомиться со мной.

Один из них, родом казак, поразил меня не только своей любознательностью и трудолюбием, но и необыкновенной, совершенно идеальной душевной чистотой и честностью своих стойких убеждений; это был прославившийся впоследствии как путешественник и исследователь Сибири и Центральной Азии Григорий Николаевич Потанин. Он был сыном весьма талантливого и любознательного казачьего офицера, который в первой четверти XIX века был часто командируем в Киргизские степи. Путешествуя по ним в пределах Области сибирских киргизов (ныне Акмолинской), он доходил до берегов реки Чу и пределов Кокандского ханства. Некоторые из интересных его маршрутов и глазомерных съемок дошли до Гумбольдта и были им использованы в его «Центральной Азии». Под конец жизни, несмотря на свою известность и заслуги, отец Потанина был разжалован в простые казаки, но сын его был принят в кадетский корпус в городе Омске и окончил там курс с большим успехом. В это время казачьи офицеры в чине хорунжего получали в год только по 90 рублей жалованья и пополняли свои бюджеты легкими при их командировках и исполнении служебных обязанностей в Киргизской степи поборами с киргизов. Но в этом отношении один Г. Н. Потанин составлял исключение. Действуя неуклонно по своим чистым и честным убеждениям, он не собирал с киргизов никаких поборов и ухитрялся жить на свои 90 рублей. С разрешения высшего начальства он занялся разборкой омских архивов и извлекал оттуда драгоценные для истории Сибири и сибирских казачьих войск данные. Само собой разумеется, что я не только заинтересовался судьбой молодого офицера, но при дальнейшем с ним знакомстве старался развить в нем любовь к природе и естествознанию, что впоследствии и привлекло выдающего молодого человека в Петербургский университет и выработало из него замечательного путешественника, этнографа и натуралиста.

Другим лицом, особенно меня заинтересовавшим в Омске, был Чокан Чингисович Валиханов. Киргиз родом из Средней орды, он был внуком последнего киргизского хана Валия и правнуком знаменитого Аблай-хана, потомка Чингисхана. Его мать была родная сестра Митридата киргизского народа — Кенесары Касымова. Родная его бабка по отцу — вдова хана Валия — со своими детьми оставалась верной России, в то время, когда остальные сородичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Вали принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана Валия и велел выстроить ей первый в киргизской степи дом, в котором и родился Чокан Валиханов. Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии уже в Петербурге под моим влиянием слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока, и в особенности народов, соплеменных

киргизам. Из него вышел бы замечательный ученый, если бы смерть, вызванная чахоткой, не похитила его преждевременно на двадцать восьмом году[1] его жизни. Само самой разумеется, что я почел долгом обратить на этого молодого талантливого человека особенное внимание генерала Гасфорта и по возвращении моем

П. П. Семенов-Тян-Шанский.

из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировке Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом...

В Омске я не нашел никаких перемен. Омское общество даже не прислушивалось к «далекому шуму» того, что происходило в России. Реформы, там готовившиеся, не волновали омского общества, непосредственно в них не заинтересованного. Оно еще не соображало, что освобождение крестьян неминуемо повлечет за собой ряд других реформ, которые изменят весь строй русской провинциальной жизни. Ни высшим чинам Главного управления Западной Сибири, ни мелким чиновникам омских канцелярий не приходило в голову, что возможность для первых получать дополнительное содержание от откупщиков и поставщиков провианта войскам, расположенным за государственной сибирско-иртышской границей в Семиреченском крае, а для последних возможность лихоимствовать столь открыто и безнаказанно — прекратится.

Только молодое поколение чиновников с высшим образованием, привлеченных в Сибирь преимущественно стараниями генерал-губернатора Гасфорта в качестве чиновников особых поручений, и вообще его ближайших сотрудников, еще не теряли мужества в своей тяжелой борьбе с хищничеством старого строя, но и они, убеждаясь вместе с генерал-губернатором в своем бессилии в этой борьбе, стремились к переходу в Европейскую Россию. Даже самые юные, талантливые и чистые душой развивающиеся местные деятели, как Г. Н. Потанин и Ч. Ч. Валиханов, глубоко проникнутые стремлением и жаждой к знаниям, стремились закончить высшее образование в Петербургском университете.

Расставаясь уже на этот раз навсегда с почтенным деятелем, оказавшим мне, во всяком случае, несомненные услуги, и поблагодарив его от имени Географического общества за широко оказанное им содействие моему путешествию, я еще ходатайствовал перед ним по двум частным вопросам.

Во-первых, я просил его командировать поручика Чокана Валиханова, переодетым в его национальный костюм, в Кашгар для того, чтобы собрать обстоятельные сведения о гибели д-ра Адольфа Шлагинтвейта, одинаково интересующие как Русское и Берлинское географические общества, так и вообще весь образованный мир, а также постараться собрать все, что могло уцелеть из собранных им материалов, дневников и т. д., а затем по возвращении Валиханова дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, приехать в Петербург на продолжительное время для разработки превосходных, уже собранных им этнографических и исторических материалов о Киргизской степи. При этом я обещал Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества.

Вторым моим ходатайством было освобождение сотника Потанина от окончания обязательных лет военной службы с целью дать ему возможность получить высшее образование в Петербурге. На оба мои ходатайства Г. Х. Гасфорт с удовольствием дал согласие, объяснив мне, что он всегда и везде подавал руку помощи всем талантливым людям, ему встречавшимся.

В Омске я пробыл только три дня и поспешил в Петербург, куда я стремился ко времени пылко мной ожидаемого обновления России.

Приехал я в Петербург к 15 ноября 1857 г.

Л. Н. ПЛОТНИКОВ

[МОЯ ВСТРЕЧА С ВАЛИХАНОВЫМ В ПЕТЕРБУРГЕ]

Ноябрь, 1860 г., Оренбург

В 1860 году отправлена отсюда в Петербург четвертая депутация. В составе ее были от Области оренбургских киргизов восточной части: султан-правитель ее, есаул, султан Мухаммед Джантюрин и бий Джугары-Чектинского отделения аргынского рода зауряд-сотник Беримжан Чегенов; средней части: управляющий чумекеевским родом[1], войсковой старшина, султан Ермухаммед (Илекей) Касымов и чиклинский бий Кабакова отделения[2] Азберген Мунайтпасов[3]; западной части: султан-правитель ее, подполковник, султан Мухаммедгали Тяукин[4] и управляющий Асановым отделением чумичли-табынского[5] рода бий Алдаш Байганин; от сыр-дарьинских киргизов, управляющие: алчинским родом бий Амангулова отделения Исет Тулепов и каракуйлыевым отделением Дюрткаринского рода зауряд Сердали Бекчурин; от Внутренней орды: советник тамошнего временного совета, хорунжий, ходжа Мухаммед Салих Бабаджанов[6] и депутат с Внутренней уральской линии тархан Габайдулла Исенбаев.

При них пять человек прислуги из простых киргизов.

За переводчика состоящий по армейской кавалерии и при Областном правлении оренбургских киргизов подпоручик султан Сейдалин первый.

Сыр-Дарьинские бии: Исет Тулепов и Сердали Бекчурин, оба люди способные, почти одних лет с Алдашем, оба настоящие киргизы; первый безграмотен, второй пишет по-киргизски и очень любопытен, рисовал по-своему все, что ни видел: проедет по железной дороге — дорогу срисует и локомотив изобразит и за ним ряд вагонов; побывал в Эрмитаже — принялся, кажется, копировать на память «Последний день Помпеи». Скоро, однако, бросил карандаш, потому что некоторые товарищи, и даже самые просвещенные, стали некстати подшучивать над Сердали, а другие уверять, что Коран запрещает это греховодное искусство. Убеждения мои, что пустых речей слушать не стоит, не могли уже подействовать на бия. Он постоянно жалел только об одном, что не говорит по-русски. В Москве на обратном пути ему подарили русскую азбуку, и я уверен, что Сердали выучится по ней читать,

хотя не знает Золотовской методы. В Петербурге оба бия были ныне впервые.

Султана Тяукина и ходжу Бабаджанова многие не узнают здесь в очерке г. Небольсина. Они, как люди, вообще достойные полного внимания, нисколько не нуждаются в утрировке и потому заслуживали бы более совестливого эскиза без лишних прикрас. Ни тот, ни другой, конечно, не останутся в проигрыше, ежели не станем проводить параллели между ними и штабс-капитаном султаном Валихановым, с которым я лично познакомился в Петербурге и провел несколько самых приятных вечеров,— под мерку его способностей и знаний не только не придутся они, но, пожалуй, и мы с г. Небольсиным. Чокан Чингисович — покуда единственный феномен между киргизами, и в наших оренбургских степях, может быть, долго еще ждать такого явления.

А. ЕРМАН

[ПУТЕШЕСТВИЕ ВАЛИХАНОВА В КАШГАР]

На заседании [Географического общества] господин Ковалевский*[1] передал обществу новейшие сведения о Кашгаре, привезенные вернувшимся оттуда русским путешественником Валихановым. Господин Валиханов, сын киргизского султана, свободно говорит на диалектах той страны. Он единственный из европейцев, кроме несчастного Шлагинтвейта, кто ступил на эту землю. Валиханов достиг Кашгара через несколько месяцев после казни Шлагинтвейта. Между тем политическая обстановка в ханстве изменилась и благодаря этому [Чокану] Валиханову удалось осуществить свою экспедицию. В то время, когда эту страну посетил Шлагинтвейт, там происходило восстание [местного населения] против Китая, которому она платила непосильную дань. Восстанием руководил ходжа [Валихан-тюре]. Этот ходжа, славившийся во всей Средней Азии своей жестокостью, казнил прибывшего туда немецкого путешественника. Однако к прибытию Валиханова в Кашгар его [Валихана-тюре] снова прогнали, и Кашгар снова попал под власть Китая. Господин Валиханов после пребывания в Кашгаре в течение нескольких месяцев благополучно возвратился в Россию и сделал исчерпывающий отчет о своем путешествии.

О русско-киргизском путешественнике Валиханове и его экспедиции в Кашгар в 1858—1859 г. см. Archiv, XIX, 578*[2]. Мы собираемся еще вернуться к его истории Восточного Туркестана, где говорится о новейших кровавых событиях, стоивших жизни несчастному Шлагинтвейту.

*[1] Егор Петрович Ковалевский, директор Азиатского департамента.
*[2] Неточно, следует читать *598*.

Некоторые подробности смерти Шлагинтвейта были сообщены в «Северной пчеле» по докладу Валиханова, откуда они попали в немецкую периодическую печать[1].

Отклик в печати на исследование Валиханова о киргизах

Выступивший в недавние годы на поприще ученой литературы и уже успевший приобрести себе общее сочувствие и уважение молодой потомок Чингиса, внук киргизского хана Валия, султан Валиханов, описывая в недавно вышедшей книжке «Записок Географического общества» Джунгарию, вот как, между прочим, рассказывает о пребывании своем у дикокаменных киргизов, или, как их еще зовут, у бурутов, на пути в Кашгар, куда проникал он в 1859 году с кокандским караваном: «Мы попали в аул бия Бурсука, родоначальника небольшого поколения хадык*[3]. Знакомство мое с киргизами началось в 1856 г. В 1855 г. верховный манап племени бугу, Бурамбай, с подвластными ему родами, в числе 10 000 кибиток, поступил в подданство России, и весною следующего года отправлен, по просьбе самих киргизов, казачий отряд под начальством полковника Хоментовского для ближайшего знакомства с киргизами и съемки земель, принадлежащих этому племени. Эта первая русская экспедиция в течение 2 месяцев успела обозреть северную часть озера Иссык-Куля и снять в двухверстном масштабе карту местности по его северному берегу до р. Аксу, по южному — до р. Зауку. Находясь при экспедиции, я посетил аул Бурамбая, собрал несколько замечательных преданий и составил записку о дикокаменных киргизах. Впоследствии я имел столкновение с бурутами других племен: сарыбагышами, солту и, наконец, в настоящее путешествие познакомился с их кочевьями, [простирающимися] до самого Кашгара».

Сводя затем все показания ученых, каковы Клапрот, Фишер, Аб. Ремюза, Риттер, Иакинф, Абулгази, Рашид-Эддин, и приравнивая к ним разные памятники старины, ныне ученый султан приходит к тому результату, что происхождение и история дикокаменных киргиз до сих пор для занимающихся разработкою китайских и восточных источников остается вопросом нерешенным, спорным. Для разъяснения этой путаницы г. Валиханов обратился к народным преданиям и получил следующие данные:

1) народ, означаемый именем дикокаменных черных киргизов, называет себя просто киргиз, или, как сами они произносят, қырғыз. Название бурут, данное им калмыками и китайцами, совершенно им неизвестно.

2) Киргизы считают своей первой родиной Анджанские горы.

3) Предания о переселении из Южной Сибири между ними не сохранились, но есть предание о том, что они кочевками своими с

*[3] Точнее, *кадык*.

юга на север распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток — до Урумчи.

М. С. ЗНАМЕНСКИЙ

ДНЕВНИК АУЛИЕ-АТИНСКОГО ПОХОДА (1984 г.)

Сегодня байга, устроенная милицией[1]. Но об этом роде увлечений я имел уже понятие и видеть подобное зрелище второй раз желания не чувствовал, а потому и предпочел поехать с Чоканом Валихановым и М. к торчащей перед нами башне, но и тут неудача. Видимая ее близость оказалась обманчивой, пришлось бы проехать туда [всю] ночь, да, пожалуй, еще наткнуться на какое-нибудь происшествие. Не следовало забывать, что мы прогуливались по чужой земле. Ну, и отъехав версты две, мы воротились снова в лагерь, который застали веселящимся, т. е. около начальнической палатки огромный хор солдат орал песни сального содержания. Какой-то артист чуть не полчаса ходил на руках вниз головой, болтая рифмованную чушь и выделывая ногами разные штуки, очень потешающие хохочущую публику.

Я со зрительной трубой принялся разглядывать башню, освещенную заходящим солнцем. Мой гость муфтий тоже заинтересовался взглянуть на нее и, возвращая мне трубу, сообщил об этой башне следующую легенду: «Давным-давно тут был город и жил тут манап, а у него родилась дочь красавица, ну он и спросил у ученых людей, что с ней будет? Те сказали, что умрет она от каракурта. Ну, манап и велел,— построить высокую башню наверху, и там жила его дочь. Только не помогло это. Кому уже как умереть, тот так и умрет; не помогла и башня, принесли ей раз плодов, да недосмотрели, а там был каракурт, укусил ее, и она умерла».

Эту легенду надо понимать аллегорически,— вмешивается подошедший развеселившийся воин. Отец засадил ее туда просто, чтобы сохранить ее девство, ну-с, и... развеселившийся воин пустился в рассказ...

13 мая.— Сколько раз посылал... вы не сказываете, поди разбуди ..,— говорит Чокан Валиханов, с которым я решил добраться сегодня до башни, Алексею Федоровичу.

— Извольте, будите сами, я не могу. Как же я буду будить, ведь они благородные.

— Да разве благородных не будят?— Но с моим Алексеем Федоровичем столковаться было трудно. Оказалось гораздо проще будить самому.

Однако же моя вечерняя решимость скакать куда угодно утром оказалась несостоятельной, и я, перевернувшись на другой бок, снова унесся далеко от бурливого Чу. Дневки очень распола-

гают ко сну, даже когда уже не хватает никакой физической возможности спать...

Около ближайшей передо мной палатки священника собрались солдаты и певчие. Хочется отцу духовному сегодня молебен отслужить, и ходит он в своем казинетовом полукафтане и серенькой шляпе, постоянно осведомляясь, не проснулся ли полковник; то же самое интересует и моего сожителя Губаря[2], назначенного сегодня в рекогносцировку осмотреть дорогу верст на 10 вперед.

Вот запищал что-то сигнальный рожок.

— К обедне благовестят,— замечают наши драбанты, наливающиеся чайком. Потянулись солдатики, и начался молебен. Кончилось водосвятие, и началось ошибочное захождение в нашу палатку имеющих экстренную потребность до Василия Павловича, гостеприимного маркитанта.

Стоянка у всех, кроме меня, развивает какую-то задорливость, то и дело что затеваются пикировки, переходящие в занятие крутым словом. Не любящие же ничего горячего или спят, или лениво толкуют о разноречивых сведениях, полученных нами со стороны еще пока далекого Аулие-Ата. По последним нашим известиям, там нет никаких тысячных толп, а такой же гарнизон, какой и прежде был, и таким манером тянулся незанимательный день скучно и долго и дотянулся по обыкновению до зари с церемонией: с громким пушечным выстрелом, нестройной музыкой и яркой высоко взлетевшей ракетой; настала ночь, по обыкновению темная, прохладная, с лающими собаками, квакающими бесчисленными лягушками. Веселая компания, сгруппировавшись в одной палатке, в тридцатый раз начинает запевать: «Возле речки, возле мосту», но выходит что-то не то. «Спиться-то спились, а спеться не успели»,— острит лавирующий между палаток солдат.

15 мая. Концерт у нас по утрам, заступы на черенки налаживают, точат их; и, я думаю, нарочно при этом такой шум поднимают, чтобы слышно было и у подошвы Александровского хребта*[4]. Дело в том, что вчера начали здесь закладывать первое Зачуйское укрепление, что, как говорят, очень удивило киргиз. В прежнее время два года ходили по этим местам и только разоряли городки, а теперь сами строятся. «О урус, урус»,— шепчут многие из милиционеров и группируются подальше от лагеря в пестрые кружки и начинают толковать между собой, должно быть объясняя необыкновенное явление.

16 [мая]. После надоевшей долговременной стоянки, развившей у всех почти воинственность, обнаружившуюся словесными турнирами, мы продвинулись дальше. Вот и башня проводила нас, там и сям валяются полусгнившие лоскуты войлока да коякдеревяшки, расколотые пополам, и сшитая ремнем чаша, обломки глиняной посуды — вот все археологические находки, предстаю-

*[4] До этого и ныне Кыргызын-Алатау.

щие глазам любознательного путника. Далее следуют остатки Токмака, издали очень похожие на полуразбитую желтую мазанку, направо и налево идут ровные, [расположенные] правильными квадратами загородки прибитой глины аршина на полтора вышиной.

— Тут были все сады,— говорит мне султан*[5],— все вырублено, даже пенька не осталось.

Действительно, не осталось ни пенька, только трава с красным маком да большими незабудками — пейзаж уже приевшийся, направо — горы, перейденные нами, без снежных верхушек, налево — Александровский хребет со снежными верхушками, прямо белеется Курисай.

— Посмотрите, гауптвахту стоит срисовать,— говорит мне Д.[3], выезжая из узеньких Токмакских ворот по кучам мусора в виде бутылки.

— Скажите, пожалуйста, что за цель была разрушать Токмак и вырубать сады?

— То же самое, как и теперешний поход,— отвечал он, ловко перепрыгивая через разделявший нас Токмакский узенький ров.

— Вот солдат, который не послушался в ущелье,— показал мне подъехавший субалтерн*[6],— сожитель решил его дело.

— Чем?

Да передано [было] в суд роты, та и передала его на месяц без очереди в караул, ну, а Ч.[4] нашел это решение слабым и приказал отобрать у него ружье и заставить пасти быков. Плачет, просит хотя ружье-то ему возвратить, никогда, говорит, я без ружья не был.

18[мая]. Вчера обещали нам дневку в награду за большой переход, но сегодня в 12 часов решение изменено и велено было в три часа двинуться дальше; разумеется, спорить не стали и к назначенному часу белевшие палатки исчезли, словно сон, на солнышке остались только темные комки в виде лежащих и кричавших верблюдов с нашим имуществом на горбах.

Священник с охотниками двинулся вперед. Через час после его отъезда двинулись и мы; сегодняшний день оделся в какую-то мрачную одежду; солнца нет, по небу быстро летят клочья серых туч, ветер дует нам в спину, взметает массы пыли, а при такой обстановке тянущийся огромный отряд с пушками, верблюдами и волами кажется очень грозным. Я свернул в сторону за версту, чтобы посмотреть вблизи на одиноко торчащее священное дерево, темнеющую массу, любопытство тянуло поскорее доскакать до нее. Но по дороге, усеянной могильными памятниками, один своей красотой заставил меня остановиться и срисовать его. Этот могильный памятник — муллушка*[7], как называют их русские, по-

*[5] То есть *Чокан Валиханов.*

*[6] *Субалтерн* — младший офицер, подчиненный ротному командиру.

*[7] От казахского *мола,* например, *ак-мола* — белый памятник.

ходил на небольшую церковь с легким куполом, с разными украшениями над дверьми и ярким фантастически изящным орнаментом внутри; войти в такую муллушку в жаркий день — истинная отрада. Но, к сожалению, за весь поход такие муллушки приходились всегда почти на средине*[8] дороги и тем самым не позволяли мне срисовать до мельчайших подробностей все их живописные изображения. Кроме того, в некоторых внутренняя раскраска отбита дикокаменными киргизами. В одной из таких муллушек я встретил под куполом ряд человеческих фигур, [нарисованных] взамен орнаментов; тут были фигуры, поражающие тигров и сражающиеся между собой пиками, караваны зеленых верблюдов, женские фигуры, подносящие кумыс наездникам. Фигуры были пестры и ярки, но рисунок первобытный, что-то среднее между рисованием ребенка и нашими суздальскими рисунками*[9].

— Каким это образом попали в муллушки изображения людей?— спросил я Чокана Валиханова,— когда у мусульман это строго запрещено.

— Ну киргизы только слова, что мусульмане, даже я их мусульманнее.

Занявшись муллушкой, я подъехал к Мерке с арьергардом.

Глиняные домики, стоявшие перед крепостью, были пусты; пробираясь в крепость, мы встретили киргиза, навьючившего себя жердями от кибитки.

— Зачем ты это утащил?— решился я заметить ему. Еще решительнее повторил этот же вопрос мой спутник, ротный командир.

— Приказано,— ответил нам лаконически киргиз, не поворачивая даже головы, и пустился далее.

У первых ворот крепости сидела сухая фигура слепой старухи, только клочки седых ее волос да белая тряпица на голове, трясясь, отделялась от темной стены. Прочее же — ее полунагое сухое тело и клоки рубища — все это было одного цвета с бронзовой стеной. Всякий, понимающий киргизский язык, узнавал от нее, что 4 дня назад все жители Мерке, узнав, что идут русские, убежали в Аулие-Ата, бросив и свои стены, и все на произвол судьбы русских; миновав поскорее это жалкое подобие человеческой фигуры, я въехал в ворота и очутился у подошвы холма, на котором стоит крепость. На страшно неровной, грязной и прорытой ручьем местности стояли кибитки, обложенные соломой, или одни только черно-красные остовы их; в грязи валялись старый войлок, бараньи шкуры, циповки, огромная арба с поломанным колесом. Все показывало на суматоху, с которой бежали жители от грядущих цивилизаторов. Запах мертвечины так и бросался в нос. Штаб, приехавший раньше, нашел тут несколько трупов; были ли это больные, брошенные в поспешном бегстве и умершие с голода,

*[8] Очевидно, надо читать: *на стороне.*

*[9] Зачеркнуто: *изображающие руки и ноги палочками и линиями.*

или убитые,— неизвестно; у одного не было головы, у другого объедена рука, в третьем копошились черви. Но чтобы не портить аппетита, лучше подобные вещи не рассматривать, по крутейшей узенькой дороге подняться в самую крепость.

У крепостных ворот стоят двое караульных казаков, поставленных начальством в предупреждение расхищения жалких остатков. При нашем приближении они сочли долгом лениво крикнуть вниз на солдат и казаков, забравших остовы кибиток на дрова.—«Не трогайте, ребята, не приказано». Ребята посмотрели вверх и тронулись с ношей восвояси. У этих ворот на маленькой платформе, словно на пьедестале, сидел тоже брошенный на произвол судьбы сухонький мальчик с большими черными глазами; вскинул он на нас глаза и снова принялся с жадностью за сухари, данные ему солдатами. Солдаты, как мне говорили, считают долгом принимать на свое попечение подобных подкидышей и кормят на перерыве, иной раз лишая себя последней котомки, чтобы уложить беднягу помягче. Если это так, то они очень мало в этом случае походят на казаков. За переход до Мерке в одной крепостце также нашли мальчугана-идиота. Казаки в мудром совете своем порешили было пришибить его, может, он только дурачком притворяется, а на самом-то деле лазутчик какой.

В крепости то же самое, что в предместье, торчат пустые мазанки, да скелеты кибиток; зашел в казармы — сыро, пусто и грязно. Заглянул в прикрытую доской яму, существующую в качестве гауптвахты, не дай бог попасть туда, одна сторона этой сырой ямы, именно по направлению к ближайшей стороне холма, имеет нишу; очевидно, какой-нибудь заключенный, может быть последний из заключенных, намеревался костями прорыть себе свободу. На маленьком дворике лежит издыхающий охотничий ястреб, оттолкнув его с дороги, я взобрался на своего серого флегматика и двинулся в лагерь, [чтобы] утолить свой жар горячим чаем.

Около нашего лагеря был некогда садик, обнесенный глиняной стеной. Теперь тут желтеют только два деревца, остальные вырублены в прошлом году на поправку крепости после нашего разорения. Около этого сада стоит полотняная палатка, прикрывающая холмистую насыпь. Эта могила знаменитого манапа и батыра Джан-Карача и, по обычаю, до тех пор, пока над прахом не построится муллушка, будет стоять эта палатка. Был при манапе и почетный караул, но разумеется, заслышав о нас, изменил праху храброго и бежал с прочими прочь. Наша милиция прежде всего отправилась к этой могиле, выстроилась перед ней и спешилась, и начали молиться*[10]. Садик считается священным, два деревца увешаны тряпками и обложены костями жертв. Здесь, по уверению киргизов, сидел, отдыхал и стриг себе ногти (Аулие-Ата).

— Уже это так верно,— отвечают они вам на вашу какую-нибудь скептическую выходку касательно этого достоверного факта.

---

*[10] Милиция состояла только из казахов.

24 [мая]. Намерение мое встать пораньше и идти срисовать крепость в первобытном виде, так как за нее принялись еще вчера наши солдатики, чтобы переделать по-нашенски для остающегося тут гарнизона и части обоза, не состоялось, только в семь часов, вооруженный карандашами, я подступил к этой твердыне, но увы, от прежнего осталось очень мало. Я сел около саженного островка, на котором посреди лохмотьев сидели мальчуган и старуха.

— Аман (здравствуй),— сказал я мальчику.

— Аман, аман,— весело заговорил он и, колотя себя по голому пузу, прибавил, улыбаясь: Джаксы (хорошо),—потом показал на мешок, наполненный сухарями.

Старуха сидела молча, устремив свои белые глаза к крепости, откуда несся стук кирок и солдатский говор, щеки ее были мокры от слез, а тонкие бронзовые губы постоянно двигались.

Подошедший солдат сказал мне, что мальчик просит, чтобы взяли его с собой в Аулие-Ата, так как отец его еще осенью ушел туда, оставив его на попечение одного джигита, который в свою очередь поручил его произволу.

Завтра зоолог, этнограф, Валиханов и горный офицер[5] оставляют штаб и с ротой, горным орудием и казаками идут в горы. Мы намерены простоять здесь дня три и потом идем к нашей цели Аулие-Ата, оттуда же известий никаких, и большинство полагает, что и аулиеатинцы убегут точно так же, оставив нам несколько калек.

А в ожидании аулиеатинских калек мы пока любуемся собственными.

— Пожалуйста, кушать,— произносит с обычной своей улыбкой штабной вестовой, просовывая свою голову в нашу палатку.

Подобные приглашения служат сигналом, по которому является Алексей Федорович с чайником не совсем чистой воды, и мы начинаем совершать свой туалет. Чай, он снова закурил папиросу. Ташкентцы послали посольство к оренбургскому генерал-губернатору.

25 [мая]. Мерке. В 10 часов подошли мы и к этой крепости, к первой не разрушенной на нашем пути. Зубчатые стены, угловые башни с зубцами и из-за стен выглядывающее строение — все это смахивает на средневековый феодальный замок, так знакомый мне по картинам. Глазея далеко, один за одним вкатываемся под зеленый шатер, штабные размещаются около длинного стола на чем бог послал; ранее пришедшие сидят на складных стульях, опоздавшие садятся или на бочонок, или на пустой ящик с надписью «киевское варенье» и т. п.

У Валиханова на тарелке лежат два листика желтой лощеной бумаги, исписанные и с печатями в конце, третью он читает и переводит. Это письмо манапов.

«— Услышали мы,— читает Валиханов,— что идут русские и просим принять себя в подданство царя белого, желаем всю жизнь есть соль царскую. Мы прежде были подданными хана и ели его

соль, но власть хана ослабела, просим охранять наши пашни от потравы. Пашни-де царские и скот наш — скот царский. Если мы будем хорошими подданными, то жалуйте нас, а коли худыми, то наказывайте».

Обеды эти никогда не проходят молчаливо. После чтения писем начали передавать сведения об Аулие-Ата. В Аулие-Ата 1000 человек гарнизону, 500 домов, 2 пушки, рассказчик, получивший эти сведения от киргиза; успевшего пробраться к ним, показывает руками величину в аршин, одна треснувшая, у коменданта 30 крепостных ружей. А сколько у джигитов, он того не знает. Жители Аулие-Ата уверены, что царь русский брать Аулие-Ата не позволит, точно так же, как и Туркестан. Придут-де русские, как и в прошлом году, посмотрят и уйдут.

Но речь из повествовательной постоянно переходит в полемическую и делается общей...

— Это слово не русское, прежде оно не употреблялось и теперь не употребляется в русской речи,— слышится с одного конца.

— Господи! Опять что-то новое,— произносится с другого. Право, и в университет ходить не стоит, за один поход энциклопедистом будешь.

— А употребляют ли это слово московские просвирни,— прорезывает общий хаос [голосов] из центра,— так как говорят, что у них только и можно слышать чистую речь.

Из-за которого [слова] делается общая кутерьма и крик, и, когда шум позатих, оказывается, что речь идет о слове баранта.

— Баранта — это совсем не то, что вы называете барантой. Баранта допускается киргизским законом. Это не более как угон скота у провинившегося. Значит восстановление правосудия самовольными действиями. А то, что вы называете барантой,— называется чапу[6].

И снова хаос голосов. Ласточки, прогнанные из провалившейся крепости и начавшие лепить свои гнезда на подпорках нашего шатра, бросают работу и удаляются.

— Хорошо было бы Байтыка и других подобных ему господ вместо всяких ухаживаний за ними нагайками сечь и (розгами) драть следует,

— Разумеется, против этого взгляда на вещи спорить, нельзя, он существует у многих еще, вот, например, у плантаторов. Но я должен заметить, что у киргизов телесного наказания не существует и не существовало.

— Ну, вот вещь! Это новость. Раздался хор, такой громкий, что возвратившиеся было ласточки сделали сальто над нашими фуражками и исчезли вновь.

— А если теперь существуют в степи нагайки,— продолжал хладнокровно оратор, выдержав залп [голосов] противников,— то они внесены цивилизаторами русскими.

— Ну да, сказать, может вы докажете.

— А в доказательство я вам укажу на приказ областного губернатора — генерала Клейста[7]. В нем между прочими проектами об улучшении быта киргизов есть и о нагайках.

К. ГУБАРЕВ

КИРГИЗСКАЯ СТЕПЬ

(Посвящается Чокану Валиханову)

Киргиз-кайсаки очень охотно учатся грамоте и вовсе не имеют предубеждения против нее, в чем уверяли рапорты заседателей и заключения с областных мест[1]. Вообще кайсаки очень восприимчивы к цивилизации, потому что они не такие фанатики, как прочие мусульмане: муллы и ахуны не имеют в их глазах той святости и непогрешимости, какая приписывается этим лицам татарами и кавказскими горцами; они иногда обращаются за совершением обрядов к сторонним лицам, читающим Коран. В доказательство этого я, как очевидец, приведу то, что кочующие близ Омска за Иртышом киргизы часто приглашали для совершения обрядов одного русского чиновника, изучившего во время бытности в Оренбурге киргизский язык и быт, и он венчал их, а в случае отказа его приятельски бранили. Грамотных киргизов (читающих и пищущих по-татарски) очень мало; в целом округе, за исключением мулл, нескольких султанов, биев, едва ли найдется 10, 15 человек; молодежь же охотнее учится по-русски; я знал двух киргизов, занимавшихся в Каркаралинском приказе из одного желания усовершенствоваться в русской грамоте. В последнее время султаны и старшины сами без стороннего понуждения начали помещать своих сыновей в Омский кадетский корпус, из которого вышел Чокан Валиханов — такая способная, развитая и дельная личность, какой не появлялось ни между одними инородцами сибирскими.

А. К. ГЕЙНС

ИЗ ДНЕВНИКА 1865 г.

16 июля. Сегодня утром явился к начальнику штаба Кроериусу[1], а потом вся комиссия[2] *in corpore**[11] представлялась генерал-губернатору Дюгамелю. Он был любезен с нами, но сквозь эту любезность проглядывала враждебность и недоверие к нашим силам. Г[ирс][3] говорил пустяки высоким слогом. Я не без любопытства

*[11] В полном составе.

смотрел на тушу мяса, называемую Дюгамелем, которая, т. е. туша, пользовалась когда-то репутацией ученой. Г[утковски]й[4] говорил с достоинством и толком. Из разговора Дюгамеля я увидал, что он знает край не лучше меня, что он апатичен, равнодушен ко всему и враждебен нашему наступательному движению в Средней Азии. Впрочем, эта враждебность есть результат того, что Черняев был прислан из Петербурга с готовым завоевательным планом и что он поставил себя во враждебное отношение к сибирским властям. Когда мы откланивались, Дюгамель пригласил нас завтра обедать.

17 июля. Сегодня утром вся комиссия делала визиты членам совета Главного управления: Войнову, Пелино, Врангелю, Супруненко и Солодовникову. Обедали у Дюгамеля, у которого был Кроериус и адъютанты. Разговор вертелся около общих предметов. Кроериус (интриговавший против покойного Валиханова, этой честнейшей и чистейшей личности за то только, что государь дал ему аудиенцию и поцеловал) сказал про него несколько невыгодных слов. Я рассказал, что лучшие ориенталисты, в том числе и Ковалевский, считают его замечательным ученым, лучшим другом кайсацкого народа, хранителем русских государственных интересов. Дюгамелю этот отзыв, как я и ждал, видимо, не понравился.

Омск сносный город настолько, насколько может быть сносна столица управления и обитель главнейших чиновников Западной Сибири. Ни торгового, ни исторического значения он не имеет. Крепость стара и заброшена как упраздненная. Из-за округленного вала выглядывает черный частокол, окружающий четырехугольное пространство внутри бастиона. Это «Мертвый дом», где содержался Достоевский. Город собственно лежит на левом берегу Оми. Мечеть — едва ли не лучшее здание города. И как видна во всем искусственность: около главной мечети построен большой меновой двор[5], стоящий всегда пустой; иные говорят, что это здание построено для приезжих знатных азиатцев, послов и проч. Во всяком случае он стоял пуст со времени своей постройки...

Переменив лошадей, мы поехали по направлению к Балтабаю. Едва мы проехали четверть пути, как к нашему экипажу подскакало трое кайсаков[6] и начали что-то рассказывать со странными жестами. Оказалось, что они сообщили, что султан Чингис Валиханов приехал на Балтабай. Когда их поняли, они поехали рядом с экипажем. Все трое особенно бросались в глаза.

У юрты, приготовленной нам на Балтабае, я увидел полковника в каком-то фантастическом костюме[7]. Это был Чингис Валиханович, хотевший явиться к Г[ирсу] как председателю комиссии.

Когда подъехал последний экипаж, мы уселись в юрте, устланной ташкентскими коврами и имевшей вообще весьма щегольской вид. Повар, приехавший на Балтабай ранее нас, приготовил уже обед, что было весьма кстати. Валиханов обедал вместе с нами. После того он разостлал около юрты коврик для молитвы и уселся творить намаз, а потом топот его многочисленной свиты показал, что султан уезжает в свою ставку. Мы сели на коней и поехали

с визитом к Чингису Валихановичу. Он выехал к нам навстречу не нарочно.

Объезжая свой круг, Чингис Валиханович подъехал к Балтабаю и разбил свою юрту в двух верстах оттуда. Теперь мы ехали к нему и, приближаясь к юрте, по совету Г[утковско]го, в знак уважения к султану, поехали ровным шагом. У дверей юрты нас встретил султан.

Чингис — другой сын Валия, последнего хана Средней орды, сына Аблай-хана, подчинившегося России в 1783 году. Этот род происходит по прямой линии от Чингисхана. Отец Чингиса Валихановича отличался преданностью России, и ханша Айганым по смерти Валия получила от императора Николая*[12] в потомственное владение обширную землю в 100 кв. верст. Тут ей была выстроена мечеть, дом, училище, баня, мельница; но все это было сожжено кенесаринскими шайками, а после того не возобновлялось.

4 августа. Мы упросили Чингиса ехать назад, в Кокчетав, и помочь своим опытом и содействием нашим работам*[13].

6 августа. Странное дело. Проведя всего несколько дней в степи, я уже не мог спать в комнате спокойно; она казалась мне душною. Недаром у кайсаков, живущих в домах, делаются головокружения от недостатка, как говорят они, воздуха.

Сегодня воскресенье. Мы отправились с визитом к Чингису Валиханову. Между прочим, мы просили его составить при помощи умных биев пояснительную записку о том, как по обычному праву наказывались у них те преступления, которые теперь судятся по русским законам. Потом расспрашивали, что такое баранта по кайсацким понятиям.

Чингис затруднился и весьма отрывочно пояснил таким образом: кайсаки по своему обычному праву полагали огромное различие между кражею, грабежом и барантою. Первые преступления считаются позорными, и они наказывались решением биев и до недавнего времени ханом; вторая есть весьма часто результат степной жизни. Баранта может иметь своею причиною: неуплату долга, ссору, родовую неприязнь. Она имеет место только тогда, когда суд биев не хочет или не может удовлетворить претензию какого-нибудь индивидуума. Совершивший баранту уплачивает только убытки, причиненные ею; однако это только в том случае, если она не была простым грабежом и не сопровождалась убийством. Отличают грабеж от баранты, потому что жители родов и волостей знают, были ли достаточные причины, оправдывающие баранту.

После обеда говорили долго с пришедшим к нам Чингисом. Он рассказал любопытный случай, когда он еще был султаном Кушмурунского округа.

Чингис, старший султан Кокчетавского округа, доказал свою преданность России во время кенесаринского возмущения, когда он находился при отрядах, действовавших против грабителей.

*[12] Правильно: *Александра I.*

*[13] То есть *Степной комиссии, организованной правительством в 1865 г.*

Он уже тридцать лет на нашей службе и исполняет ее по мере сил. Сын Чингиса, Чокан Валиханов, получивший образование в Сибирском кадетском корпусе, отличался необычайными способностями. Сенатор Е. П. Ковалевский, бывший директор Азиатского департамента, говорил, что, судя по путешествию в Кашгар и отчету, сделанному Чоканом, он имеет право назвать его гениальным молодым человеком. К несчастию, его не поняли. Администрация Сибири обиделась, что без ее посредства Чокана представили в Петербурге государю и он обласкал его. Начался ряд оскорблений и придирок, уложивших Чокана в настоящем году в гроб*[14].

Мы недолго сидели у султана. Выпив у него отличного кумысу из огромной сабы, мы поехали назад, пригласив его обедать и попросив оповестить, что около пяти часов назначается около нашей юрты байга, т. е. скачка на приз.

Возвращаясь от Валиханова, я отстал у озера, чтоб сделать до дюжины промахов по уткам, а остальная публика отправилась к юрте...

11 августа. Чувствую, что я приобретаю беспрерывно новые сведения о кайсаках и стране. Но эти сведения приходят так неуловимо, слагаются из таких дифференциальных величин, что я никак не могу уловить их.

Чингис Валиханов обрисовал мне очерк промышленности здешнего округа.

Вот в кратких словах то, что я от него услышал о промышленности киргизов.

Рубахи, чапаны (халаты), тулупы, ергаки на шубы, малахаи (меховые шапки), шалбары, бешметы, камзолы, тюбетейки, вышивка кошем — все это составляет предмет домашних забот, не покупается, а шьется женщинами. Изредка только тюбетейки, преимущественно щегольские, покупаются у ташкентцев.

Женщины, кроме того, шьют на продажу: тайтеры — шубы из годовалых жеребят. Они продаются крестьянам на ярмарках в окрестных селениях и городах на линиях. Шьется в тех аулах, где большое количество лошадей. Женщины же шьют на продажу крестьянам армяки из невысоких сортов армячины. Последние, будучи сделаны из чистой верблюжьей шерсти, дороже. Большею частью верблюжью шерсть перемешивают с бараньей.

Армяки носят все небогатые киргизы: джатаки, работники. Армячина для такого обширного потребления получается в Кокчетавском округе, где мало верблюдов, от Баганалинских волостей[8] Атбасарского округа.

В июне месяце каждого года четыре волости баганалинцев прикочевывают к Ишиму от Улутау. К Ишиму прикочевывают части пяти волостей Кокчетавского округа и тогда происходит закупка армячины у баганалинцев, имеющих много верблюдов. У них же закупают верблюжью шерсть. За армяк средней руки платится до

*[14] То есть *1865 г.*

1½ целковых, по преимуществу деревянными изделиями, и особенно седельными арчаками. Баганалинцам идет также табак.

Сапоги шьют обыкновенно мужчины и для самих себя, и для женщин; кроме того они закупают сапоги на ярмарках Пресногорьковской, Пресновской и Петропавловской.

Седлы. Каждый прибор изготовляется каждым кайсаком для самого себя. Арчаки в Кокчетавском округе приготовляют не только для себя, но и на продажу, променивая баганалинцам на армячину или продавая за полтора ягненка (за 1 руб.).

Оружейники (уста) и серебряники (зергер) бывают в богатых аулах. В Кокчетавском округе особым обилием тех и других отличается Аккиик-Кулансу-Койлинская волость[9] и именно подразделение (род) кулансу. Оружейники и серебряники этого рода приготовляют айбалты, нагайки, стремена, пряжки для прикрепления верхней подушки седла, удила, железный прибор к конской амуниции и пр.

Кошмы делаются всяким для себя. Имеющие большие стада баранов приготовляют на продажу. Из шерсти 25 баранов делаются большие кошмы. Аршин кошмы стоит до 1 рубля серебром. По словам Чингиса, лучшие кошмы по доброт[ности] и белизне делаются в Большой орде, и богатейшие киргизы получают их оттуда (в том числе и сам Чингис).

Кереге (остов юрты) и деревянные части кибитки делаются в большом количестве на продажу в Кокчетавском округе, Андагул-Ораз-Баимбетовская волость[10] особенно этим занимается. В Баимбетовской волости до 1000 кибиток, и почти все занимаются выделкою кереге на продажу. Продают они в Кокчетавском округе и баганалинцам, при кочевках на Иртыше*[15]. Деревянная часть кибитки стоит от 10 до 35 рублей серебром.

Арбы (двухколесные телеги) делаются также в значительном количестве в Кокчетавском округе. Особенно много занимается постройками и продажею арб Ондай-Рысаевская волость[11]. Арба, смотря по достоинству, стоит от 1—2 рублей. Части арбы изготовляются в апреле и мае, когда легко согнуть леса. Самая же постройка производится летом. В течение лета работник может собрать и изготовить на продажу 20 арб. Он может изготовить весною достаточное для них количество частей.

Арбы покупаются, по преимуществу, караванами, отправляющимися в степь. Ирбитский и Макарьевский товар, идущий в западную часть сибирской степи, нагружается близ линии на арбы и таким образом отправляется в Акмолу. Здесь он перегружается на верблюжьи вьюки. Это одинаково как для товаров, идущих в Ташкент и в Среднюю Азию, так и для тех, которые распродаются вразбробь по кочевьям наших кайсаков. Товары же, идущие до Семиречья, не перегружаются, а идут на арбах до места сбыта (арбы нужны для каждого кочевого кайсака).

---

*[15] Описка. Правильно: *на Ишиме.*

Такой порядок нагрузки вытекает из местных условий. В Кокчетавском округе нет верблюдов; они падают вследствие обилия оводов. Товары, идущие прямо на юг, не встретят за Акмолы сколько-нибудь лесистых мест; малейшая порча в арбах может остановить караван и заставить перегружать товары. Оттого в Акмолах они перегружаются на вьюки. Караваны же, отправляющиеся в Семиречье и Алатавский округ, идут до своего места по местам, где починка невозможна. Большая часть арб покупается татарами-купцами.

Чашки, ковши, блюда для мяса и кебеже изготовляются так же, как все деревянные изделия, в большем количестве в Кокчетавском округе. Специально выделкою этих поделок занимается Иманалы-Киреевская волость[12]. Она продает свои произведения не только во всем Кокчетавском округе, но отпускает баганалинцам, акмолинцам и атбасарцам. Эти вещи возятся и в другие округа и продаются на месте приезжающим за ними жителям безлесных стран. Тегене — миска для кумыса, некрашенная, из лучшего корня (то, что у нас называется карельской березой) стоит полтора рубля; простого дерева —10, 25 копеек и более.

Ковши деревянные (ожау) из корня стоят 3 руб., простой же— от 30 копеек и выше. Ковши из рога каменного барана (самый рог привозится из Улутау) — 3 руб. Блюда для мяса (табак) — род деревянного подноса — от 15 коп. и далее, из корня —$1^1/_2$ рубля. Кебеже — ящик для хранения копченого мяса средней величины стоит от $1^1/_2$ до 2 руб.

Кровати кайсаками выделываются также на продажу в Кокчетавском округе. Простая стоит 3 руб.; украшенные резьбою, костью, красками и зеркальцами — до 20 рублей; кровати, как и вообще все деревянные изделия, продаются баганалинцам и большею частью волостями: Андагул-Ораз-Баимбетовскою, Ондай-Рысаевскою, Кылды-Ногаевскою[13], Исенбаевскою[14] (последняя менее).

Три волостные заседателя, собранные в Кокчетав для расспросов, подтвердили это и прибавили, что упомянутые четыре волости торгуют с баганалинцами на озерах Каймак-куль, Салкын-куль и Конур-су.

Они говорили, что, кроме того, по торговле деревянными изделиями самая выдающаяся — Иманалы-Киреевская волость; потом идут Матакай-Самаевская[15] и Бабасан-Багышевская волости[16] Кокчетавского округа и Киреевская Акмолинского округа.

По их замечанию, выделка деревянных изделий и торговля ими с каждым годом становятся обширнее.

Кайсаки владеют зимовками: 1) как высочайшими подарками, 2) по документам и по наследству. В последнем случае порядок владения аульной зимовкой полуобщинный, полупатриархальный. Зимовка называется по имени родоначальника, точно так же, как аулы близких родичей, кочующих вместе. В случае требований, родоначальник производит выделение земли для родичей, которые требуют раздела. Иногда после того между родоначальником и вы-

делившимися возникают споры и часто первый, пользуясь своею силою и влиянием, отнимает зимовку у последних. Тогда возникает тяжба, решаемая судом биев.

Во многих аулах родоначальники нанимают учителей (мулл) из татар или кайсаков. Такой учитель живет в юрте родоначальника, учит детей целого аула и получает от 40 до 60 рублей в год. Деньги уплачиваются целым аулом. Ташкентцев учителями не нанимают, потому что их язык не имеет столько сходства с кайсацким, сколько татарский. Кайсаки летом не делают ничего. Они приезжают друг к другу и высматривают места кочевок; поблизости к зимовке начинают косить [травы] на оставшихся непотравленными лугах. В местах, отдаленных от воды, степные травы не косятся, а оставляются для тебеневки зимою (отгонные места), когда скот может достать траву из-под снега. Кайсаки косят в степи только в случае какой крайности. При каждой волости находится рассыльный, почтарь, как его называют кайсаки.

В случае большого падежа скота просят об освобождении от ясака; если же правительство не соглашается на это, то ясак за аул уплачивается безвозмездно богатыми родичами; если последние обеднели, то обязательство заплатить подати, которых они не в состоянии внести, падает на людей, сделавшихся богатыми.

Кроме ясака кайсаки несут следующие денежные повинности: на содержание наемного почтаря, окружного муллы, аульных учителей и фельдшерского ученика. Все это вместе составляет свыше 100 руб. в год на волость. При поездках заседателей за падших и испорченных лошадей по аулу делается раскладка для сбора денег «на жир». Если заседатель проезжает только через аул, то ему делается угощение и закалывается баран (конагасы)*[16]. Если же почему-либо он живет в ауле долго и, конечно, не платит за кормление своей особы, то расход на продовольствие его, сопровождающих его людей, равно как другие совершенно негласные расходы, раскладываются между жителями целой волости. Раскладку производят избранные бии. То же делается при сборе в каком-либо ауле по делам управления старшин, биев, султанов и почетных людей. Волостные управители жаловались, что им особенно тяжелы проезды лекарей и фельдшеров.

Лошади под проезд наряжаются по очереди со своей волости. Чингис Валиханов сделал любопытное замечание: «Прежде, когда зимовки не заключали в себе такого сложного хозяйства, начинали кочевать в конце марта, теперь едва могут выбраться в мае». Вот шаг к оседлости.

13 августа. Дорога от Челкарской станции к Аиртавской пролегает буквально в восхитительной местности. За горою, налево, Аиртавская двуконечная сопка отделяется от дороги озером чистой воды. Впереди, вправо, опять озеро и новенькая станица Аиртавская[17].

*[16] Обед, угощение.

Отсюда, переменив лошадей, мы поехали на зимовку к Чингису Валиханову. Дорога разнообразна. То идет она лесом, то лугами, окаймленными рощами, то лепится по пригоркам над большим озером (в 20 или 15 верстах за Аиртавскою станицей... Кривое; по-киргизски — Саумалкуль). Русские мужики (Землянов).

За деревянною могилой какого-то сына Аблай-хана стала видна белая как снег большая юрта; в отдалении еще несколько белых же юрт, перемешанных с чрезвычайно грязными и закоптелыми. Это аул Чингиса. А вот и он у дверей нашей юрты... [Якуб] — старший сын Чингиса, очень красивый молодой человек, протянул мне свою руку. Следом за ним совал всем свою толстую руку второй сын Чингиса, Махмуд, кадет Сибирского корпуса... Юрта, приготовленная нам Чингисом, превосходит все, что я видел до сих пор. Она десятиканатная, т. е. кереге состоит из десяти решеток. Кереге красиво изогнуто и не крашено. Высота юрты более 14 футов. Юрта обложена белыми красивыми вышитыми войлоками. Чи, закрывающее низ юрты, состоит из высоких камышинок, узорчато заплетенных в шерсть. Вместо двери висело красное стеганое сукно, подбитое китайской материей...

Вскоре по приезде принесли превосходный кумыс. Мы начинаем пить его достаточной порцией, а я привыкаю к кумысу...

За кумысом, поданым в чистом сосуде, вроде большого фарфорового китайского таза, прислуга внесла серебряный чайный прибор на серебряных подносах. Выпили чай; появилась закуска, состоящая из баранины на деревянном блюде, фисташек, разного рода печенья (из которого самое вкусное — чак-чаги), мадеры, красного вина и проч.

После семейство Чингиса предложило ехать на охоту с беркутом или ястребами. Я очень обрадовался и живо схватился за эту мысль. Кавалькада всадников и детей Чингиса отправилась в степь. На седлах сидели и пятилетние мальчики. Впереди ехали перепелятники и один, у которого на пальце сидел коршун*[17]. Едва срывалась перепелка, как раздавался крик вожака, несколько бесполезных усилий перепелки — и хищная птица, злобно распустив крылья, уже клевала ее мозг. Впереди нас обскакивал каждое болотце, приударяя в глухой медный литавр, какой-то родственник Чингиса в пестром среднеазиатском платье. Глухому бою в литавр вторил резкий металлический крик коршуна. Вся эта картина пахла средними веками. Скачущий впереди кайсак в маленькой поярковой шляпе и пучком на ней пуха, казался пажом; когда он усиливал аллюр, коршун, покрикивая отрывочно, распускал крылья. Около ехали люди в старинных костюмах.

14 августа. Часов в десять выехали на зимовку Чингиса Сырымбет. Там, где мы его видели вчера, он только почует. Его кочевка отстоит от места зимнего стойбища, по словам Чингиса, иногда на 150 верст. Теперь она приближается к зимовке. Чингис поехал

*[17] Точнее: *ястреб.*

в тарантасе прямо в Сырымбет; мы же отправились туда с ястребами и перепелятниками. Как хорошо ехать по степи в обществе этих полудиких степняков, электризующих вас своим экстазом и воплями...

Зимовка Чингиса лежит от настоящего места кочевки в 10 верстах. Две живописные горы покрытые бором, закрывают его

Летний аул Чингиса Валиханова. *Фотография Н. Буланже* (60-е годы XIX в.).

усадьбу; пронесшись по каменистому подъему и спуску, мы увидели несколько домиков во вкусе наших помещичьих средней руки, а посередине — мечеть. В середине дома, занимаемого Чингисом с женою, убранство подходит к помещичьему. В зале орган, играющий до двенадцати пьес; зеркала в простенках, бронзовые канделябры с хрустальными подвесками, такие же бра; маленькие шелковые портьеры на дверях, обшитые тонким, но широким аграмантом. В гостиной вместо гарднеровских или корниловских ваз стоят китайские; лампа на столе, диван и проч. Все полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинуты тигровые, барсовые и медвежьи шкуры. Общее впечатление приятно. Едва мы приехали, началось кормление, питье чая и кумыса. В комнату набралось множество ободранных мальчиков бронзового цвета на полуголых членах.

На зимовке Чингиса видел его толстую жену. Она сидела на подушках за поднятым шелковым пологом. Одета была в малино-

вую бархатную рясу, обложенную широким галуном. Сбоку жались две очень хорошенькие и стройненькие девушки, одетые в шелк. Тип их лица был почти европейский, это были дочери Чингиса. Когда заговорили про Чокана, султанша стала горько плакать и гримасничать...

По приезде в Баян-Аул вечером был у нас Муса Чорманович Чорманов, султан округа, самый влиятельный человек Средней орды, и действительно очень достойный, говорят, человек.

Горы Сырымбет.

9 сентября. Утром я отправился с Г[утковски]м по ближайшим окрестностям Баян-Аула. Окружающая станицу местность очень красива. Небольшие гранитные утесы, лучше сказать, камни, торчат в разных направлениях из земли. Невдалеке торчат довольно значительные утесистые горы, опушенные сосновым бором.

Впереди расстилается волнообразная долина, ограниченная на юго-западе большим озером Сабунды и обставленная со всех сторон горами. Сабунды хотя и щелочное озеро, но очень красит всю местность, даже дает ей перевес над Каркаралинскою.

Около обеда зашел Муса. Вероятно, по рекомендации Г[утковско]го, он выразил особенное ко мне расположение и сказал, что мастер узнавать честных людей с первого взгляда. Он обещал рассказать все, о чем я ни спрошу у него.

Муса согласно нашей просьбе хотел показать нам окрестности Баян-Аула. Мы поехали на могилу Джасыбая[18], находящуюся на низком перевале двух гор. Могила обложена кругом из камней. На самой середине ее выросла довольно большая сосна. С могилы видны два озера: Сабунды-куль и Чуюн-куль*[18] (мыльное и чугунное).

10 сентября. Утром все сидели у Мусы Чормановича и расспрашивали его о порядке кочевки летом и жизни на зимовке.

---

*[18] *Чуюн-куль* еще называется Джасыбай-куль.

После обеда Муса устроил маленькую облаву в ближайших окрестностях Баян-Аула. С дюжину кайсаки выгнали зайцев криком и воплями, хотя и сами с трудом карабкались между гранитными валунами. Муса убил зайца и горного рябчика, я — трех рябчиков. Вечер был очень хорош.

11 сентября. С раннего утра ушел на охоту в горы с одним кайсаком и казаком. Оба они выгоняли на меня дичь криком, а я стрелял. Более удачной охоты никогда не имел.

После обеда Муса пригласил ехать с беркутами на лисиц и волков. Хотя охота была совершенно неудачна, однако я был ей очень рад. Поездили по скалистой красивой местности до позднего вечера. После охоты Муса пил у нас чай и говорил, что он хочет предложить Средней орде послать депутацию в Петербург, чтобы представиться наследнику; вместе с тем он хочеть благодарить Д. А. Милютина, Валуева и А. М. Горчакова за присылку комиссии, которой поручено заняться устройством кайсацкого народа.

12 сентября. Выехали в Коряков или, как его называют, Павлодар.

Я и Гутковский, мы ехали вместе с Мусой, которого тарантас был послан вперед. Сделав около семидесяти верст, мы остановились у аула Урманчинской волости[19], расположившегося на кузеу (осенней стоянке) близ вырытых с этой целью колодцев.

13 сентября. Ехали целый день к Корякову. На пути нашем лежало много солончаков и соляных озер.

«Какие богатые травы послал в этом году бог,— беспрерывно повторял Муса.— Такого урожая мы еще не видели с того года, когда взошел на престол император».

Поздним вечером подъехали к юртам, раскинутым на берегу Иртыша. Юрты принадлежали кайсакам Баян-Аульского округа братьям Казангаповым[20]. Подъехавши, я увидел только несколько огромных юрт. Но каково же было мое изумление, когда, войдя в середину их, я увидел мебель, столы и на них приготовленный чай, закуски, десерт и проч. Весь пол был устлан отличными бухарскими коврами. Кереге были прекрасно выкрашены в яркие цвета; тесьмы, чи, все было щегольское. Нашему председателю разбили еще более роскошную юрту. Кроме того, были разбиты юрты для самих Казангаповых, для нашей прислуги и еще одна запасная.

16 сентября. Итак, наш объезд Области сибирских киргизов кончен. Я недоволен нашим объездом, потому что приобрел меньше сведений, чем следовало ожидать. В Кокчетавском округе Валиханов дал хорошие сведения о внутренней промышленности и торговле. В Атбасарском сведений не получено никаких, в Акмолинском собрано тоже мало сведений. В Каркаралинском сведений опять никаких; в Баян-Аульском сведений собрано довольно.

Вот сведения, сообщенные Гутковскому старшим султаном Баян-Аульского округа Мусою Чормановичем Чормановым.

Зимовки киргизов бывают всякого рода. Здания для людей стро-

ятся из камня, дерева, дерну. Иногда дома — это землянки и просто ямы, в которых поставлены юрты. Для скота строят загоны (кора), чаще всего из кый, бараньего помета, растоптанного в полужидкую кашу самими овечьими отарами в загонах. Из кый делают кирпичи, примешивают к помету сено, мелкий хворост и проч.

Достоинство и ценность зимовок определяется в зависимости от многих территориальных и метеорологических явлений. Если снег с земли, принадлежащей к зимовке, будет сдуваться так, что трава будет постоянно обнажена, то это обстоятельство составляет

Портрет Мусы Чормапова (в центре). *Фотография Кесслера.*

главное ее достоинство. Так как большую часть зимы в степи дуют юго-западные ветры, то для того, чтобы эти ветры сдували снег, нужно, чтобы зимовка лежала на горной покатости, обращенной на северо-восток, с незначительным наклоном к юго-западу. После этого главного достоинства ценность зимовки зависит от количества, качества и рода трав. В зависимости от вышесказанных условий заключается потребность в большей или меньшей территории под зимовку. Чем она лучше, тем земли нужно менее, и наоборот. Потому при одном и том же количестве скота зимовки могут быть весьма разнообразных величин. Каждый владелец зимовки знает точно свои границы.

При каждом разделе или выделении зимовочных земель из всех окрестных аулов собирают почетных людей и межевые знаки (омака), долженствующие служить разграничением между землями лиц, пошедших на раздел, ставятся в присутствии приглашенных. Впоследствии поземельные споры решаются [с учетом] межевых знаков или их истребляют по свидетельству соседей.

Достоинство земель Средней орды в том, что стада всех родов скотины можно содержать на одних и тех же полях. В Большой же орде верблюдов нужно отгонять в камыши, баранов — на пески, а рогатый скот — к рекам, и это одинаково для зимы и лета.

Киргизы говорят, что лошадь сказала раз барану: «Зимою я не видела твоей тебеневки, а летом твоего следа». Этот рассказ почерпнут из того факта, что лошадь не станет есть тот корм, который нужен барану. И летом, и зимою табуны пасутся особо от баранов. Баранов гоняют летом по луговым местам, зимою по горам. От солонцеватых трав (джусан, ащи) баран становится гораздо выше вскормленных на луговых отгонах. Точно также полезны барану травы песков. Лошадям нужны кипец, ковыль, куде, бетеге, джаул. Верблюду нужен чий, камыш, перекати-поле. Все эти рода трав не растут вперемежку, но в Средней орде их все можно найти на небольшом пространстве.

Кочуют разно: иногда скоро, иногда медленнее. Это зависит от количества лошадей; при больших дождях кочуют медленно, в противном случае за бедностью трав скорее оставляют временные стоянки.

Когда на небе покажется созвездие Уркер [Плеяды], тогда начнутся холодные утренники. Через двадцать пять дней после того по ночам станет всходить созвездие Таразы (Весы), тогда начнутся холодные вечера, дожди, а бараны станут собираться у юрт. Баран начинает в это время громко кричать по ночам.

После появления Таразы через двадцать или двадцать один день на горизонте покажется Сумблэ[21] (Большое созвездие сумблэ и Малое); с появлением Сумблэ пропадают оводы и тогда можно везде кочевать, потому что насекомые, водящиеся около камышей и близ дурной стоячей воды, не станут больше беспокоить животных. До этих же пор кочуют только близ рек и озер, не имеющих камышей.

Когда покажется Сумблэ, начнут поворачивать к зимовкам. Не доходя верст 20, 30 до зимовки, аулы останавливаются на кузеу (осенние стойбища). Кузеу по-кайсакски значит общая стрижка овец. Кузеу разделены между народом, как и зимовки, и не занимаются летом. Большею частью кузеу расположены у нарочно выкопанных колодцев. Если в какой-либо части степи так много озер или речек, что летом трава около них не потравлена скотом, то кузеу располагают и у не пересыхающих к осени озер и рек (обыкновенно же у озер и рек трава бывает вытоптана летовками). На кузеу стоят от 20 до 30 дней (от Покрова до снега). Тут стригут баранов мужчины, делают кошмы, ткут армячины и собирают кизяк, приготовляют дрова на зиму, посылают исправлять зимовки. Охотники потом бьют из-под собак волков; с ястребами охотятся только с 15 сентября по 15 октября. На кузеу же шьют зимнюю одежду, шубы, ергаки, шалбары. Тут же бьют масло и делают рымчики (сыр, делаемый варкою молока), сыкпу, сырчики для детей.

Когда падает снег, выступают к зимовкам. По пути табуны лошадей посылаются на отгонные поля, на которых они и остаются на всю зиму. Остальной скот должен кормиться у зимовок; но если джут, то на отгонные луга посылается и скот. Овцы при пастьбе идут всегда ниткою, одна за другою. Когда передняя остановится, все остальные делают то же и из-под снега достают корм по ровному кругу.

Рогатый скот никогда не разбивает льда и ест корм только тогда, когда он у него под носом; потому при джуте ему прежде всего дают заготовленное с осени сено.

В декабре занимаются сугумом. Сугумом называется забой скота, делаемый раз в год для снабжения себя продовольствием на зиму. Величина сугума зависит от состояния, величины семейства и находится в обратной зависимости от количества потребляемого хлеба. Человек достаточный забивает на сугум десять лошадей и более. Хребет (омуртка) тоже солят и коптят, равно как деликатнейшую часть лошади — холку (джал), состоящую из вкусного хрящевого жира. Конские колбасы (казы) приготовляются укладкою в тонкие кишки наполовину перемешанных мяса и жира. Толстые кишки не солят, а едят также в течение зимы, равно как и карта[22] (сычуг, среднюю кишку). Для копчения лучший лес — это вереск, а дым от кизяка, которым по необходимости коптят очень бедные кайсаки, придает мясу очень дурной запах. Для копчения вешают мясо на чанарак. Баранов, если они забиты, тоже коптят.

После сугума начинают приготовлять капканы для ловли волков, лисиц, корсаков. Хлеб покупают будучи еще на кузеу, т. е. в последних числах сентября. Когда все хлопоты по заготовке сугума кончены, начинаются пиры, взаимные угощения и сборы кайсаков до тех пор, пока сугум не понизится до цифры, нужной для пропитания во время зимы.

Если близ зимовки корму окажется мало, то не позже декабря занимаются пастбища либо на линии, либо у кайсаков, владеющих хорошими и большими зимовками близ гор. Скот перегоняют на занятые места раньше нового года, потому что после начнутся бураны, которые могут уничтожить скот во время перегона.

На зимовке усиливается присмотр за скотом. Хозяин или старший на зимовке осматривает скот каждый день и указывает ежедневно место, куда его нужно выгонять. Это делается на основании кайсацкой пословицы: у хозяина два глаза, у его сына один, а у работника вовсе нет глаз; или по другой пословице: хозяин из мертвой не сделает живую скотину, но умирающей может не дать умереть. Самые трудные месяцы январь и февраль, когда скотина спала с тела, ослабела, а в степях дуют бураны и [стоят] большие морозы. В исходе зимы бураны особенно опасны: тогда они разгоняют скот, который гибнет в незамерзающих соленых озерах и болотах.

С зимовок трогаются, когда снег сошел, хотя частью. Юрты разбивают на проталинах, где осталась хорошая старая трава, причем водопоем служит скоту вода, образовавшаяся от таяния весеннего снега. Снеговая вода сохраняется во впадинах и прогалинах степи до мая месяца. Остановки в начале летнего кочевания зависят от состояния погоды и от того, как скот поправляется. Если погода холодная, то стоят на одном месте дольше.

Весною кайсаки разбивают юрты большею частью на сопках и возвышенностях, которые освобождаются от снега прежде остальной местности; осенью предпочтительно кочуют в логах и низменностях.

Каждый род кочует в одних и тех же урочищах, и если лето было дождливое, урожай трав был хорош, то к зимовкам возвращаются прежним путем. Обыкновенно там уже вырастает новая трава; если же кормов мало, то, направляясь к зимовкам, ищут других путей. В апреле пускают палы по той части степи, где предполагают кочевать летом; на зимовках и осенних стойбищах же трав никогда не выжигают, потому что молодая трава худо выдерживает зиму и [земля] доставляет меньше корму. На летней кочевке опытный хозяин заботится главным образом о хорошем и здоровом водопое; при хорошем водопое шерсть на лошадях становится гладкою, блестящею; при дурном случается наоборот. Опытный чупчи-казан-бай*[19] (хозяин) умеет отличать по вкусу хорошие травы от дурных.

Люди с начала весны до последних чисел апреля продовольствуются айраном и кумысом. С мая месяца из коровьего и частью баранья молока приготовляются на зиму сыры. У богатых кайсаков в пищу идет только кумыс, а молоко от [крупного] скота и баранов полностью идет на изготовление сыра и масла.

В последних числах апреля стригут двух- и трехлетних холос-

*[19] *Чупчи* — знаток.

тых кобыл для волоса на арканы; хороших же больших лошадей никогда не стригут. В мае месяце стригут верблюдов, шерсть которых делят на два сорта: 1) шейную и коленную, [которая] называется чуда и употребляется на грубую пряжу для шитья кошем; 2) спинную и с боков, [которая] называется джабаги и употребляется вместо ваты на тонкую пряжу. Джабагою называется в продаже свалявшаяся на верблюде войлокообразная шерсть, снимаемая с животного при помощи ножей целыми кусками. Джюн (шерсть) собственно идет на пряжу и снимается со спины и боков тонкими частями. С больших баранов шерсть снимают два раза: весною в виде джабаги, которая употребляется вместе с конским волосом на арканы, и чистой; последняя употребляется в свалянном виде на купэ, род шубы из бараньей джабаги, покрытой саранжою или нанкою. Осенью в половине сентября и позже стригут овец на кошмы. Маленьких овец (ягнят), называемых козы, тоже стригут два раза. Первый раз 15 июня, это называется карынджюн (первая шерсть). Из этой шерсти сваливают текеметы и другие войлочные коврики. Второй раз стригут их одновременно с большими баранами. Стрижка называется кузем. При делании хороших войлоков шерсть от больших баранов кладется в середину, а от молодых наверх. Впрочем, это соблюдается только умным хозяином.

От больших баранов овчина после снятия джабаги употребляется на шубы. После осенней стрижки овчина не годна для шуб и идет на выделку шалбаров и кожаных халатов (называются койтерсе джаргак). Шкуры маленьких барашков до первой стрижки идут на шубы более ценные, известные в торговле под именем тресковых (по-казахски сенсенг). От 15 июня до 15 сентября барашки называются крыкпа*[20]; тогда из них делают шубы бедные люди, женщины и рабочие. Зимою барашки называются тире и идут вместе со всеми на чамбары и прочее.

Верблюжьи кожи большею частью продаются торговцам, русским и татарам; малую часть этих кож сами кайсаки выделяют на сыромять и замшу для узд и других седельных принадлежностей. Вообще верблюжья кожа считается прочнее других; главное же ее достоинство, что она равной толщины. Из верблюжьей шерсти делается конек, посуда, вроде ведра с носиком*[21] для разноски гостям кумыса.

Из конских кож кайсаки выделывают сабы*[22], делаемые из одной кожи. Только у немногих богатых делают из двух шкур; из трех же сабы употребляют только в экстренных случаях, например при поминках. Кроме того из [большего количества] конской кожи делают более достаточные лица не потому, что она лучше, а потому, что богатые больше режут лошадей на пищу.

---

*[20] То есть *подстриженный.*

*[21] Основное назначение конека — подойник.

*[22] Мешок для приготовления кумыса.

Скотские кожи. Из телячьих кож делаются мешки на сумки и для хранения разных вещей и запасов. Бедные иногда делают из телячьих шкур чамбары. Большие скотские кожи в кайсацком хозяйстве употребляются на приготовление ременных принадлежностей, узд и пр. Сабы из них не делаются, но иногда приготовляются сюретпе, турсуки, конек и кауга (ведра).

Козы. В последних числах мая коз стригут и их длинную шерсть свивают в шнуры для оторочки кошем в юртах и на завязки. Пух отделяется от шерсти; он идет на продажу и изготовление джайнамаз (кошем, употребляемых при молитвах). Шкуры идут на джаргаки, а по снятии шерсти и выделке на чамбары для богатых людей. Как молодых, так и старых коз все шкуры идут на чамбары и джаргаки. Из однолетних, называемых серкетере*[23], выделывается кожа, из которой шьют зимние сапоги шерстью вниз. Их обыкновенно обшивают сафьяном и приделывают подошвы. В подобных сапогах длинная шерсть выдергивается, так что остается один пух.

Звериный промысел существует в Баян-Аульском округе предпочтительно в горах: Большом Кызылтау, Малом Кызылтау и Далбатау. Здесь ловят лисиц, волков и диких баранов (архаров). Летом охотятся на сайгу. Эта охота составляет предмет немалого дохода. Сайгачьи рога продаются пара от 15 до 10 коп. Кожа идет на чамбары и кожаные халаты; мясо идет в пищу, а хорошие сайги осенью дают до полпуда сала. Года три уже, как сайги приходят в малом количестве, говорят, что это находится в зависимости от копытной болезни (сарпа), свирепствовавшей между сайгачьими стадами.

Из промыслов только и замечательно производство топоров, приготовляемых кайсаком Кузи из Джангозы-Айдабульской волости[23].

Торговля. В Баян-Аульском округе существует различие в торговле по Туртугульской и Басентеинской волостям[24]. У кайсаков-туртугульцев бараны крупнее и верблюды больше, зато у них мало рогатого скота, который откармливают сеном на обширных лугах левого берега Иртыша. В обеих волостях скот закупается купцами, приезжающими из Петропавловска. Из Туртугульской волости идут бараны на общий прогонный путь с каркаралинскими и семиреченскими гуртами, а из Басентеинской — по левому берегу Иртыша до озера Теке, оттуда через Малый Караой на Тайчакуль.

Торговля рогатым скотом. Гурты рогатого скота покупаются в Семипалатинске. Покупка производится с половины сентября до поздней осени. Купленные здесь гурты всю зиму кормятся тут же, для чего снимаются луга в седьмом полковом округе. Кормят сеном до 10 апреля. Все эта операция производится местным купечеством. В марте сюда приезжают купцы для закупки скота на

*[23] Шкура взрослого козла.

золотые прииски в Енисейскую губернию, а также для отправки на линию. После совершения покупки скот гонят в Енисейскую губернию и степью в Троицк; при этом гурты идут на подножном корму.

Почти все баян-аульские кайсаки запасаются мукой по линии от Павлодара до Железинской станицы. Казаки перекупают муку у томских крестьян Горного ведомства и перепродают ее кайсакам с разными обмерами и обвесами. Потребность баян-аульских кайсаков можно положить в год около 300 тыс. пудов муки. Купцов, торгующих мукой, в Павлодаре нет. Это оттого, что согласно прежним положениям разночинцам было запрещено жить по казачьим станицам. Хотя теперь запрещение это и отменено и Павлодар сделан городом, но хлебные торговцы здесь до сих пор не водворились. Оттого цены на хлеб подвержены здесь частым и сильным колебаниям.

Лучшие седла делаются в Джангозы-Айдабульской волости, там же [проживают] лучшие серебряники и кузнецы.

Лучшие деревянные вещи делаются в Каражасовской[25] и Айдабульской волостях. В тех же волостях и в Басентеинской много плотников; басентеинские плотники употребляются весьма часто для постройки домов в самом Павлодаре.

Кошмы и армячина сбываются по всей линии от Павлодара до Омска; армячины выделывают в Туртугульских волостях, где много верблюдов. Туртугульцы пригоняют летом скот на продажу в Акмолы, где главнейшим образом покупается ими азиатский товар.

Во всей Средней орде лучшие породы лошадей находятся в Акмолинском и Атбасарском округах.

Хорошая порода лошадей в Средней орде ведется от кипчакской породы из табунов Алданазара и Пана, кайсаков Кокчетавского округа (бывшего Кушмурунского). У них были самые лучшие бегунцы и самые красивые лошади. Кипчакская порода произошла от туркменской; попала же туркменская кровь в кипчакскую породу потому, что некогда кипчаки кочевали по Сыру смежно с туркменами.

16 сентября. Попрощавшись с Мусою, мы поехали из Корякова в Семипалатинск.

26 сентября (Семипалатинск). Сегодня обедали у ташкентца Мусабая. Этот Мусабай был караванбаши того каравана, который снарядил на свой счет другой семипалатинский ташкентец Букаш в Кашгар. С караваном отправился Чокан Валиханов в качестве путешественника. Мусабай рассказывал, что раньше еще, чем они прибыли в Кашгар, у них требовали разные подарки дикокаменные киргизы на том основании, что они узнали о присутствии в караване русского офицера. Караван перешел Тянь-Шань через Заукинский проход. В самом же Кашгаре Валиханов и Мусабай отделались только подарками от местных чиновников, заподозривших наших купцов. Валиханов вследствие этого путешествия сос-

тавил «гениальное», как говорил мне Ковалевский, донесение и был главною причиною Тарбагатайского договора и открытия консульства в Кульдже и Чугучаке.

Валиханов мог, в действительности, написать свое донесение талантливо, потому что все, что мне приходилось читать из его сочинений, носит на себе несомненную печать громадного таланта.

31 октября. Сегодня утром к нам явился Тезек, султан албанского рода. Он очень влиятельный человек в Большой орде. Он был в мундире полковника. Тезек небольшого роста. Его блестящие глаза бегали быстро по всей комнате. Говорит он скоро и умно. Мы пригласили Тезека обедать.

1 ноября. Утром поехали к Тезеку. Он со своим аулом стоит на кузеу. Зимовка же его в тридцати верстах от кузеу. Аул султана раскинут недалеко от прохода Алтын-Эмель, в углубленной долине какого-то ручья. Недалеко оттуда поднимаются уже горы.

Проход, известный под именем Алтын-Эмель, состоит, строго говоря, из двух проходов. Тот, около которого расположился теперь Тезек, называется Джаман-Алтын-Эмель, потому что он менее удобен другого, лежащего немного к северо-востоку и известного в окрестности под названием Жаксы-Алтын-Эмель.

Для нас была разбита особая юрта недалеко от султанской ставки. Вскоре явился Тезек. Выждав немного, мы пошли в его юрту. Внутренность ее ничем не отличалась от внутренности юрт всех зажиточных кайсаков, только на рогатой палке, подпирающей чаганак, можно было рассмотреть разное оружие. Здесь висело двуствольное ружье тульской работы, штуцер допотопной формации, которого ствол был отчеканен серебром, кривая сабля, лук с колчаном, наполненным стрелами, и два айбалты. Я пересмотрел все оружие. Айбалты очень хорошей работы.

В юрте нас принимала старшая жена Тезека (у него их четыре), около которой сидела дочь с довольно красивым, но уже помятым лицом и маленький замарашка-мальчишка в желтом китайском халате. Обменявшись здесь любезностями, мы пошли в юрту сестры Тезека, вдовы Чокана Валиханова. Мы выразили ей от души, что чрезвычайно сожалеем о преждевременной смерти ее мужа, который мог бы быть очень нам полезен и своими сведениями и своим умом. Вдова была, видимо, подавлена своим горем, но не ломалась и не хныкала. У ней очень доброе лицо.

В самом деле, о потере Валиханова приходится чрезвычайно сожалеть. Когда он шел в гору, каïсакская аристократия посылала своих детей в школы и корпуса, видя причину его возвышения в его образовании. Когда сибирское мудрое начальство не утвердило его старшим султаном Атбасарского округа, как того желал народ, и стало жать его, кайсаки стали брать своих детей из корпусов. В Сырымбете, у отца Чокана, я видел трех кадет из кайсаков, которых родители не пускали в корпус, указывая на чахотку и испытания, выдержанные Чоканом.

В юрте своей сестры Тезек показывал нам грамоту, данную императором Александром I султану Хакимбеку, наместнику по управлению Албановскими волостями в 1824 году.

Грамота положена в бархатную папку, обложенную галунами, и к ней привешена большая серебряная печать. В грамоте особенно сильно бьет обещание, освобождающее на вечные времена Большую орду от рекрутства.

Вернувшись в свою юрту, мы обедали, а после того кайсаки и мы стреляли в цель из луков и винтовок. Перед вечером все поехали на пикет, но я остался в ауле, желая расспросить Тезека о дунганах...

Я позабыл сказать про Якуба Валиханова. Он был здесь уже около месяца. Вдова Валиханова, его брата, писала в семейство своего мужа, прося взять ее в Сырымбет. По кайсакскому обычаю, на ней должен жениться брат покойного, т. е. Якуб. Приехав за ней, он разболелся и жил тут, ожидая выздоровления. Якуб, видимо, важничал превосходством своей цивилизации над Тезеком. Небольшой кош, разбитый им, носил действительно на себе печать известного развития. Прежде всего тут было все опрятно. На слое кошм лежало опрятное шелковое одеяло и подушки в чистых наволочках. На уках и керегах висели: шашка, револьвер, несколько пар блестящих сапог, щегольские туфли и прочие принадлежности путешествующего щеголя. Это все шло в резкий контраст с кусками кровавой баранины, висящей в юрте Тезека.

В коше Якуба было очень тепло. Мы уселись пить чай, и я начал спрашивать Тезека про дунганей.

2 ноября. Попрощавшись с Якубом и Тезеком, я поехал на пикет. По дороге меня догнал сын Тезека, а с ним двое кайсаков, у них к седлу было приторочено по только что убитой дикой козе. Это тезековский конагасы нам на дорогу.

Выехали довольно поздно. Недалеко от Алтын-Эмельского пикета, справа от дороги, поднимается довольно значительная сопка черного странного цвета. Она известна у кайсаков под именем Май-тюбе (Жирной горы). На этой горе водится очень много весьма ядовитых змей и небольших красных огневиков. Если летом сюда забредает какой-нибудь скот, то его непременно жалят змеи. Оттого здесь множество костей и гниющих трупов — причина названия Май-тюбе.

Еще далее оттуда, не доезжая верст шесть до Куянгузского пикета, похоронен Чокан Валиханов. Мы вышли из экипажей и пошли к его могиле, находящейся с версту от дороги. Здесь на левой стороне ограды поднимается скромный памятник над умнейшим из киргизов. В глиняный памятник вмазана деревянная доска, на которой написано: Валий, сын Аблай-хана; Чингиз, сын Валия; Чокан, сын Чингиза. Далее следует какая-то молитва. И тут будто бы посмеялись над немощным молодым человеком. Ему услугу делают, что за него молятся аллаху в магометанской форме, с которой он боролся во имя других, более высших начал.

На восток от могилы видны за дорогой снежные горы, а на западе поднимается странный Май-тюбе. Кругом небольшого холма, на котором поднимается могила Чокана (умер в этом году, не дождавшись нашей комиссии, которой он, вероятно, так же обрадовался бы, как усердно и помогал бы), тянутся снятые пашни и арыки. Кругом тишь и безмолвие. Жалко, жалко богатую голову, жалко натуру, так скоро сгоревшую от избытка сил.

Из Куянгузского пикета мы приехали, когда уже начинало темнеть.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ «ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИБИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ»

Мы не думаем, чтобы инородцы, и в чистом, несмешанном своем типе не были способны к восприятию европейских идей; за это ручаются те даровитые личности, которые выходили из них, как, например, ориенталист бурят Доржи Банзаров или путешественник в Кашгар киргиз Чокан Валиханов.

Ф. Р. ОСТЕН-САКЕН

ПАМЯТИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

В минувшем году смерть похитила еще в цвете лет нашего сочлена Чокана Чингисовича Валиханова, прославившего себя своею поездкою в Кашгар. Валиханов родом из султанов Средней киргизской орды и правнук знаменитого в истории этой орды Аблай-хана должен, по всей справедливости, быть назван весьма замечательною личностью. Получив первое образование в Сибирском кадетском корпусе, в Омске, он поступил в 1853 г. на службу и Сибирское линейное казачье войско, но уже в следующем году был замечен по своим необыкновенным дарованиям и назначен в адъютанты к тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту. В 1858 г. по случаю беспрерывных смут и восстаний в Восточном Туркестане, неблагоприятно отражавшихся на нашем киргизском пограничном населении, признано было необходимым отправить доверенное лицо в Кашгар как для получения на месте достоверных сведений о положении края, так и исследования, насколько это было возможно, торговых путей в этих частях Средней Азии. Поручение было опасное, и для исполнения оного нужен был человек с большою решительностью, на-

блюдательным умом, и притом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетым в азиатское платье. Нельзя было найти человека, который более соответствовал бы всем этим условиям, как Валиханов.

В июне 1858 г. он отправился из Семипалатинска в путь вместе с караваном, назвавшись родственником караванбаши. Караван перевалил в сентябре того же года Заукинский проход и достиг Кашгара, где Валиханов пробыл несколько месяцев, и после многих затруднений и опасностей благополучно возвратился 12 апреля 1859 г. в укрепление Верное. Поездка эта представляет собою замечательный географический подвиг; со времен Марко Поло Кашгар не был посещен ни одним европейцем, за исключением несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе, о чем Валиханов привез первые положительные сведения.

Труды Валиханова напечатаны в наших «Записках» 1861 г. в двух обширных статьях: 1) «Очерки Джунгарии» и 2) «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нан-лу». Слабый здоровьем Валиханов сильно пострадал от своей поездки. Переведенный вслед затем на службу в Петербург, он не мог, однако же, оставаться здесь долго. Наш климат подействовал на него очень неблагоприятно, признаки чахотки обнаружились в сильной степени и заставили Валиханова возвратиться на родину, в степь, где он уже не мог поправиться здоровьем и скончался на 31*[24] году от рождения.

Те отрывки из трудов Валиханова, которые были напечатаны в изданиях общества, далеко не исчерпывают всех собранных им обширных и богатых материалов, касающихся географии, истории и этнографии среднеазиатских государств, и в особенности киргизского народа. Для собрания этих материалов Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований: тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучал среднеазиатские наречия, дорогою ценою скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи. Мы имеем повод надеяться, что эти драгоценные материалы не пропадут для науки.

Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России*[25].

---

*[24] Точнее: *на 30 году.*

*[25] Некролог Ч. Ч. Валиханова составлен отчасти на основании сведений, сообщенных д. чл. П. П. Семеновым. *(Примечание Остен-Сакена).*

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

ЧОКАН ЧИНГИСОВИЧ ВАЛИХАНОВ

Прошлой осенью в Заилийском крае умер киргизский султан Чокан Чингисович Валиханов[1], известный своим смелым путешествием в Кашгар, город Западного Китая. Наука обязана ему единственными географическими сведениями об этой части Средней Азии, потому что другой европеец, один из братьев Шлагинтвейт, проникший сюда из Индии во время самого разгара религиозно-политического восстания, пал жертвою кровожадности кашгарского узурпатора Валихана.

Чокан Валиханов посетил Кашгар вскоре после подавления этой революции и еще застал на площадях города остатки пирамид из человеческих голов, сложенных по повелению временного владетеля Кашгара. Сведения об этом городе и окрестной стране Валиханов поместил в «Записках Русского географического общества» под названием «Описание Алтышара или китайской провинции Нан-лу». К ним он присоединил также свой исторический очерк Алтышара. Кроме этой статьи Валиханов напечатал еще только две: «Отчет о поездке в Кашгар, помещенный в «Записках Русского географического общества», и небольшую статейку: «Аблай — киргизский хан»— в новом Энциклопедическом словаре.

Эта ничтожная печатная деятельность Валиханова далеко не соответствует ожиданиям, какие возлагали на него люди, коротко его знавшие. В особенности он много обещал сделать по истории своего народа, который он любил. Им очень много было собрано материалов по киргизской мифологии и устной поэзии, а также исторических преданий о прошедших временах недолго существовавшего казацкого ханства, о рыцарских временах Аблая, борьбе партий в киргизском народе перед потерей независимости, о борьбе, которая проникала тогда в киргизскую жизнь, [касалась] самых мелких ее форм и выражалась даже в стихотворных диспутах народных поэтов на общественных праздниках. Рассказы Валиханова о киргизском народе, его остроумные комбинации фактов и планы будущих сочинений, которыми он делится со своими друзьями, заставляли только желать, чтобы он вскоре издал свои труды, потому что признаки чахотки появились очень рано и не позволяли рассчитывать на долгую жизнь.

Валиханов получил ничтожное воспитание в Сибирском кадетском корпусе, но сильные дарования его успели развиться и при тех скудных средствах, какие могло дать это заведение. В школе он обнаружил значительное превосходство над своими русскими товарищами; в математике он был, впрочем, так слаб, что успехи его в этой науке не пошли далее самых элементарных арифметических знаний. Из корпуса он вышел корнетом. К сожалению, ему

не скоро удалось вырваться из провинциального городка в столицу, где он хотел приготовиться для путешествия в Среднюю Азию; сначала ему пришлось прослужить несколько лет у начальника, питавшего предубеждение к стремлению молодежи в университет. Только уже после возвращения из кашгарского путешествия он приехал в Петербург, где был с большим любопытством принят в ученых обществах, как оригинальное явление, но сам остался очень недоволен сухим, казенным отношением к науке петербургских ориенталистов. Это впечатление оттолкнуло его от университета.

В Петербурге Валиханов пробыл только год. Петербургский климат и неправильный образ жизни так расстроили его здоровье за это непродолжительное время, что он для поправления ослабленных сил должен был спешить на родину, в степь.

Первой задачей своей Валиханов ставил изучение своего народа и знакомство с ним русской публики. Литература об этом замечательном народе, к которому очень легко может привиться европейская цивилизация, слишком бедна, и мы ничего не знаем об его материальной и интеллектуальной жизни. Сколько это незнание причинило, может быть, народу несчастий? Сколько ошибок, может быть, кроется в наших предприятиях, которыми мы думаем облагодетельствовать народ, как, например, демократизация, развитие религиозного чувства, забота о киргизском земледельческом пролетариате. Ближайшее знакомство с киргизским народом, как справедливо думал Ч. Валиханов, много бы содействовало гуманизации взглядов на этот народ той русской массы, которая находится с ним в непосредственных сношениях, а изучение взаимных отношений двух наций способствовало бы разъяснению тех печальных недоразумений, какие в последнее время возникли в русской литературе о правах человеческих рас на блага цивилизации. Многое тогда, что взваливается на расу невежественного народа, пришлось бы взвалить на ту расу, которая хвастается индогерманским происхождением; тогда оказалось бы, что экономическое подчинение как существующий факт доказывает вовсе не невозможность другого положения, а только [то], что интеллектуально превосходствующая раса недостаточно гуманна, т. е. еще недостаточно интеллектуально превосходствует над слаборазвитой расой.

Другой думой Валиханова было народное образование. В настоящее время в степи быстро размножаются школы, основываемые татарами и выходцами из Кокана и Бухары; воспитание в этих школах исключительно религиозное; в то же время в степи с каждым годом усиливается миссионерская деятельность бухарских мулл, которые проповедуют под именем ислама религиозную и национальную нетерпимость, развивают в народе ханжество и, что печальнее,— неприязнь к европейскому просвещению. Благодаря этим учителям у киргизов начинает распространяться мнение, что изучение европейской науки угрожает потерей националь-

ности и противорелигиозно. Одному киргизу удалось проехать по железной дороге из Москвы в Петербург. Когда он рассказывал впоследствии об этом чуде своим соотечественникам, он возбуждал в них отвращение; они отвертывались от него, презрительно называя его кафиром, неверным. Валиханову хотелось установить правильный взгляд на эту пропаганду; его так смущало ложно принятое на этот предмет воззрение, что, даже в своем беглом очерке о поездке в Кашгар, он не пропустил случая сделать свою заметку о степных муллах. Для противодействия этой односторонней пропаганде, вредной и для отношений киргизского народа к России и разобщающей его как с русской национальностью, так и с европейской мыслью, необходимо позаботиться о создании серьезного народного воспитания не в виде школ для толмачей и других административных потребностей, а в виде целой системы органов распространения европейской науки и гуманности. Таково было второе желание Валиханова. Оба ему не удалось видеть осуществленными.

Где находятся бумаги Валиханова и спасены ли они от уничтожения, нам неизвестно. Хотя Чокан Валиханов не оставил после себя капитальных трудов, тем не менее уже самая личность Валиханова, как даровитого и цивилизованного азиатца, представляет светлое явление. К несчастью, то общество и среда, в которых он вращался, не дали ему удовлетворительно развиться.

Как в г. Омске, так и по приезде в Петербург Валиханов вращался в пустой военной среде, где на первом плане были баклушничание, кутежи и бессмысленная светская жизнь. В таких обстоятельствах он увлекался сам светским лоском и праздною гусарскою жизнью.

В Петербурге он также не был особенно счастлив в своих знакомствах. Сойдясь с литературным кружком Достоевских, он не мог много заимствовать от него и сделаться серьезным тружеником науки. В этом кружке он познакомился с поэтом Всеволодом Крестовским и во время гусарских разговоров давал ему шутя темы для его испанских стихотворений, а сей поэт, питаясь красами остроумия талантливого Валиханова, немедленно строчил свои романсы. Нам нет дела до происхождения этих киргизо-испанских мотивов, но мы указываем на них как на образчик темных сторон даровитого киргиза, находившегося под влиянием пустой жизни. Упоминаем об этом потому еще, чтобы показать, что даже quasi-образованные*[26] писатели, подобные Вс. Крестовскому, потакали страстям молодого инородца, с которыми он сходился, ища в них цивилизованных людей, а находил людей, проводивших в поэтической форме разврат. В этих несчастных знакомствах и в своей карьере Чокан Валиханов подвергся обыкновенной участи русского инородца. Этой-то мишурной жизни был обязан бедный Валиханов тем, что она душила в нем те самородные таланты, которые

*[26] То есть псевдообразованные.

он мог при лучших условиях употребить на благо своему несчастному племени. Тем больше, что даже и под мишурой иногда в нем светились искры ума и глубокой любви к своим степным собратьям.

Мы ничем не находим более приличным почтить память Чокана Валиханова, как пожелать киргизам не так долго ждать второго Валиханова, как пришлось бурятам дожидаться второго Дорджи Банзарова. Конечно, нет лучших проводников европейской цивилизации и гуманности в среду инородцев, как сами инородцы. Поэтому мы готовы всегда симпатизировать появлению образованных инородцев, а смерть их считаем вопиющею несправедливостью судьбы.

КОММЕНТАРИИ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ НА ТРУДЫ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА И ДРУГИХ РУССКИХ АВТОРОВ

Недавно в калькутской и бомбейской прессе был подвергнут усердному обсуждению вопрос, с живостью подхваченный также руководящими органами общественного мнения в Англии,— вопрос об успехах России в Средней Азии и об ее отношениях к британскому владычеству в Индии, причем возникли следующие недоумения: предстоит ли русским и англичанам вести войну за преобладание в Средней Азии, подобно тому как в минувшем столетии воевали между собою французы и англичане в Индии, или надлежит продолжать политику невмешательства, которая была соблюдаема в течение 25 лет. Громадные последствия связаны с решением этих вопросов. По нашему мнению, спокойное рассмотрение этого предмета с различных сторон может принести только пользу; помыслить о деле заранее — значит предохранить себя от случайностей. Сила обстоятельств приводит к близкому соседству в Азии славянское племя в лице России и племя англосаксонское, хотя оба они разделяются значительным пространством в Европе. Важная задача в том: повлечет ли это сближение вечную пограничную распрю между русскими в Средней Азии и англичанами в Индии. Должно ли одно племя вытеснить отсюда другое или уже установится соглашение, так, чтобы каждый заботился о своих собственных успехах в Азии, не вмешиваясь в дела другого. Читая мнения различных лондонских журналов, укажем, между прочим, на калькуттскую корреспонденцию «Times»[1], отражающую взгляды английского общества в Индии: «Есть намерение при помощи субсидии и политических агентов сделать Афганистан и другие пограничные с Индией владения политическою преградою между нами и Россиею». Однако трудно думать, чтобы сэр Джон Лоуренс[2] решился действовать в этом смысле. Бедствия в Кабуле[3] еще слишком живы в нашем воспоминании. Опасаются, что русские организуют и бросят на нас армии туркменов и казаков. Возможность

этого кажется не слишком сомнительною, и это не оправдывает усиления русофобии, которою страдали наши государственные люди в Англии и Индии во времена молодости лорда Пальмерстона[4].

Что касается вопроса «О брожении в Центральной Азии», то для разъяснения его надлежит ознакомиться с тем, что для большинства английской и индийской читающей публики доселе остается terra incognita положение русских в Средней Азии. Много новых сведений по этому предмету заключается в циркуляре князя Горчакова, адресованном в ноябре минувшего года к русским дипломатическим агентам за границей.

Изданная недавно в Англии книга Митчелла «Русские в Средней Азии»*[27] является как нельзя более своевременной, чтобы служить комментарием циркуляра русского вице-канцлера. Эта книга, по замечанию автора, доставляет сведения, дотоле вовсе неизвестные английской публике, так как они были похоронены в русских книгах и, стало быть, оставались недоступными как английским, так и индийским должностным лицам. Он не сомневается, что она будет необходима всякому англичанину, желающему приобрести точные сведения о географии, торговле, общественном положении и политической истории среднеазиатских государств, лежащих между Британскою Индиею и Россиею, государств, бывших некогда центрами политической силы и образованности, подчинившихся затем на долгое время невежеству и тирании, но которые предназначены войти в скором времени в область европейской цивилизации и христианского влияния. Если Россия, спрашивает автор, способна совершить это, должна ли Англия поддаваться чувству зависти. Изложив по названной книге ход давнишних сношений России с Средней Азией, автор переходит к описанию ее жителей.

В Средней Азии торговля рабами господствует в полной силе. Все тяжелые работы в Хиве выполняются рабами, с которыми обращаются так, как обращались с невольниками в американских штатах, без них Хива не могла бы существовать при настоящих обстоятельствах. Что делается в Хиве, Бухаре, то же делается и в Кашгаре, где недавно люди были убиваемы каждый день, как дикие звери. В кашгарской народной песне говорится: «Трудно сберечь коня в Кашгаре, а еще труднее сберечь голову на плечах». Ввиду этого положения вещей издатель Indian Homeward Mail пишет: «Россия нашла в Средней Азии несравненно сильнейшее варварство, чем какое мы застали в Индии. Государства, с которыми она вошла в соприкосновение, относились несравненно презрительнее к международным правам: несравненно отважнее нарушали они самые драгоценные принципы справедливости и человечно-

*[27] «The Russian in Central Asia... by Captain Valikhanof and M. Venikhof the Russian Trarellers: Transl. from the Russian, by John and Roberth Mitchell». (Русские в Средней Азии по исследованиям капитана Валиханова, М. Венюкова и других путешественников». Переведено с русского Джоном и Робертом Митчеллами). *(Примечание ред. «Русского инвалида»).*

сти. Возьмите, например, Кокан. Правители этого государства неоднократно были предупреждаемы о грозящей им гибели, если они не оставят своего варварского обычая похищения людей и торговли рабами, но все это было напрасно. «Quarterly Review*[28] в статье о путешествии Вамбери трактует этот предмет в подобном же духе. «Мы не без удовольствия видим, что сын киргизского хана*[29] выступает как ученый-путешественник под именем Валиханова и не щадит своих соплеменников»[5]. Перспектива, открывающаяся перед нами, кажется нам при известных условиях утешительною, и мы полагаем, что, по крайней мере, в этом направлении Европа и Азия сдружатся. Россия Александра II— не Россия Екатерины и Потемкина, и теперь она довольствуется естественным возрастанием там, где прежде она обнаружила алчность к присоединению.

Россия открывает путь для англо-индийской торговли в Бухаре; ее дороги, пароходы подготовляют к тому и позволяют удовлетворить настоятельные требования на английское сукно в Бухаре; значительное количество английских изделий уже доставляется сюда через Индию, и они предпочитаются русским изделиям, коль скоро предстоит между ними выбор. От 2 до 3 тысяч индустанских туземцев занимаются в Бухаре различными промыслами; даже степные племена понимают ценность английских товаров, только не могут получить их.

Аткинсон[6] в своей книге об Амуре сообщает нам, что английские товары рано или поздно проложат себе дорогу в северные области Китая через посредство татарских купцов, занимающихся торговлею в киргизских ордах. Достаточно известно, что караваны, идущие из Кульджи в какую-либо из внутренних провинций Китая, подвергаются большим опасностям, нежели на пути между Яркендом, Кашгаром и Индом. Возле Кульджи находят медь, железо, серу и селитру.

Семипалатинск — важный центральный рынок для русской торговли в Сибири — удален от Инда в полтора раза более, чем от Нижнего Новгорода. Большое количество индиго отправляется из Пенджаба через Афганские Дефилеи...

Аткинсон указывает, каким образом Англия устройством ярмарок на Инде может расширить свои коммерческие сношения со Среднею Азиею и даже далее до пределов Амура; как киргизы при безопасности, водворенной Россиею, будут в состоянии ежегодно присылать в Индию огромное количество лошадей; Россия не будет отправлять свои товары к Инду, а англо-индийские купцы — к берегам Волги; и славяне, и англосаксы будут, как мы уверены, бороться только в мирном соперничестве, на бескровном поприще свободной торговли, и этот торговый обмен повлечет за собою взаимные чувства доброжелательства.

В настоящее время, когда племена латинское и англосаксонское

---

*[28] «Квартальное обозрение».

*[29] Точнее: *султана.*

играют в мире важную роль, и славянская стихия по справедливости должна уразуметь свое особое назначение. Эти «младшие по времени» создали огромную империю, конечно, не для того только, чтобы «насслить равнины между Амуром и Эльбою народом, производящим сало и потребляющим хлопчатобумажные ткани». В виду всей Средней Азии, находящейся в разложении и упадке, в виду Западного Китая, терзаемого до самых пределов Кашгара беспрерывною инсургенциею против китайских властей, совершающих возмутительные жестокости, может ли Россия оставаться безучастною в контраст с образом действий англичан в Индии?

г. н. геннади

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Валиханов Чокан Чингисович, родом из султанов Средней киргизской орды, воспитанник Сибирского кадетского корпуса, поступивший в 1853 г. в Сибирское линейное казачье войско, через год был назначен адъютантом к генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту и в 1858 г. был послан в Кашгар, откуда, совершив опасную поездку, возвратился в Россию 12 апреля 1859 г. Плодом собранных им сведений были напечатанные в «Записках И. географического общества» за 1861 г. статьи: «Очерки Джунгарии» и «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нань-лу». Скончался в 1865 г. на 31 году от рождения.

э. жонво

[О ЗНАЧЕНИИ ТРУДОВ Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА]

После Марко Поло и иезуита Гоеса один только путешественник осмелился пробраться в эти негостеприимные страны (Восточный Туркестан). Это был несчастный Адольф Шлагинтвейт, который заплатил жизнью за свое отважное предприятие. Этот пример не охладил предприимчивости последователей, и благодаря трудам русского офицера Валиханова мы имеем теперь драгоценные данные для истории и уяснения политического положения [Восточного Туркестана].

Материалы и «кучи документов», собранные Джоном и Робертом Митчелами в самой России, открыли публике глаза, и труды этих людей, так же, как и другие сочинения, богатые сведениями, позволяют нам следить за малейшими подробностями предприятия московской монархии.

Ф. Р. ОСТЕН-САКЕН

ПОЕЗДКА Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В КАШГАР

В 1858 г. по случаю беспрерывных смут и восстания в Восточном Туркестане, неблагоприятно отражавшихся на подвластном России киргизском населении, правительство наше признало необходимым отправить доверенное лицо в Кашгар для получения на месте достоверных сведений о положении тамошнего края, а также для исследования торговых путей в этой части Средней Азии. Поручение было трудное и опасное; для исполнения оного нужен был человек с большою решительностью, наблюдательным умом и притом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетыми в азиатское платье. Снаряжение экспедиции было возложено на тогдашнего генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта, который избрал для предположенной цели состоявшего при нем адъютанта поручика Ч. Ч. Валиханова.

В июне 1858 г. Валиханов отправился из Семипалатинска вместе с торговым караваном, назвавшись родственником караванбаши. Караван перевалил в сентябре того же года Заукинский проход в Тяньшанском хребте и достиг Кашгара, где Валиханов пробыл несколько месяцев и затем после многих затруднений и опасностей в пути благополучно возвратился 12 апреля 1859 г. в укрепление Верное.

Описание поездки своей в Кашгар Валиханов начал печатать в «Записках» нашего Географического общества, но преждевременная кончина помешала ему окончить издание всех своих трудов. В статье «Очерки Джунгарии*[30] он доводит путешествие только до Заукинского прохода, а во второй записке «О состоянии Алтышара*[31] представляет общее географическо-статистическое описание «шести городов» Восточного Туркестана на основании собранных им сведений. Что же касается до путешествия от Заукинского прохода до Кашгара и обратно в Верное, то по нему до сих пор почти ничего не сделали, и богатые материалы по географии, истории и этнографии Средней Азии перешли в руки отличного знатока киргизских степей и киргизского народа К. К. Гутковского, который и предполагал заняться изданием означенных трудов. Внезапная смерть, постигшая его в прошедшем году, воспрепятствовала этому. По желанию покойного, все рукописи Валиханова были переданы председательствующему в Отделении географии физической П. П. Семенову, который изъявил согласие принять на себя редакцию оных для помещения в «Записках» Географического общества.

---

*[30] См. «Записки, 1861 г., кн. 1 и 2. *(Примечание Остен-Сакена).*

*[31] См. «Записки», 1861 г., кн. 3. *(Примечание Остен-Сакена).*

Печатаемый ныне в «Известиях» отрывок заключает в себе продолжение описания поездки в Кашгар. Поспешить с опубликованием этой статьи признано было необходимым уже потому, что в непродолжительном времени можно ожидать появления описания прошлогодней рекогносцировки в Занарынском крае, на озере Чатыркуле и под Кашгаром, предпринятой полковником (ныне генералом) Полторацким[1].

Так как Валиханову принадлежит честь быть первым образованным русским, посетившим эти страны, то долг справедливости требует, чтобы рассказ его о совершенной им поездке появился в печати раньше описаний позднейших исследований.

Н. СЕМИЛУЖИНСКИЙ [ЯДРИНЦЕВ]

[ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ НАРОДОВ]

Казачье войско в Сибири издавна пришло в столкновение с киргизами, калмыками и другими инородцами, населявшими степь. Помесь и сношения, происходившие между русским населением и инородцами, дали себя почувствовать как в типе, языке, одежде и обычаях, так отчасти и в [формировании] интеллигенции. Мы уже сказали, как сильно столкновение с азиатцами повлияло на тип казаков. У казаков результатом столкновений с инородцами явился не один своеобразный тип.

На окраинах войска и по линии казаки почти утратили свой язык и постоянно разговаривают по-киргизски. Имея частые сношения с киргизами, они ввели этот язык даже в свой домашний обиход. В станицах часто приходится видеть, как казачья барышня, дочь казачьего чиновника, отдает приказание своей служанке по-киргизски, и киргизский язык заменяет здесь французский язык. В Омске нам указывали на одного казачьего чиновника, приехавшего из степи, который не мог изложить содержания дела по-русски и, забывшись, начинал часто передавать его по-киргизски, совершенно упуская из виду, что слушатель его не понимает. По этому можно судить, что вообще сибиряки не очень краснопречивы вследствие столкновений с инородцами, по крайней мере, это доказывают сибирские писатели, известный Словцов[1] и один из летописцев прошлого столетия Андреев[2]. Казаки заимствовали у киргизов и обычаи; не говоря уже о простых казаках, которые любят по-восточному, ездят верхом по-киргизски, мы укажем на казачьих офицеров, которые ведут жизнь, костюмируются и меблируют комнаты а ля киргиз.

Несмотря на то, что казак подчиняется влиянию киргиза, он необыкновенно высокомерен в обхождении с сыном степей; он старается всеми средствами эксплуатировать его в свою пользу, что

замечено всеми уже давно. Казаки на значительном протяжении времени вовсе не занимаются ни сельским хозяйством, ни земледелием, отчасти отвлеченные по службе, отчасти по неумению и желанию пожить за счет киргизов. Тогда они придумывают разные спекуляции, берут часто у купцов в кредит товары и раздают их также в кредит киргизам, причем бессовестно обмеривают и обвешивают их. Раздав таким образом в долг товары и хлеб, казак имеет обыкновение ездить по киргизам «получать долги», пуская в ход всевозможные способы обмана. Приезжая в юрту, казак хорошо наестся, напьется, насидится на корточках и, взяв втридорога баранами за отпущенный в кредит товар, возвращается домой с хорошей добычей.

Эта систематическая эксплуатация инородца, распространенная вообще в Сибири и убивающая в самом зародыше всякое стремление к экономическому благосостоянию, особенно тяжело отзывается на пограничных киргизах во время постигающих их бедствий. Часто киргизское население вынуждено вследствие падежа скота отправляться искать пристанище и работу около казачьих селений. Поселившись тут, они называются обыкновенно джатаками*[32] или боктукчи*[33] (навозники). Жизнь джатака (этого киргизского пролетария) очень жалкая. Еще маленьким, бегая голым по деревне за милостынею, он встречает побои, насмешки и презрение.

За презрение казаков киргизы платят им тою же монетою, по крайней мере, на словах, что все-таки гуманнее и не так по-варварски, как у казаков. Джанак, знаменитый киргизский сатирик времени Аблая, так подсмеивается над русскими. Он из степи первый раз едет в киргизскую обрусевшую деревню. «Въезжают,— говорит он,— и встречают: о удивление! рыцаря на быке; на голове у него какой-то колпак, а ноги зашиты в холст (киргиз говорит о езде на быках и удивляется холщовым шароварам, а сам он привык носить замшевые или плисовые). Нет юрт, а стоят какие-то бревенчатые сооружения, не имеющие никакого удобства и называются «избэ». Вхожу в дом и вижу женщину, которую велят звать «матушка». Мне подают вместо вкусной баранины какой-то отвратительный «навар из навоза» (должно быть, выварки чая) и т. д.».

Вообще говоря, киргизская раса отличается наблюдательным умом и необыкновенной энергией мускульной силы. Один чиновник, долго служивший в степи и ездивший в отпуск в Россию, рассказывал нам, что, сравнивая русских бывших крепостных мужиков с киргизами, он находит, что у последних свобода обхождения, сообразительность, остроумие, юмор — все несравненно больше развито, чем у нашего забитого крестьянина.

Киргизский народ — народ глубоко поэтический. Замечательно, что пастушеские народы особенно любят поэзию и богато про-

*[32] *Джатаки* (лежачие), то есть оседлые казахи.
*[33] *Бокгукчи*, то есть живущие на навозных кучах.

являют ее в сказках, преданиях, песнях, поэмах и балладах. Киргизы считают себя самым музыкальным народом. Они говорят, что богиня песни носилась когда-то над землею, там, где она пролетела ниже, народ музыкальнее; себя они причисляют к народам, над которыми она пронеслась ближе всех остальных. Когда во время восстания Кенесары степь разделилась на две партии, одна — за независимость, другая — за слияние, то певцы выходили на ратоборство и в импровизированных песнях, один отвечая другому, вели гражданские дебаты. Таким образом, политической ареной служила поэзия и киргизские музы стояли с мечами в руках друг против друга. В песнях и в жизни киргизов очень заметна склонность к сатире и юмору; они бойко отвечают, тонко острят и дают меткие эпитеты, далеко превосходящие «киргизскую лопатку». Самым образованным из киргизов был, конечно, известный путешественник покойный Чокан Валиханов. Его путешествия иногда замечательны живым юмором; по рассказам, он был одною из остроумнейших личностей в частной жизни. Усвоив себе европейское образование и воззрения, он любил злой гейневской насмешкой клеймить всякую пошлость. Вместе с тем это была глубоко художественная натура. К сожалению, киргизский народ мало имеет средств к развитию. Убогая школа в Омске на полдюжины учеников, несколько дюжинных мальчиков, учащихся в Сибирском кадетском корпусе (ныне военной гимназии), и только. А таким бы оригинальным блеском мог засветить гений этого народа в русской литературе. В лице Чокана Валиханова у киргизов и ученого Доржи Банзарова у бурят сибирские инородцы доказали, чем они могут быть в истории умственной культуры.

И. Н. БЕРЕЗИН

ПРОДОЛЖИТЬ ИЗЫСКАНИЯ, НАЧАТЫЕ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЫМ

(Наставление кандидату Катанову)

Валиханов Чокан Чингисович, ориенталист, родом из киргизских султанов (ум. 1866)*[34], находился на военной службе, путешествовал по Средней Азии (в Кашгар) в очень опасное время, вывез [оттуда] много интересных сведений, которые обнародовал в «Записках Географического общества» («Очерки Джунгарии», 1861 г.). Умер в молодых летах от чахотки.

* * *

Наш ориенталист отправляется в такие местности, где тюркское население довольно многочисленно и притом живет здесь очень

*[34] Точнее *в 1865 г.*

давно. Прежде всего следует обратить внимание на уйгурское наречие и продолжить изыскания, начатые Валихановым: сравнение нынешнего уйгурского наречия со старыми памятниками (уйгурский словарь и тексты Клапрота, Кудатку-билик и др.) неизбежно и должно дать любопытные результаты. По мнению Валиханова, уйгурское наречие распространено в Кашгаре, [к тому] в Малой Бухаре*[35] имеется еще особенный канцелярский язык. При изучении уйгурского наречия должно обратить внимание на тип народа, говорящего по-уйгурски: здесь нужна особенная осторожность, так как в этих странах произошло необыкновенное смешение рас, соединение черт кавказского племени с монгольским.

Немало внимания должно быть обращено на народную литературу — сказания, песни, пословицы и пр. У других тюркских племен есть свои излюбленные герои: у кара-киргизов — Манас, у киргиз-казаков — Козу Корпеч, у прикаспийских тюрок являются исторические деятели: Идиге, Мамай, Чура-батыр, Нурату*[36] и др.

Может быть, и у восточных тюрок найдутся подобные личности. При этом следует производить разыскания о древних памятниках, особенно надгробных: Валиханову в этом отношении не посчастливилось, но исследования профессора Н. И. Веселовского показывают, что не следует терять надежды в этом отношении, расспросы и знакомство с туземцами, столь удобные для нашего ориенталиста, может быть, не останутся без результатов.

В народных песнях должно знать разницу олен от джир, а может статься, найдутся еще другие формы песнопений; при этом следует отличать, какой род поэзии преобладает — эпический или лирический, а также встречаются ли акростихические (начальные) рифмы, составляющие первоначальную форму тюркских стихов.

Богатство и разнообразие форм киргизской поэзии может служить примером, по которому можно познакомиться с поэзией тюркских племен. Мусульманское миросозерцание едва ли успело развиться у восточных тюрок, но тем не менее следует отличать верования и предания языческие от новых мусульманских. В образцах народной поэзии тюркских племен академика Радлова находится довольно материала для определения старых языческих верований тюрок; необходимо распространить эти исследования и на другие тюркские племена. В самом быте изучаемых племен найдется немало интересных сторон, например сословные деления белой и черной кости, форма общежития родами или отдельными аулами, отношения семейные и проч.

При изучении языка следует обращать особенное внимание на фонетику, причем не упускать из виду обилие гласных в тюркских наречиях, и особенно некоторых согласных (б, дж, ш). При грамматических формах склонения и спряжения должно занимать пер-

*[35] Одно из названий Восточного Туркестана.
*[36] Точнее *Нурадын, Нуридден* (у башкир — Мурадын).

вое место образование падежей множественного числа; некоторые случайности (например, прилагательное имя позади существительного) также не должны быть забыты.

Для определения характера наречия в лексикографическом отношении будет весьма полезно составление небольших словарей, с присовокуплением примеров употребления некоторых слов.

Наконец, наш ориенталист при посещении малоизвестных стран может обратить внимание на торговые пути и предметы торговли. Весьма мало имеется надежды на разрешение важных исторических вопросов, как, например, саги об Огузхане во всеобщей истории Рашид-Эддина или тюркская династия в старых китайских источниках; но не бесполезно произвести разыскания об уйгурском письме, не употребляется ли оно еще в какой-нибудь отдельной местности.

16 января 1889 г.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

ИНОРОДЧЕСКИЙ ВОПРОС

...В связи с улучшением экономического и гражданского быта инородцев наступит время подумать о духовном развитии инородцев и предоставлении средств им пользоваться образованием. Мы смеем думать, что в этом заключается, помимо естественного человеческого права, вопрос о спасении многих инородческих рас. Едва ли мы придумаем сами средство помочь инородцам, едва ли мы явимся заботливыми деятелями и, главное, способными и понятными руководителями и учителями инородцев, если не выдвинем из их среды людей образованных, близких им по крови и племени, знающих характер и дух народностей, людей, связанных с историей народа, могущих отдать лучшие чувства, свое сердце, свою любовь для осуществления великой задачи эмансипации инородца и посвятивших всю свою жизнь самоотверженно для спасения своих братьев. Таких лиц весьма мало вышло из наших инородцев. Напротив, наше образование прививалось к инородцам весьма странно. Разные обрусевшие переводчики, канцеляристы и усваивающие комфорт управители, инородцы-султаны, тайши явились первыми врагами и эксплуатировали своих соплеменников чуть ли не хуже, чем русские эксплуататоры. Исключения были незначительны, да и они кончили жизнь печально. Одинокие личности, как Чокан Валиханов, Дорджи Банзаров, пламенно любя свою народность и светлыми, просвещенными очами европейской науки увидев всю безвыходность, весь ужас положения инородца и в то же время ощущая непрочность под ногами новой почвы, как бы в отчаянии падали со своего пьедестала в прежнюю пропасть, пораженные горем.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

ИНОРОДЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НА РУССКОМ ВОСТОКЕ

В последнее время сделаны попытки начать обучение у киргиз с единственной целью их обрусения, причем созданы особые пансионы и интернаты за счет волостных сумм, т. е. на счет тех же киргиз, которые, конечно, более всего страшатся этих учреждений. Дело здесь поставлено таким образом. Привлечение в интернаты представлено уездным начальникам, т. е. земской полиции, причем полиция требует обыкновенно с волости известное количество мальчиков, а ныне даже девочек, ибо интернаты существуют и женские. Киргизское магометанское население, страшась отдавать в русские заведения своих детей, но боясь ослушаться начальства, которое пристращивает киргиз за сопротивление, привело к следующей мере: волость обыкновенно покупает детей у нищих киргиз для отдачи в интернаты. После временного обучения русскому языку киргизы должны будут отправиться в свои кочевья и здесь [будут] обречены в привольной кочевой среде забывать всякие эксперименты полицейских интернатов. Неизвестно, принесет ли пользу этот способ обучения и обрусения, но казне он не стоит ничего. Весьма немного султанских детей воспитывается в военно-учебных заведениях, но это составляет ничтожное исключение для населения киргиз в одной Западной Сибири.

Все производимые факты доказывают, что мы мало заботились о просвещении инородческого элемента, и образование в этой среде не сделало почти никаких шагов. Сколько ни говорили об эксплуатации Англией инородцев в колониях, но все же в Индии появились школы и университеты, из индусов выходили замечательные ученые и деятели, как Рамогун Рой, Дворканат, Джиджибтай[1], истратившие огромные суммы на школы и издания для ознакомления туземцев с европейской цивилизацией. На конгресс ориенталистов в Лондоне явилось немало инородцев индусов с учеными степенями, [они прибыли с] рефератами, касавшимися быта и судьбы их племен. На подобном же конгрессе в Петербурге в 1876 г. представителями от русских инородцев были один полуграмотный остяк и несколько неотесанных киргизских султанов без всякого образования; они были скорее этнографическими манекенами, чем представителями, [подтверждающими наличие] интеллектуальных способностей у своей национальности. Если случайно некоторые из инородцев и получали образование в высших учебных заведениях России, то это были весьма редкие случаи, и жребий подобных людей был не блестящ. Известный ученый-филолог бурят Дорджи Банзаров не мог применить своих способностей на родине и спился в русской среде, что и было причиной его гибели. Замечательно талантливый и образованный киргиз Чокан Валиханов, любимец своего народа, занимавшийся географией

Средней Азии, был обречен на праздную жизнь в офицерской среде[2], обладая проницательным умом и замечательным остроумием, он проникается горечью к русской цивилизации, возвращается из туркестанского похода разбитый, потрясенный всем виденным обхождением с инородцами и, совершенно обессиленный, умирает в степи, в юрте, среди родных кочевников, от чахотки, будучи не в силах передать им даже надежды на лучшее существование.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ СИБИРЯКА

Первое землячество

Когда жизнь звучит своими грустными мелодиями, когда чувствуется тяжело, мрачно и как-то безнадежно, когда видишь только умирающие даровитые силы, а на смену не идет молодой титан, новая умственная сила, богатое дарование, напротив, видишь только серую посредственность, невольно воспоминания влекут вас к прежнему времени, когда все было молодо, полно сил, надежды и мечтаний, когда, может быть под влиянием собственной молодости, все залито было ярким солнечным светом, всюду царила весна, иначе жило общество, иная была молодежь, историческая пора была иная. Впрочем, может быть, все это была иллюзия, сон молодости, и ничего в сущности не было, ничего не переживалось? Может быть, но к этим воспоминаниям все-таки что-то инстинктивно влечет нашего брата, человека другого поколения. Вот на этом основании я восстанавливаю нить своих воспоминаний о товарищах и первой группировке наших земляков в Петербурге.

Я прервал эти воспоминания, когда П.*[37] делился со мной мыслью сгруппировать сибиряков в Петербурге и направить их занятия на пользу Родине.

В беседах с Потаниным я не только сходился, но увлекался его умом, его планами, и он был для меня первым ментором, наставником; он же определил мое призвание. Я фанатически следовал его патриотической идее и мы начали развивать мысль среди товарищей о необходимости группирования. Все охотно разделяли эту мысль — иные сознательно, иные инстинктивно.

Идея соединиться сибирякам в Петербурге и перезнакомиться привлекала своею новизною и оригинальностью. Я заметил, что вообще мои земляки чувствуют свою близость и родство только на чужбине, но на родине это весьма редко дает себя чувствовать, разве только тогда, когда среди сибиряков является «наезжий человек» и подзадоривает их, ругая Сибирь. В Петербурге картина

*[37] Имеется в виду Г. Н. Потанин — организатор Сибирского кружка в Петербурге.

сближения разных представителей окраины имеет в себе нечто особенное. Потанин употреблял старание перезнакомить всех и наводил всегда справки, нет ли в каком учебном заведении земляков.

Сближение началось. Наконец, мы устроили сибирское собрание в какой-то большой студенческой квартире. Я помогал Потанину со всем старанием. Мы ждали, какой результат будет иметь это сближение. Сходка вышла шумная и оживленная, как всегда бывают студенческие собрания; на ней трудно было, однако, уже не заметить студенческих симпатий, хотя все это было крайне хаотично, нескладно и за шумом и разнообразием знакомств трудно было что-нибудь разобрать. Собралось, помнится, человек 20.*[38] На этой сходке я видел бурята Пирожкова, деликатную и уже интеллигентную личность, джентльмена в цилиндре, но с бурятским лицом; он изучал Гегеля и интересовался философией (как посвятил меня Потанин), здесь я познакомился с И. В. Федоровым-Омулевским[1], веселым, розовым юношей с золотыми кудрями до плеч, в художническом бархатном сюртучке, здесь присутствовал симпатичный юрист Н. М. П.[2] с рафаэлевской головкой, целая группа казанских буршей шумела со своей необузданной веселостью; привычки воспитанного петербургского дендизма мешались со студенческой развязностью и иногда неуклюжестью семинаристов. Среди сибиряков в первый раз были и несибиряки — знакомый Потанину, товарищ студентов, незабвенный художник Джогин, артист в душе, выступивший с талантливыми пейзажами; не помню, был ли здесь и Шишкин[3], тоже наш знакомый; наконец, присутствовал какой-то филолог Смирнов[4].

Студенческие сходки в то время в Петербурге были не редкостью. Университет и столица этой эпохи представляли своеобразный, может быть исключительный, вид. Литераторы и студенты пользовались особою симпатией: это были герои дня. К университету подъезжали блестящие экипажи аристократов, жаждавших послушать знаменитого профессора. Аристократическая дама и гусар не гнушались аудиторией.

Неподдельный энтузиазм юношей выражался на лекциях. Я помню лекции Н. И. Костомарова и других любимых профессоров, почти публичные. Университетский зал потрясался от восторга слушателей, юношей охватывал трепет. Они испытывали то, что испытывали люди под первым обаянием ораторов, мыслителей, проповедников истины и науки. Не знаю, повторялось ли это впоследствии. Литература тоже была любимицей публики. Журналы и журнальные статьи играли огромную роль и расхватывались по выходе. Читатель глотал ежедневно газеты с жадностью, как чашку кофе после моциона. Новости дня пробегали электрическими искрами по Петербургу. В публике на общественных собраниях ис-

*[38] По свидетельству Г. Н. Потанина, такая студенческая компания несколько раз собиралась и на квартире Ч. Ч. Валиханова.

кали глазами известных писателей и талантов. Быть литератором было завидно, ни одно пятно еще не обесславило литературную тогу. Сам литератор высоко держал голову .Диспуты в пассаже и в университете по общественным и ученым вопросам будили и привлекали общественное внимание. Все жило в России в ожидании великой реформы, иначе дышалось, иначе чувствовалось. Когда общественный пульс так высоко был поднят, не могла не разделить той же жизни восприимчивая молодежь. Студенческая группировка тогда была редкостью, как и студенческие кружки.

Но если все русские люди были настроены на решение общественных вопросов, то не могли не почувствовать этих вопросов и отдельные группы, а в том числе и окраинцы. Группировка по землячествам отражала тот бытовой строй России, те разнообразные интересы, которые лежат в историческом и этнографическом строе. Давно уже эту историко-этнографическую связь сознавали малороссы, кавказцы и т. д.; наступило время осознать эту связь представлениями восточной окраины. Замечательно, что этот ручеек местных стремлений и симпатий пробивался в то время, когда русская жизнь кипела общими вопросами и была более космополитична, чем когда-либо. Но это будет понятно тому, кто знаком с историей общественного пробуждения. В момент жизни все части организма дают себя чувствовать, и весной все ручьи оттаивают.

Наше собрание было первым свиданием сибиряков. На этом вечере не было ни подготовленных заранее искусственно вопросов, ни организованных словопрений и речей, все носило товарищеский семейный характер. В конце, после первых знакомств и шумных земляческих излияний, невольно выступил вопрос о поддержании сношений между земляками, а также о продолжении собраний; подобная мысль, конечно, была единодушно принята, но затем выступил и другой вопрос, делать ли эти вечера доступными и для несибиряков; допускать ли других лиц или собрания сделать только чисто сибирскими, земляческими? Вопрос этот, выплывший внезапно и неожиданно, как всегда у юношей, сейчас же получил несколько решительный и страстный оттенок. Присутствующие, и даже большинство, высказались за то, чтобы собрания были чисто земляческими, а посторонние лица сюда не были бы приглашаемы; этот эпизод поставил в конфузливое положение присутствовавших на первом собрании гостей. Вышло, как будто бы сначала их пригласили, потом выключили, но эта неловкость была смягчена юношеским добродушием и откровенностью. Был и другой эпизод: в собрании выплыл между прочим и вопрос хозяйственный. На собраниях предполагался чай, наконец, нужна была помещительная квартира. Вопрос о квартире вырешился тем, что положили делать студенческие вечера по очереди. Зная студенческие нравы и юношеский темперамент, некоторые здесь увидели вопрос, немаловажный для будущности собраний. Лица, стоявшие за интеллигентный характер собраний, решительно протестовали против закусок, водки и пива, но они оказались в меньшинстве. Пом-

ню, мы немало потешались над простодушным Омулевским, который употребил немало диалектики, доказывая, что после долгих патриотических разговоров у него может в глотке пересохнуть.

Этот комический эпизод на сибирском собрании дал впоследствии пищу рассказам и достиг литературных сфер, причем, говорят, влиятельный журналист Ч. много смеялся над характером выступившего вопроса.

В конце мы все-таки собранием остались довольны; начало было сделано, оставалось поддерживать связи. Действительно, вслед за тем последовал другой и третий вечер. Сходки заканчивались веселым пением студенческих песен, которые продолжались нередко и на улице при возвращении на квартиры.

Решившись собираться, никто не спрашивал и не задавал вопроса: «Зачем и для чего?» Этот вопрос казался молчаливо решенным. «Земляки»— стало быть, как же не видеться. Наиболее заинтересованные судьбою этого сближения, однако, чувствовали потребность в мысли, идее и даже какой-то практической задаче; понемногу и они начали появляться, не вдруг, не сразу. Между сибиряками были люди неглупые и начинали думать о судьбе своей родины, ее интересах и будущей деятельности в крае. Помню, что на этих собраниях впервые раздался вопрос о значении в крае университета и необходимости его для Сибири. Мысль эта всем пришлась по душе. Здесь же в товарищеских разговорах развивалась мысль о необходимости подготовки к будущей деятельности в Сибири, о необходимости изучать край и читать о нем сочинения, явилась мысль составлять библиографию книг сибирских, причем Потанин брался руководить этим делом, и я долго в своей жизни хранил выписки из каталогов Публичной библиотеки, пока эти клочки не разнес ветер моей скитальческой жизни. Тот же Потанин советовал издать календарь или памятную книжку и рекомендовал мне быть издателем, причем я изъявил горячую готовность. Говорили о будущем журнале, о газете, словом, вопросы росли. В конце все сходились на убеждении и вере, что нашей отдаленной окраине предстоит блестящая будущность. Эта вера, это горделивое чувство самосознания и убеждения в том, что и мы, члены социальной группы, дети страны, имеющей историю и будущность, поднимали дух и нередко наполняли нас юношеским восторгом, заканчивавшимся горячим земляческим поцелуем.

Эта идея и мысль служить своему краю, любить его, отдать ему жизнь, бывшая источником соединения, не была вполне новою. Когда-то тоболяк поэт Ершов, как видно из его биографии, написанной Ярославцевым, также юношески клялся посвятить себя родине, юношески мечтал поднять ее величие, он обменялся с каким-то другом даже мистическим кольцом по этому поводу. У нас та же мысль проснулась, только резче, определеннее и, так сказать, у целой группы лиц. Конечно, многие из этих мечтаний не могли быть осуществлены; одни их забыли, как и свои клятвы, другие не дожили до осуществления даже ничтожной части из

своих юношеских ожиданий. Так всегда бывает! Но когда-то в пору юности все это казалось так осуществимым, так легко достижимым!

Собрания длились года два при мне; временно они были прерваны небольшим эпизодом разлада, но мысль о них уже не умирала и группировка воскресла вдолге после, хотя и под новой формой.

Однако в столице в 1862 г. уже не было такого простора студенческим собраниям[5]. Первый жар и впечатления этого сближения исчезали и выступала прозаическая жизнь кружка, превратившая его в обыкновенную буршескую корпорацию. Тем не менее мы не раз собирались провожать своих товарищей и земляков, отправляя их домой, на родину. Помню, что в память нашего знакомства мы снялись группой и многие долго хранили это воспоминание студенчества[6]. Как бы то ни было, это первое сближение оставило свой след на душе многих, оно вспоминалось не раз в жизни, может быть, некоторые обязаны ему были сознательным отношением в своей деятельности на родине.

Знаю, что значительная часть лиц воротилась на родину, трудилась там так или иначе, причем даже лица, от которых не ожидали многого, служили медиками, учителями и т. д. Из этого кружка вышли некоторые писатели и патриоты.*[39]

Те же, кто испытал счастье еще раз увидеть родину, тот не раз вспомнит это дорогое время юности и земляческий кружок, где, как нежный цветок, распустилась любовь к земле своей и пробудились лучшие человеческие стремления и идеалы.

Из хроники газеты «Восточное обозрение»

Нам пишут из Петербурга, что там готовится к изданию собрание статей Чокана Валиханова, киргизского султана, бывшего русского офицера. Валиханов совершил путешествие в Кашгар инкогнито, умер в 60-х годах. Сборник его статей редактируется профессором Н. И. Веселовским.

Г. Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Валиханов (султан Чокан Чингисович) — чингизид, правнук знаменитого Аблай-хана и внук султана Вали-хана, киргиз Сред-

*[39] О наших писателях того времени и их дебютах мы поговорим особо. *(Примечание Н. Ядринцева).*

ней орды, род. в 1835 г. в Кокчетавском округе, получил образование в Омском кадетском корпусе. В 1856 г. он посетил Илийский край, где встреча с П. П. Семеновым пробудила в нем решимость первым из образованных русских людей проникнуть в Кашгар. Переодевшись купцом, в 1858 г. он вступает в область кара-киргизских кочевий и пересекает Тянь-Шань по маршруту: Верное, Иссык-Куль, перевал Зауку, озеро Чатырь-Куль, перевал Тургарт и Кашгар. По возвращении своем в 1859 г., он отправился в Петербург для научной разработки собранного им обширного этнографического и исторического материала; очень много здесь тру-

Г. Е. Грум-Гржимайло.

дился, слушал лекции в университете; но в 1866 году*[40] умер, не успев издать всех результатов своего по тому времени очень интересного и смелого путешествия. Немногое напечатанное им: «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу в 1858—1859 гг.» («Записки Имп. Русского геогр. общ.», 1861, кн. 3), «Очерки Джунгарии» («Записки ИРГО», 1861, кн. 1,2) и, наконец, посмертная статья его, редактированная П. П. Семеновым («Изв. ИРГО», 1868), имеют важное научное значение и свидетельствуют о разностороннем образовании и и наблюдательности автора.

Г. Н. ПОТАНИН

ОТРЫВКИ ИЗ КИРГИЗСКОГО СКАЗАНИЯ О ИДЫГЕ

(Из записей Ч. Валиханова)

К. К. Гутковская, приводя в порядок бумаги своего отца К. К. Гутковского, нашла между ними несколько писем Чокана Валиханова, а также несколько рукописей, хотя и переписанных частью рукой К. К. Гутковского, частью другими руками, но, очевидно, представляющими списки с записей и статей Чокана Валиханова. В числе рукописей тут найдены киргизское сказание о Идыге с отрывками из вариантов, отрывок из кара-киргизского сказания о Манасе, именно эпизод: Смерть Кукотай-хана и его поминки, Заметка о Шуна-батыре, о киргизских поверьях и др. Весь этот материал будет передан профессору Н. И. Веселовскому, который приготовляет к изданию собрание статей Валиханова. Мы здесь ограничиваемся помещением только начала сказания о Идыге с его вариантами, которое представляет интересное скучение нескольких тем. Валиханов подготовлял, как видно, ряд примечаний к этому сказанию; некоторые отрывки из этих примечаний сохранились вместе с самим сказанием, и мы сделаем из них здесь несколько извлечений.

Сказание о Идыге принадлежит к числу тех, которые у киргиз называются джирами, и потому Валиханов объясняет, что такое джир.

«Джир собственно значит рапсодия. Глагол *джирламак* значит говорить речитативом. Все степные джиры обыкновенно поются речитативом под аккомпанемент кобыза. Предметами джира обыкновенно бывают жизнь и подвиги какого-нибудь известного в древности народного витязя, словом, все, что составляет собственно повествование, рассказывается прозою, стихи же употребляются только в то время, когда герой поэмы или главные участвующие в ней лица должны говорить. Между киргизами мне известны еще

*[40] Описка, правильно *в 1865 г.*

два джира: один называется Эр-Гокче*[41] и Эр-Косай*[42]. В нем описываются подвиги витязей из рода уваков Эр-Гокче и сына его Эр-Косая в войне против сильного кипчакского племени. Эта рапсодия не имеет никакого исторического интереса. Сами имена витязей в ней действующих, совершенно нам не знакомы: между тем стихи чрезвычайно сильны и звучны (для ученых). Эта рапсодия занимательная разве потому, что в ней подробно излагаются вся тактика и стратегия древних степных воинов».

«Джир Идыге по событиям относится к концу XIV в., должно быть, составлен в начале XV в. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке. Примечательно также и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова, тогда как теперь, с распространением магометанской религии, даже в обыкновенном разговоре между простым народом вошли в употребление слова из этих языков».

Валиханов признавал, по-видимому, что киргизская сказка относится к историческому Идыге. В одном месте он говорит: «Самый замечательный исторический джир киргизский — это Идыге, тот самый Идыге, Эдеку, Идигей, о котором говорится в ярлыке Тохтамыша, тот самый бек, *тангар* и темник, который разил Витовта при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах». В другом месте: «Существование Идыге, несомненно, как существование Тохтамыш-хана и Тамерлана. Оно подтверждается не только народными преданиями, но и письменными фактами. Ибн-Арабшах[1] говорит об Идыге, что он был одним из дьяволов Тамерлана. В хрестоматии Хальфина[2] (изданной в Казани) находится родословная Идыге, составленная по преданиям казанских татар. Западная часть горы Улутау в Средней орде, составляющая совершенно отдельный утес от главного хребта, называется Идыге. На вершине этого утеса есть курган, сложенный из плитняка и бута; курган этот, имеющий форму всех оба (по-монгольски — *обо*), т. е. курганов, воздвигнутых в честь и воспоминание падших или умерших героев, называется *Идыгенен обасы*, самая гора называется просто Идыге. Киргизы, почитая его, как национального героя и святого по происхождению, часто приносят на могиле его жертвы. Иногда режут скот, что теперь очень редко, а большею частью привязывают к растущему тут кустарнику лоскутки одежды или конские волосы. А. И. Шренк был на этом кургане и очень верно срисовал вид этого утеса. Неизвестно, где находится могила

---

*[41] Никоновская летопись, под 1423 г., говоря о нападении царя Курайдата, упоминает: «...Тогда же убили и Когчю, батыра татарского, великого суща телом и силою». *(Примечание Валиханова).*

*[42] В «Сборнике летописей» (Джалаири) на стр. 156 говорится, что во время битвы Кадырберды-хана с Едыгеем на Илеке был убит и Эр-Куше. *(Примечание Валиханова).* Киргизская былина о Ер-Гокче и его сыне Косае записана Радловым (т. III). О Ер-Гокче см. также в моих очерках о Сев.-Зап. Монг., II, стр. 124, 158; IV, стр. 789. В другом месте Валиханов пишет эти имена: Ир-Кокче, Ир-Косай. *(Примечание Потанина).*

Тохтамыш-хана; современники его и Идыге [были] Кен-Джанбай, Кара-кипчак Кублип*[43], Киекбай, о котором, впрочем, не говорится в этой рапсодии, Худайберды, Кос-Давлет, Кара-Ходжа; этому последнему киргизы приписывают, что он был родоначальником аргынов* [4], Кара-Ходжа был посланником от Тохтамыша к Тамерлану. Курганы этих героев находятся на правой стороне реки Ишима; могилы ли это их или только памятники, определить невозможно до тех пор, пока эти курганы не будут раскопаны».

Из выписки, сделанной Валихановым из хрестоматии Хальфина (изд. 1822, гл. IV), видно, что казанское предание выводит Баба-Токласа от Абубекра; это был потомок Абубекра в 15 колене; а в шестом колене потомок Баба-Токласа был Идыге. Баба-Токлас был государем в Мекке; вот его нисходящая линия: Термеул (явился на Волге и Джаике), Кызычи, Ислям-кия, Кадыр-кия, Кутлубек; сыном последнего был Идыге. Кутлубек был убит Урус-ханом. По одному повествованию, у Баба-Токласа было четыре сына; по другому — только три; из них третий, Терме, был на Волге и Джаике. Паломники в Каабе сначала поклоняются гробу Пророка, потом гробу Алем-Муртазы-сеида, потом гробу святого чудотворца Баба-Токласа; Узбек-хан, сделавшись правоверным, посылал в благородную Мекку витязя Урака, который привел с собою этих трех святых (т. е. трех сыновей Баба-Токласа?), и потом народ сделался правоверным.

Далее Валиханов говорит: «Сообразуя народное (?) казанское предание, сохраненное Хальфином, и показания Ибн-Арабшаха с этою степною рапсодией, можно с достоверностью заключить только то, что Идыге был происхождения духовного, что он занимал при Тохтамыше значительную должность, потому что сам Тохтамыш поручал ему и «крымские споры и военные дела» и потом же он называет его бием по преимуществу, говоря: «Видано ли было, чтобы хан бежал, а бий его преследовал?»

Перевод сказания или былины о Идыге, сделанный Валихановым, как видно из его примечаний, представляет свод из трех списков, сделанных для него его отцом Чингисом Валиевичем. Перевод этот в сохранившейся рукописи был на тринадцати листах, из которых два (10 и 11) потеряны*[45]. Кроме этого, на отдельных листах записаны еще два варианта начала сказания. Валиханов, по-видимому, различал две версии, киргизскую и ногайскую. Полный вариант на 13 листах — это киргизская версия, два варианта, обрывающихся в самом начале, по-видимому, оба ногайские. Что у Валиханова значит «ногайская версия», не знаем. Это может значить, что версия записана у пришлых ногайцев

*[43] Точнее: *Кара-кипчак Кобланды.*

*[44] Аргын — один из самых больших родов Средней орды. *(Примечание Потанина).*

*[45] Восстановлено П. М. Мелиоранским по казахскому тексту поэмы «Едыге».

на Кавказе, где Валиханов не бывал, или что она найдена у казанских татар или других соседних тюрков, но не у киргизов*[46], или в каких-нибудь книжных памятниках и по догадке Валихановым отнесена к древним ногайцам.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

[ПЕ́РВЫЕ СВЕТИЛА ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН И ПРОСВЕЩЕНИЕ ОТСТАЛЫХ НАРОДОВ]

Вопрос об образовании инородцев с первого раза выдвигает несколько практических вопросов, требующих внимательного отношения и сообразования с положением народностей. Эти вопросы состоят, во-первых, в средствах, на которые должны содержаться школы, во-вторых, в принудительности, обязательности или свободном привлечении к образованию и, в-третьих, в самом характере преподавания для инородцев, причем появляется вопрос о выгодах распространения знаний на русском или инородческом языках. Что касается средств, на которые должны быть создаваемы школы, то весьма обширная переписка об этом предмете в 1853 г. привела к одному заключению, что создание школ у бродячих звероловов на счет инородцев невозможно и неосуществимо ввиду крайне жалкого быта и бедности большинства, находящегося в положении дикарей; всякие новые налоги и тягости угрожают им окончательным разорением. Несомненно, что создание этих школ должно быть обязанностью высшей расы, имеющей в виду привитие цивилизации. На предложение инородцам завести школы они отвечали обыкновенно отказом и просьбами их не заводить, будучи предубежденными и испытав в своей жизни горькие последствия всевозможных мероприятий.

С этим же связан вопрос об обязательности и принуждении обучения инородцев. Обыкновенно доселе от инородцев детей отбирали насильственно. Нечего говорить, как это вооружило инородцев против образования. Мысль об обязательности, а особенно принудительность образования, не применимая ни к какому населению, могла вытекать только из диких взглядов местного культуртрегерства. Она мало того, что не полезна в смысле образования, но не гуманна сама по себе и нарушает всякую законность. Между тем другой системы местная земская администрация никогда не понимала: отсюда вытекала масса злоупотреблений именем просвещения. «Давай деньги, как отступное, или возьмем детей у тебя и сделаем русскими, обратим в иную веру и отдадим в солдаты!». Понятно, какой ужас могло навести на инородцев та-

*[46] Вряд ли это так. Все версии поэмы «Едыге» собраны Чоканом только в Казахстане.

кое просвещение. И вот инородцы доселе находятся под влиянием такой мысли, внушенной им «просвященной» сибирской администрацией.

Недавно в некоторых школах и интернатах Киргизской степи вынуждаемые инородцы прибегли к покупке детей у бедняков и отдаче их в школы, которые кажутся им гибелью. Вопрос русификации, как жгучий вопрос национальностей, неумело и грубо применяемый, порождает весьма часто только насилие и возбуждает отвращение.

К сожалению, эта русификация также предлагается по отношению к инородческим школам без размышления о последствиях. Если народность весьма сблизилась с русскими и даже усвоила русский язык, тогда нет никаких препятствий, конечно, к обучению на русском языке, и вопрос обучения здесь сливается с обыкновенным сельским образованием.

Другое дело относительно народностей и племен, весьма склонных удерживать свою национальность, свой язык, свои верования, страшащихся нарушения их всяким принуждением. Для таких племен полезнее привитие знания на природном языке и перевод учебников как самого священного писания на инородческом языке; при этом, смотря по предубеждению и характеру народностей нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитие ума, как начало дальнейшего образования и знакомства с высшим миросозерцанием, которое явится само собою при знакомстве с наукой.

Нам кажется, что вопрос образования и знакомство с наукой должны быть выделены для инородцев, как относительно всех племен, держащихся иных вероисповеданий, где предполагается постепенное подготовление к иной религии, а не навязывание ее, могущее дать обратные результаты. Просвещение на инородческом языке и знакомство с наукою, надо заметить, нимало не оттолкнут образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизят его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского.

Мы видим, что успехи развития и просвещения шли у инородцев быстрее, когда книги переводились на инородческие языки. Еще к более высшей просветительной деятельности мы должны отнести опыты переводов руководств на бурятский язык в 1860 г. Болдоновым и школу Пирожкова и т. д. Таким образом, вопрос об инородческой школе является весьма важным и очередным в Сибири, так как насильственное привитие к инородцам русского языка и обязательное преподавание на нем одном терпит много неудач. Такие школы и заведения вызывают ныне только жалобы, а со стороны русских сторонников просвещения полное осуждение. Так, например, недавно заявлено о плачевном состоянии образования среди якутов, где не только первоначальное обучение

на русском языке, но гимназическое не приносит никаких плодов, но служит истинною мукою для учеников.

В Якутске основана, например, классическая прогимназия на деньги якутов, где якутам предлагается сразу изучение четырех языков; все эти языки преподаются людьми, не знающими ни слова по-якутски и не умеющими объясняться с учениками. «Это горькая насмешка над населением,— говорит один из очевидцев.— Для якута даже русский язык труднее, чем для русского латинский и греческий. Между тем у населения нельзя отнять, [что есть] жажда к знаниям, оно хочет учиться. Кроме прогимназии существует в улусах несколько начальных школ с полуграмотными учителями. Влияние этих школ ничтожно, потому что учителя их мало знакомы с преподаванием, при полном отсутствии какого-либо намека на страстное, любовное отношение к делу, а, во-вторых, все учебники и книжки для первоначального чтения трактуют на неизвестном языке еще менее известную природу и жизнь. Что принесет подобное образование!».

Подобные же неудачные попытки преподавания на русском языке бывали и среди киргизов; мы не говорим уже о созданных искусственных пансионах для них. Обрусевшие инородцы в лице переводчиков азиатских школ, писаря и проч. являются обыкновенно самым дурным элементом и эксплуаторами, взяточниками и совершенно не имеют никакого благотворного влияния на среду инородцев.

Таким образом, привлечение инородцев к школе и знанию без насилия, добровольно, не отталкивая от просвещения, само собою связывается с первоначальным преподаванием на инородческом языке, с созданием особых инородческих школ и подготовлением учителей из самих инородцев, знающих свою народность, ее характер и желающих ей блага. «От школы требуется, чтобы она вложила в инородца любовь к науке и просвещению, но в нем уже есть любовь к окружающей природе и к своему племени»,— говорит один из знатоков инородческого быта.—«Школа должна воспользоваться этой воспитанной помимо ее любовью, она должна перенести эту любовь на науку.

Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его истории, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило и что ему следует совершить. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени»*[47]. Этими словами указывается [на то], что истинное образование инородца не должно порывать его связь со своим народом. Целью образования должно быть: внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть

*[47] См. ст. «Сибирские инородцы», газета «Сибирь».

его от прежней семьи, вырвать его и предоставить массе ту же нищету, несчастья и вымирание.

Только весьма немногие образованные инородцы сохраняли связи со своим племенем и желали посвятить себя его развитию. В числе этих имен должно упомянуть Банзарова[1], Пирожкова, Болдонова[2] и Дорожеева из бурятов, Николаева[3], якута, и Чокана Валиханова из киргизов, Катанова[4] из минусинских инородцев. Как Валиханов, так и Банзаров получили высшее образование, они были даровитейшими учеными даже в европейской среде и тем не менее их симпатии оставались на стороне их несчастного племени. К сожалению, такие личности только случайно пробивались из инородческой среды. Высшее европейское образование оставалось чуждо большинству инородцев, а между тем такие личности более всего могли бы принести услуг инородческому просвещению и позаботиться о судьбе своей народности.

В пробуждении инстинкта любознательности, духовной жизни в сознательном отношении к своему настоящему и будущему будут лежать залоги сохранения племен от вымирания и гибели. Мы думаем, что такое просвещение будет источником жизни и спасителем, который воскресит легендарного, умирающего от голода и бедствий самоеда. Дух сибирского инородца остается угнетенным, глубокая меланхолия лежит на нем, мрачная безнадежность сковывает его сердце, нет веры в лучшее, нет надежды на будущее. Вот эту-то веру, эту общечеловеческую надежду должно создать инородческое просвещение. Когда инородец не увидит никакого насилия и опасности в деле привития образования, он научится уважать его. Мы видим, что инородцы охотно иногда отдавали детей в средние учебные заведения, как в Омский кадетский корпус. Буряты иногда отдавали детей в гимназию.

Примеры получения высшего образования среди инородцев теперь редки, но будем надеяться, что местный Сибирский университет привлечет сюда и представителей инородческой среды. Инородцы, как Дорджи Банзаров, Валиханов, ныне Катанов, оказали уже услугу русской науке. Не забыв свой язык, они явились наиболее способными учеными-орненталистами и внесли неоценимые вклады в этнографию, изучая родственные племена и географию близких им окраин. Еще больший контингент таких ученых-ориенталистов может дать восточный факультет в Сибири. Переводчики и драгоманы могут формироваться в среде инородцев, и если необходимы посредники для привития цивилизации к соседним азиатским племенам, окружающим Сибирь, то, конечно, эта роль лучше всего подходит к нашим инородцам. Мы не говорим уже, что развернувшиеся способности инородцев, обнаруживающиеся даже теперь в исключительных и редких случаях, могут проявиться когда-нибудь шире и богаче, внеся свои вклады в общую сокровищницу знания в общечеловеческой цивилизации.

Г. Н. ПОТАНИН

ПЕРВЫЕ ЛУЧИ ВОСТОКА
[ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ДОРДЖИ БАНЗАРОВ]

Русская жизнь имеет другой пример образованного человека из сибирских инородцев — это киргиз Чокан Валиханов, по которому мы можем проверить наши мнения. Он также был отнят от кочевой жизни, как и Банзаров, при этом надо заметить, что образ жизни у бурят ближе к оседлому, у киргизов же кочевой характер быта больше. И однако у Валиханова не было заметно никакого возвращения к кочевому мышлению. Он был менее оторван от степи, каждое лето он проводил в ней, живя в юрте и одеваясь киргизом, он до последней минуты жил интересами европейского общества.

Нам кажется, что кроме разницы в темпераменте, в несходстве киргизского быта с бурятским и других подобных причин различная судьба этих двух инородцев в значительной степени зависела от их положения в русской среде. С Валихановым судьба поступила снисходительнее; его привезли десятилетним мальчиком в Омск и отдали в кадетский корпус[1]; один из преподавателей — К. К. Гутковский, служивший в местном военном штабе, человек очень образованный, стал его брать к себе по праздникам; впоследствии, когда Валиханов вышел из корпуса офицером, гостеприимство, которым он пользовался в доме Гутковских, перешло даже в родственную любовь. Судьба Валиханова заботила Гутковских, как будто это был их родной сын. Таким образом, у Валиханова было две семьи, одна в степной юрте, другая в городе. Возвращаясь в город из степей, он находил здесь друзей, которых интересовали мельчайшие подробности его ученых работ и жизнь его сердца.

У Банзарова не было такой европейской семьи. Он был мальчиком оторван от семьи и выращен в далеком городе, в 6000 верст от родины. Школа, конечно, дала ему товарищей, но жизнь разлучила его с ними, так как он должен был пойти по особой, [отличной] от них дороге. Впоследствии он приобрел друзей между ориенталистами, но эти друзья остались в Петербурге и Казани. Приехав в Сибирь, он нашел здесь только один теплый кров — это свою степную семью; Иркутск же для него был совершенной чужбиной. Конечно, были тогда в Иркутске люди образованные, любители ученых занятий, может быть, даже интересовавшиеся той самой специальностью, в которой был силен Банзаров, но он не нашел себе здесь такого друга и покровителя, какого Валиханов имел в Гутковском.

В Иркутске в это время основали Отдел Географического общества, который впоследствии поддержал нравственно не одного начинающего научного работника, но все наши провинциальные ученые общества и теперь еще не освободились от бюрократиче-

ского ведения дела, а в то время Отдел был не чем иным, как особой канцелярией генерал-губернатора по ученой части. Генерал-губернатором тогда был граф Муравьев-Амурский; это было неизмеримо лучше, чем Гасфорт, который был при Валиханове в Омске. Но граф Муравьев думал только о государственных интересах, интересы местной общественной жизни его заботили очень мало. Все внимание было обращено на приобретение Амура; и местное сельское население, и капиталы, и умственные дарования, и наука — все было направлено на службу Амуру. В этой кипучей амурской деятельности Банзаров был не нужен, и он не был обласкан и пристроен как следует, а граф Муравьев умел обласкать тех, в ком нуждался. Если б вместо Муравьева был Сперанский, Банзаров нашел бы более теплое участие к себе. И в этом отношении для Валиханова обстоятельства сложились выгоднее. Гутковский был потом назначен товарищем губернатора, управлявшего Областью сибирских киргизов; Валиханов пригодился ему при составлении административных проектов и новых положений своими знаниями и по обычному праву. Банзарову же, кажется, не оказалось другого дела, как производить следствия о злоупотреблениях.

Русские политические кружки, в которых Валиханов и Банзаров провели свою молодость, т. е. те года, когда складываются общественные идеи у человека, были различны. Политические убеждения Валиханова сложились под влиянием петрашевца Дурова и С. Я. Капустина. О Казанском кружке, в котором вырос Банзаров, мы мало знаем, но полагаем, что [люди его были] мало похожи на друзей Валиханова. Яснее для нас характер [мировоззрение] петербургских друзей Банзарова — Савельева и Григорьева. Они тоже, как и друзья Валиханова, увлекались социализмом (вероятно, и Банзаров не остался не посвященным в эту идею), но в меру. Об этом свидетельствует следующая выписка, которую мы делаем из биографии Савельева, составленной Григорьевым: «Социализм как направление пришелся ему (Савельеву) несравненно более по сердцу, нежели либерализм; но в возможность осуществления социалистических утопий и в благо, имеющее произойти от того для человечества, он, как человек, знакомый с историей, не верил, а проповедников социализма, с которыми имел случай сходиться довольно часто и близко, не жаловал почти так же, как и либералов, потому что и тут актерства и фанфаронства видел в десять раз более, нежели глубокого убеждения и истинного увлечения*[48]. Нам кажется, была разница в степени искренности того участия, с которым русские друзья относились к тому и другому инородцу. И это же, вероятно, могло отразиться на будущей судьбе Банзарова и Валиханова.

Наконец, Валиханова могло спасать направление его работ. Валиханов записывал сказки и песни киргиз с целью познако-

*[48] *В. В. Григорьев.* Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861, с. 83—84.

мить русское общество с этими произведениями народного творчества; во времена Банзарова к этому предмету еще не пробудилось того интереса, который обнаружился к нему позднее; на Банзарова, уезжавшего в Сибирь, возлагались надежды, что он объяснит монгольские древности Южной Сибири, с каждым годом более и более истребляемые временем, но тут, кажется, разумелись не устные древности, а лапидарные и вообще вещественные. Отправляя Банзарова в Сибирь, следовало бы поставить перед ним задачу собирания устных памятников у бурят; это занятие было бы более исполнимо в глухой провинции.

Между тем Банзаров был приготовлен к кабинетным занятиям, которые можно вести только при больших книжных средствах. Слишком специальные вопросы, над которыми любил Банзаров задумываться, мало кого могли заинтересовать в Иркутске, в нем не было для Банзарова самой крошечной аудитории*[49]. Хотя некоторые ученые, современники Банзарова, как, например, Савельев, уже тогда объяснили гибель Банзарова тем, что он не нашел в провинциальном обществе нравственной поддержки, т. е. объясняли безжизненным, неподвижным состоянием нашего общества, другим не мешало в то же время по поводу биографии «монгола во всеоружии учености» приходить в неоправданный патриотический экстаз.

Так, один рецензент, давая в «Москвитянине[2] отчет о брошюре Савельева, т. е. написанной им биографии Банзарова*[50], писал: «Кроме ученого своего значения, Банзаров замечателен и тем, что представляет собою живой пример благодетельного влияния России на подвластных ей инородцев. Это, как мы сказали, монгол во всеоружии современной учености благодаря влиянию России. А укажите мне в Англии просвещенных ею индийцев или в Париже ученых алжирцев! Таково ли влияние этих двух держав на принадлежащих им инородцев? (т. е. таково ли, как влияние России). Заботятся ли они о просвещении, толкуя о цивилизации?*[51].

---

*[49] Во время Банзарова в Иркутске было только два лица, знавшие монгольский или бурятский язык и занимавшиеся литературой этого племени: Сычевский и свящ. Стуков; кроме того, тогдашний иркутский епископ Нил также изучал монгольский язык, интересовался буддизмом и впоследствии написал о нем книгу. Впрочем, если сравнить прошлое время с настоящим, то сравнение выйдет не в пользу последнего. Теперь в Иркутске тоже только два лица, занимающиеся изучением бурятского языка и бурятской жизни: свящ. Копылов и молодой свящ. Подгорбунский; последний кончил курс в Казанской духовной академии. *(Примечание Потанина).*

*[50] «Москвитянин», 1855, т. V (19—20), с. 164.

*[51] В то самое время, как это писалось, или даже немного ранее того (в 1854 г.) в Бенгалии было основано англичанами пять колледжей, кроме того, Sanskrit College и мусульманское медресе; в северо-западных провинциях — пять колледжей; в Бомбейском президентстве — три колледжа; в Мадрасском — высшая школа (High School). См: *Минаев.* Очерки Цейлона и Индии, ч. II, СПб., 1878, с. 191. Во время путешествия Минаева, т. е. в семидесятых годах, в Индии было уже три университета, учрежденных для оценки обучения, получаемого в колледжах, и для раздачи ученых степеней. *(Примечание Потанина).*

Из многочисленных сибирских инородческих племен только два, буряты и киргизы, выставили своих представителей в ряды русского образованного общества; из бурятской среды вышел Дорджи Банзаров, из киргизской — Чокан Валиханов. Хотя со смерти одного из них прошло уже около 35 лет, а со смерти другого — 25, эти два случая так и остались до сей поры исключениями в сибирской жизни. В настоящее время наберется, может быть, уже не один десяток киргиз, кончивших курс в средних (и даже высших) учебных заведениях; вероятно, скоро подобные же ученики появятся и в бурятской среде. Эти новые факты инородческой жизни имеют большое общественное значение, но на русское общество они не производят такого яркого впечатления, как явление вроде Банзарова и Валиханова, которые хотя и представляются исключениями, но получают особый смысл благодаря своим талантам.

Эти последние явления указывали русскому обществу на ошибочность мнения, будто племена, из которых вышли эти лица, не имеют другой исторической задачи, как только населять негодные для земледелия и незаманчивые для других высших рас степи и создавать в них некоторые жизненные условия, полезные для международных сношений, которые ведутся через эти пустыни. Эти явления рождали надежду, что роль этих племен не ограничится такими скромными рамками, что они могут выставить впоследствии ряд людей, которые примут участие в русском умственном движении, образуют в нем своеобразную струю и обогатят русскую науку и русскую литературу оригинальными взглядами. Если б Банзаров и Валиханов не умерли так рано, они могли бы сделаться впоследствии посредниками между своим племенем и русским образованным обществом. Потребность в этом посредничестве уже чувствовалась и в то отдаленное время; на это указывает то теплое радушие, с которым русское общество приветствовало появление в его среде и того, и другого. Едва ли справедливо появление их считать преждевременным на том основании, что роль их остается, столь долго никем не замещенною; эта незамещенная пустота вернее может быть объяснена угнетенным положением инородческого населения.

Оба наши инородца, Банзаров и Валиханов, получили образование в русских школах, вскормлены были теми идеями и теми умственными интересами, которыми жило в их пору русское общество, и потому, если по психической природе они и сохраняли особенности своего племенного типа, то по своему умственному развитию оба они были вполне русскими образованными людьми; их волновали те же литературные и ученые вопросы, какие волновали русское общество, вожделения, надежды и слава последнего были и их вожделениями, надеждой и славой; в них жило сознание, что и улучшение положения их сородичей, которых оба они, несомненно, любили, зависит от общего просвещения России. Если бы таких Банзаровых и Валихановых было больше, еще раз повторяем, то глубокое духовное родство образовалось бы между ино-

родческой средой и русским обществом. Для русского патриота и для человека, по доброте сердца интересующегося судьбой инородцев, истинным огорчением должно казаться, что вместо такого внутреннего родства, коренящегося в общности духовных интересов, единственной связью, соединяющею инородцев с русским обществом, служит одно только чувство общей административной зависимости.

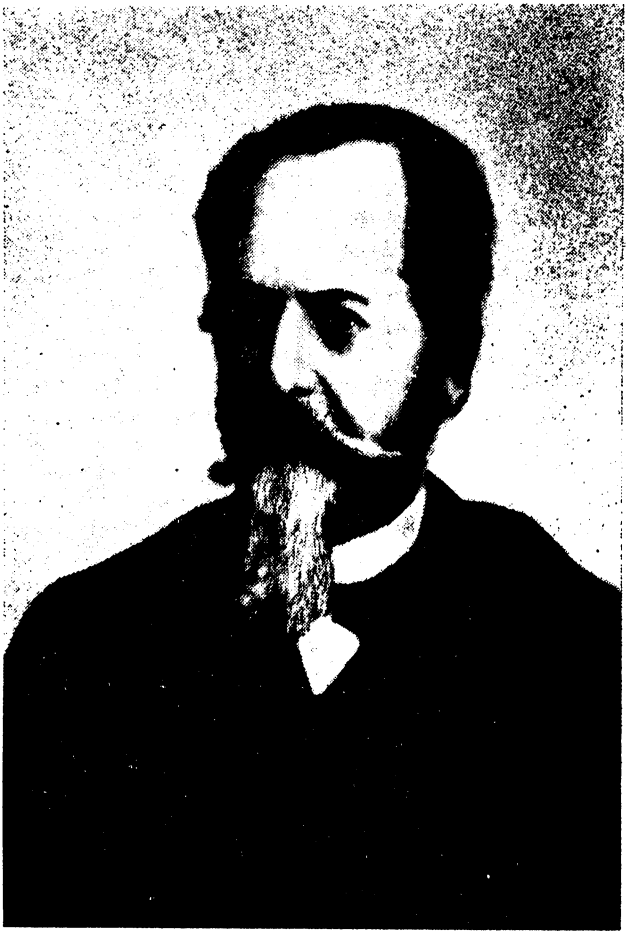
Н. И. НАУМОВ

ЧОКАН ЧИНГИСОВИЧ ВАЛИХАНОВ

Через несколько месяцев исполнится 60 лет со дня рождения известного Ч. Ч. Валиханова. Было бы важно, если б люди, знавшие лично покойного, успели поделиться своими воспоминаниями о нем, так как у нас нет до сих пор подробностей биографии этого так рано умершего человека.

Ч. Ч. Валиханов, правнук знаменитого в истории Средней киргизской орды Аблай-хана, родился в 1835 г. в Кокчетавском уезде Акмолинской области. Получив начальное образование в Омском кадетском корпусе, Валиханов в 1853 г. поступил на службу в Сибирское казачье войско, где благодаря своим блестящим дарованиям сумел вскоре выдвинуться и уже в следующем году был назначен адъютантом к тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту. В 1856 г. Валиханов посетил Илийский край, где встреча с известным географом П. П. Семеновым окончательно укрепила его в намерении отдаться изучению своей родины и сопредельных стран. Обстоятельства благоприятствовали Валиханову. В 1858 г. ввиду беспрерывных смут и восстаний в [Восточном] Туркестане, неблагоприятно отразившихся на нашем пограничном районе, было признано необходимым отправить доверенное лицо в Кашгар, как для получения на месте достоверных сведений о положений края, так и для исследования, насколько это было возможно, торговых путей в этих частях Средней Азии. Поручение было очень опасное, и для исполнения его требовался человек, не только обладавший большой решительностью и способностью наблюдать, но и знающий азиатские наречия и восточные обычаи. Валиханов как нельзя более отвечал всем этим требованиям и с радостью принял заманчивое предложение. Летом 1858 г. он вместе с караваном двинулся из Семипалатинска в далекий путь, выдав себя за родственника караванбаши. Дорога была крайне тяжелая и требовала от путешественника массы труда и энергии. Осенью того же года караван перешел Тянь-Шань и достиг благополучно Кашгара, где Валиханов пробыл несколько месяцев, посвящая все время изучению края. После целого ряда затруднений и опасностей караван прибыл 12 апреля 1859 г. в Верное. Поездка эта была при

тогдашних условиях настоящим подвигом. Со времени знаменитого путешественника Марко Поло ни один европеец не проникал в Кашгар, за исключением злополучного Адольфа Шлагинтвейта, поплатившегося жизнью за свою смелость. По возвращении из Кашгара Валиханов был переведен на службу в Петербург, где деятельно принялся за научную разработку собранного им обширного эт-

П. И. Наумов.

нографического и исторического материала, стараясь в то же время пополнить всячески свое образование. Вечно занятый своими вопросами, он успевал не только читать массу литературы, но даже слушать лекции в университете и т. д. К сожалению, сырой петербургский климат подействовал на Валиханова крайне нехо-

рошо, у него обнаружились в скором времени острые признаки чахотки, что и заставило его возвратиться на родину, в степь, где он и умер в 1865 г., на 31 году от рождения.

Труды Валиханова «Очерки Джунгарии», «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нан-лу» печатались в «Записках Императорского Русского географического общества», которое [общество] с сочувствием отнеслось к даровитому киргизу. Впрочем, Валиханов далеко не успел обработать все собранные им обширные материалы по географии, истории и этнографии Средней Азии, для собирания которых он не щадил ни труда, ни денежных затрат. В общем статьи Валиханова свидетельствуют не только о тонкой наблюдательности автора, но и широком понимании вещей, которое немыслимо без разностороннего образования.

В заключение этой заметки мы с удовольствием можем прибавить, что, выбившись на широкую дорогу и вполне освоившись с цивилизованной жизнью, Валиханов не стал чужд своей родине, как это часто бывает в таких случаях. Напротив, высоко ценя условия культурной жизни, он в то же время горячо любил свой народ, сознавая, что только под могущественным покровительством России в состоянии выйти азиатские народы из своего векового застоя и невежества.

Н. И. ПАУМОВ

ШОҚАН ШЫҢҒЫСҰЛЫ УӘЛИХАНОВ

Атақты Шоқан Шыңғысұлы Уәлихановтың туғанына бірнеше ай өткен соң 60 жыл толады. Егерде бұл құрметті марқұмды жүзбе-жүз анық білген таныс адамдар болса, ол жөнінде білгендерін жәрдем етіп жазып жіберсе, тек жақсы болар еді. Себебі, дүниеден ерте өткен бұл марқұмның тірі күніндегі болған өмірлерінің тамам баяның осы күнге шейін біз анық білмейміз.

Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов Орта жүз қазағының дүниеге мәшһүр болған атақты Абылайханның немерелерінің баласы еді. 1835 жылы Ақмола облысындағы Көкшетау уезінде туған еді. Шоқан Уәлиханов Омбы қаласындағы Кадетский корпусында ғылым бітіріп 1835 жылы Сибирия өлеетінің қазақ орыс әскерінің қызметіне кірген еді. Бұл қызметінде тұрып ақыл парасаты асқан соң ілгері басып, кейінгі жылында Күнбатыс Сібірді билеп тұрушы генерал-губернатор хазратлары Гасфорд дегеннің құзырында адъютант дәрежесінде қызметте тұрған еді. 1856 жылы Шоқан Уәлиханов Іле жағына барған еді. Және бұл жерде дүние ғылымын тәптептеген ғылым иесі атақты Семенов дегенменен жолығып сөйлескен соң өзінің туып өскен қазақ халқының жерлерінде және бұған таяу тұрған жайларын да тәптептеп қарап, тамам баян етіп, жазбаққа талап қылған еді. Шоқанға бақ беріп көңілдегі қалаға-

ны кез болған еді. 1858 жылы Шығыс Түркстанда бүліншілік және тынышсыздық болған еді. Және мұның залалы біздің шет жердегі халыққа тиген еді. Бұл себептен Қашқар шәһәріне бір сенімді адамды жібермекке қажет болған еді. Бұл жақтың мән-жайын және сауда жүретін жолдарын да зерттеп, біліп келмек үшін бұл жол бек қорқыныш еді. Ол бұған баратын адамның жүректі және қағілез ақылды болғаннан басқа да, сол жұрттың тілін және заңын, әдеттерін де білетін адам керек еді. Шоқан Уәлиханов мұндай мұқтаж жұмыстарға іздесе де табылмайтын адамның бірі еді. Және өзінен барасың ба деп сұраған соң қуанғанынан барамын деп ықтияр болған еді. 1858 жылы жаздыкүні Семей шәһәрінен шығып, керуенменен бірігіп, керуен басының туғанымын деп алыс жолға сапар шегіп жүріп кетті. Жол бек қиын болған еді. Сапаршылардан көп жаһәтшілік және көп шыдамдық қажеттер болған еді. Сол жылы күздікүні керуендер Тянь-Шань тауынан асып барып, Қашқар шәһәріне аман есен барып жетіпті. Және бұл жерде Шоқан Уәлиханов бірнеше ай тұрып, бұл жайларды тамам баян етіп жазып алып-ты. Керуендер неше рет жол қиыншылығын көріп және де қорқынышта болып 1859 жылы 12 апрельде Алматы қаласына қайтып келіпті. Сол заманда мұндай жерлерге барудың өзі таңғажайып ерлік деп білуші еді. Жол жүргіш, дүние кезгіш атақты Марко Поло деген адамнан бермен қарай Европадан ешбір адам Қашқарға батып бара алмаған еді және Адольф Шлагинтвейт деген адам барамын деп опат болған еді. Қашқардан қайтқан соң Шоқан Уәлихановты Петербор шәһәріне қызметке шақыртып алып барған еді. Ол бұл жерде тұрып өзінің көріп біліп келген нәрселерін және халықтарын тамам баян етіп жаза бастаған еді. Өзінің бұл айтылмыш сөздерінің соңында тәптіштеп өмір бойынша жүргеннен басқа да және көп кітаптарды оқығаннан басқа да тағы да (Петербор) университетінде ғылыми дәрістер тыңдап тұрушы еді. Бірақ өкінеміз Петербур шәһәрінің суық дымқыл әуесі Шоқанға жақпағандықтан, тез заманда Шоқанның окпесіне құрт захматы (көксау дерті) пайда болған соң, өзінің туған жері қыр далаға қайтып келіп 1866*[52] жылы 31 жасында дүниеден сапар шекті. Еңбектерін (Жоңғария уалаяты және Қытайдағы Нан-лу уалаятына қараған күншығыстағы алты шәһәрдің мән-жайын баян етіп жазған) Шоқан Уәлихановтың жаһатын патша қазіреттерінің дүние ғылымын басқарып тұрған мекемесіндегі Россия әкім иелері тәрбиелеп басып шығарған еді. Және бұл әкім иелері бұл ғылым иесі парасатты қазақтың талабына рас жаны ашып, ықылас қойған еді. Оның үстіне Шоқан Уәлиханов өзінің Орта Азиядан жинаған дүние ғылымына бұрынғы өткен хабарларды жазатын ғылымға және халықтардың мінез-әдеттерін баян ететін ғылымдарға керекті хабар нәрселердің көбін жаза алмастан кетті. Ол мұны жинаған ынтасында ақпасын да аямаған еді. Ол Шоқан Уәлихановтың жазған сөздерінен байқалады. Шоқанның ынсықтығы жо-

*[52] 1865 ж.

не нәрселерді пайым еткен зеректігі әртүрлі ғылымды білген адам болғандығын байқатады.

Бұл баян наманың ақырын тиянақ етіп, ұйғарамыз және қуанышпен қосып жазамыз. Егерде Шоқан Уәлиханов ғылым, өнер иесі халықтың әдет, заңын біліп, даңғыл биік жолға шықса да өзінің туған жаман (елін) жатырқамады және ұмытпады. Демек, мұндай кемшілікті көп адамдар қылар еді. Тағыда ғылым мен өнердің қымбат екенін біліп құрмет тұтып, өзінің халқын бек жақсы көрушi еді. Оның үстіне Россия халқының қорғап, қоршап болысқанын (ойлап), Азия халықтары ілгері наданшылықтан құтылар ма деп ойлаушы еді.

Г. Н. ПОТАНИН

О ПОЕЗДКЕ В АУЛ ЧИНГИСА ВАЛИХАНОВА

Занимаясь сравнением монгольских сказок и преданий, сказочным сюжетом сибирских тюрков, я заинтересовался некоторыми сюжетами, распространение которых среди киргизов, к сожалению, или недостаточно выступает в материалах, уже собранных в Киргизской степи, или в имеющихся собраниях киргизских сказок даже не намечено, так что существуют ли они у киргизов — неизвестно. Так, например, мне для моих сравнений хотелось бы получить несколько новых вариантов: 1) киргизских сказок о Козу-Курпеше и Козае, чтобы выяснить точнее их отношение к монгольской повести о Беэре, и 2) киргизской сказки о Идыге, чтобы распутать связи ее с книжным сказанием о Чингисхане, с одной стороны, и летописным рассказом о ссоре Идыге с Тохтамышем, с другой; сказка о Идыге записана г-м Радловым у татар в Томской и Тобольской губ., но киргизский вариант мне неизвестен, за исключением записи Чокана Валиханова, напечатанной в «Живой старине» не в полном составе...

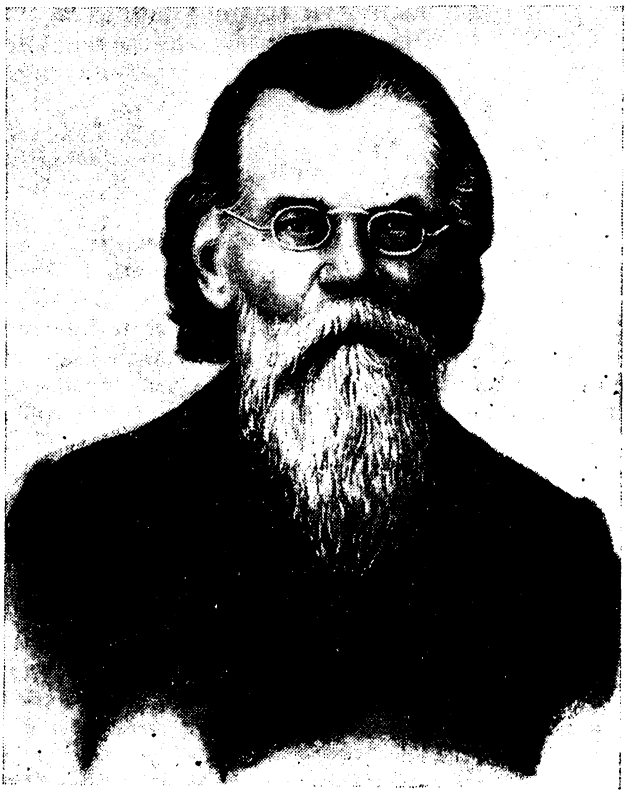
Кроме сюжетов, лично меня почему-либо заинтересовавших, я намерен собрать среди киргизов материалы по звездному и животному эпосу и предания о предках киргизских поколений; сверх того, я обращу внимание на остатки древних верований киргизов.

Кокчетавский округ я избираю целью своей поездки потому, что окрестности горы Кокчетау были в прошлом столетии ставкой киргизских ханов; здесь был центр киргизской жизни, а потому здесь можно рассчитывать найти некоторый запас исторических воспоминаний киргизского народа.

* * *

По случаю приезда в Омск Г. Н. Потанина 23 мая было созвано чрезвычайное торжественное общее собрание Западносибирского

отдела географического общества. Заседание открылось речью председателя отдела полковника Павлова, приветствовавшего Потанина и указавшего на те разнообразные отрасли естественных наук, которые обогатил и пополнил своими работами неутомимый престарелый исследователь Сибири. Затем сказал небольшую прочувствованную речь друг Г. Н. Потанина, член городской управы

Г. Н. Потанин.

П. Б. Яшеров. Он указал на то, что Г. Н. Потанин дорог для общества не только как ученый, но главным образом как человек, умеющий заинтересовать наукой окружающих, обладающий цепным даром заставить [друг] их полюбить науку.

По окончании приветственных речей Г. Н. Потанин, выразив благодарность за сердечный прием, сделанный ему обществом, сказал: «Омск — это моя духовная родина, здесь я когда-то с моим покойным другом Чоканом Валихановым впервые начал мечтать о тех трудах, выполнить которые пришлось мне одному, так как бедный друг мой скоро умер, но я уверен, что при исполнении тех

задач, которые мы себе намечали, он мог бы создать себе громадное имя. Что касается меня, я сделал все, что мог, не отступая от тех предначертаний, которые мы себе когда-то вместе составили».

В заключение перед членами Отдела и гостями выступили киргизский певец и киргизский рассказчик.

Заседание собрало много публики. Зал по случаю приезда Г. Н. Потанина был переполнен.

* * *

Сказки предлагаемого собрания записаны в Кокчетавском уезде Акмолинской области, т. е. в районе, населенном казак-киргизами, которые сами себя называют именем «казак», и мы, русские, по недоразумению зовем их киргизами*[53]. Записаны эти материалы в 1895 г. во время моей поездки в Кокчетавский уезд, в ауле киргизского султан Чингиса Валиевича Валиханова, отца небезызвестного в русской литературе Чокана Валиханова*[54]. Чингис Валиханов имел свою зимовку в местности Сырымбет, верстах в ста к западу от города Кокчетава; на лето он уходил со своими стадами на юг. Во время своей поездки я нашел его на летовке в нескольких переходах к югу от Сырымбета и отсюда вместе с его аулом кочевал на север к его зимовке, медленно, делая в день не больше 15 верст и задерживаясь после каждого перехода на несколько дней. Большинство сказок записано во время этой перекочевки. В эту поездку меня сопровождал студент Петроградского университета — молодой киргизский султан Султангазин, уроженец берегов реки Токраун в Каркаралинском уезде. Сыновья Чингиса Валиевича находили много сказочников, а мой спутник султан Султангазин переводил мне их по-русски, а я его перевод записывал; текстов мой спутник не записывал.

Валихановы имели всегда общие кочевья с двумя киргизскими поколениями — атыгай и караул; в одних местах с ними они летовали и в одних местах зимовали, поэтому о записанных Г. Султангазиным сказках можно сказать, что они продиктованы атыгайцами и караульцами. О сказках, которые получены другим путем, сделаны в надлежащих местах указания.

---

*[53] В моих примечаниях к собранию алтайских сказок (Н. Я. Никифоров. «Аносский сборник» в «Записках Западносибирского отдела ИРГО», т. XXXVII. 1916) точно также под казаками или казак-киргизами я разумею тот народ, который сам себя называет «казак». *(Примечание Потанина).*

*[54] Рассказ об этой поездке я поместил в «Русском богатстве» за 1896 г., № 8 под названием «В юрте последнего киргизского царевича». *(Примечание Потанина).*

Г. Н. ПОТАНИН

В ЮРТЕ ПОСЛЕДНЕГО КИРГИЗСКОГО ЦАРЕВИЧА

(Из поездки в Кокчетавский уезд)[*55]

Едва ли читатель знает, где это Кокчетавский уезд. Не многим яснее для него станет, если сказать, что это в Акмолинской области, и разве когда назовешь Киргизскую степь, то он уразумеет, в какую сторону нужно выйти из ворот, направо или налево, чтобы попасть в этот уезд, и у него появятся некоторые представления о пейзаже, о людях этой местности. Но тут выйдет еще хуже, потому что эти представления совсем не будут верны в действительности. Киргизская степь!— значит это что-то плоское, монотонное, серое, скучное, без голубых вод и без зеленого покрова земной поверхности, это край, где задыхаются от пыли, страдают от жажды и утоляют ее из застоявшихся колодезей,— словом, что-то вроде Сахары или Гоби. На самом же деле это край с высокими горами, горными речками и множеством больших пресных озер, покрытый сосновыми борами, березовыми лесами и луговыми степями,— словом, край, благодатный и очень богатый живописными уголками.

Один научный узко специальный вопрос привел меня прошлым летом в этот хорошенький уголок. До города Петропавловска, лежащего на северной границе Кокчетавского уезда, доходит железная дорога, от Петропавловска до города Кокчетава приходится ехать на почтовых. После четырехдневного заточения в вагоне мелкие неудобства езды на перекладных в открытом экипаже, то есть в простой тележке, переносишь с удовольствием и в охотку.

Чем более удаляешься на юг от Петропавловска, тем реже становятся березовые колки. Ишимская степь (постепенно) переходит в сухую, которая на отдаленной южной своей окраине превращается в бесплодную пустыню, известную у киргизов под названием Проклятой степи (Бетпак-Дала), а у русских под именем Голодной.

[*55] Настоящая статья есть рассказ о днях, проведенных мною в юрте киргизского султана Чингиса Валиевича Валиханова. Султан Чингис — сын последнего киргизского хана Вали, почему я и назвал его в заголовке статьи киргизским царевичем. У хана Вали было две жены: от старшей жены был сын Габайдулла и другие; у младшей, ханши Айганым, старший сын назывался Чингис; у него было два брата: Чепе и Альджан. После смерти Вали-хана киргизы объявили ханом Габайдуллу, но сохранение ханской власти в орде не входило в расчеты русского правительства; Габайдулла был арестован и отвезен в ссылку в Березов, так и кончилась ханская власть в орде. Братья Чингиса Чепе и Альджан умерли; если из детей младшей ханши остался только один Чингис, то очень вероятно, что из детей старшей ханши никого не осталось, так что из всех сыновей последнего хана Вали в живых теперь, вероятно, один только султан Чингис, и мы думаем, что мы имеем право величать султана Чингиса «последним» киргизским хановичем или царевичем.

От Петропавловска вплоть до Кокчетава — расстояние в сто семьдесят верст — дорога гладкая, ровная, но станции за две до Кокчетава открывается вид на кокчетавский Кавказ; весь южный горизонт представляется волнистым; прямо на юг видны плоские возвышенности или холмы, налево и направо от них видны синие горы с крутыми профилями, очевидно, скалистые. У подошвы невысоких холмов, которые видны прямо в конце дороги, и расположен небольшой городок Кокчетав, киргизский Владикавказ; подобно кавказскому, киргизский Владикавказ лежит на плоскости, но гора начинается сейчас же за городом, и городской сад находится уже на горе.

Кокчетав едва ли имеет более двух тысяч жителей, весь деревянный, ни одной выдающейся постройки, две церкви и две мечети; из этого уже видно, что половина населения состоит из мусульман; мечети красивее церквей; есть лавочные ряды, в которых торгуют преимущественно татары. Город состоит из двух частей: мещанской слободы и казачьей станицы. Интеллигенция в городе главным образом состоит из казачьих офицеров. Тут есть казачий клуб, казачья (единственная) общественная библиотека; единственная в городе школа для девочек, в которой учатся и мещанские дети, тоже казачья.

Здесь прежде всего я познакомился с казачьим полковником Н. А. Симоновым, о котором я слышал еще в Петропавловске (мне рекомендовали обратиться к нему за советами). Действительно, я встретил в доме г. Симонова самый теплый прием; г. Симонов направил меня к помощнику уездного начальника г. Делазари; самого начальника в это время в Кокчетаве не было; он уехал в отпуск в Россию. Г. Делазари был со мной очень любезен и оказал мне такие услуги, без которых моя дальнейшая поездка не была бы удачна. Конечной целью ее был аул Валихановых; это киргизская семья, с которой я был давно знаком; с одним из братьев Валихановых, Чоканом, давно уже умершим, мы были школьные товарищи; впоследствии я встречался и с другими братьями и их отцом. Мой план на лето был такой: заехать в аул Валихановых, поселиться в нем, если меня примут, и работать. Но я никогда не переписывался с Валихановым и даже не знал, жив ли султан*[56] Чингис, отец Чокана.

Я знал, что зимовка Валихановых находится в урочище Сырымбет, но теперь лето, аул Валихановых откочевал на летовку, следовательно, в Сырымбете искать его нечего; нужно было в Кокчетаве узнать, где находится летовка Валихановых; да и о самом Сырымбете я не знал, на каком расстоянии он лежит от Кокчетава.

---

*[56] Султанами у киргизов называются потомки ханов; они составляют высшее сословие киргизского народа, которое называется «белою костью» в отличие от «черной кости», т. е. от простонародья. *(Примечание Потанина).*

Г. Делазари дал мне в проводники одного из «почтовойше»*[57], которые состоят на службе при уездном полицейском управлении. Так называются полицейские рассыльные из киргизов. Это обыкновенно бойкие, расторопные люди, соединяющие знание кочевых обычаев с знанием русского языка, незаменимые для русских чиновников во время их разъездов по степи. Данный мне «почтовойше» носил имя Найман; он потом, в дальнейшей нашей поездке, оказался неоценимым товарищем.

Еще до моего знакомства с Найманом я от кого-то получил приятное известие, что султан Чингис жив. Вслед за тем Найман в тот же самый день, как мы с ним познакомились, привел в мою квартиру родственников султана Чингиса, по каким-то делам приехавших в Кокчетав. Они сообщили, что Чингис стоит под горой Токты, в 30 верстах от казачьего селения Бабыка. Приехавшие родственники Валиханова рекомендовали мне прожить несколько лишних дней в Кокчетаве, чтобы дать им время, справив свои дела, уехать вперед и оповестить султана Чингиса; нам бы из аула выслали в Бабык тарантас и лошадей. Но времени и так было потеряно много, согласиться было нельзя, и мы на другой день выехали из Кокчетава по дороге в Бабык. Со мной ехал также студент Петербургского университета киргизский султан Султангазин, которого я пригласил сопутствовать мне в качестве переводчика, встретившись с ним еще по дороге в Петропавловск. Найман сидел у нас на козлах.

На другой день по выезде из Кокчетава мы добрались до Бабыка. До сих пор мы ехали на земских лошадях, платя установленные прогоны; в Бабыке нужно было нанять вольнонаемных лошадей до аула султана Чингиса, то есть до горы Токты, до которой по словам бабыкских казаков, оставалось всего верст тридцать. Казаки, как настоящие цивилизованные люди, не дикари какие-нибудь, сумели верно оценить момент: дорога от Петропавловска до Бабыка около 250 верст стоила мне за пару лошадей немного больше восьми рублей; казаки же за провоз меня с моими двумя спутниками до аула Валихановых, т. е. за 30 верст, заломили тоже восемь рублей.

Такого большого экипажа, в котором могли бы поместиться мы все втроем с нашим багажом, здесь не нашлось, и потому нам пришлось ехать в двух тележках; каждая была запряжена одной лошадью и на каждой сидел казак кучер. В одной тележке поместились я и мой товарищ Султангазин, в другой наш багаж и Найман, с которым у нас начало зарождаться духовное родство. Мы поняли, что у нас есть общие интересы и есть общие противники, что мы с Найманом составляем один лагерь, а казаки, которые нас везут, другой, и что надо насторожить внимание, не станут ли казаки облегчать свой труд и ущерб нашей выгоде.

Сначала мы ехали по волнистой местности, покрытый березо-

*[57] От русского слова *почтовый*, в данном случае проводник.

выми рощами; дорога проходит то внутри березового леса, то по прогалинам между рощами. Солнце уже было низко, а до горы (Токты) оставалось еще версты две. Казаки предложили ночевать; они говорили, что все равно нам сегодня вряд ли что удастся доехать до горы Токты, а поиски аула Валихановых придется оставить до завтра.

На другое утро, голодные, мы двинулись далее. Тут мы увидели новое колено долины, которое было загорожено горой; в нем, может быть, и прятался аул Валихановых. Один из казаков увидел на горе Токты какие-то темные пятнышки; он думал, что это бродит скот, но Найман сказал, что это, может быть, и камни.

Наконец, мы доехали до критического пункта. Перед нами открылось новое пространство, которое ранее было закрыто возвышенностями, но положение не изменилось. По мнению казаков, напрасно продолжать поиски аула Валихановых, его тут нет и не было.

В самом деле, что же было делать? Чтобы ехать в степь далее другие сутки, до тех пор пока не доедем до аула Валихановых, нужно начать новые переговоры с казаками, а что они запросят теперь, когда, кроме них, никого нет? Или вернуться назад в Бабык?

Найман, однако, знал отлично обыкновения своего народа, умел ориентироваться в подобных обстоятельствах и энергически настаивал на том, что надо ехать вперед. В Кокчетаве киргизы сказали, что аул Валихановых стоит у горы Токты; не зря, конечно, сказали, [они] обманывать не станут. Аул где-нибудь тут. Султан Чингис тронулся с летовки на зимовку, и другой дороги ему нет как тут, мимо горы Токты; ему некуда деваться. Султаны всегда стоят на речках; вот тут и речка, и аул где-нибудь подле речки.

Найман, говорил с такой уверенностью, как будто все это было для него аксиомой. Казаки сдались и согласились еще податься немного вперед, до ближнего бугра; если с этого бугра ничего не увидим, поворотим назад. Доехали до бугра и не только до этого, но и до другого подальше, но никаких признаков аула не открылось. Казаки торжествовали. Никакого сомнения, что аула близко нет; около большого аула где-нибудь на горах был бы виден скот. Но это соображение казаков в глазах Наймана не имело никакой цены: солнце на вершине неба, жара, зачем же скот будет ходить по горам; он теперь стоит сгруженный у реки, на дне речной рытвины и его не видать.

В это время сзади нас вдали были замечены два всадника, которые переезжали степь поперек нашей дороги. Они как будто ехали к тому же пункту, что и мы, только другой, более прямой дорогой, через гору. Появление всадников окончательно убедило Наймана, что аул находится впереди на нашей дороге. Они едут налегке, без багажа, без вьючной заводной лошади, значит, какие-то родственники или знакомые едут в гости в аул, который где-то недалеко. Казаки должны были согласиться, что тут где-то есть аул;

если не тот, который мы ищем, то какой-нибудь другой; в нем мы, по крайней мере, что-нибудь узнаем о Валихановых.

Едем. Вдруг перед нами открывается неглубокая впадина в земле и в ней какой-то табор. Вот и аул Валихановых, думаем мы; кажется, и Найман так думал. Но странно: юрт не было видно, одни только телеги с уложенною на них поклажею, завернутою

Кокуш Валиханов (брат Чокана).

войлоками, и между ними небольшие балаганы, наскоро построенные из красных юрточных решеток.

— Э, они кочуют!— сказал Найман, как только увидел табор.

Подъехав к табору, мы узнали, что это еще не аул Валихановых, а чей-то чужой, что до аула Валихановых остается еще с версту проехать вниз по той же речке. Вскоре, к общему нашему удовольствию, мы увидели два других аула, расположенных на про-

тивоположном берегу реки Аккан-Бурлук: один — выше по реке, другой — в полуверсте ниже; первый был аул племянников султана Чингиса, сыновей его брата Альджана, второй — его самого. Этот последний состоял из десятка больших юрт и нескольких малых шалашей; юрты были окружены телегами, большею частью пустыми, разгруженными; две белые юрты стояли на близком друг к другу расстоянии; потом оказалось, что в одной из них помещался сам султан Чингис с женой, а в другой — его младший сын Кокуш со своими детьми.

Подъехав к рытвине, в которой текла река, мы остановились против аула на другом берегу. Нас от аула отделяла только речная рытвина, на дне которой, частью в воде, стояли табуны и стада, совершенно согласно предсказанию Наймана. Киргиз, провожавший нас верхом на лошади от первого табора, уехал вперед с нашими визитными карточками. Мы видели, как он переехал через реку, поднялся на террасу, подъехал к юртам, слез с лошади и вошел в юрту Кокуша. Найман остался с нами и, сидя на козлах, истолковывал те движения и действия, которые мы замечали в ауле и которые, очевидно, были вызваны нашим появлением.

— Пошли с докладом к Чингису.

— Хотят принять, откинули тюндюк*[58]; значит, ладят юрту, стелят ковер.

Когда наши телеги переехали реку и поднялись на террасу, из дверей юрты вышел прилично одетый мужчина лет около сорока, красивой наружности, с важной осанкой и меланхолическим взглядом; это был Кокуш. Он был одет почти по-европейски, на нем было белое летнее платье; пиджак и узкие панталоны; только красная феска придавала его фигуре вид мусульманина. Этот смешанный костюм напоминал булочника, анатолийского турка в Севастополе или Феодосии в Крыму. Приглашенные Кокушем войти в юрту и уже знакомые с киргизским этикетом, мы с султаном Султангазиным вошли и заняли свои места на разостланном ковре, на правой половине юрты. Разговор начался с обычных приветствий; Кокуш говорил сдержанно, так что мы не знали, приятные ли мы гости или нет. Кокуш недавно овдовел; на руках его осталась застенчивая девица Тума, в возрасте младшей гимназистки, и резвый мальчик Шерджан.

Через несколько минут из другой юрты пришел Якуб, старший сын султана Чингиса, и разговор оживился. Якуб был одет совершенно в такой же костюм, как и Кокуш. Это, очевидно, была киргизская мода конца XIX столетия. Якуб властно вошел в юрту, поздоровался с нами громко, не церемонясь, и сел между нами и хозяином юрты, т. е. занял первое место на хозяйской половине, оттеснив Кокуша на второй план. Он отдавал приказания слугам Кокуша, как будто сидел в своей собственной юрте, и к нашему

*[58] Квадратный войлок, которым закрывается верхнее световое отверстие юрты.

приезду отнесся как первое лицо в ауле, обещая устроить наше пребывание в степи. Словом, он был в роли старшего брата.

Через полчаса в юрту вошел киргиз, очевидно посол из юрты султана Чингиса, и обратился к Якубу с докладом. Выслушав его, султан Якуб передал нам по-русски: «Папаша зовет вас к себе на чашку чаю!»

Мы двинулись в главную юрту аула всей нашей компанией: я, султан Султангазин и Найман, а также Якуб и Кокуш.

В главной юрте вместе с султаном Чингисом жили его жена (байбиче) и девица Чаукебай, внучка Чингиса. Когда мы сидели в юрте Кокуша, Якуб старался приготовить нас к впечатлению главной юрты; он, по-видимому, боялся, как бы мы, увидевши Чингиса, не испытали разочарования; он предупреждал нас, что папаша теперь уже не прежний, сделался больным стариком, ум его стал ребяческий. Оказалось, что сын слишком уж мрачными красками обрисовал состояние своего отца. Султан Чингис, несмотря на свои 85 лет, был еще бодрый старик; до последнего времени он делал свои перекочевки не в тарантасе, а верхом на лошади; года три тому назад он женился на новой жене. Со старой женой Зейнеп, матерью Чокана и его братьев, Чингис прожил 52 года.

Султан Чингис сидел у задней стены юрты, т. е. против дверей. Кровать с нагроможденными [на нее] ковриками и подушками занимала правый бок юрты, подле кровати сидела байбиче, рядом с нею — девица Чаукебай; она разливала чай.

Сидели мы с поджатыми ногами. В молодости я умел сидеть по-турецки без утомления, но отвык, ноги мои не гнулись, и мне было ужасно неловко, хотелось вытянуть их вперед. Султан Чингис заметил это, но он не мог себе представить, что мои ноги были не в состоянии согнуться, и думал, что вся причина в узких панталонах. Он приказал байбиче сейчас же достать мне из султанского гардероба панталоны и рубашку киргизского покроя, посоветовал переодеться в это платье и рассказал, что один его старый приятель чиновник Сотников, который в сороковых годах приезжал гостить к нему из Омска каждое лето, всегда в ауле одевался в кочевой костюм.

И в самом деле, как только мы кончили чай и стали раскланиваться с султаном, мне подали киргизский летний костюм. Взяв под мышки эти вещественные знаки моего водворения в киргизском ауле, я удалился в юрту Кокуша, которая семейным советом была назначена для помещения меня и моего спутника г. Султангазина.

Летовка Валихановых, т. е. место, где они проводят лето, находится у озера, в 20 верстах к югу от того места на Аккан-Бурлуке, где мы нашли эту семью. Аул уже двинулся с летовки на зимовку, и мы застали его в ходу, но так как Валихановы имели намерение постоять здесь несколько дней, то аул был не в кочевом порядке, а как будто на постоянной стоянке: были поставле-

ны юрты, а временных шалашей вроде «собачьей спины» или «прислоненного чангарака» не было.

Летовка, джайляу для киргизов — самое веселое место. Зимой киргизы в течение восьми месяцев живут на одном месте; понятно, что народ должен разместиться как можно просторнее, чтобы около каждой зимовки была достаточно обширная кормовая площадь для скота. Летом этого простора в такой мере не требуется, и на летовках народ живет более сплоченно, чем зимой. Известно, что англичане зиму проводят в фамильных парках, а лето в Лондоне, и сезон увеселений, театров и оперы у них — лето, а не зима, как на материке,— и у киргизов в том же роде лето есть сезон игр, скачек и всякого рода спорта. Тут устраиваются борьба, бега и разные другие игры и состязания. Мы опоздали и уже не застали этих народных развлечений.

Разгар летней жизни миновал, но все-таки до настоящего конца сезона, т. е. до водворения киргизов в их зимние хижины, еще оставалось около двух месяцев, и нам было еще достаточно времени, чтобы испытать вдоволь всю прелесть пребывания среди мычащих и блеющих стад и изведать «свет и тени» кочевого образа жизни.

Намереваясь поселиться в киргизской юрте, вы поступите вежливее по отношению к ее хозяину, если оставите русскую обувь и замените ее киргизской, т. е. наденете ичиги, сафьяновые чулки и кебисы, [которые снимите] с ноги у порога, как это делают киргизы, и тогда вы ступите на дорогой персидский ковер подошвами чистых ичигов, не рискуя его запачкать.

Простояв дня два или три на Аккан-Бурлуке, аул Валихановых двинулся далее на север, по дороге на зимовку, к урочищу Сырымбет, где у султана Чингиса построен большой деревянный дом. Нам пришлось кочевать вместе с аулом, и тут я в первый раз близко познакомился с процессом киргизского кочевания.

Накануне кочевки, еще с утра, было объявлено нам, что завтра мы кочуем, что вечером юрты будут разобраны, и мы ночуем под открытым небом. Когда солнце начало садиться, люди стали готовиться к кочевке; прежде всего началась укладка вещей в телеги. Когда все вещи, за исключением немногих, без которых нельзя было обойтись ночью, были уложены в телеги, покрыты войлоками и увязаны, начали снимать войлоки с юрт; вскоре там, где недавно стояли беленькие полушария, видны были только красные кружева деревянных остовов юрт; разрушение шло дальше, и эти кружева были разобраны на части, а когда солнце село, аул превратился в табор. Мы были теперь на кочевом положении. Аул получил, если можно так сказать, другой силуэт. Он сделался площе, принял более приплюснутый вид; пустые телеги исчезли, все телеги наполнились и сдвинулись, аул сделался плотнее. Жизнь стала более уличною; ранее часть огней скрывалась в юртах, теперь скрытых огней не было, все они стали наружными. Людские

разговоры тоже не заглушались более стенами; они велись на открытом воздухе. Аул стал оживленнее, поэзии прибавилось.

Мы шли от Аккан-Бурлука до Сырымбета одиннадцать дней; вставали по утрам рано, в 4 часа, до свету. Меня будил обыкновенно скрип телег. Сначала раздается отдельный скрип в одном конце стана; это значит одну из телег потревожили с места, подтащили вперед или завернули оглоблями по пути, значит, хотят запрягать в нее быка; потом такой же скрип донесется с другого конца стана — другую телегу сдвинули с места. Через несколько минут скрип начинается во всех концах; вы понимаете, что несколько телег вытянулись в линию и потянулись по дороге; вместе с удалением от стана скрип телег становится тише, но зато на другом конце начинается новая непрерывная ария: еще группа телег пустилась в ход. Где-то в отдалении за рощей началась такая же скрипучая ария, которую едва слышно; это потянулись телеги из аулов альджановцев или чепеевцев, т. е. из аулов племянников султана Чингиса, детей его братьев Альджана и Чепе, аулы которых стояли отдельно от аула Чингиса. Все еще темно, рассвет еще не начинался, а уже все пространство оглашается скрипом телег, точно в ночном небе совершается перелет ночных птиц; вы припоминаете [слова] из «Слова о полку Игореве»: «Заскрипели телеги половецкие, рци лебеди во полунощи». Движущиеся человеческие фигуры видны только на близком расстоянии; контуры окружающей стан рощи не выделяются на темном фоне неба.

Но вот позади рощи образуется беловатый фон, начинается рассвет, тень сбегает с земной поверхности и быстро отступает вдаль. Сначала мы различаем подробности только внутри нашего стана, а потом становятся доступными зрению и дальние планы. На нашем стане остались только последние телеги, на которые торопятся сложить наши постели, части наших импровизированных палаток и посуду, которая служила нам при вчерашней последней трапезе, да остался еще тарантас, в котором поедет султан Чингис с байбиче и двумя внучками, девицами Чаукебай и Тума.

Пространство впереди нашего стана усеяно рядами движущихся телег; передние телеги уже вытянулись в одну линию и идут по дороге, но это еще не самые передние ряды, тех, конечно, уже не видно: они скрылись за неровностями почвы и за березовыми рощами. Самые задние ряды еще не вышли на дорогу, они вразброд тянутся и справа, и слева, как ручьи к общему руслу.

Там, где были раскинуты станы альджановцев и чепеевцев, видны только кучки оседланных лошадей и копошащихся около них пешеходов. На нашем стане тоже готовые лошади стоят связанные и ждут седоков. Мы ждем первого солнечного луча. Кокуш с двумя ассистентами будет совершать на разостланных на земле халатах утренний намаз.

Лошади, которые пойдут сегодня под седлом, все переловлены; табун стоит спокойно, точно тяжелая черная масса лежит на земле; но вот эта масса дрогнула, двинулась вслед за телегами, ло-

шади захрипели и зафыркали, два пастуха, как два маятника, замотались позади задних рядов, и табун тоже начал удаляться. Тронулись и тарантасы с киргизскими дамами; легкой рысцой догоняют они караван и перегоняют его.

По окончании намаза мы, немногие отставшие от каравана, садимся на лошадей. Султан Чингис, как я уже сказал, несмотря на свои 85 лет все еще кочует верхом на лошади, но на этот раз он сел в тарантас, а своего коня и свое седло из любезности уступил мне; Якуб тоже сел в тарантас, а седло свое уступил моему товарищу г. Султангазину. Мой конь был белый, красивый, самый высокий во всем табуне, с мягкой, ласкающей, как мелодия, походкой. Беда была только в том, что при маленьком моем росте мне было трудно садиться на такую высокую лошадь. Я не мог обойтись без посторонней помощи; мне приходилось чуть не выше моего темени поднимать свою ногу, чтобы вставить носок ее в стремя, причем если бы мне не помогали, я упал бы навзничь, прежде чем вдеть ногу. Помогали мне таким образом: прежде всего подпирали мне ладонями спину, а потом брали мою ногу и всовывали ее в стремя. Конечно, взгромоздившись на высокого коня, я в течение перехода чувствовал себя беспомощным; при других условиях я с охотой отказался бы от езды на такой башне, но в этом случае было бы бестактно просить о смене лошади: это значило бы не оценить как следует ласку хозяина, который меня пожаловал собственным конем. Да, кроме того, езда на таком чудесном коне имела большую прелесть — она вызывала в седоке спокойное настроение.

Кокуш был начальником нашего движения, колонновожатый, центральная фигура кочевки. Во время пути к нему подъезжали родственники, племянники султана Чингиса, здоровались и ехали рядом, составляя его свиту. Многие из членов этой свиты везли на руках ловчих соколов и ястребов.

Аул двигался в таком порядке: по дороге или вдоль ее по степи шли телеги, запряженные быками, и тарантасы, запряженные лошадьми. Влево от обоза шли лошади, вправо — бараны. Наконец, небольшой фронт из всадников с Кокушем во главе держался либо вправо, либо влево от обоза.

Современная картина кочевки не дает понятия о том, как кочевали здешние киргизы прежде, когда в здешнем крае киргизы держали верблюдов. Лет двадцать как это животное здесь уже не разводят. В период верблюдоводства багаж обычно перевозился на верблюдах; на быках перевозили только кухонную посуду. Вьюки на верблюдах покрывали коврами. Каждую связку из семи или восьми верблюдов вела обыкновенно молодая замужная женщина в саукеле, т. е. в высокой остроконечной шляпе, убранной серебром, маржаном и жемчугом. Все девицы ехали верхом наряду с джигитами. Кочевка была наряднее, и толпа всадников была многочисленнее. Теперь блеску много убавилось. Быки, идущие в оглоблях, далеко не так величественны, как верблюды. Подвигаясь

таким образом к северу, мы, наконец, подошли близко к урочищу Сырымбет. Оставалось верст пятнадцать или семнадцать до дома, в котором султан проводит зиму. Тут Валихановы стоят месяц, чтобы не вытравить преждевременно корма около Сырымбета. Прежде аул султана Чингиса приходил на это урочище позже; с каждым годом, как и все киргизские аулы, Валихановы начинают приходить на зимовку ранее, чтобы не упустить сенокосное время.

Дня за два или три до прихода на Сырымбет валихановские аулы стали убывать; народ стал уходить на север, ближе к зимовкам, около которых расположены сенокосные луга; когда мы остановились на последнюю стоянку, на другой день в нашем ауле остались одни только три барские юрты, остальные юрты и шалаши с их телегами ушли на сенокосы.

На этой стоянке я познакомился с остальными двумя сыновьями султана Чингиса. Один из них — Махмуд; его аул очутился от нашего аула на расстоянии не более четверти версты. Я сделал ему визит, и мы потом очень часто виделись. Мне было очень приятно с ним познакомиться, так как он прекрасно говорил по-русски. Султан Махмуд кончил курс, как и Чокан, в кадетском корпусе, учился потом немного в Петербурге, служил на военной службе, дослужившись до чина поручика, вышел в отставку и теперь живет в степи, кочует и занимается сельским хозяйством; ни один из Валихановых не имеет такой большой пашни, как он.

Чтобы познакомиться с другим братом — Маке, я должен был съездить в Сырымбет. Маке нынешним летом отказался кочевать и все лето провел на зимовке. Как только мы пришли на последнюю стоянку, у нас начались частые сношения с Сырымбетом; люди из нашего аула стали ездить в Сырымбет, жители Сырымбета приезжали к нам. Маке давно уже заказывал сказать, что он ждет меня. Якуб пригласил меня поехать с ним вместе, и мы большой компанией верхом на лошадях отправились в гости к Маке.

Ехали почти всю дорогу между березовыми рощами, то по тенистой аллее внутри рощи, то по прогалине между рощами. На прогалинах было уже наставлено много стогов накошенного сена. То вправо, то влево от дороги были видны киргизские усадьбы или зимовки. Мы не успели еще выехать из березовых рощ, как над вершинами берез показалась желтовато-серая верхушка горы Сырымбет.

Березовые рощи вдруг обрезались, и мы выехали в сухую степь, которая образует подошву Сырымбета. Гора [предстала] перед нами во весь рост от вершины до подошвы. Мы выехали на какую-то укатанную дорогу, по которой, очевидно, немало проехало телег и тарантасов. Это дорога из Пресновской станицы, которая находится на казачьей линии около города Кургана, в город Атбасар, лежащий в центре Киргизской степи. По этой дороге мы быстро домчались до усадьбы султана Чингиса, расположенной под западным мысом горы Сырымбет.

Усадьба султана Чингиса состоит из большого барского дома с тремя флигелями, амбарами и мечетью. В главном доме зимой помещается султан Чингис с семьей младшего сына Кокуша, во флигелях — Маке, разведенная жена Якуба с его детьми (бывшая сначала женою Чокана) и мулла. Усадьба расположена на открытой площадке, над которой с востока возвышается гора Сырымбет, покрытая на этой стороне сосновым лесом, с запада большая березовая роща отделяет усадьбу от большого озера, воды которого видны между стволами берез.

Маке верхом на лошади выехал нам навстречу. Его юрта стояла в нескольких саженях от усадьбы, на окраине березовой рощи. Маке получил образование в школе глухонемых в Петербурге на Гороховой улице (он глухонемой), потом служил в разных канцеляриях в Петербурге и Омске (в Петербурге он пробыл всего одиннадцать лет), так что из всех сыновей султана Чингиса это был самый обруселый. Мне говорили, что, когда он наезжает зимой в Кокчетав, в русском клубе его принимают как приятного гостя; его любят там за общительный характер и галантное обращение. К сожалению, я не владею искусством говорить знаками с глухонемыми и потому не мог ближе сойтись с Маке, но когда я ехал из Кокчетава разыскивать аул Валихановых, я думал, что если я с кем из четырех живых братьев заведу наиболее откровенные связи, то это именно с Маке.

Маке недавно овдовел и женился вновь. От прежней жены у него остались хорошенькая девочка и два мальчика. Новая жена — татарка из города Петропавловска или, кажется, киргизка, но выросшая в Петропавловске; кажется, отец ее киргиз, поселившийся в Петропавловске и отатарившийся. Киргизки не прячутся от мужчин и не закрывают лица, а жена Маке все время, пока мы жили в его юрте, не выходила из-за занавески. Иногда Маке отдергивал занавеску, чтобы похвастаться нам ее красою, но она снова ее задергивала.

В юрте Маке мы провели сутки и вернулись в аул султана Чингиса.

Урочище Сырымбет было пожаловано матери султана Чингиса — ханше Айганым, второй жене последнего киргизского хана Вали, по имени которого и сырымбетовские помещики называются Валихановыми. В жалованном документе было сказано, что земля эта отдается в бесспорное пользование ханше Айганым с ее потомством и родами атыгай и караул. Впоследствии это бесспорное владение сама администрация стала оспаривать у Валихановых. Владельцы земли, пользовавшиеся ею более полстолетия, привыкли смотреть на нее как на собственность; местная администрация только в позднейшее время (кажется, в шестидесятых годах) вздумала обсудить, как понимать поземельные права сырымбетовцев, и решила, что они не собственники, а только имеющие урочище Сырымбет во временном пользовании.

Пожалование земли в бесспорное пользование ханской семье было сделано в расчете за услуги России, которые ожидались от ханской семьи, и в самом деле, едва ли может быть названа какая-нибудь другая киргизская семья, которая питала бы такие дружественные чувства к русским, как семья султана Чингиса. Сам Чингис Валиевич обучался в русской школе переводчиков в Омске и, следовательно, с детства привык к русским; впоследствии, когда он служил, управлял Кушмурунским округом и занимал должность представителя от киргизского народа при Областном правлении в Омске, он постоянно вел дружбу с самыми интеллигентными русскими чиновниками в Омске, который был центром управления степью,— сначала с чиновником Сотниковым, потом с Гутковскими и Капустиными. Сотников, ориенталист из Казанского университета, влюбился в киргизский народ; каждое лето он приезжал в аул султана Чингиса и в течение нескольких месяцев кочевал вместе с ним по Кушмурунскому округу, жил в киргизской юрте и одевался по-киргизски; по его-то совету Чингис Валиевич отдал своего второго сына, Чокана, учиться в кадетский корпус в Омске.

Семейства Капустиных и Гутковских, состоявшие в близком родстве между собою, были центром омской интеллигенции: в этих домах собирались образованные чиновники и молодые офицеры; тут можно было встретить офицера Генерального штаба, художника или чиновника-литератора, ученого путешественника, заехавшего в Омск по дороге в Центральную Азию, или поэта, очутившегося здесь в качестве «невольного странника». Чокан, сын султана Чингиса, был принят в семействе Гутковских как родной сын, и это имело такие последствия, как будто два дома, один русский — Гутковских — и другой киргизский Валихановых — породнились между собою. Кроме Чокана, султан Чингис дал русское образование еще двум своим сыновьям — Махмуду и Маке; старший сын Якуб не учился в русской школе, но он говорил по-русски, служил на выборных должностях и тоже до известной степени обрусел; только один Кокуш остался не затронутым русским влиянием. Словом, Валихановы — одно из самых русифицированных киргизских семейств.

К перечисленным членам этого дома нужно еще присоединить Мусу Чорманова, дядю Чокана по матери, т. е. брата первой жены султана Чингиса. Муса Чорманов, теперь уже умерший, подобно султану Чингису, долго состоял на русской службе, то как управитель целого киргизского округа (Баян-Аульского), то как представитель от киргизского народа при Омском областном правлении. Он был известен в Омске как человек врожденного ума и знаток киргизской жизни. В течение не менее полувека омская администрация пользовалась советами и влиянием на степное население этих трех лиц: султана Чингиса, его сына Чокана и его свояка Мусы Чорманова, как самых сведущих в степных обычаях людей. В архивах омских канцелярий, вероятно, найдется немало

трактатов и записок о киргизском хозяйстве или о киргизских судебных порядках и т. п., составленных Чоканом по собранным им лично данным или написанных под диктовку Мусы. С одной стороны, члены семейства Валиханова были незаменимыми помощниками местных администраторов в управлении областью, с другой — пример этого семейства, преданного русским интересам, не оставался без влияния на верхний класс степного населения, на класс султанов, биев и богатых людей. Особенно же влиятелен был для степи пример Чокана Валиханова. Это был небывалый феномен — киргизский юноша, офицер, принадлежавший к свите генерал-губернатора, принятый в высшем кругу в местной столице Омске, мало того, пользовавшийся в местном русском обществе репутацией человека с блестящими умственными способностями и благородным направлением мыслей. Чокан придал такой блеск имени Валихановых, что и другие валиханиды, не называвшиеся Валихановыми, получившие свои фамильные прозвища не по имени хана Вали, а по именам его сыновей, стали потом добиваться замены их негромких фамилий славным именем Валихановых. В среде ближайших родственников Чокана память о нем хранится как о добром семейном гении. И теперь еще существует духовное наследство, оставленное Чоканом в родной семье; он показал им, какого тонкого судью человеческих поступков вырабатывает европейская культура. Чокан был киргизский патриот, но в то же время он был и патриот русский, и если бы из киргизского народа было вызвано поболее Чоканов, связи той части киргизского народа, которая заправляет киргизскою жизнью, с русским обществом были бы прочнее. Если в среде киргизов и найдутся лица, которые могут быть поставлены по их заслугам [перед] русской жизнью рядом со старшими членами семейства Валихановых: с султаном Чингисом или Мусою Чормановым, то не найдется ни одного, за которым возможно было бы признать значение, равное Чокану.

Такое общественное значение сырымбетовских владельцев усложняет решение сырымбетовского вопроса. Пусть Валихановы уже бесполезны для русских целей, все же решение вопроса о землях Сырымбетовского урочища будет иметь значение доброго или дурного прецедента для киргизов в будущем.

Поземельные отношения урочища Сырымбет в настоящем их виде довольно странны и запутаны. Это не собственность, но и не общинная земля. Урочище находится в пользовании у трех классов людей; на нем сидят, во-первых, султанские дети, сыновья, внуки и племянники султана Чингиса; во-вторых, бывшие тюленгуты, т. е. бывшие их рабы или крепостные, и, в-третьих, свободные люди родов атыгай и караул; всего, кажется, до пятидесяти отдельных хозяйств. Не то это общинная земля, находящаяся в пользовании общины, в состав которой вопреки обычному порядку входят и султанские дети, т. е. дворяне, что-то вроде всесословной волости, не то поместье, куда помещиком пропущены и простые

люди. Не знаю, есть ли в Киргизской степи еще другой участок в таких же условиях пользования.

Отношения эти усложняются еще тем, что один из сыновей султана Чингиса — Махмуд по соглашению с другими сырымбетовцами выделился и в его пользование вырезан особый участок земли; кроме того, омская администрация, вернее бывший генерал-губернатор Колпаковский, желая, вероятно, сгладить неприятное впечатление решения вопроса о Сырымбете не в смысле потомственной собственности, возбудил ходатайство о наделении султана Чингиса в потомственное владение двумя тысячами десятин земли из того же Сырымбетовского урочища. Пестрота еще более увеличится, когда местная администрация приведет в исполнение свое предложение основать русский поселок в самом центре сырымбетовской территории, местности Акбас, где находится зимовка Якуба. Теперь этот вопрос о распространении русской колонизации на урочище Сырымбет волнует Валихановых. Они говорят: «Мы не против основания поселка в будущем, но желали бы, чтобы нам дали несколько лет обдумать новое наше положение и приготовиться к надвигающимся условиям жизни».

Мы вовсе не намерены настаивать на признании Валихановых потомственными владельцами Сырымбета; такая раздача земель в частные руки будет непредусмотрительностью, вредною для того же киргизского народа. Но нельзя и легкомысленно отнестись к этому вопросу ввиду тех влияний, которые совершаются рядом. На землях, некогда принадлежащих киргизам, поселены сибирские и оренбургские казаки; из бывших киргизских земель нарезаны наделы казачьим станицам, а также и участки казачьим офицерам, хорунжим и сотникам по 600 десятин, а генералам и значительно более. Затем офицерам предоставлено право свои участки продавать. Пользуясь этим, как мы слышали, купцы в пределах Оренбургского войска скупают офицерские земли и создают таким образом крупные поместья; в особенности много скупил таких земель какой-то уфимский или казанский татарин. Если это правда, то как же так? Киргизский султан, предки которого жили на этой земле еще до прихода русских, султан, услуги которого, оказанные русскому государству, бесспорны, обойден в праве получить участок в собственность, а казачий офицер, об услугах которого ничего не известно, который, может быть, служил заурядно, под боком заслуженного султана, получает земельный участок в потомственную собственность.

Вид султанской усадьбы не произвел на меня приятного впечатления. Во-первых, нет около усадьбы огорода; это лишает картину домовитости, точно это почтовая станция, а не усадьба. Кто проезжал по Башкирии, тому припомнились бы недомовитые усадьбы башкир, которые тоже у человека, привыкшего к картинам оседлости, вызывают гнетущее чувство, следующее всегда за сознанием, что вы стоите перед вымирающим народом. Эти султанские дома и флигеля, стоящие в степи без заборов или с повалив-

шимися заборами, с рассыпавшимися воротами, заставляют нас спрашивать себя: неужели и киргизский народ ждет та же участь, какая постигла башкир, т. е. участь угасающего племени?

Другое обстоятельство, над которым приходится задуматься,— это то предпочтительное положение, которое в султанских усадьбах оказывается мусульманскому обучению детей. В Сырымбетовской усадьбе живет мулла; для него и для его школы построен особый дом. Конечно, все это вполне естественно, но хотелось бы, чтобы султаны и вообще «влиятельные люди» из киргизов наряду с муллой приглашали бы для обучения своих детей и русских учителей. Чуть ли это не общее явление в степи — умный и способный киргиз начинает служить, по делам службы ему часто приходится бывать в русском городе, даже целыми годами жить в нем, и он усваивает европейские привычки, вкусы и даже некоторые из наших идей, потом он становится стар, прекращает службу, удаляется в степь, связи с русским обществом порываются, а тут еще появляется мысль о близкой смерти; личные земные интересы, может быть, и остаются в прежней силе, но энергия к общественным интересам ослабевает, и человек попадает под влияние народных вкусов.

Мусульманско-клерикальное направление с каждым годом усиливается в степи. Отдельные киргизские семейства или лица, вначале подчинившиеся русскому влиянию, наконец поддаются и поглощаются общим течением. Несколько десятков лет назад положение дел, может быть, было благоприятнее для проникания европейских идей в киргизскую среду. Мулл из киргизов было мало; большею частью это были казанские татары, свои киргизские муллы если и были, то это были ученики казанских мулл. Теперь это изменилось: с завоеванием Туркестана молодые люди из киргизов стали уезжать в «святую» Бухару; они изучают там персидский и арабский языки и мусульманский закон и, возвратившись на родину, становятся муллами. Бухарские богословы известны своим фанатизмом; их ученики распространяют в киргизском народе ханжество, отвращение к европейской науке и щеголяние персидскими и арабскими фразами; молодые люди в султанских семьях любят в многолюдном обществе пустить пыль в глаза, выпалив одну или две персидские фразы, из которых чаще всего и состоит весь их арсенал. Персидско-арабская культура проникает и в жизнь; иногда даже слуги на голос барина отвечают: «Готово, сейчас!» не на киргизском, а на арабском языке. А если есть киргизы, познакомившиеся с персидским или арабским языками как следует, то и тогда изучение этих языков не имеет других целей, кроме тщеславия и расчета на звание ученого человека; здорового воспитательного значения в этом изучении нет.

Рядом с этим растущим в ширь и в глубь киргизского народа клерикальным влиянием русское, т. е. светское культурное влияние, ограничивается одной внешностью — поярковыми шляпами, жилетами, галстуками, пиджаками и узкими панталонами, само-

варами, керосиновыми лампами, тарантасами; в духовную жизнь народа оно почти не проникает.

Да оно и понятно. Русская наука, русская история, русская литература и, вообще русское умственное движение мало трогают сердце киргиза. Торжествующим средством в борьбе с мусульманским клерикализмом может быть только свое киргизское светское направление; чтобы оно появилось, нужно возбудить в верхних слоях киргизского народа интерес к своей народности, интерес к изучению своего родного, своей истории, своих обычаев, своих устных памятников старины. Пока интерес к киргизской народности пробужден только у ориенталистов, этнографов, фольклористов, но они занимаются изучением киргизской народности только для пополнения европейского знания, а вовсе не в целях пробуждения самосознания киргизского народа. Пожалуй, есть отдельные личные симпатии к самому киргизскому народу независимо от интересов науки, но они [симпатизирующие] не сплочены в организацию и потому [их действия] безрезультатны в данном случае.

Число образованных киргизов, кончивших курс в высших учебных заведениях, с каждым годом увеличивается; к сожалению, по окончании курса молодые люди не образуют живущей в одном месте колонии, а рассыпаются по обширной киргизской территории или, что еще более невыгодно для киргизского народа, остаются служить в Европейской России, на Кавказе, в Одессе и т. п. Нет пока у киргизов умственного центра, где могла бы завязаться духовная жизнь киргизской интеллигенции, где бы ее члены могли работать сообща, друг другу помогая примером и советом, где киргиз-юрист или киргиз-доктор мог бы встречаться с киргизом-художником, киргизом-литератором или с киргизом-ученым. Правда, между молодыми киргизами нет ни одного, которого можно было бы поставить в уровень с покойным Чоканом Валихановым; Чокан с либеральным образом мыслей и свободомыслием в религиозных вопросах соединял искреннюю любовь к своему народу и мечтал о служении ему. Но, уступая Чокану в воодушевлении народными интересами и умственных способностях, молодые люди, если бы собрались в кучку, могли бы, может быть, еще больше сделать, чем один человек. Некому только сплотить их, нет протектора просветительным стремлениям киргизской интеллигенции.

Часть этой просветительной миссии как будто выполняется администрацией, но если ею и делается что-нибудь в этом роде: устраиваются школы, издается газета на киргизском языке, то все это ограничивается формальным отношением к предприятию, и в основе такой деятельности лежат узко утилитарные цели, а не пробуждение в народе духовной жизни. Конечно, администрации некогда заниматься этим и для успешного исполнения ее прямых обязанностей лучше освободить ее совсем от подобной задачи.

Покровительство, о котором мы говорим, должно быть организовано в среде образованного русского общества, конечно, местно-

го. Для русского общества неудобно оставить целый край без влияния русского просвещения, которое прочным и продолжительным может быть только в том случае, если степь будет покрыта системой народных светских школ. С этими школами народится в степи класс людей, дружелюбно относящихся к формам европейской жизни и доверчиво к выводам европейской науки, и тогда, если не совсем сделаются невозможными, то станут реже отступления русифицированных семейств, как это замечается теперь. В настоящее время устарелый человек оставляет службу и вместе с тем русское общество, удаляется в степь и неизбежно подчиняется народным вкусам, а направление народным вкусам и мыслям дают люди более молодого поколения, набравшиеся мудрости в Бухаре; в недрах же самого народа нет среды, которая противодействовала бы крайностям бухарского влияния.

Во многих городах Западной Сибири основаны общества попечения о народном образовании; такое общество необходимо было бы устроить и в Киргизской степи, его задачей было бы заботиться об учреждении народных школ, устройстве народных чтений, издании народных книжек, а также о переводе для киргизской интеллигенции произведений русской и европейской литератур и беллетристики.

Мне рассказывали об одном киргизском султане (уже умершем Ускенбаеве[1]), который кончил курс в Омском кадетском корпусе и потом жил на родине в степи около Семипалатинска, что он любил вечерами рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы с таким интересом его слушали, что просили записать его свои рассказы; таким образом, получились тетради, написанные по-киргизски и содержащие в себе вольный перевод произведений Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этих литературных вечеров в юрте киргизы пускались в суждения, и тогда, как рассказывал очевидец, можно было слышать, как Ускенбаев пользовался русскими авторитетами: «Послушайте, а вот что об этом говорит известный русский критик Белинский», или «Вот какого мнения об этом был русский критик Добролюбов!» Если бы нашлась искусная рука, которая облегчила бы киргизским читателям эти открытия, вкус молодых султанов к персидским и арабским виршам значительно бы уменьшился.

Можно предвидеть, что скоро народится «молодая Киргизия». Чем она обогатит свой народ, в каком направлении будет работать ее мысль, какие продукты создаст ее ум и ее чувства, чем она поделится с русским обществом в области науки и искусства? Можно предугадать, что киргизская народность, подобно малорусской и польской, даст двуязычных писателей, которые будут писать и на киргизском и на русском языках.

Многие черты характера этого молодого народа очень симпатичны и не дают повода думать, чтобы иссушающее народную жизнь мусульманско-клерикальное направление и увлечение персидскими виршами отвечали его духу. Это какое-то недоразумение

жизни. Духовное наследство киргизского народа достаточно для того, чтобы киргизская жизнь нашла в нем поддержку и не иссякла бы под сирокко мусульманского клерикализма, подобно тому, как усыхают воды и почва степи под действием сухих ветров из Центральной Азии. Киргизы народ живой, здоровый, жаждущий жизни; они любят веселье, в костюме любят яркие цвета, в жизни — праздники. Поминки по умершим у этого народа превращаются в продолжительные и грандиозные торжества с играми, скачками, песнями, состязаниями, исполнением песен и лирическим творчеством. Состязания в артистическом искусстве и нарядах воспитывают, может быть, в киргизах некоторую долю тщеславия, чтс делает их похожими на французов. Подобно афинянам, киргизы необычайно любят новости (хабары); это страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью.

Чокан Валиханов любил выставлять на вид, что киргизы — народ пастухов. «Это,— говорил он,— выразилось и в их одеянии, и в военном оружии, которое состоит из суилов, т. е. шестов с петлями, с помощью которых ловят лошадей». Киргизская жизнь слагается из пасторалей; любимая повесть, которую знает вся степь от Оренбурга до Зайсана, верх киргизской эпики, это история красавицы Баян-слу, которая влюбилась в бедного пастуха Козы-Корпеша, не могла перенести гибели любимого человека и покончила с собой на его могиле; на этой могиле выросли два дерева, которые протягивают друг другу свои ветви; это погибшие любовники, которые и после смерти продолжают любить друг друга; между любовниками колючий куст — это разлучник, который при жизни помешал счастью любовников и теперь еще продолжает мешать их замогильному соединению. Сюжет международный, но ни одна народность не сделала его таким выдающимся пунктом в своей эпике, как киргизы. Не менее трогательны и человечны другие киргизские легенды, например, легенда, которая объясняет, почему одна из киргизских рек называется Атасу (Слезы отца). Девушка полюбила пастуха, но богатый отец не захотел отдать дочь за своего бедного работника; молодые бежали, отец пустился догонять их и, когда приблизился к ним на выстрел, вынул лук, наложил на него стрелу. Женщина, заметив, что любимому ею человеку угрожает опасность, заслонила его своим телом; стрела поразила ее. Отец нашел на земле только бездыханное тело и оплакал свое горе; его обильные слезы образовали целую реку, которая и теперь называется «Слезы отца». Подобные примеры самоотверженной женской любви, хотя и не такие, быть может, героические, и теперь бывают в степи. В шестидесятых годах, во время управления степью Гутковского омское общество было сильно заинтересовано историей одной любовной парочки, бежавшей в Омск под защиту русских властей чуть ли не с озера Зайсана.

Сердечность киргизского народа рисуется также обычаем заключать братские союзы; такие друзья называются тамырами. У тамыра для тамыра нет ни в чем отказа, какой бы он ценный по-

дарок ни просил. Киргизское сердце хотело бы даже сделать чувство дружбы наследственным; дети двух тамыров не забывают о духовном родстве своих отцов; тамыр, отец невесты, называет сына своего тамыра окулыуяу — зятем. Рассказом о двух таких тамырах и начинается киргизская повесть об идеальной женской любви красавицы Баян-слу.

Высокое понятие о поэтическом творчестве выразилось у киргизов в легенде о происхождении песни. Легенда рассказывает, что некогда, именно в те отдаленные времена, когда люди еще не умели петь, песня (конечно, существо небесного происхождения) летала над землей и пела; где она пролетала низко, люди хорошо расслышали ее и переняли ее песни; где высоко, там плохо были слышны ее песни, и народы, населеющие эти земли, остались немузыкальными. Над киргизской степью песня пролетала ниже, чем над какой другой страной, и поэтому киргизы — лучшие певцы в мире.

Может быть, о том же воззрении на поэзию как на примиряющий с жизнью элемент свидетельствует и киргизское предание о первом киргизском шамане Куркуте, который, как есть некоторые основания думать, считался по преданию первым киргизским поэтом. Он однажды увидел сон: какие-то люди роют могилу и на его вопрос, что они делают, они отвечали, что роют могилу для Куркута. Он бежал на северный край света и думал там спастись от смерти. Но и там увидел тот же сон. Потом он побежал на южный край света, на восточный, на западный, и везде его преследовал один и тот же сон. Тогда он убедился, что от смерти не уйти, примирился с этим роковым фактом, возвратился на родину, в киргизскую степь, и здесь, усевшись на разостланный ковер, начал играть на балалайке и играл и пел до самой смерти. В этой легенде киргизский народ, может быть, выразил мысль, что только искусство красит жизнь и удаляет от нас преждевременно появляющиеся мрачные призраки.

Между киргизскими певцами есть виртуозы в исполнении, которые умеют придать пению выразительность; это не простое пение, а пение с отделкой, артистическое. Киргизский народ потрудился над обработкой своей песни, и потому она вышла такая оригинальная, что при звуках ее сейчас же переносишься в своеобразную киргизскую обстановку; начинаешь воображать себя в разгоряченном воздухе киргизской степи, среди киргизского пейзажа и даже начинаешь чувствовать ароматы степных трав,— так и несет запахом полыни.

Вообще черты, которыми обрисовывается духовный облик киргизской народности, как будто говорят, что период увлечений клерикальной персидско-арабской мудростью не может быть продолжительным и что вкус к ней, как выше уже замечено, совсем не соответствует духовной организации киргизов, которые не похожи в этом отношении на своих соседей, на монгольскую народность, обезличенную чуждым церковным влиянием. Превосходно

выразилась разница в духовной организации этих двух народностей в двух типических фигурах: фигуре праздношатающегося из монгольского народа и фигура праздношатающегося из киргизского. Странник-монгол, а иногда и светский человек,— все-таки. богомолец, шляющийся из монастыря в монастырь для поклонения святыням. Он плетется пешком из аула в аул и питается подаянием; на спине он несет узел, в котором связана его походная палатка и уложена его чашка для приема милостыни, так называемая батыр или бадир, откуда и термин батырчи; он идет по степи, подпираясь двумя костылями. И, как правило, он останавливается среди степи, у какой-нибудь воды, посохи свои втыкает в землю, растягивает на них свою палатку и садится перед ее дверями, поставив перед собою свою чашку для приема милостыни. Руками он перебирает четки, устами шепчет молитву. Так он переходит от одного отдаленного монастыря к другому. По дороге он заходит в аулы и сообщает новости, которые он слышал дорогой, рассказывает о чудесах, которые он видел в монастырях и передает легенды о подвигах святых. Совсем другого рода киргизский странник. Это молодой человек — джигит, сидящий верхом на быке и переезжающий бесцельно из аула в аул; таких фланеров киргизы называют жолоучи, от слово «жол»— дорога; по-русски это будет странник или путешественник. В руках у молодого человека не четки, а балалайка; он едет и наигрывает киргизские мелодии или импровизирует песню. Приехав в аул, он подсаживается к трапезе; его накормят, а он за это расскажет новости (хабар), которые слышал в дороге, и споет песню под звуки балалайки. Угостившись и забрав новый запас новостей, он отправляется в следующий аул. Одно и то же явление в основе — и там и тут «гулящий человек», праздношатающийся, старающийся убить время, ищущий развлечений в смене картин и общества, в собрании и сообщении новостей, но какое различие в ситуации, какая разница в подробностях рисунка!

Неужели этот народ, который так любит жизнь и который умеет украсить ее искусством при своих варварски бедных средствах не найдет в себе достаточно сил, чтобы не дать себя опутать той сетью, которую набрасывает на него мулла? Народ, который в песне видит откровение божие, имеет право жить и творить. В его похоронных и свадебных обрядах и судебных обычаях столь много особенного, указывающего на сложную жизнь, прожитую киргизским народом, в преданиях, народной эпике, в чертах народного характера так много оригинального, что в этом историческом наследстве, которое может доставить большой материал ученым для изучения, киргизская жизнь найдет впоследствии элементы для развития в более здоровом направлении. Пусть почва степей усыхает, пусть природа окажется бессильною в борьбе с надвигающимся веянием пустыни, для киргизской жизни есть обильный источник сил и средств в духовном организме народа, если только сами киргизы от него не отвернутся.

* * *

Вернувшись из Сырымбета в аул султана Чингиса, я должен был собраться в обратный путь. Наступил день расставания. Для нас с султаном Султангазиным приготовили троечный тарантас, который должен был доставить нас в ближайшее русское селение, в Кривоозерный поселок. Когда все было готово к отъезду, я вошел в юрту султана Чингиса проститься с ним. Чингис Валиевич встал с своего места, взял меня за бороду, и мы поцеловались. Вероятно, по-киргизски это был знак особенного дружелюбия. В моем лице он хотел обласкать друга сына Чокана, с которым я находился в товарищеских отношениях. Одно из самых дорогих воспоминаний в семье Валихановых, конечно, воспоминание о Чокане, который не только был украшением этой семьи, но, несомненно, должен считаться самой лучшей личностью, вышедшей до сих пор из киргизского народа. Замечу еще раз, что в сердце Чокана любовь к своему народу соединялась с русским патриотизмом; в шестидесятых годах общерусский патриотизм не отрицал местного областного и инородческого, и два патриотизма, общий и частный, легко уживались в одном человеке. В жизни Чокана, если бы она была описана, нашлись бы указания, что нужно сделать для того, чтобы водворить и распространить русские идеи в киргизском народе.

Г. Н. ПОТАНИН

ВСТРЕЧА С С. Ф. ДУРОВЫМ

Это было весной 1857 г. в Омске. Сергей Федорович Дуров, один из петрашевцев, содержавшийся в Омском военном остроге, получив свободу, остался в Омске на зиму, чтобы дождаться теплого времени; летом он хотел уехать в Россию; в остроге он нажил мучительный ревматизм и не решался даже с началом весны тронуться в путь; поджидал еще более теплых дней. В это-то время меня познакомил с ним мой товарищ по школьной жизни, киргизский султан Чокан Валиханов, и вот по каким побуждениям.

Я был в это время казачьим офицером. Прослужив несколько лет в полку на Иртыше и на Алтае, я был вызван в Омск для службы в Войсковом казачьем правлении. Мой однокашник Чокан Валиханов (мы вместе учились в Омском кадетском корпусе) нередко заезжал ко мне по вечерам, и мы много спорили по поводу тогдашних направлений в журналистике; во многих пунктах наши взгляды не сходились, мы горячились, сердились друг на друга и на самих себя и расходились очень раздраженными. Что мы теперь расходились во мнениях, хотя на школьной скамье наши мнения были одинаковы, это было понятно. По выходе из кадетского корпуса я уехал из Омска и провел несколько лет в глухих казачьих станицах, в тысяче верст от Омска, умственного центра

Западной Сибири, тогда как мой друг Чокан в это время жил в этом умственном центре, принадлежал к свите генерал-губернатора (он был его личным адъютантом) и вращался в лучшем обществе. Пока я жил в захолустном Алтае, кончилась севастопольская кампания, ослабли цензурные тиски, появились новые веяния и мечты; Чокан постепенно усваивал новые идеи, приносимые книжками журналов, и, когда я вернулся в Омск, это был преобразованный человек, а я остался при тех взглядах, с какими вышел из кадетского корпуса.

Склад политических воззрений, с которыми я и мои сверстники вышли тогда из корпуса (1852 г.), можно было назвать политическим доверием или политическим двоемыслием. Сразу не поймешь, каким образом могли в нас уживаться симпатии к совершенно противоположным вещам, каким образом мы могли одновременно принадлежать к двум враждебным лагерям. Учебным делом в корпусе руководил инспектор классов Ждан-Пушкин[1], и ему были мы, конечно, обязаны своим воспитанием; это был прекрасный, благородный педагог, и в его программу, вероятно, не входило создать из нас таких двоеверов; это вышло само собою.

Его намерением было только сделать из нас рыцарей, способных бесстрашно прямить царю. С этой целью он старался лучше поставить наше религиозное воспитание и преподавание всеобщей истории. Для преподавания истории он пригласил Гонсевского; это был молодой, чрезвычайно застенчивый поляк; хотя по тогдашней программе преподавание истории должно было кончаться 1815 годом, Гонсевский довел свой рассказ до 1835 г. и, таким образом, запретный период сократил наполовину. Историю французской революции 1789 г. он рассказал подробно, и сделал из нас республиканцев; Лафайот[2] и Демулен[3] стали нашими любимцами.

В Омск приехал из Петербурга для ревизии генерал-адъютант Анненков. В день восшествия на престол императора Николая I в городском соборе был [отслужен] молебен и [в городе состоялся] парад; за обедней [наш учитель] Сулоцкий говорил проповедь о значении миропомазания. Ему хотелось как можно резче выразить, какая сила перерождения заключается в этом таинстве, какая разница между помазанником и человеком непомазанным; разъяснив, что такое значит священная особа императора, оратор задал вопрос: «А что же такое был император Николай I до помазания?» и ответил: «Всего только кирасирский полковник». Петербургский генерал сильно смутился, но ему объяснили, что тривиальное выражение выскочило у проповедника без дурного намерения, от недостатка навыка в официозном языке. Инцидент окончился благополучно, без дурных последствий.

Третий учитель, имевший влияние на формирование наших убеждений и правил жизни, был Костылецкий, преподаватель русского языка и истории русской словесности. Двое предыдущих, Гонсевский и Сулоцкий, были мирные проповедники истины, в их спокойной речи не было протеста; не в том роде был Костылецкий.

В классах он нам ничего не рассказывал и не читал из курса, а к концу года приносил записки по истории русской литературы, по которым мы должны были готовиться к экзамену. Впоследствии, может быть, лет через десять, мы узнали, что эти записки Костылецкий составлял по критическим статьям Белинского, тайным поклонником которого он был. В классах же Костылецкий все время или занимался грамматическим разбором или заставлял декламировать стихи и избранную прозу, или заставлял нас писать сочинение. Во время этих классных занятий он часто вставлял свои замечания, которые нередко приобретали характер ядовитых насмешек; он поднимал на смех наши маленькие ученические грехи, но не щадил и начальства, которому здорово-таки от него доставалось. Эти его ядовитые заметки и вставки, сыпавшиеся в процессе учебных занятий, сливались в нашей памяти [и формировали в душе] непрерывный протест против глупости, пошлости, ложного мишурного блеска, против бездарности, пользующейся незаслуженной почестью, и т. п. В Гонсевском и Сулоцком мы признавали большое количество знаний, Костылецкий действовал на нас своим умом. Те двое расскажут свою лекцию с кафедры и уйдут, Костылецкий же всегда вел практические занятия, поэтому отношения его с отдельными учениками были чаще, он лучше знал каждого ученика в отдельности, давал ученикам меткие клички и, вышучивая отъявленных лентяев и тупоголовых, вносил свое участие в нашу товарищескую жизнь. У Гонсевского и Сулоцкого мы учились думать, у Костылецкого — жить.

Благодаря такому составу учителей мы вышли из корпуса с большим интересом к общественным делам. Еще на школьной скамье мы задумывались, как мы будем служить прогрессу. Любовь к прогрессу у нас включалась в любовь к Родине. Ждан-Пушкин хотел, чтобы любовь к Родине являлась руководящей идеей в будущей нашей жизни, и любовь к России действительно стала религией нашего сердца.

О прогрессе вообще мы могли думать не иначе, как только так, что мы будем толкать Россию по пути прогресса. Мы смотрели на себя как на будущих борцов, и реформы могли быть встречены нами только рукоплесканиями. Мы даже сочувствовали революциям там, где общество не могло мирными средствами проложить путь к прогрессивным учреждениям; мы поклонялись Петру Великому, но за современную нам Россию мы были спокойны. Конечно, мы не представляли себе русскую жизнь в розовом свете, но нам казалось, что недостаток ее заключается только в дурных нравах и что люди с добрыми намерениями не лишены инициативы в деятельности, направленной к исправлению нравов. Стоявшие перед нами задачи казались нам гораздо более легкими, чем они были на самом деле; с действительными отрицательными сторонами русской жизни мы были незнакомы и дезидераты перед нами не были поставлены. Гласность, свобода слова, суд присяжный, самоуправление — все это термины, которые совсем не су-

ществовали в нашем словаре; выражения: крепостное право, крепостной стол, я помню, вызывали в моем уме представление о крепостных стенах с зубцами и башнями, так как истинное значение этих выражений сибирская жизнь нам не могла подсказать: в Сибири не было крепостного сословия, и я о его существовании узнал чуть ли не через десять лет по выходе из корпуса.

Мы представляли себе Россию несущейся вперед, не встречающей препятствий. Вместе с Костылецким, превосходно читавшим Гоголя и однажды с большим пафосом прочитавшим последнюю страницу «Мертвых душ», мы верили в картину, изображавшую наше отечество в виде скачущей тройки; тройка мчится, дух захватывает, и народы сторонятся с дороги; конями управляет опытная рука, и тарантас ни в ров не угодит, ни на камень не наткнется: мы верили, что управляющий лошадьми воодушевлен идеей прогресса еще более, чем мы. Молодому уму обидно, если новое, ему современное, оказывается хуже старого; новые люди лучше людей старого века, современный царь должен быть способнее старого царя; мы соглашались, что Петр Великий был гений, но не могли допустить, чтобы современный нам император НиколайI был ниже его; это значило допустить регресс России; Николай I должен быть умнее Петра, и мы ласкали себя этой верой, поддержку которой мы находили в вырывавшихся иногда откровенных признаниях нашего учителя Костылецкого, того самого Костылецкого, который сатанински издевался над омскими генералами и подрывал в нас к ним всякое уважение.

Да, мы были политические двоеверы, может быть, вроде Карамзина, который о себе писал, что он в душе республиканец, хотя в то же время искренне любит своего монарха, как верноподданный, или, может быть, вроде тех иркутян прошлого века, которые два раза недовольные царскими воеводами поднимали против них бунт, заковывали их в кандалы, садили в острог, а на воеводский стул сажали сыновей этих воевод, грудных ребят, вводили казачий круг, т. е. казачью республику, учреждали народное правительство, а в Москву отписывали, что они выправили царскую службу и сокрушили крамолу против царя.

Таким двоевером я вернулся с Алтая в Омск. В промежуток времени между моим выходом из корпуса и возвращением в Омск совершились государственные события: умер император Николай. Я и мои товарищи были в отчаянии: война, а мы липились вождя, а в этом вожде мы воплощали всю силу, все могущество России; нам казалось, что молодой государь не справится с задачей и что теперь само небо обрушится на Россию. За этим ударом следовал другой — падение Севастополя, отчаяние еще усилилось; купцы и приказчики в Семипалатинске, где я в это время жил, читавшие газеты, сидя у своих лавок в гостином дворе, плакали; мы, молодые, сочли положение отечества безнадежным; мы думали, что теперь союзники свободно пронесутся до Москвы и государство будет раздроблено. Но, слава богу, ничего подобного не случилось, мы ос-

тались целы. При новом царе жизнь пошла тем же порядком, без остановки; после падения Севастополя был заключен мир, постыдный для нас, как мы, впрочем, узнали о том только впоследствии, но журналы после этого стали интереснее; жить стало не только не хуже, а даже лучше, чем до войны.

Когда я переехал в Омск, появился катковский «Русский вестник» и в нем «Губернские очерки» Щедрина и статья Громеки «Полиция вне полиции», сделавшие сенсацию и у нас в Омске. Все это я читал с увлечением, но Чокан, который меня навещал в Омске, напрасно бился со мною: я оставался по-прежнему двоевером. Когда он после спора уезжал от меня, я сознавал себя большим невеждой, но все-таки не уступал; слишком глубоко вкоренились во мне те симпатии, которые он хотел разрушить.

Однажды Чокан предложил мне поехать к одному своему знакомому. Он говорил мне про него, что это человек с таким многосторонним образованием и с такой изящной душой, какого я еще не видывал, что он бывает в доме К[апустин]ых и там он любимый гость, а это был дом, в котором собиралась лучшая омская молодежь. Через несколько дней Чокан снова явился ко мне, и мы поехали к Дурову.

Дуров жил на Мокром (так называется часть города Омска, расположенная в треугольнике между берегом реки Оми, горой и площадью); дом, в котором квартировал Дуров, выходил на площадь. Этот ряд домов, когда-то бывший казовой линией Мокрого, теперь заслонен новыми каменными постройками. Мы подъехали к дому Дурова, когда было еще светло, около часу оставалось до сумерек. Когда мы вошли в комнату, к нам вышел человек среднего роста с сутулой спиной, черными волосами и черными глазами; глаза болезненно блестели; иногда от него доносилось затхлое дыхание, как от чахоточного. Дуров занимал две комнаты; одна, побольше, была вместо зала, в другой была его спальня и кабинет. Два окна большой комнаты, выходившие на площадь, были почему-то закрыты ставнями, так что комната освещалась только одним окном, выходившим во двор.

Дуров позвал слугу, чтобы распорядиться о чае, и когда тот пришел, Дуров начал с братским участием расспрашивать его о какой-то болезни, приключившейся с ним, что ему сказал доктор и купил ли он лекарства, и потом попросил его поставить самовар: «Поставьте, пожалуйста, самовар!» Это обращение со слугою на «вы» было для меня неожиданностью; я почувствовал, что очутился в какой-то новой для меня сфере.

Чокан не остался у Дурова пить чай, ему куда-то нужно было спешить. Он наскоро передал ему городские новости, рассказал, как он вчера был дежурным в доме генерал-губернатора, как генерал в пух и прах распек какого-то чиновника и в заключение приказал Чокану отвести этого чиновника на гауптвахту, и когда они вдвоем подходили к гауптвахте, как два чиновника, ранее посаженные под арест, сидевшие на веранде и игравшие в шашки, завидев иду-

щих, радостно вскричали: «Ведут, ведут!» («Да это страничка из Диккенса!»— вставил Дуров); простился, сказал, что он меня может здесь оставить одного, и уехал. Мы с Дуровым вдвоем. Чокан уже сказал ему, что я подал в отставку и собираюсь поехать в Петербург, чтобы поступить в университет. Дуров поинтересовался узнать, какие были такие особые обстоятельства в моей жизни, что из меня не вышел обыкновенный казачий офицер, дающий киргизам вперед товар и потом собирающий долги баранами. Я рассказал ему, что детство мое было исключительное, что я попал в семью одного полковника[4], который, хотя служил в казаках, но был из России, родом немец; жена его была образованная дама. Я жил в этой семье на одних правах с другими детьми этой дамы; мы вместе играли и вместе учились; мать семейства по вечерам собирала нас вокруг себя и заставляла читать рассказы из детских журналов. Из этой семьи я поступил в кадетский корпус, как я теперь думал, уже облагороженным казачонком; словом, я приписывал этой даме выдающееся влияние в моей жизни. Тут произошло то, что я никак не ожидал; Дуров был растроган моим рассказом, хотя он был сух, как протокол. Он назвал мою благодетельницу святой женщиной, припомнил других таких женщин, которых он сам знал, и так живо представил себе доброжелательную женскую натуру, о которой я рассказал ему, с таким теплым участием стал просить еще о ней рассказать, что у меня невольно вырвался вопрос: «Вы ее знали?».—«Нет»,— ответил он, и я отчего-то сконфузился.

Пламенная речь Дурова перешла потом на другую женщину. К. И. К[апусти]на была мать большого семейства и жила со своим мужем в Омске. Это было чисто сибирское семейство; тем драгоценнее был этот факт. Дуров несколько раз назвал ее святой женщиной, в ее гостиной он находил радушный прием. Он ценил это, потому что во всех других омских домах его чурались, как опасного человека. Может быть, потому он и к моему рассказу так горячо отнесся, что нашел некоторое сходство в моих отношениях к моей благодетельнице со своими к К. И. К[апустино]й. В одном случае женской рукой обласкан осиротевший казачонок, в другом изгнанник из интеллигентного общества, униженный и оскорбленный.

Меня подкупила эта восприимчивость Дурова к чужому чувству, способность быстро проникаться чужим душевным состоянием. Я в первый раз видел перед собою человека, экзальтированного гуманными идеями.

Я не помню, спросил ли он меня, зачем я хочу учиться и какое употребление сделаю из знаний, которые надеюсь приобрести, но я уверен, что он не приписал мне меркантильных расчетов, потому что отнесся к моему намерению с полным сочувствием. С подъемом духа, который начинает охватывать Россию, говорил Дуров, жаждующие знания стали появляться в такой среде, в таких захолустьях, откуда прежде этого нельзя было бы ожидать. Дуров говорил, что эти ростки новой силы, выходящей из русской земли

на смену погибшим поколениям, радуют его и укрепляют в нем веру в русский народ, но он опасался за прочность движения и спрашивал: это оживление русского общества не временное ли только? Молодежь увлечется, ринется вперед, а жизнь возьмет да и прихлопнет ее.

Он не доверял совершавшемуся в русской жизни [движению] и думал, что тут скрывается западня. А между тем он считал своей святой обязанностью уважать всякое стремление к знанию. Он мне рассказал, что к нему иногда заходит господин, помешанный на отыскании *perpetuum mobile**[59]. Математические выкладки этого господина были безнадежны, но Дуров с удовольствием наблюдал в этом человеке бескорыстную преданность идее, настойчивость и твердость, с которою он переносил неудачи. Дуров как будто прежде всего спешил почтить подвиг труда, а потом уже результаты труда.

В половине вечера я был уже очарован беседой Дурова. Мне было очень приятно, что всему, чему я сочувствовал, сочувствовал и он, но я не мог с тем же умением защитить свои вкусы, тогда как он подробно излагал мотивы своих симпатий.

Потом разговор зашел о сибирских властях, о предмете, меня сильно интересовавшем. Генерал-губернатором Западной Сибири тогда был Гасфорт, не раз изображавшийся в «Искре» под именем Оксенкопфа. О нем рассказывали целую кучу анекдотов — как он хотел поставить себе монумент в Березове в память посещения им этого города, как начал строить вооруженные казармы в Омске, из которого за тридцать лет не доскачешь ни до какой неприятельской границы, как он составлял проект религии, промежуточной между православием и мусульманством, и хотел представить этот проект на высочайшее усмотрение. В крае царило бесшабашное взяточничество и казнокрадство; мы, маленькие люди, стоявшие внизу, снизу все это хорошо видели и знали, а наивный генерал имел смелость думать, что он всюду видит и что у него все обстоит благополучно.

Я уже был порядочно заряжен антипатиями к тогдашней администрации Западной Сибири или, вернее, к гасфортовской клике, и мне было приятно слушать Дурова, когда он не стеснялся в сильных выражениях, перебирая ее грехи и преступления. Мне понравилось также, что Дуров выдвигал правс молодости. Только что произошел случай: один генерал раскричался публично на подчиненного молодого человека, тот обиделся и что-то ответил, генералу ответ показался дерзостью, он раскричался пуще прежнего и начал поучать юношу, что если у старого человека сорвется с языка неуместное оскорбительное слово, то ему позволительно ввиду его седин и его заслуг, а что молодого человека его молодость обязывает обуздывать себя в разговоре со старшими, и повышение голоса для молодого человека непростительно. «Совершенно наоборот, не

*[59] Вечно движущееся.

правда ли?»— спрашивал меня Дуров. От человека, дожившего до седин, кажется, скорее бы надо требовать умения управлять своими страстями и языком, чем от молодого человека.

Я тогда еще не понимал, что дело в системе управления, а не в отдельных личностях. Мне представлялось, что разные бездарные и нечестные личности случайно залезли в Сибирский край и что вся сила в них. Ирония над краем заключалась в том, что стоящим внизу, в толпе, отлично было видно, кто где ворует, что все воруют и берут взятки, а генерал, сидящий наверху, думает, что он водворил в крае закон и что толпа благоденствует, благословляет его и хочет поставить ему памятник. И никто не соберется рассказать ему, как смешно это самообольщение толпе, стоящей внизу; и я тоже не решаюсь выступить, потому что рядом со мною есть люди, более меня образованные, более знающие, но они не выступают и мне не хочется быть выскочкой. Я терялся в догадках о средствах борьбы и надумал только одну идею: нужно, чтобы явился свой, сибирский Гоголь. Дуров, однако, развенчал мою идею. Смех, сказал он, слабое, недейственное средство: смех примиряет со злом. Портреты Ноздрева, генерала Бетрищева, Сквозник-Дмухановского забавляют нас, а не удручают. Скучно — глянешь на эту русскую галерею, расхохочешься и повеселеешь. Нужен не смех, а прямое урезание зла.

С сибирской администрации разговор перешел на внутреннюю политику только что окончившегося тридцатилетия, которое, как я сказал, казалось мне самой славной страницей русской истории.

Конечно, Дуров был иного мнения о значении этого тридцатилетия. Он говорил с воодушевлением, как будто торопился. Мне запомнилась одна из манер его речи. Когда он задумывался, как построить красивую фразу, то, чтобы выиграть время, повторял по нескольку раз первое слово фразы; например, если это было вставочное предложение, начинавшееся с местоимения «который», то он быстро повторял: который, который, который, пока не находил приличную фразу. Мне пришлось выслушать горячий протест человека, раздавленного режимом только что минувшего тридцатилетия, я понял, что та же лавина раздавила бы и меня, если бы ее движение не остановилось. Я не знаю, как бы я отнесся к этому развенчанию славной страницы, если б оно пришлось в самом начале нашей беседы с Дуровым, но теперь, в конце вечера, я легко перешел в другую веру, потому что между моей старой симпатией и ее отрицанием стоял апостол прогресса, к которому я теперь чувствовал сердечное влечение. Со мной совершился переворот. Я ушел от Дурова тем, до чего меня хотел довести мой друг Чокан. Собственно это не был переворот: мое идейное содержание было уже сформировано в приблизительном духе, чего-то немного не доставало, чтобы переменить кличку. Это как с детскими кубиками: вот сложена из них картина — индийский магараджа и его свита едут на слонах, украшенных коврами и перьями, тропический пейзаж, но кубики перемешаны,— только полминуты времени и дру-

жеской рукой они приведены в новый порядок: кубики те же самые, но лежат другими боками кверху, и картина уже другая: Афины, Акрополь и Пантеон.

Больше я Дурова не видал: он уехал в Россию. Впоследствии, когда я уже был в Петербурге, я слышал от Чокана, что Дуров поехал лечиться от ревматизма за границу и застрелился где-то в Южной Германии или в Швейцарии.

В начале семидесятых годов я узнал, что [И. А.] Пальм, тоже петрашевец, вывел Дурова в своем романе «Алексей Слободин» под именем Рудковского. Когда я прочитал относящиеся [к Дурову] страницы в романе, я был огорчен тем изображением, каким стал мой апостол под пером Пальма. Правда, портрет Дурова и у Пальма написан в сочувственном тоне, и он говорит о способности Дурова действовать своими речами на слушателя даже тогда, когда последний оказывался богаче знаниями оратора; это Пальм объясняет тем, что Дуров (Рудковский) был одарен чутким пониманием ближайшей истины, «которая стояла» на очереди. Но все-таки портрет вышел бледный, вместо интересного проповедника тут описан либеральный департаментский чиновник. Речи, вставленные в уста Дурова (Рудковского) не зажигательны; главное, нет простестующей Дуровской души. Я, конечно, не пишу художественную критику, я рассказываю только, как мои субъективные ожидания не оправдались. Пальм часто выводит Рудковского даже при гостях в халате, что ему иногда придает комический вид. Какая досада! халат остался, а чувства Дуровские, душевная экспрессия, которая, как мне казалось, прежде всего бросилась бы в глаза, если б Дуров был одет даже в рубище, не сохранились в памяти друга-романиста.

Может быть, Пальм и ближе к действительности, чем я; он дольше его знал и притом мог судить о нем, как наблюдатель более зрелого возраста. Но тот ореол, в котором мне представился Дуров, я и теперь не могу выкинуть из своей головы. Может быть, я не более, как ребенок, которому морщинистое, слезливое и беззубое лицо его седой бабушки кажется самым милым лицом в мире; взрослый человек, в которого впоследствии превратился этот ребенок, мог бы и сам убедиться, в какой степени он обманывался, но бабушка умерла во время его детства, и он остался на всю жизнь с детским о ней представлением.

Пальмовский Дуров не тот, которого я слышал в Омске. Тот образ этого человека, который отпечатался в моей памяти после личного свидания, с годами порядочно выцвел, но не [был] вытеснен портретом, написанным Пальмом.

Для нас фетиш дикаря — простой обрубок дерева или тряпка, а для дикаря — это личность, с которою связаны события его личной и семейной жизни и нелегко ему расставаться с этим семейным другом. Может быть, Дуров — мой фетиш, но, вернее, я думаю, Пальм был не в состоянии одухотворить своего героя до уровня действительности.

Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ

О ПОЭМЕ «МАНАС» В ЗАПИСИ И ПЕРЕВОДЕ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

(Доложено на заседании Восточного отдела Русского археологического общества 21 марта 1902 г.)

Н. И. Веселовский, редактирующий по поручению имп. Русского географического общества Собрание сочинений султана Чокана Чингисовича Валиханова, познакомил Отделение с отрывком на русском языке из обширной киргизской, или, по местному, ногайской поэмы «Манас» под названием «Смерть Кукотай-хана и его поминки». Перевод этого отрывка, не получивший надлежащей редакции Валиханова и не доведенный им до конца, был найден, к сожалению, без киргизского текста в черновых бумагах К. К. Гутковского, находившегося в большой дружбе с Чоканом Валихановым. После небольшого вступления о характере эпических тюркских сказаний и их особенностей докладчик прочел перевод названного отрывка, свидетельствующий, как превосходно усвоил Валиханов русский язык и до какой степени силы и образности умел передавать по-русски сжатую киргизскую речь. В особенности заслуживают внимания три момента этого сказания: I. Прощание Кукотай-хана с народом (стр. 209—210); II. Избрание Бук-Муруна на ханство (стр. 212—214); III. Отправление Яш-Айдара к киргизским богатырям с приглашением на поминки по Кукотай-хану и байгу по этому случаю (стр. 216—220).

Выдержки из поэмы по переводу Ч. Ч. Валиханова

I. «Народ! Когда меня не станет (когда мои глаза закроются), кумызом меня омойте, острой саблей оскребите, в панцирь оденьте и, кожею обвивши, под голову белый саван положите и головой на восток обратите... На перекрестке больших и малых дорог подобный месяцу белый сарай соорудите, как голубое небо, голубой купол поставьте. Подобные дороге желоба привесьте, завитками и карнизами оденьте... Нет больше слов и нет больше заветов.

Когда меня не будет: пешеходным беднякам — лошади нужны для езды, голотелым беднякам — сними халат с плеча. И летом, и зимою пусть течет кумыз мой рекою для этих бедняков».

II. «Многочисленный народ ногайский, плотно юртами окруживший себя, у белой сопки, пупа земли, остановился и, собравшись, все держали совет. Бии с отвислыми животами, толстобрюхие богачи были на этом совете. Но Баймурза, сын богача, не мог управиться с народом.

Однажды в один день заметили, что у шестилетнего сопляка оседлана лошадь и семилетний Бук-Мурун обучался у муллы. Белым седлом с золотою лукою коня Манекеря оседлал; рожденный для власти Бук-Мурун, оседлавши, сел и, в густую толпу собрав-

шихся ногайцев въехав, дал голос: «Брат старший, сын богача, Баймурза! Каждый день ты держишь совет, о чем идет дело? Есть поминки по отце моем — распоряжаться тебе ими не позволю... Я твердо решил: завтра я подниму свой улус; без шума отвяжут бабы жерди, что на юрте, без клокоту поднимут на руки беркутов, баранов погонят рано, чтобы не блеяли, навьючат тихо верблюдов, чтобы не ревели, детей поднимут тихо, чтобы не плакали. Так подниму многочисленный народ ногайский! Огни, что остаются на очагах, велю погасить, пеших наделю лошадьми, нищих — платьем и пойду вперед... На болотах Кузибашских остригу я овец, на большой Акташ как приду — исправлю я кибитки... Когда приду на соленое озеро, наварю соли и, 60 верблюдов ею навьючив, я пойду к кочующему на солонцах Бутанынсаз, каждый день азартно играющему, неверному хану храброму Джузаю, у которого шапка, как черный котел, огромна, который властен над всеми, имеющими жизнь и кровь. К этому-то неверному хану Ир-Чолану с улусом прикочую я. Возле стану ставкой и буду, как родной, вместе стану кочевать и буду, как единородный брат... Устрою очаги, изрывши землю, и над ними соберу табун, без счету буду резать, и мясо будет горой чернеть. Шесть тысяч молодцов с лицами и руками белыми, как луковица, скромных, как ходжи, читающие намаз, я соберу и, давши им в руки анджанские ножи, заставлю мясо крошить; чтобы у них не замозолились пальцы, я шелком обверну и кожею обтяну, а чтобы крошители мои не уставали, для питья им полный котел черного чая поставлю. Так я дам Кукотаевы поминки.

III. «Густочупринный Яш-Айдар Чора! Под тобою Манекерь, я его не испытал и достоинств его не видел. Если высокие встретятся горы, он цепляется, как архар,— не скатись с седлом назад. В глубокие овраги он ныряет, как утка,— не упади через голову его... Больше его не знаю и достоинств его не ведаю.

Погоди еще, густочупринный батыр мой, Яш-Айдар! Поддержи поводья коня своего... Отсюда ты иди к тому батыру, который на Улутаве кочует и золотоглавого коня Мадьяна постоянно на привязи имеет, к Ир-Кошаю[1] ты иди, который есть отец народа, к Ир-Кошаю, подобному воротнику на халате и подкове для ног лошади, к Ир-Кошаю, который открыл запертые двери в Бейджин и открыл остановившийся путь в Турфан, к тому Ир-Кошаю, который остановившемуся базару дал новую жизнь. Когда неверный хан Мез-Кара в темницу заточил Джангырова сына Белерека, что был родом из ходжей, когда никто из мусульман не отважился восстать, он, храбрый Кошай, храбростью устрашил и освободил того ходжу. К этому-то храброму батыру Кошаю ступай и скажи, чтобы сам был на моих поминках и лошадь на моей байге. Если сам не будет на поминках и лошадь на байге, то пусть не показывается перед мои очи и не обращается больше ко мне. Кукотаево золотое цветное красное знамя будет развеваться над его юртой — этого пусть ждет...

Для детей разных отцов (разным родам) нужно дать пестроголовых иноходцев и чубарых коней и нужно мне по достоинству и старшинству раздать им соответственные части убитого скота, поднести им обед и байгу нужно устроить. Проси его (Манаса) быть распорядителем».

По поводу сообщения Н. И. Веселовского П. М. Мелиоранский сделал следующие замечания:

1) Перевод Валиханова хорош, но кое-где замечается недоделанность: вероятно, есть места, которые при окончательной редакции следовало бы поправить, так, например, в одном стихе, где говорится о доении березы (?), может быть, смешаны значения слов *сау* (доить и здоровый) и *кайын* (береза и родня по мужу, тесть и т. п.)[2].

2) Любопытно место, в котором хан завещает оскоблить свое тело перед погребением саблею[3]. Нет ли связи между подобными местами былин и известиями некоторых этнографов (Георги) о том, что киргизы соскабливали мясо с костей у покойников перед погребением?

3) Н. И. Веселовский во вступительных словах говорил, что 15-летний возраст Кюль-Тегина в орхонских надписях, в котором он совершает свой первый поход, придает этому месту надписей былинный характер. На это П. М. Мелиоранский заметил, что хронология орхонских надписей вполне точна и подтверждается китайскими известиями, но что действительно у многих тюркских племен 15-летний возраст считается (а как видно из орхонских надписей, считался и прежде) совершеннолетием для мужчины[4], и былины в этих случаях пользуются просто ходячим народно-юридическим воззрением.

4) В прочитанной Н. И. Веселовским былине особенно ценно «завещание» Кукотай-хана, параллели которому нет в радловской записи; описание же приготовления к поминкам его имеется в несколько другой редакции у В. В. Радлова.

Г. Н. ПОТАНИН

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

Чокан был сын Чингиса Валиевича Валиханова и внук последнего хана Средней киргизской орды Вали-хана, по [имени] которого он и носил фамилию*[60]. Чокан было его уличное имя, данное ему в детстве; мусульманское его имя было Мухаммед-Ханафия. Судя по тому, что он поступил в Сибирский кадетский корпус в

*[60] После смерти Вали-хана киргизский народ избрал ханом Средней орды старшего сына Вали — Габайдуллу... *(Примечание Потанина).*

1847 г. (осень), а в корпуса поступали в десятилетнем возрасте,— родился он в 1837 году[1]. Где он родился, мне не известно. Родовая зимовка Валихановых находилась в Кокчетавском округе Акмолинской области, в местности Сырымбет; тут в 30-х годах нашего столетия были для Валихановых построены на счет правительства деревянный жилой дом и мечеть. Но отец Чокана в половине 40-х годов только временно наезжал в Сырымбет, а жил он в это время в местности Кушмурун, близ вершин Тобола; он в это время стоял старшим султаном*[61] Кушмурунского округа, который состоял из земель, лежавших вокруг вершин Тобола[2]; в местности Кушмурун (к востоку от Тобола) прошло детство Чокана. Когда Чокан поступил в кадетский корпус, я не помню, чтобы он что-нибудь рассказывал о Сырымбете; все его детские воспоминания, кажется, относятся к Кушмуруну. Впрочем, Чингис Валиевич, кажется, ранее выхода Чокана из корпуса оставил Кушмурунский округ и переехал в Сырымбет, так что в последние годы пребывания в корпусе Чокан ездил летом в отпуск в Сырымбет, а уже не в Кушмурун.

Эта местность, где провел детство Чокан, представляет плоскую, унылую с безграничным горизонтом степь, не оживленную, как местности Кокчетавского округа, скалистыми горами, перелесками и горными озерами.

Дед Чокана, Вали-хан, по семейным преданиям, не отличался способностями народоправителя, как прадед Чокана — Аблай-хан, прославившийся отдаленными походами (один набег Аблай-хан сделал в Джунгарию к подошве Хан-Тенгри в Тянь-Шане) и дипломатическими сношениями с соседними государствами. Вали-хан любил жуировать и был поклонник прекрасного пола...

Чингис Валиевич, отец Чокана, получил русское образование в Омске, в войсковом казачьем училище, т. е. в том самом, в которое потом поступил и Чокан, но во времена Чокана оно уже было преобразовано в кадетский корпус.

Мать Чокана, Зейнеп, была дочь бия Баян-Аульского округа, Чормана. Родной брат Зейнеп — Муса Чорманович Чорманов, дядя Чокана, переживший племянника, был очень влиятельный человек в степи, пользовался уважением степных властей, имел чин русского полковника, подолгу живал в Омске, раза два ездил в

---

*[61] По Степному положению, составленному Сперанским, киргизская степь Сибирского ведомства была разделена на округа; каждый округ управлялся приказом (по-киргизски — диван); присутствие приказа состояло из четырех заседателей (из которых два были киргизы и два — русские) и председателя; последний был непременно киргиз он избирался населением округа и назывался старшим султаном. Проект Сперанского предполагал, вероятно, что народ всегда будет избирать председателя из среды киргизских дворян, которые называют себя султанами. Впоследствии старшие султаны не всегда избирались из султанов, были старшие султаны из простой «черной кости». *(Примечание Потанина).*

Петербург и вообще был один из наиболее европеизированных киргизов. Муса Чорманович умер в 1887 году*[62].

Чокан был старший сын у Чингиса Валиевича. Кроме того, у Чингиса Валиевича были еще дети: сын Махмуд, другой сын — глухонемой (Макы), дочь Нурида, которая в настоящее время замужем за Садвокасом, старшим сыном Мусы Чорманова.

Чокан был привезен в Омск осенью 1847 г. Его привез В. И. Дабшинский, переводчик киргизского языка, состоявший при так называемом пограничном начальнике, т. е. при генерале, заведовавшем киргизами Сибирского ведомства.

Я увидел Чокана в первый раз еще до его поступления в корпус, именно в квартире В. И. Дабшинского. Как это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинского не бывал.

Я уже в это время прожил год в корпусе, а потому, вероятно, меня избрали нарочно в первые знакомцы Чокану, чтоб он не так сильно почувствовал свое одиночество, когда его наконец оставят в стенах корпуса. Чокан ни слова не знал по-русски и уже тогда любил рисовать карандашом; Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске; русский город поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов.

Войсковое казачье училище только перед поступлением Чокана было преобразовано. До 1846 года это была казачья бурса; часть учителей, особенно в низших классах, была урядниками; обращение с воспитанниками было грубое; обедали воспитанники из оловянных тарелок деревянными ложками; в классах все было основано на долблении от сих и до сих; за неуспехи и шалости сильно пороли. Преобразование началось с того, что из Петербурга были присланы офицеры-воспитатели; старая посуда заменена фаянсовой, ложки даны серебряные, пищу значительно улучшили, воспитанникам стали говорить «вы». Но самая главная реформа была произведена в классах: молодой артиллерийский капитан Ждан-Пушкин, служивший в строю на Кавказе, был назначен инспектором классов. Он внес новый дух в заведение.

Ждан-Пушкин был разносторонне образованный человек; он знал французский, немецкий и английский языки, был отлично знаком с историей европейской литературы, особенно английской, и с историей вообще. Случалось, что иной предмет останется без преподавателя — Ждан-Пушкин брал преподавание на себя. Так он временами читал нам алгебру, всеобщую историю и артиллерию, и каждый предмет он читал лучше учителя. Но, главным образом, его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах его питомцев; кадеты старались подражать ему.

Первым его делом было сформировать новый состав учителей. Из старых он оставил только трех, в том числе Костылецкого.

---

*[62] Точнее в 1885 г. См. Некролог. «Акмол. обл. вед.», 1885, № 8; *Д. Путинцев.* Воспоминание о Мусе Чорманове. «Акмол. обл. вед.», 1885, № 38—39.

Костылецкий преподавал русский язык и русскую словесность. Он был, собственно, ориенталист, кончил курс в Казанском университете по восточному факультету, готовился в драгоманы*[63] в Константинополь, но так как был казак, то должен был вернуться на родину, в Сибирское казачье войско, где его сделали преподавателем русского языка в войсковом казачьем училище. Он знал хорошо языки арабский, персидский и особенно наречие казанских татар. Сначала Костылецкий возмущался назначением учителем русской словесности и тем, что его отрывали от занятий, к которым он чувствовал призвание, но потом примирился с предметом и даже, как он говорил, очень полюбил его. Костылецкий был друг ориенталиста Березина, доставлял ему материалы о киргизском наречии, собирал образцы киргизского народного творчества, имел несколько вариантов киргизской большой сказки о Козы-Корпеше. Для него, конечно, Чокан был очень интересный субъект. Для кадет Костылецкий имел большое значение; он отличался независимым характером и был очень остроумен; пошлость он преследовал язвительными насмешками; он был поклонник идей Белинского и почитатель таланта Гоголя; в своей истории словесности он руководствовался статьями Белинского, что потом одним из генералов — инспекторов, ревизовавших корпус (не помню, Клюпфелем или Анненковым) было поставлено ему в упрек.

Другой из оставленных старых учителей был Евгений Иванович Старков, так же как и Костылецкий, родом сибирский казак, [он] также был очень способный человек, но получил образование только в войсковом казачьем училище и дальнейшего усовершенствования в науках не мог получить, потому что как казак должен был по выходе из училища остаться на службе в войске. Он отличался необыкновенной памятью, предмет знал хорошо и читал добросовестно, был очень добрый человек, тихий, задумчивый и рассеянный. Ждан-Пушкин просил его познакомить нас поподробнее с географией Киргизской степи, что Старков и сделал; потом он далее напечатал свой «Географический очерк Киргизской степи»[3]. Это было для кадет очень полезно, потому что многим из них, особенно казакам, пришлось подолгу служить в Киргизской степи и ходить по ней в поход.

Для преподавания истории Ждан-Пушкин выписал молодого учителя Гонсевского. Гонсевский был сначала студентом Виленского университета, потом с закрытием последнего перешел в Казанский. Это был из наших учителей самый начитанный; он продолжал следить за своей наукой, выписывал много книг и, по-видимому, готовился к более серьезной профессии, чем преподавание в провинциальном среднем учебном заведении. Феноменальная застенчивость указывала на какую-то духовную ненормальность его, и рассказывали, что, уехав вскоре в Россию, он застрелился. Лекции его имели для нас большое значение.

*[63] Переводчик восточных языков при послах, консулах.

В кадетских корпусах историю по программе позволялось доводить только до 1815 года, но Гонсевский, конечно, с разрешения Ждан-Пушкина, довел ее до 1830 года. Особенно подробно он прочел нам историю Великой французской революции, выставив ее культурные заслуги для европейского общества, сочувственно изобразив главных ее деятелей, что нисколько не изменило наших чувств в отношении к своему правительству и все мы из-под руки Гонсевского вышли глубокими монархистами.

Не так удачно был выбран учитель естественной истории, один из служивших в Омске докторов. Он не имел никаких лишних познаний по своему предмету сверх того, что заключалось в обязательных для кадетских корпусов учебниках зоологии и ботаники Даля.

Для преподавания закона божия Ждан-Пушкин сманил из Тобольской семинарии молодого бакалавра А. И. Сулоцкого и уговорил его принять священнический сан, чтоб одновременно [он мог] быть и корпусным священником. Сулоцкий сделал свои уроки занимательными, оживлял их интересными для детей рассказами, иллюстрируя их примерами, которые он брал отовсюду: из священной истории, из обыденной жизни и природы. Для нас они были важны; мы видели, что человек убежденный говорил нам о том, что земные цели должны быть подчинены высшим идеалам. Другие все учителя обогащали наш ум только знаниями, три учителя: А. И. Сулоцкий, Н. Ф. Костылецкий, Гонсевский воспитывали в нас убеждения. Чокан обыкновенно присутствовал на уроках Сулоцкого*[64].

Математика у нас шла не так хорошо. Специально подготовленный учитель не был выписан, и Ждан-Пушкин обыкновенно приглашал читать этот предмет кого-нибудь из офицеров, служащих в Омске. Только Кучковский, один из старых оставленных учителей, родом также казак, как и Костылецкий, толково и ясно преподавал геометрию. Не совсем удачен также был выбор преподавателей специально военных наук: тактики, артиллерии, фортификации и геодезии.

Для этого также приглашались случайные преподаватели из офицеров. Впрочем, это не были люди, не знающие своего предмета, а только не совсем умелые преподаватели. Так, Гутковский был человек с обширными и разносторонними знаниями, но читал физику, артиллерию и тактику плохо.

Не боясь солгать, можно выразиться, что Сибирский кадетский корпус был в то время лучшим учебным заведением во всей Сибири. Даже Иркутская и Тобольская гимназии уступали ему в выборе хороших учителей, не говоря уже о Томской, в которой в это время все учителя были какие-то допотопные фигуры. Поэтому в

---

*[64] Сулоцкий много писал статей по истории православных епархий в Сибири и истории распространения в ней христианства. *(Примечание Потанина).*

отношении учебных занятий детство Чокана было обставлено недурно.

Одним из первых актов преобразования бывшего войскового казачьего училища в кадетский корпус было разделение воспитанников на две части: роту и эскадрон. В роту были отделены дети чиновников и пехотных офицеров, эскадрон состоял исключительно из детей казаков. Чокана определили в эскадрон, вероятно, из соображения, что между детьми казаков найдутся знающие киргизский язык и ему на первых порах не будет так скучно. Между нами, казачатами, действительно были болтавшие по-киргизски. В эскадроне ему и потом было сподручнее, потому что казаки все-таки ближе к киргизам по роду своих занятий скотоводством, по знакомству со степной жизнью, по вкусам к наездничеству и т. д. Киргизский барчонок, потомок киргизских ханов, будущий киргизский аристократ попал в совершенно плебейскую среду, потому что многие кадеты эскадрона были дети офицеров, выслужившихся в офицеры из простых казаков, и в эскадроне, в противоположность роте, господствовали казачьи предания самого плебейского свойства. Эта жизнь в плебейской среде, вероятно, не осталась без влияния на образование демократических мыслей Чокана. Кадеты роты и эскадрона были отделены и в дортуарах*[65], и в классах. Приехавшие из Петербурга офицеры сделаны были начальниками в роте; в эскадроне оставлены казачьи офицеры из состава прежнего казачьего училища. Им было приказано следить за нововведениями, которые делались в роте, и вводить те же порядки в эскадроне. Кадеты чувствовали, что эскадрон принижен. Это сознание приниженности сплачивало эскадронных кадет между собою, что сказывалось особенно на каких-нибудь работах, где приходилось роте и эскадрону соревноваться.

Литературные идеи в корпус вливались через роту, потому что ротные кадеты происходили из семей более интеллигентных, но товарищеский дух был сильнее в эскадроне, чему способствовало и то, что число эскадронных кадет было значительно менее. Заговоры эскадронных кадет отличались непоколебимой стойкостью*[66]. В свою очередь и для казаков было полезно, что в их среде живет

---

*[65] Общежитие.

*[66] Однажды в классе, в котором находился Чокан, был составлен заговор по следующему случаю. Дежурный офицер обходил классы, только он вышел из класса Чокана, [как] кто-то из мальчиков, приперев дверь за вышедшим офицером, ударил кулаком по двери. Офицер сейчас же вернулся: «Кто ударил?» Молчание или ответ: «Не знаем, не слышали!» Пушкин наказал класс лишением отпуска в воскресенье по домам, пока класс не выдаст шалуна. Целых полгода длилось наказание и кончилось тем, что Пушкин уступил. Класс распустили по домам, хотя имя виновника наказания осталось начальству неизвестным. Одноклассники Чокана говорили: «Тот, кто сделал шалость, должен был сам сознаться в своем преступлении, чтобы избавить класс от наказания. Но он трус, и у него не хватает мужества это сделать. А мы нравственно не можем его выдать». *(Примечание Потанина).*

киргиз; бойкий и остроумный киргизский мальчик приучил казаков к расотерпимости.

Жизнь в корпусе была соединена для Чокана с большой ломкой его степных привычек. Киргизы обыкновенно подолгу, до полночи сидят вокруг костра, занимаясь разговорами и передачей новостей, а утром долго спят, хотя вне юрты уже давно белый свет, так что казачьи отряды нередко делали набеги на спящий аул, подъехав к нему при полном дневном свете никем не замеченные. Совершенная противоположность монголам, которые встают до восхода солнца, Чокану было ужасно трудно вставать с постели. Он всегда вставал последним. Будить его нужно [было] осторожно, в противном случае он вскакивал как угорелый и, ничего не помня, кидал в товарища сапогом.

Начальником эскадрона был Кучковский (тот самый, о котором я уже говорил как о хорошем учителе геометрии). Кадеты не любили его и называли «змеей» за то, что он любил входить в комнату неслышными шагами, причем ему часто удавалось заставать кадетов за шалостью или праздносидящими и праздноболтающими. Тогда следовали, конечно, маленькие кары вроде «без последнего блюда», а иногда и больше — «без отпуска в воскресенье». Но, в сущности, это не был злой человек, а только по наружности сухой и несимпатичный. Из детских шалостей он не делал все-таки криминальных происшествий, и кары его не выходили за пределы домашней расправы. На педагогических советах он нередко горячо отстаивал или шалуна, или малоспособного кадета, которому грозило исключение из заведения, отстаивал во имя того, что не следует из-за этого портить всю будущую жизнь ребенка*[67].

Кучковский воспитывал нас в суровой дисциплине. Вообще ни среди наших офицеров, ни среди наставников почти никто не относился к кадетам с ласкою. Костылецкий также не был из тех, которые ласкают. Гуманные и добрые Сулоцкий и Старков были робки для того, чтобы обнаруживать приливы нежного чувства. Только один Гонсевский смело давал волю своему сердцу в этой казарме маленьких детей.

Развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей. Кроме природного ума он имел к тому и другие преимущества. По воскресеньям тех кадет, которые имели родственников или знакомых в городе, отпускали в город. У Чокана ни родных, ни знакомых в городе не было. Но им интересовались многие — киргизский мальчик, и притом такой способный, уже рисует, прежде

*[67] Тогда порядки были иные; детей стыдились исключать из заведения из боязни испортить им жизнь и не стыдились исключать из заведения бездарных и бестолковых преподавателей. Теперь, кажется, наоборот; исключать мальчика и испортить его участь на всю жизнь ничего не стоит, а бездарности среди учителей процветают, потому что стыдно выжить человека, который еще не дослужил до пенсии. *(Примечание Потанина).*

чем поступил в заведение. Поэтому его охотно брали к себе в отпуск те, которые ценили такое необыкновенное явление.

В течение первой зимы после поступления в корпус Чокан ходил в отпуск к чиновнику Сотникову. А. А. Сотников служил в управлении Киргизской степью; это был ориенталист, студент Казанского университета по восточному факультету, ходил, кажется, в степь начальником целого казачьего отряда и, как мне говорил Чокан, напечатал в какой-то литературной газете статейку «День в киргизском ауле». Чуть ли это не был описан день, проведенный автором в ауле Чингиса Валиевича, Чоканова отца, в Кушмуруне. Это был способный человек, но неукротимый, дикий характер сгубил его. Он постоянно делал скандалы; то прострелит кому-нибудь ногу, то, переодевшись киргизским джигитом, отлупит нагайкой своего врага, полковника, едущего в сумерки на дрогах из гостей. Кончил он тем, что его осудили и сослали на север Енисейской губернии. Оттуда он прислал в Омск остроумное описание жизни «на краю света», как он выражался. Его перевели потом в более благодатный край, в Забайкалье. Переезжая через Байкал, он бросился с борта парохода в воду и утонул.

После Сотникова Чокан сейчас же нашел покровителя в лице Померанцева. Это был молодой, веселый и беззаботный офицер Генерального штаба, бывший нашим учителем рисования. Квартира его была настоящая мастерская художника, да и сам хозяин был художественная симпатичная натура. Он резвился и шалил с приходившими к нему кадетами, как будто сам был ребенком.

После Померанцева Чокана брал к себе Гонсевский, учитель истории. Для умственного развития Чокана это знакомство было самое важное.

В последние годы своего пребывания в корпусе, когда уехал Гонсевский, Чокан стал ходить в дом Гутковского, который был в родстве с семейством сибирского чиновника Капустина[4]. В этих двух домах завершилось знакомство Чокана с внешкольной жизнью. В доме Капустина было много девиц, и это привлекало в него много молодежи. Молодежь, искавшая одних светских удовольствий и сытых угощений, [бывала] в доме откупщика Маршалова, где тоже было несколько девиц-невест; молодые же люди со вкусом к литературе и искусству посещали дом Капустина. Это был маленький клуб избранной омской интеллигенции, светилом которого был Карл Казимирович Гутковский, поклонник Кювье[5] по философским вкусам, энциклопедист. Здесь собиралась лучшая омская молодежь; ни один замечательный проезжий не оставлял города, не побывав в этом доме.

Если через Омск ехал какой-нибудь путешественник, Гутковский ловил его, вез к себе в дом, а потом в семейство Капустиных. Дуров, товарищ по заключению Достоевского, был также постоянный посетитель вечеров у Капустиных после того как, отсидев свой срок в «мертвом доме», был выпущен на свободу и жил в Омске, не имея еще права вернуться в Россию.

Это знакомство с самыми лучшими, гуманными и просвещенными домами в городе давало быстрый ход развитию умственных способностей Чокана. Беседы с Гонсевским познакомили его с политическими взглядами уже тогда, когда для его товарищей, и в том числе для меня, это была закрытая еще книга. Он уже был взрослый, тогда как мы, старше его летами, были по сравнению с ним еще мальчишками без штанов. То, что он знал, в чем превосходил нас, он не пропагандировал в товарищеской среде, но при случае беспрестанно обнаруживалось его превосходство в знаниях. Как бы невольно, он для своих товарищей, в том числе и для меня, был «окном в Европу».

Каждый класс у нас имел своего вожака. Наша школьная среда была так мало интеллигентна, что в классе, в котором был Чокан, вожаком был вовсе человек без умственного таланта. Это был мальчик с практическими наклонностями. Он начал с того, что каждое воскресенье вечером становился у входных дверей, встречал возвращающихся из отпуска кадет и выпрашивал у них конфет, которые те всегда приносили. Он не съедал их, а в середине между воскресеньями, когда все остальные кадеты свои конфеты уже истребили, он предлагал их лакомкам в обмен на карандаши, бумагу и проч. Таким образом, у него вырос магазин всяких канцелярских принадлежностей, бумаги, карандашей, перочинных ножей, резинок и пр. Все это он опять ссужал товарищам за разные послуги: за снабжение записками по предметам преподавания, за репетирование и пр. Благодаря этому он учился сносно, хотя вовсе был лишен способностей. Чокан объявил ему войну; он начал преследовать с детской жестокостью его торгашество насмешками и вооружил против него товарищей. Маленький мироед был разоблачен и уничтожен и, оставленный без тетрадок и помощи, захудал окончательно в успехах по обучению. Низложив противника, Чокан сделался вожаком своего класса. Но он не мог оставаться без борьбы или без [выбора] мишени для насмешок; он открыл поход против вожака нашего класса. Вкусы нашего класса были как будто повыше; наш вожак был хороший рисовальщик и забавный рассказчик, но господство его в классе может быть было более основано на том, что он изрос годами и был уже вполне сформировавшийся мужчина. Литературой он не интересовался и ничего никогда не читал; вероятно, Чокану было бы нетрудно низложить его, но кампания Чокана была начата поздно, оставалось недалеко до нашего выхода из корпуса; мы вышли в офицеры, что и положило конец начатой кампании Чокана.

Мое сближение с Чоканом не началось со дня поступления его в корпус. После свидания у Дабшинского мы жили некоторое время врозь. Чокан не знал по-русски, я не знал по-киргизски. Но потом, когда он подучился по-русски, и особенно когда я приобрел страсть к чтению, заинтересовался путешествиями и географией Киргизской степи, некоторые части которой были еще неизвестны, я стал водить знакомство с Чоканом. Все, что меня заинтересовы-

вало, я начал записывать для памяти; сначала я носил эти записки в карманах, которые поэтому Костылецкий прозвал «шуадой*[68], и время от времени он любил выгружать их. Впоследствии я нашел это неудобным и завел большую тетрадь. В это время география и этнография Киргизской степи сделались для меня любимым занятием, и Чокан помогал мне наполнять тетрадь своими рассказами. Таким образом, мы занесли в нее обстоятельное описание соколиной охоты у киргизов. Чокан, как многие киргизские барчата, должно быть, еще с раннего детства увлекался картинами этого степного удовольствия и отлично знал подробности ухода за соколами и вообще охоту у киргизов. Он рассказывал, я записывал, он потом иллюстрировал мой текст рисунками натрусов, соколиных наглазников, соколиных постаментов, барабанов, пороховниц, ружей и пр. С этой поры мы стали друзьями, и наши умственные интересы более не разлучались, нас обоих интересовал один и тот же предмет — Киргизская степь и Средняя Азия.

Чтение мы имели бедное. Ученическая библиотека была составлена почти исключительно из биографии русских генералов и описаний разных войн. Самые интересные книги были: «Путешествие Дюмон-Дюрвиля», обработанное для детей, «Записки Манштейна», «История» Карамзина и чья-то биография Наполеона Банопарта. Да и эти книги доставались нам с трудом; Кучковский не любил выдавать их и всякие отговорки употреблял для того, чтоб отказать в просьбе. Для меня было большим счастьем, когда начальство разрешило Чокану брать книги из Фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища «Путешествие Палласа»[6] и «Дневные записки Рычкова»[7]. Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные обороты речи и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины! После прочитанного в более раннем детстве «Робинзона Крузо» ни одна книга не оставила во мне такого впечатления, как эти путешествия прошлого века. С увлечением мы читали книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места или ближайшие к ним. Что показалось путешественнику замечательным в этих местах, что он нашел достойным занести в свой дневник, это нас с Чоканом особенно интересовало.

Не будем ли мы подражать впоследствии путешественнику? Чтение это указало нам наше призвание. Если бы нас спросили, что нужно сделать, чтобы вызвать в сибирском обществе любовь к занятиям географией, историей и этнографией своей страны, мы посоветовали бы сделать дешевое издание путешествий академиков прошлого столетия и разослать во все ученические библиотеки народных школ и учебных заведений Сибири.

Уже в то время, т. е. когда Чокану было 14—15 лет, кадетское начальство на него начало смотреть как на будущего исследова-

*[68] Точнее *шуудай (монг.)*— мешок.

теля и, может быть, ученого. Сам Чокан мечтал о путешествии по Средней Азии. Один из моих однокашников рассказывал мне впоследствии[8], что у него сохранилось воспоминание, как он был поражен в детстве мечтами Чокана, показавшимися ему необыкновенными. Группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходивших на Иртыш. Отсюда открывается вид на степь, которая расстилается на противоположном берегу Иртыша. Характер этой картины уже совершенно степной: безлесая равнина с уходящим в бесконечность горизонтом. Чувствуешь, что стоишь у ворот в среднеазиатские пустыни. Чокан стоял в группе и развивал свою мечту, может быть, он проникнет в эту степь до южных пределов, где начинается самый Дальний Восток, где начинается загадочный Китай. Сколько он вывезет новостей из *terra incognita,* которая чуть не у самого забора корпуса начинается.

Чокан много читал в то время. Чтение развило в нем критические способности, приложением которых он удивлял нас как в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась уже его специальностью. Иногда товарищи обращались к нему за разрешением затруднявшего их вопроса: «Чокан, как бы в этом случае следовало поступить благородному человеку?». Никто в нашей среде не решал эти вопросы легче и вернее Чокана, но никто в то же время не полагался на Чокана, что он сам непременно поступит, как он думает. Он поступал не как думал, а как его принуждала его природа.

Математика не удавалась Чокану, и начальство смотрело на это снисходительно. Однажды Пушкин вошел в класс, в котором кадеты готовились к экзамену. Они собрались вокруг большой черной доски; один из лучших учеников по математике писал на доске и объяснял. Чокан сидел в глубине класса, вдали от этой группы, и смотрел в потолок. Пушкин, войдя в класс, спрашивает Чокана: «Валиханов! Вы что не готовитесь?».

Чокан смело отвечал: «Если я встану к доске вместе с другими, это будет простое притворство, потому что слушать я все-таки не буду. Если в течение года от самого учителя не мог постигнуть эту науку, то постигну ли ее в течение двух-трех часов от второстепенного преподавателя?»

«Идите за мной!»— сказал Пушкин.

Он увел его в инспекторскую комнату; кадеты думали, что Пушкин запер его, чтобы потом по окончании классов высечь. Но Пушкин посадил его в своем инспекторском кабинете к столу и дал ему читать книжку «Современника».

Русская литература для нас кончалась Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым; ни о Гончарове, ни о Тургеневе, ни о Достоевском мы не слыхали; имя Белинского также нам было неизвестно, хотя Костылецкий руководствовался его идеями. Из иностранной беллетристики к нам проникали уже Диккенс и Теккерей. Английскую литературу у нас пропагандировал, конечно, по переводам, Чокан; он любил читать об Англии и английской жизни, а манере англий-

ских путешественников хотел подражать; Диккенса, кажется, любили в семействе Капустиных; Диккенс был тогда у всех на языке.

В 1852 г. я вышел в офицеры и пожелал записаться в тот казачий полк, управление которого находилось в Семипалатинске. В тот же год меня назначили в отряд, который под начальством полковника Перемышльского должен был идти в Заилийский край. Перемышльскому было поручено положить начало русской власти в Заилийском крае. Наш отряд занял долину р. Алматы; таким образом, было положено начало городу Верному. Я пробыл в этих краях, т. е. в нынешней Семиреченской области, два года. После того я возвратился сначала в Семипалатинск, затем был переведен в другой полк, расположенный на Алтае между Бийском и Усть-Каменогорском. Все это время я не переписывался с Чоканом и только слышал, что и он вышел в офицеры. Он должен был выйти после меня через два года; у нас в корпусе было три класса и в каждом сидели по два года. Однако Чокана выпустили годом раньше, чем его сверстников. Как инородца его нашли неудобным оставлять на тот курс, на котором читаются специально военные науки: тактика, артиллерия, фортификация и др. Тотчас же по выходе из корпуса его сделали адъютантом при генерал-губернаторе.

В 1857 г. я был вызван на службу в Омск и здесь снова увиделся с Чоканом. Всего мы не виделись лет пять.

Чокан жил в это время в центре города, той его части, которая называется Мокрое. В этой же части жил и Гутковский, в семействе которого Чокан постоянно обедал и был принят как родной.

Мокрое было тогда самой грязной в летнее время частью города; в дожди на его улицах стояли лужи во всю их ширину. Оно было расположено на правом берегу Оми, на нижней террасе, которую в большую воду иногда заливало. Теперь по лицевой стороне Мокрого вытянулась линия каменных домов с лучшими магазинами в городе; тогда этих домов не было, а на их месте была Сенная площадь. Тогдашняя лицевая линия Мокрого состояла из деревянных небольших домов, из среды которых выдавался один неуклюжий и высокий дом с мезонином вместо третьего этажа. Это был дом купчихи Коробейниковой. Чокан называл его «Вестминстерским аббатством Мокрого». Рядом с ним был небольшой дом с обращавшими на себя внимание ставнями, в которых были прорези в виде сердечка; эта была квартира Дурова.

Мы виделись с Чоканом часто. Или я ходил к нему на Мокрое, или он заезжал ко мне. «Вестминстерское аббатство Мокрого» я как будто сейчас вижу; осталось оно у меня в памяти потому, что всякий раз я должен был проходить мимо него, когда шел к Чокану. Домик, в котором он жил, был деревянный одноэтажный, приземистый, окна у самой земной поверхности; внутри квартиру Чокан умел устроить уютно; он любил хорошую барскую

обстановку; стол его был уставлен дорогими безделушками, расположенными в красивой симметрии. Одевался Чокан всегда с иголочки; зимой ходил в военной шинели с бобровым воротником, ухаживал за ногтями и на одном пальце отпускал ноготь по-китайски. Очень любил Чокан красивые вещи, и портсигаров у него была целая коллекция. Выбирал он, однако, не за дороговизну, а за какую-нибудь мысль, которую умел прочесть в рисунке. На одном портсигаре была изображена крыса, сверлящая буравчиком земную поверхность. Это, по мнению Чокана, был изображен геолог.

В это время по Западной Сибири путешествовал П. П. Семенов, сначала он проехал через Омск в Заилийский край и посетил окрестности Иссык-Куля и Хан-Тенгри, высшей точки в Тянь-Шане, а на зиму выехал в Барнаул. Проездом через Омск он познакомился с Гутковским и в доме его увидел Чокана. П. П. Семенов поддерживал в Чокане стремление ехать в Петербург для того, чтобы прослушать университетский курс по восточному факультету. Я застал Чокана с восторженными воспоминаниями о только что проехавшем путешественнике. И еще бы Чокану не обрадоваться этому знакомству. Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения киргизского племени к этой истории, среди которого являлись имена древних народов — усуней, киреев, найманов — в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа. Когда он перечитывал о хунну, о тукиу, о жуан-жуанях и уйгурах, вдруг приезжает в Омск переводчик Риттера, который только что перевел тот том «Землеведения Азии», который трактует этот предмет и старается распутать его. П. П. Семенов привез рукопись перевода и часть ее дал Чокану прочесть.

Чокан строил план, что он и я сначала отправимся в Петербург слушать лекции в университете; я должен был поступить на естественноисторическое отделение физико-математического факультета; я тогда откуда-то добыл «Русскую фауну» Симашко и увлекался естественной историей. Чокан должен был прослушать курс на восточном факультете. По выходе из университета, предполагалось, [что] мы поедем путешествовать в Среднюю Азию, в непроницаемый Китай. Он увлекался этим планом и без удержу строил воздушные замки. Меня сдерживало сознание моего крепостного положения. Как казак, я должен был трубить двадцать пять лет лямку казачьего офицера и не смел думать ни об университете, ни о путешествии в Среднюю Азию. Я иногда высказывал мнение, могу ли я ему сопутствовать, но он не унимался и продолжал развивать перед мной свои фантазии. Ему доставляло удовольствие вслух мечтать о любимой цели, и в то же время стыдно было, что он сочиняет свой роман перед человеком, у которого только слюнки текут от его рассказа, и из жалости ко мне он всегда не-

пременно пристегивал меня к своему стремени и заставлял вместе с собой бродить по берегам Кукунора, карабкаться на вершины Тибетских гор, отыскивать развалины Каракорума, могилу князя Ярослава в Монголии или ставку среднеазиатского хана*[69], к которому ездил Земарх послом от византийского императора Юстиниана.

В это время Чокан познакомил меня с Гутковским; Гутковский поручил мне разбор Омского областного архива. Гутковский управлял тогда киргизами Сибирского ведомства. Первые по времени тома областного архива, или «столпушки», как называл их архивариус, состояли из бумаг бывшей в прошлом столетии «Военно-походной канцелярии генерала Киндермана». Киндерман был начальником войск, расположенных по пограничной линии от Звериноголовской крепости до Омской, и заведовал всякими сношениями с пограничными народами. Это относилось к половине прошлого столетия. Соседями пограничной линии были киргизская Средняя орда, ханом которой был Аблай, дед Чокана, и Джунгарское (Калмыцкое) ханство, в архивных делах называвшееся Зенгорским. В архиве генерала Киндермана сохранились известия о приходе на линию зенгорских караванов из Кашгара и Яркенда с показаниями о родах товаров, рассказы лазутчиков, которых Киндерман посылал под разными предлогами в Зенгорские земли и т. д. Я принялся за это дело усердно, и эта работа еще более приблизила мои вкусы к одинаковым занятиям с Чоканом. Чокан часто заезжал ко мне, чтобы узнать, не откопал ли я что-нибудь новое, интересное. Как мы рады были, собственно как рад был Чокан, когда я наткнулся на известие о насильственном переселении народа киргизов из Енисейской губернии в долину р. Чу в Туркестане, совершенном каким-то зенгорским генералом.

П. П. Семенов, отправляясь во вторую поездку, вновь заехал в Омск. Он слышал обо мне еще в Алматах (нынешний Верный) и хотел меня видеть. Прихожу со службы домой и вижу на столе лист бумаги, на котором почерком Чокана написано: «Был у тебя с П. П. Семеновым. Жалеем, что не застали дома». Я бросился к Чокану на Мокрое, но только что вышел на ближайшую площадь, как вижу — ко мне направляются сани и в них две фигуры, из которых одна в военной шинели с бобровым воротником. Я узнал по этой шинели Чокана, его спутник был П. П. Семенов. Все мы трое вернулись в мою квартиру. П. П. заинтересовался моими архивными работами, пересмотрел гербарий, собранный мною на Алтае, прочел мне лекцию по систематике растений и кончил тем, что сказал, что оба мы должны ехать в Петербург, что провинциальная жизнь может затереть нас. Это особенно было верно по отношению ко мне. Он обещал хлопотать, чтобы мне было дозволено поехать в Петербург, и уверил меня, что исключение из правила — дело не невозможное. После этого я стал тоже надеяться выбрать-

*[69] Точнее: *тюркского кагана.*

ся в Петербург, и проект Чокана совместного путешествия перестал казаться несбыточной мечтой.

Политические мои убеждения сильно расходились в это время с убеждениями Чокана. В течение 5 лет, как мы не виделись, Чокан все [это] время провел в Омске, в большом городе, где существовал кружок интеллигентных людей; я большую часть прожил в захолустьях, в Алматах или в одной из казачьих станиц на Алтае. А за это время большие перемены совершились; произошел севастопольский погром[9] появились «Губернские очерки» Щедрина, начал издаваться «Русский вестник» со статьями Громеки, Тургенев сделался любимцем публики, выступил Чернышевский. Новые веяния донеслись и до Омска. В какое-нибудь алтайское захолустье они доходили только с газетой или книгой, в Омск заносились и живыми людьми. Через Омск тянулись тогда освобожденные из ссылки декабристы и петрашевцы; некоторые группы назначили в Омске съезд для свидания. В обратную сторону провезли Бакунина — «саксонского короля», как публика звала его в сибирских городах*[70].

В Омск начали наезжать свежие люди. В кадетский корпус учителем приехал Лободовский, приятель Н. Г. Чернышевского. В семейство Капустиных возвратился из Казани, только что кончивши курс, студент С. Я. Капустин*[71].

Самое сильное влияние на Чокана имел Дуров. Он отзывался о нем как о человеке с необыкновенными идеями и собирался как-нибудь свезти меня к нему. Между тем у нас с Чоканом происходили большие споры в его квартире; каждый раз я уходил от него разобиженный, потому то чувствовал себя всегда побитым по всем пунктам, но разубедить меня все-таки Чокан не мог. Я все-таки думал, что моя сторона правая, только я не имею ни тех знаний, ни того искусства, какие были у Чокана, чтобы спорить с ним.

Однажды Чокан приехал ко мне и сказал, что он намерен меня свезти к Дурову. Мы поехали. Чокан познакомил меня с Дуровым, но сам у него долго не оставался, вскоре уехал, рассказавши ему только анекдот, случившийся в тот же день утром. Чокан был дежурным в доме генерал-губернатора. Последний, распекая в этот день какого-то явившегося к нему чиновника, поручил Чокану от-

---

*[70] Гасфорт, генерал-губернатор Западной Сибири, пожелал видеть Бакунина, и его привезли к нему. Дежурным был Чокан, так что он присутствовал на аудиенции. Гасфорт разговорился о венгерской кампании и упомянул Германштадт, Бакунин перехватил: «Под которым русские были разбиты». А ими командовал Гасфорт; он любил похвастаться Германштадским делом. В Сергиополе рассказывали, как однажды Гасфорт, осматривая сергиопольские земляные укрепления, попросил у инженера карандаш. У того не оказалось. «Офицер всегда должен иметь при себе карандаш». Он вынул из жилетного кармана карандаш и, показывая его офицерам, сказал: «Вот карандаш, которым были написаны переговоры под Германштадтом». *(Примечание Потанина).*

*[71] Известный потом автор статей о русской крестьянской общине. *(Примечание Потанина).*

вести его на гауптвахту, которая была на одной площади с генерал-губернаторской квартирой. Чокан со своим спутником подходит к гауптвахте и видит, что перед гауптвахтой расхаживает офицер, а под навесом в тени сидят два чиновника, арестованные раньше, и играют в шашки. Завидев генерал-губернаторского адъютанта с товарищем, игроки оставили игру, и, улыбаясь, закричали: «Ведут! ведут!». Дуров немедленно оценил прелесть рассказа и заметил: «Точно картинка из Диккенса!»

Я провел у Дурова целый вечер. Он произвел на меня сильное впечатление, [в душе у меня произошел] настоящий переворот. Ни один человек так сильно не действовал на меня прежде. Умение осторожно и гуманно обращаться с чувством другого человека сразу установило во мне доверие к этому человеку; передо мною был человек более 45 лет, разрушенный болезнями, наполовину труп; только глаза блестели живым огнем. Более всего он произвел на меня впечатление своей верой в будущее России и в прогресс человечества; он с искренней радостью встречал энтузиазм юноши, вдохновляемого наукой и стремлением [ехать] в университет. Я видел Дурова всего один, только этот раз. Через месяц после этого, он уехал в Одессу, а потом за границу, где вскоре и умер*[72]. Я ушел от него единомышленником Чокана, и споры между нами прекратились. Хотя этот вечер собственно есть эпизод из моей жизни, а не Чокана, но я привел его потому, что, несомненно, Дуров играл большую роль в воспитании Чокана. Он на меня произвел такое впечатление в течение одного вечера; Чокан же находился под постоянным его влиянием не менее, вероятно, года (от выхода Дурова из тюрьмы до отъезда его из Омска).

Дуров в этот вечер отозвался мне о Чокане, что он много успел начитаться в литературе, относящейся до ближайшего к нему Востока, но очень беден общим образованием. Начитанность Чокана по Востоку удивляла и других, конечно, относительная, принимая в расчет, что он приобрел ее, не выезжая из провинциального города. П. П. Семенов также удивлялся тому, каким образом он мог составить в Омске богатую библиотеку по своей специальности*[73].

---

*[72] Дуров приобрел жестокий ревматизм в тюрьме. Плац-майор Кривцов, заведуя военным острогом, вымогал у Дурова взятку; он думал, что Дуров богат. Но родственники Дурова не только не помогали ему в несчастии, но даже воспользовались событием, чтобы присвоить себе наследство Дурова. Поэтому Дуров говорил, что он не признает чувства родства обязательным. Ему помогали друзья, но их присылок хватало только на чай. Кривцов не верил ему и приказывал употреблять его на тяжелые работы, выкатывать бревна из реки в осенние морозы и т. п. Его нарочно гнали в холодную воду, и он схватил ревматизм, который причинял ему жесточайшие мучения. *(Примечание Потанина).*

*[73] Действительно, надо было удивляться его искусству добывать книги. Так, например, в Омске у него был уже полный оттиск статей Вельяминова-Зернова о сношениях с киргизскими ханами из «Оренбургских ведомостей», составлявших и тогда большую редкость. *(Примечание Потанина).*

В 1858 г. я оставил Омск; весной 1859 г. я был уже в Петербурге и поступил вольнослушателем. Чокан остался в Омске. В это время нашей разлуки Чокан совершил свою поездку в Кашгар. Западносибирское начальство хотело собрать сведения о так называемом Шестиградии (Алтышаре)... Проникнуть туда можно было только инкогнито. Предприятие выполнить поручили Чокану, а помочь этому делу взялся семипалатинский «гость», выходец из Туркестана, Букаш*[74], который вел постоянную торговлю с Кульджой. Букаш вспомнил, что лет 20 назад в Семипалатинск выехал кашгарский торговец с малолетним сыном, которого звали Алимом. Из Семипалатинска кашгарец уехал в Саратов, и что с ним случилось, в Семипалатинске было неизвестно. Букаш знал только, что семейство это в Кашгар не возвращалось. Букаш придумал отправиться в Кашгар с караваном, взять с собой Чокана и выдать его за Алима, так как годы Чокана как раз были подходящими.

Чокан обрил голову, переоделся в азиатское платье, мундир с эполетами сменил на бешмет и отправился с караваном. В Кашгаре поверили Букашу, родственники Алима встретили мнимого Алима радушно, затаскали Чокана по гостям, угощали его, устраивали для него пиры и по алтышарскому обычаю женили его на временной жене (Алим приехал ведь только посмотреть родню и должен был возвратиться к отцу в Саратов). Написали бабушке Алима, жившей в Кокандском ханстве за хребтом, письмо, что Алим выехал; бабушка выслала внуку аракчин, расшитый золотом. Проживши зиму в Кашгаре, Чокан с Букашем пустился назад. Кашгарские власти узнали, что под именем Алима был переодетый русский офицер, и послали погоню вслед за караваном, но погоня эта не могла догнать каравана в пределах Алтышарского ханства, не посмела преследовать его в русских пределах и вернулась в Кашгар.

Долго Чокан не ехал с отчетом в Петербург. Азиатский департамент Министерства иностранных дел вызывал Чокана, но Чокан сидел в Омске, он старался убедить Чингиса Валиевича назначить ему содержание на время петербургской жизни; отец, имея большое семейство на руках и зная мотовство сына, хотел ограничить его небольшой суммой. Эти переговоры длились довольно долго и едва-едва пришли к концу, вероятно, не без влияния Гутковского.

Чокан в Петербурге. Он был прикомандирован к Главному штабу; ему было поручено составлять или редактировать карту Азии, которую Штаб готовился издать. За это он получил особый плакат; отец также помогал; вместе с жалованьем он имел едва ли не до 3000 руб. в год. Жил он обыкновенно на южной стороне, но улицы я перезабыл. Помню одну его квартиру в Новом переулке

*[74] Из какого Туркестана выходцем был Букаш, не знаю. Первоначально он имел свой «курган», усадьбу, в киргизской степи, в горах Аркат, к югу от Семипалатинска, а потом переехал в Семипалатинск. *(Примечание Потанина).*

около дворца великой княгини Марии Николаевны. Конечно, после приезда тотчас же он перезнакомился с ориенталистами, был у Березина, Казембека, Васильева[10]. Из литераторов он чаще всего встречался с Достоевским и Крестовским. Он рассказывал, будто бы в его квартире было последним написано наделавшее в свое время шуму и получившее отповедь Добролюбова стихотворение Крестовского «Об испанской актрисе и нищем»*[75]. Был ли он представлен Тургеневу, я не знаю, не помню; кажется, был.

Чокан рассказывал, что однажды, когда он изображал «гром и молнию Невского проспекта» (современное выражение «Искры»), т. е. когда шел по Невскому, отпустив на длинном ремне саблю, Тургенев удостоил его своим вниманием и наступил ему на саблю. Это, вероятно, Чокан присочинил.

Для своих товарищей сибиряков, бедных студентов, Чокан устраивал особые вечера. На этих вечерах собиралось человек до десяти[11]. На них я встречал омича Анненского*[76] и Голубева[12], офицера Генерального штаба, которого, кажется, было предположение назначить русским консулом в Кашгар и который потом в качестве астронома путешествовал в Семиречье.

Кроме П. П. Семенова Чокан бывал также у Бекетова.

На Восточный факультет Чокан не заглядывал[13]. Вставал он с постели в двенадцать часов, никогда ранее и, может быть, иногда позднее. Понятно, что для него посещение лекций было невозможно. Но на модных тогда лекциях Костомарова и некоторых других профессоров он появлялся. Вел жизнь в Петербурге веселую, участвовал в пикниках, [присутствовал] на гуляньях, ездил в театр, водился с гвардейской молодежью и участвовал в ее кутежах. Он обыкновенно не пил, но мотал деньги на увеселения. Петербургский климат, петербургские квартиры и такой образ жизни сильно подвинули вперед расстройство организма, которое впервые сказалось еще во время кадетской жизни в Омске. Хотя его во время пребывания в кадетском корпусе ежегодно отсылали в степь к отцу, в Сырымбет, тем не менее он вышел из корпуса с задатками чахотки. В Петербурге он пробыл едва ли более года; проведя [здесь] одну зиму, он почувствовал такое ухудшение здоровья, что доктора стали гнать его на родину. Он говорил мне тогда, что он едет собирать киргизские сказки. Тогда, уже начал собирать тюркские сказки Радлов, и, вероятно, вопрос о киргизских сказках был поднят в Академии наук.

В 1864 г. я оставил Петербург и принял участие в экспедиции астронома Струве в качестве коллектора. Струве путешествовал одно лето в Южном Алтае, другое — в Тарбагатае. Я ему сопутст-

---

*[75] Чокан любил иногда и присочинить. Когда на него нападал припадок злости, он приписывал себе пороки, от которых волосы дыбом становились, для того, только, чтобы поиздеваться над пуританством приятеля-плебея. *(Примечание Потанина).*

*[76] Известный статистик, жена которого составила переделку «Робинзона Крузо», изданную Лесевичем. *(Примечание Потанина).*

вовал в обеих поездках, а на зиму в промежуток между поездками выезжал в Омск. В это время Чокан выехал в Омск из Сырымбета. Он прислал за мной, так как не мог ко мне прийти. Я застал его лежащим посредине комнаты под киргизскими лисьими шубами. Подле него на полу лежала раскрытая книга Абель Ремюза «Historia de la ville de Khotan». Чокан встретил меня словами: «Разлагаюсь!» Он мне показал какую-то шишку, появившуюся у него на носу. Он был очень грустен и жаловался на начальство. Гутковского тогда уже не было в Омске, генерал-губернатором тогда был Дюгамель. Хотя новый генерал-губернатор был человек добрый и просвещенный и желал сделать добро краю, но во главе управления киргизами уже не стояло человека вроде Гутковского. Чокана если и ценили, то не так, как при Гутковском. Впрочем, секретарем управления киргизами был Лещов*[77], который был в приятельских отношениях с Чоканом. Шишку доктора скоро прогнали, но полное здоровье к Чокану уже не возвращалось. Впрочем, он встал с постели и начал выезжать.

В половине зимы я уехал на озеро Зайсан. Таким образом, в это время я виделся с ним не более как в течение двух или трех месяцев. С Зайсана к весне я возвратился в Семипалатинск и ждал тут приезда Струве, чтобы ехать с ним в Тарбагатай. Весной проехал через Семипалатинск генерал Черняев по дороге в Верный. Он ехал брать Ташкент. За ним потянулись инженеры, артиллеристы, а далее ученые и литераторы. Приехал ориенталист Н. А. Северцов, проехал приглашенный из Тобольска литератор Южаков*[78], чтобы принять участие в экспедиции. В Семипалатинске шутили, что это вроде египетской экспедиции Наполеона выходит. Черняев пригласил и Чокана. Но он проехал через Семипалатинск позже, когда мы со Струве были уже на Тарбагатае. Так я более Чокана уже и не видел.

При взятии Аулие-Ата зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками его, т. е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым, и уехал в Верный, оттуда перебрался в аул султана Тентека*[79], управлявшего албанами (род Большой орды), кочевавшими к западу от Кульджи. Здесь он женился на дочери*[80] Тезека, но вскоре здесь же, на границе с Китаем, и умер. Он был похоронен близ дороги, ведущей из Копала в Верный, в степной долине, расстилающейся вдоль подо-

---

*[77] Лещов теперь служит в одном из петербургских министерств и может порассказать о судьбе Чокана за это время лучше и доставить более верные сведения, чем я. *(Примечание Потанина).*

*[78] Южаков прославился в свое время паломничеством в Святую землю, напечатал два рассказа в «Современнике» о своем пребывании в Бейруте и Болгарии, пешком пришел в Петербург из Сирии и попал в «Искру» в числе других «Калик перехожих». *(Примечание Потанина).*

*[79] Так в тексте, следует *Тезек,*

*[80] Не на дочери, а на сестре Тезека Айсаре.

швы хребта Алтын-Эмель. Над его могилой был построен деревянный памятник вроде здания мечети[14]. Впоследствии генерал Колпаковский построил тут каменный памятник*[81].

Черты лица у Чокана были монгольские; он сам говорил, что султанское сословие, «белая кость» (ак сюек), отличается чертами лица от «черной кости» (кара сюек). У черной кости будто бы эти черты разнообразны, потому что она смешанной крови, составилась из разноплеменников и по типу ближе к западным тюркам. Султаны же — чингизиды — монгольской крови и потому черты лица их однообразнее и представляют выдержанный монгольский тип. Но тем не менее он не был безобразен; лицо его можно было назвать даже миловидным, так эти черты были облагорожены. Европейское платье и европейские манеры носить волосы окончательно порабощали «монголию».

Чокан был большой лентяй. У него хватало терпения записать сказку или предание, но привести свои бумаги в порядок он никогда не мог. Говорили, что у него был большой портфель с материалами о киргизах*[82], но куда все это девалось, неизвестно. Эти записи его я сам отчасти видел. Им была записана большая сказка дикокаменных киргизов о Манасе, отрывки которой он мне читал. Я собирался переписать и привести в порядок его бумаги, но в Петербурге время уходило на заработок куска хлеба и так я пробирался. Часть [бумаг], конечно, погибла в ауле Тезека. Рассказы Чокана с киргизах были очень интересны. Конечно, он мог бы очень занимательно написать историю киргизских восстаний под предводительством его дядей Саржана и Кенесары. Рассказы об этой истории он оживлял отрывками из киргизских песен, пояснениями посредством поговорок, народных преданий, народных обычаев и обрядов. Степь тогда разделилась на две партии: русскую и национальную; последняя почему-то называлась ак арка (белая поясница). Более решительные сторонники последней держались кочевьем южнее, ближе к Голодной степи. Антагонизм двух партий [про]являлся во всех явлениях жизни, даже в тенсонах*[83] киргизских певцов на тризнах. Памятно было в народе состязание между двумя певцами на тризне по богатому бию Сапаку[15], тут певец Утебай[16] пел куплеты, в которых доказывал пользу для киргизского народа от подчинения русской власти, а другой певец оспаривал его доводы.

Чокан рассказывал также анекдоты о более старинном киргизском импровизаторе Джанаке. Чокан знал много двоестиший или строф, сказанных Джанаком по разным случаям,— после того как хан подарил ему жену, при отдаче кожи кожевнику для выделки. Особенно интересны сатирические стихи, в которых Джанак опи-

---

*[81] Точнее: *Надгробный камень из белого мрамора с надписью.*

*[82] То есть *о киргизах и казахах.*

*[83] В данном случае речь идет о поэтических состязаниях киргизских акынов, защищавших интересы противоположной группировки или партии.

сывал свою поездку к джатакам и в которых он смеется над полуобруселыми, бросившими степные обычаи своими соплеменниками, живущими около казачьих станиц, смеется над витязями, ездящими верхом на быках, в холщовых шароварах вместо плисовых с «матушкэ» (так он называл киргизку-джатачку) за спиной.

Чокан старался доказывать, что киргизы — мирный народ, это не наездники-грабители, это мирные пастухи. Посмотрите, говорил он, на их одежду, на их оружие. Чекмень с патронами, ятаганы и прочее им неизвестны; одежда киргиза — халат, оружие — жердь, посредством которой он ловит лошадей в табуне.

Народ свой он любил, это бесспорно; с прислугой из киргизов, с киргизами-просителями он обходился не всегда гуманно и нежных чувств, может быть к киргизскому простонародью не питал, но он хотел ему добра, и служить будущему своего народа было его мечтой. Он говорил, что прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество; одна любовь заключена была у него в другую, как те кунгурские, один в другой вставленные, сундуки, которыми знатные люди в Средней Азии любят одаривать друг друга. «Когда русские бьют киргизов, я восстаю против русских,— говорил он; когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских».

Жизнь в Петербурге и знакомство с кутящей богатой молодежью отразились дурно на его привычках; он вдруг приобрел такие привычки, как будто вырос в положении барчонка. Входил и выходил из дома, не запирая дверей, кто-нибудь другой был обязан запирать за ним. Встав с постели, он призывал своего слугу киргиза; опрометью прибегал киргиз, неся лисий бешмет, и держал его в воздухе над спиной Чокана, не смея положить его. Чокан молча и рассеянно стоял посреди комнаты и не отдавал приказания; киргиз не смел четверть часа двинуться с места и стоял как вкопанный с распростертою в воздухе шубой. Таких барских привычек образовалось у него много. Но свои демократические убеждения он продолжал высказывать резко. Однажды на майском параде стоявший позле него какой-то молодой князь, которого толкнул какой-то серый кафтан, сказал: «Что это не почистят публику?» Чокан быстро заметил ему: «А вы читали, как Разин чистил публику?» Тогда только что вышла статья Костомарова.

В Омске это был самый злой язык, бритва. Его меткие слова, остроты или сочиненные им анекдоты подхватывались городской молвой. Он не останавливался перед сочинительством: часто, преследуя противника, выдумывал о нем небывалый анекдот, но по большой части так метко и вероподобно, что все верили. Об одном генерале, который получил Владимира и старался распахивать шубу, чтобы и зимой видели орден, он сочинил, будто бы он банты из владимирской ленты прикрепил на свои галоши. О генерал-губернаторе, который воображал о себе как о превосходном администраторе, а прославился «проектированными начальством горами», «вооруженными гумнами», «высочайше утвержденной ре-

лигией»*[84] и ходатайством о постановке ему памятника при жизни, Чокан сочинил, будто когда он оставил свой пост и когда Чокан первый привез ему известие, кто назначен на его место, генерал возразил: «Но ему там нечего делать! Я все докончил». Генерал думал, что он завел в крае такое благополучие, что другим генерал-губернаторам оставалось только лежать на боку. Кто знал генерала, не мог не сознаться, что анекдот сочинен необыкновенно метко.

Любил ли Чокан, не знаю. В Омске у него были увлечения, но они далеко не заходили, и оканчивалось дело тем только, что он более обыкновенного декламировал стихи Полонского и Майкова. Он говорил, что он не может жениться на русской девушке, потому что хочет служить своему киргизскому народу, а для этого должен остаться мусульманином. В действительности в религиозных вопросах он был рационалист.

В характере Чокана были черты, напоминающие черты характера Пушкина или Лермонтова. Преследовать насмешками кого-нибудь была у него какая-то духовная потребность, причем он иногда был неразборчив, что и кого он преследует.

Не щадил он своих ближайших друзей и смеялся не только над смешными действительно чертами или пошлостью, но и над физическими недостатками. Но это не мешало обнаруживать по временам самую нежную привязанность к своим друзьям, особенно после длинной разлуки. Но проходит месяц, другой, и эта привязанность куда-то прячется. Точно он не видит хороших качеств своего друга, а видит в нем только то, что мелочно и пошло. И он начинает его пилить и язвить. Нужно, чтобы с другом что-нибудь случилось — разлука или тяжкая болезнь, чтобы в Чокане снова обнаружилась с прежним жаром привязанность к другу и нежная заботливость.

Если б Чокан имел в киргизском народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единоплеменников.

Чокан жил со своими современниками, обменивался с ними своими страстями, но интересовался судьбой больше людей будущего. Он ничего не сделал для будущего своего народа, которому хотел быть полезным, но что он мог сделать? Написать историю своего народа, составить сборник сказок, составить собрание народных обычаев или описать быт своего народа? Все-таки частные

---

*[84] «Вооруженные гумна»— в Копале барантачи нападали на косцов, жнецов и жниц; генерал проектировал вокруг крепости Копальской устроить гумна, окруженные брустверами. «Проектированные горы»— генерал велел на карте Киргизской степи обозначить горы, где они, по его мнению, должны быть, хотя топограф в действительности их не видел; «высочайше утвержденная религия»— Гасфорт вывез в Петербург предположение составить переходную религию, смесь ислама с учением Христа, чтобы облегчить киргизам переход в христианство. «Высочайше утвержденная религия»— это выражение любил употреблять К. Д. Кавелин, когда рассказывал о проекте Гасфорта. *(Примечание Потанина).*

задачи не могли удовлетворить такую натуру, как Чокан. Настоящее призвание его было сделаться киргизским публицистом или литератором, пишущим для киргизских читателей, а жизнь хотела из него сделать ученого-ориенталиста или русского литератора, пишущего о киргизах.

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ

СКАЗАНИЕ О ЕДИГЕ И ТОХТАМЫШЕ ПО РУКОПИСИ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ

Издаваемая киргизская рукопись состоит из двадцати пяти листов форматом немного более четверти обыкновенного листа писчей бумаги (22×19 *см*). Переплет черный, картонный. Текстом сказания о Тохтамыше и Едыгее заняты листы 2—24 (включительно), а на первом и последнем листах помещены только кое-какие приписки, по большей части не имеющие никакого значения.

Рукопись не носит никакого киргизского заглавия; заглавие «Едыге бий» дано мною[1].

При издании текста мы сочли за л. 1 ту страницу рукописи, с которой начинается текст сказания. В изданных под редакцией проф. Н. И. Веселовского в XXIX томе «Записок по отделению этнографии Императорского Русского географического общества» Сочинениях Чокана Чингисовича Валиханова (стр. 223—225) мы находим следующие сведения об издаваемой рукописи: «В первый раз Ч. Валиханов услышал эту былину, или, как он ее называет, рапсодию в Аман-Карагайском округе, в кочевьях небольшого аула керлеут-кыпчаков от акына Джумагула в 1841 г.; первый список был сделан султаном Чингисом Валихановым со слов...*[85] кыпчака Джумагула, второй сделан им же с добавлениями из устных преданий разных лиц, третий список был сделан со слов Арсланбая, и, наконец, из этих трех списков Чокан вместе с Чингисом составили в 1842 г. свод, переписанный Ахмедом, с которого, по всей вероятности, и был сделан перевод, помещенный на стр. 233—264 Сочинений Ч. Ч. Валиханова. Перевод этот остался недоделанным, а потому небезупречным, хотя, конечно, общий ход рассказа передан правильно и многие трудные частности верно истолкованы; с другой стороны, есть места, неверно переведенные*[86].

Вследствие этого издаваемый ныне текст является особенно ценным. Рукопись, переписанная вышеупомянутым Ахмедом, была, несомненно, просмотрена еще раз, по всей вероятности, Ч. Ва-

*[85] Точки означают пробелы или неразобранные места рукописи Ч. Валиханова. *(Все подстрочные примечания Мелиорансково).*

*[86] Некоторые пропуски и отклонения в переводе Ч. Валиханова от печатаемого нами текста возможны потому, что он переводил с какого-нибудь другого списка, напр., со второго списка Чингиса.

лихановым, который снабдил ее довольно большим числом поправок, добавлений и внес их чернилами и карандашом. Все, что поддалось разбору и представляло интерес по этой части, включено в наше издание*[87]. Наиболее важна заметка на полях л. 10 а, на котором и в текст внесено тою же рукою несколько вариантов; заметка эта гласит: «Султан Чоканның китабиде шу», т. е. «Так в книге (т. е. списке) султана Чокана». Из этой заметки видно, что существовал еще какой-то список или версия Чокана[2]; не из него ли внесены вообще все варианты текста, имеющиеся в нашей рукописи?

Что касается разметок, [с помощью] которых Ч. Валиханов хотел, по-видимому, изменить кое-где порядок стихов, то, к сожалению, они делались им «для себя», а потому постороннему человеку очень трудно в них разобраться. Безусловной необходимости в перестановке стихов мы нигде не нашли, и, не зная, чем руководствовался Ч. Валиханов в своих разметках, предпочли напечатать текст в первоначальном порядке самой рукописи. Как кажется, особенно желал Ч. Валиханов исправить в этом отношении текст начала прощальной песни Тохтамыша (лл. 17в и 18а), но нам и тут не удалось проникнуть в его намерения; вообще же говоря, таких разметок в рукописи очень немного. На первой странице рукописи (т. е. на лицевой стороне первого листа, не занятого текстом былины) имеется запись: «Эдыге. Джир. 1841 г. Декабрь (sic!). Звериноголовская станица».

На последней странице читается (неизвестно чья) заметка: ٦٧ نچی یلنده ایپول ننك ٨ یومنده چنكعز سلطان اولنه كیلوب بر آی یاریمدای قوناق بولیب صحت سلامت ایلكا قایتدیق, т. е. 67 года седьмого*[88] июля прибыв в аул султана Чингиса и прогостив (там) около полутора месяцев, мы благополучно возвратились к народу (т. е. домой).

Другие заметки на свободных от текста страницах и переплете ровно никакого интереса не представляют.

Как и большинство киргизских былин, былина о Тохтамыше и Едиге оказывается отчасти прозою, отчасти стихами. Стихотворных отрывков (по-киргизски جیر — *джыр)* значительно больше, чем прозы*[89]. Для отделения стихов друг от друга в рукописи употребляются особые розетки, переданные в нашем издании звездочками. Этими же розетками отделяются иногда друг от друга более значительные отделы текста, вследствие этого деление на стихи местами не вполне ясно.

Как известно, народное киргизское стихосложение (особенно

*[87] Некоторые заметки сделаны крайне неразборчиво, другие поистерлись; несмотря на все эти поправки, текст, несомненно, не был еще вполне проверен и установлен Ч. Валихановым.

*[88] Описка, надо читать: *восьмого. (Ред.).*

*[89] Стихи появляются не только тогда, когда герои начинают говорить, как почему-то пишет Ч. Валиханов. *(Соч., стр. 225).*

размер джыра) научно еще не вполне исследовано, а потому и нам не удалось всюду провести деление текста на стихи. Там, где параллелизм, одинаковость окончаний стихов и тому подобные признаки делали расчленение текста на стихи несомненным, нами были добавлены упомянутые разделительные звездочки, но кое-где мы сочли за лучшее от этого отказаться. В ( ) заключены некоторые вставки в текст, сделанные нами.

Орфография нашей рукописи оставляет желать очень многого с точки зрения не только арабско-персидской, но даже джагатайской или литературно-татарской грамотности[3]. Однако в этом отношении мы воздержались от каких бы то ни было поправок. Как и все киргизские рукописи, наша рукопись в то же время не вполне свободна от влияния татарского литературного правописания; чисто киргизские фонетические переходы в ней не везде переданы буквами и т. п.

Необходимо упомянуть отдельно об одной особенности почерка (тоже далеко некрасивого с точки здения людей, привыкших иметь дело с «хорошими» джагатайскими или персидскими рукописями): буквы, особенно состоящие из зубчика или нескольких зубчиков, соединяются со следующей буквой часто не прямо, а при посредстве особой, лишней соединительной черточки, которую трудно, иногда даже невозможно, отличить от зубчика. Если принять во внимание, что точки местами расставлены небрежно, а кое-где положительно являются лишними, мы в подобных случаях прямо придерживались обычной орфографии. С другой стороны, зубчики, изображающие буквы, нередко совсем не ставятся, и буква изображается одними точками; в этих случаях мы также ставили надлежащие буквы полностью.

Язык рукописи также несколько отличается от чисто киргизского современного народного языка, образцы которого собраны В. В. Радловым в третьем томе его «Образцов народной литературы тюркских племен» (стр. 1—335). Так, напр., в нашей рукописи встречается неупотребительное в народном языке деепричастие *ғашдан — кашдан,* малоупотребительное (особенно в смысле будущего времени) древнее джагатайское будущее *ғай — кай* и т. п. Особенно интересна форма *боғай* (вместо *болғай),* много раз употребленная на л. 8в. Ввиду большого сходства всего отрывка с параллельным местом ногайской редакции «Предания о Тохтамышхане» (см. у Османова *[90], стр. 35) можно думать, что, по крайней мере, эта часть былины возникла именно у ногайцев и от них уже перешла к киргизам. Найдутся и еще некоторые признаки ногайского влияния, так что весьма вероятно, что и вообще родиною этой былины были Ногайские, а не Киргизские степи[4], что с исторической точки зрения представляется весьма правдоподобным. Впрочем, полный анализ сказания — дело будущего, так что подоб-

*[90] Мы разумеем вышедшую в 1883 г. без заглавия ногайско-кумыцкую хрестоматию этого бывшего лектора турецкого языка на факультете восточных языков.

ные мысли — пока не более как предположения. К особенностям языка (или только орфографии?) принадлежит и окончание *саң* для второго лица единственного числа будущего времени вместо обычного *сын*.

В языке сказания встречается немало редких вообще древних слов и выражений, а также сильно искаженных арабских и персидских слов*[91], что делает его местами трудным для понимания. Несмотря на то, что еще Ч. Валиханов немало потрудился над своим переводом, и мы, в свою очередь, тщательно искали объяснений различным темным местам сказания и имели удовольствие пользоваться при этом любезным содействием г. Жиганшаха Сейдалина (киргиза родом, состоявшего в 1903/4 учебном году на IV курсе юридического факультета С.-Петербургского университета), все-таки некоторые слова и выражения остались для нас неясными. Все они, равно как и вообще различные редкие, искаженные и вследствие этого нелегкие для понимания слова, помещены ниже в особом глоссарии. Объяснения, при которых стоит С., принадлежат г. Ж. Сейдалину.

Чокан Валиханов

В XXIX томе «Записок Императорского Русского географического общества» помещены сочинения Чокана Чингисовича Валиханова, изданные под редакцией Н. И. Веселовского. В этой книге помимо трудов Валиханова, изданных ныне с большими исправлениями и дополнениями, весьма интересны биографические сведения о самом Валиханове, принадлежащие Г. Н. Потанину, Н. М. Ядринцеву и И. И. Ибрагимову*[92]. Если нельзя не признать несколько преувеличенными надежды, возлагавшиеся на Валиханова русскими ориенталистами, которые считали его «феноменальным явлением» и ожидали от него «великих и важных откровений о судьбе тюркских народов»*[93], то, во всяком случае, следует согласиться с заключительными словами Г. Н. Потанина, который лучше, чем кто-либо другой, понимал этого замечательного человека. «Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единоплеменников. Чокан жил со своими соплеменниками, обменивался с ними своими страстями, но интересовался больше судьбой людей будущего. Он ничего не сделал для будущего своего народа, которому хотел быть полезным, но что он мог сделать? Написать историю своего народа, составить сборник сказок, собрание народных обычаев или описать быт своего народа? Все такие частные задачи не могли удовлетворить такую натуру,

*[91] В этом отношении мы не можем согласиться с Ч. Валихановым, утверждавшим (стр. 226), что «в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова».

*[92] Товарищ Валиханова по кадетскому корпусу.

*[93] Выражение профессора Н. И. Веселовского.

как Чокан. Настоящее призвание его было сделаться киргизским публицистом или литератором, пишущим для киргизских читателей, а жизнь хотела из него сделать ученого-ориенталиста или русского литератора, пишущего о киргизах».

Природный аристократ с тонкой психической организацией, Валиханов десятилетним ребенком попал в интеллигентную русскую среду, чрезвычайно благоприятствовавшую развитию его природных способностей. Он воспринял и воспроизвел своею крайне впечатлительною натурою задатки всех тех особенностей, которые были присущи высшим слоям западносибирского общества, столь сложного по составлявшим его элементам, в 50-х годах прошлого столетия. Характерные для тогдашнего рационализма преклонение перед наукою, увлечение литературою с ее ярко выраженными в то время демократическими идеалами и едкою критикою существующих порядков — последние отголоски байронизма и первые порывы в сторону народничества — все это уживалось в Валиханове с барскими замашками крепостнической эпохи и с теми несложными интересами провинциального чиновничества, неизменным центром которого является высшее местное начальство.

Не своими историко-этнографическими этюдами интересен, по нашему мнению, Чокан Валиханов; такой взгляд на него, вполне понятный со стороны современных ему ориенталистов, не без эгоизма желавших использовать образованного и блестящего офицера из знатного киргизского рода в интересах дорогой им науки, грешит в настоящее время непростительною узостью, если даже его высказывает профессор. Валиханов интересен и важен сам по себе, как культурно-историческое явление, ибо на нем можно видеть могучую ассимилирующую силу русского образования. «Народ свой он любил — это бесспорно; с прислугой из киргиз, с киргизами-просителями он обходился не всегда гуманно и нежных чувств, может быть, к киргизскому простонародью не питал, но он хотел ему добра и служить будущему своего народа было его мечтой. Он говорил, что прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество. Одна любовь заключена была у него в другой, как те кунгурские, один в другой вставленные, сундуки, которыми знатные люди в Средней Азии любят одаривать друг друга».

Те общечеловеческие и гуманные идеалы, которые упорно проводила русская школа в XIX столетии, несмотря на самые неблагоприятные для той поры условия, породнили инородческую интеллигенцию с русской духовной культурою, превратив таким путем элементы, первоначально враждебные русскому государственному единству, в силы содействующие, и если когда-либо среди бесчисленных народностей, населяющих Россию, установится возможная гармония интересов, основанная на взаимном доверии и уважении, это будет заслугою, между прочим, русского образования.

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Валиханов, Чокан Чингисович (Мухаммед-Ханафия), путешественник по Средней Азии, род. в 1835 г. в урочище Кушмурун, Тобольской губ., офицер русской службы, киргизский султан, умер в Закаспийском крае летом 1866 г...*[94]

Рассказы спутников кашгарской экспедиции Чокана Валиханова

...рассказывают товарищи Ч. Валиханова по путешествию, какой опасности он подвергался во время его поездки в Кашгар.

— В это время*[95],— говорят они,— аксакалом*[96] в Кашгаре был Насрэддин-датха. Во время правления этого аксакала в Кашгар под видом купца прибыл из России Чокан-торе*[97] и с разрешения Насрэддина вошел в город Кашгар.

Местные власти не знали, кто был этот купец, а если им даже было известно, все равно они бы умолчали. Эти сообщения заимствованы со слов Жулая Мутаби, участника Кашгарской экспедиции Чокана Валиханова. Впоследствии Жулай в течение нескольких лет занимал должность аксакала в Чугучаке. Большого внимания заслуживают рассказы другого участника экспедиции Мухамед Разака Пирназара Маргинани. Он сообщил:

— Накануне нашего приезда в Кашгар уже было подавлено восстание Валихан-тюре. На дорогах между мусульманской и китайской частью города валялись головы людей, подобно камням. Вскоре после нашего приезда их убрали и закопали.

К весне, завершив торговлю и уладив свои дела, мы выехали в обратный путь и прибыли в кочевья киргизов в окрестностях Иссык-Куля. Здесь манапы, зарясь на наши товары с недобрыми мыслями, хотели нас задержать под различными предлогами, но, боясь наказания со стороны России, не осмелились [на какие-либо шаги] и не причинили нам ущерба.

К тому времени известие о нашем задержании дошло до Алматы и оттуда на выручку нас выступил отряд. Как только слух об этом дошел до киргизских элей, они в страхе сразу же откочевали.

---

*[94] Ошибка многих авторов; правильно 1865 г.; к тому же не в Закаспийском крае, а в Семиреченской области, у подножия Алтын-Эмельского хребта.

*[95] То есть в *1858 г.*

*[96] *Аксакал* — в Синьцзяне чиновник, совмещавший должность консула, торгового агента и сборщика пошлины с купцов в пользу кокандского хана. Эта должность существовала в первой половине XIX в.

*[97] *Торе*, то есть *султан* — титул казахской аристократии.

Мы стремились форсировать дорогу и через два дня встретились с отрядом и благополучно избавились от опасности [грозившей нам от некоторых манапов].

В это время киргизские эли, кочевавшие в окрестностях Иссык-Куля, подчинялись Коканду.

В Кашгар прибыли осенью 1859 г.*[98]. После шестимесячного пребывания в этом городе весной шестидесятого*[99] года выехали обратно.

Как только они [т. е. Чокан Валиханов и его спутники] выехали из Кашгара, из Коканда получено грозное письмо, в котором повелевалось: «Тот, о ком вы сообщили, что [он] купец, неверно. Немедленно поймать и убить [его]».

Хотя аксакал с самого начала знал о том, кто он и по какому делу прибыл, однако он должен был исполнить приказание хана и выступил в погоню за ним, но, перейдя несколько переходов, вернулся, не догнав [их]. Это стало причиной того, что хан отозвал Насрэддина в Коканд и казнил его в наказание, что он умышленно пропустил в Кашгар агента.

И. Ф. БАБКОВ

[Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ И ОБЩИЙ ИНТЕРЕС К РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕДИЦИИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА]

6 июня 1858 года состоялось мое назначение обер-квартирмейстером Отдельного сибирского корпуса. Отправляясь в Омск, я без особого сожаления оставил скучный, холодный и болотистый Тобольск, в котором пробыл два года на должности начальника 24 пехотной дивизии...

Омск основан в царствование Петра Великого, в 1716 году, а Омская крепость в 1759 году. В 1838 году при генерал-губернаторе князе Горчакове[1] было переведено в Омск из Тобольска военное и гражданское управление Западной Сибирью. Таким образом, Омск почти с самого своего основания приобрел значение административного центра, которое и удержал за собою и по настоящее время...

Первое, что меня несколько озадачило по приезде в Омск, это иноплеменный состав высших начальствующих лиц: все они по происхождению принадлежали к иностранным народностям и большинство были иноверцы. Корпусный командир генерал Гасфорт, военный губернатор Области сибирских киргизов, имевший свое местопребывание в Омске, генерал фон Фридрихс — оба немцы, лютеране; комендант крепости генерал де Граве и мой пред-

*[98] Точнее *1858 г.*

*[99] Правильно *1859 г.*

местник генерал барон Сильвергельм — оба шведы, лютеране. Помощник военного губернатора полковник Гутковский — поляк, наказной атаман сибирских казаков генерал Кринский[2]— поляк, дежурный штабс-офицер корпусного штаба майор Круликевич — тоже поляк, начальник артиллерии генерал фон Вилькен — немец, начальник штаба генерал Гинтовт, кажется, латвин. Впрочем, его скоро сменил швед Кройерус. Таким образом, на омском горизонте появился еще третий швед, который по усвоенному русскими шведами и немцами правилу тотчас же по вступлении в должность почел долгом позаботиться о своих финляндских собратьях и вскоре успел пристроить двух на хлебные, по тогдашнему времени, должности: майора Амондта на должность командира линейного батальона в Омске, несмотря на то, что этот швед никогда не служил в пехоте и не имел никакого понятия о строевой пехотной службе, в особенности по введенному незадолго перед тем новому уставу. Покровительство начальника штаба Кройеруса помогло Амондту удержаться на должности во время командования корпусом Дюгамеля. Но вскоре по приезде в Омск нового корпусного командира Хрущева[3], он тотчас же был уволен. Другому финляндцу — Гартлингу была предоставлена должность смотрителя омского госпиталя. Этим ходатайством Кройеруса о Гартлинге в Главном штабе были крайне изумлены, как передавал мне впоследствии мой хороший товарищ сибиряк Лавр Никанорович Клугеп, бывший в то время помощником начальника Главного штаба. Неужели, говорил он мне, местное начальство Западной Сибири не могло найти в Омске ни одного подходящего офицера, способного быть смотрителем госпиталя, и заставило нас выписывать непременно шведа Гартлинга с самого севера Финляндии, чуть ли не из Улеаборга! Сам Гасфорт в то время имел чисто немецкий антураж. Так, адъютантом у него были два брата Блюменталь, Экеблад, которого сменил Фридерикс, а потом Врангель. Затем при Гасфорте состояли еще прикомандированные офицеры вроде ординарцев: Гинце и киргиз Валиханов...

[В конце 1861 г.] А. О. Дюгамель предложил мне приготовиться к отъезду в Петербург для личных объяснений по делу о разграничении.

По приезде в Петербург я должен был представляться начальству двух министерств: Военного и Иностранных дел. Прежде всего мне следовало явиться в Азиатскую часть Главного штаба. К моему счастью, я встретил во главе этой части моего доброго и искренне расположенного ко мне товарища по Кавказу Дмитрия Ильича Романовского, с которым я был знаком еще со времени нашей совместной службы в штабе действующего корпуса на Кавказе. Д. И. Романовский окончил курс Военной академии годом раньше меня. По поручению генерал-губернатора А. О. Дюгамеля по некоторым делам, относящимся к Западной Сибири, я должен был представляться и государственному секретарю, управляющему делами существовавшего в то время Сибирского комитета, тайно-

му советнику И. И. Буткову. После И. И. Буткова я считал долгом представиться также и бывшему директору Азиатского департамента сенатору Е. П. Ковалевскому, с которым имел случай познакомиться в одну из прежних моих поездок из Сибири в Петербург. Е. П. Ковалевский принадлежит к числу замечательных русских деятелей, прославивших себя важными заслугами как на ученом, так и на административном поприщах. Изданием описаний предпринятых им путешествий во внутреннюю Африку, Черногорию и Китай он приобрел почетную известность талантливого писателя и знатока Востока. В 1847 г. по приглашению египетского вице-короля Мехмеда-Али Е. П. Ковалевский для исследования золотых россыпей совершил экспедицию в Нубию, где доходил до местности Фатцогло на Голубом Ниле. В 1849 г., сопровождая членов нашей духовной миссии в Пекин, Е. П. Ковалевский содействовал тому своим влиянием, чтобы миссия следовала в Пекин в пределах Монголии по купеческому тракту, несравненно более удобному для переезда сравнительно с прежней дорогой через Аргалинские пески, по которым умышленно водили нашу миссию китайские чиновники и притом каждый раз по разным направлениям с целью ввести нас в заблуждение о прямом и кратчайшем пути, ведущем в Пекин через Монголию. В 1851 г. Е. П. Ковалевский заключил в Кульдже с уполномоченными китайского правительства известный Кульджинский трактат, по которому были открыты для русской торговли города Западного Китая: Чугучак и Кульджа и учреждались в этих городах русские консульства. Удачным заключением этого трактата Е. П. Ковалевский как бы указал на неотложную необходимость прочного занятия нами Заилийского края и водворения в среде киргиз Большой и Дикокаменной орды надлежащего порядка и спокойствия, которые могли бы обеспечить беспрепятственное следование торговых караванов в пределы Западного Китая через земли, занятые сими киргизами. С этой точки зрения Кульджинский трактат имеет важное значение не только в торговом, но и в политическом отношении, послужив энергическим побуждением к продолжению наступательного движения в глубь Средней Азии, начатого генералом князем Горчаковым, который был первым из генерал-губернаторов Западной Сибири, положившим начало занятию нами Заилийского края[4] и сообщившим правительству и ученому миру первые сведения об этой отдаленной окраине нашего отечества. В 1853 г. Е. П. Ковалевский был командирован в Молдавию и Валахию, а в 1856 г. получил назначение на важный и ответственный пост директора Азиатского департамента. Мысль о посылке Валиханова в Кашгар и о необходимости образовать в Ташкенте военно-административный центр для управления Туркестанским краем принадлежит также Е. П. Ковалевскому.

Егор Петрович принял меня, как уже знакомого ему, весьма радушно и очень много и подробно расспрашивал о китайской границе и о происходивших переговорах с китайцами в Чугучаке.

Все его замечания и указания по китайским делам отличались верностью взгляда и были приняты мною с чувством глубокой признательности. Затем наша беседа оживилась воспоминаниями прошедшего и коснулась, между прочим, посылки нашего агента в Кашгар, для чего был избран Г. Х. Гасфортом молодой офицер Чокан Валиханов. Здесь я должен сделать небольшой перерыв и сказать несколько слов о командировании Валиханова в Кашгар.

Чокан Чингисович Валиханов происходил из султанского, т. е. аристократического, рода киргиз Средней орды и был правнуком известного Аблай-хана.

Выпущенный из Сибирского кадетского корпуса корнетом в 1853 г., он вскоре был назначен состоять по особым поручениям при генерал-губернаторе Гасфорте, который, видимо, благоволил к молодому и ловкому киргизу. Такое же покровительство оказывал Валиханову и помощник военного губернатора Области сибирских киргизов полковник К. К. Гутковский. Когда в Министерстве иностранных дел возбужден был вопрос, по мысли Е. П. Ковалевского, о пользе и необходимости послать нашего агента в Кашгар, выбор свой Г. Х. Гасфорт остановил на Валиханове. Цель этой командировки заключалась в собрании сведений политического характера, а также по географии страны и состоянии торговых путей, ведущих из наших пределов в Кашгар.

Валиханов, хотя и киргиз по происхождению, но оказывался наиболее подходящим лицом для подобной командировки по практическому знанию им татарского языка, полученному им образованию в кадетском корпусе и отличавшим способностям и наблюдательному уму. По случаю отправления Валиханова в Кашгар был снаряжен, по распоряжению Г. Х. Гасфорта, особый караван под ведением караванбаши ташкентца Букаша[5], проживавшего в Семипалатинске, а впоследствии на Аркатском пикете, между городами Семипалатинском и Сергиополем. Валиханов же находился при караване в качестве родственника Букаша. Выступив из Семипалатинска в июне 1858 г., караван следовал на г. Сергиополь, Копал и укрепление Верное, а оттуда на р. Чилик к р. Мерке и затем через Санташский проход к р. Тюпу, впадающей в восточную оконечность озера Иссык-Куль. Далее караван следовал через Заукинский проход в Тянь-Шаньском хребте в долину р. Нарына к укреплению Куртка и затем мимо озера Чатыр-Куль и через Теректинский горный проход к Кашгару[6]. Весь пройденный путь от укрепления Верного до Кашгара составлял до 700 верст.

В Министерстве иностранных дел с понятным нетерпением и живым любопытством ожидали сообщения подробностей о поездке Валиханова в неведомый дотоле Кашгар, находящийся в соседстве с Индией и в 350 верстах от Кашмира. Более всех интересовался этим Е. П. Ковалевский, как инициатор этого дела и ориенталист по призванию. Слух о пребывании Валиханова в Кашгаре и о собранных им любопытных сведениях в Восточном Туркестане, или Малой Бухарии, по близкому знакомству Е. П. Ковалевского

с графом Блудовым проник и в высшие петербургские сферы. Произведенное впечатление усилилось еще и тем обстоятельством, что в Министерстве иностранных дел было известно об отправлении также в Кашгар из Индии английского агента известного Адольфа Шлагинтвейта, который впоследствии был убит в Кашгаре.

Между тем оказалось, что редакция Валихановского отчета потребовала много времени. Вследствие чего представление его замедлилось и отчет был получен тогда, когда о Кашгаре и Валиханове уже достаточно поговорили и потом, как это всегда бывает, забыли.

На Е. П. Ковалевского, по весьма понятной причине, все это произвело неприятное впечатление, и он при моем представлении ему в одну из моих прежних поездок в С.-Петербург из Сибири высказал свое неудовольствие Гасфортом за представление отчета в то время, когда впечатление, произведенное удачной поездкой нашего агента в Кашгар, в противоположность той трагической развязке, которой завершилась поездка туда же английского агента, уже успело остыть и мало-помалу совершенно изгладиться.

Вообще, сколько я мог заметить, между Ковалевским и Гасфортом существовали натянутые отношения и последнему иногда приходилось получать из Азиатского департамента депеши, в которых сквозь наружную оболочку вежливого тона прозрачно проглядывали едкие замечания по поводу некоторых распоряжений Гасфорта по пограничным делам.

Чтобы закончить о Валиханове, я должен добавить, что по окончании изготовления отчета о его поездке в Кашгар и представлении Гасфортом этого отчета в Министерстве иностранных дел Валиханов был отправлен в Петербург. Е. П. Ковалевский очень заинтересовался молодым киргизом, совершившим удачное путешествие в глубь Средней Азии и, между прочим, представил его графу Блудову как личность выдающуюся в среде своих собратьев, а главное, как побывавшего в Кашгаре, о котором имелись в то время самые смутные сведения. Словом сказать, Валиханову вначале очень повезло в Петербурге. Но вскоре тамошний климат подействовал разрушительно на его здоровье, и он решился возвратиться в Омск. Оттуда Валиханов отправился в свою родную степь, где женился на дочери*[100] султана Тезека Нуралиева и в 1864 г. умер от чахотки, имея 31 год от роду[7]. Статьи Валиханова: «Очерки Джунгарии» и «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нан-лу» были напечатаны в «Записках Географического общества» 1861 г., а статья о поездке его от Заукинского прохода до Кашгара помещена в «Известиях» общества за 1868 года.

---

*[100] Неверно. Чокан женился на сестре Тезека.

Г. Н. ПОТАНИН

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ЧОКАНА ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИИ ЧЕРНЯЕВА

Весной 1865 г. я уже сидел в Семипалатинске и ждал Струве, чтобы отправиться с ним в Тарбагатай. В это время через Семипалатинск проехал генерал Черняев, имевший поручение занять войсками Ташкент. Это было событие для Семипалатинска. Целый месяц ехали через город участники Ташкентского похода. Кроме инженеров, саперов и офицеров Генерального штаба вслед за Черняевым ехали ученые и в другом отношении интересные люди. В Семипалатинске шутя говорили: «Точно экспедиция Наполеона в Египет». Завоеватель вез с собой блестящую свиту; он хотел ослепить русское общество своим покровительством науке. Из Омска к участию в походе был привлечен мой друг, Чокан Валиханов, из Тобольска — чиновник этнограф Южаков.

Чокан, однако, не участвовал в штурме Ташкента; он разошелся с Черняевым и вернулся с дороги. Подступив к городу Пишпек, первому укрепленному месту на восточной границе Ташкентского ханства, Черняев собирался взять его силой, пообещал солдатам позволить им грабить город в течение одного дня. Чокан, воспитанный гуманной литературой 60-х годов, вращавшийся в кругу петербургских литераторов, поэтов и популярных ученых, водивший знакомство с Достоевским, ботаником Бекетовым и пр., узнав об этом решении генерала, бросился к нему, чтобы уговорить его отказаться от своего намерения. Генерал не согласился, произошел крупный разговор; Чокан разочаровался в Черняеве, оставил отряд и вернулся в Верный.

Г. Н. ПОТАНИН

НАШИ МЕЧТЫ

Омск, где находился кадетский корпус, в котором я учился, стоит у преддверия в Киргизскую степь, тогда еще мало исследованную. Наш инспектор класса, Ждан-Пушкин, говорил, что нам придется служить в Киргизской степи, что мы можем попасть в местности, где еще не бывала нога европейца, и, описав их, можем внести вклад в науку. С такими речами он особенно обращался к кадетам казачьего происхождения; он рекомендовал им выучиться маршрутной съемке, а преподавателя географии просил прочесть кадетам особенно подробно географию Киргизской степи.

К этому прибавилось еще два обстоятельства. Во-первых, мой отец совершил до семи маршрутов, один раз он доходил до Таш-

кента и Кокана (описание его поездки в Кокан было напечатано в свое время в «Военном журнале»). У меня в руках очутились его записные книжки, которые он дополнял интересными рассказами.

Во-вторых, при мне поступил в корпус маленький киргиз, султанский сын Чокан Валиханов, сделавшийся впоследствии моим другом. Это был очень талантливый мальчик. Местное начальство стало смотреть на него как на будущего путешественника. Он очень много рассказывал о киргизском быте; его рассказы так меня увлекали, что я начал их записывать. Вскоре из его рассказов составилась у меня толстая тетрадь. Чокан в это время еще плохо говорил по-русски и сам записывать не мог, но он умел рисовать и иллюстрировал мою тетрадь изображением киргизского оружия, охотничьих снарядов, кожаной посуды и т. п. К концу пребывания в корпусе Чокан начал серьезно готовиться к миссии, на которую ему указывали его покровители, читал о путешествиях по Киргизской степи и Туркестану, изучал историю Востока и т. д.

Впоследствии, когда Чокан был уже офицером, П. П. Семенов писал о нем в рекомендательном письме к своему дяде как об удивительном молодом человеке, который, живя в глухой провинции, сумел приобрести громадную начитанность в литературе о Востоке.

Я был свидетелем непрерывных занятий Чокана; ему доставали для чтения интересные книги по Востоку, и он делился ими со мной. Одновременно мы прочитали путешествия Палласа в русском старинном переводе. Это было для меня в высшей степени сенсационное чтение. Страницы этой книги переносили нас в уральские степи на берега Яика. С этих страниц пахнуло на меня ароматом полыни и степных губоцветных; я, кажется, слышал крики летающих над рекой чеграк и чепур. Моя мечта о путешествии получила новую форму; Паллас мои морские мечты превратил в сухопутные, и, мало того, он приблизил их к той территории, где будет проходить моя жизнь и моя служба. Он низвел наши мечты на почву действительности, указал нам на тесные географические рамки нашей деятельности, по крайней мере, для меня, если не для Чокана.

В 1852 году я расстался с Чоканом, окончил курс и вышел из кадетского корпуса, а Чокан должен был остаться в нем еще на год. Собственно, его одноклассники должны были после меня оставаться еще на два года, но Чокан выходил годом раньше их, потому что в последнем классе корпуса преподавали специально военные науки: тактику, фортификацию, артиллерию и др., и правительство считало опасным для государства знакомить с этими науками инородцев.

Когда мы, я и Чокан, оба жили в Омске, мы очень часто виделись; иногда он приходил ко мне и просиживал целый вечер, иногда я заходил к нему. Часто во время этих свиданий он строил планы наших будущих совместных путешествий.

Сначала, он говорил, мы должны поехать в Петербург и поступить в университет, чтобы подготовиться к путешествию. Там он поступит на восточный факультет, а меня посылал на естественно-историческое отделение физико-математического факультета. Во время путешествия он будет заниматься филологией восточных племен, а я собирать коллекцию для Петербургского ботанического сада и для зоологического музея Академии наук. Он в своих планах заносился далеко; в то время границы Китая были еще закрыты для въезда европейцев, и можно было мечтать только о путешествии инкогнито в пределах этого государства. Он так и думал, под прикрытием какой-нибудь маски проникнуть в загадочные недра Поднебесной империи. Мечтал достигнуть отдаленных берегов озера Кукунора и окружающих его гор патриархов, о которых вычитал в «Asie Centrale» Александра Гумбольдта. Эту мечту он постоянно носил в своей голове. И она обнаруживалась у него невольно в его случайных фразах и жестах.

Один мой одноклассник по корпусу, артиллерийский офицер Колосов, впоследствии передавал мне сцену, которая его сильно поразила. Группа кадет стояла у ворот двора кадетского корпуса, которые выходят на Иртыш; в этой группе находился и Чокан. Перед глазами молодых людей открывалась картина: река Иртыш, за нею поднимающаяся к горизонту киргизская степь. Валиханов жадными глазами посмотрел вдаль и сказал, взглянув на свою ногу: «Бог знает, где эта нога очутится впоследствии». Колосов был тогда еще мальчиком, года на 4 моложе Чокана. Он потом сам говорил, что эта фраза крепко ему запомнилась, он как бы почувствовал, что перед ним стоял необыкновенный человек.

И в самом деле, для Чокана было невозбранно мечтать и о далеких берегах Кукунора и вершинах Желтой реки. Совсем в другом положении находился я.

Я был казачий офицер, а казаки — это крепостные государства. Все они были обязаны нести военную службу определенный длинный срок, как простые казаки, так и офицеры. Казачий офицер должен был в то время служить бессменно 25 лет; положение их было жалкое, жалованье получали они скудное; тогда как пехотный офицер, вышедший из того же кадетского корпуса, получал жалованье 250 руб. в год, казачий офицер получал только 72 руб., при этом ему не полагалось ни квартирных, ни отопления, ни фуражных; а по окончании службы — никакой пенсии. Казачий офицер 25-летнего срока не имел права отказаться от службы и не мог переменить рода службы; он должен был служить 25 лет только в своем войске, т. е. сибирский казак — только в Сибирском войске, оренбургский — только в Оренбургском и т. д.

Как же я мог угнаться за соблазнительными мечтами Чокана? Его мечта была свободна, а я в своих планах был ограничен. Не странно ли: я по происхождению принадлежал к державному племени, а Чокан был инородец, член отсталой расы. Я был неправоспособен, а он был свободный гражданин.

Когда Чокан развивал свои заманчивые планы, они не трогали меня. Твердая вера в несбыточность совместного путешествия с Чоканом обсекала мое воображение. Чокан говорил о своих планах с увлечением, пафосом, а между тем его слова отлетали от меня, как горох от стены. Я привык мириться с мыслью, что буду собирать коллекции для ботанического сада и зоологического музея Академии наук только в том районе, в пределах которого совершаются походы и разъезды казаков Сибирского войска.

Хотя я мог служить офицером только в Сибирском казачьем войске, а не в каком-либо другом, но в пределах этого войска мог выбрать любой полк. Я выбрал 8-й, штаб-квартира которого находилась в Семипалатинске.

Во-первых, мне, уроженцу Горькой линии, которая лежит между Курганом и Петропавловском, хотелось увидеть юг, а 8-й полк — самый южный из полков Сибирского казачьего войска; во-вторых, мне хотелось увидеть собственными глазами горы, а значительная часть полка была расположена в долинах Западного Алтая.

По прибытии в Семипалатинск я тотчас же взял отпуск у полкового командира [и отправился] в Усть-Каменогорск, чтобы повидаться с жившим там моим дядей, и поехал туда вместе с моим отцом. Половина дороги туда от устья р. Убы до Змеиногорска гористая; тут я впервые увидел настоящие горы и убедился, в какой степени мои детские представления о горах расходились с действительностью. Меня очень удивило, что я немало видел в книгах [и на] картинах, изображавших горные долины, верно передававших действительное, и тем не менее в моем мозгу господствовала детская фантазия.

В Семипалатинске я прожил только зиму, а весной меня уже назначили в поход. Две казачьи сотни были отправлены из Семипалатинска в Киргизскую степь, в Копал, в селение, основанное у подножия Джунгарского Алатау. Отсюда они с присоединением роты солдат должны были двинуться дальше на юг, за реку Или, чтобы при подошве Тянь-Шаня положить основание новому русскому поселению, нынешнему Верному. Я был назначен в состав этого отряда. Я провел в Заилийском крае полтора года[1]. Историю основания Верного опишу потом в особой главе. Из Верного я возвратился в свой полк в Семипалатинск.

В то время как П. П. Семенов путешествовал в Тянь-Шане, вокруг озера Иссык-Куля, я успел послужить в Семипалатинске, поссориться с полковым командиром[2], перевестись в 9-й полк, который был расположен на Алтае, между Усть-Каменогорском и Бийском, и, наконец, попасть в Омск на службу в войсковое управление.

В то время, когда я был в Омске, сюда приехал из своих путешествий П. П. Семенов и познакомился со мною. Приехав в Омск, он отыскал сначала Чокана, с которым уже был знаком по Верному, и они вдвоем приехали ко мне. Я был занят в это время

выписками из архива «Военно-походной канцелярии генерала Киндермана», которые составляют самые старые тома Омского областного архива.

П. П. Семенов заинтересовался описанными мною документами, которые служат данными истории наших сношений с ближайшими частями Средней Азии, потом пересмотрел гербарий, составленный мной в долине Чарыша, причем удивил меня тем, что мог каждому растению дать латинское название; и пока он сидел у меня, он все говорил мне, что мне нужно выбраться в Петербург в университет, а если останусь в Сибири, то из меня ничего не выйдет, я так и останусь простым казачьим офицером. Чтобы вырвать меня из Сибири, он придумал такое средство: он даст мне рекомендательное письмо к своему дяде, важному сановнику, который должен был в ближайшее лето приехать в Омск ревизовать учебную часть в кадетском корпусе; этот дядя, находившийся в дружеских отношениях с графом Ростовцевым, попросит последнего рекомендовать меня генералу Веревкину, бывшему начальнику управления всех казачьих войск. Генерал Веревкин возьмет меня к себе личным адъютантом, и, таким образом, я, не нарушая закона, не выходя из казачьего сословия, оставаясь казачьим офицером, переселюсь в Петербург. «Ваша служба,— шутя говорил П. П.,— будет состоять только в том, что вы будете приходить к генералу обедать и оказывать услугу генеральше разнимать жареную курицу».

Остался у меня в памяти мой визит к П. П. Семенову в Омске. Я застал его еще в постели; он вышел ко мне, накинув на плечи легкую, изящную альмавиву. Он показывал мне свои записки и учил работать, настаивал на экономии времени, советовал не зарываться в мелочах, останавливаться на наиболее важном. Все это время я находился под обаянием другого, столичного мира. Незадолго перед этим я прочитал в «Вестнике Географического общества» путевую заметку Семенова, вероятно написанную в Тянь-Шане; автор вставил в статью две строчки на английском языке из Байрона о парящем над долиной орле; передо мной был представитель богатого культурного мира, такая редкость в омском захолустье, и этот высококультурный человек был потомком какого-нибудь старого боярина.

П. П. Семенов уехал из Омска, а я остался ждать последствий его письма к его дяде, но долго я не получал никаких известий из Петербурга и начал уже думать, что нужно отказаться от надежды на эту протекцию. Но отказаться от мысли поехать в столицу я уже не мог. П. П. Семенов разбудил во мне желание, которое ранее было заглушено сознанием моего крепостного положения. Я тоже начал мечтать об университетской аудитории и берегах Кукунора.

Надо было придумать какой-нибудь [способ] выхода из казачьего сословия. Выходы были, но очень редкие и затруднительные. Для офицера открывались два пути: один — поступить в Акаде-

мию Генерального штаба, но я не рассчитывал на успех на этом пути. Из Сибирского войска [был] один только случай выхода — через Академию Генерального штаба. Другой выход — по болезни. Но я, к сожалению, был здоров и не мог воспользоваться этим способом.

В эту пору моих мучений меня пригласили как-то на именины одного казачьего офицера. В обществе гостей, состоявшем из казачьих офицеров, я шутил по поводу последнего приказа военного министра, которым давалось военному начальству право предлагать офицерам выйти в отставку без объяснения причин начальнического неудовольствия; и офицер, получивший отставку, терял право быть принятым вновь на службу. Я говорил офицерам, что я бы с удовольствием воспользовался этим приказом, если бы мой полковой командир ни за что ни про что выгнал меня в отставку согласно этому приказу, не объясняя причин, я был бы ему бесконечно благодарен.

Бывший среди гостей казачий полковник вмешался в наш разговор. Он сказал мне: «Вы напрасно думаете, что находитесь в безвыходном положении; вы можете подать прошение об отставке по болезни и вас отпустят».

— Я знаю,— ответил я,— но я здоров, следовательно, мне нужно добыть от доктора ложное свидетельство, заплатив за него порядочную сумму денег, а у меня их нет.

— Вздор, дадут и без денег.

— В таком случае я завтра же пойду к атаману.

И, действительно, на другой день я навесил на себя шашку и отправился к атаману. В то время атаманом был генерал Кринский[3], человек либеральный, родом из польских татар, но не мусульманин, а католик, приятель Спасовича[4], генерал в молодости читал «Увражи социалистов», как он сам выражался, читал Прудона[5], Луи Блана[6] и др. Генерал кончил Московский университет и потом поступил на военную службу.

Когда я изложил ему свою просьбу, он сказал: «Великолепно, я вас одобряю. Вы это прекрасно надумали, но ведь вам нельзя, вы должны 25 лет служить».

— По болезни, ваше превосходительство.

— А! По болезни? Это значит вам нужно придумать какую-нибудь болезнь, какой у вас нет. Хорошо, это можно. Я сам попрошу войскового доктора, чтобы он что-нибудь придумал.

Войсковым доктором был поляк Войткевич, добродушный старик; с благословения генерала он придумал мне грыжу, в котором боку, я теперь не помню, будто бы мешающую мне ездить верхом. Доктор, вручая мне свидетельство, несколько раз повторил: «Смотрите же не забудьте, в котором боку у вас грыжа».

Прошение мое пошло установленным порядком. Главное решение зависело от генерал-губернатора Гасфорта. Когда начальник штаба пошел к нему с докладом, я решил ждать его возвращения у него в канцелярии. Все чины и писари разошлись, и я бродил

по пустым комнатам, мучимый сомнениями. Наконец, начальник штаба вернулся. Генерал-губернатор согласился на отставку, но приказал только, если вы подадите прошение в гражданскую службу, «не откажет». Я ответил, выйду в отставку с намерением поступить в университет и даю вам клятву, никогда не игнорировать государственную службу.

Г. Н. ПОТАНИН

ОМСКИЙ КРУЖОК [И НОВЫЕ ВЕЯНИЯ]

Наконец, я был переведен в Омск. Последний город отличался от предыдущих станций моей жизни, как столица от захолустья; тут были книги и люди, там этого не было. В Верном нашим начальником был полковник Перемышльский; он кончил курс в Московском университете, выписывал «Современник», был либерал и гуманный человек, но держал себя вдали от остального общества. Остальные начальники или были только добрые люди, или, что бывало чаще, отрицательные фигуры. Словом, за время жизни в этих захолустьях я почти не имел случая столкнуться с каким-нибудь идейным человеком.

В Семипалатинске я встретился с Достоевским. Но только на одну минуту; я входил в дверь, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец, он, улыбаясь, сказал: «Десять тысяч китайских церемоний»[1]. Вот и все, что я от него услышал. Только еще одну встречу нужно упомянуть за этот период времени. Мне было поручено начальником Копала отвезти серебро в Кульджу русскому консулу Захарову. Там я прожил несколько дней. Захаров, по-видимому, скучал в Кульдже, и я оказался для него приятным гостем. В беседах с ним меня очень заинтересовал отзыв Захарова о сибирских приказчиках. Он говорил, что это необыкновенный народ, не похожий на приказчиков Европейской России. Во время проезда по Сибири по дороге из Пекина в Петербург ему приходилось не раз встречаться с сибирскими приказчиками, едущими или возвращающимися с Макарьевской ярмарки или из Ирбита, и беседовать с ними за чашкой чая на почтовых станциях. Они, по его словам, удивляли его своими умными рассуждениями и более широкими, чем у их западных товарищей, взглядами... «Сибирь,— говорит Захаров,— пока только беззаботно белкует и соболюет, но придет время, она скажет свое слово». Словом, до возвращения в Омск, я, по выражению Захарова, только «белковал» и «соболевал».

Меня вызвали в Омск. Здесь я нашел и людей, и книги; здесь был казачий кружок, в который входили мои старые товарищи:

Пирожков и Чукреев; к ним присоединился только что вышедший из корпуса офицер Ф. Н. Усов; здесь же в это время жил Чокан Валиханов. Из казачьего кружка на меня веяло казачьим патриотизмом; Чокан мечтал о своем служении киргизскому народу; словом, я очутился среди патриотических веяний.

Это было время тотчас после Парижского мира[2] после окончания Севастопольской компании. В воздухе веяло «новым духом», журналы заговорили смелее, запрещение говорить о крепостном праве было снято, разоблачения злоупотреблений сыпались, как из рога изобилия; каждая новая месячная книжка производила переворот в наших взглядах. Мы с жадностью хватали книжки «Современника» и либерального тогда «Русского вестника». В это время мне попались две статьи: ориенталиста Березина о колониях, [статья], помещенная в «Отечественных записках», и Пейзина о ссылке и ссыльных колониях в «Современнике». Из статьи Пейзина я узнал, что Сибирь — штрафная колония. Он рассказывал о ссылке преступников в Сибирь, о ссылке в западноевропейские государства и о протесте западноевропейских штрафных колоний против ссылки из метрополии; он говорил о памфлете Франклина против ссылки. «Что бы вы, англичане, сказали,— говорил он англичанам,— если б мы собрали со своей стороны всех наших змей и ядовитых животных и отвезли на ваши берега?» Само собой разумеется, что сибирский патриот не может не применить этих слов к своей родине. Так постепенно выяснились задачи деятельности сибирского публициста. Около этого же времени я узнал, что у Сибири был уже свой литератор патриот. Это был Словцов, автор книги «Историческое обозрение Сибири» в двух томах и друг Сперанского, сосланный в Сибирь за какое-то вольнодумство, обнаруженное в публичной речи, сказанной в Петербурге.

На родине он был назначен инспектором всех училищ в Сибири. Что это был сибирский патриот, сибирскому обществу было известно больше по преданию; только с трудом можно было найти два-три места в его историческом обозрении, в которых сквозила его привязанность к Сибири. О другом, более ярком, экспансивном патриоте, Ершове — авторе «Конька-горбунка»— я узнал позднее, уже в Петербурге.

В Омске был дом Капустиных, который имел большое значение для внутренней жизни города. Я об этом доме уже упоминал в биографической заметке о Чокане Валиханове, которую профессор Н. И. Веселовский поместил в предисловии к Собранию сочинений Чокана Валиханова, изданному в Петербурге Географическим обществом. Капустин был одним из советников Главного управления Западной Сибири, следовательно, это был один из видных чиновников в Омске. Он был женат на второй жене и имел детей от обоих браков. Впоследствии он служил в Петербурге, был редактором земского отдела «Правительственного вестника»[3] и сделался известен своими статьями о русской общине, в которую верил до конца жизни.

Самое интересное лицо в этом доме была жена Капустина, урожденная Менделеева, Екатерина Ивановна. Петрашевец Дуров отзывался о ней с благоговением и называл «святой женщиной». Она, главным образом, делала дом привлекательным. Ее дети были еще только подростками, а потому дочери ее не могли привлекать молодежь как невесты; на друзей семьи производила обаятельное впечатление мать семейства, серьезно относившаяся к своим материнским обязанностям Екатерина Ивановна, родная сестра знаменитого русского химика; отец Менделеевых служил в Тобольске, у него была самая большая в Сибири частная библиотека. По этим данным можно уже думать, что это был просвещенный дом.

Старшая дочь от первого брака[4] была замужем за полковником Гутковским, образованным поляком, почитателем Кювье, жившим также в Омске. Сын от первого брака, Семен Яковлевич, был молодой чиновник, недавно вернувшийся из Казани, где он кончил курс на юридическом факультете, это был один из просвещеннейших и благороднейших чиновников в Омске; впоследствии он служил в Петербурге в редакции «Правительственного вестника», заведовал земским отделом этой газеты и сделался известен в публицистике как убежденный поклонник русской земельной общины и автор статей и докладов.

В гостиной Екатерины Ивановны собирался цвет омской интеллигенции: молодые офицеры Генерального штаба, чиновники Главного управления, окончившие высшую школу, друзья сына, Капустина Семена Яковлевича, и художники, как, например, офицер Генерального штаба Померанцев, политический ссыльный, как, например, петрашевец Дуров. Если через город Омск проезжал какой-нибудь ученый-путешественник или профессор, как, например, П. П. Семенов, он непременно попадал в гостиную Екатерины Ивановны. Словом, здесь собиралось занимательное, образованное и либеральное общество. Здесь читали и поклонялись Чарльзу Диккенсу; с жадностью глотали переводы из Гейне и декламировали его стихотворения; у журнала «Современник» было обыкновение в январской книжке на обложке печатать о литературных новинках, которые будут помещены в грядущем году, и сердца в доме Капустиных замирали от ожидания и вопроса, что-то расскажет в своей новой повести Тургенев? Этот дом имел большое влияние на образование общественного мнения в Омске. Я не был приглашен к Капустиным, но все-таки дыхание их дома чувствовал на себе, тем более что между ним и мной связующим звеном являлся Чокан, который поочередно обедал то у Капустиных, то у Гутковского.

Дом Капустиных находился на Мокром в форштадте, это был большой двухэтажный дом, находившийся в глубине форштадта. В той же части города ютились и ближайшие друзья Капустиных. Когда, бывало, подъезжаешь от моста к Мокрому, в ряду передних его домов бросался прежде всего в глаза неуклюжий верзила — дом купчихи Коробейниковой, которому Чокан дал прозвище

«Вестминстерское аббатство»; подле него небольшой домик, в ставнях которого были вырезаны отверстия в форме сердечек; это была квартира петрашевца Дурова. Правее — въезд в улицу, ближайшую к реке Оми; тут недалеко от начала улицы, на правой стороне, тянулся низенький дом, в нем жил Чокан, а в глубине улицы виднелся двухэтажный дом Капустиных. Тут же, где-то на Мокром, жил и Гутковский.

В Омске я пережил два духовных перелома. Во-первых, после свидания с петрашевцем Дуровым, с которым меня познакомил Чокан, я переменил свои политические убеждения; до этой встречи я благоговел перед императором Николаем I, в котором видел второго Петра Великого и поборника прогресса и европейских идей о политической свободе; после свидания с Дуровым я сделался петрашевцем. Об этом перевороте в моих убеждениях я рассказал в своей статье «Дуров», помещенной в сборнике «На славном посту», изданном в честь Н. К. Михайловского. Другой перелом произошел в области моих планов о будущем. Как я уже говорил раньше, я считал свой выход из казачьего сословия безнадежным: я мирился с мыслью остаться навсегда казачьим офицером, но приезд П. П. Семенова, как известно читателю, подал мне надежду на возможность попасть в университет.

Г. Н. ПОТАНИН

[ПРОГРАММА СИБИРСКОГО КРУЖКА] (КОЛОНИЯ И МЕТРОПОЛИЯ)

Три года, проведенные нами в Петербурге, были, может быть, самые важные в нашей жизни, и это были годы нашего политического воспитания. В эти годы определилась наша индивидуальность, было дано направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности.

Выше было сказано, что три года, проведенные нами в Петербурге перед отъездом в Сибирь, имели для нас воспитательное значение. Это был самый разгар 60-х годов, совершенно исключительное время. Новые идеи, новые течения обильно сыпались на наши головы. В это время кафедру русской истории в Петербургском университете занял федералист Костомаров.[1] Около того же времени появился другой федералист, наш земляк Щапов. В газете «Век»[2] Щапов печатал свои статьи, в которых также проводил федералистическую идею. Мы поняли, что нам нужно осмотреться и обсудить, пользуется ли наш край, представителями которого мы являемся, в среде столичной интеллигенции равными правами с другими областями империи; одинаково ли заботится правительство о его благосостоянии, о его просвещении и культурном прогрессе; принимаются ли правительством меры уравнять Сибирь с

другими областями империи в несении государственного бремени или правительство относится к нуждам Сибири небрежно, или, может быть, даже оно преследует такую же политику по отношению к своей колонии, как другие европейские метрополии, политику несправедливую, ко благу только метрополии и в ущерб колонии.

Нас стал очень занимать вопрос о колониальной политике русского правительства, но крупных трактатов по этой части в литературе не оказалось; попадались только мелкие журнальные заметки; мы их тщательно выуживали как в современной литературе, так и в предшествовавшей. В середине 40-х годов Герсеванов поместил в «Отечественных записках» статью, в которой давал советы царскому правительству не сорить русские деньги на нужды Сибири; по его мнению, Сибирь — совершенно лишний придаток Российской империи, который ломаного гроша не стоит. Он рисовал природу этой страны мрачными красками, по его мнению, она не имеет будущего, в ней невозможно развитие гражданской жизни. Поэтому отпускать деньги из Государственного казначейства на нужды Сибири — все равно что бросать их в печь. Эта статейка тогда же вызвала возрождение одного сибирского патриота Мордвинова.

Мы, конечно, не могли согласиться с мнением Герсеванова так же, как и с мнением Сперанского, который тоже высказывал пессимистический взгляд на Сибирь и говорил, что этот край интересен для метрополии только как ее отвальная площадь, гражданского же будущего создать не может.

Перед нами возник вопрос, что такое в самом деле Сибирь, колония или провинция? Называются колониями только те новые приращения государства, которые сделаны за пределами океана, или край, присоединенный к государству только в позднейшее время, будет все-таки колонией, хотя бы он плотно примыкал к старой территории государства?

Знакомство с литературой поставило перед нами новый вопрос. Сибирь служила для мануфактурного центра России рынком сырья; мы спрашивали себя, поддерживается ли это положение искусственно или это неизбежный рок? И затем другой вопрос — убыточно ли это положение для Сибири, и если убыточно, то поправимо ли это положение, или ведет к все большему разорению страны? Поэтому нас стала интересовать литература о протекционизме и свободной торговле.

Тогда же мы поняли, что интересы Сибири противопоставлены интересам метрополии, но так как мы были социалисты, то никогда не приходили к мысли о таможенной линии между Сибирью и Европейской Россией, или, вернее сказать, никогда не лелеяли такой идеи. Она проскользнула в печать помимо нашего содействия и, вероятно, обязана своим появлением проснувшимся инстинктам сибирской буржуазии. Мы же если и останавливались на этом вопросе, то только в чисто теоретических видах; мы находили, что,

обсуждая междуобластные конфликты, можно черпать поучения из истории международных столкновений.

Нас занимал еще вопрос о ссылке. Я раньше уже писал, что впервые этот вопрос меня заинтересовал еще в Омске, после прочтения статьи Пейзина в «Современнике». В Петербурге я мало прибавил к тому, что знал; прочел только одну книгу по этому вопросу — Гельсендорфа о ссылке.

Н. Г. Чернышевский.

Правда, в течение этих трех лет, когда мы прислушивались к русской публицистике и старались подготовить себя к будущей деятельности на родине, наша собственная оригинальная работа не проявлялась; мы только наметили, что должно нас интересовать, какие вопросы? И к отъезду нашему из Петербурга главные местные сибирские вопросы были уже намечены, т. е. 1) ссылка в Сибирь; 2) экономическое иго метрополии над Сибирью; 3) отлив учащейся молодежи из Сибири к столице. Мы сознавали, что над

Сибирью тяготеет три зла: деморализация ее населения, как верхних, так и нижних слоев, вносимая в край ссылаемыми социальными отбросами Европейской России; подчиненность сибирских экономических интересов интересам центрального мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции, могущей стать на защиту интересов обездоленной родины.

Н. А. Добролюбов.

Конечно, не был забыт и вопрос о сибирских инородцах, потому что о нем напоминали нам наши товарищи из инородцев — киргиз Чокан Валиханов и бурят Иннокентий Пирожков, выехавшие,

как и мы, учиться в Петербург. Иннокентий Пирожков интересовался философией, особенно поэзией, читал книги по этому предмету и не пропускал новинок переводной популярной литературы по естествознанию. Сознавая свои скромные силы, он не мечтал о соперничестве со знаменитым бурятом Дорджи Банзаровым, не мечтал об ученой карьере, а хотел только воспитать в себе образованного по-европейски человека. Он был всегда одет comme il faut*[101], но когда шел по тротуару, всем бросалось в глаза резкое разногласие между его физиономией и цилиндром на голове. Разницу между ним и Чоканом Валихановым во внешнем виде можно определить, как противопоставление двух Азий — демократической и аристократической. У одного черты лица были крупные и грубые, носившие отпечаток суровой таежной жизни, у другого — тонкие черты лица и мягкие элегантные манеры, выработанные праздной кочевой жизнью.

Что касается до пятого сибирского вопроса, переселенческого, то он в наших умах тогда совершенно не возникал, или вернее, возникал, но не в том виде, как он развернулся впоследствии.

Все эти наши размышления о местных делах происходили в рамках общего влияния русской прессы, в которой в то время обнаружились два направления, выразившиеся в двух журналах: «Современнике» и «Русском слове». В рамках одного направления перед нами прошли Чернышевский, Добролюбов и Антонович, в рамках другого — Писарев, Зайцев и др. Ядринцев и мы были противниками «писаревщины». Направление «Современника» казалось нам более здоровым; мы думали, что если бы мы вошли в редакцию этого журнала с изложением своих чувств и идей, то в редакции «Современника» к нам отнеслись бы с большею благосклонностью, чем в редакции, пропагандировавшей писаревские идеи.

Тяжелые условия жизни в Петербурге и отсутствие надежды, что они изменятся к лучшему, привели меня к решению покинуть столицу и возвратиться на родину.

[Таким образом], за три-четыре года пребывания в Петербурге мы, молодые сибиряки, наметили некоторые пункты будущей деятельности в Сибири. Теоретической частью нашей программы на первый план поставили вопрос об отмене ссылки в Сибирь, казавшийся нам, таким же основным вопросом для Сибири, каким для Европейской России был вопрос об отмене крепостного права. Важнейшим же практическим делом мы намечали основание сибирского патриотического органа печати. Как приступить к исполнению нашей заветной мечты, мы пока не знали. Обстоятельства поставили для нас задачу — ученую поездку на китайскую границу, и сибирские вопросы пришлось отложить.

---

*[101] То есть *прилично.*

Г. Н. ПОТАНИН

ЕВРОПА И АЗИЯ В КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Сибирский кадетский корпус был сформирован из войскового казачьего училища в 1845 г. Это училище было основано в 20-х годах при губернаторе Капцевиче[1]. По количеству преподаваемых предметов училище приближалось к среднему учебному заведению но обстановка, в которой жили дети (заведение было закрытое), скорее походила на кантонистскую школу. Училище было открыто исключительно для казачьих детей и содержалось на средства казачьего войска. Комплект учеников полагался 250 человек.

Другого училища с равной программой в Омске не было, поэтому в то же казачье училище стали отдавать своих детей и офицеры сибирской линейной пехоты, а кроме того, и гражданские чиновники.

В этом плебейском заведении порядок дня был такой. Утром, вставши с постели еще до рассвета и одевшись, мы строились во фронт, накинув на себя серые шинели. После молитвы нас вели через двор во флигель, где помещалась столовая, там мы усаживались вдоль столов; служители раздавали нам куски серой булки. Каждая круглая булка была разрезана на четыре части крест-накрест. Служитель, положив около десятка таких ковриг на левую руку в виде колонны, поднимавшейся вдоль его груди до лба, поддерживал вершину колонны правой рукой, бежал вдоль столов и разбрасывал ковриги по столам. Воспитанники ловили надрезанные ковриги, разрывали на поделенные части и ели. Четвертушка такой серой булки и составляла весь утренний завтрак воспитанника. Из столовой ученики шли в классы, где оставались в течение 3 часов; в середине занятия прерывались для перемены.

После классов обедали в той же столовой. Обед был простой, состоял из двух блюд, одних и тех же каждый день: щи из кислой капусты и каша с маслом. Ели из оловянных тарелок оловянными ложками. Щи и каша подавались в оловянных мисках. Кому казалось мало хлеба или квасу, позволялось потребовать прибавки. Недовольные подымали в этих случаях руку вверх; служители, стоявшие в дверях, следили за жестами обедающих и, увидев поднятые руки, подбегали узнать, что нужно. После обеда еще были занятия также в течение трех часов. День кончался ужином, который состоял из одной каши с маслом.

Преобразование войскового училища в кадетский корпус началось с разделением его на две части: на роту и эскадрон. В первую были включены дети пехотных офицеров и гражданских чиновников, во вторую — дети казаков. В то время, когда я поступил в заведение, в роте насчитывалось 200 человек, а в эскадроне было только 50.

Ротные и эскадронные кадеты были отделены друг от друга в классах и дортуарах; мы только обедали в общей столовой. У рот-

ных были свои субалтерн-офицеры, у казаков — свои. Только преподаватели были общие. Для роты были присланы офицеры из петербургских кадетских корпусов: Музеус и Штемпель, оттуда же был назначен и ротный командир Павловский. Казакам оставили казачьих офицеров, которые ранее служили в войсковом казачьем училище: Черепанова, Старкова и Угрюмова; эскадронным командиром был назначен Кучковский, который ранее был преподавателем геометрии.

Домашняя обстановка, обхождение офицеров с воспитанниками и стол резко изменились. С воспитанниками стали говорить на «вы», оловянные тарелки и миски были заменены фаянсовыми.

Изменилась и учебная часть. Для усовершенствования кадет во фронтовой службе были присланы офицеры из Петербурга. Особенное значение для корпуса в этом деле имел офицер Музеус. Это был образцовый фронтовик, высокий, вытянутый в струну, с громким голосом. Гроза для неисправных и нерасторопных. Он задавал тон и остальному офицерскому персоналу.

Военный дух старались поднять у нас и внешней обстановкой дортуаров: стены их представляли галерею портретов героев Отечественной войны. В одной из камер эскадрона была повешена картина, изображавшая гибель Ермака в волнах Иртыша. В дортуарах эскадронных кадет, как и ротных, была библиотека для внеклассного чтения. Книги выдавались эскадронным и ротным командирами. Эти библиотеки тоже были составлены с тенденцией: тут была история Отечественной войны, сочинение Данилевского. Впрочем, тут были и книги более общего интереса: исторические мемуары вроде «Записок Манштейна», «История государства Российского» Карамзина и, кроме того, «Путешествие Дюмон-Дюрвиля», обработанное для юношества, записки моряка Броневского, описывающие плавание у Ионийского архипелага.

Кучковский почему-то неохотно выдавал книги для чтения. Иногда под предлогом, что внеклассное чтение отнимает время от занятий уроками, отказывал в выдаче; он находил это чтение праздным, лишенным образовательного значения.

* * *

В военных школах всегда отводится большое внимание математике. Ждан-Пушкин, который организовал учебную часть после реформы, конечно, поставил преподавание математики, насколько было возможно, удовлетворительно, но в этой отдаленной провинции ему приходилось бороться с недостатком преподавателей. Лучше всего преподавалась геометрия. Для этого предмета он не выписал учителя из столицы, а воспользовался местными силами. Наш эскадронный командир Я. И. Кучковский преподавал геометрию еще в войсковом казачьем училище. Эту кафедру Ждан-Пушкин оставил за ним и после преобразования училища в кадетский корпус. Я и теперь с удовольствием вспоминаю уроки Кучковского,

поражавшие своим, если можно так выразиться, изящно ясным изложением. Мне кажется, благодаря такому изложению, в котором не было ни одного лишнего слова, он был в состоянии любого тупицу от самого простого положения довести до самой сложной теоремы, не вызвав в нем ни малейшего затмения.

Не так удачен был выбор преподавателей по алгебре и тригонометрии. Конечно, и эти кафедры занимали знатоки своего предмета, и для учеников, специально созданных для занятий математикой, они принесли пользу; мои товарищи были ими очень довольны, но меня преподавание учителей алгебры, сколько их ни сменялось за время [моего учения], не увлекало, и только раз, когда кафедра пустовала и Ждан-Пушкину самому пришлось преподавать предмет, я услышал такое же очаровательно ясное изложение алгебры, каким было изложение у Кучковского.

Бросая теперь взгляд назад, мне кажется, что Ждан-Пушкин распределял предметы преподавания в разумной пропорции. Хотя мы [постоянно] видели его одетым в военный мундир, но мы в нем видели не столько военного человека, сколько просто человека. Русский язык, история русской литературы, география, всеобщая история, закон божий — все эти предметы преподавались учителями, лучше которых и желать не надо. Для замещения [состава] некоторых кафедр Ждан-Пушкин делал специальные поиски, но несколько учителей он оставил из прежнего дореформенного состава. Кроме Кучковского он оставил еще двух — Старкова и Костылецкого. Первый в войсковом казачьем училище преподавал географию, второй — русский язык, теорию словесности и историю русской литературы.

Когда мы кончали курс, Ждан-Пушкин предложил Старкову прочесть эскадронным кадетам географию Киргизской степи подробнее; он сделал это потому, что служба казачьих офицеров, учившихся в Сибирском кадетском корпусе, потом должна была исключительно проходить в пределах Киргизской степи. Им предстояло ходить с отрядами казаков в степь, нести там кордонную службу и принимать участие в военных экспедициях, доходивших на юге до границ независимого Туркестана. Старков исполнил желание инспектора классов, и я вышел из корпуса с такими географическими знаниями соседней Киргизской степи, каких не имел ни о какой другой территории. Может быть, Ждан-Пушкин был единственный педагог в Сибири, который, занимая педагогический пост в Омске, не относился индифферентно к географическому положению окружающей местности. Директора гимназий, реальных училищ, учительских семинарий и попечители учебных округов у нас, в Сибири, относятся по большей части формально к возложенным на них задачам; они ограничивают свои обязанности выполнением предначертанных свыше программ и не хотят знать ничего из того, что не исходит от начальства. Они не задумываются над значением для местного края вверенных им школ, не пускаются в соображения, куда по выходе из школ попадут их питомцы и что

придется им делать, какие услуги будут оказывать обществу и науке?

Общественные идеи достигали нас двумя путями: школьным и нешкольным. Школьными проводниками их были преподаватель русской словесности Ник. Фед. Костылецкий и преподаватель истории Гонсевский. Костылецкий познакомил нас с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. На Пушкина он смотрел как на национального гения; он казался ему необыкновенно одаренным человеком. Костылецкий рассказывал о своей встрече с поэтом. Автор «Истории Пугачевского бунта» проезжал через Казань и посетил университет. Студенты сбежались в заведение, чтобы увидеть великого поэта, но Костылецкому, который был тогда студентом, не удалось прийти в университет. Через несколько часов, когда он шел по одной из казанских улиц, мимо него проходил человек, от которого такой духовной мощью пахнуло на Костылецкого, что тот невольно замер, провожая его глазами. Студент подумал: это, вероятно, Пушкин. Он запомнил черты лица незнакомца, прошедшего мимо, подробности его костюма, манеру носить платье и, когда потом расспросил своих товарищей, то убедился, что действительно встретился с Пушкиным.

Костылецкий познакомил нас со взглядами Белинского на русскую литературу; он весь свой курс о русской литературе составил по критическим статьям Белинского. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что такие деликатные предметы, как история литературы и всеобщая история, преподавались нам конспиративно. Костылецкий построил свой курс на Белинском, но имени Белинского ни разу перед учениками не произнес. Об этом я узнал только впоследствии, спустя восемь или девять лет, будучи вольнослушателем Петербургского университета, когда пришлось прочесть Полное собрание сочинений Белинского, тогда только что вышедшее.

Кадеты, родители или родственники которых жили в городе, по воскресным дням отпускались домой. Они уходили из корпусов вечером в субботу и возвращались вечером в воскресенье. Таким образом, создавалось общение кадетской массы с городским обществом, и она подвергалась воздействию внекорпусной среды. Общение детей казаков со своими семьями имело мало значения, гораздо важнее были для кадет посещения семейств их ротными товарищами. Во-первых, казачий контингент был менее значителен: из общего числа кадет казаки составляли только одну пятую часть; во-вторых, родители ротных кадет представляли среду, гораздо более разнообразную и гораздо более интеллигентную. Эскадронные кадеты были уроженцы только казачьей линии; кроме берегов Иртыша, Горькой линии и долины Алтая, они других мест не знали, а в роте были кадеты не только со всего пространства Сибири от Томска до Якутска, но тут находились и такие, детство которых прошло или в Архангельске, или в Кишиневе, или в Тифлисе, или в Москве и Петербурге. Затем родители ротных кадет не были оди-

Чокан Чингисовичъ Валихановъ.

1835 г. — † 1865 г.

Среди немногочисленныхъ изъ среды инородческихъ рядовъ и получившихъ образованіе въ русской школѣ, въ отдѣлѣ русскаго просвѣщенія, очень не велико въ числу имѣется рядъ исключительно выдающихся. Чоканъ Валихановъ, первый по времени кончины, истинный типъ изъ нихъ въ смыслѣ русскихъ цивилизацій. Онъ былъ изъ самыхъ русскихъ цивилизацій. Онъ былъ изъ числа немногихъ изъ Средней киргизской орды Вали; послѣ смерти Валиханъ занимъ достоинство въ Средней ордѣ русскою властью была учителемъ. семья старшей жены Валиханъ крутилась въ числѣ, которыхъ здѣсь жена Абдыкаима была областной русскимъ правительствомъ, въ ея семьѣ, по русскимъ Сергіевъ. были построены для нея домъ и учитель, все русскими силами было ей въ высшемъ положеніи, а старшій сынъ Чокана былъ воленъ въ Омскъ, воспитанъ въ русскомъ школѣ и записанъ въ списокъ учащихся этой школы Чокана Валиханова Валиха, и не Валихановъ, кромѣ этого, чтобы не называлъ киргизовъ и хлѣбной власти. Впослѣдствіи Чокана Валиханъ возвращался въ степь и стать служить. Чокана Валиханъ была имѣть сыновей, Чокана былъ второй по порядку рожденія. Онъ родился въ урочищѣ Кушмурунъ (нынѣ село), гдѣ былъ отецъ Чингисъ Валихановъ въ то время, когда онъ былъ управителемъ одного изъ степныхъ округовъ. Такъ какъ Чокана все свое дѣтство могъ хорошей образованіе, то Чокану свои раннія годы провелъ въ юртѣ. Въ нѣтскихъ киргизскихъ языкахъ могутъ театръ „утѣхъ" и считаются обѣдъ, т. е. дворянскій, конечно не отличіе отъ нашей, простонародной, потому и Чокана принадлежалъ къ привилегированнымъ киргизскимъ аристократіи. Дѣйствительное вліяніе имѣлъ умъ киргизскихъ дѣтскихъ, т. е. свою только воспитывалъ на легендахъ по степи, пріучилъ умѣть въ совѣтный умъ киргизовъ, и требовалъ отъ прислуги нѣкоторыхъ разныхъ приказовъ. Затѣмъ онъ былъ отданъ въ Омскъ и отдался въ ту же самую школу, въ которой учился и его отецъ и которую онъ была преобразована въ кадетскій корпусъ. Здѣсь онъ провелъ отъ малыхъ до 18-лѣтнихъ, а Валихановъ. Здѣсь сразу обнаружились его способности, обращавшія общество въ Омскѣ заинтересовалось молодымъ способнымъ киргизскимъ мальчикомъ, сталъ образованная семья считала своимъ долгомъ оказать ему покровительство. Будучи молодымъ принцемъ въ внутреннихъ киргизовъ, а по окончаніи своего пребыванія въ столицѣ, въ городѣ, который далъ имя въ свой домъ. Такъ сначала онъ проживалъ преимущественно у Потаниныхъ, окончивъ полный курсъ въ Кадетскомъ университетѣ по восточному факультету, онъ у учителя исторіи полкаго Гутковскаго, у офицера генеральнаго штаба Помпеянова и наконецъ у полковника Рупперехта. Всѣ они были общеобразованные люди въ городѣ среднихъ въ тѣхъ средѣ. Чокана быстро развивался и его дѣлового вопроса тѣмъ товарищей, въ особенности съ научными политическими идей и литературныхъ новостей. Школьные начальствующіе смотрѣли на него, какъ на будущаго путешественника по Средней Азіи. Какой онъ не былъ открытъ для образованія, и представляемая таинственность открыть, сохранить имѣетъ и регулировать большой для географіи. Общей надеждой могутъ стать, можно сказать, на среднихъ киргизской степи: изъ нихъ его народа лишь открывать, на [illegible] на крайнемъ киргизскомъ степь и не одного по

Чокан Чингисович Валиханов.

мѣстъ были Валихановы могли указаны въ другихъ мѣстахъ, въ Азіатскія страны, въ посредникъ Тянь-шанѣ и Памиръ, въ Тибетъ, въ страну религіи, въ священную сферу Хухунора, въ тѣхъ мѣстахъ интересно — бѣлыя.

Имя же извѣстной своей Валихановъ стало извѣстно въ ряду путешественниковъ въ Азіи; тогда же онъ перешелъ Балхашъ, Рыконъ, Лепсинъ, Великолѣпно-Горныя и многія другія мѣста. Когда извѣстный ново-орденскій Географическаго Общества П. П. Семеновъ за время своего путешествія въ Тянь-шанѣ встрѣтился съ Чокаромъ Валихановымъ, который былъ тогда уже офицеромъ и состоялъ въ штабѣ Западно-Сибирскаго генералъ-губернатора, онъ узналъ изъ бесѣдъ съ нимъ, что Валиханъ могъ указать ему

[illegible] имѣлъ [illegible] Валиханъ [illegible] Чокана [illegible] Валиханъ [illegible] Чокана [illegible] Валиханъ [illegible] Чокана

наковы по роду своей службы. Одни были военные, другие гражданские чиновники; конечно, воспитание детей во время дошкольного возраста в этих семьях было различно. Выше я уже говорил, что отцы эскадронных кадет были небогаты и дошкольное образование их детей было очень скромное, в роте же числились дети генералов и важных гражданских чиновников, в домах которых собиралась самая просвещенная в городе молодежь. В этих домах интересовались русской литературой и внутренней политикой. Новости, приносимые ротными кадетами в корпус из города, резко отличались по своему содержанию от новостей, приносимых эскадронными. Поэтому корпус получал свой свет из роты. Ротные кадеты отличались своей осведомленностью, а также более отшлифованными манерами; казалось, что у них и темпераменты мягче. Последний год перед выпуском в роте своим благородным характером выдвинулись два кадета — Людимов и Ганкин, другие считали за честь дружбу с ними; в них видели отражение благородного характера Ждан-Пушкина, которому мы все старались подражать.

Наши дортуарные библиотеки были очень бедны, в них не было совсем беллетристики. Этим материалом корпусные читатели снабжались из города, через ротных кадет. Таким путем к нам проникли «Вечный жид» Эжена Сю, «Три мушкетера» Александра Дюма, а также и романы Диккенса: «Давид Копперфильд», «Домби и сын», «Мартин Чодзит», «Записки Пиквикского клуба» и многие другие. Это было в последний год моего пребывания в корпусе. Я с особенным увлечением читал Диккенса вместе с моим другом Александром Дмитриевичем Лаптевым[2]. В то же самое время увлекался Диккенсом и другой мой друг — Чокан Валиханов. Мы все трое воспитывались на этом писателе и унесли уважение и благодарность к нему надолго [после того, как вышли] за стены учебного заведения. Тургенев оставался нам в корпусе неизвестен. Я познакомился с ним года два спустя по выходе из корпуса. Мы не имели также никакого представления о крепостном праве и назревшей государственной потребности освобождения крепостных крестьян. Слышали ли мы тогда что-либо о декабристах, я теперь сказать не решаюсь. Вернее всего, что мы о них ничего не слыхали. Неизвестны были нам также и идеи социалистов.

Эскадронным кадетам много новостей приносил Чокан Валиханов. Омское образованное общество очень интересовалось этим кадетом; некоторые лица из этого общества брали его в свой дом на воскресный отпуск; это были очень интересные дома. Особенное влияние на его развитие [оказал] бравший его по воскресеньям преподаватель всеобщей истории Гопсевский. Поэтому мы, эскадронные кадеты, немало были обязаны этому киргизскому аристократу с демократическими убеждениями. По выходе из корпуса в течение еще десяти лет, по крайней мере, я это могу сказать о себе, мы жили идеями и влияниями того кружка друзей, к которому принадлежали в учебном заведении. Мы уже жили вне корпусных

стен, а кружок продолжал развиваться; с некоторыми явлениями, например, с поэзией Гейне, мы познакомились уже по выходе из корпуса, но это было продолжением влияния корпусного кружка.

Г. Н. ПОТАНИН

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ, ЕГО ЖИЗНЬ И СЛУЖБА В ОМСКЕ

Патриархальный мир, который меня окружал на Алтае, демократизировал меня до глубины души. Панков, адъютант атамана, продолжая покровительствовать мне, чтобы выдвинуть меня на глаза начальства, устроил мне перевод в Омск. Меня назначили в контрольное отделение войскового правления; служба моя должна была заключаться в проверке разных шнуровых книг. Жалко было расставаться с этим блаженным краем и с этим милым алтайским людом. Но Омск также меня манил.

Омск, сравнительно с Антоньевском,— это столица. Там много интеллигентных людей, там больше книг; кабинетные разговоры интереснее, развлечения поучительнее. Мои друзья, казачьи офицеры одного со мной выпуска, которых я разыскал в первую голову, нашли мне удобную квартиру в казачьем форштадте, у казака Бердникова, которого офицеры звали чаще Фирсычем. Его низенький одноэтажный домик состоял из двух половин. В одной помещалась кухня, по местному изба, с русской печью; тут жил сам Фирсыч со своей женой Филипьевной и маленькой дочкой Оней; другая половина называлась горницей. В ней городская обстановка была представлена двумя-тремя стульями и только; остальная мебель была заменена хозяйскими сундуками, наполненными домашним скарбом и прикрытыми тюменскими полозами*[102] (коврами без ворса). Кровать и стол дополняли обстановку. Вот в эту-то комнату и поместили меня мои друзья. Кормить меня обязалась Филипьевна; кроме того она обещала давать мне к чаю хлеб, т. е. сибирские шаньги. За комнату со столом я должен был платить три рубля в месяц.

В Омске я застал своего друга, однокашника по кадетскому корпусу, Чокана Валиханова. Он принадлежал к штабу генерал-губернатора Гасфорта: был не то адъютантом его, не то чиновником особых поручений, часто дежурил в доме генерал-губернатора, принимал просителей и в дни дежурства обедал у него. Чокан вращался в верхних слоях омского общества и был чужд кругу казачьих офицеров, к которому я принадлежал. Он был сын богатого киргиза и жил в хорошей обстановке. Он был внук последнего киргизского хана, это был киргизский аристократ. Среда, которая его окружала, состояла из молодых людей, приближенных к гене-

*[102] То есть *паласами*.

рал-губернатору Comme il faut*[103], между которыми попадались громкие фамилии — Гюббенет, Тургенев и др. Большинство этой золотой омской молодежи состояло из пустых людей, все это был народ отшлифованный, все Comme il faut. Ни в киргизской юрте, ни в кадетском корпусе Чокан Валиханов не мог приобрести комильфотности. Общество омской золотой молодежи было для него школой в этом направлении.

Мы с ним не виделись около трех лет, и в течение этого времени, вращаясь между «полированными лицами» Омска, Чокан с успехом усвоил их внешность. Хотя он отлично понимал их внутреннее ничтожество, рассказывал много ядовитых анекдотов, обличавших их невежество и бессодержательность (например, он рассказывал, как один молодой человек, протеже петербургских аристократических старух, приехал с визитом к полковнику Гутковскому, наткнулся на разговор об английском юмористе Теккерее и стал допытываться, какую должность занимает Теккерей в Омске? Не занимает ли он важное место и не нужно ли сделать ему визит, чтобы не показаться невежливым?), но подражал им в манерах, одевался по-ихнему, носил модную прическу, щеголял мелкими вещицами, завел коллекцию портсигаров из слоновой кости с безукоризненной резьбой и замечательных по замыслу рисунка (на одном портсигаре была изображена крыса, штопором сверлящая земную поверхность; Чокан объяснял, что это геолог).

Казачьи офицеры во главе с Пирожковым[1] очень часто меня посещали, Чокан бывал у меня значительно реже и, если заставал меня одного, то засиживался подолгу. Если приходилось приглашать его к чаю, то я смущался, что не мог предложить ничего лучшего, кроме шанег Филипьевны. Потом это стало так меня угнетать: и эти шаньги, и эти сундуки под полозами, и низкий потолок, и окна у земной поверхности, что я решился расстаться с милой Филипьевной, с добрым ее мужем Фирсычем и переселиться на другую квартиру. Я нашел новенький домик, построенный одним только что заправившимся писарем войскового правления, и нанял у него комнату за 6 рублей со столом. Это было вдвое дороже, чем у Фирсыча. Комната моя была светлая, окна на юг, а не на север, потолок высокий, вместо сундуков стулья, столики под скатерками. К чаю мне подавали французскую булку, а вечером вместо ужина — вареный язык. Эта обстановка успокоила мой дух. Если Чокан приедет вечером и засидится, то я смело могу ему предложить и чай, и закуску, и никакие сибирские шаньги меня не скомпрометируют. Да, на этой квартире я бы не побоялся разделить с Чоканом и свой обед, настолько он был приличен.

Но с переездом на новую квартиру я заметил, что ко мне стали реже приходить казачьи офицеры, а потом и совсем прекратили свои посещения. Случилось однажды, что ко мне пришло двое или трое, и французской булки, поданной к чаю, не хватило. Новая хо-

*[103] *Комильфо (фр.)* — прилично; здесь — прожигателя жизни.

зяйка не считала себя обязанной подавать к чаю больше одной булки. Если бы я стал прикупать, вышел бы из своего бюджета.

Так прошло некоторое время, и вот однажды я сижу за своим письменным столом и вижу: перед моим окном появилась группа казачьих офицеров верхом на лошадях. Я отворил форточку, чтобы пригласить их войти, но они мне ничего не ответили, и только Пирожков, который был впереди всех, молча подал мне письмо, затем вся компания в карьер ускакала прочь. В письме казачьи офицеры просили меня возвратиться к Филипьевне, они писали, что они отощали на французской булке, «а у Филиповны какая благодать! Она дает шанег до отвала». Я должен был вновь переехать к Филипьевне и оставался у ней до отъезда в Петербург. Казачьи офицеры вновь сделались моими постоянными гостями[2].

Чокан тоже не переставал меня навещать. Он нашел мне интересную работу[3], которую полковник Гутковский сначала навалил было на него самого. Это выписки из областного архива, первые акты которого относятся к половине XVIII столетия. В архиве много интересных сведений о сношениях русских пограничных начальников с киргизскими родоначальниками и князьями соседнего Джунгарского ханства, а также о торговле между Сибирью и городами Восточного Туркестана. В этом архиве заключается документальная история последних дней существования Джунгарского ханства. При живом, сангвиническом темпераменте Чокана эта работа, сама по себе интересная, но требовавшая усидчивости, оказалась не в его вкусе, он передал ее мне, и я успел пересмотреть архив от 1645 по 1755 год. Я делал выписки и передавал их Чокану, а Чокан отвозил их Гутковскому.

Позднее, когда казачье начальство, недовольное мною, решило возвратить меня в строй, т. е. отправить назад на Алтай, в станицу Антоньевскую, то один из моих покровителей, полковник Слуцкий (зять генерал-губернатора Гасфорта), которому мою судьбу поручил П. П. Семенов, добился разрешения оставить меня в Омске,— меня прикомандировали к штабу западносибирских войск и поручили рассортировку дел штабного архива, какие дела подлежат сохранению, какие уничтожению. Это была прескучная работа: прочитывать дела о выдаваемых солдатам сапожных товарах и холстах; но я должен был мириться с новой обязанностью. Это положение было временное, ведь я должен был ждать из Петербурга обещанного мне П. П. Семеновым перевода в столицу.

На новом месте я приобрел себе новых знакомых. Один из них — Копейкин. Он описывал край очень рельефно. Сплошной «урман»*[104], пересеченный на протяжении 1000 верст. Его рассказы показались мне такими любопытными, что я на основании их составил целую статью, которая тогда же и была напечатана в «Тобольских губернских ведомостях» и подписана буквой К.

Кроме занятия над выписками из областного архива, кроме ув-

*[104] *Урман (тюрк.)*— лес.

лечения рассказами Копейкина, мое внимание было еще прикована к чтению книги Ю. Симашко «Фауна России». Подзадоренный этим чтением, я напечатал в «Тобольских губернских ведомостях» несколько статеек, относящихся к предмету: о кулане — диком осле по рассказам моего отца, о слоне, приведенном в Омск из Ташкента, которого мой отец провожал в Ташкент.

В Омске я нашел Чокана, который мечтал о путешествии в неизвестные страны Центральной Азии и звал меня с собой. Если б в то время, когда Семенов проезжал через Омск, я оставался на Алтае, он меня не увидел бы и не возбудил бы во мне надежды превратиться из строевого казачьего офицера в путешественника.

В патриархальном Алтае и в десять лет я не узнал бы того, что узнал в Омске за один год. В это время журналам разрешено было обсуждать крепостной вопрос, а я до приезда в Омск не знал, что такое крепостные крестьяне; в журналистике о крепостном вопросе не позволялось писать, а так как в Сибири крепостного сословия не было, то я не имел случая непосредственно столкнуться с этим злом. Сосланных крепостных я не встречал, потому что на казачьей линии их не было. Поэтому «Записки охотника» Тургенева произвели на меня не то впечатление, какое они произвели на человека, знакомого со страданиями крепостных крестьян.

Чокан познакомил меня с поэзией Гейне, с барабанным боем революции. Однажды он свез меня к петрашевцу Дурову, и тут я в первый раз узнал, что существует особая порода людей, которых в Сибири называют «политики». До свидания с Дуровым я обожал императора Николая I; хотя страхи мои и прошли, Николай умер, а Россия не разрушилась и русская жизнь при Александре II пошла тем же порядком, каким шла при его отце, но все-таки моя вера в благодетельность николаевских порядков не поколебалась. Чокан часто приезжал ко мне спорить, пытался приучить меня критически относиться к прошлому царствованию, но я упорствовал, пока не познакомился с Дуровым. Я увидел в нем человека, всем своим существом протестовавшего против николаевского режима. Он мне рассказал историю Григорьева[4], своего товарища по несчастью. Григорьев в числе пяти петрашевцев был приговорен к расстрелянию. Григорьев, как и другие, объявленные главными виновниками, был отправлен в Сибирь на каторгу, но он был приведен туда помешанным. Картина, которую он увидел, когда спала с его глаз повязка, так на него подействовала, что он моментально сошел с ума. Когда было разрешено выехать в Россию, Дуров увиделся с ним в Омске. Григорьев прожил на квартире Дурова сутки или более. Дуров рассказывал мне, что Григорьев был помешан на мести Николаю. Он брал в руки какое-нибудь острое оружие, упирал его в стену, сверлил ее и воображал, что сверлит сердце Николая. «Вот над этой самой стеной он производил эту операцию»,— говорил мне Дуров, указывая на одну из стен. Глинка не выносил глаз императора. «Не могу видеть его

оловянные глаза». И Дуров прибавил к этому рассказу, будто бы, завидев императора вдали на улице, сворачивал в ближайший переулок, чтобы не встретиться с «оловянными глазами». Чокан немало вечеров употребил, немало крови потратил на то, чтобы обратить меня в свою веру, а Дуров в один вечер совершил со мной метаморфозу; его речи были внушительны, потому что исходили от человека, глубоко пострадавшего от николаевского режима. Мои взгляды совершенно перевернулись не только на Николая, но и вообще на монархизм.

Я ехал в Петербург уже с подготовкой к восприятию тех идей, которые должны были на меня нахлынуть в столице. Я уже стал на ту стезю, по которой пойду в течение всей своей жизни. Читатель знает, что этой подготовкой я много обязан Чокану.

Д. А. КЛЕМЕНЕЦ

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Валиханов, султан Чокан Чингисович, киргиз Средней орды, потомок киргизских султанов, ориенталист, родился в 1835 г.; окончив Омский кадетский корпус, поступил на военную службу и в 1858 г., переодетый купцом, первый исследовал Кашгар, откуда вывез чрезвычайно ценные материалы по истории и этнографии края. Валиханов умер в 1866 г. от чахотки[1], собранные им материалы («Очерки Джунгарии») напечатаны в «Записках Императорского Русского географического общества», 1861 1861., кн. I и III.

Н. А. АРИСТОВ

[КИРГИЗЫ И ЗАПАДНЫЙ ТЯНЬ-ШАНЬ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ] Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА]

Весною 1856 года по усиленным просьбам бугинцев, сильно теснимых сарыбагышами, был послан на Иссык-Куль казачий отряд под начальством исправляющего должность пристава полковника Хоментовского с целью ближайшего ознакомления с киргизами и для съемки их земель. В продолжение двух месяцев была осмотрена восточная часть Иссык-Куля и произведена съемка в двухверстном масштабе северного берега до р. Аксу и южного до р. Зауку*[105]. Отряд не имел никаких столкновений с сарыбагышами, которые удалились к западной оконечности озера...

*[105] *Чокан Валиханов.* Очерки Джунгарии. «Записки Русского географического общества», 1861 г., кн. II, стр. 44. Автор участвовал в этой экспедиции и упоминает, что им была составлена записка о дикокаменных киргизах. Вероятно, она может быть разыскана в омских архивах. *(Примечание Аристова).*

В 1858 г. последовал через бугинские земли снаряженный из Семипалатинска караван, в котором находился под видом мусульманского торговца, родственника караванбаши, адъютант генерал-губернатора Западной Сибири, поручик султан Чокан Валиханов. Присоединившись к каравану 28 мая (июня) 1858 г., в 30 верстах от Конала, Валиханов прошел чрез Алтын-Эмель, переправился через реку Или у Калкана и через Сугуты, Турайгыр, Уч-Мерке и Каркару достиг 6 августа кочевок бугинского манапа Чон-Карача на Верхнем Кегене.

Сборный пункт для рассеявшегося по летовкам местных кочевников каравана назначен был на Текесе, но когда к 27 сентября (августа) собралось сюда до 60 палаток, коканский юзбаши, присланный из Пишпека для сбора с бугинцев зякета, потребовал от торговцев пошлину и за неуплату ее отбил у них 300 баранов, торговцы же отняли их обратно и побили сборщиков, то караван Валиханова, не принимавший участия в этом столкновении, поспешил уйти, достиг в два перехода Санташа, вышел на Иссык-Куль и двинулся к южному берегу озера, где буруты занимались уборкою хлебов.

9 октября (сентября) караван вступил в ущелье р. Зауку, 11 числа отразил здесь счастливо нападение шайки барантачей и пошел в дальнейший путь через Джеты-Асу, Тарагай, Чахыр-Курум, Келинтайгак, Кубергенты, Калмак-Учак, Чатыр-Таш, р. Аксай, Теректы. «Пространство от высоты Заукинского прохода до Теректы-Давана представляет нагорье, прорезанное поперечными долинами значительной абсолютной высоты, имеющими характер небольших плато».

От р. Джеты-Огуз до вершины Теректы-Давана караван сделал 11 переходов, или около 175 верст. «В проходе Теректы кочевал в это время известный грабитель кыргыз племени чонбагыш Атеке, гроза кашгарских караванов, разбивший только что перед нами на большой дороге из Аксу в Кашгар в виду китайского пикета казенный их обоз. Ввиду слуха, что за караваном идет 200 русских, кыргызы взяли с каравана только восемь красных кож, тогда как с предшествующего каравана воспользовались большим выкупом и украли еще до 500 баранов. Но когда караван приближался к последнему перевалу Кок-Кия, внезапно раздался военный крик, толпа кыргызов проскакала вперед и заняла проход: кыргызы узнали от посланных на Аксай разъездов, что русского отряда нигде вблизи нет. Начались переговоры. Кыргызы требовали десять девяток красного сукна и кож, столько же плису, ситцев и т. д. В эту критическую минуту подоспели на выручку каравана пять кокандских синаев, высланных кокандским аксакалом из Кашгара по извещению караванбаши, опасавшегося притеснений от кыргызов.

Караван достиг Кашгара 1 октября, потеряв в пути от изнурения на частых перевалах и от холодов много вьючного скота. Из 101 верблюда дошло до Кашгара только 36.

В обратный путь караван Валиханова выступил из Кашгара 11 марта 1859 года и направился не на Теректы, где проход был закрыт снегом, а на Туругарт, Чатыркуль и Ташрабат, а отсюда на Куртку*[106]. Дальнейший путь Валиханова и его интересные сведения о нарынских кыргызах будут изложены ниже.

* * *

Первое описание Ташрабата принадлежит Чокану Валиханову, который на обратном пути из Кашгара вышел с своим караваном 18 марта 1859 года в долину озера Чатыркуля и ночевал затем «в горах Ташрабатских, окружающих долину с северной стороны... На следующий день мы перешли горы Ташрабат и разбили лагерь в широкой долине Атбаш» (на самом деле — в долине Кара-Коина, притока Атбаша). «Близ выхода дороги из ущелья есть каменное здание Ташрабат, от которого горы эти получили свое название. Рабатами называются на востоке здания, устроенные на больших дорогах для доставления крова путешественникам... Один из бухарских ханов, Абдулла, особенно любил постройки этого рода, и потому основание этого рабата приписывают ему. Здание сложено из плит глинистого сланца, имеет около 12 сажен в длину и около 7 в ширину. Длинный коридор ведет в круглый зал (5 аршин в радиусе) со сфероидальным куполом; по бокам коридора сделаны маленькие низкие двери, в которые нельзя иначе войти, как нагнувшись; двери эти ведут в маленькие квадратные и продолговатые комнатки. Внутри и снаружи здание это было когда-то выштукатурено; арабески, окружающие ниши, сохранились местами и теперь. Азиатцы по своей лености и невежеству считают все, что требует большого труда или искусства, сверхъестественным. Ташрабат также имеет свою легенду. Говорят, что невозможно сосчитать число комнат, и если раз насчитать сорок, то, считая в другой раз, выйдет число сорок один, и т. д. Для дикокаменных киргиз это здание служит предметом поклонения и местом для жертвоприношений»*[107].

По сведениям Чокана Валиханова, относящимся к началу 1859 г., чирики разделялись по своим кочевьям на два отдела: «Один отдел кочует на Атбаше, Арпе и Аксае, другой — по р. Кокшаалу. В первом отделе каждый род имеет своего отдельного вождя; из них более влиятельны Урус-бий, Сасык-урус, Кондожес (?) и сильнейший Сарыжак. Второй отдел признает власть одного вер-

*[106] «Очерки Джунгарии». См. «Записки Русского географического общества», 1861 г., кн. II, стр. 35—38, 55 и 56; а также «Поездка в Кашгар» в «Известиях Русского географического общества», 1868 г., стр. 266—278. В этих статьях Валиханова много опечаток и описок, между прочим, и в датах его маршрутов. Эти последние частью исправлены мною, частью же указаны помещением вероятных дат в скобках.

*[107] «Поездка Ч. Ч. Валиханова в Кашгар». «Известия ИРГО», 1868, IV, с. 277.

ховного бия Турдуке[1]... Он известный грабитель, не слушает кокандцев, зякет и подать берет себе...

Чирики... просили хана, чтобы в их кочевьях, на р. Атбаше, основать укрепление и сделать их независимыми от курткинского коменданта, но их просьба не была уважена»... «Укрепление Куртка стоит на правом берегу Нарына, имеет в поперечнике 200 саженей, окружено с трех сторон стеной, а четвертая упирается в крутой берег. Высота стен около трех сажен, ширина до 2 аршин; с восточной стороны пробиты в стене главные ворота, а с северной — другие, ведущие к месту, где прежде был домик Джангир-ходжи; там устроена молельня, посажено несколько деревьев, и, как на всех священных местах, водружены бунчуки и развешаны в большом количестве рога баранов, принесенных в жертву. Въехавши в ворота, мы увидели войлочные кибитки, окруженные земляными валами, и несколько мазанок под пышными названиями приемной, гарема, мечети и пр. На небольшом возвышении из глины сидел смуглый сарт с седою бородою, одетый в бумажный старый халат и в киргизских сапогах из красной кожи. Нам сказали, что это сам комендант Мамразык-датха... Взяли в зякет две ямбы...

Укрепление Куртка построено в 1832 году, в год «дракона», кокандским минбашой Хаккули, который в этом году «разбил саяков, предводителя их Атантая и Тайлака взял в плен и привез в Кокан, обложил ясаком чириков, бассызов, монылдыров и основал Куртку. Укрепление Тогуз-торау было построено еще прежде. Атантай и его брат Тайлак не хотели подчиниться коканцам и после освобождения из плена откочевали на Или к киргизам Большой орды, но впоследствии, разграбленные кайсаками, возвратились на родовые кочевья. В укреплении насчитывается до 200 сипаев, набранных из киргизов анджанских; коканцев не более 50 человек... К ведомству его принадлежат: три рода из племени саяк, чирики и небольшая часть рода бугу. Роды саяков, подчиненные Куртке, суть чора, ими управляет Осман, сын Тайлака, самый сильнейший родоначальник; кульчугач, ими управляет Толеке, сын Ералы; иман, над которым начальствует Байтуры Джаланаков. Эти три рода ведут междоусобную борьбу...

Ведомству Куртки подчиняются также киргизы колена тенымсеит из рода бугу отделения калмаки, кочующие в верховьях Нарына и на плато Тарагай. Ими управляет семейство Мамеке-Шопак. Из них влиятельнее Найман, сын Буйдаша, Алджан и Тобулды, дети Алеке. Куртка берет также зякет с киргизов монылдыр, бассыз и других родов.

Укрепления Тогуз-торау и Джумгал прежде зависели от курткинского коменданта, но теперь из них сделаны отдельные ведомства. Между гарнизонами этих укреплений очень часто происходят раздоры из-за зякета, вроде тех, как в старой Сибири враждовали из-за ясака мангазейские и красноярские казаки.

Саяков, подчиненных Куртке, считается до 600 юрт, чириков

ведения Турдуке —1500 и ...на Атбаше и Арпе до 1300 и бугу 1200. Зякет с этих киргизов собирается Курткой по приказанию самих киргиз посредством исчисления (с 40 голов — одну или с 100 голов — две). Сверх того, киргизы должны снабжать хлебом гарнизон... Раз в год, а иногда и два раза берут салык[2] в неопределенном количестве. В нынешнем году на бугу наложили этой подати 60 лошадей...

Комендант имеет аманатов... и поддерживает постоянную вражду между родоначальниками. Мамразык возвысил Османа, вступил с ним в родство для того, чтобы посредством его наказывать других киргизов... Осман содержит 500 человек, постоянно готовых к услугам коменданта... В последнее время Турдуке совершенно не стал платить зякета, а другие чирики неисправно. Мамразык два года обращается к анджанскому наместнику с просьбою прислать для наказания киргизов до 700 человек войска, но напрасно...

Киргизы, подведомственные Куртке, сравнительно с бугу и сарыбагышами бедны, малочисленны, а взаимные кровавые раздоры делают их еще более бессильными. Наши бугинцы всегда одерживают над ними верх и несколько раз жестоко наказывали саяков и чириков».

В отношении торговых караванов «у киргизских родоначальников образовались систематические правила, освященные временем: 1) караван, проходящий через улус киргизского родоначальника, должен заплатить зякет; 2) должен дать выкуп за свободный проезд; 3) поднести подарки соответственно значению и силе родоначальника; 4) не должен обходить аулы знатных вождей и обязан останавливаться в их улусах для того, чтобы воспользоваться их гостеприимством».

Оставив Куртку 24 марта 1859 г., караван Валиханова думал пройти, не останавливаясь, земли Османа Тайлакова, но он через своего джигита пригласил «в гости», когда же караван не послушал, то силою повернул его в свой аул. К счастью, в тот же день прибыл из Куртки солдат за Османом и он удовольствовался подарками на 25 р. Он говорил, что коканского хана он не боится, но с Мамразыком не хотел бы ссориться, потому что он ему родственник и человек нужный. Во время ночлега каравана в ауле бугинского Тобылды поднялась тревога: чирики отогнали из соседнего аула несколько сот лошадей. Тобылды нагнал хищников, отбил скот, взял несколько человек в плен и сам поехал в набег на чириков. Тобылды этот, стремящийся к преобладанию над нарынскими бугинцами, был два года в ссоре с Мамразыком и хотел ехать в Верное искать покровительства русских, но помирился.

Следуя все вверх по Нарыну, караван вышел на прежнюю дорогу и спустился к Иссык-Кулю Заукинским ущельем. Берега озера оказались занятыми сарыбагышами Тюрегельды. Последний задержал караван и начал его обирать, угрожая ограбить и выдать

коканцам Валиханова, которого признал один сарыбагыш, видавший его в Верном. Но приближение к озеру русского отряда, высланного навстречу каравану, принудило Тюрегельды, который находился в ссоре с Джантаем и боялся возбудить против себя русских, отпустить караван без дальнейших неприятностей, в Верное Валиханов прибыл 12 апреля 1859*[108].

* * *

По Чокану Валиханову (1856—1859), который генеалогические предания киргиз-казаков и кара-киргизов признавал важными, так как они «представляют состав и образование народа», из «генеалогии бурутов следует, что главную массу их народа составляет турецкое племя киргиз, к которому присоединились впоследствии два чуждых отдела. Один из этих чуждых отделов составляют роды кипчак, найман...; права их на киргизскую народность генеалогической форме выражены тем, что им дан общий родоначальник, который поставлен сыном Киргизбая. Другой чуждый отдел — ичкилик, хотя считает своим родоначальником также сына Киргизбая, но не признается другими родами. Третий отдел составляют настоящие киргизы, разделенные на два крыла — *он* и *сол*. Крыло *он* делится на два отдела — адгэне и тагай; последний состоит из семи родов: бугу, сарыбагыш, султы, саяк, чирик, чонбагыш и бассыз; отдел адгэне лето проводит в горах от Ошa до Кокана; левое крыло состоит из трех маленьких племен, которые кочуют по Таласу: сару, кощи и мундуз. Найманы, кипчаки...— племена, присоединившиеся к киргизскому народу впоследствии, кочуют от Ошa по Памирскому плоскогорью до Бадахшана; с ними же кочуют ичкилики и некоторые роды из племени адгэне; род тураiгыр-кипчак.., кочует в окрестностях кашгарского города Ташмалыка. Исчисленные роды разделяются на множество поколений, каждое из поколений еще на поколения и т. д.»*[109].

С. Я. КАПУСТИН

О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

Принялся, наконец, за исполнение своего давнишнего желания и данного обещания — написать, что знаю, о Чокане. Принялся — и вдруг оказываюсь сам перед собой озадаченным. Воспоминания разных обстоятельств так ясны в голове, что, кажется, бери их и выкладывай на бумагу, притом их так много, что выбирай любое

*[108] «Поездка в Кашгар». «Известия ИРГО», 1868, IV, с. 278—287.
*[109] См. «Очерки Джунгарии», «Записки РГО», 1861, кн. II, с. 49, 50, 54.

и пишу о нем. А между тем в этом и главная препона: которое из них [более] существенно, которое интересно с той и другой стороны — для того, другого и третьего, для истории вообще жизни Чокана? Все это вопросы, на которые нужно самому ответить. Изложение подробнейшего послужного списка Чокана от меня, конечно, не требуется, потому что сведения об этом уже собраны и печатаются[1]. О крупных событиях жизни Валиханова также говорить не приходится, так как этим предметом занимались другие приятели Чокана[2], равно как и ученая его деятельность моему ведению не подлежит и от меня никаких пояснений по этому предмету никто не ожидает.

Таким образом, на мою долю выпадает писать о том, что я знаю об общественной (в узком смысле) жизни Чокана, о его домашнем обиходе, о его человеческих отношениях в кругу его друзей, приятелей и знакомых. И вот в силу разнообразия и многочисленности данных, из которых слагается эта жизнь, в силу также обыденных многих явлений ее, мелочности значительного числа входящих сюда фактов и становится для меня вопрос, трудно решаемый, вопрос о том, что здесь я должен выставить на вид. Будь я по складу художник, [писатель] для меня не было бы тут вопроса и не возникало бы никаких сомнений относительно того, пустое или ценное я описываю происшествие, характеризует ли оно человека и проч.

Итак, я принимаюсь за начатое дело не то что с боязнью, а надеждой — быть полезным для историографа Чокана Валиханова и совершенно не знаю, много ли напишу или мало. Другое было бы совсем дело, если бы мне дали в руки уже составленную биографию, и я, читая ее, нашел бы такие места, которые бы моими воспоминаниями могли бы быть дополнены, освещены и прочее, иначе говоря, такую работу можно было бы обогатить замечаниями и комментариями. Но, как бы то ни было, я начинаю.

* * *

Монгольская раса вообще некрасива, но Чокан был донельзя привлекателен, скажу даже красив, несмотря на ярко выраженный в его физиономии чистый монгольский тип (черные густые прямые волосы, узкие черные глаза, маленький, немного вдавленный нос — все в нем было монгольское). Но все черты его лица говорили в его пользу, свидетельствовали о доброте, мягкости, все в нем было крайне симпатично, тянуло к нему. При беседе, при общении с ним у Вас улетучивалось всякое представление о том, что перед Вами киргиз (а между тем облик и склад его тела не походили ничем на русского).

Здесь надобно заметить, что как коренной сибиряк, так и приезжий в Сибирь русский человек еще не могли смотреть на киргиза как на равного себе, как он смотрит на немца, француза, еврея,

итальянца. Самый гуманнейший сибиряк и россиянин относятся к инородцу как взрослый к ребенку. Это самое, так сказать, христианнейшее отношение, доступное весьма немногим; большинство русских способно видеть в киргизе человека, скорее отталкивающего от себя, нежели привлекающего. Но Чокан Валиханов своей вежливостью как-то невольно заставлял считать себя братом, да еще более близким, нежели иной русский одного с вами круга, товарищ Ваш с детства и по учебному заведению. В каждой черте его Вы видели нечто свое (взгляд, игра физиономии, интонация голоса, мягкость и образность выражений), он выражал самые тонкие оттенки чувств.

[У него было много] общечеловеческого. Таким он мне казался и [таким] являлся по выходе из Омского кадетского корпуса. Я в это время кончил курс в Казанском университете и приехал в Сибирь. Несмотря на разность программ этих двух учебных заведений, мы, познакомившись, не находили предмета, о котором бы разно думали. Не понятия обыкновенного воспитанника среднего учебного заведения я встретил в Чокане, а нашел весьма разносторонне образованного человека. В особенности он обладал большими историческими знаниями, вообще отличался начитанностью как в области научной, так и литературной.

Приятнейшим собеседником Валиханова делал дар слова, умение метко и образно выражаться; к этому присоединялась еще его всегдашняя наклонность облекать свой рассказ в ироническую форму, ловко подделываться под тон и способ выражения [мыслей] действующих лиц рассказа и дополнять все это изумительной мимикой.

Кажется, ни одна манера, ни одна черта характера кого-либо из его знакомых или раз виденных им людей не ускользала от его внимания, не получив известного рода осмысленности. По нескольким особенностям физиономии, по манере держаться, по схваченному на лету слову Чокан умел очерчивать целый характер человека, делать крайне остроумные предположения о его прошлой жизни, о его будущих похождениях.

Жизнь сибирских городов, в особенности Омска, где мы чаще всего виделись и жили с Чоканом, давала неисчерпаемую практику для наблюдений крайне характерных личностей. Сюда постоянно шел прилив новых личностей из столиц, Центральной России и со всех ее окраин — Финляндии, остзейских губерний, Царства Польского, Крыма, Кавказа. Кроме людей, втянутых сюда не по своей охоте, сюда устремлялись люди, ищущие карьеры, поправления финансов, личности, замешанные в какой-либо истории, которой нужно дать забвение, и проч., и проч. Кроме того, в рядах сибиряков-туземцев редко можно было встретить личностей, подобных обитателям российских захолустий. И старые, и молодые сибиряки большею частью отличались подвижностью, предприимчивостью и умением прилаживаться к всевозможным условиям практики. Чего-либо затхлого, рутинного здесь встретить было нельзя.

Постоянно освежаемое приливом разнообразного и разноплеменного народа сибирское общество было, собственно говоря, очень умное и образованное общество. Странствуя в продолжение жизни по разным краям обширной нашей империи, я нигде не встречал общества, в котором бы так много читали книг, как в сибирском, где бы в такой степени [стремились иметь] энциклопедические сведения, где бы практическая жизнь представляла столько разнообразных и интересных личностей, где бы столько знали о целом свете и о России. Туземные обитатели уездных городов и деревень России, привиленских губерний, пограничных немецких поселений и проч.— все это не могло идти в сравнение с обитателями сибирского города. <Сибирь зачастую изобиловала выходцами, [известными своими из ряда вон выходящими действиями] из обычной колеи истории, которые являлись в крайне резком и иногда безобразном виде.>*[110] Все эти особенности сибирской городской жизни, конечно, остались не без последствий для даровитого юноши и питали его наблюдательность. <Среди личностей было [немало] дурных, порочных искателей наживы и бессовестных искателей приключений>. При крайне разнообразном составе обитателей*[111], например, Омска, при постоянно царствовавших здесь, в центре генерал-губурнаторского управления, интригах, здесь всегда существовали партии, кружки и члены общества, мирного по наружности, [которые] грызлись между собой, соединяясь для лучшей борьбы и обороны в отдельные кучки. Служить, торговать, предпринимать что-либо и даже просто жить было нельзя, не имея за себя языков, не связав свои интересы с интересами других, однородных с вами людей.

До начала шестидесятых годов здесь резко различались три партии: одна, готовая творить тяжкие дела для повышения в чинах, для набивки кармана; другая была умеренная, брезговавшая крайней грязью; третья делала шаги вести себя по-божьему. В последней, весьма интересной с бытовой стороны сибирской жизни, немалую долю составляли старинные сибиряки*[112], прежние роды, сложившиеся, так сказать, издавна, в то еще время, когда чиновничества было мало и когда вся его деятельность ограничивалась крайне небольшим количеством обязанностей, как, например, сбором налогов, проведением дороги да принятием подношений в свою пользу, а все остальное предоставлялось своему течению, [они] не вмешивались ни в какие хозяйственные порядки сел и городов, не заботились о том, что где строится, что делать

*[110] В [illegible] скобках дан зачеркнутый текст.

*[111] Разночтение: *При постоянно царствовавшем здесь в местопребывании генерал губернаторского управления, этого центра интриг, неравличных с генерал губернаторским управлением.* Второй вариант: *При крайне разнообразном составе обитателей, например, Омска, можно было всегда найти людей, глубоко просвещенных, [которые] естественно, само собой образовывали разные партии и кружки.*

*[112] Разночтение: *В последнюю группировались большей частью люди старого закала.*

дома, куда ездить и проч., когда, одним словом, человек был более лично свободен во всех отношениях. В этой же партии приходилось, к удивлению, встречать много больших грешников, раскаявшихся или, лучше будет сказать, исправленных и выученных здоровой сибирской средой. Здесь именно попадалось много из бывших чиновников, даже исправников, грешивших в том и в другом на своем веку. Странно было видеть в них действительных радетелей правды, права защиты закона самого малого человека. Я много знал из числа этих старичков таких, которые безвозмездно из сил выбивались над тем, чтобы помочь горю какой-либо притесненной женщины, бедному мещанину или работнику, которые детей своих учили чести, долгу, внушали им бескорыстие и самоотверженность. Я думаю, что главный тон сибирской жизни давала масса свободного крестьянства, мало опекаемого кем бы то ни было. Соприкасавшийся с ним чиновник невольно подпадал под ее нравственное влияние, научался здесь толку, благодаря которому Сибирь из пустыни, грозящей на каждом шагу человеку, обращалась в страну удобообитаемую, способную к восприятию цивилизации; [она] культивировалась, цивилизовалась.

Я помню себя мальчиком, барчуком в доме, хотя городском, но по положению своему представлявшем совершенную деревенскую усадьбу, правда, все время в саду, в огороде, скотном дворе, среди набранной из деревень прислуги, которой набралось почти до двух десятков. Лишась рано матери, живя при отце, постоянно бывшем или на службе, или в обществе, я рос без всякой узды, так как бабушка, тетки и прочие не способны были наложить таковую на подвижного мальчика. Как бы, казалось, не испортиться или не сложиться при такой обстановке в самого беспринципного человека. Но вышло наоборот. Незаметно для меня прокрались в мою душу понятия о справедливости, правде, строгом отношении к данному слову, презрение к дармоедству <излишествам. Вместо того, чтобы сделаться лакомкой, неженкой, щеголком, куда тянула одна струя тогдашней обстановки — городской, из меня начал вырабатываться иной тип. О спартанцах я тогда, конечно, ничего не слыхал, а, между тем, тип спартанца стал моим отроческим типом>. Тут уже начало образовываться у меня понятие о равенстве людей... и ...как бы так не выразиться перед законом, не перед властью, представлений о которых у меня тогда не было, а перед людьми, именно между совокупностью их, толпа представлялась мне чем-то целым, внушительным, чему нужно покоряться, перед которой следует стыдиться, расположения чего добиться похвально. Теперь-то мне ясно, что мирские тенденции крестьянства, меня окружавшего, вливали в меня все эти понятия, но, надобно сказать правду, что понимаю я это только теперь, после основательного и чисто научного изучения народной жизни. До этого времени я не мог понять, откуда это все взялось*[113].

*[113] На этом текст обрывается.

И. И. ИБРАГИМОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧОКАНЕ

В 1861 г. вернулся из Петербурга Чокан Валиханов к себе домой, [вернулся] в то время года, когда аулы тронулись с зимовки на летние кочевки. О прибытии в Кокчетав дали знать отцу Чокана в аул, и отец, передвинув аул на хорошее пастбище, остановился ждать своего сына. Чокан Валиханов несколько дней пробыл в Кокчетаве, познакомился с тамошними местными властями и, больной, выехал в тарантасе в аул к отцу.

С ним ехал молодой человек из Москвы, сын богатого помещика, чахоточный, которого Чокан вез лечить от чахотки. Когда прибыли в трех тарантасах в сибирскую казачью станицу, откуда уже начиналась степь и откуда должны были ехать на киргизских невыезженных лошадях, [запряженных в] экипажи, Чокан Валиханов остановился заночевать, чтобы утром двинуться. «По крайней мере на свету ломать шею [лучше], чем ночью»,— сказал он, шутя, своим спутникам. Верховых киргиз, собравшихся посмотреть на молодого султана, возвратившегося от белого царя, было видимо-невидимо. Ложась спать, я помню, Чокан велел обтереть себя водкой, потому что от дождя в дороге простудился; он, здороваясь все время со встречавшими его киргизами, высовывался из тарантаса, [промок, а также] промочил себе ноги, выходя из тарантаса на станциях. У него был татарин денщик[1], которого во время его беготни из комнаты в тарантас и обратно беспрестанно расспрашивали, что тюря делает, что хочет делать и проч.

«Тюрей» называют только султанов, простых киргиз не называют. Татарин сказал, что он барина своего уложил спать и будет мазать водкой. «Как водкой? почему?» Некоторые киргизы тут же отозвались: «Пить, значит, недостаточно, а надо еще и себя мазать, вот так тюря! Недаром жил в среде русских столько времени». Один старик иронически заметил: «Научился всему хорошему, нечего сказать!».

Он приехал в аул отца, сопровождаемый массой киргиз, которые всякий час давали знать отцу о приближении его сына в аул, народу было весьма много.

Для Чокана на некотором отдалении от аула поставлены были кибитки и палатки, где он должен был остановиться со своим гостем, которого он вез из Москвы. По прибытии в аул он, по этикету, послал просить у отца себе приема, отец не замедлил пригласить его. Чокан в сопровождении своего брата Якуба и некоторых двоюродных братьев отправился в кибитку отца и матери.

Отец с матерью сидели в кибитке, по обыкновению на полу, на своих местах. Двери кибитки отца Чокан должен был сам приподнять (знак почтения), но когда он дошел до самой двери, то брат его, Якуб, поднял ему дверь и пропустил. Масса киргиз сей-

час же и это поставила ему в укор: «Вот видите, он не хочет и двери сам поднимать, да уж испорчен, испорчен, видно уж по всему»,— сказали киргизы друг другу.

Чокан подошел сначала к отцу, опустился перед ним на колени, отец сидел поджавши ноги под себя; отец обнял его обеими руками и поцеловал в лоб. В это время мать его Зейнеп, тучная женщина, сидевшая в двух-трех шагах от мужа, горела нетерпением обнять сына и кричала: «Чокан, Чоканым (мой Чокан), узимнын балам (мой собственный сын), кел, кел (иди, иди ко мне)», и когда он подошел к матери, мать заплакала и [стала] целовать все его лицо. Затем отец предложил ему сесть около себя по правую сторону и перед ним сейчас же постлали скатерть и подали кумыс, затем [начались] обыкновенные расспросы о дороге, здоровье и проч.

Вскоре Чокан распростился и ушел к себе в кибитку. Около его кибитки сидел с балалайкой в руках известный киргизский импровизатор Урумбай[2], окруженный киргизами. Чокан пригласил его в кибитку, и Урумбай начал в самых пышных, красивых словах воспевать приезд молодого султана в аул отца, его путешествие к белому царю, который полюбил Чокана, как потомка известных великих людей, хвалил его светлый ум и проч., и проч.

Чокан сделал певцу маленькое замечание, чтобы он не мешал в киргизский язык татарские слова...

Чокан вечера просиживал долго, слушая пение и рассказы киргиз. Вставал поздно, пил кумыс, чаю не пил, ел вареную баранину с соусом и копченую конину. Сын помещика помещался в отдельной кибитке, и его угощали кумысом и бараниной, а также сыром.

Так быстро начал поправляться молодой помещик, что Чокан только радовался лечению и часто угощал молодого человека, расписывая в самых ярких красках пользу кумыса, баранины, бульона и сыра. Не знаю, сколько времени пробыл москвич, но не [прошло], кажется, месяца, как он совершенно поздоровел, пополнел; приехав сюда щепкой, со страшным кашлем, он уехал [здоровым], раздарив ружья, которые он привез с собою.

Раз Чокан поехал, я помню, в аул по приглашению какого-то киргиза на «кыз уйнак» (игра девиц)*[114] и провел там время очень весело. Девицы сидели по одну, а молодые люди по другую сторону кибитки. Девицы выбирали ударом платка кавалера, который подходил к выбранной и целовал ее. В свою очередь, по возвращении на свое место молодой человек кидал оставшийся в его руках платок в ту девицу, которую он выбрал сам. Тогда девица вставала и, придя к нему, садилась перед ним и целовала его. Девицы при этом часто передают изо рта в рот кусок сахару или гвоздики. Под конец игры Чокан велел выбранному сесть перед выбран-

*[114] Точнее, вечеринка, во время которой не только веселятся, но и едят.

ной и спеть ей песенку, а потом уже поцеловать ее. Такой же порядок установил и для девиц. Потом сказал, чтобы выбранный пел тем мотивом, который будет назначен выбранной; так же было и для девиц, и для молодых женщин, принимавших участие в этой игре.

Поздно вечером подали ужин, и мы вернулись с песенками к себе в аул. Ехали все верхом.

Летом раз произошел следующий случай, который был причиной отъезда из аула отца Чокана Валиханова, который после этого уже расстался совсем со своими родителями и не возвращался более к ним домой.

В услужении матери Чокана была жена тюленгута (слово это когда-то сказал однажды, говорят, Аблай-хан людям, сопровождавшим султанов, собравшихся к нему в аул для какого-то совета; *(тюренгды кут* [служите своему господину], т. е. идите на свои места, не сидите, другими словами, на совете), а муж этой женщины бедный, построил в конце аула свою кибитку и жил там. Жена его являлась рано утром к своей госпоже, грела воду, готовила все, что требовалось, открывала тюндук*[115], готовила кушанье и оставалась до позднего вечера, а вечером возвращалась к соему мужу.

Вот эта служанка по утрам начала приносить в чашке, налитой самой султаншей, кумыс Чокану и, дождавшись [пока опорожнят] чашку, уносила ее обратно. Днем приносила завтрак, вечером ужин. Утреннюю чашку Чокан пил в постели. Вот тут Чокан мало-помалу влюбился в эту служанку и, часто просыпаясь рано, ожидал ее появления. «Она приходила тихо, осторожно, чтобы не разбудить меня, и садилась иногда, ожидая моего пробуждения; нет, она дивная женщина, умная, без всякого задора; что за губы у нее, вздернутая вверх верхняя губа — эта такая прелесть, нет, не всякий способен понять сладкие поцелуи»,— говорил Чокан часто.

Умная мать очень скоро заметила, что женщина, отправляясь к Чокану, начала надолго пропадать, и другие служанки шепнули, может быть, что-нибудь подозрительное, и она сразу запретила этой служанке бывать у Чокана и назначила для таких посылок старуху. Чокан сейчас же послал сказать матери, чтобы она делала так, как до сих пор делала, т. е. «чтобы кушанье посылала с прежней женщиной, а не с этой курносой женщиной»,— сказал он.

Мать не уступила, и Чокан не хотел тоже уступать, вот тут началось у них охлаждение. Чокан поведал тайну своему брату и дяде, которого он любил[3]. Между тем дня через два-три юрта служанки была перенесена в аул брата отца Чокана, Чоне[4], она и муж ушли из аула отца Чокана Валиханова совсем. Чокан раза

*[115] Кусок войлока квадратной формы, с помощью которого регулируется освещение в юрте.

два требовал ее к себе, но безуспешно. Тогда он, рассердившись, сказал своему брату, что он совершеннолетний, что он имеет право любить кого он хочет, что запретить ему ни отец, ни мать и никто не может, но если родители будут много говорить и шум производить своими рассказами об этой женщине и, чего доброго, пожелают отравить ее, то он примет все меры для защиты этой женщины. Отец и мать не на шутку рассердились на Чокана и требовали замолчать, и велели при этом объявить, что женщины этой нет и [что] он более ее не увидит. Между тем в ауле шли разговоры об отправлении этой женщины с мужем в Баян-Аул к Мусе Чорманову — брату жены Чингиса Валихапова.

Чокан, я помню, написал своему отцу на большом листе записку и просил меня прочесть ему, если отец попросит. Отец прочел и спрятал у себя записку, мне не показал.

По передаваемым слухам, наступил, наконец, день отъезда из аула Чепе женщины с мужем. Чокан объявил, что он не отпустит ее, разведет и женится на ней сам при всех, не стесняясь никого и ничего. Брат долго уговаривал Чокана, который очень волновался, в это время отец с матерью волновались тоже не меньше. Наконец, брат Якуб уговорил Чокана остаться в ауле на день или два после отправления этой женщины, а потом поехать в Кокчетав, куда и обещал в целости доставить эту женщину. Если бы Чокан не послушался совета, то кончилось бы все великим скандалом, был к этой серьезной развязке вызван старший брат Чингиса Чепе и другие его братья, была приготовлена верховая лошадь, и Чингис категорически сказал, что если Чокан выйдет из своей кибитки, чтобы уехать за этой служанкой, то он живым его не выпустит из аула.

Не помню, простился ли Чокан со своими родителями, или нет, но он действительно уехал вскоре в Кокчетав. Женщина эта жила некоторое время у него в доме, спала с ним в одной комнате, но потом Чокан почему-то остался ею недоволен, и она уехала в аул его отца.

После этого Чокан уехал в Большую орду[5], там женился на сестре полковника Тезека и умер в его ауле в 1865 г. Его овдовевшая жена была потом увезена братом его, Якубом, который и женился на ней, по киргизскому обычаю. Она была некрасивая, но умная женщина.

Между Копалом и Верным, близ почтовой станции Алтын-Эмель, в стороне от почтовой дороги, генерал фон Кауфман посетил могилу покойного киргизского султана Большой орды, ротмистра русской службы Чокана Валиханова. Покойный получил известность в ученом мире своими сочинениями о Кашгарии, был очень образован и вообще считался в то время передовым человеком из киргизов.

Константин Петрович почтил память покойного, спяв шапку над его могилой, а меня просил прочесть приличную случаю мусульманскую молитву. Впоследствии К. П. заказал на ней над-

пись на киргизском языке такого содержания: «Под этим камнем погребен прах султана Большой орды Чокана Валиханова, скончавшегося в 1865 году. Он был верный слуга царю, защитник правды. За верную и усердную службу, за любовь к добру и порядку и за отличные познания в науках государь император пожаловал его чином ротмистра. Господь рано призвал его к себе. Да успокоит аллах его душу вместе с праведными. Этот камень положен по приказанию туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта фон Кауфмана в 1871 году, в память уважаемого и любимого всеми покойного Чокана Валиханова»*[116].

Сообщение о посещении могилы новым начальником края, как молния, облетело всю огромную киргизскую степь и произвело чрезвычайно отрадное впечатление на все тамошнее мусульманское население.

Г. Н. ПОТАНИН

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

Чокан Валиханов поступил в Сибирский кадетский корпус в 1847 ф., следовательно, родился в 1837 г. или около того[1]. По своему рождению «белой кости» (ақ сюек), он был внук последнего киргизского хана Вали и правнук знаменитого киргизского хана Аблая, при котором Средняя орда киргиз вступила в подданство России.

По своему деду Чокан носил фамилию Валиханов. Отец Чокана, Чингис Валиевич, был второй сын хана Вали. Так как старший сын Вали хана Габайдулла по политическим причинам кончил жизнь в ссылке, то родовая усадьба Сырымбет сделалась собственностью Чингиса. Впрочем, Чокан родился не тут, а в местности Кушмурун, находящейся в вершинах реки Тобола, потому что в этой местности должен был проживать Чингис Валиевич по обязанностям службы (он был старшим султаном Кушмурунского округа). Степь Киргизская в то время была разделена на несколько округов; во главе каждого округа ставился один из султанов*[117], который на это время назывался старшим.

Мусульманское имя Чокана было Мухаммед-Ханафия; Чокан уличное имя. До 10 лет Чокан воспитывался дома[2], в киргизской юрте. Отец его когда-то и сам учился в том самом училище,

---

*[116] Сохранился ли тот камень на могиле Валиханова или нет, я не знаю, но у меня имеется копия мусульманского текста надмогильной надписи и сделанного мною перевода этого текста на киргизский язык для вырезки на камне с надписью моею рукою: «Представил его высокопревосходительству 27 ноября 1871 года». *(Примечание Ибрагимова).*

*[117] Все лица белой кости называются султанами, они считаются потомками Чингисхана. *(Примечание Потанина).*

куда потом поступил Чокан, оно прежде называлось Войсковым казачьим училищем, а в кадетский корпус переименовано в 1845 году.

В кадетский корпус Чокан поступил ни слова не умея сказать по-русски, но уже рисовал карандашом тогда же. В корпусе он пробыл до 1853 года, был выпущен годом раньше своих сверстников, так как по закону, как инородец, не имел права слушать специально военные науки: артиллерию, тактику и проч. По характеру он и не имел расположения к военным подвигам. Выпущен был офицером и назначен в адъютанты к тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту.

Развитию Чокана способствовали как собственные его большие дарования, так и исключительное внимание к нему вследствие того, что он был инородец, умный киргизский мальчик всех интересовал. Поэтому в праздники всегда его брал к себе в город какой-нибудь образованный человек; сначала некто Сотников, питомец Казанского университета по восточному факультету, потом очень образованный и начитанный учитель истории в том же кадетском корпусе, поляк Гонсевский; наконец, в последнюю половину пребывания в кадетском корпусе он был принят в семейство полковника Гутковского. Благодаря этим знакомствам развитие Чокана шло быстрее, чем его сверстников русских, и он не только обгонял идеями весь свой класс, но и тот класс, который был старше двумя годами. Особенно важное значение в его развитии и вообще в его судьбе имело семейство Гутковского и родственное ему Капустиных (женщины которых принадлежали к просвещенной фамилии Менделеевых)*[118].

Это были самые образованные семейства в городе Омске того времени; в их домах собиралась самая лучшая, самая просвещенная молодежь. Ни один ученый-путешественник не проезжал, не побывав в этих семействах; если случалось, что в Омске проживал политический ссыльный, он находил здесь отдых.

Так П. П. Семенов, проезжая через Омск, бывал у Гутковских и Капустиных каждый раз; ссыльный (петрашевец) Дуров был у них очень хорошо принят. По выходе из кадетского корпуса Чокан еще более сблизился с этими двумя домами;в обоих он был принят как родной сын. В свою очередь он всегда питал к этим семействам родственные чувства.

Впоследствии Гутковский получил место товарища губернатора, управлявшего Областью сибирских киргизов. Это еще более сближало Чокана с Гутковским. Гутковский поручал Чокану составление записок по вопросам об управлении киргизами.

П. П. Семенов, по приезде в Западную Сибирь, заинтересовался Чоканом как любопытным явлением в провинциальной глуши. Он был удивлен начитанностью Чокана, какой нельзя было ожи-

*[118] Семен Яковлевич Капустин, покойный, был самым ближайшим другом Ч. Валиханова. *(Примечание Потанина).*

дать в провинции при скудных книжных богатствах Омска. Начитанность, конечно, ограничивалась тесными рамками ориенталистики и притом в узком смысле: туркестанской ориенталистики.

Уже тогда в библиотеке Чокана было собрано все, что было напечатано о киргизах по-русски. Он умел добывать даже редкие провинциальные издания.

«В 1858 году (западносибирским начальством, по случаю беспрерывных смут и восстаний в Восточном Туркестане) признано было необходимым,— сказано в некрологе Валиханова, помещенном в «Отчете Географического общества за 1865 г.»*[119] и составленном на основании сообщений П. П. Семенова,— отправить доверенное лицо в Кашгар, как для получения на месте достоверных сведений о положении края, так и для исследования, насколько это было возможно, торговых путей в этих частях Средней Азии. Поручение было опасное, и для исполнения его нужен был человек с большой решительностью, наблюдательным умом и при этом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетым в азиатское платье.

Нельзя было найти человека, который более соответствовал бы всем этим условиям, как Валиханов. В июне 1858 года он отправился в путь вместе с торговым караваном.

В Семипалатинске проживал богатый купец сарт Букаш. Он взялся устроить это дело. Он вспомнил, что с десяток лет с лишком из Кашгара выехал в Семипалатинск торговый сарт с семьей, у него был малолетний сын Алим. Пожив в Семипалатинске, отец Алима перевелся в Саратов и затем о его судьбе ничего не было известно. Букаш знал верно только одно, что в Кашгар эта семья не возвращалась. Букаш предложил Чокану переодеться сартом и взять имя Алима; по расчетам, года его были подходящие; Алиму в это время насчитывали 21 год.

Валиханов обрил волосы, оделся по-азиатски и вместе с караваном Букаша выступил из Семипалатинска. Караван благополучно достиг Кашгара, и весной 12 апреля 1859 года Валиханов возвратился в нынешний город Верный».

В некрологе говорится: «Поездка эта была географическим подвигом. Со времени Марко Поло Кашгар не был посещен ни одним европейцем, кроме несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе».

Чокан был принят родными Алима за родного. Ему обрадовались, устраивали пиры в честь возвращения мнимого Алима, родственники подыскали красавицу невесту и женили Чокана (по местному обычаю на время пребывания в городе), сообщили эту радостную весть бабушке Алима, которая в это время проживала за снежным хребтом в Кокане и оттуда прислала Алиму ермолку, (аракчин), шитую золотом в подарок. Кашгарский край в это вре-

*[119] «Отчет Русского географического общества за 1865 г.», СПб, 1886, с. 9—11.

мя только что вытерпел революцию, которую в нем устроил повстанец Якуб-бек*[120], и следы погрома еще были видны.

Валиханов видел пирамиду из человеческих голов на площади Кашгара, и жители говорили, что в числе их лежит и голова Адольфа Шлагинтвейта. Кашгарское начальство получило известие о том, что под видом Алима скрывается русский офицер слишком поздно, когда караван Букаша уже возвращался в Россию. Была из Кашгара послана погоня, но она не успела догнать караван, [который благополучно] перешел через границу.

Труды Валиханова были напечатаны в «Записках Географического общества» за 1861 г.: 1) «Очерки Джунгарии» (кн. I) и «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нань-лу» (кн. III)*[121]. При них помещены портреты дикокаменных киргиз, рисунки самого Чокана.

Вероятно, жизнь в каменных стенах кадетского корпуса дурно повлияла на здоровье Чокана, хотя каждое лето его отправляли в степь, на родину, но эти поездки не наверстывали того, что его организм терял за зиму.

По окончании Кашгарской экспедиции он был вызван в Петербург, но климат и жизнь столицы еще более расстроили его здоровье. У него обнаружились признаки чахотки, и доктора выслали его в степь на другой же год. Остальное время Чокан жил в степи, в местности Сырымбет в Кокчетавском округе, на зиму выезжая в Омск.

Когда генерал Черняев предпринял первый поход на Ташкент, Валиханов также был приглашен принять участие в блестящей свите генерала, составленной из ученых и литераторов (Северцев, Южаков, тобольский художник Знаменский, сотрудник «Искры»). Но в самом начале похода Валиханов не вынес военных сцен, разошелся с генералом и вернулся из похода в Верный; болезнь его усилилась, и он умер в 1864 г.*[122] в киргизском ауле султана Тезека, управляющего поколением албанов (на границе с Кульджинским краем), на 31 году от роду.

Напечатано было далеко не все, что было собрано Валихановым. Рукописи его бесследно пропали. «Для собирания материалов по истории, этнографии и географии Средней Азии,— говорится в некрологе,— Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований: тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, скупал древности и с опасностью для жизни добывал рукописи».

«Валиханов,— сказано далее в том же некрологе.— сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию под покровительством России».

Сказано официальным слогом, но в самом деле по своим умст-

---

*[120] Неточно, вместо *Якуб-бека* следует читать Валихан-тюре.

*[121] Эта статья переведена в Эрмановском Archive, издававшемся в Берлине. *(Примечание Потанина).*

*[122] Неточно, Ч. Валиханов скончался 10 апреля 1865 г.

венным симпатиям и направлению Чокан был русским западником.

Он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячего ее обновления. Он увлекался движением 60-х годов, принадлежал к либералам. В религиозном отношении он был свободный мыслитель, но оставался мусульманином, чтобы не прерывать связь со своим народом.

В. В. БАРТОЛЬД

[Ч. ВАЛИХАНОВ О КИРГИЗАХ]

В Восточный Туркестан в XIX в. было отправлено несколько экспедиций и посольств из Сибири и Средней Азии. Еще в 20-х годах в города Иртышской линии проникли сведения о происходившем тогда восстании против китайцев; сведения об этом восстании, сохранившиеся в архиве города Семипалатинска, впоследствии были изданы Семипалатинским комитетом[1]. Еще больше значения имело восстание 50-х годов, когда Восточный Туркестан на короткое время совершенно отделился от Китая. Для получения сведений об этих событиях и о самой стране из Сибири был командирован состоявший на русской службе киргиз Чокан Валиханов, которому и удалось проехать по стране под видом торговца (1858/59). Как составленное им описание страны, так и другие работы даровитого киргизского султана возбудили большие надежды, но вскоре после этого Валиханов отказался от условий культурной жизни и вернулся в свой родной аул, где и умер.

...По словам Валиханова, в Омске, в архиве Областного правления сибирских киргизов есть документ, где говорится о прибытии в Усть-Каменогорск летом 1746 г. 12 человек киргиз-калмыков[2] с женами и детьми; по их словам, киргизов, в числе 3000 дымов (по мнению Козьмина —2500; в документе: полутысячи с три), увели «тому назад лет 50 или более» три калмыцких зайсана: Духар, Сандык и Чиньбинь (по другому показанию: Зукар, Сандык и Бенбень, по документу, на который ссылается Козьмин,— Чинбиль), во главе отряда в 500 человек, увели «насильно, но без бою»[3].

Местное население приписывает киргизам могилы на Абакане, причем существует легенда, что здесь воинственные киргизы сражались со своими врагами и хоронили убитых в сражениях.

...Первая «рекогносцировка» русских войск в Заилийский край относится к 1852 г.; в 1854 г. уже произошло занятие этого края, причем было построено укрепление Верное, впоследствии названное городом Верным (ныне Алма-Ата). В 1855 г. покорность русским выразил Буранбай, или Бурамбай, верховный манап племени бугу, насчитывавшего до 10 000 кибиток. Буранбай умер в начале

1858 г., за три месяца до проезда через Заилийский край, или, как его называли официально, Алатавский округ, казака*[123] Чокана Валиханова, ездившего по поручению русского правительства в Кашгарию; в другом месте у того же Валиханова им дата смерти Буранбая указана 1875 г.[4]

Валиханов сообщает довольно подробные сведения о «дикокаменных» киргизах, о делении их на племена и об отношениях между племенами. Подобно монголам, киргизы делились на два крыла — правое (он) и левое (сол); первых гораздо больше; левые занимали крайний запад территории киргизов, именно местность у Таласа. Из этого можно заключить, что киргизы при определении стран света становились лицом на север, а не на восток, как древние турки, и не на юг, как монголы.

В 1816 г. они поддержали восстание против китайцев ахуна Зияаддина в Ташмалыке, или Ташбалыке, где и потом был центр кашгарских киргизов, принадлежавших к роду турайгыр-кыпчак. Место Ташбалык находится к юго-западу от Кашгара, около выхода из гор речки Яманяр, или Гез.

...Валиханов в декабре 1864 г. осуждал русские власти за то, что ими «ничтожный, известный лживостью» Сарынбек (или Сарымбек)[5] был возведен в звание ага-манапа, тогда как прежде у киргизов аристократии не было, и только немногие, как Урман[6] и Бурамбай (Буранбай), выдвинутые своими личными качествами, достигли главенства, причем первый был известен храбростью, второй — замечательным умом. Назначив главным манапом ничтожное лицо, русские «случайное явление возвели в постоянное достоинство»; этим же они вооружали против себя других манапов (называются Мурад-Али из бугинцев и Боли-Карай*[124]), которые «ушли не от нас, а от Сарымбека». Мне не известно, имеется ли в виду тот Сарамбек, или Сарымбек, в долине Таласа на Карабуре, с которым имел дело Черняев, или упоминаемый у Талызина манап Саурамбай Худояров, бывший в 1868 г. младшим помощником уездного начальника и бывший в живых еще в 1897 г., когда о нем говорится только как о «почетном старике Тынаевской волости» (из сарыбагышцев).

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

Восьмое ноября 1866 года — один из знаменательных дней моей жизни: в этот день Федор Михайлович сказал мне, что меня любит, и просил быть его женой. С того времени прошло полвека,

*[123] Точнее: *казаха*.
*[124] Правильно *Чон-Карач*.

а все подробности этого дня так ясны в моей памяти, как будто произошли месяц назад.

Был светлый морозный день. Я пошла к Федору Михайловичу пешком, а потому опоздала на полчаса против назначенного времени. Федор Михайлович, видимо, давно уже меня ждал, заслышав мой голос, он тотчас вышел в переднюю.

— Наконец-то вы пришли!— радостно сказал он и стал помогать мне развязывать башлык и снимать пальто. Мы вместе вошли в кабинет. Там на этот раз было очень светло, и я с удивлением заметила, что Федор Михайлович чем-то взволнован. У него было возбужденное, почти восторженное выражение лица, что очень его молодило.

— Как я рад, что вы пришли,— начал Федор Михайлович,— я так боялся, что вы забудете свое обещание.

— И я рада, что вижу вас, Федор Михайлович, да еще в таком веселом настроении. Не случилось ли с вами чего-либо хорошего?

— Да случилось! Сегодня я видел чудесный сон!

— Только-то!— и я рассмеялась.

— Не смейтесь, пожалуйста. Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне моего покойного брата Мишу, а особенно, когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда.

— Расскажите же ваш сон!

— Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям. Так вот, вижу я во сне, что сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги. Вдруг между ними что-то блеснуло, какая-то светлая звездочка. Я перебираю бумаги, а звездочка то появляется, то исчезает. Это меня заинтересовало: я стал медленно перекладывать бумаги и между ними нашел крошечный бриллиантик, но очень яркий и сверкающий...

Б. ГЕРАСИМОВ

О ФОТОГРАФИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, НАХОДИВШИХСЯ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ

В Семипалатинске сохранился фотографический снимок Достоевского в офицерском мундире в 1858 г. На фотографии Федор Михайлович снят сидящим на стуле, с фуражкой в правой руке. Существует еще и другой снимок с Федора Михайловича совместно с известным потомком хана Средней орды Вали Чоканом Валихановым, также офицером, проезжавшим через Семипалатинск, в научную командировку в Кашгарию. Достоевский был знаком с Валихановым еще по Петербургу, где Чокан слушал лекции в уни-

верситете. Недюжинная личность Валиханова привлекла внимание Достоевского, и между ними установились дружеские отношения, закрепившиеся даже общим фотографическим снимком. Оба на фотографии в офицерских мундирах, причем Чокан сидит, Достоевский стоит*[125].

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. Н. ПОТАНИНА

(По записи М. Х. Свентицкой[1])

Когда мне минуло десять лет, меня отвезли в Омск и отдали в кадетский корпус, где я и окончил его курс.

Первые два года в корпусе я чувствовал себя очень одиноко. Родных и знакомых в городе не было, в отпуск ходить было некуда, с товарищами сходился туго, так как был робок и нелюдим, в шумных играх и шалостях участия не принимал. Жизнь скрашивали только книги, за которыми я проводил все свободное время. Больше всего любил читать путешествия, особенно морские (не забывался «Робинзон»), и мечтал отправиться непременно в кругосветное плавание. Много прочел я морских романов и знал в деталях устройство морских кораблей. Позднее, с возрастом, пришло осознание несбыточности мечты о путешествии на корабле, и я стал мечтать о путешествиях сухопутных.

Эти мечты стали еще неотступнее, когда через два года судьба послала мне друга в лице поступившего в корпус маленького киргиза, сына атамана*[126]— Чокана Валиханова, которого также увлекали мысли о путешествиях.

Чокан любил свои степи и много рассказывал мне о киргизском быте. Его рассказы так увлекали меня, что я стал их записывать и скоро из его рассказов составилась у меня толстая тетрадь.

Сам он в то время еще плохо говорил по-русски и записывать не мог, но он умел рисовать и иллюстрировал мою тетрадь изображениями оружия киргизов, охотничьих снарядов, кожаной посуды и проч. Целые вечера проводили мы с Чоканом в беседах о наших будущих путешествиях и открытиях и сходились все больше и больше.

Чокан был талантлив, учился прекрасно и выделялся среди кадетов умом, живостью и какой-то открытой смелостью.

Я учился охотно, особенно любил географию и знал ее хорошо, но отметки получал плохие, вероятно потому, что не умел отвечать бойко, не умел показать свои знания.

В это же время в Омск переселилась семья Эллизен, и это было целым событием в моей жизни. Я стал у них бывать и встре-

---

*[125] Неточно, оба сидят.

*[126] Описка, нужно читать *султана.*

тил с их стороны самое теплое отношение. Встреча с Лидой была для меня огромной радостью. С новой силой воскресло мое обожание, а она, чувствуя его, вела себя со мной как-то странно: то была нежна и ласкова, то холодна и капризна.По обычаю кадетов, нас стали дразнить «женихом и невестой» и это смущало ее, а меня заставляло страдать. И все же близость к этой родной мне семье и дружба с Чоканом сильно скрашивали мою жизнь в корпусе.

Так шли года. Дружба с Чоканом и общие мечты о будущих путешествиях крепли с каждым годом.

Чокан много занимался востоковедением, и в корпусе все смотрели на него как на будущего ученого и путешественника. Я принимал участие во всех его занятиях; ему доставали интересные книги по Востоку, и он делился ими со мной. Вместе прочли мы путешествие Палласа в старинном русском переводе, и это чтение произвело на меня сильное впечатление. Паллас мои мечты о морских путешествиях превратил в мечты о путешествиях сухопутных.

В 1852 г. я окончил курс, вышел из кадетского корпуса хорунжим (офицером) и поступил в 7-й казачий полк, который был расположен по Иртышу от устья Бухтармы до Семипалатинска. Полк состоял из станиц и поселков.

Чокан должен был оставаться в корпусе еще год.

Спустя пять лет службы в Семипалатинске, Верном и опять в Семипалатинске, я, наконец, был переведен в Омск, в войсковое управление, где стал работать в архиве.

Этот город отличался от предыдущих станций моей жизни, как столица от захолустья,— тут были книги и люди. В Верном, правда, был один умный и интеллигентный человек, полковник Перемышльский, наш начальник (он окончил курс в Московском университете), был либерален, он держал себя далеко от офицеров. Остальные и в Верном, и в Семипалатинске представляли собой отрицательные фигуры, и я все годы жизни в этих местах не имел случая встретить идейного человека. Там я знакомился с жизнью, приглядывался к народной массе и до Омска никаких «сибирских» дум в моем уме не формировалось.

В Омске был казачий кружок[2], в которой входили мои старые товарищи Пирожков и Чукреев; к ним присоединился только что вышедший из корпуса Усов и мой старый и лучший друг Чокан Валиханов, который служил адъютантом при генерал-губернаторе. Встреча с Чоканом в Омске была для меня величайшей радостью. Кружок этот был проникнут самым патриотическим духом — все хотели служить в той или другой форме Сибири.

Это было время тотчас после окончания Севастопольской кампании. В воздухе веяло «новым духом»; журналы —«Современник», либеральный тогда «Русский вестник» и «Отечественные записки»— заговорили смелее, запрещение писать о крепостном праве было снято, разоблачения злоупотреблений сыпались как из рога изобилия. Мы с жадностью читали эти журналы, и каждая

новая книжка производила чуть ли не переворот в наших взглядах.

В это время мне попались две статьи, которые произвели на меня сильное впечатление: статья Березина в «Отечественных записках» о колониях и статья Пейзина о ссылке и ссыльных колониях в «Современнике». Эти статьи взволновали мои местные инстинкты. Из статьи Березина, я узнал, что колонии бывают торговые и земледельческие и что история последних обыкновенно оканчивается отделением от метрополии. Сибирь — колония земледельческая, и у меня впервые зародилась мысль, что и она должна разделить судьбу ей подобных, т. е. отделиться от метрополии. Из статьи Пейзина я узнал о протестах западноевропейских штрафных колоний против ссылки в них преступников из метрополии и стал думать о подобном же протесте со стороны Сибири — тоже штрафной колонии.

Так постепенно выяснялись для меня задачи деятельности сибирского публициста.

В это же время Чокан познакомил меня с петрашевцем Дуровым, под влиянием которого я резко изменил свои политические взгляды.

До этой встречи я благоговел перед императором Николаем I, в котором видел второго Петра Великого, поборника прогресса и европейских идей о политической свободе, а после стал сам петрашевцем по убеждениям.

Перемена политических убеждений, превращение в либерала и сторонника реформ, совершившиеся под влиянием омских знакомств и чтения прогрессивных журналов, видоизменили мои мечты о моей будущей миссии. Мой казачий патриотизм охладел, я превратился в сибирского патриота иной окраски.

За семь лет службы я хорошо познакомился с отрицательными сторонами сибирской администрации: в полку, я наблюдал их в лице полкового командира Мессароша, а в Омске в лице генерал-губернатора Гасфорта. В первом случае от крайней жестокости начальства страдало пять тысяч казаков, во втором — миллионное население от злоупотреблений под управлением ослепленного властью генерал-губернатора, страдавшего при этом феноменальным затмением ума. «Искра»— сатирическая газета шестидесятых годов — немало рассказала курьезных анекдотов о Гасфорте под вымышленным именем «Окзенкопф» (в гербе Гасфорта — три бычьих головы).

При Гасфорте в крае царил дикий произвол подчиненных ему властей. Все должности были оценены и продавались за определенные суммы, львиная часть которых доставалась советнику Главного управления Почекупину, приближенному Гасфорта. Взятки брались открыто. Мелкие власти, зная, что им все пройдет безнаказанно, чинили всяческие безобразия. И все это делалось у всех на виду. Вся администрация Омска жила в богатстве, имела хорошие дома, комфорт, а низы страдали.

Я все это осознал и так определил задачи молодого сибиряка,

охваченного идеями о свободе, науке, прогрессе и просвещении: он должен непременно получить высшее образование, набраться в университете тех же знаний, какими владеют эти незаконные цари сибирской жизни, а потом вернуться в Омск, вступить в борьбу с ними и победить их тем же оружием, каким они вооружены. Дальше этого я пока не шел...

Но как попасть в университет? Мне, казачьему офицеру, лишенному права выхода в отставку, да еще без всяких средств?.. И в то же время меня увлекали мечты о путешествиях.

Я часто виделся с Чоканом. Он в это время строил уже определенные планы о нашем совместном путешествии. Сначала мы должны были поехать в Петербург и поступить в университет,— он на восточный факультет, я на естественное отделение физико-математического, так как все время с увлечением занимался естествознанием. Во время путешествия он будет заниматься филологией восточных племен, а я буду собирать коллекции растений и животных для Ботанического сада в Петербурге и для Зоологического музея Академии наук. Мы поедем в Среднюю Азию и каким-нибудь образом проникнем, конечно, инкогнито, в загадочные недра Поднебесной империи (Китай тогда не был еще открыт для иностранцев) и достигнем отдаленных берегов озера Кукунор и окружающих его гор — патриархов, о которых он вычитал в «Asie Centrale» Гумбольдта.*[127]

Когда Чокан развивал свои заманчивые планы, он говорил с увлечением, пафосом, но его мечты не трогали меня; твердая уверенность в несбыточности совместного путешествия с ним обсекала мое воображение. Я заставлял себя мириться с мыслью, что буду собирать коллекции для Ботанического сада и для Зоологического музея Академии наук только в том районе, в пределах которого совершаются походы и разъезды казаков Сибирского войска.

В то время по Сибири путешествовал П. П. Семенов. В Верном, который тогда назывался Алмаатинский станицей, при подошве Небесных гор, он узнал о моем существовании, узнал, что я, живя в этой станице, собирал растения, издавал рукописный журнал, выписывал журнал Географического общества и вообще занимался наукой. Все это его заинтересовало.

В Верном же он познакомился с Чоканом Валихановым и от него узнал, что мы друзья. Приехав в Омск, он отыскал Чокана и вместе с ним приехал ко мне, пожелав со мной познакомиться.

У меня он внимательно пересмотрел мой гербарий, заинтересовался моими работами в омских архивах и много расспрашивал о моих дальнейших работах. В конце концов, он стал убеждать меня непременно поехать в Петербург, в университет.

— Здесь,— говорил он,— вы затеряетесь без духовной поддержки. Семенов знал, что я, как казак, не имею права распола-

*[127] «Центральная Азия», сочинение А. Гумбольдта.

гать своей судьбой, и придумал такой план: через своего дядю, Я. И. Ростовцева, начальника всех военных учебных заведений, он устроит меня адъютантом начальника всех казачьих войск, и так как служба будет легкая, я смогу посещать университет.

После этой беседы мое настроение круто изменилось. Меня не только оставило равнодушие к мечтам Чокана о столице Средней Азии, но мысль об этих перспективах стала просто опьянять.

П. П. Семенов уехал в Петербург, я остался в Омске и стал ждать. Но шел месяц за месяцем, а известий от Семенова не было. Я пришел к убеждению, что забыт. Но я уже не мог вернуться к тому состоянию, когда мечты Чокана оставляли меня равнодушным, и стал изыскивать средства для выхода в отставку.

М. СВЕНТИЦКАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О Г. Н. ПОТАНИНЕ

...Раз, в глухую осень, к воротам подъехали лошади со звонками. Я подумал: «Ну еще куда-нибудь повезут!». Но слышу, спрашивают Потанина, и хозяйка ведет кого-то ко мне... И что же? Чокан Валиханов! Ко мне из Петербурга приехал Чокан! Не проездом, а специально ко мне. Чокан, мой милый, старинный друг!...

Я даже потерялся от радости.

Всю ночь мы просидели, не ложась, и говорили, говорили... Чокан должен был на другой же день уехать,— так сложились его служебные дела (он был киргизским полковником)*[128], и когда он уехал, я, поверите ли, заплакал, как ребенок. Словно солнышко закатилось...

М. К. АЗАДОВСКИЙ

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

Валиханов Чокан Чингисович (1835—66), путешественник и этнограф, происходил из казахского рода, учился в Омском кадетском корпусе, в Илийском крае познакомился с географом П. П. Семеновым, под его влиянием занялся научной работой; уехал в Петербург, где слушал лекции в университете. В 1858 г. с торговым караваном удачно пробрался в Восточный Туркестан до Кашгара. Вернулся из неизвестного тогда края с обширными материалами, начал их обработку, но умер, не доведя до конца работы. Напечатанные им «Очерки Джунгарии» («Записки РГО»,

*[128] Описка, нужно *штабс-ротмистр*.

1861, кн. 1 и 2) и «О состоянии Алтышара или шести восточных городов кит. пр. Нан-лу (Малая Бухара) в 1858—59 гг. (там же, кн. 3) были крупным явлением в деле изучения Средней Азии. Другие работы Валиханова напечатаны в «Известиях РГО» за 1868 г. и 1905 г. О нем некрологи Остен-Сакена в «Отчете РГО» за 1865 г., в «Сибирском вестнике» за 1866 г.

Л. С. БЕРГ

[ОТКРЫВАТЕЛЬ КАШГАРА]

Первым путешественником, сообщившим Географическому обществу обстоятельные сведения о Кашгарии, был штабс-капитан Чокан Чингисович Валиханов[1], родом казах, внук последнего хана Средней киргизской (собственно казахской) орды Вали-хана и правнук известного Аблай-хана. Валиханов был весьма талантливый путешественник, к сожалению, рано скончавшийся, в 1865 г., от чахотки. Он посетил Кашгарию в 1858/59 г.*[129] Послан он был в Кашгар генерал-губернатором Западной Сибири Гасфортом, дабы узнать на месте, что делается там после захвата власти ходжой Валихан-тюре, злодеем, совершенно исключительным даже для Кашгарии, видавшей всякие виды (он, между прочим, в августе 1857 г. без всякого повода велел отрубить голову путешественнику А. Шлагинтвейту). Валиханов присоединился к торговому каравану, который вышел из Копала в составе 42 человек со 101 верблюдом и 65 лошадьми. Путешественник назвался кокандским подданным Алимбаем, сыном выходца из Маргелана. После трехмесячного пути караван прибыл в г. Кашгар. В Кашгарии существовал обычай, по которому иностранцы во время пребывания здесь могут вступить во временный брак, совершаемый по формам, установленным шариатом. Женился и Валиханов; от жены он получил много полезных сведений. Через приехавших из Семипалатинска ташкентцев в Кашгарии распространился слух, что при караване есть русский агент. Поэтому, распродав товары, караван поспешил домой и весною 1859 г. вернулся в Верный, после 10 с половиной месяцев отлучки.

В караване было товаров на 19 тысяч рублей серебром. В обмен на товары от киргизов приобретено 3026 баранов, каковые проданы в Кашгаре за 4068 кокандских золотых, стоимостью каждый 3 руб. 70 коп. Из Кашгара вывезли в Россию чай, дабу, полушелковую материю и серебро в ямбах.

Валиханов собрал обстоятельные сведения о населении Кашгарии, о торговле и политическом положении этой страны. Пол-

*[129] Отчет напечатан в «Зап. Геогр. общ.», 1861 г., кн. 3; перепечатан в «Сочинениях Ч. Ч. Валиханова»». «Зап. Геогр. общ. по отд. этногр.», 1904, XXIX, с. 70—150; см. также с. 329—484. *(Примечание Л. С. Берга).*

ный отчет, бывший в свое время секретным, напечатан Географическим обществом лишь в 1904 г. Этнографические сведения, сообщаемые путешественником, весьма интересны. Туземное население Кашгарии, или Малой Бухарии, говорит на особом языке тюркского корня — уйгурском. Самобытные литературные произведения ограничиваются несколькими историческими и религиозными книгами; последние, «надо сказать, лучшие из всех мусульманских сочинений в этом роде, не заражены фанатизмом и отличаются ненавистью к обрядностям». Валиханов, как и впоследствии Певцов, хвалит характер кашгарцев — они добры, общительны, радушны, трудолюбивы и до крайности вежливы. Женщины занимают почетное место в домашнем и общественном быту. Кашгарские званые вечера (машреб), в которых всегда принимает участие и хозяйка дома, сопровождаются музыкой и общими плясками. Русские товары доставлялись в Кашгар или через Кульджу, или через Коканд. В Петропавловске или Семипалатинске они облагались вывозной пошлиной в размере 1% со стоимости: в Ташкенте взимался зякет в сумме $1^1/_2$% с мусульман и 5 с христиан и такой же налог в Кашгаре.

В. А. ОБРУЧЕВ

ДРУЖБА ЮНЫХ МЕЧТАТЕЛЕЙ

В доме Эллизена Гриша провел три года. Позже, вспоминая это время, он говорил, что своей любовью к науке и литературе он обязан влиянию жены Эллизена, которую считал своей духовной матерью. В 1846 г., когда семья Эллизена уехала в Петербург, чтобы поместить старшую дочь в Смольный институт, где воспитывались дочери высших офицеров и знати, отец свез Гришу в Омск, где отдал его в войсковое казачье училище, преобразованное потом в Сибирский кадетский корпус.

В этом училище порядок жизни был таков. Утром детей будили до рассвета. Накинув серые шинели, они строились во фронт и пели утреннюю молитву; затем их вели через двор в столовую, где они получали по куску серой булки. Каждая круглая булка была разрезана на четыре части крест-накрест; служитель, несший десяток таких булок в левой руке в виде колонны, поднимавшейся до его лба, бежал вдоль столов, за которыми сидели мальчики, и правой рукой разбрасывал куски по столам. Мальчики подхватывали булки, разрывали их на четыре части и ели. Четвертушка серой булки и составляла весь завтрак, после которого дети шли в классы, где занимались три часа с одним перерывом. Потом обедали. На обед ежедневно были одни и те же два блюда — щи из кислой капусты и каша с маслом. То и другое подавали в оловянных мисках. После обеда еще три часа шли занятия. День кончался ужином из каши с маслом и кружки кваса.

При преобразовании училища в кадетский корпус воспитанников разделили на две части: роту и эскадрон. В роту были выделены дети чиновников и пехотных офицеров, в эскадрон — казачьи дети; первых было около 200, последних —50. Деление это было проведено и в классах, и в спальнях, только обедали в общей столовой. Роту поместили в бельэтаже, эскадрон — в нижнем этаже. Ротные получили двубортные сюртуки с металлическими пуговицами, каски с белыми султанами и ранцы; казаки — казакины на крючках, кивера с помпонами, шпоры и шашки. В роту были присланы офицеры из столичных корпусов; им было поручено установить в роте порядки столичных корпусов и уничтожить в ней «казачий дух». Обращение к кадетам стало более мягким, им говорили «вы». В эскадроне остались казачьи офицеры, лучшие из прежнего состава; им было приказано присматриваться к порядкам бельэтажа и переносить их в помещение эскадрона.

Все это усиливало рознь между ротой и эскадроном. Рота чувствовала себя привилегированной частью корпуса, к тому же ротные состояли преимущественно из дворян. Эскадрон чувствовал себя демократией корпуса. Все казачата помнили детские годы, проведенные на полатях изб, на улицах станиц в играх в бабки, в мячик или в клюшки на льду реки. Рота состояла из уроженцев разных губерний, многие до корпуса жили за Уралом. Эскадрон состоял исключительно из уроженцев казачьих станиц Горькой и Иртышской линий. Бельэтаж чувствовал себя «Европой», нижний этаж — «Азией». В первом учили танцам и немецкому языку, казачат в те же часы — верховой езде и татарскому языку. Если в корпус отдавали казахских мальчиков, они попадали к казакам [т. е. в эскадрон].

Эскадронные кадеты представляли более дружную, сплоченную семью, чем ротные. Их было гораздо меньше, их состав был однороднее.

Обособленность ротных и эскадронных кадетов сказалась на их играх. Во время перемен их выпускали во двор, где они играли и городки, лапту, завари-кашу и другие игры. Играли также в войну русских с казахами, причем роль казахов доставалась, конечно, казачатам. Противники ходили друг на друга, стена на стену, хватали пленных и уводили в укромное место, где держали под стражей до конца игры.

Учебную часть после реформы в корпусе организовал офицер Ждан-Пушкин. Русский язык, историю литературы, географию, всеобщую историю преподавали хорошие учителя. Из учителей войскового училища были оставлены лучшие: Старков, преподававший географию. Костылецкий — русский язык, теорию словесности и историю литературы и Кучковский — геометрию. Уроки последнего отличались изящным и ясным изложением, и даже тупицы усваивали предмет хорошо. Костылецкий познакомил кадетов с сочинениями Пушкина, Лермонтова и Гоголя; свой курс

русской литературы он составил по критическим статьям Белинского, но имени последнего ни разу перед учениками не произнес. Этим он спасал свой курс от запрета со стороны учебного начальства, так как Белинский в годы царствования Николая I считался в официальных кругах вредным писателем.

В конце учения Ждан-Пушкин предложил учителю Старкову читать эскадронным кадетам более подробно географию Казахской степи. Он знал, что казачьим офицерам предстояло ходить с отрядами в степь, нести там кордонную (пограничную) службу и участвовать в военных экспедициях, доходивших на юге до границы Кокандского ханства. Старков выполнил распоряжение Ждан-Пушкин; и кадеты эскадрона вышли из корпуса с такими сведениями о Казахской степи, каких не имели ни о какой другой стране.

Для усовершенствования кадетов во фронтовой службе были присланы офицеры из столицы; среди них выделялся Музеус, образцовый фронтовик. Он задавал тон и остальным учителям.

Кадеты, родители или родственники которых жили в Омске, на воскресный день отпускались домой; они уходили из корпуса в субботу вечером и возвращались в воскресенье вечером. Этим создавалось общение кадетов с городским обществом. Главным образом в связи с этими воскресными отпусками проникали в среду ротных кадетов новости и новые книги. Через ротных кадетов в корпус проникли сочинения Сю, Александра Дюма и Диккенса. Но социалистические идеи в корпус не проникали. Даже о восстании декабристов и развернувшемся в стране движении за отмену крепостного права кадеты, судя по воспоминаниям Потанина, не имели представления.

Среди кадетов-казачат выделялся Чокан Валиханов. Это был казах, сын султана. На него смотрели как на будущего путешественника в Туркестан или Китай. Он был очень талантлив и много рассказывал о казахском быте. Его рассказы так увлекли Гришу, что он начал их записывать, и вскоре из рассказов составилась толстая тетрадь. Этим он положил начало своим этнографическим записям, которыми так много занимался во время путешествий. Чокан в это время еще плохо говорил по-русски и сам не мог записывать, но он хорошо рисовал и иллюстрировал тетрадь Гриши изображениями казахского оружия, охотничьих снарядов, утвари и пр.

К концу пребывания в корпусе Чокан начал серьезно готовиться к своей будущей миссии, о которой говорили ему учителя; он читал описания путешествий по Казахской степи и Туркестану, изучал историю Востока. Ему доставляли для чтения интересные книги по Востоку, и он делился ими с Гришей. Оба мальчика прочитали описание путешествия Палласа в русском переводе, и Гриша увлекся им. Со страниц этой книги на него пахнуло ароматом полыни и степных цветов уральских степей; ему казалось, что он слышит крики летающих над рекой Яиком чаек, уток и гу-

сей. Его мечта о путешествиях приняла новую форму. Книга Палласа приблизила мечты к той стране, в которой должна была проходить жизнь и служба Гриши.

Дружба с Чоканом осталась у Гриши на всю жизнь. Валиханов сделался видным путешественником, первым казахским ученым. Он умер молодым, тридцати лет, от чахотки. Через тридцать лет после смерти Чокана Потанин посетил его родину и его родных и описал эту поездку в очерке «В юрте последнего киргизского царевича».

Повести Гоголя, которые превосходно читал в отрывках кадетам-казачатам учитель Костылецкий, особенно «Тарас Бульба», будили в них демократические настроения.

В последний год учения, когда кадеты слушали фортификацию, их заставляли летом, в лагере, строить окопы. Эскадронные работали отдельно от ротных, на особом участке и, соревнуясь с ними, выполняли работу дружнее и быстрее, чем ротные. От этих занятий у Потанина остались в памяти фортификационные термины, которые затем он применял при описании ландшафтов в своих путешествиях.

Хотя корпус был закрытым учебным заведением, но сношения с внешним миром у кадетов были. Поэтому на них все же сказалось влияние передовой части русской интеллигенции. К тому же до них докатились отголоски революционных событий 1848 года. Постепенно у некоторых кадетов стал оформляться горячий протест против вопиющего факта пребывания в крепостной кабале русского крестьянства и против национальной политики русского царизма, обрекавшей на вымирание местные национальности, именовавшиеся «инородцами». Еще в корпусе Гриша задумывался над тем, что огромные табуны и стада деда Ильи не были им нажиты честным трудом или куплены на скудное офицерское жалованье, а были им приобретены посредством хищнической торговли с казахами, что все хозяйство деда Ильи держалось на эксплуатации труда разоренных пастухов — казахских бедняков. Почти у каждого казака во дворе стояла юрта семьи джатаков — казахов, не имевших собственного скота. Эти бедняки за право додаивать выдоенных коров и другие подачки выполняли в хозяйстве казака разные работы: пасли скот, рубили дрова, носили воду из реки, ездили в лес за дровами, словом, играли роль дворовых крепостных.

[Окончив кадетский корпус, Г. Н. Потанин работал в Семиреченском крае]. В Копале он встретил двух своих товарищей по корпусу. Здесь вместе с ними Потанин усердно читал «Современник».

Впервые он прочитал в этом журнале «Записки охотника» и «Асю» Тургенева, «Детство и отрочество» Толстого. Статья Кавелина[1] в «Современнике» укрепила в нем любовь к этнографии, которая пробудилась в нем еще во время записи рассказов Чокана

о киргизском быте и поддерживалась наблюдениями во время похода на р. Алма-Ата...

[В 1857 г. Г. Н. Потанин возвратился из степи]. В Омске он застал своего друга, Чокана Валиханова, и других товарищей по корпусу. Чокан служил в штабе генерал-губернатора, вращался в высших кругах общества, жил богато; он был, как мы уже упоминали, сын казахского султана и даже внук последнего казахского хана. По демократическим наклонностям Потанина [ему] более подходили другие товарищи по корпусу — простые казачьи офицеры, жившие очень скромно. Они нашли ему комнату у казака, в казачьем форштадте. Комната была обставлена хозяйскими сундуками, покрытыми тюменскими полозами (коврами без ворса). Кровать, стол и два-три стула дополняли обстановку. За комнату и стол, а последний состоял из чая с хлебом в виде сибирских шанег, Потанин платил 3 рубля в месяц.

Скучную работу по проверке шнуровых книг Г. Н. Потанин разнообразил, делая по поручению Чокана выписки из материалов областного архива. Чокан не имел ни времени, ни склонности к этой кропотливой работе. В архиве, акты которого начинались с половины XVII века, было много интересных сведений о сношениях русских с главами казахских родов и князьями соседнего Джунгарского ханства до последних дней его существования, а также о торговле Сибири с городами Туркестана. Выписки Потанин передавал Чокану.

Среди приятелей Потанина выделялся офицер Копейкин, бывший топограф, выполнивший съемку огромного Васюганского болота между Иртышом и Обью и так картинно рассказывавший о природе этой страны, что Григорий Николаевич составил из его рассказов статью, напечатанную в «Тобольских губернских ведомостях».

В Омске изменились политические взгляды Потанина. Хотя и до своего приезда в Омск он знал о развивавшемся в стране движении за отмену крепостного права, но еще не имел вполне ясного представления о силе этого движения и не знал о жестокостях, с которыми правительство царя подавляло бунты крестьян, требовавших своего освобождения. Да и о самих ужасах крепостничества он еще не имел вполне ясного представления. Ведь в Сибири крепостного сословия не было, не было в сибирских казачьих станицах и сосланных крепостных крестьян, от которых он мог бы услышать подробные рассказы об этих ужасах.

Тем сильнее он был потрясен, когда, приехав в Омск, он узнал как от друзей, так и из журналов, которые после смерти царя Николая стали подвергаться менее жестокой цензуре, горькую правду о гнете помещичьего землевладения, о том, что царь и его правительство сами являются помещиками-крепостниками и защищают интересы помещиков против крестьян, подавляя огнем и мечом бунты последних.

Потанин понял, что в свое время он не сумел оценить полностью обличительного характера «Записок охотника» Тургенева. Стремясь расширить политический кругозор Потанина, Чокан познакомил его с сочинениями Гейне — «барабанщика революции 1848 года». Чокан познакомил его также с петрашевцем Дуровым, отбывавшим в Омске ссылку.

До знакомства с Дуровым Потанин преклонялся перед царем Николаем и в бытность свою в Антоньевском даже заплакал, узнав о его смерти. Чокан, который раньше пытался пробудить в нем отрицательное отношение к Николаю и критическое отношение к царизму вообще, не имел в этом успеха. Свидание с Дуровым в один вечер сделало то, чего раньше так долго не мог добиться Чокан. Дуров рассказал Потанину о судьбе своего товарища Григорьева, который в числе пяти петрашевцев был приговорен к расстрелу. Когда Григорьев стоял с завязанными глазами перед взводом солдат, повязка с его глаз упала, и он увидел, что солдаты, которые должны были дать по нему залп, взяты из его роты и что командует ими фельдфебель, которого Григорьев очень любил. Это так подействовало на Григорьева, что он тут же сошел с ума. Приговор не был приведен в исполнение. В числе других участников процесса петрашевцев сошедший с ума Григорьев был отправлен в Сибирь на каторгу. После отбытия ее, когда им разрешили вернуться в Россию, Григорьев прожил некоторое время у Дурова в Омске. Он был помешан на мысли о мести Николаю. Григорьев брал в руки какое-нибудь острое оружие, упирал его в стену, сверлил ее и воображал, что сверлит сердце Николая.

Все, что Дуров рассказал о Николае, опрокинуло представление Григория Николаевича об этом царе. Он увидел в Дурове патриота, всем существом протестовавшего против николаевского режима и тяжело пострадавшего за это. Переменились взгляды Потанина не только на Николая, но и на монархизм вообще.

Чокан, беседуя с Потаниным, часто говорил, что они должны поехать в Петербург и поступить в университет, чтобы подготовиться к путешествиям. Он хотел поступить на восточный факультет и потом проникнуть в Китай, который был еще закрыт для европейцев, чтобы заняться изучением восточных языков. Он мечтал добраться до берегов озера Кукунор и окружающих его гор, о которых читал в сочинениях Гумбольдта. Григорию Николаевичу он советовал поступить на естественноисторическое отделение и в путешествиях собирать коллекции для Ботанического сада и Зоологического музея Академии наук.

Но планы Чокана не трогали Григория Николаевича, они казались ему несбыточными. Он был казачий офицер, а казаки были крепостные государства. Все были обязаны служить длинный срок. Казачий офицер должен был служить двадцать пять лет бессменно, получая скудное жалованье, и только в своем войске. Пехотный офицер, вышедший из того же корпуса, получал 250 рублей в год, квартирные, фуражные и прочие, а казачий — 72

рубля в год без всяких прибавок; по окончании же службы он не получал никакой пенсии. Кроме того, казачья служба развращала. Главная служба казаков заключалась в помощи полиции. К этому приводила и безвыходность положения. Армейский офицер в случае конфликта с начальством мог подать в отставку, а казачий не имел этого права; он должен был мириться с любым произволом и притеснением. Поэтому только немногие казачьи офицеры сохраняли на службе хотя бы видимость некоторой самостоятельности, остальные привыкли к мысли о своем бесправии и превращались в трусливых холопов своего начальства. Несбыточность путешествия с Чоканом приводила Григория Николаевича в уныние; ему было трудно мириться с мыслью, что он будет всю жизнь собирать коллекции только на местах своей службы в Сибирском казачьем войске.

В это время через Омск проезжал географ П. П. Семенов, возвращавшийся из экспедиции в Тянь-Шань, совершенной им по поручению Географического общества. Еще в Заилийском крае при встрече с Чоканом он узнал от него о Потанине, молодом казачьем офицере, собирающем гербарии, на свое скудное жалование выписывающем журнал Географического общества. Чокан и этот офицер заинтересовали П. П. Семенова, и при проезде через Омск он отыскал Чокана и вместе с ним приехал к Потанину, сидевшему за выписками из архивных документов. Семенов заинтересовался выписками, касавшимися истории сношений со Средней Азией, пересмотрел гербарий, собранный Потаниным в долине Чарыша, и удивил последнего тем, что почти каждому растению давал латинское название. Он уговаривал Григория Николаевича ехать в Петербург, в университет, и обещал дать рекомендательное письмо к своему дяде, большому сановнику, который собирался приехать в Омск на ревизию учебной части корпуса. Он думал, что дядя сможет устроить перевод Потанина в столицу, не нарушая закона о казаках...

[Однако] сановный дядя П. П. Семенова не приехал в Омск, и Григорий Николаевич, уже привыкший к мысли о поступлении в университет, стал искать другого способа освободиться от своего крепостного состояния. Друзья помогли ему в этом. Он подал прошение об отставке по болезни, которую удостоверил добродушный старый врач казачьего войска. Генерал-губернатор согласился на отставку с условием, что Потанин не поступит в будущем на государственную службу. Григорий Николаевич обещал это и был освобожден.

Потанин начал уже подумывать о путешествии в Петербург пешком, вспомнив Ломоносова. [Но] помог [ему] Бакунин, который через своих знакомых добыл Григорию Николаевичу разрешение ехать с караваном золота.

Караваны отправлялись из Барнаула...

Ехали быстро, днем и ночью... Так ехали до Казани, где пришлось разделить караван на три партии, чтобы брать уже почто-

вых лошадей. От Казани до Москвы дорога была грязная и избитая, возок нырял из ухаба в ухаб, и Потанин страдал от морской болезни. От Москвы ехали по железной дороге.

В Петербурге Потанин осенью 1859 г., устроился быстро. Бакунин дал ему письмо к своей двоюродной сестре, которая ввела его к профессору Кавелину, а последний познакомил с несколькими студентами, которые помогли Григорию Николаевичу найти квартиру...

Потанин поступил в университет на естественное отделение физико-математического факультета и особенно интересовался лекциями по ботанике. В Петербурге он встретил еще несколько сибиряков — студентов и художников, образовавших кружок, первое сибирское землячество. Заработок Григория Николаевича был небольшой, и жил он очень скромно, сберегая деньги на покупку книг.

...Потанину не удалось окончить университет. На третий год его учения в университете начались студенческие волнения; весной 1862 г. занятия были прерваны, и университет закрыт на неопределенное время. Приходилось думать о возвращении на родину.

В годы учения в университете Григорий Николаевич все время колебался при решении вопроса, кем ему сделаться — натуралистом или публицистом. Он прочитал по-французски книгу Гумбольдта «Центральная Азия». Воображение рисовало ему описанные в книге, по данным китайских путешественников, озеро Кукунор в глубине Азии и окружающие его снежные пики, которые местные жители называли патриархами. На берега Кукунора еще не ступала нога европейского путешественника. Книги Гумбольдта, посвященные описанию этой местности, были проникнуты такой жаждой раскрыть тайны этой неизвестной страны, что читатель невольно загорался желанием увидеть берега Кукунора и пики окружавших его снежных вершин.

В той же книге внимание Потанина привлекла еще одна гора в Тянь-Шане, которую, по китайским источникам, Гумбольдт считал действующим вулканом. Григорию Николаевичу хотелось посетить берега Кукунора и разрешить вопрос о вулкане.

Но, с другой стороны, разговоры и споры со студентами сибиряками о вопиющих непорядках в управлении Сибирью и личное знакомство с положением дел в генерал-губернаторстве Гасфорта и бесправием казачьего сословия побуждали Потанина к другой деятельности.

Время было исключительное, новые идеи волновали общество. В университете кафедру русской истории занимал украинец-федералист Костомаров, в газете «Век» сибиряк Щапов также проводил федералистские идеи. Потанина и его друзей занимал вопрос, является ли Сибирь провинцией Российского государства или же его колонией, подобно тому как Австралия, Индия, Канада и т. д. являются колониями Британской империи. Они приходили к выводу,

что Сибирь не только колония, но штрафная колония Российской империи, место ссылки преступников и извлечения богатств в виде золота, серебра, денег за снабжение Сибири мануфактурой и другими товарами.

Ссылка уголовных неблагоприятно отражалась на культурном росте коренного населения. Экономическая отсталость Сибири поддерживалась конкуренцией дешевых товаров метрополии. Отсутствие своего университета отрывало молодежь от родины, мешало формированию сибирской интеллигенции, которая могла бы сыграть большую роль в промышленном и культурном росте Сибири. Бесправное положение «инородцев», о котором студенты сибиряки знали как из личных наблюдений, так и из рассказов казаха Чокана и бурята Пирожкова, также приехавших учиться в Петербург, тоже до крайней степени препятствовало развитию производительных сил Сибири.

Одновременно с Григорием Николаевичем собирались ехать назад в Сибирь его друг Ф. Н. Усов, казачий офицер, слушавший лекции в Военной академии, писатели Шашков, Наумов и Ядринцев. Они ехали окрыленные надеждами, горя нетерпением поскорее начать на родине культурную работу. Они мечтали, что будут устраивать публичные библиотеки, читать публичные лекции, собирать пожертвования для помощи сибирякам, учащимся в столицах, совершать ученые поездки по родине, собирать коллекции для музеев и писать в местных газетах о нуждах Сибири.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О СООРУЖЕНИИ ПАМЯТНИКА Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ

[Из туркестанской туземной газеты][1]

غینرال کوبیرناطر آلتون ایمیل بیکیتی بیلان قویان کوز بیکیتینی اورتاسیده اوتوب باره یاتغان وقتده ١٨٦٦ نچی یلده یاش کونیده وقات بولغان سلطان چوقان چنکیز سلطان اوغلی والی خانوف نی قبریغا باردیلار عقلی دیانت لیك آدم نی دنیاده بارلیغیده وهم وفات بولغاندین صونك هم قدر ورعایت قیلورلار سلطان چوقان والی خانوف نینك اغا اینی لاری هم قزاق هم اوروس هرکیم یخشی کوروب حرمت قیلورلار ایدی مذکور چوقان اومبو شهریده کورفیس دیلمیش مدرسه ده تربیت وتعلیم تافیب یخشی اوقوغانی اوچون ینه اوزینی یخشی اوشلاغان اوچون چین آلیب توره بولیب جقغان ایدی کوب وقت اوتماسدین عقل لیك ودیانت لیك وکوب عالم آدم ایکانی برچه خلایقغه اشکارا بولدی یاش وقتیده دنیادین اوتکانیغه کوب کشی خفه بولیب افسوس یدیلار چوقان توره اوزی نینك قین اغاسی سلطان تیزاك آولیدی بر نیچه وقت آغریب یاتیب وفات بولیب دور قبری پیشیق خشتدن سالینغان امّا مذکور قبری یخشی استحکام بولماکان ایکان بیش آلتی یلده بوزولیب قالسه احتمالی بار یغاچدین قیلغان قبرینی ایشیکیغه وفات بولغان کشی نینك اسمی یازیلیب دور بر نچه وقت اوتکان صونك یازیلغان خطی یامغوردین وایسکی لیکدین نامعلوم بولوب کیتسه کیراك وینه بر نچه یل لار اوتکاندین صونك برچه خلق حرمت قیلغوچی چوقان توره والی خانوف اوزی هم یاددین چقسه کیراك وفات بولغان والی خانوف نینك سویاکین حرمت قیلوب وینه اوروس وقزاق لارنی یادلاریدین چقماسلیك اوچون غینیرال کوبیرناطر قالیب تاش دیکان تاشنی مصفا قیلیب طیارلامقغه بیوروق قیلدیلار مذکور تاشغه قبرغه کیم قویولغا نی ونیمه اوچون عزت وحرمت تابقانی یازیلور اوشبو قالیب تاش نی آلماتیداکی بر هنرمند اوستاغه وقت لیك طیار قیلیب تاپشورماقغه بیوروق قیلیندی.

Генерал-губернатор[2], проезжая через Алтын-Эмельский и Коянкозский пикеты, посетил могилу скончавшегося в 1866 году[3] в

молодом возрасте султана Чокана, сына Чингиз-султана Валиханова. Интеллигентный и добросовестный при жизни во всем, он и после кончины пользуется уважением и почитанием. Султана Чокана Валиханова чтят и любят не только родственники, но и все казахи и русские. Упомянутому Чокану, получившему воспитание и образование в [кадетском] корпусе[4] города Омска, будучи в звании торе, за отличную учебу и примерное поведение по окончании был пожалован [офицерский] чин. Прошло совсем немного времени, и все люди признали его ум, добропорядочность и большие знания. Его безвременная кончина в расцвете лет повергла многих в печаль и скорбь. Проболев некоторое время, Чокан-торе умер в ауле своего шурина, султана Тезека. Могилу ему возвели из жженного кирпича. Но эта постройка непрочная, и есть опасения, что через пять-шесть лет она разрушится. На деревянной двери [при входе] в мавзолей написано имя покойного. Скоро эта надпись из-за дождей и ветхости станет неразборчивой и совсем исчезнет. А через несколько лет и сам [образ] всеми уважаемого Чокана-торе Валиханова неизбежно сотрется в памяти людей. В знак уважения к праху покойного Валиханова и для увековечения его в памяти русских и казахов генерал-губернатор приказал изготовить полированную каменную плиту — кулыптас[5] и поручить одному мастеру-художнику из [селения] Алматы срочно сделать на этом камне надпись о том, на чью могилу он поставлен и за какие заслуги [покойный] приобрел почести и уважение.

Выписка из журнала канцелярии туркестанского генерал-губернатора

14 ноября 1871 г.

Просить г. семиреченского военного губернатора приказать сделать надписи, которые изложены на русском и киргизском языках, на мраморной плите, которую обещал мне приготовить из Джаман-Алтын-Эмели В. П. Кузнецов[1]. Буквы должны быть вырезаны аккуратно, без ошибок, а поэтому поискать мастера дельного, убедиться в том, что он делать умеет; а когда сделает, то предложить положить плиту на место, тщательно проверить. О том, что будет стоить, донести мне.

Туркестанский генерал-губернатор *фон Кауфман*.

Текст надписи надгробной плиты, предложенный генералом Кауфманом

«Султан Большой орды, ротмистр русской службы, Мухаммед Ханафия (Чокан) Чингисович Валиханов, скончался в 1864 г.*[1] Он любил бога, был предан царю и занимался наукою.

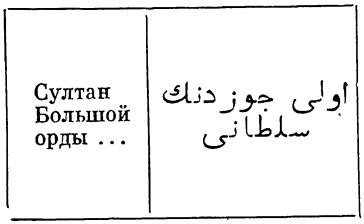
*[1] Неточно, следует читать *1865 г.*

Господь рано призвал его к себе. Да успокоит аллах его душу вместе с праведными.

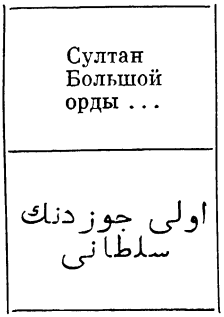
Этот камень положен по приказанию туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон Кауфмана в 1871 году в память покойного, всеми любимого и уважаемого».

[По указанию Кауфмана надпись должна быть высечена в следующем виде]:

если камень квадратный

если камень продолговатый.

Отношение туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Семиреченской области

26 ноября 1871 г., № 3415

Препровождая при сем вашему превосходительству надгробную надпись на памятнике, имеющем быть поставленным на могиле умершего в 1864 г. ротмистра султана Валиханова, имею честь Вас, м. г., просить сделать распоряжение о приискании мастера, который бы мог аккуратно и без ошибок вырезать (исполненную из полученного) надпись на русском и киргизском языках на мраморной плите, которую обещает мне приготовить из Джаман-Алтын-Эмели В. П. Кузнецов.

По окончании этой работы покорнейше прошу Вас, прежде чем положить плиту на место, приказать тщательно проверить надпись. О том, что будет стоить вся работа, прошу Вас меня уведомить.

Туркестанский генерал-губернатор *фон Кауфман*

Отношение канцелярии туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Семиреченской области

14 июня 1872 г., № 3912

Предписанием от 26 ноября прошлого года за № 3415 господин главный начальник края, препроводив вашему превосходительству надпись на русском и киргизском языках на надгробный па-

мятник умершему ротмистру султану Валиханову, изволил предложить Вам по окончании работы по постановке памятника уведомить о том, что будет стоить вся работа.

Не получив до сих пор упомянутых сведений, канцелярия генерал-губернатора имеет честь Вас, милостивый государь, уведомить, что господин туркестанский генерал-губернатор просит поставить цифры расхода по вырезке надписи и постановке надгробного камня на могиле Валиханова.

Отношение военного губернатора Семиреченской области в канцелярию туркестанского генерал-губернатора

20 июня 1872 г., № 16, Ташкент

Вследствие отношения от 14 июня за № 3912 имею честь уведомить канцелярию, что постановку памятника покойному ротмистру султану Валиханову принял на себя уважающий память покойного копальский первой гильдии купец В. П. Кузнецов с помощью по технической части исполняющего должность областного архитектора Зенкова[1]. Но в настоящее время мне неизвестно еще, окончена ли постановка памятника и потребовались ли какие по этому предмету расходы, вследствие чего я вместе с сим обратился к В. П. Кузнецову за этими сведениями и по получении поспешу с представлением о них г. туркестанскому генерал-губернатору.

Генерал-лейтенант *Колпаковский*
Заведующий путевою канцеляриею (подпись)

Письмо Г. А. Колпаковского купцу первой гильдии В. П. Кузнецову

На письме его превосходительства Евсея Андреевича от 6 марта 1873 г. относительно устройства памятника умершему султану ротмистру Валиханову доверенный ваш Пахотин написал, что в прошлом году посланный вами крестьянин Крючков не мог отыскать годной плиты для памятника, а потому весною нынешнего года вы вторично послали его для розыска оной, присовокупив, как только будет приготовлена сказанная плита, вы немедленно уведомите его превосходительство.

Между тем прошло уже много времени для того, чтобы иметь возможность доставить надгробную плиту, но до сих пор, как я удостоверился в бытность мою на Алтын-Эмеле, ничего по этому предмету не сделано. Вследствие чего я снова честь имею просить Вас, милостивый государь, согласно сделанного обещания озаботиться немедленным изысканием означенной плиты или же, по крайней мере, до приискания мраморной получить гранитную плиту и тем кончить это дело, предваренное по инициативе главного начальника края.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Генерал-лейтенант *Колпаковский*[*2]

Рапорт военного губернатора Семиреченской области исправляющему должность главного начальника военно-народного управления при туркестанском генерал-губернаторе

6 октября 1875 г., № 5858, г. Верный

Его высокопревосходительство господин главный начальник края в бытность свою в г. Верном словесно изволил поручить мне узнать о том, почему до настоящего времени на могиле ротмистра султана Валиханова не поставлен памятник из мраморной плиты, которую еще в 1871 г. обещал доставить ныне умерший потомственный почетный гражданин В. П. Кузнецов.

Вследствие этого я спросил доверенного потомственного почетного гражданина И. В. Кузнецова, Токмакского второй гильдии купца Пахотина о том, найдена ли нужная для памятника мраморная плита и поставлен ли памятник Валиханову. Купец Пахотин письмом от 29 минувшего сентября уведомил меня, что означенная плита была еще заказана в 1873 г. в г. Екатеринбурге купцу Беденину, который в декабре месяце прошлого года сообщил ему, что плита сделана и отправлена в г. Омск через транспортную контору Бр. Каменских, но в г. Верный до сих пор не доставлена, а потому г. Пахотин в настоящее время сделал сношение с омской почтовой конторой И. В. Кузнецова, которую и просит по этому предмету навести справку в конторе Каменских и об оказавшемся уведомить.

Донеся о вышеизложенном вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что по получении от г. Пахотина дальнейших сведений о плите, назначенной для памятника Валиханову, вашему превосходительству будет мною донесено своевременно и что плита заказана в Екатеринбурге потому, что в г. Верном нет резчиков на мусульманском языке[*3].

Исправляющий должность военного губернатора (подпись)

Начальник отделения *Хлынов*

Обязательство о заготовке мраморной плиты

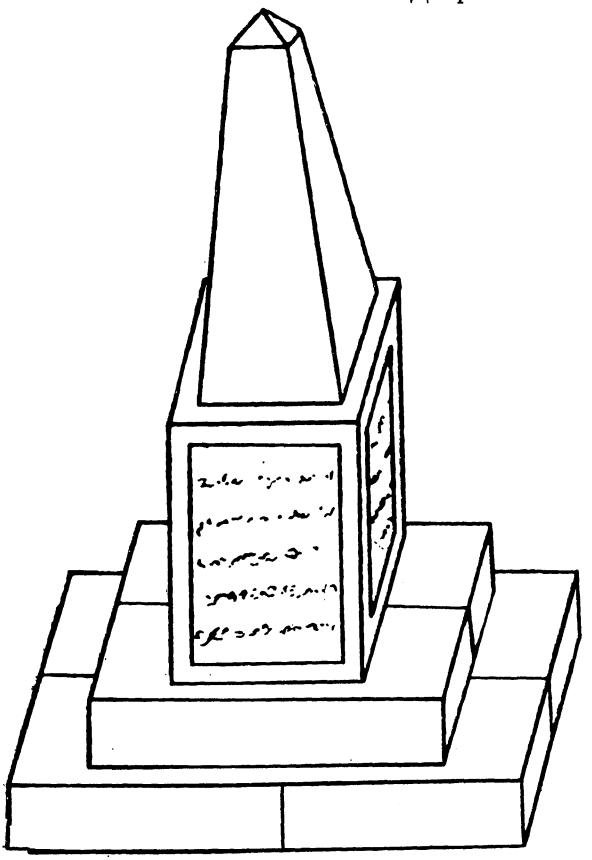
1880 года, ноября 29 дня, я, нижеподписавшийся, даю подписку бухгалтеру Семиреченского областного правления г. Калачеву в том, что обязался сделать плиту из мрамора с надписью по раз-

[*2] На полях помета: *К делу о возведении памятника над могилой султана Валиханова.*

[*3] Так в тексте.

меру до двух и более, а томорин не менее шести вершков аршин на могилу ротмистра Валиханова с доставкою на место за 40 руб. Ежели взятые мною ранее сего 50 руб. не будут от меня истребованы в будущем 1881 г., так как в настоящее время добыть мрамор невозможно по указанному рисунку за № 1.

Дворянин *Л. Ластовский*

Проект обелиска Чокану Валиханову (1880 г.).

Расписка

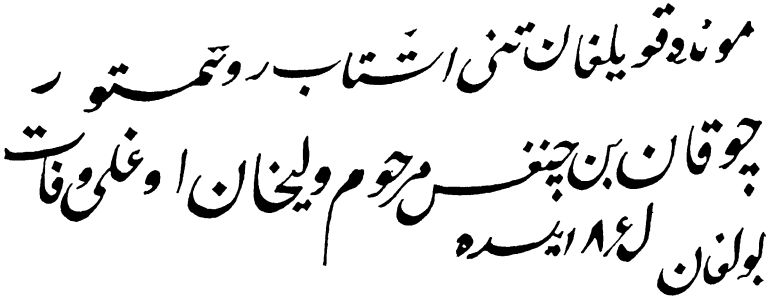
Августа 12 дня

1881 года я, нижеподписавшийся, даю сию расписку приходо-расходчику Семиреченского областного управления г. Калачеву в том, что за сделание одного памятника штабс-ротмистру Валиханову из мрамора остальные деньги сорок руб. получил.

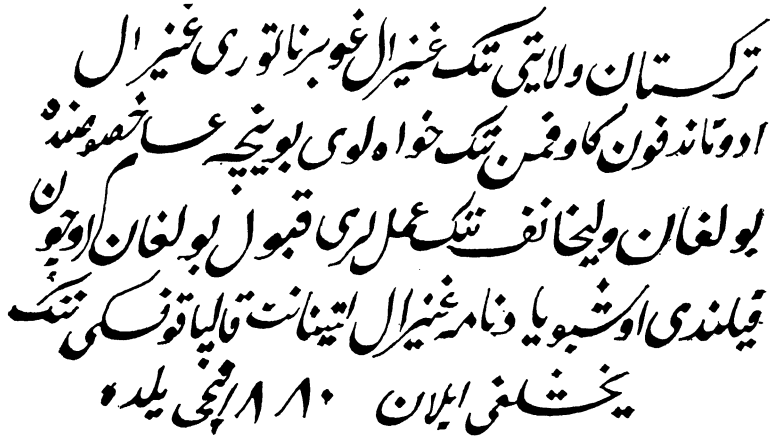
Дворянин *Л. Ластовский*

Памятник Валиханову

Известному путешественнику в Кашгар киргизскому тюре Чокану Валиханову поставлен на могиле его близ ст. Куянкузской (между Копалом и Верным) памятник в виде мраморной плиты. Надписи сделаны по-русски и по-киргизски: 1) «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году» [надпись на мраморной плите сверху] и

Надпись на мраморной плите сверху.

Надпись на боковых полях мраморной плиты.

2) «По желанию туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта Кауфмана 1-го, во внимание ученых заслуг Валиханова, положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1880 году» [надпись на боковых полях мраморной плиты]. Памятник этот доставлен на место погребения Валиханова. Покойный был выдающеюся личностью по талантам и образованию среди киргизов.

Заметки к описанию памятника Чокана Чингисовича Валиханова

Н. Н. Пантусов в отношении в Археологическую комиссию от 22 февраля 1899 г. (№ 172) прислал фотографический снимок с могильного памятника, уже разрушенного, Чокана Валиханова. Сохранилась мраморная доска с надписью по-русски с киргизским переводом.

Могила Чокана и других султанов находится в урочище Кучентоган*[4], которое получило название от имени Иралы Кучена.

В протоколах заседаний и сообщениях членов Туркестанского кружка любителей археологии (Ташкент, 1899 г.) помещена статья Н. Н. Пантусова «Могила Чокана Чингисовича Валиханова», в которой описывается как местоположение могилы, так и надгробный памятник. Могила находится в Копальском уезде, верстах в пяти от станицы Куянкузской, в урочище Кучен-тоган, и расположена среди множества других султанских могил.

Памятник состоит из четырех столбов, возведенных из жженого кирпича, на которых некогда возвышался купол, от которого теперь не осталось никаких следов. Над могилой положена на квадратной возвышенности плита белого мрамора, на которой [имеется] надпись по-русски с киргизским переводом: «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году. По желанию туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта фон Кауфмана 1-го, во внимание ученых заслуг Валиханова положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1881 году».

Родословную Чокана Валиханова Пантусов представляет в таком виде:

Султан Аблай-хан (жена Сайман, каракалпачка)
↓
Валихан
↓
Чингис (жена Зейнеп, дочь бия Чормана)
↓
Джакуп (Якуб), Чокан (Мухаммед-Ханафия), Махмуд

*[4] Оросительный канал кочевника. *(Примечание Пантусова).*

КОММЕНТАРИИ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СЕМЬИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Печатаются по тексту ССВ, т. 4, с. 127—137, 143—144, 147, 149—150, 155, 158, 160—163, 167—169, 174—175, 177—180, 183, 186—190, 194, 200—201, 204—205, 222—223, 231—233, 235—246

ДЕД ЧОКАНА ВАЛИ

Повелительная грамота от 25 февраля 1782 года Средней киргиз-кайсацкой орды к салтанам, старшинам и всему народу.

Копии оригинала хранятся в Архиве библиотеки Омского краеведческого музея (БОКМ), № 45 (Выписка из Полного собрания законов, лл. 37—39; ЦГА КазССР, ф. 388, оп. I, д. 764, лл. 30—31). Впервые опубликована А. И. Дмитриевым-Мамоновым (см. «Киргизская степная газета», 1896, № 12).

Обряд торжества по случаю утверждения Вали ханом Среднего жуза и приведения его к присяге.

Рукописная копия хранится в Архиве библиотеки Омского краеведческого музея, № 45 (Выписка из полного собрания законов). Впервые опубликовано в «Киргизской степной газете» (1896, № 14).

БАБУШКА ЧОКАНА АЙГАНЫМ

Айганым — вторая жена хана Вали, мать отца Чокана, оставившая много ярких впечатлений в его детском воображении.

Архивные документы характеризуют Айганым как общественного деятеля, занявшего место своего мужа, хана Вали, после его смерти. Ее деятельность совпала с периодом ликвидации ханской власти в Среднем жузе, усилением связей с Россией, принятием «Устава о сибирских киргизах».

Представление Главного управления Западной Сибири в Сибирский комитет.

Оригинал хранится в ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. I, д. 246, лл. 1—3.

[1] *Айганым.., изъявляя желание сблизиться с границами нашими своим местожительством...* — Неточная формулировка, так как до и после смерти хана Вали семейство его никуда не переезжало. Ханша жила все время в своей фамильной усадьбе Сырымбет (ныне Кокчетавская обл.). Стремление Айганым сблизиться с Россией надо понимать в основном как приобщение к политической и культурной жизни государства.

Основная цель, которую преследовала Айганым, хорошо выражена в документах. Она заключается в ее желании закрепить за своим потомством землю, полученную в наследство от предков (Сырымбет, Бурулук, Саумал-Куль и др.). В 1846 г. ей выделили эту землю.

[2] *Худайберды-Атыгаевская волость* — казахская община, организованная после ликвидации ханской власти и принятия «Устава о сибирских киргизах». В основу выделения волостей был положен не территориальный, а племенно-родовой принцип. Племенные объединения атыгай и караул, входившие в Средний жуз, составляли основное население Кокчетавского округа.

[3] *Уак-Кереевская волость* — занимала территорию племен уак и керей, входивших в Средний жуз.

[4] *Рысай и баимбет* — два отделения, входившие в состав племен атыгай.

[5] *Пресновская крепость* (теперь село Пресновское) — заложена в середине XVIII в. и являлась одним из важных укрепленных пунктов Новой Сибирской линии, на том ее участке, который получил название Горькой линии, идущей от Усть-Уйской крепости до Омска.

[6] *Ногай-Караульская (Кылды-Ногайская) волость* — занимала северную и северо-восточную части Кокчетавского округа.

Решение Сибирского комитета о постройке дома Айганым Валихановой.
Оригинал хранится в ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. I, д. 246, лл. 7—8.

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из правительствующего сената.
Оригинал хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 422, лл. 2—5.

Обращение ханши Айганым Валиевой к Кокчетавскому окружному приказу.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, л. 1.

Представление омского областного начальника генерал-губернатору Западной Сибири.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, лл. 3—4.

Письмо высокопочтеннейшей ханше Айганым Валиевой.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, л. 10.

Письмо высокопочтеннейшей ханше Айганым Валиевой.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, л. 14.

Письмо ханши Валиевой начальнику Омской области г. генерал-лейтенанту и кавалеру Василию Ивановичу де Сент-Лорану.
Автограф хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, лл. 20—21.

Письмо ханши Айганым Валиевой омскому областному начальнику.
Автограф хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 410, л. 140.

Прошение ханши Айганым Валиевой на имя омского областного начальника де Сент-Лорана.
Автограф хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 302, лл. 2—3.

[1] *Броневский Семен Богданович* — генерал-майор, начальник штаба Отдельного сибирского корпуса, автор работы «Записки о киргиз-кайсаках Средней орды» (см. «Отечественные записки», 1830, ч. 41, с. 400—420; ч. 42, с. 75—88, 162—194, 357—364; ч. 43, с. 70—97, 194—285).

Предписание де Сент-Лорана петропавловскому окружному начальнику.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, л. 47 об.

Представление омского областного начальника де Сент-Лорана генерал-губернатору Западной Сибири.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, лл. 64—65.

Отношение Главного управления Западной Сибири к омскому областному начальнику.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, лл. 41—42.

Письмо Тореджана и Чингиса Валихановых начальнику Омского областного управления.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, лл. 73—74.

Сообщение о кончине Айганым.
Автограф хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 469, л. 9.

ОТЕЦ ЧОКАНА ЧИНГИС ВАЛИХАНОВ

Уведомление министра финансов генерал-губернатору Западной Сибири.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, л. 100.

Письмо воспитанника Сибирского войскового казачьего училища султана Чингиса Валиханова.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 690, л. 140.

Решение сейма киргизской знати об избрании старшего султана Аман-Карагайского округа Чингиса Валиханова 1834 года августа 30 дня.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 872, лл. 1—17об; ф. 374, оп. 1, д. 3835, лл. 1—39.

Требование пограничного начальника к достопочтеннейшему султану Аман-Карагайского округа г. майору Чингису Валиеву.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 297, л. 4.

Предписание пограничного начальника Аман-Карагайскому приказу.
Оригинал хранится в ЦГА Каз ССР, ф. 374, оп. 1, д. 297, л. 5.

Предписание генерал-губернатора Западной Сибири старшему султану Аман-Карагайского округа.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 297, л. 3.

Предписание исправляющего должность пограничного начальника Аман-Карагайскому приказу.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 297, л. 7.

Письмо М. В. Ладыженского к Чингису Валиханову.
Автограф хранится в Архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 17, л. 1. Написано на листе небрежным почерком. Имеет дубликат, написанный на казахском языке.
М. В. Ладыженский был образованным человеком своего времени. По его инициативе были собраны весьма обширные материалы по казахскому фольклору и праву. В сборе их принимали участие Беленицын, А. А. Сотников, Валихановы, Кунанбай Ускенбаев, Чингис Турсупов, К. Кудайменди́н, в Тургайской степи — Ахмет Джантюрин, Андре, Бонч-Осмоловский и др. К сожалению, материалы, собранные в Северо-Восточном Казахстане, пока не обнаружены и неизвестно, где они хранятся.

Донесение старшего султана Аман-Карагайского округа майора Валиева пограничному начальнику.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф, 374, оп. 1, д. 1083, л. 1.

Старшему султану Аман-Карагайского округа г. майору Чингису Валиеву.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1083, л. 2.

Уведомление начальника Пограничного управления сибирскими киргизами о награждении старшего султана Валиева золотой медалью.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3907, лл. 1—2 об.

Уведомление Департамента военных поселений командиру Отдельного сибирского корпуса о награждении Чингиса Валиханова.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 10, д. 13, л. 3.

Рапорт Кушмурунского внешнего окружного приказа в Пограничное управление сибирскими киргизами.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 5119, лл. 1—2.

В Пограничное управление сибирскими киргизами рапорт Кушмурунского внешнего окружного приказа.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4306, л. 4.

Господину исправляющему должность пограничного начальника Области сибирских киргизов из канцелярии Пограничного управления.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2191, л. 2.

Регистр вещей кайсацкого мужского костюма.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2191, л. 4.

Господину исправляющему должность пограничного начальника Области сибирских киргизов из совета Русского географического общества.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2191, л. 8.

Представление Пограничного управления г. исправляющему должность пограничного начальника сибирских киргизов о причислении султана Ч. Валиева к Кокчетавскому округу.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2729, л. 4.

Предписание Пограничного управления Кокчетавскому окружному приказу.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1687, лл. 1—2.

Доклад Областного совета сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1909, лл. 8—11.

Ходатайство кн. А. Чернышева перед царем об устройстве сына Чингиса Валиханова Макы в Петербургское училище глухонемых.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 1265, оп. 4, д. 38, лл. 1—2 и об.

Формулярный список № 1 о службе старшего султана Кушмурунского окружного приказа майора Чингиса Валиханова.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2399, лл. 11—15.

Рапорт старшего султана Кокчетавского округа полковника Валиханова исправляющему должность военного губернатора Области сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 476, лл. 321—323.

Формулярный список № 2 о службе старшего султана Кокчетавского округа полковника Чингиса Валиханова.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4306, лл. 3—6.

Уведомление от военного губернатора г. старшему султану Кокчетавского округа.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 817, л. 22.

Обращение председателя Степной комиссии к Ч. В. Валиханову.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 1450, оп. 2, д. 12, л. 102.

Предписание генерал-губернатора Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4051, лл. 16—19.

Прошение полковника султана Чингиса Валиханова генерал-губернатору Западной Сибири.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4051, лл. 16—19.

Обращение оргкомитета конгресса ориенталистов к киргизам Кокчетавского, Сары-Суйского и Акмолинского уездов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 6934, л. 76.

Список вещей, представленных волостными управителями Кокчетавского уезда для отсылки в С.-Петербург на выставку.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 6934, лл. 320—321.

Письмо Чингиса Валиханова художнику М. С. Знаменскому.
Автограф хранится в ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 6934, лл. 13—15.

[1] *Михаил Степанович Знаменский* — тобольский художник, хорошо знавший Чокана по совместной работе в экспедиции генерала Черняева. Судя по всему, он поддерживал связь и с отцом Чокана — Чингисом.

Рапорт кокчетавского уездного начальника господину военному губернатору Акмолинской области.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 6934, л. 194.

Список вещей, имеющих быть доставленными полковником Чингисом Валихановым с сыновьями на выставку при конгрессе ориенталистов в конце августа 1876 г.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 6334, лл. 30—32.

МАТЕРИАЛЫ СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

СЛУЖБА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 331—337.

Уведомление Департамента военных поселений Инспекторскому департаменту Военного министерства.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 395, оп. 45/525, д. 525, л. 1 и об.

Уведомление штаба Отдельного сибирского корпуса исправляющему должность пограничного начальника сибирских киргизов генерал-майору Клейсту.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2812, л. 1—2.

Приказ по Сибирскому линейному казачьему войску.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2949, л. 267 и об.

Выписка из приказа по Сибирскому линейному казачьему войску.
Оригинал хранится в ГАОО, ф. 67, оп. 1, д. 19, л. 26.

Ходатайство командира Отдельного сибирского корпуса перед военным министром о награждении корнета Чокана Валиханова.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, л. 28.

Отношение Департамента военных поселений в Инспекторский департамент Военного министерства.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 395, оп. 165/550, д. 18, л. 2 об.

Ответ Инспекторского департамента в Департамент военных поселений.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 395, оп. 165/550, д. 18, л. 64 об.

Ходатайство военного министра кн. Долгорукова о награждении Чокана Валиханова.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4. оп. 23, д. 24, л. 38.

Уведомление Департаментом военных поселений управляющего Сибирского комитета В. П. Буткова.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, л. 15.

Наградной лист.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, л. 2.

СЛУЖБА В УЧЕНОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 343—350, 356—359.

Представление Ч. Ч. Валиханова к награде после успешного завершения Кашгарской экспедиции.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 395, оп. 45/529, д. 525, л. 1 и об; ф. 395, оп. 162/550, д. 18, л. 64.

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства министру финансов.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 234—235, 238 и об.

Записка А. М. Горчакова.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 84, л. 5.

Доклад по Управлению иррегулярных войск.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 84, л. 4.

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства господину министру финансов.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 240.

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства канцлеру российских императорских и царских орденов.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 241, и об.

Статья для внесения в высочайший приказ.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 84, л. 6.

Приказ царя.
Типографский оттиск находится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 244.

Указ Капитулу российских императорских и царских орденов.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 242.

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства в Управление иррегулярных войск.
Оригинал хранится ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 246—247.

Свидетельство.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 245.

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства состоящему по армейской кавалерии господину штабс-ротмистру Чокану Валиханову.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 256.

Письмо Департамента Генерального штаба Военного министерства генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 253—254.
В письме говорится о составлении с помощью Ч. Валиханова карт Восточного Туркестана и оз. Иссык-Куль.

Письмо Г. Х. Гасфорта В. К. Ливену.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 279 и об.
В письме сообщается о высылке картографических материалов, необходимых для работы Ч. Валиханову.

Выписка из шнуровой книги о выданных картах (материалах) из архива Военно-исторического и Топографического депо Главного штаба.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 492, д. 48, лл. 61, 63, 73—74.

Ведомость картам, планам, описаниям и прочим, вновь поступившим в архив Военно-топографического депо (с 1 марта по 1 апреля 1860 г.).
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 492, д. 36, л. 75.

О картах, числящихся по Азиатскому отделению.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 492, д. 48, л. 14.

О картах, взятых из Военно-исторического и Топографического депо Главного штаба и составленных штабс-капитаном Валихановым.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 400, оп. 258, д. 27, л. 14.

СЛУЖБА В АЗИАТСКОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 368—418

Уведомление Генерального штаба Военного министерства товарищу министра иностранных дел о своем согласии на перевод Ч. Валиханова.
Копии документов хранятся в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 3 об.: ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 271.

Отзыв кн. А. М. Горчакова о штабс-ротмистре Валиханове.
Копии документов хранятся в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 53; ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 276 и об.; ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 3.

Уведомление начальника Управления иррегулярных войск о переводе Ч. Ч. Валиханова в Азиатский департамент.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, лл. 277—278 об.

Приказ Александра II о назначении Ч. Ч. Валиханова состоять в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.
Копии документов хранятся в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 278; в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 7 об.

Уведомление Главного управления Инспекторского департамента Военного министерства о зачислении Ч. Ч. Валиханова в Азиатский департамент.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 8.

Предписание военного министра командиру Отдельного сибирского корпуса.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 8.

Рапорт начальника штаба Отдельного сибирского корпуса в Управление иррегулярных войск.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 8.

Отношение штаба Отдельного сибирского корпуса в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 15.

Отношение начальника иррегулярных войск в Комиссариатский департамент Военного министерства.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 215, л. 13.

Отношение Управления иррегулярных войск в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.
Копии документов хранятся в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 18 и об.; ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 12.

Отношение Комиссариатского департамента Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 23.

Уведомление Азиатского департамента Министерства иностранных дел в Управление иррегулярных войск.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 24 и об.

Расписка Ч. Ч. Валиханова о получении жалования.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, лл. 21, 43, 44.

Отношение начальника Управления иррегулярных войск генерал-квартирмейстеру Главного штаба его императорского величества.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 17.

Его превосходительству Н. П. Игнатьеву.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—3, д. 1, л. 149.

Рапорт штабс-ротмистра Валиханова в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 38.

Записка Н. П. Игнатьева директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—3, д. 1, л. 149.

Отношение Азиатского департамента в Департамент Генерального штаба.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 39 и об.

Перечень некоторых документов о переводе Ч. Ч. Валиханова из Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.
Оригинал хранится в ЦГВИА, ф. 447, д. 4, л. 313 и об.

Письмо Н. П. Игнатьева генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 41.

Отношение Управления иррегулярных войск в Азиатский департамент о патенте Ч. Ч. Валиханова.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 42.

Запрос Комиссариатского департамента Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел о Ч. Ч. Валиханове.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 45.

Уведомление Азиатского департамента Министрества иностранных дел в Комиссариатский департамент Военного министерства.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 46.

Письмо Н. П. Игнатьева генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю о командировании Ч. Ч. Валиханова в Петербург.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 47.

Письмо А. И. Веригина Н. П. Игнатьеву.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 48 и об.

Письмо Азиатского департамента Министерства иностранных дел генералу А. И. Веригину.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, лл. 49—50.

Отношение департамента Генерального штаба Военного министерства директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, лл. 51—52.

Отношение Главного управления Генерального штаба Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 53.

Уведомление штаба Отдельного сибирского корпуса директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. П. Игнатьева.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 54.

Предписание товарища министра иностранных дел Азиатскому департаменту о прекращении выдачи жалованья Ч. Ч. Валиханову по Министерству иностранных дел.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 57.

Отношение Азиатского департамента в штаб Отдельного сибирского корпуса.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 58.

Уведомление Инспекторского департамента Военного министерства в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 67.

Докладная записка Управления иррегулярных войск.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, лл. 26—28.

Приказ военного министра о переводе Ч. Ч. Валиханова из Азиатского департамента в распоряжение командующего войсками Западной Сибири.
Оригинал хранится в ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 31.

Об увольнении Ч. Ч. Валиханова из Азиатского департамента.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 74.

Письмо оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—3, д. 1, л. 150.

Записка оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—3, д. 1, л. 151.

Высочайшие приказы по военному ведомству.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, л. 79 об.

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ Ч. ВАЛИХАНОВА

Печатаются по тексту ССВ, т. 4, с. 419—423.
Формулярный список № 1 о службе и достоинстве прикомандированного к 6-му полку Сибирского линейного казачьего войска, состоящего по кавалерии штабс-ротмистра Чокана Валиханова.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, лл. 7—12.

Формулярный список № 2 о службе и достоинстве состоящего по армейской кавалерии и при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел штабс-ротмистра Чокана Валиханова.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. ДЛС и ХД (Личные дела чиновников ,1860—1870 гг.), оп. 464/3, д. 318, лл. 1—4.

Формулярный список № 3 о службе состоящего по армейской кавалерии и при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел сверх штата штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова.
Оригинал хранится в архиве МИД, ф. IV—2, д. 8, лл. 4—6.

ЧОКАН В АУЛЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 444—446.

Приказ генерал-губернатора Западной Сибири.
Опубликован в газете «Томские губернские ведомости», 1862, № 47.

Рапорт Кокчетавского окружного приказа военному губернатору Области сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 5315, л. 12.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

РАБОТА В ОМСКОМ АРХИВЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 449—451.
Эти документы характеризуют первые шаги научно-исследовательской работы молодого ученого, начатой в Омском архиве. Они свидетельствуют о том, что западно-сибирская администрация поручила Ч. Валиханову собрать материалы для написания истории казахов Сибирского ведомства.

Предписание секретарю Андрееву из Пограничного управления сибирскими киргизами.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1412, л. 188.

Предписание секретарю Андрееву из Пограничного управления сибирскими киргизами.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1412, л. 189.

Распоряжение Областного правления сибирских киргизов архивариусу Андрееву.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1412, лл. 236—237.

Рапорт архивариуса Андреева в Областное правление сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1579, л. 55.

Распоряжение Областного правления сибирских киргизов архивариусу Андрееву.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1579, л. 56.

В РУССКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 452—460, 513.

Рекомендация Чокану Валиханову в действительные члены Русского географического общества.
Оригинал хранится в архиве РГО, ф. 1, д. 7, л. 19. Впервые опубликовано в «Вестнике РГО» (кн. II, отд. 6, СПб., 1857, с. 59; кн. 1, с. 10).

Диплом об избрании Ч. Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества.

Оригинал хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 19, л. 9.

[Историко-филологическое отделение. Заседание 13 (25) апреля 1860 г.]

Печатается по изданию: Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome 2. St-Pbg., 1860, Bulletin des séances, col. 190 — 191. Перевод и комментарии В. Н. Настича.

Французский оригинал сообщения составлен в настоящем времени. В переводе принято прошедшее время, как более соответствующее контексту. Восточные имена и термины переданы в форме, принятой в современной научной литературе.

[1] *Вельяминов-Зернов* Владимир Владимирович (1830—1904) — известный востоковед, автор ряда работ по средневековой и новой истории, источниковедению и нумизматике Средней Азии, Казахстана и Поволжья. Он был первым из востоковедов русской национальности, получившим звание академика (1858 г.).

Здесь и далее в оригинале вместо инициалов при фамилиях поставлено M. (сокр. франц. Monsieur), переданное в переводе «г.» («господин»), как это было принято в публикациях того времени.

[2] *Хакани* (Афзал ад-дин Ибрахим ибн Али Хакани Ширвани, род. между 1106 и 1122 г., ум. 1199) — знаменитый азербайджанский поэт, придворный панегирист ширваншахов Кесранидов.

[3] *Азиатский музей* (первоначально Восточный кабинет) — основан в 1818 г. в Петербурге при Академии наук как ведущий научный центр востоковедения в России. В 1930 г. преобразован в Институт востоковедения АН СССР, куда вошло его богатое собрание восточных рукописей и печатных изданий. Нумизматические коллекции Азиатского музея переданы Государственному Эрмитажу.

[4] *Ширваншахи* — общее название трех феодальных династий, правивших в Азербайджане в 799—1538 гг.

[5] *Ханыков* Николай Владимирович (1819—1878) — русский востоковед, дипломат и путешественник; двоюродный брат В. В. Вельяминова-Зернова. Перу Н. В. Ханыкова принадлежит более 90 работ по вопросам истории и древностей мусульманской Азии. *Дорн* Борис Андреевич (Dorn Bernhard, 1805—1881) — востоковед-филолог и историк, немец по происхождению, с 1829 г. жил и работал в России; член-корреспондент АН с 1835 г. В 1842 г. возглавил Азиатский музей. Работы Б. А. Дорна по изучению восточных рукописей и монет и поныне сохраняют научную ценность.

[6] Lettre de M. Khanykov à M. Dorn.— Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. St.-Pbg., 1857, t. XIV, № 23—24, col. 353—370.

[7] *Малла-бек* (в оригинале Mella-beg), иначе Мухаммад Малла-хан — кокандский хан из династии Мингов (1858—1862). Упомянутый экземпляр золотой монеты описан в публикуемой здесь работе В. В. Вельяминова-Зернова без указания порядкового номера (см. наст. изд., с. 104).

В. Вельяминов-Зернов. Описание нескольких монет улуса Чагатая, Хивы и Коканда.

Печатается по изданию: Description de quelques monnaies de l'oulous de Djaghataï, de Khiva et Khokand, par V. Véliaminof-Zernof. (Lu le 13 avril 1860).— Bulletin de l'Académie Impériale des sciences St.-Pétersbourg. Tome 2. St.-Pbg., 1860. col. 207—218. Перевод и комментарии В. Н. Настича. На русском языке публикуется впервые.

Восточные имена, названия и термины, независимо от орфографии французского оригинала, а также мусульманские даты с переводом в европейское летосчисление переданы в форме, принятой в современной научной литературе. На том же основании сверены с оригиналом и по мере

необходимости выправлены переводы с арабского и персидского языков (надписи на монетах и цитаты из источников). Термин prince (араб. سلطان, перс. پادشاه) переведен словом «правитель».

Все сноски в тексте — авторские.

[1] *Доля* — русская дометрическая мера веса, равная 44,435 мг; 96 долей составляют *1 золотник* (4,266 г). Перевод этих мер в граммы показан в тексте в квадратных скобках (с округлением до 0,01 г).

В статье не указан металл монет. Все они серебряные, за исключением № 10 (медь) и последней (без номера — золотая тилла), которую, как отмечено в протоколе заседания 13 апреля 1860 г. (см. выше с. 104), Ч. Валиханов оставил у себя.

[2] В оригинале опечатка: II.

[3] В оригинале опечатка: ٧٠ الله

[4] *Тармаширин* — потомок Чагатая, сын Дува-хана, правитель Мавераннахра (726/1326—734/1334), первым из династии Чагатаидов принявший ислам. Известен также под мусульманским именем Ала ад-дин. *Санджар* — правитель северных областей улуса Чагатая при Тармаширине; его имя упоминалось на монетах Тараза и Самарканда 731—733 гг. хиджры. См.: *М. Е. Массон.* Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов.— Труды САГУ, новая серия, вып. CXI; Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, с. 69, 84, 96.

[5] *Френ* Христиан Данилович (Fraehn Christian Martin Joachim, 1782—1851) — один из ведущих востоковедов XIX в., с 1807 г. жил и работал в России. Организатор и первый директор Азиатского музея (1818—1842). Фундаментальные труды Френа заложили основы восточной нумизматики как научной отрасли в нашей стране.

[6] Nova Supplement ad Recensionem numorum muhammedanorum Academiae Imp. scientarum Petropolitanae. Additamentis editoris aucta, subjunctis ejusdem de Fraehnii vita, operibus impressis et bibliothecam relationibus.—[Ch. M. Fraehnii] Opusculorum postumorum. Pars 1, edidit *Bernh. Dorn.* Peteropoli, MDCCCXXVI [1826].

[7] *Абд ар-Раззак* ибн Исхак Самарканди (1413—1482) — историк и политический деятель при дворе Тимуридов в Герате. Основной его труд «Матла' ас-са'дайн ва маджта' ал-бахрайн» («Восхождение двух светил и слияние двух морей») в двух томах посвящен истории Ирана и Средней Азии XIV—XV вв.

[8] *Нахшеб,* иначе *Несеф* — древний город на р. Кашкадарье близ совр. Карши (Узбекская ССР), основан не позднее III в. н. э.

[9] *Мирхонд* (Мухаммад ибн Мухаммад Хаванд-шах ибн Махмуд Мир Хаванд, 1433—1498) — гератский историк, автор 7-томной всеобщей истории «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты в жизнеописании пророков, царей и халифов»), последний том которой, доведенный до 1522—23 г., написан его внуком Хондемиром (см. комм. 11).

[10] *d'Ohsson C.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan. T. 1—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835.

[11] *Хондемир* (Гийас ад-дин ибн Хумам ад-дин Мухаммад ал-Хусейни, 1475— около 1535) — гератский историк, внук Мирхонда (см. выше,) автор двух многотомных историй «от сотворения мира» по перв. четв. XVI в.— «Хуласат ал-ахбар фи байан ахвал ал-ахйар» («Отборные известия в описании дел лучших людей») и «Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад башар» («Друг жизнеописаний в известиях о выдающихся людях»), известных ныне в огромном количестве рукописных экземпляров.

[12] *Фасих Хафи* (иначе *Хавафи,* Фасих ад-дин Ахмад ибн Мухаммад, 1375— около 1442) — гератский историк, автор всеобщей истории «Муджмал-и Фасихи» (Фасихов свод»), доведенной до 1441 г.

[13] *Ибн Баттута* (Мухаммад ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Танджи, 1304—1377) — путешественник из Танжера, современник и соперник Марко Поло.

Трехтомное описание более чем 25-летних странствий «Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва 'аджа'иб ал-асфар» («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий») записано со слов Ибн Баттуты Мухаммадом ал-Калби (ум. в 1356 г.), на счет которого, очевидно, и следует отнести многие из непоследовательностей и анахронизмов в повествовании, отмеченных В. В. Вельяминовым-Зерновым.

[14] *Абулгази* ибн Араб-Мухаммад (1603—1664) — хивинский хан, потомок Шибана сына Джучи, автор истории Чингиз-хана и чингизидов «Шаджарат ат-турк» («Родословная тюрков»), написанной на тюркском языке и доведенной до 1644 г.

[15] В оригинале Doua-khodjen — очевидно, описка вместо Doua-khodjah 'Дува-ходжа'.

[16] *Дженкши* (Чангши) — племянник Тармаширина (см. комм. 4), сменивший его на престоле Чагатайского улуса и правивший несколько месяцев в 1334 г. Смещен Бузаном (Бузуном) сыном Дува-Тимура.

[17] *'Помилованный'*; *'да будет милость над<...>'*; '[да будет] *благословенна будущая жизнь*' (араб.—перс.) — эпитеты и благопожелания, адресованные умершим мусульманам (преимущественно знатного происхождения) в позднее средневековье и новое время.

[18] *Григорьев* Василий Васильевич (1816—1881) — известный русский востоковед, автор ряда работ по истории, географии и этнографии Средней Азии, восточной нумизматике, истории отечественной ориенталистики. В 1854—1862 гг. состоял управляющим областью Оренбургских киргизов (казахов).

[19] *Кепек* (Кёбек-хан) — чагатаид, второй сын Дува-хана, правил в 709/1309 г. и ок. 718/1318—726/1326 гг. При нем была проведена денежная реформа и введена новая общегосударственная денежная единица — серебряный динар (кепеки) весом около 8 г. *Ильчигидай* и *Дува Тимур* — братья Кепека, кратковременно правившие по очереди в течение 726/1326 г. перед воцарением Тармаширина.

[20] Рукопись ИВ АН СССР С 404.

[21] *Мухаммад Амин* — хивинский хан (1845—1855).

[22] *Абдаллах* (Абдулла-хан) — хивинский хан (1855).

[23] *Мухаммад* (Сейид Мухаммад бахадур-хан) — хивинский хан (1856—1865).

[24] *Шай* (перс. [фулус-и] *шахи* 'шахские [деньги]') — официальное название медной монеты *(пула)*, составлявшей в середине XIX в. $^1/_{48}$ хивинской серебряной танги. В данном случае, очевидно, описана монета в $^1/_2$ пула, или «ярым шаи».

[25] *Худайар* (Сейид Мухаммад Худайар-хан) — кокандский хан, правил трижды: в 1844—1858, 1862—1863 и 1865—1875 гг.

[26] *Савельев* Павел Степанович (1814—1859) — видный русский востоковед, специалист по географии Средней Азии, восточной нумизматике, истории отечественного востоковедения. Один из основателей и активнейших сотрудников (с 1846 г.) Русского археологического общества.

[27] *Малла-бек* — см. комм. 7 к «Историко-филологическому отделению» (наст. изд. с. 460).

[28] *Тилла* — золотая монета, чеканившаяся в государствах Средней Азии с XV до XIX в. (в Бухаре — до 20-х гг. XX в.). Кокандская тилла в середине XIX в. приравнивалась к 3 руб. 80 коп. золотом и разменивалась на 18—21 серебряную тангу.

[29] *Омар-хан* (Сейид Мухаммад Умар-хан) — кокандский хан (1809—1822). *Алим-бек* (Мухаммад Алим-хан) правил Кокандом в 1800—1809 гг. *Нарбута-бий* — предшественник Алим-хана (1770—1800).

Извещение Русского географического общества о докладах Ч. Валиханова и К. М. Бэра.

Впервые опубликовано в «Русском инвалиде». 1860, № 95.

Письмо председателя общества помощи нуждающимся литераторам и ученым Ч. Ч. Валиханову.
Оригинал хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 19, л. 3.

Уведомление Русским географическим обществом Ч. Ч. Валиханова об уплате членских взносов.
Оригинал хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 19, лл. 21—22.

Выступление Ч. Ч. Валиханова на заседании Отделения этнографии Русского географического общества.
Впервые опубликовано в «Записках РГО», 1861, кн. 3, с. 31.

Квитанция.
Оригинал хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 19, л. 3.

Постановление совета Русского географического общества.
Впервые опубликовано в «Известиях РГО», 1867, т. 3, вып. 2, с. 112.

ДОКУМЕНТЫ ОБ УЧАСТИИ Ч. ВАЛИХАНОВА В ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛОВ ПО СУДЕБНЫМ ОБЫЧАЯМ КАЗАХОВ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 462—477.

В 1863 г. Ч. Валиханов был приглашен генерал-губернатором Западной Сибири Дюгамелем в экспедицию Яценко для сбора и изучения судебных обычаев казахов. Валиханов охотно принял предложение и все летние месяцы провел в Центральном и Северном Казахстане, исследуя правовые взаимоотношения казахов Кокчетавского, Атбасарского, Акмолинского, Каркаралинского и Баян-Аульского округов. В результате поездки он собрал обширный материал, который явился основным источником при написании теоретической работы «Записка о судебной реформе» киргиз Сибирского ведомства (см. наст. т. 4 с. 77). Однако Валиханов использовал свой полевой материал не полностью, а взял лишь наиболее важное. Чтобы избежать придирок генерал-губернатора, он дал собранным записям завуалированное название «Мнения султанов и биев степных округов». Они принципиально отличаются от записей Яценко. В «Записке о судебной реформе» полевые материалы названы мнениями большинства массы киргизского народа.

Отношение Главного управления Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 1—3.

Кокчетавскому окружному приказу.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 4—5.

Кокчетавскому окружному приказу.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, л. 7.

Отношение Областного правления сибирских киргизов военному губернатору.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 75 и об.

Рапорт советника Областного правления Яценко военному губернатору Области сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, л. 14.

Предписание гг. старшим султанам округов: Кокчетавского, Баян-Аульского, Акмолинского, Каркаралинского, Атбасарского.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, л. 16.

Отношение военного губернатора Области сибирских киргизов генерал-губернатору Западной Сибири.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1. д. 807, л. 20.

[1] *...мнения эти в некоторых случаях противоречат друг другу.*— Не совсем точно. Полевые записи Ч. Валиханова не устраивали западно-сибирскую администрацию, в частности военного губернатора Фридрихса. Он хотел собрать новый материал путем ревизии окружных приказов и организации комитета в составе султанов и крупных чиновников.

Отношение Главного управления Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 25—26.

Мнения султанов и биев Кокчетавского округа.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 33—34.

Мнения султанов и биев Акмолинского округа.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 36—39.

Мнения султанов и биев Атбасарского округа.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 40—46.

Мнения султанов и биев Баян-Аульского округа.
Оригинал хранится в ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 807, лл. 85—89.

[1] *Баранта, по киргизским понятиям, не есть грабеж и по киргизским законам за баранту не получают даже аипа* [возмездия].— Эту мысль Чокан уточняет в «Записке о судебной реформе»: «За воровство, грабеж, угон полагается аип, а за баранту — ничего.

ПЕРЕПИСКА

ПИСЬМА ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Публикуется по тексту ССВ, т. 4, с. 43—87.

Письмо юного Чокана к родителям.
Перевод Н. Ф. Костылецкого хранится в архиве Г. Н. Потанина (НБТ ГУ, л. 7357). Датируется 1849 г.
Оригинал письма на казахском языке не сохранился. Это письмо представляет значительный интерес, как единственный пока известный документ, по которому можно судить об интересах юного Чокана.

Ф. М. Достоевскому.
Автограф Чокана Валиханова хранится в рукописном отделе ВГБИЛ (Дост., II, 2/6). Датируется 5 декабря 1856 г.
О дружбе Ч. Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским имеется большая литература. (См.: *Л. П. Гроссман.* Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л.,

1935, с. 76, 382; *А. С. Долинин.* В творческой лаборатории Достоевского (история создания романа «Подросток»). М., 1947, с. 127—130; *М. О. Ауэзов.* Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов. Журнал «Дружба народов», 1956, № 3, с. 154—155; *М. Н. Фетисов.* Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, с. 239—321; *В. И. Мануйлов.* Друг Ф. М. Достоевского Чокан Валиханов. Труды Ленинградского библиотечного ин-та, т. 5, 1959, с. 343—369. *П. Костенко.* Иртыш и Нева. Алма-Ата, 1978).

[1] *Дуриков* Александр Николаевич (1824—1899) — юрист, друг декабриста Г. С. Батенькова; работал стряпчим (прокурором) в Омске и Семипалатинске (1847—1858), затем обосновался в Калуге; с Валихановым сдружился в Омске и сохранил добрые чувства к нему до конца своей жизни.

[2] *Дуров* Сергей Федорович (1816—1869) — поэт-петрашевец, был приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой. Наказание отбывал в Омском остроге вместе с Ф. М. Достоевским. С Валихановым познакомился, когда служил в Областном правлении сибирских киргизов в Омске.

[3] *Василий Петрович* Демчинский — офицер гусарского полка, был разжалован за приверженность к освободительным идеям в России, направлен служить в Сибирское казачье войско; в Омске сдружился с Ф. М. Достоевским и Ч. Валихановым. Сохранил эту дружбу на всю жизнь.

[4] *Ковригин* Н.— капитан горных инженеров, ревизор Алтайского округа и Семипалатинской области, сотрудник «Горного журнала» (1860—1870). В 50-х годах XIX в. работал в Барнауле на Локтевском заводе. Здесь он встречался с Ф. М. Достоевским, приезжавшим в Барнаул к своей невесте Марии Дмитриевне Исаевой и через Ч. Валиханова ссудил Ф. М. Достоевского деньгами для предстоящей свадьбы (см. архив АН СССР, ф. 23, д. 10, л. 29).

[5] *Анна Андреевна* де Граве — жена коменданта Омской крепости. Оказывала помощь Ф. М. Достоевскому в ссылке.

Отцу Чингису Валиханову

Впервые опубликовано в переводе А. Х. Маргулана в журнале «Простор» (1960, № 9, с. 142—143). В публикации ошибочно указан год: вместо 1857 дан 1860. Автограф Чокана не сохранился. Копия казахского текста хранится в архиве Г. Н. Потанина (НБТГУ, дд. 7355—7356).

Копия снята Г. Н. Потаниным в 1895 г., во время пребывания в гостях у отца Чокана. Копия удовлетворительная, несколько подправлена студентом Д. Султангазиным, сопровождавшим Потанина в аул Валихановых. (См.: Записка Г. Н. Потанина. «Известия РГО», т. XXXI, СПб., 1895, с. 637—638; О поездке Г. Н. Потанина в Кокчетавский округ. «Этнографическое обозрение», 1895, № 3; *Г. Н. Потанин.* В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8; *его же.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. «Живая старина», 1916, II—III, с. 189—190).

[1] *Гутковский* Карл Казимирович (1815—1867)—один из представителей прогрессивной части российской пограничной администрации, знаток казахских степей. Образование получил в кадетском корпусе, затем в Николаевской военной академии Генерального штаба. Был направлен в Казахстан, где работал с 1838 г. в разных должностях. С 1851 по 1863 г. был председателем Областного правления сибирских киргизов (казахов) и товарищем военного губернатора этой области. Гутковский постоянно совмещал административную работу с исследовательской и педагогической деятельностью: преподавал в Сибирском кадетском корпусе географию и геодезию. Здесь он обратил внимание на своего любознательного воспитанника Чокана, развил в нем интерес к научному познанию и впоследствии стал его близким другом. В 1858 г. он принял активное участие в организации экспедиции Валиханова в Кашгар. До конца своей жизни оставался верен своей дружбе с Чоканом Валихановым, оказывал ему постоянную помощь в науке и по

службе. (См. «ЗРГО», кн. 4, СПб., 1864, с. 22; *Г. Н. Потанин.* Биографические сведения о Чокане Валиханове. В Сочинениях Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1904, с. XIV, XVII, XXIX; *Г. Н. Потанин.* В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8, с. 77—78).

[2] *Гасфорт* Г. Х. (ум. в 1874 г.) — генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного сибирского корпуса (1851—1860). Образование получил в Институте путей сообщения, участник Отечественной войны 1812 г. и Балканской войны 1850 г. В годы его правления произошло присоединение к России Заилийского края и было основано укрепление Верное (Алма-Ата). Г. Х. Гасфорту была поручена организация экспедиции Валиханова в Кашгар. (О нем см. наст. изд. т. 1, с. 33—36, 287—293, 400; т. III, с. 42—49; см. «Колокол». Прибавочный лист, 1 августа 1867 г., с. 5, «Русский инвалид», 1874, № 107; «Петербургский некрополь», 1, СПб., 1874, с. 546; «Русский биографический словарь», т. IV, СПб., с. 265—268; «Воспоминания Г. И. Филипсона». «Русский архив», т. III, кн. 6, СПб., 1883, с. 335—337; *А. И. Иванов.* Встреча с Ф. М. Достоевским. «Туркестанские ведомости», 1893, № 12).

[3] *Фридрихс Г. К.* — генерал-лейтенант, военный губернатор Области сибирских киргизов (1854—1865).

[4] По «Уставу о сибирских киргизах» была предусмотрена должность советника от казахов Среднего жуза для работы в Областном правлении.

[5] *Сабалак и Хангожа* — дяди Чокана. Хангожа был музыкально одаренным человеком, прекрасно играл на кобызе, виртуозно исполнял казахские кюи. Из всех родственников Чокан особо любил Хангожу за его высокое мастерство, записал от него много казахских кюев, теперь уже забытых.

[6] *Кошугул* — влиятельный и богатый бий из рода атыгай, имел много магазинов и лавок в Кокчетавском и Петропавловском округах; давал также деньги на строительство медресе и мечети.

[7] *Мухаммедия и Козыке* — братья Чокана. Козыке (Сахиб-Керей) — поэт, музыкант, друг поэта Ахан-Серэ. Умер в молодости, не успев полностью проявить своего дарования. (См. наст. изд. т. 1, с. 16).

Второе письмо родителям

Впервые опубликовано в переводе А. Х. Маргулана в журнале «Простор» (1960, № 9, с. 143). Рукопись казахского текста хранится в архиве Г. Н. Потанина (НБТГУ, дд. 7356—7357).

[1] *Макыжан* (Макажан, Абдул-Магаджан) Валиханов (1845—1918) — брат Чокана, учился в Петербурге в школе глухонемых (1855—1864), где получил специальность рисовальщика. По окончании школы работал в канцелярии военного губернатора Области сибирских киргизов (казахов), толмачом Баян-Аульского приказа, письмоводителем Атбасарского и Кокчетавского приказов. О нем см.: ЦГИАЛ, ф. 758, оп. 23, д. 251, лл. 37—40; ф. 1265, оп. 4, д. 38, лл. 1—2 об.; ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 943, лл. 1—9).

[2] *Милютин Д. А.* (1816—1912) — военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, граф, военный министр, профессор Военной академии по кафедре военной географии и статистики, автор ряда капитальных работ по истории войны, по своим политическим взглядам — буржуазный либерал, в 1860 г. провел военные реформы в России.

[3] *Ливен* В. К. — граф, генерал-квартирмейстер Главного штаба (1857—1860).

[4] *Толстой* А. П. — граф, прокурор Святейшего синода, министр просвещения.

[5] *Любимов* Н. И. — сенатор, дипломат, товарищ министра иностранных дел, путешествовал по Восточному Казахстану и Тарбагатаю.

[6] *Бутков* В. П. — статский секретарь, управляющий делами Сибирского комитета в Петербурге. Он был в курсе всех вопросов, касавшихся Сиби-

ри и Казахстана. *Гулькевич* Н.— секретарь Сибирского комитета в Петербурге, знаток Сибири и Казахстана.

[7] *Муса* — дядя Чокана по матери, автор ряда интересных работ по этнографии казахов.

[8] *Мукан-султан* (Джантюрин) — султан-правитель тургайских казахов, брат Ахмета Джантюрина (см. ниже комм. 11); возглавлял депутацию казахов Оренбургского ведомства. (См. «Почетные киргизы из Зауральской степи и Внутренней орды». «Иллюстрация 1860 г.», № 115, 116 (Портреты киргизской депутации).

[9] *Плотников* Л. Н.— русский чиновник, занимавший должность пристава у казахов Оренбургского ведомства, позднее управляющий казахами Букеевской орды. В Петербурге встречался с Чоканом Валихановым и имел с ним беседы.

[10] *Альмухаммед Сейдалин* — штабс-ротмистр, один из образованных казахских офицеров, брат ученого Т. Сейдалина, автора ряда интересных работ о хозяйстве и культуре казахов.

[11] *Ахмет* (Джантюрин)—султан-правитель тургайских казахов до Мукана Джантюрина, был в родственных отношениях с Валихановыми; знаток обычного права казахов.

[12] *Башкен-ханум* — жена Ахмета Джантюрина. Чингис сватал их дочь за Чокана, однако Чокан отказался (см. Письмо Чокана А. Н. Майкову. Наст. изд., т. 5, с. 153).

Третье письмо родителям

Впервые опубликовано в переводе А. Х. Маргулана в журнале «Простор» (1960, № 9, с. 144); рукопись казахского текста хранится в Архиве Н. Г. Потанина (НБГТУ, дд. 7358—7359).

[1] Кандидатом на пост генерал-губернатора Западной Сибири из петербургских друзей Чокана был Д. И. Романовский, образованный офицер, заведовавший Азиатской частью Департамента Генерального штаба, хорошо знавший восточные окраины империи. Однако, после того, как военным министром стал Д. А. Милютин, Романовского оставили в Петербурге. Через полтора года он стал редактором военной газеты «Русский инвалид». Только в 1866 г., уже после смерти Чокана, Романовский был назначен военным губернатором Туркестанской области.

Брату Жакупу Валиханову

Впервые опубликовано в переводе А. Х. Маргулана в журнале «Простор» (1960, № 9, с. 144); рукопись казахского текста хранится в архиве Г. Н. Потанина в НБТГУ.

Копия снята Г. Н. Потаниным в 1895 г., несколько подправлена студентом Д. Султангазиным.

[1] *Бейсен* — сказитель, часто сопровождавший Чокана в его поездках по казахским степям.

[2] *Сейфуллин* — родственник преподавателя Сибирского кадетского корпуса Ташмухаммеда Сейфуллина.

К. К. Гутковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 154 и об. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова, под ред. Н. И. Веселовского (СПб., 1904, с. 519—520); см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 107—108; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 547—548. Датируется 4 июня 1858 г.

Ф. М. Достоевскому

Автограф Чокана Валиханова хранится в рукописном отделе ВГБИЛ (Дост. II, 2/6); см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой, Алма-Ата, 1947, с. 108; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана, Алма-Ата, 1958, с. 549—550.

Дата письма неразборчива. Как видно из содержания, оно написано уже больным Чоканом по дороге из Петербурга в Казахстан. По-видимому, письмо можно датировать не ранее 1861 г., т. к. здесь указаны лица и события, имевшие место в петербургский период жизни Ч. Валиханова, и содержится упоминание о прогрессировании болезни, первые признаки которой Чокан почувствовал в Петербурге. Об этом он ранее писал отцу.

[1] Речь идет о петербургском денщике Чокана Валиханова Сейфулмулюкове Мухаммед-Садыке, рядовом, приставленном к Чокану в Петербурге. В начале 1861 г. Сейфулмулюков (Сейфулмуляков) по болезни «туберкулеза легких второй степени был освобожден в отпуск на два года и направлен в город Казань к командиру казанской местной команды». Чокан, проезжая через Казань, вновь встретился с Сейфулмулюковым, который был приставлен к нему и на этот раз, неизвестно для какой цели (см.: ЦГА КазССР, ф. 31, оп. 1, лл. 17, 46; архив МИД, ф. IV—2, д. 8, лл. 25—26 об.; 34 и об.).

[2] *Мария Дмитриевна* — первая жена Ф. М. Достоевского.

[3] *Михаил Михайлович* — брат Ф. М. Достоевского.

[4] *Майков* Аполлон Николаевич (1821—1897) — известный русский поэт, участник кружка Ф. М. Достоевского. Чокан познакомился с ним в этом кружке и впоследствии часто бывал у Майкова в гостях.

[5] *Полонский* Я. П. (1819—1898) — русский поэт. В своих стихах нередко выражал сочувствие угнетенному народу. Посещал кружок Ф. М. Достоевского и здесь познакомился с Ч. Валихановым.

[Отрывок из письма Чокана к неизвестному]

Черновой автограф хранится в архиве АН СССР. Письмо не датировано; судя по переписке с Мусабаем, может относиться к 1859 г.

[1] Очевидно, имеется в виду жена полковника Сильвергельма.

[2] *Сильвергельм* — барон, генерал-майор, квартирмейстер штаба Отдельного сибирского корпуса, автор работы «Киргизская степь Западной Сибири». (См.: «Военно-статистическое обозрение Российской империи», 1852, XVII, ч. III, с. 1—74). Датируется 1859 г.

К. К. Гутковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 162 и об. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова, изданных под ред. Н. И. Веселовского (СПб., 1904, с. 529—530), см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой, Алма-Ата, 1947, с. 128—129, *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 551—552.

Письмо не датировано, начало отсутствует. Судя по содержанию, оно написано после взятия кокандских крепостей Пишпека и Токмака, т. е. в начале октября 1860 г. Эту датировку подтверждает упоминание имени Перемышльского, который в это время возвратился из Семиречья в Петербург. В «Избранных произведениях Ч. Ч. Валиханова» (Алма-Ата, 1958, с. 552.) — опечатка: вместо 1861 г. нужно 1860 г.

[1] *Суранчи* — старейшина (бий) рода чапрашты, сторонник сближения с русскими, сыграл важную роль в деле присоединения Семиречья к России.

[2] *Супатай* — соратник Суранчи, бий Большой орды племени дулат. Оба как герои воспеты в поэмах Джамбула.

[3] *Алишир-датха* — комендант кокандской крепости Пишпек, был захва-

чен в плен отрядом полковника Циммермана осенью 1860 г. при взятии крепости и определен в Семипалатинск на жительство, куда прибыл 19 октября 1860 г.

[4] *Перемышльский* М. Д.— с 1857 по 1860 г. пристав казахов Большой орды. В 1860 г. оставил Семиреченский край, вернулся в Петербург. Начальником Алатавского округа и казахов Большой орды был назначен Г. А. Колпаковский (о нем см. наст. изд. т. 1, с. 35).

[5] *Катерина Яковлевна* Капустина — жена Гутковского.

Отрывок из письма Чокана некоему Аркадию Константиновичу

Черновой набросок хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 15/г, л. 7 об. Без даты; судя по содержанию, написано в 1862 г., когда Чокан отдыхал в своем ауле.

А. Н. Бекетову

Автограф Ч. Валиханова хранится в архиве Института русской литературы АН СССР, ф. 462, д. 134. Архив М. А. Бекетовой. Датируется 1 января 1862 г.

Автограф написан на бумаге почтового размера больным Валихановым. Впервые опубликован с комментариями М. И. Фетисова («Письмо Чокана Валиханова к Андрею Николаевичу Бекетову». Альманах «Казахстан», 1950, № 21, с. 89—93; *М. И. Фетисов.* Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, с. 337—339; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, с. 553—555).

[1] *Я ...желал бы... продать в Общество целиком свои заметки о Кашгаре.*— В архиве Географического общества пока не обнаружены какие-либо документы, свидетельствующие о приобретении рукописей Чокана о Кашгаре.

[2] *...похлопочите в Обществе, чтобы выслали мне в степь барометр, психрометр и несколько термометров...*— Эта фраза говорит о намерении Чокана (судя по всему, неосуществленном) заняться метеорологическими исследованиями.

[3] *Занятия мои в степи идут успешно. Я собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен и занимаюсь теперь изучением киргизских законов...* Во время лечения в ауле отца Чокан встречался с лучшими певцами того времени: Шоже, Орымбаем, Тогжаном, Арыстамбаем и другими. От них он мог записать весьма интересные образцы казахской народной литературы.

Под изучением «киргизских законов, которые имеют связь с уложением Чингисхана», по-видимому, подразумевался сбор материала по истории обычного права казахов.

[4] *Я начал одну статью для Общества «О картах географических Средней Азии», но по неимению некоторых справочных книг [она] остается неоконченной.*— Эта работа не дошла до нас, видимо, затерялась в ауле отца вместе с другими бумагами. Если же Чокан успел отправить работу в Географическое общество, то она должна храниться в его архиве.

[5] *Усов* Ф. Н. (1839—1888)— офицер Сибирского казачьего войска, член Русского географического общества, приятель и единомышленник Чокана и Г. Н. Потанина. Вместе с Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым был осужден за воззвание «К сибирским патриотам». После освобождения занимался историей Западной Сибири и Казахстана и Сибирского казачьего войска, был активным деятелем Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

[6] *Лерх* П. И. (1828—1884)— ученый-ориенталист, археолог, хранитель Азиатского музея Академии наук, участник посольства Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару (1858), один из исследователей истории и культуры народов Средней Азии и Казахстана. В середине XIX в. П. И. Лерх был самым ком-

петентным ученым по вопросам истории Казахстана и Средней Азии. Во время пребывания в Петербурге в лице Лерха Чокан имел друга и ученого-коллегу. Потому не случайно, что некоторые важные материалы по Казахстану и статьи Чокана хранятся в его архиве.

[7] *Менделеев Дмитрий Иванович* (1834—1907) — великий русский ученый-химик, создатель периодической системы элементов.

Ф. М. Достоевскому

Автограф Ч. Валиханова хранится в рукописном отделе ВГБИЛ (Дост. П. 2/6); см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947,с.109—110, *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 556—558. Датируется 14 января 1862 г.

[1] *«Время»* — литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1861—1863 гг. М. М. Достоевским при участии Ф. М. Достоевского, группой, так называемых, «почвенников», близких к славянофилам. Журнал печатал публицистические и научные статьи, беллетристику, литературную критику.

[2] *Страхов* Н. Н. (1828—1896) — русский критик, публицист, философ, участник литературного кружка Ф. М. Достоевского и сотрудник журнала «Время». Чокан общался с Н. Н. Страховым в кружке Ф. М. Достоевского.

[3] *Курочкин* Николай Степанович — один из близких друзей Чокана в Петербурге, поэт, журналист, публицист, единомышленник и верный последователь Н. Г. Чернышевского, брат поэта В. С. Курочкина. С 1960 г. был редактором журналов «Искра», «Иллюстрация», «Книжный вестник», сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Слово», «Устои», в газетах «Очерки», «Биржевые ведомости», где опубликовал целый ряд статей о Казахстане. С 1861 г. состоял членом новой партии «Земля и Воля» и находился под секретным надзором царской охранки. В связи с покушением на жизнь Александра II некоторое время сидел в Петропавловской крепости.

[4] *Крестовский Всеволод Владимирович* (1840—1895) — писатель, автор известного романа «Петербургские трущобы», посещал литературный кружок Ф. М. Достоевского, здесь познакомился с Чоканом Валихановым, заимствовал от него ряд шуточных и остроумных сюжетов, которые использовал для своих испанских романсов.

Ф. М. Достоевскому

Автограф Чокана Валиханова хранится в рукописном отделе ВГБИЛ (Дост. П, 2/6). Впервые опубликовано: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 110—113; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 562—565. Датируется 15 октября 1862 г.

[1] *Противник мой... человек неграмотный и бывший не раз под судом.*— Речь идет об Ердене Сандыбаеве. (см. коммент. 3 к письму Ч. Валиханова к К. К. Гутковскому, с. 471).

[2] *Губернатор* — в то время им был Г. К. фон Фридрихс.

[3] *Секретарь* — секретарем военного губернатора Фридрихса был Густав Курн — баварский немец, см. о нем коммент. 1, с. 471.

[4] *...генералы больше любят натуральных киргизов...*— То есть, необразованных и невежественных.

А. Н. Майкову

Автограф хранится в архиве Института руской литературы АН СССР, ф. 16743, С/VII б-д. Опубликовано: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка,

под ред. Х .Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 116—119; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 553—555.

Ссылка на запрещенный на восемь месяцев (с июня 1862 г. по февраль 1863 г.) журнал «Современник» позволяет точно датировать письмо 6 декабря 1862 г.

[1] *Богачи из черной кости* — имеются в виду богатые скотовладельцы и ростовщики, по происхождению не связанные с аристократическим ханским родом, т. е. чингизидами. К ним относились крупные баи, бии, беки, тарханы — вся феодальная верхушка, кроме султанского (ханского) рода.

[2] *...они дурно обращаются со своими бывшими рабами...*—Султаны и баи вплоть до начала 60-х годов XIX в. пользовались трудом бывших пленных (см. «Сведения и переписка о пленных, находившихся на работе у султанов (1857—1862 гг.)». ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4524 а/б). В архиве Чокана хранятся письма бывших рабов, адресованные его отцу.

[3] *Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся.*— Под степным пролетариатом Чокан имел в виду главным образом казахскую бедноту: пастухов, табунщиков, джатаков, работавших по найму.

[4] *...я что-то плохо понимаю их почву, народность.*— Чокан критически отнесся к идейному направлению журналов «Время» (1861—1863 гг.) и «Эпоха» (1864 г.), издаваемых Ф. М. Достоевским, которые вели ожесточенную борьбу против журнала «Современник», возглавляемого Н. Г. Чернышевским. Отход Ф. М. Достоевского от революционной идеологии огорчал Чокана.

[5] *Бокль Генри Томас* (1822—1862) — английский историк и социолог-позитивист. Основной его труд —«История цивилизации Англии».

[6] *...8 месяцев вавилонского пленения.*— Речь идет о сроке, на который было запрещено издание журнала «Современник» (с июня 1862 г. по февраль 1863 г.).

[7] *Я бы хотел быть корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей» о делах среднеазиатских и киргизских степей.*— В нашем распоряжении пока нет данных, подтверждающих исполнение желания Валиханова. Но любопытно отметить, что на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1862—1863 гг. было помещено несколько анонимных статей о торговле в Казахстане и Средней Азии, например, «Торговля русских с киргизами».

К. К. Гутковскому

Оригинал хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 155 об., 157 и об. Опубликовано: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 122—123; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 559—561.

Письмо не датировано, начало отсутствует. Однако, судя по содержанию, его можно отнести к 1862 г., когда западно-сибирская администрация была недовольна Чоканом.

[1] *Кури* Густав Карлович (Василий Егорович) — коллежский асессор, правитель канцелярии военного губернатора Области сибирских киргизов.

[2] *Нестеров* — секретарь Областного правления сибирских киргизов.

[3] *О выходках Ердена я уже писал.*— Ерден Сандыбаев — влиятельный феодал возглавлял многочисленное и сильное племя багапалы, населяющее Улутауские степи. Он выступал соперником Чокана во время выбора на должность старшего султана Атбасарского окружного приказа, посредством подкупа чиновников западно-сибирской администрации он стал старшим султаном округа. О проделке Ердена Чокан писал не только Гутковскому но и своим петербургским друзьям, а также в петербургскую газету (см. «Русский инвалид», 1863, № 67, Указатель).

[4] *Малтабаров* — кокчетавский купец, сторонник Ердена Сандыбаева.

[5] *Гафар (Габдулгафар) Мандаев* — сотник, образование получил в Сибирском казачьем войсковом училище, по окончании которого в 1835 году был определен письмоводителем к султану-правителю Кокчетавского окружного приказа, а затем стал заседателем от казахов того же округа.

К. К. Гутковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 155 и об. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1904, с. 520—521; см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 120—121; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1968, с. 570—571. Датируется 1 января 1863 г.

[1] *Я имею из Петербурга много писем.*— Из Петербурга Чокану писали Ф. М. Достоевский, Н. С. Курочкин, Д. И. Романовский, А. Н. Бекетов, Х. Фаизханов и многие другие. Однако из этих писем, кроме посланий Ф. М. Достоевского и Х. Фаизханова, ни одно не сохранилось.

[2] *Некоторые сильные мира сего...*— Имеются в виду военный министр Д. А. Милютин, начальник Генерального штаба В. К. Ливен, директор Азиатского департамента Н. П. Игнатьев, хорошо знавшие Чокана.

[3] *Романовский* Дмитрий Ильич (1828—1881) — генерал-лейтенант, начальник Азиатской части Департамента Генерального штаба, редактор газеты «Русский инвалид» (1862—1865), член Русского географического общества, член Степной комиссии. После взятия Ташкента был военным губернатором Туркестанской области. Писатель, друг Ч. Ч. Валиханова.

[4] *Игнатьев* Н. П. (1832—1908) — государственный деятель 60-х и 70-х гг., дипломат, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (1861—1865). Деловые и приятельские связи Ч. Валиханова с Игнатьевым установились в Петербурге.

[5] *...а терпеть вам нужно недолго...*— Намек на то, что генерал Дюгамель скоро будет смещен.

[6] *«Русский инвалид»* — газета, официальный орган Военного министерства выходила в Петербурге с 1813 по 1917 гг.

[7] *Кланяюсь Семочке...*— т. е. Семену Яковлевичу Капустину, близкому другу Чокана.

К. К. Гутковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 156 и об. Впервые напечатано в Сочинениях Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904, с. 521—523; см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой, Алма-Ата, 1947, с. 121—122; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 572—573. Датируется 16 января 1863 г.

[1] *Колпаковский* Герасим Алексеевич (1819—1896) — генерал-майор, большую часть жизни прослужил в Западной Сибири и Средней Азии. Начал с управителя Березовского края, затем был начальником Алатавского округа и казахов Большой орды, военным губернатором Семипалатинской и Семиреченской областей, генерал-губернатором Степного края. Колпаковский выступал за прогрессивное преобразование казахской степи, поддерживал идеи Ч. Валиханова, находился с ним в дружеских отношениях. Он многое сделал для увековечивания памяти Чокана.

[2] *Царь... думает: дай-ка поиспытаю и послал другого, более благонадежного человека в Кашгар.*— В 1862 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство действительно организовало новую экспедицию под руководством полковника Проценко «...для рекогносцировки путей, ведущих в Кашгар». Цель ее, очевидно, заключалась в проверке маршрутов Ч. Валиханова. Экспедиция дошла до Нарына и через три месяца вернулась обратно в Омск.

[3] *Ибрагимов* Ишмурат Мирасович (ум. в 1891 г.) — друг и земляк Чокана, воспитанник Омского кадетского корпуса, работал султанским письмоводителем в Кокчетавском окружном приказе и секретарем, затем переводчиком в Областном правлении сибирских киргизов. После занятия Ташкента (1865) перешел на службу в Туркестанскую область, был личным адъютантом генерал-губернатора К. П. Кауфмана. Умер в Джезде в должности российского консула. Ибрагимов — один из талантливых деятелей того времени, автор многочисленных трудов по истории и этнографии казахов и туркмен.

К. К. Гутковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 161 и об. Письмо не имеет даты, ее можно установить из содержания, зная, что Гутковский был уволен в 1863 г. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова, под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904, с. 527—528; см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 126—127. *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 574—575.

[1] *Ивашкевич* Виктор Карлович — коллежский асессор, надворный советник, был сослан в казахские степи за организацию тайного общества «Черные братья». Работал сначала в Оренбургской областной канцелярии (1834—1845 гг.), затем в Пограничном управлении сибирских киргизов в должности асессора.

[2] *Безверхов* Иван Захарович (род. в 1822 г.) — титулярный советник, работал толмачем в Кокчетавском окружном приказе, затем в канцелярии пограничного начальника сибирских киргизов, потом секретарем-переводчиком российского консула в Кульдже (1852—1854), переводчиком областного правления сибирских киргизов (1854—1857), заседателем Кокчетавского окружного приказа (1857—1861), непременным членом Атбасарского окружного приказа (1861—1866). Дата смерти неизвестна.

[3] *Горчаков* Александр Михайлович (1798—1883) — князь, русский дипломат, впоследствии канцлер и министр иностранных дел. Хорошо знал Ч. Валиханова как ученого-путешественника, советовал ему опубликовать свои труды в «Записках Географического общества».

[4] Имеется в виду *П. П. Семенов-Тян-Шанский.*

[5] *Елена Павловна* — великая княгиня, сестра Александра II, известна как покровительница науки и искусства.

К. К. Гутковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 160. Впервые опубликовано в 1904 г. (См. *Ч. Валиханов.* Сочинения, под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904, с. 526—527; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 576—577). Датируется 20 мая 1863 г.

[1] *Слуцкий* — работник Военного министерства.

[2] *Егор Петрович* — Е. П. Ковалевский, известный ориенталист, председатель Общества по оказанию содействия нуждающимся ученым и литераторам.

[3] *Остен-Сакен* Ф. Р.— ботаник, географ, дипломат, секретарь Русского географического общества, сотрудник Азиатского департамента. Был близко знаком с Чоканом.

[4] *Татаринов* А. А.— доктор медицины, дипломат, сотрудник Азиатского департамента, первый русский консул в Чугучаке, долго работал врачом в Пекине.

[5] *Исаков* Я. А.— книготорговец, комиссионер Русского географического общества по продаже книг.

К. К. Гутковскому

Письмо не датировано, но ссылка на «Записку о судебной реформе» (написана 28 февраля 1864 г.) позволяет точно датировать его 4 марта 1864 г. Оригинал хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 162 и об.

[1] *Тыртов А. П.*— капитан, преподаватель Сибирского кадетского корпуса по артиллерии и тактике.

[2] *...в подражание мадам Шаховской.*— Княгиня Шаховская, жена князя В. Я. Шаховского. В омском обществе Шаховские слыли аристократами, кичились своим происхождением. Ч. Валиханов не раз сочинял про них язвительные анекдоты.

[3] *Лещев* Н. Н.—чиновник, работал в Главном управлении Западной Сибири .Чокан был знаком с ним.

[4] *Майдель* П. Ф. (род. 1805 г.)— полковник, барон, председатель Областного правления сибирских киргизов после К. К. Гутковского.

[5] *Яценко* И. Е. (род. 1801 г.)— надворный советник, сначала работал копиистом (1825 г.), затем коллежским секретарем, секретарем канцелярии пограничного начальника, завершил службу в должности советника Областного правления сибирских киргизов.

[6] *Областное правление написало проект с целью изменить прежний суд биев.*— Проект был составлен областным прокурором Кондратовичем, в котором он доказывал первобытность образа жизни казахов, отсутствие у них гражданственности, наличие разбоя, убийств и барымты. По его мнению, все это совершается из-за отсутствия строгих законов и полицейских мер. Суд биев не сможет обеспечить строгую законность и потому необходимо подчинить казахов общему закону империи. Чокан отверг проект Кондратовича.

[7] *Я подал записку, чтобы оставить суд биев без всякого изменения.*— Имеется в виду «Записка о судебной реформе» (см. наст. изд., т. 4, с. 77—104).

[8] *Бельч-Агач*— урочище, расположенное южнее Баян-Аула, на границе Каркаралинского округа.

К. К. Гутковскому

Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова, под редакцией Н. И. Веселовского (СПб., 1904). В этом издании имена ученых и государственных деятелей вычеркнуты, даны лишь их инициалы. В настоящем издании имена полностью восстановлены на основе рукописных копий. В подлиннике письмо заканчивается фразой на казахском языке, в копии ее нет.

Письмо не датировано, но фраза «выезжаю в Аулие-Ата» позволяет утверждать, что оно написано 24 марта 1864 г., т. е. накануне похода в Аулие-Ату в составе экспедиции полковника Черняева. Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, л. 159.

[1] *Черняев* Михаил Григорьевич (1828—1890)— генерал-лейтенант возглавлял русские войска при взятии Ташкента. В 1882—1884 гг. генерал-губернатор Туркестанского края.

[2] *Крупеников* — чиновник Главного управления Западной Сибири.

[3] *Воинов* — заседатель Кокчетавского окружного приказа, чиновник Областного правления сибирских киргизов.

[4] *Врангель* К. Л.— адъютант генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля.

[5] *Струве* О. В. (1819—1905)—русский астроном, работал в Пулковской обсерватории. В 1863—1864 гг. возглавлял экспедицию в Восточный Казахстан, вместе с Г. Н. Потаниным провел исследования на озере Зайсан, в горах Тарбагатая, Саура и Западного Алтая.

[6] *Кто будет нашим ханом — еще неизвестно; одни говорят о Колпаковском, другие о Майделе.*— Предположение не оправдалось, назначили А. П. Хрущева. Г. А. Колпаковский стал степным генерал-губернатором.

[7] *Крохалев* (Крахалев) А. И.— чиновник Областного правления сибирских киргизов, впоследствии сотрудник Западно-Сибирского отдела РГО, занимался изучением истории, этнографии и права казахского народа.

Г. А. Колпаковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 145—147. Опубликовано в с Сочинениях Ч. Валиханова, под редакцией Н. И. Веселовского (СПб., 1904, с. 505—508), см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 130—133, *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 582—585. Датируется 20 ноября 1864 г.

[1] *Тезек* (Нуралин)— старший султан казахов Старшего жуза племени албанов, брат жены Чокана Валиханова. Известен как поэт-импровизатор.
[2] *Баяндай* — небольшой город, расположенный в 10 км от Кульджи.
[3] *Молдыбай* (Малбай)— киргизский манап племени бугу. *Мурат* (Мурад)— *Али Берназаров* — киргизской манап племени бугу.
[4] *Проценко* Александр Петрович — подковник Генерального штаба, в 1862 г. возглавил кашгарский рекогносцировочный отряд, организованный западно-сибирской администрацией отчасти для проверки точности маршрутов в Кашгар, описанных Чоканом Валихановым (См. ЦГВИА, ф. 1450, оп. 4, д. 3, лл. 1—120). Проценко долго занимал пост военного губернатора Семипалатинской области (1869—1883), впоследствии заведовал Азиатской частью Генерального штаба. Известен исследованиями о высокогорном озере Сонкуль.
[5] *Адиль* (Нуралиев)—старший султан казахов Старшего жуза.

Г. А. Колпаковскому

Публикуется по автографу, хранящемуся в ЦГА КазССР, ф. 825, оп. 1, д. 4. Впервые издано: *А. Х. Маргулан, Н. П. Ивлев.* Неизвестные письма Чокана Валиханова. Известия АН КазССР, сер. общественная, 1970, № 6, с. 61—64. Датируется 1 декабря (1864 г.).

[1] *Исмаил* — заседатель Алтын-Эмельской волости.
[2] *Баяндай* — см. комментарий 2 к предыдущему письму Г. А. Колпаковскому.
[3] *Чахары* — см. наст. изд., т. 2, с. 375, комментарий 14.
[4] *Рвотный камень* — сурьмяное снадобье, вызывающее рвоту, в небольших дозах применялось как отхаркивающее средство.
[5] *Мушка* — пресмыкающееся типа пиявки.

Г. А. Колпаковскому

Автограф Чокана хранится в ЦГИАЛ, ф. 967, оп. 1, д. 20, лл. 1—2 и ЦГА КазССР, ф. 825, оп.1, д. 4, л. 1—1 об. Датируется 2 декабря 1864 г.
[1] *Манап Али* — очевидно, имеется в виду Мурад-Али Берназаров.

Г. А. Колпаковскому

Рукописпая копия хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 658, лл. 1—3 об. Ранее печаталось в Сочинениях Ч. Валиханова, под редакцией Н. И. Веселовского. СПб., 1904, с. 508—514, см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 133—137, *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 586—591. Датируется 14 декабря 1864 г.

[1] *Кызыл-боруки* — поколение казахского племени албанов, входившее в более крупное объединение уйсун.
[2] *Джуан-Тань* — глава китайских повстанцев, объединившихся в общей борьбе с уйгурами и дунганами против богдыхана.
[3] *Па-ту-за* — очевидно, Биянху — дунганский национальный герой,

предводитель национально-освободительного восстания в Западном Китае в 60-х годах XIX в.

[4] *Садыр* (Садыр-Палван) — вождь национально-освободительного восстания уйгурского народа в Восточном Туркестане, воспетый в народной поэзии уйгуров.

[5] *Султангази Валиханов* — поручик, офицер штаба Сибирского отдельного корпуса, родственник Чокана. *Камбар Аланов* — старший султан племени джалаиров, входившим в Старший жуз; *Тынги* — личность не установлена.

[6] *Сарымбек* (Сарынбек, Сарпек) — племянник Буранбая, верховного манапа киргизов племени бугу; русским правительством был возведен в звание ага-манапа, т. е. старшего манапа, по аналогии с ага-султаном у казахов.

[7] *М. В.* (подпись) — Мухаммед-Ханафия Валиханов, т. е. Чокан Валиханов.

Г. А. Колпаковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 143—144. Впервые напечатано в Сочинениях Ч. Валиханова, под редакцией Н. И. Веселовского. СПб., 1904, с. 513—514; см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. А. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 137—138, *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 592—593. Письмо с уверенностью можно датировать 1864 г., так как события, описываемые в письме, развернулись в Илийском крае в конце 1864 г.

[1] *Конур-борук* — поколение казахского племени албанов, входившее в более крупное объединение уйсун.

[2] *Кезенкара* — казахский бий, занимавший нейтральную позицию в период национально-освободительного восстания в Западном Китае.

Г. А. Колпаковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 149—151. Впервые напечатано в Сочинениях Ч. Валиханова, под редакцией Н. И. Веселовского. СПб., 1904, с. 514—517, см. также *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с 138—141, *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 594—597. Датируется 14 января 1865 г. Копия письма искажена.

[1] *Джузен-Саурук* — влиятельный бий казахов Большого жуза, занимавший нейтральную позицию во время политической борьбы в Большом жузе.

[2] *Чаджи, джарты конурбороки* — искаженные названия казахских племен и их подразделений: джалаиров, чапрашты и конур-боруков.

Г. А. Колпаковскому

Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 141—142. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова, под редакцией Н. И. Веселовского. СПб., с. 518; см. также: *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи и переписка, под ред. Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 142—144, *Чокан Валиханов.* Избранные произведения, под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, с. 598—599. Датируется 30 января 1865 г.

[1] *Садыбек* — манап, родоначальник киргизского племени турайгыр-кыпчак, населявшего окрестности Кашгара и Ташмалыка.

[2] *Ташмалык* (Таш-Балык) — город в Кашгарском округе, бывший политический центр кашгарских киргизов.

[3] *Искренне поздравляю... с новым назначением...*— В начале 1865 г. Г. А. Колпаковский был назначен военным губернатором Семипалатинской области. См. «Русский инвалид», 1865, № 52.

Г. А. Колпаковскому

Печатается по автографу Чокана, который хранится в ЦГА КазССР, ф. 825, оп. 1, д. 4, л. 6—7. Впервые опубликовано А. Х. Маргуланом в газете «Қазақ әдебиеті» 26.7.1969 г.; см. также в «Известиях АН Казахской ССР», серия общественная, 1970, № 6. Датируется 19 февраля 1865 г.

[1] *Добун* — населенный пункт на р. Или.

[2] *...о причинах восстания*—имеется в виду восстание дунган в Западном Китае против маньчжурского господства, начавшееся в 60-х гг. XIX в. Ч. Валиханов написал статью о его исторических предпосылках; статья датирована 27 декабря 1864 г. и была опубликована в газете «Русский инвалид» (1865, 27 июля), затем перепечатана в «Северной почте» (1865, 24 августа).

[3] *Буруты* — так называли киргизов в Китае.

[4] *Хун* (перс.)— кровь, в данном случае — кровавая расправа.

[5] *Романовский* Дмитрий Ильич — см. наст. изд. т. 5, с. 472 комм. 3.

[6] *... у меня есть записка...*— Имеется в виду одна из последних работ Чокана «Записка о судебной реформе».

[7] *Предложение Ваше... принимаю с полным удовольствием...*— В декабре 1865 г. Колпаковский был переведен военным губернатором Семипалатинской области, куда он и приглашал Ч. Валиханова на службу.

ПИСЬМА К ЧОКАНУ

Письмо родителей к Чокану — воспитаннику Сибирского кадетского корпуса

Перевод Н. Ф. Костылецкого хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, д. 7359. Датируется приблизительно 1849 г.

Письмо Ф. М. Достоевского

Автограф Ф. М. Достоевского хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина; впервые опубликовано: *Ф. М. Достоевский.* Письма, т. 1, М.— Л., 1928, с. 200—202. Датируется 14 декабря 1856 г.

Письмо получено Н. Павловой в августе 1908 г. от Махмуда Валиханова, брата Чокана, проживавшего в усадьбе Сырымбет. Н. Павлова, передавая оригинал в Государственную публичную библиотеку, писала: «Адресовано письмо к брату Махмуда Валиханова — Чокану Валиханову, с которым Ф. М. Достоевский познакомился, будучи в Омске. До самой смерти Чокана Валиханова, умершего очень молодым, Ф. М. Достоевский оказывал ему самое дружеское расположение, живо интересуясь попытками Валиханова написать «историю киргизского народа». Кто была Н. Павлова, установить не удалось. Возможно, она была директором Казахского интерната в Семипалатинске.

Письмо командира Отдельного сибирского корпуса Г. Х. Гасфорта поручику султану Валиханову

Автограф Г. Х. Гасфорта хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 19. Датируется 9 января 1858 г.

Письмо К. К. Гутковского

Автограф К. К. Гутковского хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 19. Датируется 18 февраля 1858 г.

Письмо Г. Х. Гасфорта

Автограф Г. Х. Гасфорта хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 19. Датируется 12 марта 1858 г.

Господину поручику султану Валиханову

Автограф Г. Х. Гасфорта хранится в архиве АН СССР, ф. 23 оп. 1, д. 19. Датируется 27 апреля 1858 г.

Письма Мусабая

Письма семипалатинского купца Мусабая Тохтабай-оглы Касымова Чокану Валиханову в количестве шести собственно писем и двух отчетных записок о проданных и купленных в Кашгаре товарах с указанием их стоимости, а также причисленное к ним письмо купца Исмаила Габдулмажитова хранятся в архиве Академии наук СССР, ф. 23, оп. 1, д. 15/в, листы 4—10. 12, 14—17, У большинства листов заполнена и оборотная сторона листа. Публикуются впервые. Все письма написаны после возвращения экспедиции из Кашгара в промежуток времени с 29 июля до 5 сентября 1859 г. Письма Мусабая написаны на староузбекском языке (с элементами разговорного казахского), хорошим почерком. Письмо Исмаила написано по-татарски, вполне грамотно в нормах того времени. Письма Мусабая, который был караванбаши во время путешествия Чокана в Кашгар, и, судя по отзывам последнего, оказал ему значительную помощь — это развернутые ответы на письменные вопросы Чокана, возникшие у него в процессе обработки собранных в экспедиции материалов и составления по ним научного отчета.

Первое письмо Чингиса

Оригинал на казахском языке хранится в архиве АН СССР(ф. 23, оп. 1, д. 28, л. 1 и об. Перевод А. Х. Маргулана. Впервые опубликовано С. М. Мукановым в газете «Қазақ әдебиеті» (1959, 20 марта); А. Х. Маргуланом в журнале «Жұлдыз» (1960, № 2) на языке оригинала. Русский перевод, осуществленный А. Х. Маргуланом, издан в журнале «Простор», 1960, № 9 Датируется 6 июля 1860 г.

[1] *Густав Иванович* — Гасфорт, генерал-губернатор Западной Сибири.

[2] *Жакуп* (Якуб) — брат Чокана. *Мукан* — приятель Чокана, часто сопровождавший его в поездках по степи; по его поручению собирал этнографический и фольклорный материалы.

[3] *Тастан Табеев* — заседатель Кокчетавского окружного приказа. *Гафар Мандаев* — см. коммент. 5, с. 472.

[4] *Бригадный генерал Волков* — см. ССВ, т. 4. с. 31, 665.

[5] *Габбасов Шесбе* — двоюродный брат Чокана Валиханова.

[6] *Соколов* — инженер-полковник, руководил геодезическими работами в казахской степи. *Клименко* — полковник, военный инженер, начальник корпуса инженеров в Омске. *Кривоногов* — пóлковник, командир 4-го полка Сибирского линейного войска, расквартированного в Петропавловске.

[7] *Муса* (Чорманов) — см, коммент. 7, с. 467. *Шалгынбай* (Бралин) — старший султан Каркаралинского округа.

[8] *Тархан, Муфти-заде, Хисам-эддин, Шашбай* — знакомые отца Чокана, находившиеся в то время в Петербурге.

[9] *Бокаш и Мусабай* — семипалатинские купцы, принимавшие участие в Кашгарской экспедиции Чокана Валиханова.

[10] *...выдано по 6000 рублей каждому* — несколько искажены факты, в действительности купцы за участие в экспедиции были отмечены единовременным пособием в размере 600 рублей и получили разные льготы.

[11] *Осипов* — чиновник Кокчетавского окружного приказа.

[12] *Оба Махмуда* — сыновья Хангожи и Сабалака, дядей Чокана.

[13] *Шишкович* — полковник, офицер 4-го казачьего войска.

[14] *Мукан-султан* — см. коммент. № 8, с. 467. *Сын бия Чегеня Бримжан* — потомок знаменитого бия XVIII в. Джанибека.

[15] *Тяти, Киикбай, Жусуп* — преданные одноаульцы отца Чокана.

Второе письмо Чингиса

Перевод А. Х. Маргулана опубликовано в журнале «Простор», (1960, № 9). Автограф казахского текста хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 15в, л. 1 и об. Впервые опубликовано С. Мукановым в газете «Қазақ әдебиеті» (1959, 20 марта), затем А. Х. Маргуланом в журнале «Жұлдыз» (1960, № 2). В журнале «Простор» ошибочно вместо *19 октября 1860 г.* напечатано *19 сентября* (см. текст, с. 203).

Письмо В. В. Григорьева султану Валиханову

Автограф В. В. Григорьева хранится в архиве АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 30, л. 1. Датируется 1860 г.

Письмо А. Н. Майкова

Публикуется по изданию: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., 1977, с. 115—119 (обработка текста и комментарии И. Г. Ямпольского). Оригинал хранится в РОПД, ф. 168, № 17380. CIXб., 15, л. 42—43.

Представляет собой ответ на письмо Ч. Валиханова от 6 декабря 1862 г. (см. наст. изд. с. 152—154).

[1] *«Смерть Люция»*—появилась в «Русском вестнике» за 1862 г. № 2 (этот номер вышел с большим опозданием: цензурное разрешение датировано 23 марта 1863 г.).

[2] *Корш Валентин Федорович (1828—1893)*— либеральный журналист, редактор газеты «С.-Петербургские ведомости».

[3] Это ответ на просьбу Валиханова, который писал Майкову: «Я бы хотел быть корреспондентом «С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей» о делах среднеазиатских и киргизских степей. Нельзя ли поговорить с редактором? <...> Нельзя ли также узнать у «Отеч<ественных> записок», можно ли им будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у киргиз и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях...». Судя по библиографии работ Валиханова, его сотрудничество в «С.-Петербургских ведомостях» и «Отечественных записках» не осуществилось.

[4] В июне 1862 г. «Современник» и «Русское слово» были приостановлены правительством на восемь месяцев. Двойной номер возобновившегося «Современника»— за январь и февраль — вышел накануне, 9 февраля 1863 г.

[5] Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» с начала 1860-х годов из органа умеренно либерального направления превратился в рупор политической реакции и стал главным идейным врагом демократического лагеря. Между тем Майков оставался его постоянным сотрудником.

[6] *«Время»*— журнал, издававшийся Ф. М. и М. М. Достоевскими в 1861—1863 гг., орган так называемого почвенничества. Сдержанный и иронический отзыв о журнале, который, несмотря на неопределенность своей программы, в некоторых отношениях еще был близок к демократической журналистике, свидетельствует о резком поправении Майкова. Слова Валиханова о неясности идейных стремлений «Времени» («я что-то плохо понимаю их *почву, народность*,— то славянофильством пахнет, то западничеством крайним») имели другую окраску: он склонялся к «преобразованиям коренным по западному образцу».

[7] Во время вынужденного молчания «Современника» Некрасов, добиваясь его возобновления, принужден был лавировать. По словам одного из близких сотрудников журнала Г. З. Елисеева, «все друзья и враги интересовались знать, почему остановлен «Современник», и все приставали к Не-

красову с этим вопросом; Некрасов <...>, чтобы отвязаться от вопрошающих отвечал кратко: «да я не знаю, за что остановили «Современник», верно, моя консистория там что-нибудь в нем напутала». (Шестидесятые годы. *М. А. Антонович.* Воспоминания. *Г. З. Елисеев.* Воспоминания. [М.—Л.], 1933, с. 315—316). «Консистория» — руководящие сотрудники журнала, выходцы из духовного сословия, во главе с Чернышевским. Жена Елисеева утверждала, что Некрасов сказал это, отвечая на вопрос «кого-то из своих высокопоставленных знакомых» (там же, с. 449). Стали ходить слухи, что он хочет изменить направление журнала. Однако первый же вышедший номер разочаровал всех тех, кто надеялся на это, в том числе и Майкова. Слова Майкова «говорит нам» вряд ли следует понимать буквально: он давно уже был далек от редакционного круга «Современника».

Первое письмо Хусаина Фаизханова Чокану

Копия письма хранится в архиве Г. Н. Потанина (НБТГУ, дд. 7339—7340, 7354—7355). Копия снята с подлинника Г. Н. Потаниным в 1895 г. во время пребывания в ауле отца Чокана. Впервые опубликовано А. Х. Маргуланом в «Известиях АН КазССР» (серия общественных наук, 1945, вып. 3). Датируется 7 апреля 1863 г.

[1] *Сказка о Кокетай-хане* — цикл киргизского эпоса «Манас», записанный Чоканом Валихановым в 1856 г.

[2] *Вельяминов-Зернов* В. В.— востоковед, академик, автор многих фундаментальных трудов по истории Средней Азии, Поволжья и Крыма, в том числе и «Исследования о касимовских царях и царевичах», написанных им при содействии Хусаина Фаизханова.

[3] *Березин* И. Н.— русский востоковед-тюрколог, см. наст. изд., т. 1, с. 367, комм. № 1.

[4] *Бедный Лама* — Галсан Гомбоев, см. наст. изд., т, 4, с. 400, коммент. 35.

[5] *Казембек* А.— ученый-востоковед, профессор Петербургского университета.

[6] *Тарханные грамоты крымских ханов уже отпечатаны.*— Имеется в виду большой исторический труд, подготовленный к печати В. В. Вельяминовым-Зерновым совместно с Хусаином Фаизхановым.

[7] *Габайдулла-мурза* — султан, сын казахского хана Джангира, офицер лейб-гвардии гусарского полка, член Степной комиссии (1865—1868).

[8] *Ахмед-Керей-Булаев* — тархан из приближенных Джангир-хана.

Второе письмо Хусаина Фаизханова

Копия письма, сделанная Г. Н. Потаниным, хранится в архиве Г. Н. Потанина (НБТГУ, л. 7352). Датируется 22 октября 1863 г.

Копия снята с подлинника в 1895 г. в ауле отца Чокана. Впервые опубликовано А. Х. Маргуланом в «Известиях АН КазССР» (серия общественных наук, 1965, вып. 3).

ЧОКАН В ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

Отрывок из письма П. П. Семенова к В. П. Безобразову

Впервые опубликовано в «Вестнике РГО» (1858, ч. 21. с. 126). Датируется 20 октября 1857 г.

Отрывок из письма Е. Капустиной к Ф. М. Достоевскому

Оригинал хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом), шифр 29—725/ССХІБ6. Датируется 4 января 1862 г.

Отрывок из письма Ф. М. Достоевского А. И. Гейбовичу

Впервые опубликовано в «Историческом вестнике», 1885, № 1, с. 128—129. См. также: *Ф. М. Достоевский.* Письма. М.—Л., 1928, т. 1, с. 269.

Отрывок из письма Ф. М. Достоевского А. Е. Врангелю

Впервые опубликовано: *Ф. М. Достоевский.* Письма. М.— Л., 1928, т. 1, с. 279. Датируется 31 декабря 1859 г.

[1] *...уезжая подарил... кинжалик Валиханову.*— Кинжал, преподнесенный Достоевским как сувенир Валиханову, хорошо виден на фотографии (см. с. 178), где Чокан снят с Ф. М. Достоевским.

Письмо Г. Н. Потанина А. Н. Пыпину

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 322, лл. 3—5 об. Датируется 16 апреля 1889 г.

[1] *...Штейнфельд* П.— редактор газеты «Екатеринбургская неделя».

[2] *...«О черной вере».*— Имеется в виду работа Доржи Банзарова «Черная вера у монголов».

Письмо Г. Н. Потанина А. Н. Пыпину

Автограф хранится в ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 322, лл. 6—8 об. Датируется 28 июня 1889 г.

Письмо Г. Н. Потанина А. Н. Пыпину

Автограф письма хранится в ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 322, лл. 9—10 об. Датируется 14 сентября 1891 г.

[1] *Послал Вам пока заметку о Чокане Валиханове.*— Это была первая короткая биография Чокана, написанная его другом Г. Н. Потаниным для А. Н. Пыпина («История русской этнографии». СПб., 1892, т. IV, с. 397—400). Автограф Потанина хранится в ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 322, лл. 1—17.

[2] *Поляков И. С.*— ученый-зоолог, этнограф, исследователь Сибири, Дальнего Востока; бывал на озере Балхаш, главный хранитель Зоологического музея Академии наук в Петербурге.

[3] *Мих. Васил. Загоскин* — журналист, редактировал газеты «Иркутские губернские ведомости», «Амур», «Сибирь» и «Известия Сибирского отдела РГО».

[4] *«Сибирь»*— газета, издававшаяся в Иркутске в 1873—1887 гг. В ней были напечатаны интересные статьи о Казахской степи, авторами которых, вероятно, являлись Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и их друзья.

Отрывок из письма Г. Н. Потанина к Г. Е. Катанаеву

Автограф Г. Н. Потанина хранится в ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 10, лл. 223—224.

[1] *...посылаю Вам рукопись, которую я... приготовил для «Записок» Вашего отдела.*— В 1877 г. Г. Н. Потанин предложил Западно-Сибирскому отделу РГО две рукописи Чокана: «Вооружение киргиз в древние времена» и «Следы шаманства у киргизов» (см. «ЗСО РГО», 1884, кн. VII, с. 28).

[2] Имеются в виду «Известия Русского географического общества».

[3] *Эти пропуски, вероятно, произошли... потому, что тут были киргизские слова, термины, собственные имена, пословицы или поговорки...*— Г. Н. Потанин точно определил назначение пропусков, специально оставленных Чоканом для казахских терминов и идиоматических выражений. В новом издании пробелы полностью восполнены.

Письмо степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского Г. Н. Потанину

Писарская рукопись хранится в ЦГАЛИ, ф. 381, (архив Г. Н. Потанина), оп. 2, д. 1, лл. 1—4 об. Датируется 6 мая 1887 г.

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину
Автограф Н. И. Веселовского хранится в ахриве Г. Н. Потанина, НБГТУ, № 881. Датируется 10 июня 1887 г.

Письмо Г. А. Колпаковского Г. Н. Потанину
Писарская рукопись хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, № 115, л. 355. Датируется 5 декабря 1887 г.

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину
Автограф Н. И. Веселовского хранится в ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, д. 28, л. 1 и об. Датируется 6 февраля 1888 г.

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину
Автограф Н. И. Веселовского хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, № 1252. Датируется 8 мая 1888 г.

[1] *Агапитов и Хангалов* — бурятские ученые-этнографы, изучавшие шаманство у сибирских народов.

Письмо Г. А. Колпаковского Г. Н. Потанину
Писарская рукопись хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, № 115, л. 354. Датируется 8 июня 1888 г.

Письмо Н. И. Веселовского Г. Н. Потанину
Автограф Н. И. Веселовского хранится в ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, д. 28, л. 2 и об.

Письмо Г. Н. Потанина Н. И. Веселовскому
Автограф Г. Н. Потанина хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 977, лл. 5—6.

Письмо степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского непременному секретарю Академии наук К. С. Веселовскому
Писарский беловик хранится в архиве АН СССР, ф. К. С. Веселовского. Датируется 15 июня 1889 г.

Письмо Г. Н. Потанина Г. Е. Катанаеву
Автограф Г. Н. Потанина хранится в ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 6, лл. 207—208. Датируется 27 июня 1892 г.

Письмо Г. Н. Потанина Н. И. Веселовскому
Автограф Г. Н. Потанина хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 977, лл. 2 об—3. Датируется 3 декабря 1893 г.

Письмо Г. Н. Потанина Н. И. Веселовскому
Автограф Г. Н. Потанина хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 977, л. 4 об. Датируется 13 апреля 1901 г.

Письмо Н. И. Веселовского А. А. Достоевскому
Автограф Н. И. Веселовского хранится в архиве АН СССР, ф. 723, оп. 1, д. 32. Датируется 2 апреля 1903 г.

ПИСЬМА РОДНЫХ ЧОКАНА К ПОТАНИНЫМ

Письмо Мусы Чорманова А. В. Потаниной
Автограф Мусы Чорманова хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, №№ 901—902. Датируется 30 августа 1881 г.

[1] *«Первый шаг»* — сборник, составленный из статей Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, К. В. Лавровского, В. П. Острогорского (Казань, 1876). Продажа его была запрещена (см.: Письма Г. Н. Потанина К. В. Лавровскому. Пушкинский дом, ф. 13, д. 303).

[2] *Масхут* — внук Мусы, умерший в детстве.

Письмо Мусы Чорманова Г. Н. Потанину

Автограф Мусы хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, лл. 507—508. Датируется 7 декабря 1881 г.

[1] *Чекмень* — армячина, ткань из тонкой верблюжьей шерсти.

[2] *Относительно сказок... составим целое и вышлем Вам немедленно.*— Муса был постоянным корреспондентом Чокана и Г. Н. Потанина, собирал для них казахские сказки, исторические и генеалогические предания казахского народа, которые теперь хранятся в разных архивах.

[3] *Просим Вас... относительно исполнения Вашего намерения о состоянии доклада о кочевой гимназии...*— Муса, находившийся под влиянием своего племянника Чокана, был горячим поборником идеи просвещения казахской молодежи путем организации гимназии, приспособленной к условиям кочевой жизни казахов. Его докладные записки по этому вопросу хранятся в архивах Омска и Алма-Аты.

Первое письмо Садвокаса Чорманова Г. Н. Потанину

Автограф письма хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, д. 948. Датируется 10 февраля 1887 г.

[1] *В Ваше отсутствие... мы лишились отца.*— Муса умер в начале января 1885 г. в Омске, похоронен в своем ауле в Аккелине.

[2] *«Восточное обозрение»*— литературная и политическая газета, издавалась с 1882 по 1906 г., до 1886 г. в Петербурге, с 1886 по 1906 г.— в Иркутске. До 1890 г. редактором газеты был Н. М. Ядринцев, затем В. А. Ошурков, Д. А. Клеменец, Н. И. Попов и др. Газета освещала жизнь народов Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Второе письмо Садвокаса

Автограф казахского текста хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, д. 950. Датируется 25 февраля 1887 г.

[1] *И. А. Козлов* — редактор «Акмолинских областных ведомостей» и «Киргизской степной газеты», юрист, занимался изучением юридических обычаев казахов.

[2] *Аблайханов* (Ишмухаммед) — переводчик степного генерал-губернатора, редактор казахской части «Киргизской степной газеты», выступал с реакционными статьями, идеолог зарождавшейся казахской национальной буржуазии. (См.: «Султан Аблайханов». Письма в редакцию. «Степной край», 1905, № 235; *М. Х. Бекметов.* Открытое письмо переводчику степного генерал-губернатора г. Аблайханову. «Степной край», 1905, № 245).

Третье письмо Садвокаса

Автограф казахского текста хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, д. 952. Датируется мартом 1887 г.

[1] Докладная записка (Садвокаса) о нуждах казахского населения не была принята канцелярией степного генерал-губернатора. Автор переслал ее в редакцию газеты «Восточное обозрение» на имя Н. М. Ядринцева.

[2] *Чистяков* — чиновник канцелярии степного генерал-губернатора.

Четвертое письмо Садвокаса

Автограф хранится в архиве Г. Н. Потанина, НБТГУ, № 883, необработанный фонд. Датируется 26 апреля 1888 г.

СОВРЕМЕННИКИ О Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 249—303, 478—513, 522, 535—658.

А. Е. Врангель. Приятель Ф. М. Достоевского — Валиханов

Впервые опубликовано в книге А. Е. Врангеля. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.» СПб., 1912, с. 12, 70—72, 77, 94—95.

[1] *Гасфорт выехал им Омска в Копал, затем посетит Верное...*— В этой поездке (1855) принимал участие и Чокан Валиханов, но о нем Врангель не говорит.

[2] *Узнав, что приедет советник С., немного успокоились.*— Речь идет о Солодовнике, крупном чиновнике и взяточнике, фактическом временщике Западной Сибири при Гасфорте.

[3] *Спиридонов* П. М. — военный губернатор Семипалатинской области.

[4] *Ехал он с секретным поручением правительства в Ташкент и Коканд.*— Неверно, уточнялся лишь маршрут следования в Кашгар; либо через Ташкент и Коканд, либо минуя оз. Иссык-Куль.

[5] *...он в обоих городах женился по киргизскому обряду.*— Неточно„ Чокан женился в Кашгаре на уйгурке, причем не по казахскому или киргизскому обычаю, а по обычаю кашгарцев, известному со времени Марко Поло (XIII в.).

[6] *Впоследствии я встречал его в Петербурге и Париже.*— О своем намерении ехать в Париж Чокан писал в письме к отцу от 4 ноября 1860 г. Но был ли он там, вопрос остается неясным.

П. П. Семенов-Тян-Шанский. [Встречи в Западной Сибири и Семиреченском крае]

Опубликовано в книге П. П. Семенова-Тян-Шанского «Путешествие в Тянь-Шань 1856—1857 гг.» (Мемуары. М., т. II, 1946, с. 48—49, 51—52, 69—70, 123—124).

[1] *... если бы смерть... не похитила его преждевременно на двадцать восьмом году его жизни.*— Ошибка. Чокан умер 10 апреля 1865 г. в возрасте 30 лет.

Л. Н. Плотников. [Моя встреча с Валихановым в Петербурге]

См. статью Л. Н. Плотникова «По поводу статьи «Путешествующие киргизы». «Русский вестник», 1860, т. XXX, с. 260, 262—263.

[1] *Чумекеевский род.*— Казахи этого рода жили в районе Приаралья, в песках Кызылкум и низовьях Сырдарьи.

[2] *Кабаковское отделение* — поколение казахов Младшего жуза, жившее в районе Больших и Малых Барсуков и на р. Эмбе.

[3] *Азберген Мунайтпасов* — влиятельный бий казахов, населявших низовья Амударьи и Приаралье, лавировавший между оренбургской администрацией и хивинским ханством.

[4] *Мухаммедгали Тяукин* — султан-правитель зауральских казахов, корреспондент Вольного экономического общества, автор статьи «Записка о хозяйстве ордынцев».

[5] *Чумичли* (Шомышты) — *Табынский род* — поколение казахов Младшего жуза, жившее в долине р. Эмбы и на Мангышлаке.

[6] *Бабаджанов Мухаммед-Салих* — представитель букеевских казахов, сотрудник Русского географического общества, автор ряда статей о культуре, хозяйстве и быте букеевских казахов.

А. Ерман. [Путешествие Валиханова в Кашгар]

Впервые опубликовано в немецком журнале «Archiv für Wissenschaft-

liche Kunde von Russland» Herausgegeben von E. Erman. Bd. XIX, Berlin, 1860, S. 598—599; Bd. XX, 1861, S. 667; Bd. XXI, 1862, S. 605, (подстрочное примечание); Bd. XXII, 1862, S. 77 (подстрочное примечание).

[1] *Некоторые подробности смерти Шлагинтвейта...*— К сожалению, не удалось установить названия немецких газет, где были опубликованы выдержки из доклада Валиханова.

Отклик в печати на исследование Валиханова о киргизах

Впервые опубликовано в «Северной пчеле», 1861, № 192.

М. С. Знаменский. Дневник Аулие-Атинского похода (1864 г.)

Дневник М. С. Знаменского хранится в Центральном государственном музее Казахстана, шифр КП 8766, лл. 21—29 об.

[1] *...байга, устроенная милицией.*— Имеется в виду казахский милицейский отряд, принявший участие в военной экспедиции полковника Черняева.

[2] *Губарь* — офицер, погибший во время перегона животных из Аулие-Аты в Верный (ЦГВИА, ф. 66, д. 55, лл. 1—2 об.).

[3] *Д.*— Имеется в виду офицер Ф. С. Добровольский, служивший дежурным штаб-офицером Зачуйского отряда, но ушедший с аулие-атинского похода в 1864 г. (см.: Дневник Ф. С. Добровольского. ЦГВИА, ф. 66, д. 84, лл. 1—14; д. 1, л. 1).

[4] *Ч.*— полковник Черняев.

[5] *Завтра зоолог, этнограф... и горный офицер.*— Имеется в виду Н. А Северцев, впоследствии академик, принимавший участие в походе полковника Черняева, затем Ю. Д. Южаков из Тобольска и Фрезе, инспектор Алтайского горного округа.

[6] *Чапу* — вооруженное нападение с целью грабежа. Царские чиновники обычно путали этот термин с барымтой.

[7] *Клейст* Е. А.— генерал-майор, исполнявший должность пограничного начальника Области сибирских киргизов.

К. Губарев. Киргизская степь

(Посвящается Чокану Валиханову)

Опубликовано в журнале «Современник» 1864 г., № 6, с. 373—374.

[1] *Киргиз-кайсаки очень охотно учатся грамоте и вовсе не имеют предубеждения против нее, в чем уверяли рапорты заседателей и заключения с областных мест.*— Речь идет о тенденциях взглядах, имевших место в среде местных чиновников, доказывавших неспособность и отсутствие интереса у казахского населения к учебе.

А. К. Гейнс. Из дневника 1865 г.

Опубликовано в Собрании трудов А. К. Гейнса, СПб., т. 1, 1897, с. 206—210, 233—245, 251—258, 261—267, 323—338, 493—499).

[1] *Кроериус* (Кройерус) Аксель Самойлович — начальник штаба Отдельного сибирского корпуса.

[2] Имеется в виду степная комиссия организованная в 1865—1868 гг. для составления проекта положения об управлении Казахской степью и Туркестанским краем.

[3] *Гирс* Ф. К.— председатель Степной комиссии, представитель Министерства внутренних дел.

[4] *Гутковский* К К.— член Степной комиссии, председатель от оренбургских казахов.

[5] *...около главной мечети построен большой меновой двор...*— Не меновый двор, а дом для проезжавших султанов и почетных биев. В этом доме часто бывал и Чокан Валиханов.

[6] *...к нашему экипажу подскакало трое кайсаков...*— т. е. посланцы Чингиса Валиханова для встречи членов Степной комиссии.

[7] *...я увидел полковника в каком-то фантастическом костюме.*— Это был Чингис Валиханов. (См. портрет Чингиса в этом костюме в наст. изд., т. 1, с. 18).

[8] *Баганалинские волости* — собирательное название четырех волостей по имени казахского племени баганалы, занимавшего территорию современных Улутауской и Атбасарской степей.

[9] *Аккиик-Кулансу-Койлинская волость* — собирательное название волости по имени трех отделений племени атыгай, занимавшего территорию к западу и северо-западу от г. Кокчетава.

[10] *Андагул-Ораз-Баимбетовская волость* — собирательное название волости по имени трех отделений племени, входящего в Средний жуз.

[11] *Ондай-Рысаевская волость* — название волости по имени двух отделений племени атыгай.

[12] *Иманалы-Киреевская волость* — название волости по имени отделения иманалы, входящего в более крупное объединение керей, живших по р. Ишим в Северном Казахстане.

[13] *Кылды-Ногаевская волость* или *Ногай-Караульская* — название волости по имени отделения кылды казахского племени ногай.

[14] *Исенбаевская волость* — название по имени отделения исенбай казахского племени караул.

[15] *Матакай-Самаевская волость* — собирательное название волости по имени крупных отделений матакай и самай казахского племени кереев, живших в Северном Казахстане.

[16] *Бабасан-Багышевская волость* — собирательное название волости по имени двух крупных отделений племени караул, живших к северу и северо-востоку от г. Кокчетава.

[17] *Станица Аиртавская* — соврем. село Володарское. Здесь находится дом, построенный отцом Чокана.

[18] *Джасыбай* — знаменитый герой XVIII в., погибший в борьбе с джунгарами в Баян-Аульских горах.

[19] *Урманчинская волость* — названа по имени казахского племени урманчи, населявшего территорию к востоку от Баян-Аульских гор.

[20] *Казангаповы* — крупные феодалы, возглавлявшие иртышских казахов племени басентиин, в то время входившего в Баян-Аульский округ.

[21] *Сумблэ* — Сириус, наиболее яркая звезда в нашей Галактике: появляется в начале августа и видна до весны. Сумблэ у казахов-кочевников ориентир в определении сроков перегона скота.

[22] *Карта́* — блюдо из конских внутренностей.

[23] *Джангозы-Айдабульская волость* — название волости по имени племени айдабул, жившего в северной и северо-западной частях Баян-Аульских гор. После принятия Степного положения переименована в Акпеттавскую волость. Часть айдабульцев вошла в Далбинскую волость Баян-Аульского округа.

[24] *Басентеинская волость* — название волости по имени казахского племени басентеин, жившего в Павлодарском Прииртышье.

[25] *Каражасовская волость* — название волости по имени казахского племени каражас, жившего к югу и юго-западу от Баян-Аульских гор. После принятия нового Степного положения Каражасовская волость была разделена на две волости: Аккелинскую и Баян-Аульскую.

Н. М. Ядринцев. Отрывок из статьи «Этнологические особенности Сибирского населения»

Полностью статья опубликована в «Томских губернских ведомостях» 1865, № 18.

Ф. Р. Остен-Сакен. Памяти Чокана Валиханова
Впервые опубликовано в Отчете РГО за 1865 г. СПб., 1866, с. 9—11.

Н. М. Ядринцев. Чокан Чингисович Валиханов
Впервые опубликовано в Отчете РГО за 1865 г. СПб., 1866.

[1] *Прошлой осенью в Заилийском крае умер киргизский султан Чокан Чингисович Валиханов.*— Чокан умер не осенью, а весной, 10 апреля 1865 г.

Комментарии английской прессы на труды Ч. Ч. Валиханова и других русских авторов
Впервые опубликовано в газете «Русский инвалид», 1866, №№ 38, 42.

[1] *«Times»*— английская газета, издающаяся с 1785 г.
[2] *Лоуренс* (Lawrence) *Джон Лейрд Мейр* (1811—1879)— вице-король Индии (1864—1869), принимал активное участие в подавлении индийского национального восстания 1857—1859 гг.
[3] *Бедствия в Кабуле...*— Речь идет о неизвестных обстоятельствах смерти английского эмиссара полковника А. Борнса, автора работы «Путешествие в Бухару».
[4] *Пальмерстон Генри Джон Темпл* (1784—1865)— английский государственный деятель, в 1852—1855 гг. министр внутренних дел, в 1856—1865 гг.— премьер-министр.
[5] *Мы не без удовольствия видим, что сын киргизского хана выступает как ученый-путешественник под именем Валиханова и не щадит своих соплеменников.*— По-видимому, здесь имеется в виду проникновение в среду местного населения рационалистического подхода к оценке политических режимов в Казахстане и Средней Азии. Однако этот факт оценивается английской прессой исключительно только с позиций европоцентристской теории о цивилизаторской миссии Запада по отношению к «варварскому» Востоку.
[6] *Аткинсон Томас Уитлам* (Atkinson Thomas Witlam) (1799—1861)— английский архитектор, художник-пейзажист. Семь лет (1847—1854) путешествовал по Казахстану, Сибири, Монголии и Джунгарии. Результатом путешествий Аткинсона явился его капитальный труд: Oriental and Western Sibiria: A Narrative of seven Jars Explorations and addentures in Sibiria, Mongolia, the Kirgihis Steppes, Chines Tartary, and Part of Central Asia. London, 1858. Четыре главы этого труда (гл. XV—XVIII) посвящены Казахстану. (См.: «Дело о выдаче разрешения британскому живописцу Аткинсону на проезд к Алтайским и Уральским горам для снятия видов». ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4130).

Г. Н. Геннади. Ч. Ч. Валиханов
Впервые опубликовано в журнале «Русский архив», 1867, с. 957—958.

Э. Жонво. [О значении трудов Ч. Ч. Валиханова]
Впервые опубликовано в газете «Уральские войсковые ведомости», 1867, № 13.

Ф. Р. Остен-Сакен. Поездка Ч. Ч. Валиханова в Кашгар
Впервые опубликовано в «ИРГО», 1868, IV, СПб., с. 264—265.

[1] *Полторацкий* В. А.— полковник, офицер Генерального штаба, один из исследователей Центрального Тянь-Шаня и Памирского нагорья; некоторое время был военным губернатором Семипалатинской области.

Н. Семилужинский. [Н. Ядринцев] [Чокан Валиханов и культурные взаимосвязи народов]
Впервые опубликовано в журнале «Дело», 1868, № 5, с. 83—95.

[1] *Словцов П. А.*— русский ученый, историк, автор труда. «Историческое обозрение Сибири» (М., т. I-II, 1818).

[2] *Андреев И. Г.*— военный инженер, местный краевед-исследователь, служил в Семипалатинске, автор работы «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» (См. «Новые ежемесячные сочинения», ч. CX—CXIII, СПб., 1795—1796).

И. Н. Березин. Продолжить изыскания, начатые Ч. Ч. Валихановым.

(Наставления кандидату Катанову)

Оригинал хранится в Государственном архиве Ленинградской обл., ф. 14, оп. 1, д. 1093, л. 16 и об. Впервые опубликовано в «Русском энциклопедическом словаре», изд. проф. И. Н. Березина, СПб., т. IV, 1874, с. 574.

Н. М. Ядринцев. Инородческий вопрос

Впервые опубликовано в газете «Неделя», 1881, № 13, с. 443—447.

Н. М. Ядринцев. Инородческое просвещение на русском Востоке

Впервые опубликовано в газете «Порядок», 1881, № 322.

[1] *Рамогун Рой, Дворканат и Джиджибтай* индийские ученые-просветители.

[2] *Чокан Валиханов... был обречен на праздную беспечную жизнь в офицерской среде.*— Речь идет о его пребывании в Петербурге. Но это впечатление во многом расходится с действительностью и не лишено налета субъективизма. Разнообразные почести и знаки внимания, оказываемые Ч. Валиханову высшими сановниками России, естественно не могли не оказать влияния на молодого человека. Однако увлечение блеском Петербурга было кратковременным и преходящим. Свидетельства современников и официальные документы петербургского периода жизни Чокана свидетельствуют о его активной творческой деятельности и научных занятиях в столице. В то же время Н. М. Ядринцев в силу своего социального положения и аскетических взглядов на жизнь несколько пристрастно оценивал жизнь молодого казахского ученого в Петербурге.

Н. М. Ядринцев. Литературные и студенческие воспоминания сибиряка.

Первое землячество

Впервые опубликовано в газете «Восточное обозрение», 1884, №№ 26, 33—34.

По воспоминаниям Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева Сибирский кружок в Петербурге посещали студенты-сибиряки разных вузов: Петербургского университета, Военно-медицинской академии, духовной академии и др.; кроме того, художники (Джогин, Шишкин) и некоторые др.

[1] *Федоров-Омулевский* И. В.— поэт, член Сибирского кружка.

[2] *...симпатичный юрист Н. М. П.*— Видимо, здесь перепутаны инициалы, Н. И. Наумова, юриста по образованию.

[3] *Шишкин* — сибирский писатель, ученый, автор многочисленных работ о Сибири и казахских степях, участник Сибирского кружка в Петербурге.

[4] *...присутствовал какой-то филолог Смирнов.*— Очевидно, речь идет о будущем востоковеде-тюркологе В. Д. Смирнове, тогда студенте восточного факультета Петербургского университета. Он посещал Сибирский кружок без приглашения.

[5] *...в 1862 г. уже не было такого простора студенческим собраниям.*— После неоднократных выступлений студентов Петербургского университета, в которых принимали участие и многие члены Сибирского кружка (Г. Н. Потанин, Л. Ф. Пантелеев, Е. Я. Колосов, Перфилов и др.) наступило время реакции и жестокого преследования студентов. Руководитель кружка Г. Н. Потанин сидел некоторое время в Петропавловском крепости.

[6] *...в память нашего знакомства мы снялись группой, и многие долго хранили это воспоминание студенчества.*— Нам не удалось найти хотя бы одну такую фотографию.

Из хроники газеты «Восточное обозрение»
Опубликовано в газете «Восточное обозрение», 1889 г., № 50.

Г. Е. Грум-Гржимайло. Ч. Ч. Валиханов
Напечатано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. СПб., т. V, 1891, с. 415.

Г. Н. Потанин. Отрывки из киргизского сказания о Идыге
(Из записей Ч. Валиханова)

Опубликовано в журнале «Живая старина», 1891, вып. IV. с. 156—158.

[1] *Ибн-Арабшах* — историк военных походов Тимура.
[2] *Хальфин Ибрагим* — татарский ученый, востоковед, автор сочинения «Жизнь Чингис-хана и Тимура» (Казань, 1822).

Н. М. Ядринцев. [Первые светила из национальных окраин и просвещение отсталых народов]
См. книгу Н. М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное состояние» СПб., 1891, с. 237—242.

[1] *Банзаров Дорджи* — бурятский ученый-востоковед.
[2] *Болдонов* — бурятский ученый, просветитель, литератор.
[3] *Николаев* В. И. — якутский ученый, этнограф.
[4] *Катанов* Н. Ф.— хакасский ученый-тюрколог, впоследствии профессор Казанского университета.

Г .Н .Потанин. Первые лучи Востока [Чокан Валиханов и Дорджи Банзаров]
См. книгу Д. Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов». Изд. под ред. Г. Н. Потанина. СПб., 1891, с. XXVII—XXXII.

[1] *Его* [*Чокана*] *привезли десятилетним мальчиком в Омск и отдали в кадетский корпус...*— Чокан учился в кадетском корпусе с сентября 1847 по октябрь 1853 г. и был выпущен корнетом, когда ему исполнилось 18 лет; значит, его привезли не десятилетним, а двенадцатилетним.
[2] *«Москвитянин»*— журнал реакционного направления, выходил в Москве в 1841—1856 гг., редактор-издатель М. П. Погодин.

Н. И. Наумов. Чокан Чингисович Валиханов
Впервые опубликовано в «Киргизской степной газете», 1894, № 18, на русском и казахском языках.
Н. И. Наумов — писатель-народник.

Г. Н. Потанин. О поездке в аул Чингиса Валиханова
Впервые опубликовано в «Известиях РГО» (т. XXXI, 1895, с. 637—638).

Г. Н. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича
(Из поездки в Кокчетавский уезд)
Впервые опубликовано в журнале «Русское богатство», 1896, № 8, с. 61—88.

[1] *Ускенбаев Халиулла* — брат великого казахского поэта и просветителя Абая.

Г. Н. Потанин. Встреча с С. Ф. Дуровым

Опубликовано в сборнике «На славном посту», посвященном идеологу русского народничества Н. К. Михайловскому (СПб., 1901, с. 255—265).

[1] *Ждан-Пушкин* И. В.— полковник, инспектор классов, один из образованных и гуманных воспитателей Омского кадетского корпуса, проявивший большую заботу о воспитании и развитии юного Чокана Валиханова.

[2] *Лафайет Мари Жозеф* (1757—1834), маркиз, деятель Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. и революции 1830 г., участник войны американских колоний за независимость от Англии.

[3] *Демулен Камиль* (1760—1794) — политический деятель Великой французской буржуазной революции конца XVIII в., член Конвента, журналист, по профессии адвокат, выступал против жирондистов, но впоследствии примкнул к дантонистам, выражавшим интересы новой буржуазии.

[4] *...я попал в семью одного полковника...*— Имеется в виду полковник Эллизен, командир пограничного отряда крепости Пресногорьковской.

Н. И. Веселовский. О поэме «Манас» в записи и переводе Ч. Ч. Валиханова

Опубликовано в ЗВОРАО, т. XV, вып. I, СПб., 1903, с. VII—XVI. Сообщение о докладе Н. И. Веселовского на заседании ВОРАО 21 марта 1902 г. о переводе Чоканом отрывка из «Манаса» опубликовано в «Известиях Археологической комиссии», 1902, вып. 2, Прибавление, с. 5.

[1] *Ир-Кошай* — по историческим преданиям — родоначальник казахского племени уак.

[2] *...доение березы* — правильный перевод киргизского стиха каинсау, аллегорическое выражение, отражающее жизнь джатаков-бедняков, не имеющих молочного скота. П. М. Мелиоранский не понял смысла этого специфического оборота речи.

[3] *...хан завещает оскоблить свое тело перед погребением саблею.*— Казахи отделяли мясо от костей покойников только в летнее время, чтобы перевезти останки уважаемого человека в священное место, например, из северных областей Казахстана в г. Туркестан (Азрет). Иногда помещали в кожаный мешок, и вешали высоко на дереве или полке (сөре) для сушки, затем отвозили в Туркестан в таком виде. Отсюда образовались географические термины Олжабай Сөресі, Едіге Сөресі (доска Улжабая, доска Едыге).

[4] *...у многих тюркских племен 15-летний возраст считается ...совершеннолетием для мужчины.*— У казахов это воззрение закреплено поговоркой «Ораздының баласы 15-нде баспын дейді» (Сын счастливых родителей в 15 лет скажет — я глава [народа]).

Г. Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 303—327. Оригинал хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 34—58. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Ч. Валиханова, изданных под ред. Н. И. Веселовского (СПб., 1904, с. 4—34).

[1] Ошибка Г. Н. Потанина: Чокан Валиханов родился в 1835 году. См. наст. изд., т. 1, с. 17.

[2] *...Кушмурунского округа, который состоял из земель, лежавших вокруг вершин Тобола.*— Иначе говоря, из Аман-Карагайского, Убаганского, Пресногорьковского районов и Приишимских степей.

[3] Точнее: *Е. И. Старков.* Краткое обозрение киргизской степи. «Тобольские губернские ведомости», 1860, № 26—31.

[4] *...с семейством сибирского чиновника Капустина.*— Имеется в виду Яков Семенович Капустин, работавший в Главном управлении Западной Сибири, затем советником Областного управления сибирских ка-

захов. Его жена Екатерина Ивановна Капустина была родной сестрой Д. И. Менделеева. В лице Капустиных Чокан нашел сердечных людей, свободных от предрассудков, с большой теплотой принявших его в свое семейство и следивших за развитием даровитого юноши.

[5] *Кювье* (Cuvier) Жорж (1769—1832) — французский ученый-естествоиспытатель, автор известного труда «Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара».

[6] *«Путешествие Палласа»* — точнее: «Путешествие по разным провинциям Российской империи», ч. 1, СПб., 1773; ч. II, кн. 1—2, СПб., 1770, 1786; ч. III, СПб., 1788.

[7] *«Дневные записки Рычкова»* — точнее: «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи 1771 года» СПб., 1172.

[8] *Один из моих однокашников рассказывал мне впоследствии...* — Имеется в виду артиллерийский офицер Евгений Колосов, учившийся в Омском кадетском корпусе вместе с Чоканом и Г. Н. Потаниным.

[9] *Севастопольский погром.* — Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг.

[10] *Васильев* В. П. (1818—1900) — О нем см. наст. изд., т. 4, с. 400, комм. 34.

[11] *На этих вечерах собиралось человек до десяти* — Н. Ядринцев указывал цифру 20. См. наст. изд., т. 5. с. 293.

[12] *Голубев* А. Ф.—См. о нем наст. изд., т. 3, с. 386, комм. 20.

[13] *На восточный факультет Чокан не заглядывал.* — Об этом писал и Н. М. Ядринцев. Отсутствие интереса у Чокана к этому факультету объясняется тем, что там не читались теоретические лекции на общественно-политические, историко-социальные, литературные и философские темы, которые больше интересовали Чокана.

[14] *Над его могилой был построен деревянный памятник вроде здания мечети.* — Точнее не деревянный, а кирпичный, только купол был возведен из дерева (см. наст. изд., т. 1, с. 65).

[15] *Сапак Тангирбергенов* — крупный скотовладелец Акмолинского округа.

[16] *Утебай (Өтебай)* — баянаульский певец, вступивший в поэтическое состязание с сарысуйским певцом Култумой на асе бия Сапака Танирбергенова.

П. М. Мелиоранский. Сказание о Едыге и Тохтамыше по рукописи, принадлежащей Ч. Ч. Валиханову

Впервые опубликовано в приложении к XXIX тому ЗРГО по отделению этнографии. СПб., 1905, с. 1—6.

[1] *Рукопись не носит никакого киргизского заглавия.* — Эту мысль П. М. Мелиоранский сам опровергает. Ниже он пишет: На первой странице рукописи (т. е. на лицевой стороне первого листа, не занятого текстом былины) имеется запись: «Эдыге. Джир. 1841 г. Декабрь. Звериноголовская станица».

[2] *...существовал еще какой-то список или версия Чокана.* — У Чокана имелось несколько версий этой поэмы, записанной им в разных районах Казахстана. Некоторые из них переведены им на русский язык и опубликованы в Сочинениях под редакцией Н. И. Веселовского (СПб., 1904).

[3] *Орфография нашей рукописи оставляет желать очень многого...* — П. М. Мелиоранский очень скептически отнесся к орфографии рукописи, вероятно, полагая, что она должна соответствовать фонетическому произношению современного казахского языка. Как известно, исходной формой для казахской письменной литературы была система, восходящая к орфографии средневекового чагатайского литературного языка. Ее можно проследить не только в древних рукописях, но и в официальных документах казахских владетелей XV—XVIII вв. Например, письмо казахского хана Тевеккеля на имя Ивана Грозного написано в традиционной форме чагатайской письменности. Письма и тексты Чокана Валиханова на казахском языке написаны по этим же орфографическим правилам.

[4] *...родиной этой былины были Ногайские, а не Киргизские степи.*— Это не совсем научное определение. Впрочем автор далее справедливо замечает, что «подобные мысли не более как предложение». Скорее всего поэма возникла в тот период, когда среди тюркских народов Центральной Азии еще не сформировались самостоятельные народности и этнополитические объединения. Этим, по-видимому, и объясняется сходство сюжета поэмы у казахов, ногайцев, каракалпаков и у некоторых других народов, сохранившееся на протяжении многих веков.

Чокан Валиханов

Это рецензия на Сочинения Ч. Ч. Валиханова, подготовленные к печати Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и др. и изданные под общей ред. Н. И. Веселовского в «Записках РГО» в 1904 г. Опубликована в Тургайской газете, 1905, № 24. Автор ее, по-видимому, В. В. Бартольд.

С. Венгеров. Ч. Ч. Валиханов

Впервые опубликовано в Биографическом словаре ученых и писателей. СПб., 1905.

Рассказы спутников Кашгарской экспедиции Чокана Валиханова

Отрывок из книги Курбангали Халиди «Таварих и хамса-и шарки» (История пяти восточных народов). [На турецко-татарском языке]. Казань, 1910.

И. Ф. Бабков. [Е. П. Ковалевский и общий интерес к результатам экспедиции Ч. Ч. Валиханова]

См. книгу И. Ф. Бабкова «Воспоминание о моей службе в Западной Сибири». СПб., 1912.

[1] *Горчаков* П. Д.— генерал-губернатор Западной Сибири в период восстания Кенесары Касымова (1836—1849).

[2] *Кринский* — генерал-майор, атаман Сибирского казачьего войска, часто находившийся в степных походах.

[3] *Хрушев* А. П.— генерал-губернатор Западной Сибири после Дюгамеля (1865—1869).

[4] *Горчаковым.., положившим начало занятию нами Заилийского края...*— При П. Д. Горчакове были заняты районы Джунгарского Алатау и основана крепость Копал.

[5] *караван под ведением караванбаши ташкентца Букаша...*— Неверно. Букаш был одним из организаторов торгового каравана. Караванбашой был Мусабай Тохтабаев.

[6] Бабков неверно описывает маршрут экспедиции Валиханова. Отправным пунктом было не укрепление Верное, а Капал. После Заукинского прохода экспедиция следовала не по направлению к Куртке, Чатыр-Куля и Теректы, а через верховья Нарына, Чакырхорума, Аксая, Теректы.

[7] *...и в 1864 г. умер от чахотки, имея 31 год от роду.*— Общая ошибка многих авторов. Чокан умер в 1865 г.

Г. Н. Потанин. Эпизод из жизни Чокана во время экспедиции Черняева

Впервые опубликовано в газете «Сибирская жизнь», 1913, № 257.

Г. Н. Потанин. Наши мечты

Впервые опубликовано в газете «Сибирская жизнь», 1913, № 17.

[1] *Я провел в Заилийском крае полтора года.*— Т. е. с весны 1853 г. по осень 1854 г.

[2] *...я успел... поссориться с полковым командиром...* — Имеется в виду полковник Моссарош, командовавший 8-м полком в г. Семипалатинске.

[3] *Кринский* — см. наст. изд., т. 5, с. 492.

[4] *Спасович* — офицер Сибирского войска.

[5] *Прудон Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский общественный деятель, один из основоположников анархизма.

[6] *Блан Лун* (1811—1882) — французский утопист-социалист, историк, журналист, деятель Революции 1848 г., один из родоначальников оппортунизма и реформизма в рабочем движении.

Г. Н. Потанин. Омский кружок [и новые веяния]

Впервые опубликовано в газете «Сибирская жизнь», 1913, № 62.

[1] *«Десять тысяч китайских церемоний»* — излюбленная прибаутка Чокана, от которого заимствовал ее и Ф. М. Достоевский.

[2] *Парижский мир* — международное соглашение, принятое в 1856 г. после окончания Крымской войны 1853—1856 гг.

[3] *Капустин... был один из видных чиновников в Омске... Впоследствии он служил в Петербурге, был редактором земского отдела «Правительственного вестника»...* — В этой фразе деятельность отца и сына отнесена к Капустину-старшему. Отец, Я. С. Капустин, действительно был крупным чиновником Областного правления Западной Сибири, но он никогда не работал в Петербурге и тем более не был редактором «Правительственного вестника». Последняя характеристика целиком относится к его сыну — С. Я. Капустину, другу Чокана.

«Правительственный вестник» — газета, выходившая в Петербурге в 1869—1917 гг. Первым редактором ее был востоковед В. В. Григорьев; в газете активно сотрудничал С. Я. Капустин — друг Чокана, опубликовавший ряд статей о Казахской степи и выдержки из дневника Чокана.

[4] *Старшая дочь от первого брака.* — Имеется в виду Екатерина Яковлевна Капустина, жена К. К. Гутковского, сестра Сергея Яковлевича, друга Чокана.

Г. Н. Потанин. [Программа сибирского кружка]
(Колония и метрополия)

Впервые опубликовано в газете «Сибирская жизнь», 1913, №№ 109, 114, 242; 1914, №№ 4, 9.

[1] *Костомаров Николай Иванович* (1817—1885) — историк, писатель, публицист. В 1859—1862 гг. профессор русской истории Петербургского университета.

[2] *«Век»* — литературный, научно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1882—1884 гг.

Г. Н. Потанин. Европа и Азия в кадетском корпусе

Впервые опубликовано в газете «Сибирская жизнь», 1916, №№ 18, 24.

[1] *Капцевич* П. М. — генерал-губернатор Западной Сибири, проводивший в жизнь «Устав о сибирских киргизах» в 1822—1828 гг.

[2] *Лаптев* А. Д. — потомок русских мореплавателей Лаптевых, впервые исследовавших полуостров Таймыр.

Г. Н. Потанин. Чокан Валиханов, его жизнь и служба в Омске

Впервые опубликовано в газете «Сибирская жизнь», 1916, № 104; 1917, № 118.

[1] *Пирожков* Иннокентий — бурят по национальности, учился в Омском кадетском корпусе, затем в Петербургском университете, друг Ч. Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина, участник Омского и Петербургского кружков.

[2] *Казачьи офицеры вновь сделались моими постоянными гостями.*— В числе этих офицеров были И. Пирожков, Ф. Н. Усов и др. составлявшие Омский кружок.

[3] *Он нашел мне интересную работу...*— Имеется в виду работа в областном архиве сибирских киргизов.

[4] *Григорьев* Н. П. (1822—1886)— член кружка М. В. Петрашевского и кружка С. Ф. Дурова. Был приговорен к смертной казни, выведен на расстрел в присутствии своего полка, где служил поручиком. Казнь конфирмацией была заменена каторгой в Восточную Сибирь.

Д. А. Клеменец. Ч. Ч. Валиханов

Впервые опубликовано в Словаре Граната, т. 7, с. 504.

[1] *Валиханов умер в 1866 г. от чахотки...*— Общая ошибка многих авторов того времени. Чокан умер в 1865 г.

Н. А. Аристов. [Киргизы и Западный Тянь-Шань по исследованиям Ч. Ч. Валиханова]

Рукопись Н. А. Аристова «Киргизы и Западный Тянь-Шань под русской властью» хранится в архиве ВГО, разряд 65, оп. 1, д. 4, с. 555—556, д. II, с. 288—293.

[1] *Урус-бий, Сасык-урус, Кондожес, Сарыжак, Турдуке* — киргизские манапы и бии поколения чириков.

[2] *Салык* — подать, повинность, налог.

С. Я. Капустин. О Чокане Валиханове

Автограф С. Я. Капустина хранится в ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 25—31.

С. Я. Капустин, один из близких друзей Чокана по Омску, намеревался написать воспоминания о нем, о его взаимоотношениях с друзьями и знакомыми. Работа осталась незавершенной. Однако в ней имеются данные, отсутствующие в воспоминаниях других современников Чокана. Например, описание его внешности и т. д.

[1] *...сведения об этом уже собраны и печатаются.*— Видимо, имеются в виду работы А. Н. Пыпина, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и И. И. Ибрагимова.

[2] *О крупных событиях жизни Валиханова также говорить не приходится, так как этим предметом занимались другие приятели Чокана.*— Главная заслуга в этом отношении принадлежит Г. Н. Потанину, Н. М. Ядринцеву и И. И. Ибрагимову.

И. Ибрагимов. Воспоминания о Чокане

Автограф Ибрагимова хранится в ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, д. 179, лл. 65—69.

[1] *У него был татарин денщик...*— Фамилия этого денщика Сейфулмулюков. Его присутствие тяготило Чокана во время отдыха в ауле. (См. письмо Чокана к Ф. М. Достоевскому от 18 июня 1859 г.). Судя по всему, денщик имел поручение тайно следить за образом жизни Чокана в ауле.

[2] *Известный киргизский импровизатор Урумбай (Орунбай).*— О нем см. наст. изд. т. 1, с. 61.

[3] *Чокан поведал тайну своему брату и дяде, которого он любил.*— Речь идет о брате Жакупе и дяде Ханхоже, музыканте, сказителе, от которых он не скрывал свою любовь к жене купца Малтабарова.

[4] *Чепе* (Шеген)— старший брат Чингиса, который вместе с Альжаном, младшим братом, жил недалеко от усадьбы Чингиса своим аулом (о Чепе см.: Г. Н. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича, наст. изд., т. 5, с. 314).

[5] После размолвки с отцом Чокан не сразу поехал в Большую орду; год жил в Омске и лишь весной 1864 г. отправился в Копал для участия в экспедиции полковника Черняева.

Г. Н. Потанин. Ч. Валиханов

Автограф Г. Н. Потанина хранится в ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, д. 322, лл. 12—17. Это черновик записи, подготовленной для труда А. Н. Пыпина по истории русской этнографии. Варианты материалов к биографии Чокана.

[1] *Чокан... родился в 1837 г. или около того.*— Неправильно. Чокан родился в ноябре 1835 г.

[2] *До 10 лет Чокан воспитывался дома...*— Из формулярного списка можно заключить, что Чокан поступил в кадетский корпус в возрасте 12 лет, а до этого воспитывался в казахской школе, организованной его отцом в Кушмуруне.

В. В. Бартольд. [Ч. Валиханов о киргизах]

См. работы В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» (Соч., т. 9, М., 1977, с. 460—461); «Киргизы». Исторический очерк. Там же, т. 2, ч. I, 1963, с. 524—525, 528, 532—533, 542; т. 2, ч. II, с. 266.

[1] *...сведения... были изданы Семипалатинским комитетом.*— См.: *Н. Коншин.* Материалы для истории Степного края. Семипалатинск, 1900.

[2] О киргиз-калмыках в Восточном Туркестане см.: «Известия АН КирССР», 1961, т. III, вып. 2, с. 119—132.

[3] См.: *Н. Н. Козьмин.* Хакасы. Историко-этнографический очерк Минусинского края. Иркутск, 1925, с. 85.

[4] *Буранбай* — умер в начале 1858 г.

[5] *Сарынбек (Сарымбек)* — См. наст. изд., т, 5, коммент. 6, с. 476.

[6] *Урман* — верховный манап киргизов племени сарыбагыш.

А. Г. Достоевская. Незабываемый день

См. книгу «Воспоминания А. Г. Достоевской» под ред. Л. П. Гроссмана. М.— Л., 1925, с. 45—46.

Б. Герасимов. О фотографиях Ф. М. Достоевского, находившихся в Семипалатинске

Впервые опубликовано в журнале «Сибирские огни», 1927.

Из воспоминаний Г. Н. Потанина

(По записи М. Х. Свентицкой)

Впервые опубликовано в журнале «Северная Азия», 1927, кн. 5—6, с. 124—130.

[1] *Свентицкая Мария Харитонова* — писательница, участница тайных революционных кружков, хорошо знала Г. Н. Потанина и его друзей.

[2] *В Омске был казачий кружок* — т. е. офицерский кружок, в котором принимали участие Чокан Валиханов, Г. Н. Потанин, Ин. Пирожков и другие. Кружок сыграл важную роль в жизни молодых офицеров. В нем началось их приобщение к политической жизни страны. Большое влияние в кружке имел Чокан, разделявший в то время идеи петрашевца С. Ф. Дурова. Впоследствии Омский кружок перенес свою работу в Петербург (1860—1863).

М. Х. Свентицкая. Воспоминания о Г. Н. Потанине

Впервые опубликовано в журнале «Северная Азия», 1927, кн. 5—6, с. 114—117. Эта заметка была написана 50 лет спустя после встречи Свентицкой с Потаниным. Поэтому, возможно, в памяти Свентицкой произошло смещение событий и лиц.

М. К. Азадовский. Ч. Ч. Валиханов
См. «Сибирская советская энциклопедия». Новосибирск, т. 1, 1928, с. 443.

Л. С. Берг. [Открыватель Кашгара]
См. книгу Л. С. Берга «Всесоюзное географическое общество за сто лет». М.—Л., 1946, с. 110—112.

[1] *Штабс-капитан Чокан Чингисович Валиханов.*— У Чокана было воинское звание штабс-ротмистр; в дореволюционной России этот чин был распространен в кавалерии, точнее в казачьих войсках; ротмистр соответствовал чину штабс-капитана в пехоте и других войсках. Звание штабс-капитана часто носили военные ученые, потому нередко многие называли Чокана штабс-капитаном.

В. А. Обручев. Дружба юных мечтателей
См. книгу акад. В. А. Обручева «Путешествия Потанина». М., 1953, с. 11—16; *его же.* Григорий Николаевич Потанин. Л., 1947, с. 36—43, 46—48, 50—51.

[1] *Кавелин* К. Д. (1818—1885) — русский историк, теоретик либерального направления.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О сооружении памятника Ч. Ч. Валиханову

[Из «Туркестанской туземной газеты»]
Печатается по тексту: تركستان ولايتى نينك كزيتى № 3, от 31 августа 1870 г. (официальная хроника, с. 1—2, раздел 1.). Без подписи. Перевод В. Н. Настича и С. К. Утениязова; на русском языке издается впервые.

[1] *«Туркестанская туземная газета»* («Туркистан вилайатининг газети») — официальный орган туркестанской администрации на среднеазиатском литературном тюрки (в арабской графике). Издавался в Ташкенте с 1870 по 1917 гг.
[2] *Генерал-губернатор* — К. П. [фон] Кауфман (1818—1882) — первый туркестанский генерал-губернатор (1867 фактически до марта 1881 г.) и командующий войсками Туркестанского округа.
[3] *...в 1866 г....*— Точная дата смерти Ч. Ч. Валиханова в то время не была известна; он скончался в ауле Тезека 10 апреля 1865 г.
[4] Буквально: *«ку́рфис дейилмиш мадрасада»* «в школе, называемой корпусом».
[5] В оригинале *қалиб-таш.*

Выписка из журнала канцелярии туркестанского генерал-губернатора
Оригинал хранится в ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, л. 1. Датируется 14 ноября 1871 г.

[1] *Кузнецов* В. П.— копальский купец первой гильдии, хорошо знавший Чокана и помогавший Г. А. Колпаковскому при постройке памятника.

Отношение туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Семиреченской области
Архивные документы хранятся в ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, л. 3. Датируется 26 ноября 1871 г.

Отношение канцелярии туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Семиреченской области.

Архивные документы хранятся в ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119. Датируется 14 июня 1872 г.

Отношение военного губернатора Семиреченской области в канцелярию туркестанского генерал-губернатора

Архивные документы хранятся в ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, л. 5. Датируется 20 июня 1872 г.

[1] *Зенков А. П.*— архитектор Семиреченской области, автор проекта деревянной церкви в Верном.

Письмо Г. А. Колпаковскому купцу первой гильдии В. П. Кузнецову

Архивные документы хранятся в ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, л. 6. Без даты.

Рапорт военного губернатора Семиреченской области исправляющему должность главного начальника военно-народного управления при туркестанском генерал-губернаторе

Архивные документы хранятся в ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 4119, лл. 7—8. Датируется 6 октября 1875 г.

Обязательство о заготовке мраморной плиты

Архивные материалы хранятся в ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 724а, л. 1. Датируется 29 ноября 1880 г.

Расписка

Архивные документы хранятся в ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 724а, л. 2. Датируется 12 августа 1881 г.

Памятник Валиханову

Впервые опубликовано в журнале «Исторический вестник», 1888, ч. IV, с. 447. Автор неизвестен. Заметка аналогичного содержания, также без подписи опубликована в газете «Новое время» № 3232 от 26 февраля 1885 г., со ссылкой на «Восточное обозрение» (СПб.).

Заметки к описанию памятника Чокана Чингисовича Валиханова

Впервые опубликовано в ПТКЛА, год первый, Ташкент, 1889, с. 50—52.

УКАЗАТЕЛИ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакан 421
Австралия 437
Азия 204, 206, 222, 279, 281, 311, 358, 362, 392, 393, 460
Азнабайсай, уроч. 34
Аиртавская сопка 260
Аиртавская станица 260, 261, 486
Аиртау, с. 37
Айдабульская волость 46, 271
Айдабульский выселок 46
Акбас, местн. 328
Аккан-Бурлук, р. 319, 320, 321, 322
Аккелин, уроч. 223, 228, 229, 483
Аккиик-Кулангу-Койлинская волость 258, 486
Акмолинск (Акмолы) 29, 123, 124, 125, 127, 129, 258, 259, 271
Акмолинская обл. 44, 45, 48, 50, 220, 307, 313, 314, 347, 348, 453
Акмолинский округ 120, 123, 259, 264, 271, 463, 464, 491
Акмолинский уезд 46, 453
Ак-Мечеть 145, 161
Аксай, р. 404, 405, 492
Аксу, г. 142, 168, 172, 193, 194, 404
Аксу, р. 143, 246, 403
Актавская волость 46
Акташ 345
Алатау, хр. 70, 215
Алатавский округ 258, 422, 469, 472, 474
Албановская волость 273
Александровский хр. (Кыргызнын Алатау) 248, 249
Алма-Ата 373, 434, 465, 467, 468, 470—474
Алматы 169, 172, 184, 186, 187, 197, 201, 359, 360, 441
Алматы, р. 357
Алтай 101, 237, 247, 335, 338, 359, 369, 382, 396, 399, 401, 402, 487
Алтын-Эмельская волость 475
Алтын-Эмельский пикет 273, 416, 440, 443
Алтын-Эмель, проход 272, 404
Алтын-Эмельский хребет 365, 373
Алтышар 217, 218, 223, 276, 283, 296, 362, 429
Аман-Карагайский округ (Аман-Карагай) 28, 29, 30, 32, 33, 40, 42, 368, 451, 490
Амударья, р. 484
Амур, р. 281, 282, 304
Англия 279, 280, 281, 289, 305, 471, 490
Андагул-Ораз-Баимбетовская волость (Ондагуль-Ораз-Баимбетовская) 36, 37, 258, 259, 486
Анджанские горы 246
Андижан 189, 190, 192
Антоньевская станица (Антоньевск) 399, 401, 435
Аравия 182
Аркат, горы 362
Аркатский пикет 377
Арпа, р. 407
Архангельск 396
Астрахань 239
Атасу, р. 332
Атасуйская волость 46
Атбасар 125, 324
Атбасарский округ 41, 96, 120, 125, 150, 257, 264, 271, 272, 463, 464
Атбасарская степь 486
Атбаш, р. 405, 406, 407
Атжал 195
Аулие-Ата 161, 248, 250—253, 364, 474, 485
Афганистан 107, 279
Афины 343
Африка 376
Аютас (Аюташ), уроч. 13, 14, 23
Лягуз 187, 191, 234

Бабасан-Багышевская волость 259, 486
Бабык 316, 317
Баганалинская волость 46, 257, 485

Бадахшан 190, 194, 408
Баимбетовская волость 258
Байкал 217, 353
Балтабай 255, 256
Балхаш 70, 481
Барнаул 133, 177, 239, 240, 358, 436, 465
Басентеинская волость 270, 271, 486
Башкирия 328
Баян-Аул 119, 128, 161, 198, 200, 230, 232, 263, 264, 416, 474
Баян-Аульские горы 486
Баян-Аульский округ 120, 128, 264, 270, 326, 347, 463, 464, 486
Баяндай, г. 162, 165, 168, 171, 172, 475
Бейрут 364
Бель-Агач 161, 474
Березовский край 472
Бетпак-Дала 314
Бийск 357, 382
Болор 68
Большая орда 147, 169, 182, 215, 258, 266, 272, 376, 406, 416, 417, 441, 442, 468, 469, 472, 474, 476, 495
Большие Барсуки 484
Большой Кызылтау 270
Ботагай, развалины 46
Британская империя 437
Британская Индия 279
Букеевская (Внутренняя) орда 211, 244, 467
Бурлук, р. 14, 15
Бурулук, местн. 449
Бутанынсаз, солонцы 345
Бухара 186, 189, 190, 192, 193, 277, 280, 281, 287, 329, 462, 469, 487
Бухарское ханство 68
Бухтарма, р. 220, 425

Валахия 376
Васюганское болото 434
Верное 61, 143, 146, 162, 163, 164, 166, 169, 174, 175, 180, 182, 183, 189, 222, 234, 238, 275, 283, 295, 307, 357, 364, 377, 379, 382, 385, 407, 408, 416, 420, 421, 425, 427, 429, 444, 446, 466, 484, 485, 492
Верхняя Азия 68
Верхний Кегень 404
Волга 281, 298
Володарское, село 486
Ворскла, р. 297
Восток 200, 212, 241, 303, 361, 376, 432
Восточный Казахстан 466, 474
Восточный Туркестан 61, 218, 245, 274, 282, 283, 307, 377, 401, 418, 421, 428, 455, 476, 495

Герат 107
Гоби 314
Голодная степь 365
Голубой Нил 376
Горькая линия 382, 396, 431, 450
Гульча 194

Далбинская волость 486
Дальний Восток 356, 481
Дарваз 192
Дахбид 191
Джаман-Алтын-Эмель, проход 272, 441, 442
Джангозы-Айдабульская волость 270, 271, 486
Джаргаин (Джаргаин-Агач) 29, 30
Джезде 473
Джеты-Асу 404
Джеты-Огуз, р. 404
Джида, р. 218
Джугары-Чектинское отделение 244
Джумгал, укр. 406
Джунгария 217, 218, 223, 246, 275, 282, 283, 286, 296, 308, 346, 378, 403, 405, 420, 428, 487
Джунгарский Алатау 382, 492
Джунгарское (Калмыцкое) ханство 359, 401, 434
Дикокаменная орда 169, 170, 182, 376
Добун 174

Европа 113, 178, 204, 279, 281, 354, 393, 495
Европейская Россия 243, 330, 385, 389, 391, 392
Египет 379
Екатеринбург 229, 444
Енисейская губерния 271, 353, 359
Есенбаевская волость 37

Жаксы-Алтын-Эмель, проход 272
Жасыбай-Куль, оз. 263
Железинская, станица 271
Желтая река 381

Забайкалье 353
Заилийский край 70, 238, 275, 276, 357, 358, 376, 382, 421, 422, 436, 466
Зайсан, оз. 332, 364, 474
Закаспийский край 373
Замин 193

Занарынский край 284
Западная Сибирь 13, 14, 15, 17, 22, 23, 24, 26, 29, 32, 40, 42—45, 53, 59, 67, 82, 84, 87—89, 91, 95, 96 99, 116, 117, 118, 119, 121, 128, 146, 150, 152, 154, 218, 238, 243, 255, 274, 283, 289, 331, 336, 341, 358, 360, 374, 375, 386 406, 418, 429, 449, 450, 453, 455, 457, 458, 459, 463, 464, 466, 468, 469, 472, 474, 478, 484, 490, 492, 493
Западный Алтай 382, 474
Западный Китай 276, 282, 376, 476, 477
Зарафшан, р. 194
Зауку, проход 180, 271, 275, 283, 295, 377, 378, 404, 492
Зауку, р. 246, 403, 404
Заукинское ущелье 407
Зачуйское, укр. 248
Звериноголовская креп. 359
Звериноголовская станица 369
Зерендинская станция 46
Змеиногорск 382
Змиев 177

Игизак 195
Икчи 192
Или, р. 70, 162, 164, 167, 168, 169, 173, 382, 404, 406, 477
Илийский край 295, 307, 428
Имаиалы-Киреевская волость 259 486
Инд, р. 281
Индия 106, 107, 175, 275, 279, 280, 281, 282, 289, 305, 377, 378, 437, 487
Иран 212, 461
Ирбит 161, 385
Иркутск 217, 218, 219, 221, 222, 225, 303, 305, 481, 483, 495
Иртыш, р. 235, 236, 237, 239, 254, 258, 264, 270, 335, 356, 381, 394, 396, 425, 434, 465
Иртышская линия 421, 431
Исенбаевская волость 259, 486
Иссык-Куль, оз. 67—70, 101, 166, 225, 246, 295, 358, 373, 374, 377, 382, 403, 404, 407, 455, 484
Ит-Кечу 143
Ишим, р. 13—16, 22, 23, 34, 257, 258, 298, 486
Ишимская степь 314

Кааба 298
Кабул 189, 279, 487
Кавказ 299, 315, 330, 348, 375, 410
Казань 143—145, 211—214, 227, 297, 387, 396, 436, 437, 468, 483, 488, 492
Казанский округ 197
Казахстан 460, 465, 467, 468—471, 481, 483, 485, 487, 490, 491
Каймак-Куль, оз. 259
Кайсацкая (Казахская) степь 14, 15, 16, 432
Канджига, застава 195
Калкан 404
Калмак-Уткель, уроч. 22
Калмак-Учак 404
Калуга 222, 465
Калужская губерния 224
Канада 437
Карабулак 46
Каражасовская волость 271, 486
Каракаш 192
Кара-Кенгир 46
Кара-Коин, р. 405
Каракорум, г. 359
Каратегин 175, 181, 192
Карачилик, уроч. 36
Каркара 404
Каркаралы, уроч. 36, 37, 38
Каркаралинск 200
Каркаралинский округ 23, 120, 142, 264, 313, 463, 464, 474, 478
Карши, г. 108, 461
Катунь, р. 101
Кашгар 5, 61, 62, 63, 67, 68, 80, 81, 88, 90, 93, 96, 146, 149, 158, 162, 168, 172, 174, 175, 180, 181, 183, 186—191, 193—197, 217, 218, 242—246, 257, 271, 274—276, 278, 280—284, 286, 287, 294, 295, 307, 308, 359, 362, 363, 373, 374, 376—378, 403—405, 418—420, 422, 428—430, 446, 465, 466, 469, 472, 475, 476—478, 484, 487, 496
Кашгария 180, 181, 182, 190, 416, 422, 423, 429, 430
Кашкадарья, р. 461
Кашмир 377
Карабулак 46
Карабура, р. 422
Келинтайгак 404
Киргизская степь 15, 68, 99, 101, 117, 118, 119, 120, 149, 152, 159, 180, 238, 241, 243, 254, 300, 311, 314, 324, 328, 331, 353, 354, 355, 367, 370, 379, 380, 382, 395, 417, 485, 492
Китай 218, 237, 245, 281, 356, 358, 364, 376, 381, 421, 427, 432, 477
Киреевская волость 259
Кичи-Кау 197
Кишинев 396
Козытытрах 46
Коканд 104, 112, 113, 181, 183, 186—190, 192—194, 218, 237, 277, 281,

374, 380, 406, 408, 430, 462, 484,
Кокандское ханство 67, 68, 241, 362, 432
Кокан-Джырык-Бейназаровская волость 127
Кок-Кия, перевал 404
Кокчетав 21, 30, 41, 46, 50, 119, 144, 145, 146, 150, 152, 159, 256, 314—317, 413—416, 460
Кокчетавский округ 23, 36, 37, 41, 43, 120, 121, 155, 218, 256, 257, 258, 259, 264, 271, 295, 311, 347, 420, 449, 450, 452, 453, 463, 464, 465, 466
Кокчетавская станица 150, 152, 154
Кокчетавский уезд 46, 47, 307, 313, 314, 453, 488
Кокчетау, гора 311
Кокшаал, р. 405
Константинополь 107, 349
Конур-су, оз. 259
Конал 182, 184, 193, 198, 199, 201, 234, 364, 377, 382, 385, 404, 416, 429, 433, 446, 484, 492, 495
Копальский уезд 447
Коряков 264, 271
Кочкулинское отделение 37
Кривоозерный, поселок 335
Крым 319, 410
Кубергенты 404
Куджугур 168, 171
Кузибашские болота 345
Кузнецк 177, 240
Кукунор, оз. 359, 381, 383, 427, 435, 437
Кульджа 70, 162, 165—168, 170—172, 174, 175, 180, 183, 188, 189, 190, 272, 281, 362, 364, 376, 385, 430, 473, 475
Кульджинский край 420
Кумдукуль, оз. 46
Курисай 249
Курская губ. 13
Кургашимкан 195
Курган 324, 382
Куртка, укр. 163, 165, 169, 377, 405, 407, 492
Кучен-тоган, уроч. 447
Кушмурун, уроч. 218, 347, 353, 373, 417, 495
Кушмурунский округ 36, 37, 38, 325, 326, 346, 490
Кушк-тогай 195
Куянкузский пикет 273, 274, 440
Куянкузская станица 447
Кызылжар 187, 188
Кызылкум, пески 484
Кызылкурган 194
Кызы-Чубар, уроч. 34
Кылды-Ногаевская волость 259, 486
Кыргызпын Алатау 248
Лигин 195
Локоть 177
Лондон 289, 321
Лхасса 221
Лябиоб 189
Лянгар 194
Май-тюбе 273, 274
Малая Бухария 69, 113, 174, 217, 287, 377, 429, 430
Маверапнахр 105, 108, 109, 110, 461
Малая орда 146
Малые Барсуки 484
Малый Караой 270
Малый Кызылтау 270
Мамдальская волость 197
Мангышлак 484
Маргелан, г. 168, 184, 188, 429
Матакай-Самаевская волость 259, 486
Мекка 298
Мерке, г. 250, 251, 252
Мерке, р. 377
Мешхед 189, 190
Младший жуз 484
Молдавия 376
Монголия 359, 376, 487
Москва 244, 278, 338, 396, 413, 437, 489
Музарт, перевал 174
Мюнхен 151
Нагара-чалган 195
Нань-лу (Нан-лу), провинция 217, 218, 275, 276, 282, 296, 308, 378, 420, 429
Нарын, р. 377, 406, 407, 473, 492
Нева 213, 465
Нахшеб (Несеф), г. 106, 461
Нижний Новгород 281
Ницца 101
Новая деревня 156
Новая Сибирская линия 450
Новгородская губерния 13
Ново-Никольский редут 14, 16, 23
Ногай-Караульская волость 13, 450, 486
Ногайская степь 370, 492
Нубия 376
Обь, р. 434
Одесса 330, 361
Омь, р. 255, 339, 357, 388
Омск 16, 19, 21, 22, 23, 33, 35, 44, 46,

53, 55, 56, 76, 86, 87, 116, 119—121, 132, 133, 136, 138, 145, 151, 156—158, 160—162, 171, 172, 177, 179, 180, 183, 184, 195, 200, 202, 215, 216, 218, 220, 221, 225, 229, 230, 231, 232, 234—237, 240—244, 254, 271, 274, 278, 284, 286, 303, 304, 311, 312, 320, 325—327, 332, 335, 336, 338, 339, 340, 341, 343, 347, 348, 350, 353, 357, 358, 359, 360—364, 366, 367, 374, 375, 378—380, 382, 383, 385—388, 390, 393, 395, 399—402, 410, 411, 418—420, 421, 424—428, 430, 432, 434—436, 441—444, 465, 472, 478, 483, 484, 489, 493, 494, 495
Омская крепость 359, 465
Омская область 14, 15, 16, 19, 21, 26, 40, 42, 450
Ондай-Рысаевская волость 37, 258, 259, 486
Оразовское отделение 37
Оренбургский край 90
Оренбург 139, 161, 244, 254, 332
Оренбургская линия 68
Оренбургских казахов область 139, 462
Ош 194, 408

Павлодар 264, 271
Павлодарское Прииртышье 486
Памир 487
Памирское плоскогорье 408
Париж 141, 237, 305, 484
Пекин 174, 376, 385, 473
Пенджаб 281
Петербург (Санкт-Петербург) 36, 39, 43, 46, 47, 48, 50, 51, 55, 61—67, 71—73, 80, 84—88, 101, 104, 115, 137, 138, 139, 141, 146, 149, 152, 154, 156, 159, 160, 161, 177, 201, 203, 204, 206, 211—214, 216, 218, 219, 221, 222, 224—226, 232, 235, 237, 241—245, 255, 264, 275, 277, 278, 290, 291, 294, 295, 303, 307, 308, 325, 336, 343, 351, 358, 359, 360, 362, 363, 365, 366, 367, 375, 376, 378, 381, 383, 385, 386, 387, 388, 390, 392, 394, 396, 401, 403, 413, 420, 423, 427, 428, 430, 435, 436, 437, 438, 453, 460, 466, 467—469, 470, 472, 474, 478, 481, 484, 488, 493
Петропавловск 19, 144, 146, 150, 152, 154, 270, 314, 315, 316, 325, 382, 430, 470, 478
Петропавловский округ 466
Пишпек 145, 379, 404, 468
Поволжье 460, 480
Пресновская крепость 13, 450
Пресновская станица 324
Приаралье 484
Приишимские степи 490

Ревель 161
Россия, Российская империя 35, 56, 58, 60, 114, 116, 117, 123, 125, 152, 164, 172, 177, 178, 186, 189, 192, 204, 206, 218, 222, 228, 243—246, 256, 275, 279, 280, 281, 282, 283, 285, 289, 292, 305, 306, 308, 309, 315, 326, 335, 337, 338, 340, 343, 349, 353, 366, 372, 373, 389, 402, 411, 417, 420, 421, 429, 435, 437, 438, 449, 460, 465, 466, 468, 488

Сабунды, оз. 263
Салкын-куль, оз. 259
Самарканд 105, 461
Санташ, горн. проход 225, 377, 404
Сарай 107
Саратов 218, 362, 419
Сарыбулак 167
Сары-Озек, уроч. 36
Сары-Суйский уезд 46, 453
Саумал-Куль, оз. 261
Саумал-Куль, уроч. 227, 449
Саур 474
Сахара 314
Св. Петра крепость 9, 11
Севастополь 319, 338, 339
Северный Казахстан 463, 486
Северо-Восточный Казахстан 451
Селенгинский округ 218
Семей 186, 187
Семипалатинск 133, 143, 171, 176, 179, 180, 184, 186, 187, 188, 191, 192, 193, 215, 216, 218, 236—240, 270, 271, 275, 281, 283, 307, 331, 338, 357, 362, 364, 377, 379, 382, 385, 404, 418, 421, 423, 425, 429, 430, 465, 468, 477, 488, 493, 495
Семипалатинская обл. 465, 469, 474, 475, 477, 484, 495
Семипалатинский рукав Иртыша 239
Семиреченский край 237, 238, 243, 258, 259, 433, 468, 469, 484
Семиречепская область 218, 357, 373, 442, 443, 444, 472, 474, 497
Семиречье 363
Сергиополь 360, 377
Сибирь 15, 141, 143, 154, 178, 219, 239, 241, 243, 257, 281, 284, 285, 290, 293, 300—303, 305, 312, 342, 350, 355, 366, 372, 376, 378, 383, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 392, 395, 396, 401, 402, 406,

409, 410, 411, 412, 421, 425—427, 434, 435, 437, 438, 466, 467, 481, 483, 487, 488, 494
Сибирская линия 9, 11, 14, 16
Сибирских киргизов (кайсаков) область 35, 36, 38, 39, 41, 44, 62, 66, 82, 83, 96, 116, 117, 119, 120, 121, 241, 244, 264, 304, 374, 377, 417, 452, 459, 463, 464, 466, 471, 485
Симбирская губерния 212, 213
Синд, р. 107
Синьцзян 373
Сирия 364
Сонкуль, оз. 475
Средняя Азия 63, 68, 71, 88, 106, 110, 111, 146, 204, 238, 245, 255, 258, 274, 276, 277, 279, 280—283, 286, 287, 290, 307—309, 355, 356, 358, 366, 372, 373, 376, 378, 383, 418, 420, 421, 428, 429, 436, 460, 461, 462, 469, 471, 472, 474, 480, 487
Средняя Киргиз-кайсацкая орда (Средний жуз) 8, 9, 11, 13, 14, 15, 17, 25, 39, 42, 43, 92, 93, 95, 145, 146, 149, 237, 241, 256, 263, 264, 266, 271, 274, 282, 295, 297, 307, 346, 359, 377, 403, 417, 423, 427, 429, 449, 450, 466, 486, 488
Срединная империя 173
Старший жуз, см. Средняя Киргиз-кайсацкая орда
Степной край 472, 474, 495
Сугуты 404
Суфи 194
Сыр, р. 271
Сырдарья, р. 484
Сырымбетский бор 37, 38
Сырымбет, уроч. 14, 16, 21, 37, 38, 145, 148, 158, 223, 261, 262, 263, 272, 273, 313, 315, 321, 322, 324, 325, 327, 328, 335, 346, 363, 364, 417, 420, 449

Тайчакуль 270
Талас, р. 408, 422
Талкинский проход 165
Таминская волость 125
Тарагай, плато 404, 406
Тараз 461
Тарбагатай 363, 364, 379, 466, 474
Татария 107, 151
Ташкент 180, 188, 192, 197, 218, 237, 258, 364, 376, 379, 402, 420, 430, 443, 447, 461, 472, 473, 496, 497
Ташмалык, г. 174, 408, 422, 476
Ташрабат 405
Тверь 216
Теке, оз. 270
Текес, р. 168, 172, 404
Терек-даван, перевал 195, 404
Теректинский, горн. проход 377, 405, 492
Теректы 404, 492
Тибет 194, 221, 222, 359
Тифлис 396
Тобол, р. 346, 417
Тобольск 20, 21, 23, 364, 374, 379, 387, 485
Тобольская губ. 144, 218, 311, 373
Тогуз-торау, укреп. 406
Токмак 249, 468
Токраун, р. 313
Токты, гора 316, 317
Томск 215, 216, 396
Томская губерния 240, 311
Трансоксиана 107
Троицк 271
Тугерек 162, 166
Турайгыр 404
Тургайская степь 451
Тургень 162, 173
Туркестан 329, 359, 362, 376, 380, 392, 432, 434
Туркестан (Азрет), г. 253, 490
Туркестанская область 467, 472, 473
Туркестанский край 376, 474, 485
Туртугульская волость 270, 271
Туругарт, перевал 295, 405
Турфан 194, 345
Тынаевская волость 422
Тюкты, уроч. 45
Тюмень 146
Тюнь, р. 377
Тянь-Шань, хр. 68, 215, 238, 242, 271, 283, 295, 307, 347, 358, 377, 382, 383, 403, 436, 437, 484, 487, 494

Уба, р. 382
Убаганский район 490
Увак-Керевская волость 13, 14, 15, 450
Улеаборг 375
Улус Ирхирик 217
Улус Чагатая 104, 105, 108, 460—462
Улутавский тракт 46
Улутауская степь 471, 485
Улутау 237, 259, 297, 345
Усть-Каменогорск 191, 357, 382, 421
Усть-Уйская крепость 450
Урал, горы 237, 431, 487
Уратюбе 192, 193
Ургенч 189
Урманчинская волость 486
Урумчи 173, 190, 247
Уч-Мерке 404

Файзабад 190
Фатцогло, местность 376
Феодосия 319
Финляндия 375, 410
Франция 493

Ханарык 190
Хангай 247
Хан-Тенгри 347, 358
Хива 104, 110, 113, 280, 460, 469
Хивинское ханство 68, 484
Ходжент 193
Хорасан 105, 107
Хорезм 108, 110
Хотан 175, 189, 192, 193, 194
Худайберды-Атыгаевская волость 13, 14, 15, 449

Царское село 72
Царство Польское 410
Цейлон 305
Центральная Азия 238, 241, 280, 326, 332, 402, 472, 492
Центральная Россия 410
Центральный Казахстан 463

Чарыш, р. 383, 436
Чатыркуль, оз. 284, 289, 295, 377, 405, 492
Чатыр-Таш 404
Чахыр-Курум 404, 492
Челкарская станция 260
Черногория 84, 85, 376
Черный Иртыш 143, 247
Чилик, р. 168, 175, 377
Чиря 192
Чоп-Карагай, лес, уроч. 34, 45
Чу 144, 241, 247, 359
Чугучак 188, 189, 272, 373, 376, 473
Чуй, р. 101
Чуюнь-куль 263

Шарихан 189
Шахимардан 192
Швейцария 343
Шираз 107

Эльба 282
Эмба, р. 484

Южный Алтай 363
Южная Германия 343
Южная Сибирь 246, 305
Юлгункаш 192

Яик, р. 380, 432
Якутск 301, 396
Яманяр (Гез), р. 422
Янгиабад 190
Янысар 190
Яркенд 190, 193, 194, 281, 359
Ярославль 223

ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адашевцы 169
Адбаны (киргиз-адбаны, албаны) 162, 163, 169, 172, 218, 364, 420, 475—477
Адгэне (адыгене) 408
Азиатцы 26
Айдабул 486
Албаны, см. адбаны
Алчин 244
Алжирцы 305
Альджановцы 322
Англичане 175, 279, 280, 282, 305, 321, 386
Англосаксы 281
Аргын 244, 298
Атыгай 13, 313, 325, 327, 449, 450, 466, 486
Афиняне 332

Баганалинцы (баганалы) 151, 257—259, 471, 486
Баимбет 13, 450
Басентиин 486
Бассыз 406, 408
Башкиры 328, 329
Бугинцы, бугу (богу) 133, 166, 172, 183, 246, 403, 404, 406—408, 422, 475, 476
Булгары 212
Буруты, см. киргизы
Буряты 217, 218, 274, 279, 286, 289, 291, 302, 303, 305, 306, 391, 392, 438, 493
Бухарцы 172

Джалаиры 169, 476
Джарты 172
Джунгары 486
Дулаты 169, 468
Дунгане 90, 162, 164—168, 171—174, 273, 475, 477

Евреи 171, 409
Есенбаевцы 155

Жуань-жуани 358

Иман 406
Имапалы 486
Индийцы 305
Индусы 289
Исенбай 486
Итальянцы 410
Ичкилик 408

Кабак 484
Казаки (казачество) 9, 22—24 30, 143, 170, 183, 234, 241, 251, 252, 264, 271, 279, 284, 285, 316, 328, 340, 349—352, 358, 381,—396, 399, 406, 426, 427, 433—436
Казаки, кайсаки, киргизы, казахи 8—11, 13—15, 17, 20—24, 28, 29, 30, 32, 34, 36—39, 41—46, 48—50, 53, 57—59, 66, 82, 83, 87, 89, 96, 98—100, 114, 116—130, 139, 142, 144—146, 149—157, 161—166, 168—173, 179, 182, 184, 190, 193, 219, 221, 223, 225, 226, 228, 229, 235, 237, 241, 242, 244—246, 248, 250—251, 253—261, 264, 266—274, 277—279, 281, 284—287, 289, 294, 297—299, 301—304, 306, 309, 311, 313—317, 319—321, 323, 325, 327, 334, 340, 346—348, 351, 352, 355, 359, 364—380, 391, 399, 403—410, 413, 414, 416—422, 424, 429, 431—433, 439, 441, 446, 449, 452, 453, 459, 462—467, 469, 471—476, 479, 481, 483—486, 490—492, 494
Калмаки, калмыки 168, 237, 246, 284, 406

Каражас 486
Каракалпаки 492
Кара-киргизы, см. киргизы
Караул 313, 325, 327, 449, 486
Кашгарцы 174, 187, 188, 195, 430
Керей (кереевцы) 143, 358, 450, 468, 486
Керлеут-кыпчаки 368
Кипчак 271, 291, 368, 408
Киргизы, киргизы дикокаменные, буруты 144, 161, 164, 168, 174, 175, 180—182, 215, 225, 246, 250, 271, 287, 365, 403, 404, 405, 408, 420, 422, 477
Киргизы (казахи), см. казаки (казахи)
Киргизы-адбаны, см. адбаны
Киргиз-калмыки 495
Киргизы сибирские 82, 98, 99, 100, 116—121, 161, 241
Китайцы 162, 167, 168, 171, 173, 174, 180—182, 188, 246, 376, 421, 422
Кокандцы 145, 181, 202, 406, 408
Конур-боруки (коныр-борик) 172, 477
Кощи (кошчу) 408
Кулансу 258
Кульчугач (кулчугач) 406
Кызыл-борук (кызыл-борик) 168, 477
Кыпчаки 193

Латвины (латыши) 375

Малороссы 292
Маньчжуры 162 163, 165, 167, 168, 170, 171
Матакай 486
Монголы 107, 109, 218, 221, 237, 305, 334, 352, 422, 481
Монылдыр 406
Мундуз 408

Найманы 358, 408
Негры 169
Немцы 340, 374, 375, 409, 460, 470
Ногайцы 298, 299, 345, 370, 486, 492

Он 408
Ордынцы 151

Поляки 336, 375, 384, 387

Русские 41, 122, 127, 144, 145, 151, 162, 165, 173, 187, 189, 249, 250, 252, 253, 261, 269, 276, 278—280, 284, 285, 288, 292, 299, 300, 304, 306, 313, 314, 326—335, 347, 355, 360, 364, 366, 404, 408, 410, 413, 418, 421, 422, 429, 431, 434, 441, 468
Рысай 13, 450

Самай 486
Самоеды (ненцы) 302
Сарты 166, 167, 172, 173, 181, 192, 406, 419
Сару (сары) 408
Сарыбагыши 166, 183, 246, 403, 407, 408, 422, 495
Саяк 406, 408
Сибо 162, 163, 167, 168
Славяне 281
Сол 408
Солопы 162, 167, 171
Солты (султы, солто) 246, 408
Спартанцы 412

Тагай 408
Таранчи, см. уйгуры
Татары 20, 22, 23, 24, 32, 48, 143, 169, 192 203, 211—214, 235, 254, 259, 260, 269, 277, 297, 299, 311, 315, 325, 328, 329, 349, 413, 494
Татары касимовские 212
Татары польские 384
Ташкентцы 165, 171, 180, 257, 260, 271, 377
Теным-сеит 406
Торгоуты 165
Тукиу 358
Туленгуты (тюленгуты) 36, 37, 165, 169
Тунгени, см. дунгане
Турайгыр-кыпчаки 174, 408, 422, 476
Турки 319, 422
Туркмены 189, 271, 279, 473
Туртугульцы 270, 271
Тюрки 287, 299, 311, 365

Уак, увак 297, 450, 490
Уйгуры 167, 168, 170, 171, 220, 358, 475, 476, 484
Урманчи 486
Уйсуни (усуни) 358, 476, 477

Финляндцы 375
Французы 279, 332, 366, 409

Хадык 246
Хакасы 495
Халхасцы (халха) 173
Хивинцы 110
Хой-хои 162, 164, 167, 171, 220
Хунну 358

Чаджи 172
Чаирбеки 169
Чала-казак 163
Чампани 162, 167
Чапраштты 468, 476
Чахары (чахоры) 165
Чепеевцы 322
Чиклинцы 244
Чирики 170, 405—408, 494
Чонбагыш 404, 408
Чора 406
Чумекей 244, 484
Чумичли-табынцы 244, 484

Шведы 375

Якуты 300—302

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдалих 462
Абд ар-Раззак 105, 107, 461
Абдрахманов Тордубек 163
Аблаев Адиль 47, 48
Аблай, хан Среднего жуза 11, 38, 46, 47, 56, 58, 153, 218, 223, 237, 241, 256, 261, 273, 274, 276, 285, 294, 307, 347, 359, 377, 415, 417, 429, 447
Аблайханов 230, 232, 483
Абулгази, хивинский хан, историк 106, 107, 110, 246
Абдулгафур 186, 192, 193
Абулгафур-бек 193
Абдулла, бухарский хан 405
Абдулла-хан, Абдаллах (Абдуллах), хивинский хан 112
Абдул-Макаджан (Абул-Макаджан, Абиль-Макыжан), см. Валиханов Макажан
Абулгази 246, 462
Агаметов 222, 482
Агапитов 222, 482
Агарев Н. Г. 9, 10, 11
Адам 143, 234
Адиль, султан Старшего жуза 163, 475
Азадовский М. К. 428, 496
Азимджан Мулла 191
Айганым (Айханым), см. Валиханова Айганым
Айдарова Х. Г. 467, 468, 470—473, 475, 476
Айнаутев Мукач, бий 47
Айсара 364
Аккошкаров Бакир 47
Аланов Камбар 169
Алача-хан 46
Алджан 406
Алеке 406
Александр I 15, 65, 241, 256, 273
Александр II 64, 65, 72, 281, 402, 456, 470
Алибаев Усербай 163
Алим-бек 113, 193, 462
Алим-хан (Алинбек), кокандский хан 113
Алим (Алимбай) 193, 218, 362, 419, 420, 429
Алишир-датха 145, 468
Амондт 375
Анна Андреевна, см. де Граве А. А.
Андре 451
Андреев 98, 99, 100, 284, 459, 486
Андреевский 92, 93
Анненков П. В. 336, 349
Анненский Н. Ф. 363
Антонович М. А. 392, 480
Анучин 66
Аракчеев А. А. 14, 15
Аристов Н. А. 403, 494
Арсланбай 368
Арыстамбай, певец 469
Аталык-бек 192, 193
Атаптай, вождь саяков 406
Атеке 404
Аткинсон 81, 281, 487
Ауган (Оган, Роган) 193
Ахмет, см. Джантюрин Ахмет
Ашенов 144
Ауэзов М. О. 465

Бабаджанов М. С. 244, 245, 484
Бабков И. Ф. 87, 374, 492
Байганин А. 244
Баймурза 344, 345
Байрон 383
Байтык 253
Бакунин М. А. 360, 436, 437
Банзаров 217, 218, 219, 224, 274,279, 286, 288, 289, 302—305, 392, 481, 489
Бардашев 215
Бартольд В. В. 421, 492, 495
Батеньков Г. С. 465
Батюшков К. Н. 141
Бахтин 57
Башкен-ханум 139, 467
Баян Слу 333
Бедекин 444

Безак А. П. 139
Безверхов И. З. 158, 473
Безобразов В. П. 215, 480
Бейсен 142
Бекчурин Сердали 244
Бекетов А. Н. 145—147, 225, 363, 379, 469, 472
Бекетова М. А. 469
Бекметов М. Х. 483
Бекмурадов Бурамбай (Буранбай) 169, 182, 246, 421, 422, 476, 495
Бектаир 163, 170, 172, 173
Бекчурин С. 244
Бсленицын 451
Беленкин И. 16
Белинский В. Г. 331, 337, 349, 356, 396, 431
Белоусов 38
Бенардаки 214
Берг Л. С. 429, 496
Бердниковы 399, 400, 401
Березин И. Н. 212, 349, 363, 386, 426, 480, 488
Берназаров Мурат-али (Мурад-али) 163, 170, 422, 475
Бешай Огул 107
Бикмаев 25
Биянху, см. Па-ту-за
Блан Луи 384, 493
Блудов 378
Блюменталь 375
Богдашин П. 170, 171
Бокль Г. Т. 154, 471
Болдонов 300, 302, 489
Боли-Карай 422
Бонапарт, см. Наполеон
Бонч-Осмоловский 451
Борды Джарылкап 46
Борнс 487
Бримжан 202, 479
Броневский С. Б. 21, 394, 450
Бузрукхан-ходжа 174
Бузун (Бузан) Оглы 106, 107, 109, 462
Буйдаш 406
Букаш 62, 63, 65, 184, 186, 191, 201, 235, 271, 362, 377, 419, 478, 492
Букмурун 344
Булаев Ахмет-Керей 213, 480
Буланже Н. 262
Бурамбай, см. Бекмурадов Бурамбай
Буран 106, 107
Бурсук 246
Бутков В. П. 59, 116, 117, 138, 454, 466
Бутков И. И. 376
Быков 84, 85
Бэр К. М. 113, 462
Вагин 219
Вали, хан Среднего жуза 8—16, 20, 22, 25, 42, 48, 218, 241, 246, 256, 273, 294, 314, 325, 346, 347, 417, 429, 447, 449
Валиев (Валиханов) Чингис 16, 17, 19, 20, 22, 24, 26—30, 32—39, 41, 42, 44, 46—50, 53—55, 96, 136, 200, 202, 203, 256, 257, 261, 262, 273, 298, 313, 314,—317, 319—326, 328, 335, 346—348, 353, 362, 368, 417, 441, 447, 451—453, 465, 478, 479, 486
Валиева Айганым 13—23, 25, 26, 36—38, 44, 45, 256, 314, 325, 449—451
Валихан-тюре 191, 245, 276, 373, 420, 429
Валиханов Аблай, сын хана Вали, см. Аблай
Валиханов Альжан, сын хана Вали 38, 314, 319, 321, 322
Валиханов Губайдулла (Габайдулла) 14—16, 213, 314, 417
Валиханов Кокуш 318, 319, 320, 322, 323, 325, 326
Валиханов Макажан (Макыжан, Макы, 39, 41, 43, 45, 47, 48, 51, 138, 141, 200, 201, 203, 324, 326, 348, 466
Валиханов Махмуд 43, 45, 201, 261, 224, 324—326, 328, 348, 447, 477
Валиханов Мухамеддия 43, 136, 348, 466
Валиханов Нурмухамед 43
Валиханов Сахип-Кирей (Козыке) 43, 45, 136, 466
Валиханов Султангази 169, 476
Валиханов Тореджан 20, 22, 24, 38, 451
Валиханов Ханхожа 38, 202, 478
Валиханов Чеген 38
Валиханов Чепе 314, 322, 415, 416
Валиханов Якуб (Якуп, Жакуп) 41, 43, 45—47, 49, 50, 132, 139, 141, 142, 181, 182, 200, 202, 203, 261, 273, 319, 320, 323—326, 328, 413, 414, 416, 447, 467, 478
Валиханова Бадгул-Жамал 41, 43, 141
Валиханова Нурида 43, 227, 229, 231, 348
Валиханова Рахия 41, 43, 141, 200
Валиханова Шарбану 43
Валуев П. А. 264
Вамбери А. 281
Василий Петрович, см. Демчинский В. П.
Васильев 141, 363, 491
Вельяминов И. А. 24
Вельяминов-Зернов В. В. 101, 104, 212, 213, 361, 460, 462, 480
Вепгеров С. А. 373, 492
Вепюков М. И. 67, 68

Веревкин 383
Веригин А. И. 62, 77, 80, 84—86, 457
Веселовский Н. И. 221—227, 287, 294, 296, 344, 346, 371, 386, 466—468, 473—475, 482, 490, 492
Вилькен фон 375
Вишневский А. Ф. 32, 33
Воинов 161, 255, 474
Войткевич 384
Волков 200, 478
Воробьев 55, 56
Врангель А. Е. 216, 236, 264, 484
Врангель К. Л. 255, 375, 474

Габайдулла 314, 346, 417, 480
Габайдуллин Булат, бий 123
Габбасов Шесбе 200, 478
Габдулмажитов И. 197, 478
Галдинский 44
Ганкин 398
Гартлинг 375
Гасфорт Г. Х. 54, 58, 59, 61, 67, 68, 92, 94, 95, 136, 143, 155, 180, 183, 191, 200, 225, 234, 235, 237, 238, 242, 243, 274, 282, 283, 304, 307, 342, 360, 367, 374, 377, 378, 384, 399, 401, 418, 426, 429, 437, 455, 466, 477, 478, 484
Гегель 291
Гейбович А. И. 216, 480
Гейне Г. 254, 387, 399, 402, 435
Гейнс А. К. 48, 254, 485
Гельсендорф 390
Геннади Г. Н. 282, 487
Герасимов Б. 423, 495
Герсеванов 389
Гинтовт 76, 180, 375
Гинце 375
Гирей 142, 143
Гирей, крымский хан 152
Гирс 44, 254, 255, 485
Глинка М. И. 402
Гоголь Н. В. 338, 342, 349, 356, 396, 431, 433
Гоес 282
Голицынский 36
Голубев 363, 491
Гомбоев Галсан 212, 480
Гонсевский 336, 337, 349, 350, 352—354, 396, 398, 418
Гончаров И. А. 356
Горский 29
Горчаков А. М. 62, 71, 159, 264, 454, 455, 473
Горчаков П. Д. 29, 280, 374, 376, 492
Гофман 39
Григорьевский 65
Григорьев В. В. 107—109, 112, 139, 204, 304, 402, 462, 479, 494
Громеко 339, 360
Гроссман 464
Грум-Гржимайло Г. Е. 294, 295, 298, 489
Гряфузов 144
Губарев К. 485
Губарь 248, 485
Гулькевич Н. 94, 138, 466
Гумбольдт А. 241, 381, 427, 435, 437
Гутковская К. К. 161, 296
Гутковская К. Я. 145, 159—162
Гутковский К. К. 62, 63, 66, 115, 136, 139, 142—144, 151, 152, 155—161, 180, 182, 183, 187, 191, 195, 200, 255, 256, 263, 264, 283, 296, 303, 304, 322, 326, 344, 350, 353, 357—359, 362, 364, 375, 377, 378, 387, 388, 400, 401, 418, 465, 467, 468, 471—474, 477, 485, 493
Гюббенет 400

Дабшинский 20, 21, 24, 28, 34, 35, 348, 354
Даль В. И. 350
Данилевский Г. П. 394
Дворканат 289, 488
Де Граве 374
Де Граве А. А. 216, 465
Делазари 315, 316
Демулен Камиль 336, 490
Демчинский В. П. 133, 177, 179, 238, 239, 465
Де Сент-Лоран В. И. 17—23, 26, 27
Джаикпаев М. 46
Джайнаков Альдеке, бий 123
Джаланаков Байтуры 406
Джамбул 468
Джанак 365
Джангир (Жангир), хан Букеевской орды 201, 210, 211, 480
Джангир-ходжа 174, 191
Джанибек-бий 479
Джанкулов Якуб 180—182
Джантай 408
Джантюрин А. 451, 467, 479
Джантюрин М. 244, 467
Джасыбай 263
Джанкши (Дженкши) 106, 107, 109, 462
Джетен 172
Джиджибай 289, 488
Джогин 291, 488
Джузай 345
Джузен-Саурук 172, 473
Джумагул, акын 368
Джумин Акан 28
Джун-Тань 168, 475

Джучи 462
Диккенс 340, 356, 357, 361, 387, 398, 432
Дирджадай 184, 186
Дмитриев-Мамонов А. И. 449
Добровольский Ф. С. 485
Добролюбов Н. А. 331, 363, 391, 392
Дометов 86
Долгоруков 53, 58, 105, 454
Долинин А. С. 465
Дорн Б. А. 104, 460
Дорожеев 302
Достоевская А. Г. 422, 495
Достоевский А. А. 226, 482
Достоевский М. М. 144, 150, 152, 154, 160, 468, 470, 479
Достоевский Ф. М. 132, 133, 135, 143, 149, 154, 159, 160, 176, 178, 215, 216, 234, 237, 239, 240, 255, 278, 353, 356, 363, 379, 385, 422, 424, 464, 466, 468, 470—472, 477, 479, 480, 484, 493
Дува-Тимур 106, 108, 462
Дува-хан, отец Тарма-ширина, 106, 107, 461, 462
Дур-султан 172
Дуров С. Ф. 133, 179, 304, 335, 339, 340, 343, 353, 357, 360, 361, 387, 388, 402, 403, 418, 426, 435, 465, 490, 494
Духар (Зукар) 421
Дюгамель А. О. 82, 84, 87, 89, 117, 121, 156, 157, 160, 161, 254, 255, 364, 375, 457, 463, 472, 474, 492
Дюма Александр 398, 432
Дюмон-Дюрвиль 355, 394

Екатерина II 47, 281
Елена Павловна 159, 473
Елисеев Г. З. 479, 480
Ералы 406
Ерден, см. Сандыбаев Ерден
Ерденов Бинелды 46
Ермак 394
Ерман А. 245, 484
Ермеков Кожаберген 47
Ершов П. П. 293, 386

Жан-Мухамед 203
Ждан-Пушкин 33, 76, 338, 348, 350, 351, 356, 379, 394, 395, 398, 431, 432 490
Жонво Г. Н. 487
Жулай Мутаби 373
Жусуп 202, 479

Загоскин М. В. 219, 481
Зайцев 392
Зак-ван 191
Замаховский 63, 66, 67, 72
Захаров 90, 385
Звездкин 24, 26
Зейнеп, см. Чорманова Зейнеп
Земарх 359
Зенков А. П. 443
Зесов Сагнай 46
Зиновьев 221
Зирский, секретарь 37
Зияддин 422
Знаменский М. С. 48, 247, 347, 420, 453, 485
Зухар 421
Зурдунбек (Зухреддинбек) 183, 191

Иакинф (Бичурин Н. Е.) 246
Ибн Арабшах 297, 298, 489
Ибн Баттута 106—110, 461
Ибрагимов И. И. 413, 417, 473, 494
Ибрагимов И. М. 158, 371, 473, 494
Ибрагим-ходжа 195
Иван Калита 114
Иванов А. И. 466
Ивашкевич В. К. 158, 161, 162, 473
Ивлев Н. П. 475
Игнатьев Н. П. 80—84, 86, 156, 159, 456, 457, 469, 472
Ильминский Н. И. 211, 214, 220
Ильчигидай 108, 462
Иманкулов Кут-Мухамет 20, 21
Ир-Кошай 345
Исаева М. Д. 144, 150, 152, 160, 239, 240, 465, 468
Исаков Я. А. 160, 473
Исенбаев Г. 244
Исмаилбек, янысарский хаким 190
Исмаил (Измаил бий) 164—166, 170, 475
Итбала 167
Ишанхан-тюре 191
Ишим-салтан 8

Кавелин 367, 433, 437, 496
Казанганов Бапак, бий 125, 264, 486
Казембек 212, 363, 480
Казыхожин Джунай Хосроу 46, 47, 50
Каландар-хан 192
Калачев 444, 445
Камбар, см. Аланов Камбар
Капустина К. Я. 215, 340, 386, 469, 480, 493

Капустин С. Я. 216, 225, 304, 326, 338, 339, 353, 360, 386, 472, 408, 480, 493, 494
Капустины 357, 360, 386, 388, 418
Капцевич П. М. 14, 15, 20, 393, 493
Карамзин Н. М. 338, 355, 394
Каримкул-мехтар 192
Карл Казимирович, см. Гутковский К. К.
Карлыков 47
Кармоф 89
Кармышева Дж. Х. 184
Касым, султан 201
Касымов Е. 244
Касымов Кенесары 33, 42, 202, 241, 286, 365
Касымов Кошек, султан 201, 202
Касымов Саржан 202
Катанаев Г. Е. 219, 224, 481
Катанов 286, 302, 409
Катенин П. А. 202
Катков М. М. 479
Каттахан-тюре 191
Кауфман фон 416, 417, 441, 442, 446, 447, 473, 496
Кезенкара (Казенкара) 171, 172, 476
Кенесары, см. Касымов Кенесары
Кемебаев Тохтарбай 163
Кепек (Кебек) 108, 109, 462
Кесслер 265
Кийкбай 202, 479
Киндерман 359
Киргизбай 408
Кичикхан-тюре 191
Клапрот 220, 246, 287
Клейст 53, 254, 485
Клеменц Д. А. 403, 483, 494
Клименко 200, 478
Климовский 35
Клуген Л. Н. 375
Клычев Нурчи, бий 125
Клюпфель 349
Кноринг А. 144
Ковалевский Е. П. 71, 81, 114, 159, 245, 255, 257, 272, 374, 376, 377, 378, 457, 473, 492
Кованков 25
Ковригин И. И. 34, 101, 133, 139, 465
Кожагулов 47, 48
Кожамбет 172
Кожанаев Байкадам 127
Козлов И. А. 230, 232, 483
Козы Корпеш 349
Козьмин Н. Н. 421, 495
Кокетай-хан (Кукотай) 211, 344, 345, 480
Колоков Н. 16
Колосов 381, 488, 491
Колпаковский Г. А. 157, 162, 164, 166, 167, 170, 171, 173, 174, 220, 221—224, 365, 443, 444, 446, 447, 474—477, 481, 482
Кондожес 405
Кондратович 120, 474
Коновалов 50
Конуркульджины Аблай и Ибрай 46
Копейкин 401, 402, 433
Копылов 305
Корф 33
Корш В. Ф. 207, 479
Костенко П. 465
Костомаров Н. И. 291, 363, 366, 388, 437, 493
Костылецкий Н. Ф. 132, 176, 336, 337, 338, 348—350, 352, 355, 396, 431, 433, 464, 476
Коченов 46
Кошкарбай, сын Саржана Касымова 202
Кошугул, бий 136, 466
Крамер 234
Кремлев И. 119
Крестовский В. В. 150, 278, 363, 470
Кривоногов 33, 200, 478
Кривцов 361
Кринский 375, 384, 492, 493
Кроериус А. 76, 87, 175, 254, 255, 375, 485
Крохалев А. И. 162, 474
Круликевич 375
Крупеников 161, 474
Кручинский 76
Крыжановский Н. А. 90, 458
Кудаймендин 451
Кузи 270
Кузнецов В. П. 219, 441—444, 496
Кури Г. К. 155—161, 200, 470, 471
Куркут 333
Курочкин Н. С. 150, 156, 470, 472
Кучковский 350, 352, 355, 394, 395, 431
Кыдралинов Кулыбек, бий 127
Кювье Жорж 353, 387, 491

Лабаков Отарбай, бий 127
Лавровский К. В. 483
Ладыженский М. В. 28—31, 451
Лазарев К. А. 46
Ламанский Е. И. 101, 102
Ластовский 445
Лаптев 398, 493
Лафайет Мари Жозеф 336, 490
Леденев 13
Лермонтов М. Ю. 331, 356, 367, 396, 431
Лерх П. И. 146, 212, 469, 470
Лесевич 363
Лещев Н. Н. 99, 100, 160, 161, 225, 364, 474

Ливен В. К. 62, 63, 66, 67, 71, 72, 138, 455, 472
Линденер 62, 77, 80, 83
Лободовский 360
Ломоносов М. В. 436
Лоуренс 279, 487
Лузгин 17, 22, 23
Любимов Н. И. 466
Людимов 138, 398
Люсилин 68

Магзум Зит 168
Мадали-хан, кокандский хан 192, 193
Майдель Ц. Ф. 119, 160—162, 200, 474
Майков А. Н. 144, 150, 152, 154, 160, 204, 205, 207, 367, 467, 468, 470, 479, 480
Майков Л. Н. 219, 220, 223, 225
Малин Кунтюре 28
Малла-бек (Малла-хан), кокандский хан 104, 113, 192, 460, 462
Малтабаров 96, 155, 471
Мамразык-датха 406, 407
Мамеке-Шопак 406
Мандаев Гафар 155, 200, 472, 478
Мануйлов В. И. 465
Маргулан А. Х. 136, 200, 210, 466—468, 470—473, 475, 476, 478, 480
Мария Дмитриевна, см. Исаева М. Д.
Мария Николаевна, великая княгиня 363
Маршалов 353
Массон М. Е. 461
Маторин А. 117, 121
Маханев 57
Махдуми-Азам 192
Махмуд-султан 192
Махмудов 213
Махмутов А. М. 213
Мез-Кара 345
Меринцев 196
Мелиоранский 298, 346, 368, 490, 491
Мельников 44
Менделеев Д. И. 149, 418, 470
Менделеева Е. И., см. Капустина Е. И.
Мессарош 426
Мехмет-Али (Мухамед-Али) 376
Милютин Б. А. 219
Милютин Д. А. 89, 138, 159, 264, 466, 467, 472
Минаев 305
Минг 113
Мирза Магруф 187
Миркубан-бай 187, 191, 194, 195
Мирхонд 106, 108, 109, 461
Митридат 241
Митчел 280, 282
Михайлов 60
Михайловский Н. К. 388
Молдыбай 163, 475
Монс К. 144
Мордвинов 65, 389
Музаффар-хан 192
Музеус 394, 432
Мукан, султан 139, 200, 202, 479
Мукан 200, 478
Муканов Сабит 479
Мунайтпасов 244, 484
Муравьев-Амурский 304
Мурат-Али 170, 422
Мусабай 63, 65, 144, 184—187, 191, 193—196, 201, 271, 468, 478
Муфти-заде 201, 476
Мухаммад Амин, хивинский хан 110—112, 462
Мухаммад Малла хан, см. Малла-бек
Мухаммад Муса-тюрк 192
Мухаммад Назар-бек 193
Мухаммад Разык-ака, купец 191
Мухаммад Сейид 462
Мухаммад Якуб-ака 193
Мухаммаджан 193
Мухаммаджан-агай 186—188
Мухамедгали 20, 22
Мухаммед (Мухаммад), пророк 104, 105, 151
Мухаммед ал-Калби 462
Мухаммед Фан 108
Мухаммед-Шариф-бай 192
Муханов 87
Мынжасаров Аманбай 47

Найман 316—318, 406
Наполеон I 355, 364
Нарбута-бий (Нурбута-бек) 113, 462
Нармухаммед, кушбеги 193
Насреддин Датха 373, 374
Наумов И. Н. 307, 308, 438, 489
Некрасов Н. А. 207, 479, 480
Нестеров 155, 159, 200, 471
Никифоров 314, 363
Николаев 302, 489
Николай I 54, 55, 256, 336, 338, 388, 402, 403, 426, 432, 434, 435
Нил 305
Нифатньев 67, 68
Ноздрев 342
Нуралиев Адиль 475
Нурида, см. Валиханова Нурида

Обручев В. А. 430, 496
Огузхан 288
Омар (Умар)-хан, кокандский хан 113, 462

Орак 192
Орымбай 469
Осипов 201, 478
Осман, см. Тайлаков Осман
Османов 370
Остен-Сакен Ф. Р. 159, 274, 275, 282, 283, 429, 473, 487
Острогорский В. П. 483
Ошурков 483

Павлов 34
Павлова Н. 477
Паллас П. С. 355, 380, 425, 432, 433, 441
Пален фон Пилигау 59
Пальм И. А. 343
Пальмерстон 280, 487
Панков 399
Панов 238
Пантелеев Л. Ф. 488
Пантусов Н. И. 447
Пасель 16
Пасхальный 78, 83
Па-ту-за (Биянху) 168, 475
Пахотин 444
Певцов 430
Пейзин 386, 390, 426
Пелино 255
Пересмышльский М. Д. 145, 182, 183, 357, 385, 425, 469
Перфилов 488
Петр I 237, 337, 338, 374, 426
Петрашевский М. В. 494
Пирожков 291, 300, 302, 386, 391, 400, 401, 425, 438, 493—495
Писарев Д. Н. 392
Плотников Л. Н. 139, 213, 244, 467, 484
Погодин М. П. 489
Подгорбунский 305
Поло Марко 275, 282, 308, 419, 461, 484
Полонский Я. П. 144, 150, 367, 468
Полторацкий 284, 487
Поляков И. С. 219, 481
Померанцев 353, 387
Попов 118, 120, 121, 236, 483
Портнягин 119
Потанин Г. Н. 146, 217, 219—223, 225, 226, 228, 230—232, 241, 243, 290, 291, 293, 296, 297, 303, 305, 311—315, 335, 346, 347, 350—352, 360—364, 367, 371, 379, 385, 388, 393, 397, 399, 417, 418, 424, 428, 430, 432—437, 464, 466, 467, 469, 474, 480—483, 488—495
Потанина А. В. 227
Потемкин Г. А. 281
Пржевальский Н. М. 222
Прибытков 29
Проценко А. П. 163, 472, 475
Прудон Пьер Жозеф 384, 493
Путинцев 229
Пушкин А. С. 177, 356, 367, 396, 431
Пущины 113
Пышин А. Н. 217, 219, 481, 494

Радлов В. В. 346, 370
Разин Степан 366
Рашид-Эддин 246
Рахимбай 235
Ребров 92, 93, 94
Ремезов 196
Ремюза А. 246, 364
Риттер К. 246
Рой 289, 488
Романовский Д. И. 66, 67, 72, 156, 158, 159, 175, 211, 375, 467, 472, 477
Россет 71
Ростовцев Я. И. 54, 383
Рустамбек 192
Рычков П. И. 355, 491

Сабалак 136, 466, 478
Сабитун 173
Савельев П. С. 112, 113, 304, 305, 462
Садыкбек 173, 476
Садырбек 19
Садыр 168, 476
Сайман 447
Сакен, см. Остен-Сакен Ф. Р.
Сакинэ-хан 188
Салпыков Джандос 37
Салтыков-Щедрин М. Е. 339, 360
Салыков Джандос 21
Санджар 105, 109, 110, 461
Сандыбаев Байгулы, бий 127
Сандыбаев Ерден 96, 155, 156, 157, 470, 471
Сандык 421
Саньяр 201
Сапак 157, 365
Сарыжак 405
Сарымбек (Сарынбек) 169, 170, 175, 422, 476, 495
Сасыков 47, 48
Сасык-урус 405
Саутбаев Тюйте, бий 127
Свентицкая М. Х. 424, 428, 495
Северцев Н. А. 364, 420
Сеидахмед-хан 168
Сейдалин Альмухаммед 139, 467
Сейдалин Жиганшах 371
Сейфуллина 24, 25
Сейфуллин 21, 23, 142, 467

Сейфулмулюков Махомеджан 81, 468
Семенов-Тян-Шанский П. П. 101, 102, 115, 159, 179, 215, 221, 224, 225, 237, 242, 275, 283, 295, 296, 307, 358, 359, 361, 363, 370, 380, 382, 383, 387, 388, 401, 402, 418, 419, 427, 428, 436, 473, 480, 484
Семенов П. П., см. Семенов-Тян-Шанский П. П.
Семилужинский П. 487
Сиверс 57
Сильвергельм 144, 238, 375, 468
Симашко Ю. 358, 402
Симонов 315
Сиринагер 68
Скалон Г. М. 66
Сквозник-Дмухановский 342
Скорняков 19
Словцов И. 48, 284, 386
Слуцкий 159, 401, 473
Смандияров Кенжалы 28
Смандияров Мали 28
Смирнов 291, 488
Со-Колдай (Калдай, Сабитун) 162, 164, 171—174
Соколов 200, 478
Солодовников 255, 484
Сотников А. А. 320, 326, 353, 418, 451
Сотрук 168
Спасович 384, 493
Сперанский М. И. 347, 386, 389
Спиридонов 35, 37, 235, 484
Старков 349, 352, 394, 395, 432, 490
Страхов Н. Н. 150, 470
Стремоухов П. Н. 90, 458
Струве О. В. 161, 363, 364, 375, 474
Стуков 305
Сулоцкий 336, 337, 350, 352
Султангази, см. Валиханов Султангази
Султангазин 313, 316, 323, 335, 476
Супатай 144, 468
Суируненко 255
Суранчи С. 144, 468
Сухозанет 62—65, 71—73
Сырттанов 230
Сычевский 305
Сю Эжен 393, 432

Табеев Тастень 200, 478
Тавасар 164—166
Тайлак 406
Тайлаков Осман 406, 407
Талызин 422
Тамерлан (Тимур) 297, 298, 489
Тангирбергенов 491
Танди-илак 192
Тармаширин 104—110, 461—462
Тархан 201, 478
Татаринов А. А. 159, 473
Тверской Михаил 114
Тезек, султан Старшего жуза 162, 163, 165—168, 170—174, 273, 364, 365, 378, 416, 420, 441, 475
Теккерей У. 356, 400
Теннер Д. 177
Тентек 364
Терехов 173
Тиесов Бекхожи 46
Тобылды 407
Тогжан 469
Тоголаков Тиес 123
Токалаев, султан 37
Толеке 406
Толеков Кученбай 47
Толстой Л. Н. 138, 213, 331, 433
Толстой А. П. 138, 204, 466
Тохтабаев М. 492
Тохтамыш 298, 368—370
Тулепов И. 244
Тунджи 165
Тургенев И. С. 331, 356, 363, 397, 398, 400, 402, 433, 435
Турдуке 406, 407
Турсунов Ч. 451
Тынги 169, 476
Тыртов А. П. 160, 474
Тыртова Е. М. 160
Тюйтебаев Чалкибай, бий 12
Тюрегельды 407, 408
Тяукин М. 244, 245, 484

Уваш 164, 165
Угрюмов 394
Узбек, султан 107
Умсабай 46
Уразметов Валитша 20, 22
Уразметов Мухаметгалий 20
Урман 166, 169, 422, 495
Урамбай (Урумбай) 46, 414
Урус-бий 405
Ускенбаев 331, 451, 489
Усов Ф. Н. 146, 386, 425, 438, 469, 494
Утебай 491
Утин 113

Фаизханов Х. 210, 213, 214, 472, 480
Фасих Хафи 106, 461
Федоров-Омулевский 291, 488
Федоровский 35
Федцов 10, 11
Фетисов М. Н. 465, 469
Фишер 246

Фрезе 485
Френ Х. Д. 105, 461
Фредерикс 375
Фридрихс Г. К. 43, 117, 120, 136, 155—157, 160, 161, 234, 374, 375, 464, 466, 470
Фролов 48

Хакани 101, 104, 460
Хакимбек 273
Хаккули 406
Халил 107
Халиди К. 492
Хальфин 297, 298, 489
Хангалов 222, 482
Хангожа 136, 202, 466
Ханыков Н. В. 104, 460
Хисам-эддин-Шашбай 201, 478
Хлынов 444
Хоментовский М. М. 403
Хондемир, историк 105—108, 461
Хрущев 375, 474, 492
Худаймендин Джума 28
Худайар-хан (Худояр), кокандский хан 112, 113, 192, 462
Худояров Саурамбай 422
Хусейн, эмир 105—107

Циммерман 469
Цуриков А. Н. 133, 176, 179, 222, 465

Чагатай (Джагатай) 104—108, 110
Чаукебай 322
Чебаторев 83
Чеген, бий 202, 479
Чегенов Б. 244
Чепе, см. Валиханов Чепе
Черепанов 394
Чернышев А. 33, 39, 452
Чернышевский Н. Г. 360, 390, 392, 470, 471, 480
Черняев М. Г. 86, 87, 161, 218, 255, 364, 379, 420, 422, 453, 474, 485
Чжа-Чжури 173
Чинбинь (Чикбиль) 421
Чингисов Тортай 13
Чингисхан 110, 146, 237, 241, 256
Чистяков 231, 483
Чокаманов 46
Чонгарин Джаныш 47
Чопанов Бекей 21
Чорманов Муса 139, 141, 156, 160—162, 201, 203, 224, 227—229, 263—265, 271, 326, 327, 347, 348, 416, 466, 467, 478, 482, 483
Чорманов Садвокас 227, 229—232, 348, 483
Чормапова Зейнеп, мать Чокана 43, 347, 414, 447
Чубан, эмир 105, 106
Чубеков 47
Чукреев 386, 425

Шадман-ходжа 192
Шалгынбай (Бралин) 201, 478
Шамардин 117
Шаховская 160, 474
Шаховская В. Я. 474
Шашков 438
Швабский 28
Шестаков 67, 68
Ширваншахи, династия 104
Шишкин 291, 488
Шишкович 201, 478
Шлагинтвейт А. 243, 245, 246, 275, 276, 282, 308, 378, 419, 420, 429, 485
Шманов 215
Шоже 469
Штемпель 394
Штейфельд 217, 481
Шубенков 28
Шубин 28
Шульгин Н. 36
Шрепк 297

Щапов 388, 437
Щедрин, см. Салтыков-Щедрин

Эллизен 424, 425, 430
Экеблад 375

Южаков 364, 379, 420, 485
Юпус-ван 188
Юстиниан 359
Юсубпек 180
Юсуф 184, 187, 190, 191
Юсуф, ходжа 191

Яушев Мурза 11
Ядринцев Н. М. 146, 217, 221, 223,

230, 274, 276, 284, 288, 290, 294, 299, 371, 392, 438, 469, 481, 483, 486—489, 491, 492, 494
Якоби 9, 11
Яковлев 54, 92, 95, 99
Якуп-бек 419
Ямпольский Ч. Г. 479
Ярослав 359
Ярославцев 293
Яценко 33, 37, 117—121, 161, 463, 474
Яшеров П. Б. 312
Яш-Айдар 344, 345

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив МИД — Архив Министерства иностранных дел
БОКМ — библиотека Омского краеведческого Музея
ВГБИЛ — Всесоюзная Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ГАОО — Государственный архив Омской области
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского географического общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ЗСО РГО — Западно-сибирский отдел Русского географического общества
ИВ АН СССР — Институт востоковедения АН СССР
ИРГО — Известия Русского географического общества
НБТГУ — Научная библиотека Томского Государственного университета
ПТКЛА — протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РГО — Русское географическое общество
РОПД — Рукописный отдел Пушкинского Дома
ССВ — Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах, Алма-Ата, 1961—1972
ЦГА КазССР — Центральный Государственный архив Казахской ССР
ЦГА УзбССР — Центральный Государственный архив Узбекской ССР
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва)
ЦГАВМФ — Центральный Государственный архив Военно-Морского флота
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив (Ленинград)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова в 5-ти томах

ГРАФИКА Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

В цветных вклейках

	т.	с.
1. Схематическая карта пикетных дорог Кокчетавского и Кушмурунского округов. Акварель. 1852 г.	1	32—33
2. План зимних стоянок аулов Кушмурунского округа. Акварель. 1852 г.	1	32—33
3. План крепости Кушмурун. Акварель. 1852 г.	1	32—33
4. Гора Сырымбет (топографический пейзаж). Акварель. 1852 г.	1	32—33
5. План летних стоянок аулов Кушмурунского округа. Акварель. 1852 г.	1	32—33
6. Схема пикетной дороги между Кушмуруном и Уйской крепостью. Акварель. 1852 г.	1	32—33
7. Акшомчи. Акварель. 1847 г.	1	32—33
8. Джатак. Акварель. 1847 г.	1	32—33
9. Схематическая карта горы Сырымбет и ее окрестностей. Перо. 1852 г.	1	32—33
10. Карта казахской степи XVIII в. Перо. 1850 г.	1	33
11. Верховный манап племени бугу Буранбай. Карандаш. 1856 г.	1	320
12. Султан Большой Орды Мамырхан Рустемов. Карандаш. 1856 г.	1	321
13. Портрет казаха. Карандаш. 1856 г.	2	64
14. Мальчик — сын манапа Алчи из рода Сарыбагыш. Карандаш. 1856 г.	2	64—65
15. Киргиз в ярком халате. Цветной карандаш. 1856 г.	2	64—65
16. Сартай — киргизский манап из рода сарыбагыш. Акварель. 1856 г.	2	65
17. Маршруты путешествий Ч. Валиханова.	3	256
18. Изображение трех будд на скалах Тамгалытас. Акварель. 1856 г.	3	257
19. Наскальные изображения Тамгалытас на берегу р. Или. Изображение будды Шакья-Муни. Акварель. 1856 г.	3	256—257
20. Одежда женщин Восточного Туркестана. Цветной карандаш. 1858 г.	3	257

В тексте томов

1. Усадьба Айганым в Сырымбете. 1853 г.	1	10
2. План усадьбы Айганым. 1853 г.	1	12
3. Встреча чиновника в ауле Сырымбет. Перо. 1854 г.	1	14
4. Вид на усадьбу с восточной стороны. Карандаш. 1853 г.	1	15
5. Часть усадьбы Айганым. Перо. 1853 г.	1	16
6. Схематическая карта Тургайской степи и Кушмурунского округа. Перо. 1852 г.	1	21
7. Схематическая карта осенних стоянок и зимовок казахов в районе горы Сырымбет. Перо. 1853 г.	1	25

8. После бала. Карикатурное изображение супругов и дежурных офицеров. Перо и тушь. 1855 г. 1—27
9. Дом генерал-губернатора в Омске. Акварель. 1847 г. 1—28
10. Групповой портрет братьев Чокана. Карандаш и тушь. 1855 г. 1—33
11. Работа Ч. Валиханова над расшифровкой древних надписей на различных восточных языках. (Автограф). 1—40
12. Легенда караханидских монет. Расшифровка Ч. Валиханова (Автограф). 1—43
13. Работа Ч. Валиханова над текстом ханских ярлыков. (Автограф). 1—110—111
14. У верстового столба. Перо. 1860 г. 1—176
15. Типы казахских надгробных сооружений. Перо. 1854 г. 1—193
16. Зодиакальный знак казахского народного календаря. 1—213
17. Работа Ч. Валиханова над восточными текстами (Автограф) 1—236—237
18. Казахи старшего жуза. Акварель. 1—274
19. Заметки Ч. Валиханова о казахской народной музыке. 1862 г. (Автограф). 1—282
20. Автопортрет Чокана Валиханова. Перо. 1856 г. 1—289
21. Каменные изваяния у гробницы Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Перо. 1856 г. 1—309
22. Профили каменных изваяний на р. Аягуз. Перо. 1856 г. 1—310
23. Панорама долины р. Или с видами гор Заилийского Алатау, Бугуты и Турайгыр. Перо. 1856 г. 1—314
24. Панорама долины рек Чарын и Мерке. Перо. 1856 г. 1—315
25. Раваш (Ревень). Карандаш. 1856 г. 1—316
26. Джейраны. Карандаш. 1856 г. 1—317
27. Козленок антилопы. Карандаш. 1856 г. 1—318
28. Ночлег русского отряда на р. Мерке. Карандаш. 1856 г. 1—319
29. Караван в ущелье реки Чарын. Перо. 1856 г. 1—320
30. Схематическая карта долины реки Каркара. Перо. 1856 г. 1—322
31. Горный гусь. Перо. 1856 г. 1—325
32. Бивак у подножья горы Тасма. Перо. 1856 г. 1—328
33. Киргизские кладбища на реке Тюп. Карандаш и тушь. 1856 г. 1—331
34. Рыбная ловля отряда на р. Тюп. Карандаш. 1856 г. 1—332
35. Уч аяч (женщины иссык-кульских киргизов). Карандаш. 1856 г. 1—338
36. Женщины иссык-кульских киргизов. Карандаш. 1856 г. 1—340
37. Каменные изваяния на северном побережье Иссык-Куля. Карандаш. 1856 г. 1—341
38. Стоянки отряда на р. Уч-Урукты. Карандаш. 1856 г. 1—344
39. Стоянка отряда на р. Тюп. походная палатка Ч. Валиханова. Карандаш. 1856 г. 1—345
40. Вершина Алатауских гор и Терской Алатау. Акварель. 1856 г. 1—348
41. Долина р. Или и оз. Иссык-Куль. Карандаш. 1856 г. 2—9
42. Пирамидальные тополя. Карандаш. 1856 г. 2—12
43. Географические названия районов Тарбагатая и Северного Тянь-Шаня. 2—23
44. Кабан. Карандаш. 1856 г. 2—32
45. Всадники и тренировка коней у киргизов. Карандаш. 1856 г. 2—50
46. Кочевка иссык-кульских киргизов. Карандаш. 1856 г. 2—60
47. Юрта с пикой и бунчуком, означающими траур. Перо. 1856 г. 2—75
48. Портрет казаха. Карандаш. 1856 г. 2—150
49. Потрет молодого казаха. Карандаш. 1856 г. 2—153
50. Тип казахского купца. Перо. 1856 г. 2—156
51. Калмыцкий зайсан. Карандаш. 1856 г. 2—160
52. Каменная мечеть (Семипалатинск). Перо. 1856 г. 2—169
53. Карта пути секунд-майора Зендерта 1771 г. в Джунгарию.

Перо. 2—176
54. Бивуак на берегу оз. Иссык-Куль. Карандаш. 1856 г. 2—184
55. Часть маршрута Ч. Ч. Валиханова из Верного в г. Кульджу. Перо. 1856 г. 2—188
56. Маршрут пути Ч. Ч. Валиханова через Алтын-Эмель до г. Кульджи. Перо. 1856 г. 2—200
57. Прием у китайского сановника в г. Кульдже. Карандаш. 1856 г. 2—202
58. Китайский гусь. Перо. 1856 г. 2—205
59. Часть городских ворот. Западный Китай. Перо. 1856 г. 2—208
60. Городские ворота в Западном Китае. Перо. 1856 г. 2—209
61. Курильщики опиума. Карандаш. 1856 г. 2—213
62. Условная карта Средней Азии. 2—218
63. Сом. Перо. 1856 г. 2—225
64. План г. Кульджи. Перо. 1856 г. 2—229
65. Лагерь около р. Или в Западном Китае. Перо. 1856 г. 2—239
66. Портрет Г. Н. Потанина. Карандаш. 1857 г. 2—310
67. Портрет неизвестного (Гасфорт?). Перо. 1858 г. 3—8
68. Схема верховьев р. Зауку. Перо. 1858 г. 3—15
69. Текст кашгарского дневника I. 1858 г. 3—22
70. Запись в кашгарском дневнике I у перевала Теректы-Даван (1858 г.) 3—25
71. План здания Ташрабат. Перо. 1859 г. 3—29
72. Перевалы Центрального Тянь-Шаня. Перо. 1858 г. 3—56
73. Притоки р. Или, берущие начало в Заилийском Алатау. Карандаш. 3—60
74. Схема Тянь-Шаньского Сырта. Перо. 1858 г. 3—63
75. Карта части Средней Азии и Восточного Туркестана, составленная в 1816 г. при Депо карт. 3—100
76. Схема Каратегина и Дарваза и дороги через них. Перо 1858 г. 3—102
77. Схематический план г. Кашгара. Перо. 1859 г. 3—117
78. Схематическая карта района г. Кашгара с некоторыми пограничными пунктами Западного края. Перо. 3—119
79. Подробный план г. Яркенда. Перо. 1859 г. 3—121
80. План г. Аксу с городскими воротами и ремесленными кварталами. Перо. 1858 г. 3—123
81. Дороги, сходящиеся в г. Аксу. Перо. 1856 г. 3—125
82. Головы неизвестных (возможно, спутники Ч. Ч. Валиханова по поездке в Кашгар). Перо. 1858 г. 3—134
83. Типы уйгуров Восточного Туркестана. Карандаш. 1859 г. 3—159
84. Кашгарка. Карандаш. 1859 г. 3—167
85. Головы уйгура и уйгурки. Карандаш. 1859 г. 3—168
86. Одежда уйгуров Восточного Туркестана. Перо. 1859 г. 3—169
87. Прически и головные уборы уйгурских женщин Восточного Туркестана. Перо и тушь. 1858 г. 3—170
88. Схематический план окрестностей г. Кашгара. Перо 1858 г. 3—230
89. Дороги от г. Яписара до г. Яркенда. Перо. 1859 г. 3—233
90. Схема расположения г. Яркенда и китайской крепости. Перо. 1859 г. 3—234
91. План города Яркенда с городскими воротами. Перо. 1859 г. 3—235
92. Схематическая карта пути из г. Яркенда в Кашгар через перевалы Каракорума (по схеме Генри Стрэчи 1847 г.). Перо. 1860 г. 3—236
93. Перевалы Северного Тянь-Шаня. Перо. 1858 г. 3—240
94. Карта и схема маршрута в г. Уш-Турфан. 3—243
95. Карта и схема маршрута от г. Кашгара до г. Оша. 3—247
96. Схема расположения городов Кокандского ханства. Перо. 1859 г. 3—248
97. Карта к маршруту от Кашгара до Ташкента. Перо. 1859 г. 3—258

98. Развалины древнего городища в долине реки Или. Перо. 3—332
99. Изображение мага с девятью змеями на скалах Тамгалытас. Акварель. 1856 г. 3—338
100. Наскальные рисунки в горах Чулактау. Перо. 1856 г. 3—339
101. Пикет в предгорьях Заилийского Алатау. Карандаш. 1856 г. 3—342
102. Карта Центральной Азии. Перо. 1860 г. 3—355
103. Генеалогические таблицы, составленные Ч. Валихановым по «Тарихи-Рашиди» (Автограф). 4—16
104. Схематическая карта Моголистана, составленная Ч. Валихановым по «Тарихи-Рашиди». Перо. 1860 г. 4—18
105. Работа Ч. Валиханова над текстом «Тарихи-Рашиди» (Автограф). 4—22
106. Схематическая карта западной части Моголистана, составленная Ч. Валихановым по «Тарихи-Рашиди». Перо. 1860 г. 4—25
107. Автограф заметки Ч. Валиханова о карте Японии. 4—30
108. Нагайка (қамшы): 1— петля (бұлдірге), 2— рукоять (саб), 3— ремень (алақан), 4— плетение (өрім). Перо. 1862 г. 4—35
109. Сойыл. Перо. 1862 г. 4—36
110. Ножи (селебе или жекауыз и бұйда пышақ). Перо. 1862 г. 4—36
111. Трехгранный наконечник копья. Перо. 1862 г. 4—37
112. Двухгранный наконечник стрелы. Четырехгранный наконечник стрелы. Перо. 1862 г. 4—37
113. Стрела с наконечником. Перо. 1862 г. 4—37
114. Старинный колчан с луком и стрелами. Перо. 1862 г. 4—38
115. Охотничий пояс (кісе): 1— сумка (кісе), 2— фляжка (құты), 3— патронташ (оқшантай), 4— ножны (қын). Перо. 1862 г. 4—39
116. Патронташ из сайгачьих рогов. Перо. 1862 г. 4—39
117. Казахские музыканты. Баксы — певец с кобызом. Карандаш и перо. 1862 г. 4—76
118. Наброски портретов неизвестных. Карандаш. 1860 г. 4—79
119. Портреты неизвестных. Перо. 1860 г. 4—89
120. Наброски портретов чиновников. Перо. 1860 г. 4—95
121. Портрет Тезека. Карандаш. 1865 г. 4—112
122. Портрет дяди Чокана Канходжи. Карандаш и тушь. 1862 г. 4—113
123. Воспроизведение формы и расшифровка караханидских монет. Перо. 4—118
124. Вензель Ходжи Ахмеда Ясави. 4—119
125. Автограф работы Ч. Валиханова над «Булгар на Волге». 4—121
126. Карта к работе «Булгар на Волге», составленная Ч. Валихановым. 4—123
127. Портрет ага-султана. Карандаш. 1864 г. 4—150
128. План и рисунок мавзолея Жубан-ана и Айтбулата. Перо. 1862 г. 4—159
129. Рисунок и часть интерьера мавзолея Айтбулата на реке Сарысу (XIII в.). Карандаш и тушь. 1862 г. 4—160
130. План и виды мавзолея Бутагай на реке Нура (XXII—XIV в.) Тушь. 1862 г. 4—161
131. Портрет неизвестного. Перо. 1860 г. 4—169
132. Рисунки членов неизвестной семьи. Перо. 1860 г. 4—170
133. [Генеалогические таблицы казахских ханов и султанов]
Таблица № 1 4—174
Таблица № 2 4—176
Таблица № 3 [Родословное древо Вали-хана] 4—177
134. Портрет неизвестного. Перо. 1860 г. 4—199
135. Портрет Е. П. Ковалевского. Перо. 1860 г. 4—201
136. Набросок портрета Г. Н. Потанина. Перо. 1864 г. 4—204

ГРАФИКА ДРУГИХ ХУДОЖНИКОВ

1. Вид города Омска (1850). Рис. Померанцева. 1—26

2. Мавзолей Чокана Валиханова. Рис. Г. Н. Потанина. 1—62
3. Оз. Джасылкуль (Иссык). Акварель художника П. Кошарова. 1—178
4. Казахи племени дулат рода каскарау проводники экспедиции П. П. Семенова (1857 г.) Рис. художника П. Кошарова. 1—182
5. Казашка Старшего жуза. Рис. художника П. Кошарова. 1—275
6. Семья Киргизского манапа Буранбая. Акварель художника П. Кошарова. 1—336
7. Истоки реки Курметы. Рис. художника П. Кошарова. 1—342
8. Западная оконечность озера Иссык-Куль. Рис. топографа М. Сироткина. 1—346
9. Водопад на реке Иссык. Рис. топографа М. Сироткина. 1—350
10. Укрепление Верное. Рис. художника П. Кошарова 1—351
11. Долина реки Или. Рис. художника П. Кошарова. 1—353
12. Городская площадь в Капале. Акварель художника П. Кошарова. 1—353
13. Султан Старшего жуза Тезек. Акварель художника П. Кошарова. 1—355
14. Коксуйское ущелье. Рис. топографа М. Сироткина. 1—356
15. Вид на вершины Тянь-Шаня с Буамского ущелья. Рис. топографа М. Сироткина. 1856 г. 2—16
16. Чуйская долина. Рис. топографа М. Сироткина. 1856 г. 2—21
17. Реконструкция карты пути секунд-майора Зендерта 1771 г. в Джунгарию. 2—177
18. Реконструкция схемы части маршрута Ч. Ч. Валиханова из Верного в г. Кульджу. 2—189
18. Реконструкция схемы маршрута пути Ч. Ч. Валиханова через Алтын-Эмель до г. Кульджи. 2—201
20. Реконструкция перевала Центрального Тянь-Шаня. 3—57
21. Реконструкция притоков р. Или, берущих начало в Заилийском Алатау. 3—61
22. Реконструкция схемы Тянь-Шаньского Сырта. 3—64
23. Реконструкция карты части Средней Азии и Восточного Туркестана, составленной в 1816 г. при Депо карт. 3—101
24. Реконструкция подробного плана г. Яркенда. 3—122
25. Реконструкция плана г. Аксу с городскими воротами и ремесленными кварталами. 3—123
26. Реконструкция плана окрестностей г. Кашгара. 3—231
27. Реконструкция чертежа перевалов Северного Тянь-Шаня. 3—241
28. Реконструкция схемы расположения городов Кокандского ханства. 3—249
29. Реконструкция карты к маршруту от Кашгара до Ташкента. 3—259
30. Реконструкция карты Центральной Азии. 3—356
31. Фляга Чингиса Валиханова с костяной инкрустацией. 5—49
Средней Азии по записке Бабура и Джахан-нюма Кятиба Челеби». 4—31
32. Оружие казахов Старшего жуза. Рис. художника П. Кошарова. 4—38
33. Дуана Большой орды. Рис. художника П. Кошарова. 4—83
34. Карта Семиречья. 1860 г. 4—86
35. Предметы обихода казахов Старшего жуза. Рис. художника П. Кошарова. 4—106
36. Камышовый плот на реке Чу (автор неизвестен). 4—263

ПОРТРЕТЫ, ФОТОСНИМКИ И ДОКУМЕНТЫ

1. Ч. Ч. Валиханов. 1—4
2. Чингис Валиханов. 1—18
3. Дом Чингиса Валиханова в Сырымбете, в котором жил Чокан. 1—22
4. Здание Омского кадетского корпуса, в котором учился

Ч. Валиханов. 1—31
5. Бывший генерал-губернаторский дворец в Омске, где служил Ч. Валиханов в 1853—1859 гг. 1—36
6. Здание бывшего Главного управления Западной Сибири, где служил Ч. Валиханов в 1862—1864 гг. 1—37
7. Музей Ч. Ч. Валиханова. Колхоз им. Чокана Кербулакского района Талды-Курганской области. 1—63
8. Обелиск на могиле Ч. Ч. Валиханова (1958 г.). 1—64
9. Памятник Ч. Ч. Валиханову (1979 г.) 1—64
10. Титульный лист первого издания Сочинений Ч. Ч. Валиханова. 1—67
11. Очерки Джунгарии (текст первого прижизненного издания). Записки Имп. Русского географического общества под редакцией А. Н. Бекетова. Кн. I, СПБ., 1861. 1—68
12. Миска, привезенная Чоканом из Кашгара (Кокчетавский областной музей). 1—80
13. Ваза, привезенная Чоканом из Кашгара (Кокчетавский областной музей). 1—88
14. Н. М. Ядринцев. 1—97
15. Надгробные сооружения Козы-Корпеш и Баян-Сулу на р. Аягуз. 1—162
16. Мавзолей Камыр-хана. 1—194
17. Мавзолей Алача-хана. 1—194
18. Гробница Домбаул. 1—196
19. Мавзолей Булган-ана. 1—196
20. Ч. Ч. Валиханов. 2—4
21. Ч. Ч. Валиханов. 3—4
22. Маршрут от Карамолы до Кашгара и обратно до Семипалатинска, составленный Мусабаем Тохтабай-оглы Касымовым. 3—250—252
23. Тюркский текст маршрута пути от Иссык-Куля до Кашгара Исмаила Габдулмажитова. 3—254—255
24. Маршрут от Кашгара до Ташкента, написанный на татарском языке Исмаилом Габдулмажитовым. 3—262—263
25. Конец записи маршрута И. Габдулмажитова. 3—264
26. Ч. Ч. Валиханов. 4—4
27. Памятник Ч. Ч. Валиханову в г. Алма-Ате. 5—4
28. Казахский текст письма Айганым к генералу В. И. де Сент-Лорану. 5—18
29. Письмо воспитанника войскового училища Чингиса Валиханова генералу де Сент-Лорану. 5—27
30. Школа, построенная Чингисом Валихановым в урочище Чон-Карагай. 5—34
31. Фляга Чингиса Валиханова с костяной инкрустацией 5—49
32. Диплом Чокана об окончании Сибирского кадетского корпуса. 5—54
33. Документ об участии Чокана в работе над составлением карт Малой Бухарии и озера Иссык-Куль. 5—69
34. Документ о причислении Чокана к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. 5—74—75
35. Заявление штабс-ротмистра Ч. Валиханова об установлении ему жалования по Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. 5—79
36. Черновик рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского и Е. И. Ламанского на избрание Чокана в действительные члены Русского географического общества. 5—103
37. Диплом об избрании Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества. 5—103
Ч. Ч. Валихановым. 5—104, 113
38. Монеты улуса Чагатая, Хивы и Кокапда, собранные
39. Автограф письма Чокана к Ф. М. Достоевскому от 5 декабря 1856 г. 5—134—135
40. Автограф письма Чокана к А. Н. Бекетову из Сырымбета от

2 января 1862 г. 5—148
41. Ф. М. Достоевский и Ч. Валиханов. Фотография. Семипалатинск. 1859 г. 5—179
42. Первое письмо Мусабая от 29 июля 1859 г. (Автограф). 5—185
43. Письмо А. Н. Майкова к Ч. Валиханову 10 февраля 1863 г. (Автограф). 5—205
44. А. Е. Врангель. 5—236
45. П. П. Семенов-Тян-Шанский. 5—241
46. Летний аул Чингиса Валиханова. Фотография Г. Буланже (60-е годы XIX в.). 5—262
47. Горы Сырымбет. 5—263
48. Портрет Мусы Чорманова (в центре). Фотография Кесслера. 5—265
49. Г. Е. Грум-Гржимайло. 5—295
50. Н. И. Наумов. 5—308
51. Г. Н. Потанин. 5—312
52. Кокуш Валиханов (брат Чокана). 5—318
53. Н. Г. Чернышевский. 5—390
54. Н. А. Добролюбов. 5—391
55. Приложение к газете «Сибирская жизнь» (1903, 22 июня со статьей Г. Н. Потанина «Чокан Чингисович Валиханов»). 5—397
56. Проект обелиска Чокану Валиханову (1880 г.). 5—445
57. Надпись на боковых полях мраморной плиты. 5—446

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5

Биографические материалы семьи Ч. Ч. Валиханова . . . 7
Дед Чокана Вали 8
Бабушка Чокана Айганым 13
Отец Чокана Чингис Валиханов 26

Материалы служебной биографии Ч. Ч. Валиханова . . 52
Служба в Западной Сибири 53
Служба в Ученом комитете Генерального штаба 61
Служба в Азиатском департаменте министерства иностранных дел . . 71
Формулярные списки Ч. Ч. Валиханова 92
Чокан в ауле 96

Материалы научной биографии Ч. Ч. Валиханова . . . 97
Работа в Омском архиве 98
В Русском Географическом обществе 101
Документы об участии Ч. Ч. Валиханова в подготовке материалов по судебным обычаям казахов 116

Переписка 131
Письма Ч. Ч. Валиханова 132
Письма к Ч. Ч. Валиханову 176
Ч. Ч. Валиханов в переписке современников 215
Письма родных Ч. Ч. Валиханова к Потаниным 227

Современники о Ч. Ч. Валиханове 233
Приложение 439
Комментарии 448

Указатели 498

Географический указатель 498
Этнический указатель 505
Именной указатель 508
Список сокращений 518
Список иллюстраций 519

ПОПРАВКА

На с. 109 в строке 19 снизу перед словом السلطان следует читать ضرب فى ايام دولة.

Ответственный за выпуск *Е. И. Токайская*
Редактор *С. У. Лилизо*
Художественный редактор *М. М. Кисамединов*
Художественное оформление *Л. И. Тетенко*
Технический редактор *Г. Ж. Жаманбаева*

ИБ 16

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В ПЯТИ ТОМАХ, ТОМ 5.
(на русском языке).

Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985.
480009, г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Сдано в набор 30.04.85. Подписано к печати 9.09.85 г. Высокая печать. Гарнитура обыкновенная новая. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 33+1 вклейка. Уч.-изд. 36,311. Тираж 15000 экз. Цена 2 р. 00 к. (в суперобложке). Заказ 1655.

Алма-Атинский полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.